

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ВОЕННЫЕ
МЕМУАРЫ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

ЕДИНСТВО
1942-1944

ЕДИНСТВО
1942-1944

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ШАРЛЬ де ГОЛЛЬ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

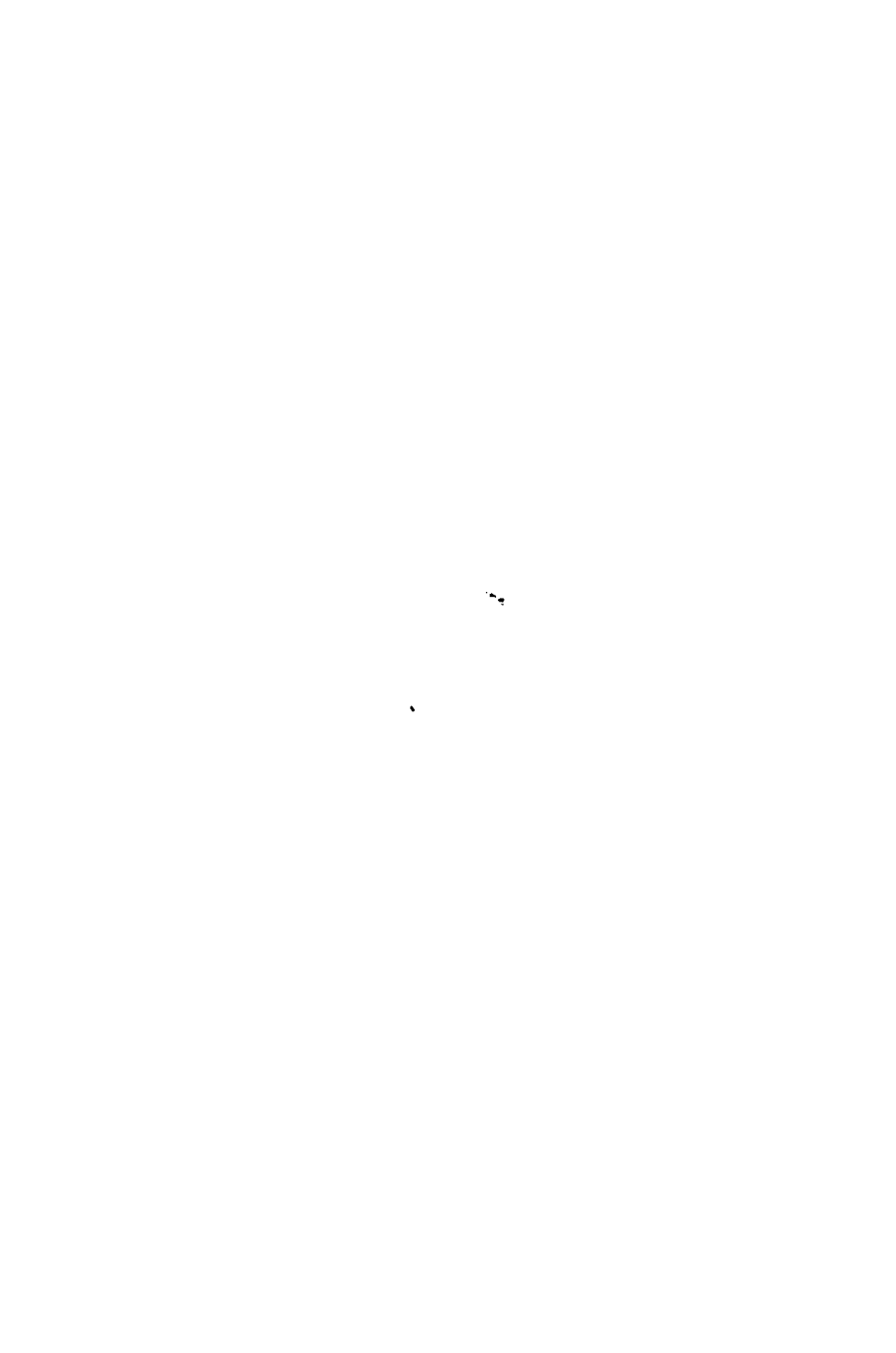
ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

ЕДИНСТВО

1942 — 1944

ЕДИНСТВО
1942 — 1944

ВОЕННЫЕ
МЕМУАРЫ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

**ЕДИНСТВО
1942 – 1944**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **act** • АСТРЕЛЬ МОСКВА 2003

УДК 94(100) «1939/45»
ББК 63.3(0)62
Г63

Настоящее издание представляет собой
перевод с французского

Перевод с французского
Вайсман Б.С., Жаркова Н.М.,
Немчинова Н.И., Осенева А.Б.

Подписано в печать 22.12.02
Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 42,8. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1159.
Общероссийский классификатор продукции ОК – 005 – 93, том 2;
953004 – научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

Голь Ш. де
Г63 Военные мемуары: Единство 1942–1944 / Шарль де Голь;
Пер. с фр. Вайсман Б.С., Жаркова Н.М., Немчинова Н.И.
и др. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство
Астрель», 2003. — 814[2] с.: 5 карт— (Военно-историческая
библиотека).

ISBN 5–17–016113-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5–271–05929-4 (ООО «Издательство Астрель»)

УДК 94(100) «1939/45»
ББК 63.3(0)62

ISBN 5–17–016113-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5–271–05929-4 (ООО «Издательство Астрель») © ООО «Издательство Астрель», 2003

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемый вниманию читателей второй том «Военных мемуаров» Шарля де Голля посвящен военным и политическим событиям 1942–1944.

Во втором томе мемуаров де Голль рисует политическую ситуацию в Европе и европейских колониях, цели дипломатии союзников по антигитлеровской коалиции, изменения военной ситуации и то влияние на политические отношения европейских стран, которое оказал «коренной перелом» в войне, а также роль, которую стали играть США в лагере союзников. Подробно описаны усилия Национального Совета Сопротивления и Сражающейся Франции для открытия Второго фронта, освобождения метрополии от оккупантов, организации будущей политической власти, создания новой администрации на местах и обретение Францией веса на международной арене и статуса великой державы.

Значительное место в книге отведено описанию и рассмотрению политических и дипломатических отношений Французского комитета национального освобождения с союзниками по антигитлеровской коалиции – СССР, США и Англией. Читатель найдет в книге обширный фактический и документальный материал, представляющий несомненный интерес для изучения политической истории Франции периода Второй мировой войны.

По мнению де Голля непоколебимым союзником США в этот период оставалась только Великобритания, передавшая США не только свое колониальное наследие, но и богатейший политический и дипломатический опыт. Генерал восхищался, как твердо и искусно англичане защищали свои интересы, их сплоченность поражала де Голля и вызывала у него чувство зависти и уважения, однако он подчеркивал, что в конечном итоге Великобритания всегда поддержит США.

Характеризуя франко-советские отношения тех лет, автор отмечал плодотворное сотрудничество Французского комитета национального освобождения с Советским правительством. Негативно де Голль оценивал политику СССР в отношении Польши и

других стран будущего союзя. Он рассматривал возможный политический союз с СССР как противовес гегемонии США в Европе и мощному военно-политическому союзу Великобритании и США. Де Голлю принадлежит авторство известной доктрины «Европы до Урала», согласно которой интересы континентальной Европы как единого геополитического пространства должны отстаиваться всеми странами региона на международной арене.

Де Голль вошел в историю не только как великий государственный деятель, поднявший Францию из глубокой политической и военной беспомощности и национального унижения, в своих мемуарах он писал: «Конец веры в себя, в свой народ – это конец независимости», он победил потому, что его вера в величие Франции была непоколебима, как и его патриотизм.

ИНТЕРМЕДИЯ

С наступлением третьей военной весны, судьба вынесла свой приговор. Ставки сделаны. Чаши весов заколебались. В США огромные ресурсы превратились в средства ведения войны. Россия воспрянула — об этом скажет миру Сталинград. Англии удалось восстановить свои позиции в Египте. Сражающаяся Франция наращивала силы и во Франции и за ее пределами. Соппротивление угнетенных народов, особенно поляков, югославов, греков, стало ощутимым фактором войны. В условиях, когда силы Германии на пределе, Италия деморализована, Венгрия, Румыния, Болгария и Турция прочно держатся позиции нейтралитета, на Тихом океане замедлено военное продвижение Японии и укреплена защита Китая, — в этих условиях все побуждает союзников перейти от пассивной обороны к удару. На Западе подготавливается военная операция широкого размаха.

Я вижу, как она назревает. Ощущая вокруг себя некоторую пустоту по сравнению с партнерами, не могущими пожаловаться на одиночество, — бедняк среди богачей, — я хотя и полон надежд, но одолеваем заботами: в самом деле, в центре планируемой операции, так или иначе, окажется Франция. Для нас речь идет не только об изгнании врага с французской территории, но и о будущем Франции как нации и как государства. Если она так и останется обессиленной, это будет означать конец ее веры в себя и тем самым конец ее независимости. Она сползет от «молчания моря»¹ к неизлечимому параличу, от рабства, навязанного врагом, к подчинению в отношении своих союзников. И, напротив, если она восстановит свое единство и займет место в общем строю — ничто не потеряно. И на этот раз будущее еще может быть спасено при условии, что к моменту, когда разыграется последнее действие драмы, Франция будет воюющей Францией, сплоченной вокруг единой власти.

---

¹ Имеется в виду обстановка в оккупированной Франции в том виде, как она описана в известной повести «Молчание моря» Веркора (Жана Брюллера), ставшей литературным манифестом непокоренной Франции. — *Прим. ред.*

Какой власти? Ясно, что речь может идти о режиме Виши. В глазах французского народа и всего мира Виши символизирует приятие катастрофы. Какими бы обстоятельствами ни объяснялись заблуждения этого режима, сама их глубина такова, что правительство Виши будет вынуждено упорствовать, хотя бы повинувшись демону отчаяния. Конечно, тот или иной из властителей Виши, отмежевавшись от него, может еще сыграть эпизодическую роль. Но трудно будет убедить кого бы то ни было, что это запоздалое раскаяние не продиктовано простым расчетом, уступкой обстоятельствам. Конечно, крупный военный деятель может, призвав армию к честному бою, увлечь профессиональных военных, которые в душе только и ждут такого призыва. Но подобная инициатива ничего не изменит в самом народе, поскольку состояние умов уже определилось. Нет также ни малейших шансов, что в условиях национального бедствия народные массы обратят свои чаяния, свою веру к тому политическому режиму, который недавно был сметен катастрофой. Лучше всего это понимают как раз те самые люди, которые были наиболее характерными представителями этого режима. Кое-кто из них примыкает к вишистам, многие присоединяются к де Голлю; есть и такие, которые еще не решились на выбор, однако ни одному из них не приходит в голову встать у штурвала на корабле прошлого.

Но существует коммунистическая партия. С тех пор как Гитлер вторгся в Россию, коммунистическая партия выступает как поборник войны. Эта партия, не считаясь с жертвами, принимает участие в движении Сопротивления, напоминает о бедах, переживаемых Францией, и о народном горе, стараясь слить национальное восстание и социальную революцию в единую освободительную силу, и претендует на ореол спасителя общества. Располагая организацией, которую не сдерживают никакие сомнения и не останавливают никакие разногласия, великолепно умеющая растворить другие силы и пользоваться всеми лексиконами, эта партия хотела бы казаться силой, способной обеспечить какой-то порядок в тот день, когда волна анархии может разлиться по стране. А кроме того, разве эта партия не сможет предложить Франции, униженной Франции, активную помощь России, самой мощной державы в Европе? Таким образом, коммунистическая партия рассчитывает, что крушение режима Виши предоставит ей случай установить у нас диктатуру. Это так! Но этот расчет окажется напрасным, если государство будет воссоздано по-другому, если французы отдадут свои симпатии национальному правительству, если его глава, в озарении победы, вдруг появится в Париже.

Вот моя задача! Перегруппировать французские силы в войне. Избавить Францию от опасностей коммунистического переворота; сделать так, чтобы ее судьба вновь зависела от нее самой. Вечера достаточно было действий кучки французов на полях брани, чтобы встретить события во всеоружии. Завтра все будет предрешать вопрос о такой центральной власти, за которой пошла бы и которую приветствовала бы страна. Для меня в этой фазе речь будет идти уже не о том, чтобы бросить в огонь борьбы те или иные силы, не о том, чтобы воссоединить тут и там отдельные клочки территории, не о том, чтобы складывать гимны в честь величия французской нации. Мне нужно будет сплотить весь французский народ, каков он есть. Противостоя врагу, наперекор союзникам, несмотря на ужасные внутренние раздоры, мне придется воссоздать единство растерзанной Франции.

Вполне понятно мое настойчивое желание сорвать завесу тайны, за которой американцы и англичане скрывали свои намерения в период интермедии. В действительности инициатива в решениях принадлежала Соединенным Штатам, поскольку отныне на их долю выпали главные усилия. В Вашингтоне президент, министры, руководящие деятели отныне чувствовали себя главами коалиции. Об этом достаточно ясно свидетельствовал их тон и их манера держать себя. В Великобританию прибывали передовые части американской армии, авиации, военного флота и устраивались на английских базах и военных лагерях. Улицы, магазины, кинотеатры, кабачки Лондона кишели янки в военной форме, этакими добродушно-бесцеремонными парнями. Главнокомандующий американскими войсками генерал Эйзенхауэр¹, генерал Кларк², адмирал

---

¹ *Эйзенхауэр Дуайт Дейвид* (1890—1969), 34-й президент США в 1953—1961, от Республиканской партии, американский военачальник, генерал армии (1944). С декабря 1943 Верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Европе. В 1945 командовал оккупационными силами США в Германии. В 1950—1952 Верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО. — *Прим. ред.*

² *Кларк Марк Уэйн* (1896—1984), американский генерал (1945). Окончил Военную академию (1917), участвовал в Первой мировой войне, служил в американском Генштабе. С июля 1942 командовал американскими войсками в Европе, успешно выполнил секретную миссию по установлению контактов с французским командованием в Северной Африке накануне высадки союзников, 22 ноября 1942 подписал соглашение с французским адмиралом. С января 1943 по декабрь 1944 командовал 5-й американской армией в Северной Африке и Италии, с декабря 1944 до конца войны — 15-й группой армий в Италии. В 1945—1947 командующий американскими войсками в Австрии. В 1952—1953 командовал войсками ООН в Корее во время американской агрессии. — *Прим. ред.*

Старк¹, генерал Спаатс², соответственно командовавшие сухопутными, морскими и воздушными силами США в Европе, щеголяли новеньким с иголочки оснащением своих штабов на фоне традиционной машины английского военного министерства, морского министерства, королевских военно-воздушных сил. Англичане, несмотря на все свое самообладание, не могли скрыть некоторой грусти, которую порождало сознание, что они уже не хозяева в собственном доме и что они лишились той первой роли, которую в течение минувших двух лет играли — и достойно играли! — в нынешней войне.

Не скрою, что, наблюдая, как англичане идут на буксире у пришельцев, я испытывал некоторое беспокойство. Справедливость требует отметить, что как в общественной среде, так и в руководящих кругах можно было наблюдать немало людей, которые не без труда приспособлялись к этому в общем зависимому положению. Так было, например, в Форин офис. Но поставки по ленд-лизу своим сокрушительным весом сдерживали эти порывы независимости. Сам Черчилль, будь то по тактическим или эмоциональным мотивам, решил отныне быть лишь «лейтенантом Рузвельта». Учитывая, что Франция не могла играть свою традиционную роль вдохновителя Старого света, это самоустранение Англии, которая, несмотря на свое островное положение, была тесно связана с европейским материком, не сулило ничего доброго в будущем, когда в конце концов будут решаться европейские дела.

---

¹ *Старк Гарольд* (1880–1972), американский адмирал, участник Первой мировой войны, координировал действия англо-американских военно-морских сил в Лондоне, в августе 1939 выступал в Конгрессе за модернизацию военного флота США и военно-морских баз на Тихом океане; указывал на возможность нападения Японии на Перл-Харбор, к концу 1941 принял точку зрения президента Франклина Рузвельта, что первое нападение на США произойдет на Дальнем Востоке, и был назначен личным представителем президента в Лондоне; осуществлял связи с движением де Голля, в 1946 вышел в отставку. — *Прим. ред.*

² *Спаатс Карл Эндрю* (1891–1974), американский генерал, участник Первой и Второй мировых войн, в июле 1941 командующий военно-воздушной армией США в Европе, в ноябре 1941 реорганизовал Союзнические воздушные силы в северной Африке, в феврале 1943 командующий Воздушными силами союзников в Северо-Западной Африке, участник военных компаний в Северной Африке и Сицилии, в январе 1944 командующий стратегическими воздушными силами в Европе, в июле 1945 командующий стратегическими воздушными силами в Тихом океане, командовал атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. — *Прим. ред.*

В тот момент американцы еще колебались в выборе своей стратегии. Две различные концепции владели умами Рузвельта и его советников. Подчас, уступая напору национального динамизма, который продолжался великолепными усилиями в области вооружения и организации, Вашингтон лелеял замыслы скорой высадки. Тем более что русские, на чью долю выпали адские испытания под напором немецких армий, громко требовали открытия «второго фронта». Настойчивость русских производила впечатление на англичан и американцев, которые втайне беспокоились, считая возможным внезапный поворот Москвы. Каковы бы ни были секретные планы американских руководителей, мы все же знали, что они готовят операцию, имеющую целью создать во Франции к концу года предмостное укрепление.

Но Америка, лелея смелые планы, одновременно прислушивалась к голосу осторожности. Рассматривался также план высадки в Северной Африке, с тем чтобы решительные удары на территории европейского материка были отложены на более поздний срок. Ведь американским войскам предстояло втянуться в военные действия по ту сторону Атлантики, и руководители США действительно испытывали большие опасения. Впервые в истории американцам предстояло возглавить крупные военные операции. Даже в годы первого мирового военного столкновения более или менее значительные американские войска появились на полях сражений лишь в последних операциях. Да и то в качестве подсобных сил и, так сказать, в порядке подчинения другим. Правда, начиная с 1939, США твердо решили, что они должны создавать военную мощь. Но если американский флот, в то время уже сильнейший в мире, без труда мог принять на вооружение любое количество судов и самолетов, которые ему будут предоставлены, то с сухопутными и военно-воздушными силами дело обстояло иначе: они только-только вышли из зачаточного состояния, и требовался известный срок, чтобы они могли приспособиться к операциям столь колоссального размаха. Вот почему, хотя в военных лагерях формировались в серийном порядке по настоянию генерала Маршалла многочисленные дивизии, в Пентагоне — только что организованном — со страхом раздумывали, как поведут себя лицом к лицу с вермахтом наспех организованные дивизии, располагавшие кое-как подготовленными кадрами и весьма разномастными по своему составу штабами. Накануне выступ-

ления проявилась склонность действовать лишь постепенно и последовательными этапами.

Тем более что и англичане со своей стороны не были расположены торопить события. Вынужденные отказаться от роли «лидеров», они желали, чтобы победа — если уж она в основном будет не их победой — по крайней мере не обошлась слишком дорого. Отодвигая сроки решающих битв, можно выиграть время, пока будут накапливаться американские армии, и сберечь английские силы. Кроме того, Лондон, видя, как растут американские вооружения, рассчитывал, что материальное превосходство, которым уже располагали союзники, станет ощутимым в 1943 и подавляющим в 1944. Кроме того, зачем излишне рисковать и, быть может, идти на новый Дюнкерк, в то время как на русском фронте с каждым днем все больше и больше изматываются силы врага? К тому же бомбардировка немецких городов английской авиацией и воздушными эскадрами США начинали серьезно мешать промышленности гитлеровской Германии, между тем как немецкая авиация весьма редко нападала на Англию. И, наконец, в действие вступили американские грузовые и конвойные суда, что решало вопрос о транспорте. К этому нужно добавить, что политика Лондона в данных условиях была нацелена на Средиземноморье, где Англия защищала уже завоеванные позиции как в Египте и вообще в арабских странах, так и на Кипре, на Мальте, в Гибралтаре; предполагалось овладеть новыми позициями в Ливии, Сирии, Греции, Югославии. Вот почему Великобритания старалась направить англо-американское наступление в сторону этого военного театра. Но в отношении Сражающейся Франции поведение правительства Вашингтона определялось тем, где произойдет высадка — во Франции или же в Марокко, Алжире, Тунисе. В первом случае помощь французского Сопротивления развертывающимся битвам понадобится сразу же. А ведь было известно — на сей счет сомневались только для вида, — что генерал де Голль сумеет предпринять определенные действия. Значит, обойти его нельзя. Но во втором варианте дело свелось бы к тому плану, который государственный департамент вынашивал с 1940: утвердиться в Северной Африке, добившись содействия местных властей и удерживая де Голля вне сферы операции. Нам предстояло убедиться, что наши американские союзники применят в отношении нас оба варианта поочередно.

К концу мая 1942 они склонялись к сближению с нами. 21 мая Джон Вайнант¹, их достойный посол в Лондоне, официально консультировался со мной о перспективах наступательных операций по ту сторону Ла-Манша, о той роли, которую мы непосредственно могли бы играть в этих операциях, и о тех взаимоотношениях, которые в связи с этим установились бы между Французским национальным комитетом и союзными правительствами. 1 июня по просьбе посла состоялась наша вторая встреча. На этот раз — в присутствии Идена, поскольку англичане считали для себя желательным участвовать в этих беседах. 29 июня Иден говорил со мной с глазу на глаз по вопросу о признании и в качестве посредника предложил моему вниманию формулу, выдвинутую правительством Вашингтона. На следующий день у меня состоялась новая беседа с Вайнантом, на которую я пригласил Плевена. Одновременно Черчилль, находившийся в Вашингтоне для консультации по стратегическим вопросам, стремился склонить президента хоть к какой-нибудь договоренности со мной.

Все это привело к тому, что 9 июля государственный департамент обратился ко мне с меморандумом, формулировки которого были заранее согласованы со мной. В этом документе, преамбула которого гласила, что «генерал де Голль с удовлетворением ознакомился с этим меморандумом», заявлялось, что «правительство США и Французский национальный комитет уже осуществляют тесное сотрудничество в определенных областях...; далее, что для того, чтобы сделать это сотрудничество более эффективным, правительство США назначило адмирала Старка в качестве своего представителя для консультации с Французским национальным комитетом по всем вопросам, касающимся ведения войны...; что правительство Соединенных Штатов признает вклад генерала де Голля и усилия Французского национального комитета в деле поддержания духа французских традиций и институтов...; что для

---

¹ *Вайнант Джон Гилберт* (1889–1947), государственный деятель США, участник Первой мировой войны, в 1920 избран в Государственный сенат, в сентябре 1930 избран губернатором Нью-Хэмпшира от партии Республиканцев, во время Великой депрессии 1929 осуществлял ряд мер, направленных на социальную защиту неимущих, выдвинут для реорганизации государственного банковского дела, в 1935 назначен помощником директора Международной организации труда (МОТ) в Женеве, в 1940 посол в Лондоне вместо Джозефа Кеннеди, чья пронацистская позиция перестала удовлетворять Британское правительство, участвовал в подготовке конференции в Москве в 1943, член комиссии, определившей оккупационные зоны в послевоенной Германии, в марте 1946 представитель США в ООН. — *Прим. ред.*

наилучшего осуществления наших общих целей следует оказывать всяческую военную помощь и поддержку Французскому национальному комитету, являющемуся символом французского Сопротивления державам оси».

Четыре дня спустя англичане опубликовали декларацию, в которой заявляли о расширении основ англо-французских отношений. Соглашаясь с тем, что отныне «движение свободных французов должно именоваться «Сражающаяся Франция», английское правительство признавало 13 июля, что Сражающаяся Франция представляет собой «Союз французских граждан, где бы они ни находились, и французских территорий, которые объединяются вместе, чтобы сотрудничать с европейскими нациями в войне против общих врагов...», и что «Французский национальный комитет представляет интересы этих французов и этих территорий перед правительством Соединенного Королевства». Слова эти могли иметь только тот смысл, что английская декларация содержала, по крайней мере с английской стороны, гарантию, что мне не будут чинить препятствий в осуществлении власти в тех частях Франции и ее заморских владений, которые возобновят борьбу.

Последовали еще и другие выступления и демарши, свидетельствующие о том, что отношение союзников к нам стало более благоприятным: 14 июля, когда я делал смотр французским военным частям в Лондоне, я мог констатировать, что на параде присутствовали генерал Эйзенхауэр и адмирал Старк. В тот же день Иден, обращаясь по радио к французскому народу с пожеланиями по случаю его национального праздника, заявлял: «Я говорю с вами не просто как с друзьями, а как с союзниками... Благодаря решению генерала де Голля Франция никогда не покидала поля битвы... Англия с надеждой и восхищением следила за тем, как растет сопротивление французского народа... Для нас восстановление Франции, ее величия и независимости не только многообещающая надежда, но также и необходимость, ибо без этого тщетно было бы пытаться перестроить Европу». 23 июля генерал Маршалл и адмирал Кинг, вновь посетивший Лондон, на этот раз пожелали встретиться со мной. Встреча состоялась при участии Арнольда¹, Эйзенхауэра и Старка. Во время нашей беседы я озна-

---

¹ *Арнольд Генри Харли* (1886–1950), американский генерал, в 1911 авианструктор, в 1912 инструктор в авиашколе в Сан-Диего (Калифорния), в 1917 служил в зоне Панамского канала, в 1919–1924 служил в различных Тихоокеанских государствах, в 1942–1945 начальник штаба ВВС армии США, в марте 1946 уволился в запас. — *Прим. ред.*

комил американских руководителей с нашей точкой зрения на открытие второго фронта, указав, какой вклад могла бы внести Франция как внутри, так и за пределами страны. Наконец, я сказал о тех условиях, с которыми должны согласиться союзники, чтобы между нами могло установиться полезное сотрудничество.

Я, естественно, был за прямые наступательные операции в Европе, предпринятые из Великобритании. Никакая иная операция не могла решить дело. К тому же для Франции лучшим вариантом явится тот, который поможет положить конец испытаниям оккупации и ускорит национальное объединение, иными словами, перенести битву на территорию метрополии. Конечно, Виши продолжало бы признавать власть немцев. Но вишисты при этом потеряли бы остатки доверия. Конечно, захватчик оккупировал бы свободную зону, но зато положение стало бы недвусмысленно ясным и африканская армия, а возможно, и флот, возобновили бы борьбу, тогда как в самой Франции многие перешли бы на сторону Сопrotивления. Возникла бы возможность объединить в единую центральную власть различные французские учреждения, воспрепятствовать перевороту внутри страны и обеспечить за ее пределами авторитетное представительство французских интересов. Все это, конечно, при условии, что силы союзников не будут сброшены в море.

При обмене мнениями с Черчиллем, Иденом, Вайнантом, Маршаллом и другими я примерно подсчитал, какие силы, по моему мнению, необходимы для осуществления высадки. «Немцы, — заявлял я в устной и в письменной форме, — располагают во Франции, согласно данным нашей сети, примерно 25, 26 или 27 дивизиями — число это меняется в различные периоды. Еще примерно 15 дивизий они могут набрать в Германии. Таким образом, к началу операции союзникам придется иметь дело примерно с 40 дивизиями противника. Учитывая неопытность большей части английской и американской армии и преимущества врага, который имеет возможность укрепить занимаемую им территорию, необходимо иметь для начала по меньшей мере 50 дивизий, в том числе 6 или 7 танковых. Кроме того, необходимо обеспечить подавляющее превосходство в воздухе. Если наступление развернется в течение нынешней осени, немцы, чьи главные силы будут тогда втянуты в борьбу на русском фронте, смогут лишь с большим трудом перебросить оттуда некоторые части. Сверх того, взаимодействие союзной авиации и французского Сопrotивления на вражески коммуникациях, согласно «плану Грюн», выработанному

Сражающейся Францией, будет серьезно затруднять переброску немецких резервов и снаряжения на французской территории.

Я заявил союзным руководителям, что мы, свободные французы, можем выставить в качестве авангарда одну дивизию, переброшенную с Востока, одну сводную бригаду из Экваториальной Африки, команды десантников и парашютистов, четыре авиагруппы, все военные и грузовые суда, находящиеся в нашем распоряжении. Я лично уже в начале июля дал указания держать наготове все эти силы на случай возможной их переброски. Кроме того, я предвидел, что когда будет создано предмостное укрепление во Франции, наши силы могут быть пополнены там за счет ресурсов небольшого клочка освобожденной территории. Я считал вероятным, что 8 дивизий и 15 авиагрупп, которые предстоит сформировать в Северной и Западной Африке, а также немалое число судов, пребывающих в вынужденном бездействии в Тулоне, Александрии, Бизерте, Касабланке, Дакаре, Фор-де-Франсе, смогут и захотят после нескольких недель, необходимых для восстановления их боеспособности, принять участие во второй высадке, которая должна быть осуществлена на французском побережье Средиземного моря и в Италии. Наконец, по мере продвижения союзников по французской территории будет сформирован третий эшелон французских войск, ядро которого составят части тайной армии. 21 июля я обратился к Черчиллю и генералу Маршаллу с нотой, доведенной до сведения Москвы, относительно военного вклада, который Франция способна будет внести на последующих этапах борьбы, и уточнил, какое количество оружия и военного снаряжения я прошу у союзника.

Между тем вскоре стало ясно, что англичане и американцы в нынешнем году не рискнут осуществить высадку во Франции. Они нацелились на Северную Африку, исключив, однако, наше участие в этих операциях. Множество бесспорных фактов убеждало нас в том, что американцы не желают предоставить «Свободной Франции» возможность заняться Марокко, Алжиром, Тунисом. Между тем мы вплоть до весны 1941 сохраняли там секретные связи, но с тех пор были полностью лишены непосредственного общения с этими территориями. Ни разу нашим эмиссарам не удалось попасть туда. Ни разу до нас не дошли послания оттуда, адресованные нам, в частности, полковником Брейаком в Тунисе, Люизн в Алжире, полковником Лелоном и Франком Brentano в Марокко. Было ясно, что это делается по прямому предписанию Вашингтона. Но мы кружным путем получили све-

дения относительно действий, которые предприняли Соединенные Штаты как в Африке, так и в Виши, в надежде обеспечить себе определенное содействие.

Нам было известно, что Роберт Мэрфи¹, генеральный консул в Алжире, был вдохновителем «специальной» деятельности, которую вело во Франции американское посольство, консульство и секретные службы. Мэрфи, человек способный и решительный, в течение долгого времени вращавшийся в светских кругах и, по-видимому, склонный верить, что Франция — это те самые люди, с которыми он встречается в салонах, организовал в Северной Африке заговор с целью помочь операциям по высадке. Он попытался также вызвать в самом Виши дворцовый переворот. В этой связи Мэрфи сначала оказал поддержку генералу де Лалоранси, который по возвращении из Парижа рассчитывал взять Сопротивление под свою эгиду, чтобы оказать нажим на Петена и вступить в правительство. «А де Голль?» — спрашивали его. «Ну что ж, мы его амнистируем». Одновременно Мэрфи подговаривал некоторых офицеров из окружения Вейгана вовлечь последнего в своего рода пронунциаменто с целью занять место Лавала. Но поскольку Лалоранси не имел сторонников, а Вейган отказывался восстать против Петена, Мэрфи вошел в контакт с генералом Жиро², бежавшим из плена и жаждавшим вновь начать борьбу. Мэрфи полагал, что Жиро способен повести за собой африканскую армию, для чего ему достаточно лишь предстать перед ней собственной персоной.

Со своей стороны я старался завязать сношения с генералом Жиро. Еще в мае 1942 во время одной пресс-конференции я ото-

---

¹ *Мэрфи Роберт Дэниел* (1894—1978), американский дипломат, посол США в Бельгии в 1949—1952, посол США в Японии в 1952, в дальнейшем — на руководящих должностях в государственном департаменте США. — *Прим. ред.*

² *Жиро Анри Оноре* (1879—1949), французский политический и военный деятель, генерал, участник Первой мировой войны, в 1922—1926 участвовал в подавлении восстания в Марокко, участник Второй мировой войны, в мае 1940 попал в плен к немцам, в апреле 1942 бежал, установил связь с маршалом Петеном и правительством в Виши. В ноябре 1942 назначен командующим французскими войсками в Северной Африке, в декабре 1942 — главой французской военной и гражданской администрации в Северной Африке, в июне — ноябре 1943 сопредседатель (совместно с де Голлем) Французского комитета национального освобождения (ФКНО); в связи с разногласиями с де Голлем и обвинением в тайных контактах с правительством «Виши» освобожден с этого поста, а в апреле 1944 и с поста командующего вооруженными силами ФКНО (был им с ноября 1943). В 1948 был назначен вице-председателем Высшего совета обороны Франции. — *Прим. ред.*

звался о нем наилучшим образом. В июне и в июле некоторые мои корреспонденты неоднократно виделись с ним и выражали надежду, что мы сможем объединиться. Этот крупный военный деятель, весьма мною уважаемый, командуя в 1940 7-й армией, не сумел тогда добиться успеха. Поставленный во главе 9-й армии, находившейся в состоянии полного расстройтва, он был разгромлен противником и взят в плен, прежде чем успел что-либо сделать. Тем не менее мы полагали, что, получив возможность действовать при других обстоятельствах, он сможет взять реванш за свои неудачи. И вот такой случай представился в связи с его великолепным побегом из немецкой крепости. Его переход на сторону Сопrotивления должен был стать, на мой взгляд, немаловажным событием. Так как я придавал большое значение возрождению Северной Африки в качестве силы, участвующей в войне, я думал, что Жиро сможет сыграть большую роль в привлечении этой силы, и был готов помочь ему в этом в меру моих возможностей, лишь бы он сделал это без всяких оглядок на Виши или на заграницу. После чего он совершенно закономерно возглавил бы в предстоявшей битве за освобождение воссоединенную французскую армию. Я поручил сообщить ему об открывающихся перед ним перспективах. Я надеялся, что он даст мне тот или иной ответ и секретным образом обратится к нам, чтобы воздать должное тем, кто в течение двух лет не склонял знамени перед врагом. Но ничего подобного не произошло. Все мои лестные предложения генералу Жиро были встречены полным молчанием. Но так как он был столь же многословен в своем окружении, сколь сдержан в отношении меня, я не преминул вскоре узнать, каковы его действительные настроения.

Никаких иных проблем, кроме военных, для него не существовало. Стоит только, полагал он, вновь появиться на поле битвы более или менее внушительным французским войскам, и все прочие вопросы отпадут как несущественные. Вся моральная и политическая сторона нашей национальной драмы представлялась ему делом второстепенным. Он полагал, что, взяв в свои руки командование количественно преобладающей силой, он уже благодаря одному этому фактически получит власть. Он не сомневался в том, что его военный чин и его авторитет обеспечат ему покорность всех, кто уже мобилизован и кто может быть мобилизован, а также почтительное сотрудничество союзных штабов. С того момента, как он, Жиро, возглавил армию, а тем самым и страну, он будет обращаться с маршалом как с почтеннейшим старцем, которого при случае можно будет освободить, но который в праве

претендовать только на монумент. Что касается генерала де Голля, то ему останется лишь одно — перейти в подчинение вышестоящему. Тем самым национальное единство будет восстановлено на базе его отождествления с военной иерархией.

Воззрения, которых придерживался генерал Жиро, не могли не беспокоить меня. Дело не только в том, что он несколько упрощенно представлял себе взаимодействие двух этих сфер — военной и политической, — и не только в том, что его концепция явно порождалась иллюзиями насчет законного авторитета, который генерал приписывал своей персоне; я видел тут прежде всего источник возможных раздоров внутри страны и посягательств извне. Ибо в своей массе французское Сопrotивление, конечно, не приняло бы власти, основанной единственно на карьере воина, как бы она ни была блестяща. С другой стороны, Петен наверняка осудил бы его. Наконец, союзники, несомненно, использовали бы неизбежную зависимость этого правительства, лишенного почвы, во зло Франции.

Правда, генерал Жиро считал, что он может предоставить в распоряжение коалиции капитальное преимущество. Донесения, прибывшие в Лондон, говорили о том, что у Жиро есть свой оригинальный план. По его мнению, предмостное укрепление уже существовало реально. Таковым якобы являлась так называемая свободная зона. Пусть только англичане и американцы высадятся там в условленный день — сам Жиро брался обеспечить прикрытие англо-американской высадки с помощью армии перемирия. Ее должен был возглавить все тот же Жиро, а роль подкрепления должны были сыграть кадры движения Сопrotивления. Но проект этот, с моей точки зрения, не имел шансов на успех. Если еще можно было представить себе, что отдельные части «свободной зоны» кое-где пойдут за Жиро вопреки приказам и проклятиям, которыми разразится маршал, было более чем сомнительно, что при крайней бедности их вооружения эти рассеянные островки смогут устоять против натиска вермахта и ударов немецкой авиации. Помимо всего, союзники вряд ли одобряют план, который и для них тоже был сопряжен с величайшим риском. Успех этой высадки и последующих операций предполагал привлечение авиации и флота в весьма внушительных масштабах — значит, нужно было использовать многочисленные и расположенные далеко друг от друга пункты на суше и порты побережья. Между тем, если бы союзники высадились на юге, не утвердившись предварительно в Северной Африке, у них в качестве баз оказались бы лишь Гибралтар и Мальта, незна-

чительные по территории, лишённые ресурсов и оторванные от мира. И, наконец, как повел бы себя в этом случае флот в Тулоне? Ясно, что в исходный момент он выполнял бы приказы только Петена и Дарлана и ничьи больше. А ведь стоило бы этому флоту оказать в той или иной мере сопротивление союзникам, и все предприятие становилось еще более проблематичным.

В конце июля я ясно почувствовал, что произойдет. Хотя от нас всячески скрывали все планы действия, мне представлялось весьма вероятным, что американцы в нынешнем году не пойдут дальше захвата Северной Африки, что англичане охотно с этим смирятся, что оба союзника используют генерала Жиро, что меня будут держать в стороне от дела и что, таким образом, эти первые подготовительные этапы освобождения, даже если им будет сопутствовать удача, вызовут для нас, французов, немалые внутренние осложнения, а это значит, что национальное единство натолкнется на новые препятствия.

В этих условиях я считал, что, поскольку другие партнеры заботятся лишь о своей игре, мой долг играть только в интересах Франции. Я считал, что прежде всего нужно укрепить единство Сражающейся Франции, дабы при любых перипетиях она могла быть прочной основой всеобщего согласия. Я знал, что такая концентрация сил требует жесткой и непоколебимой линии поведения, и сознательно шел на это. С этой целью я, используя период интермедии, решил вновь объехать территорию Ближнего Востока и Свободной Французской Африки, а также и наши войска, занятые на Востоке и в районе Чада. Еще в мае союзники решительно воспротивились этому и позже отговаривали меня от этой поездки, ссылаясь на близкое открытие второго фронта. Но на этот раз они не стали мешать моему путешествию, что, впрочем, позволяло заключить, что готовится операция, к которой я не буду причастен. С другой стороны, заботясь об укреплении наших внутренних связей в остающейся части заморских владений и в остающихся частях армии, я в то же время старался ускорить процесс объединения всех сил Сопротивления во Франции. Как раз в это время оттуда прибыл Андре Филип¹, и я назначил его

---

¹ Филип Андре (1902–1970), юрист, социал-демократ, участник движения Сопротивления, руководитель организации «Освобождение — Юг», присоединился к генералу де Голлю в Лондоне, в 1942–1944 национальный комиссар во внутренних частях в Лондоне и в Алжире, председатель конституционной комиссии в Учредительном собрании, министр финансов и народного хозяйства в правительстве IV республики, в 1962 выходит в отставку. — Прим. ред.

27 июля национальным комиссаром по внутренним делам, поручив ему поддержать всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами — как материальным оснащением и кадрами, так и пропагандистскими выступлениями — миссию, возложенную на Жана Мулена. Одновременно я возложил руководство комиссариатом информации на Жака Сустеля. Я вызвал в Лондон руководителей групп «Комбат», «Либерасьон» и «Фран-тирер» — Френэ, д'Астье, Жана-Пьера Леви — с целью добиться объединения их действий. Нужно было также ускорить слияние военизированных элементов, в связи с чем я остановился на кандидатуре генерала Делестрэна в качестве руководителя будущей тайной армии. Наконец, желая придать больший вес нашей организации, я предложил примкнуть к нам ряду видных деятелей — Вьено, Массигли¹, генералу д'Астье де ла Вижери, генералу Коше и другим. На долю Пасси выпало наладить связь и сообщение между Францией и Англией, так чтобы я мог по возвращении из Африки и с Востока точно определить функции каждого.

Я выехал 5 августа, предварительно встретившись с Черчиллем и Иденом; их несколько смущенные речи подтвердили, что я не заблуждался: они, несомненно, предполагали поддержать план, прямо противоречивший той договоренности, которая связывала нас с июня 1940. Моим спутником в самолете, направлявшемся в Каир, оказался Аверелл Гарриман², назначенный Рузвельтом послом в Москву; этот дипломат, обычно от-

---

¹ *Массигли Рене* (*1888), французский дипломат, участник движения Сопротивления, в 1921—1932 представитель Франции на различных международных конференциях, в 1935 посол в Турции, в январе 1943 присоединяется к генералу де Голлю, назначен комиссаром Национального комитета по внешнеполитической деятельности, в 1944 посол в Лондоне. — *Прим. ред.*

² *Гарриман Уильям Аверелл* (1891—1986), американский политический деятель и дипломат, с 1928 — член Демократической партии, советник по финансовым и промышленным делам президента Франклина Рузвельта, в сентябре 1941 глава делегации США на Московском совещании, в 1943—1946 посол в СССР, в апреле—сентябре 1946 посол в Великобритании, в 1946—1948 министр торговли, в 1948—1950 руководитель американской администрации в Европе по осуществлению «плана Маршалла», в 1950—1951 специальный помощник президента Трумэна по внешнеполитическим вопросам. В 1951—1953 Гарриман руководитель управления по осуществлению программы «взаимного обеспечения безопасности», в 1954—1958 губернатор штата Нью-Йорк, в 1961 и в 1965—1969 посол «по особым поручениям», в 1963—1965 заместитель Государственного секретаря, в 1968—1969 возглавлял делегацию США на совещаниях по Вьетнаму в Париже. — *Прим. ред.*

кровенный и словоохотливый, на этот раз, казалось, изнемогал под бременем тяжелой тайны. По пути, в Гибралтаре, я увидел, что там кипит работа, и не мог не заметить также весьма загадочного поведения местного губернатора — генерала Макфарлана, обычно державшегося весьма непринужденно. Все это были ясные признаки того, что вскоре в районе Средиземноморья должны разыграться крупные события без нашего участия. В Каир я прибыл 7 августа.

Атмосфера там была столь же удушливая, как и жара. Общее настроение свидетельствовало о том, что недавние неудачи 8-й армии еще отнюдь не забыты. Хотя продвижение Роммеля уже полтора месяца как приостановилось, он находился в Эль-Аламейне, откуда его танки могли за два часа достичь Александрии. В правительственных кругах, в посольстве, в Генеральном штабе — повсюду англичане с беспокойством следили за загадочными действиями короля Фарука¹ и многих видных египтян, которые, по-видимому, готовы были примкнуть к державам оси, в случае если они одержат победу. Правда, Нахас-паша², давний противник англичан, но помирившийся с ними к выгоде обеих сторон, был поставлен королем во главе правительства по настоятельной рекомендации сэра Майлса Лэмпсона, английского посла, которому случалось направляться на аудиенцию во дворец под охраной танковой колонны. Нахас-паша сказал мне в прошлом году: «У нас с вами есть общая черта: и вы и я располагаем в наших странах большинством, но не властью». Теперь он был у власти. Но где окажется его большинство, если итало-германские войска продефилируют по улицам столицы?

---

¹ *Фарук* (1920—1965), король Египта в 1936—1952, придерживался идей конституционной монархии, в оппозиции ему находилась самая большая партия Египта Вафд, во время Второй мировой войны сторонник союза с «державами оси», обвинения в коррупции и поражение в Арабо-израильской войне 1948 привели к военному перевороту 1952, возглавляемому Абдель Гамаль Нассером, Фарук отрекся от престола и бежал за границу. — *Прим. ред.*

² *Нахас-Паша* (1876—1965) египетский государственный деятель, лидер партии Вафд в 1927—1952. В 1942 король Фарук был вынужден назначить Нахас-Пашу, выступавшего за присоединение к антигитлеровской коалиции, главой правительства. В 1951 Нахас-Паша денонсировал англо-египетское соглашение 1936, антиевропейские настроения привели к его отставке в 1952; Нахас-Паша поддержал новое правительство, которое расформировало Вафд и заключило его в тюрьму, в 1954 он удалился от политики. — *Прим. ред.*

Что касается английских военных деятелей, то генерал Окинлек¹ сохранял спокойствие и держался со свойственной ему прямоотой, маршал авиации Теддер вполне владел собой и был компетентен в порученных ему делах. Но лица, стоявшие на менее высоких постах, в большинстве казались встревоженными и желчными; они ожидали по-видимому, больших изменений в верхах; они были раздражены критическими выступлениями в парламенте и в лондонской прессе и нервничали, наблюдая, как египтяне неприязненно держатся и высказываются по их адресу и в то же время подчеркнуто приветствуют только полки «Свободной Франции» на улицах и на экранах кино, а со времени моего прибытия в Каир твердят, что де Голль теперь возглавит командование на Востоке. Правда также и то, что, как бы в порядке компенсации, в Египет во все большем количестве прибывали хорошо оснащенные и свежие английские части, доблестные военно-воздушные эскадрильи, а также отборное военное снаряжение — все это направляло сюда щедрой рукой лондонское правительство в связи с готовящимся реваншем.

Если англичанами владели смешанные чувства надежды и меланхолии, то наши люди были охвачены ликованием. Бир-Хаккейм возвысил их в собственных глазах. Я был у них 8 и 11 августа. Лармина представил мне свои части. Во время великолепного смотра 1-й легкой дивизии я вручил Крест освобождения генералу Кенигу и нескольким другим лицам, в частности полковнику Амилаквари. Я проинспектировал также 2-ю легкую дивизию под командованием Казо и мотомеханизованную группу Реми²; все эти части были хорошо экипированы и рвались в бой. Вслед за тем я посетил наших летчиков и парашютистов. Все эти части

¹ *Окинлек Клод Джон Эйр* (1884—?), британский фельдмаршал (1946), служил в колониальных войсках в Индии, во время Первой мировой войны сражался в Египте и Месопотамии, до 1940 — в Индии, в мае — июне 1940 командовал англо-французскими войсками в Северной Норвегии, затем войсками военного округа в Южной Англии; в июле 1941 — августе 1942 командовал британскими войсками на Ближнем Востоке, в 1942 из-за крупных военных неудач снят с должности, в 1943—1947 главнокомандующим британскими войсками в Индии, в 1943—1945 руководил военными действиями против японских войск в Бирме. — *Прим. ред.*

² *Полковник Реми* (наст. имя. Жильбер Рено) (1904—1984), французский кинопродюсер, в 1940 создает на оккупированной территории «Братство Нотр-Дам», с 1942 участник движения «Свободная Франция», член исполнительного комитета RPF, в 1950 публикует статью, реабилитирующую маршала Петена, в 1954—1958 живет в Португалии, в 1958 де Голль отказывается от его поддержки. — *Прим. ред.*

представляли собой силу, закаленную перенесенными испытаниями, и я мог быть уверен, что ничто их от меня не отвратит. Когда я видел, как маршируют батальоны, батареи, броневики, обозы, механизированные «с ног до головы», как в рядах шагают бок о бок закаленные воины разных рас, сияющие от радости, несмотря на палящее августовское солнце, во главе с офицерами, заранее готовыми пожертвовать всем ради славы и ради победы, сердце мое наполнялось верой и гордостью. Я чувствовал, что между мной и ими устанавливается контакт, что душой мы вместе, — вот почему мы все ощущали, как в нас подымается волна радости, но по мере того, как уходили вдаль последние ряды наших войск, холодный рассудок брал свое. Я начинал думать вновь о тех солдатах, матросах, летчиках Франции, которых там в силу нелепых приказов вынуждали драться против «голлистов» и союзников.

В нашем представительстве в Каире я имел случай познакомиться с многочисленной французской колонией в Египте. Барон Бенуа достойно представлял здесь Францию. Благодаря ему, а также благодаря барону Дево, Рене Филиоло и Жоржу Горсу здесь надежно охранялись культурные, религиозные и экономические интересы Франции вплоть до момента, когда египетское правительство признает Французский национальный комитет. Пресса и радиовещание Египта получали от нашего представителя все необходимые материалы. Большинство французов морально были со мной. В то же время Бенуа, которому мы оказывали энергичную поддержку из Лондона, сумел добиться того, что администрация Суэцкого канала осталась французской, хотя английское морское министерство с удовольствием взяло бы ее в свое ведение. Именно французы обеспечили функционирование канала в течение всей войны — немаловажный и достойный похвалы вклад в усилия союзников: ведь морские и сухопутные коммуникации восточного театра, а также грузы, предназначенные для Сирии, Ливана, Палестины, Иордании, — все это проходило через Порт-Саид, между тем как немцы непрерывно бомбили караваны судов и шлюзы. Я решил выступить в Исмаилии с приветствием персоналу канала и посетил маленькую комнатку, откуда Лессепс руководил возведением этого грандиозного сооружения, оказавшегося жизненно необходимым в нынешнюю войну.

Я не ограничился выступлениями перед свободными французами, разясняя им их задачи, побуждая их к действию, но одновременно обсуждал с английскими союзниками вопросы, вызывавшие разногласия. Черчилль находился в Каире. Мы завтракали

вместе 7 августа. «Я приехал сюда, — сказал он мне, — чтобы реорганизовать командование. Тем временем разберемся в наших спорах относительно Сирии. Затем я отправлюсь в Москву. Вы сами понимаете, что мое путешествие имеет большое значение и причиняет мне некоторые заботы». «В самом деле, — ответил я, — речь идет о трех важных предметах. Первый касается только вас. Что касается второго, имеющего отношение ко мне, и третьего, который относится прежде всего к Сталину: поскольку вы, несомненно, собираетесь сообщить ему, что второй фронт не откроется в нынешнем году, то я понимаю ваши опасения. Но вы легко преодолеете их, как только почувствуете, что ваша совесть спокойна». — «Знайте, — буркнул Черчилль, — моя совесть — это славная девушка, с которой я всегда полажу».

Я в самом деле мог констатировать, что Англия продолжает без всякого зазрения совести обсуждать вопрос о Сирии. 8 августа я встретился с Кэйзи, который, хотя и австралиец по рождению, был государственным министром в лондонском правительстве и в этом качестве нес ответственность за состояние английских дел на Востоке. Он сразу же заговорил о настоятельной необходимости провести выборы в государствах Леванта. Я тут же ознакомил с нашей позицией моего симпатичного собеседника. «Французский национальный комитет, — сказал я ему, — решил, что в этом году не будет выборов ни в Сирии, ни в Ливане, поскольку страна, для которой эти территории являются подмандатными, не считает нужным проводить голосование в момент, когда Роммель стоит у ворот Александрии. Разве проводится голосование в Египте, Ираке, Иордании?»

Тут, перейдя в атаку, я по пунктам перечислил английскому государственному министру причины нашего недовольства политикой, которую ведет Англия вопреки заключенным соглашениям. В качестве вывода я сказал ему то, что говорил уже многим по этому же поводу: «Конечно, в данный момент в этой части света вы гораздо сильнее нас. В связи с нашим ослаблением и учитывая те кризисы, которые разразятся в ряде мест — на Мадагаскаре, в Северной Африке, а придет день — и в самой метрополии, еще усугубляя нынешнее критическое положение Франции, — вы, конечно, в состоянии вынудить нас уйти с Ближнего Востока. Но вы не можете достигнуть этой цели, не возбудив чувства ксенофобии у арабов, а в отношении союзников просто воспользуетесь правом сильного. К чему это может привести? Для вас — ко все большему ослаблению ваших позиций на Востоке, а для нас, для

французского народа, это будет ничем не смываемая обида...» Кэйзи, недовольный моими замечаниями, нахмурился и заверил меня в своих добрых намерениях, одновременно намекнув, что Великобритания несет какую-то высшую ответственность в этой зоне. Во всяком случае, ни в этот день, ни 11 августа, когда я вновь с ним увиделся, он не возобновлял разговора о выборах.

Маршал Смэтс, премьер-министр Южно-Африканского Союза, был в это время также в Каире. У нас с ним состоялась длительная беседа. Выдающийся деятель и приятный человек, не лишенный, впрочем, некоторых странностей, герой борьбы за независимость в Трансваале, превратившийся в главу правительства доминиона его величества английского короля, бур в мундире английского генерала, он обладал всеми качествами, которые требовались для решения проблем нынешней войны. Столица представляемого им государства, Претория, являла собой в высшей степени эксцентричное зрелище, и его страна, где белые и черные жили бок о бок, не смешиваясь, представляла собой арену самых резких расовых конфликтов. Хотя Смэтсу противостояла в стране довольно сильная оппозиция, он при всем том пользовался реальным влиянием в правящих кругах Лондона. Этой привилегией он был обязан не только тем, что в глазах англичан как бы воплощал успех их завоевания, но также своей дружбе с Черчиллем, которого он сумел покорить в течение немногих месяцев в ту же далекую войну, а теперь сам Черчилль старался, пользуясь подходящим случаем, пленить Смэтса.

Премьер-министр Южно-Африканского Союза выразил мне чувство уважения, которое вызывает у него Сражающаяся Франция. «Если бы Вы, де Голль, не привлекли на свою сторону Экваториальную Африку, я, Смэтс, не смог бы удержаться в Южной Африке. Ибо достаточно было Браззавилю поддаться духу капитуляции, как наступила бы очередь Бельгийского Конго, а после его падения известные элементы в моей стране, которые осуждают наше участие в войне на стороне англичан, несомненно взяли бы верх и вступили бы в сотрудничество с государствами оси. Немецкая гегемония утвердилась бы повсюду на пространстве от Алжира до мыса Доброй Надежды. Уже тем, что Вы совершили в районе озера Чад и на Конго, Вы оказали большую услугу нашей коалиции. Для всех нас важно, чтобы Ваша власть распространилась теперь на все заморские владения Франции и, как я надеюсь, вскоре на саму Францию». Я поблагодарил маршала Смэтса за его любезный отзыв о нас, отметив вместе с тем, что другие союзники, по-видимому, не во всем разделяют это мнение. В доказатель-

ство я сослался на активность англичан в Сирии и Ливане, а затем на события на Мадагаскаре и, наконец, напомнил о предстоящей кампании англичан и американцев в Северной Африке, где они старались установить власть, но только не мою.

Смэтс согласился, что «Свободная Франция» вправе чувствовать себя задетой. «Но, — утверждал он, — эти плачевные явления всего лишь преходящие эпизоды. Американцам свойственно всегда ошибаться вначале. Как только они осознают свою ошибку, они умеют делать надлежащие выводы. Что касается англичан, то в их политической практике сказываются две различные точки зрения: с одной стороны, рутина, дух которой поддерживается канцеляриями, комитетами, штабами, а с другой стороны, политика дальнего прицела, которую воплощают в различные периоды различные государственные деятели, опираясь на народные чувства, — в данный момент таким деятелем является Черчилль. Против вас действует первая точка зрения, но могу вас заверить, что вторая благоприятствует вам и в конечном счете она всегда возобладает».

В дальнейшем мы перешли к практическим вопросам, которые выдвигались положением на Мадагаскаре, и Смэтс сказал мне, что англичане еще надеются на сделку с тамошним губернатором, подчиняющимся Виши, но что, как только эта иллюзия рассеется, они возобновят операции, прерванные после взятия Диего-Суареса, попытаются восстановить на острове администрацию, действующую под их непосредственным руководством, и в конце концов передадут власть Французскому национальному комитету, то есть сделают то, что он, Смэтс, рекомендовал им с первого дня. Он дал мне понять, что в той игре, которую англичане ведут по отношению ко мне, они берегут как ценный козырь свое согласие подчинить в определенный момент Мадагаскар Лотарингскому кресту. Лондон получит таким образом средство компенсировать нам те или иные неприятности, которые английская политика приберегает для Франции в других местах. В заключение маршал Смэтс обещал мне, что Южно-Африканский Союз ни при каких обстоятельствах не согласится на то, чтобы Франция была лишена Мадагаскара, а, напротив, будет побуждать Лондон предоставить генералу де Голлю возможность установить там свою власть. Должен сказать, что вслед за этими словами последовали реальные факты в Претории.

12 августа я выехал в Бейрут. Я предполагал пробыть месяц в Сирии и Ливане, привести там все в порядок, укрепить контакты с правительственными и руководящими кругами, поднять дух насе-

ления, постараться утвердить в делах и в умах преимущественные права Франции. В этом отношении уже самый прием, оказанный мне в этой стране, красноречиво говорил сам за себя. В Бейруте, куда я прибыл в сопровождении Альфреда Наккаша¹, президента Ливанской республики, массы населения стекались отовсюду. То же самое мы могли наблюдать в Бекаа, в Южном Ливане, особенно в Сайде и у марионитских горцев, которые толпами явились в Беккербе и окружили своего патриарха, к которому я явился с визитом. Я посетил теперь усмирленный и лояльный Хауран, сопутствуемый генералом Катру. Затем достиг Джебель-Друза, территории во всех смыслах вулканической. В Эс-Сувейде после смотра друзской конницы я принял в Доме Франции представителей местной власти и знатных лиц, — а затем во дворце — делегатов всех канонов, что составило бурную и живописную массовую манифестацию. Здесь под гром приветствий ораторы заверили меня в симпатиях населения, не всегда столь приветливо встречавшего французов.

Сопутствуемый шейхом Тадж-эд-дином, президентом Сирийской республики, я вступил в Дамаск, проявивший бурный энтузиазм, что не часто наблюдалось в этом городе. Официальный прием, устроенный главою государства и правительством, визиты представителей различных официальных учреждений, глав различных религий, представителей всех слоев и всех родов деятельности позволили мне убедиться в том, что по сравнению с прошлым годом прекрасная столица этой молодой республики являла собой картину заметной консолидации страны. Я проследовал далее в Пальмиру, где меня с почетом встретили бедуинские племена. Далее — древняя и столь новая земля Евфрата. В Дейр-эз-Зоре, как и повсюду, нынешнее положение — политическое, административное, экономическое — уже ничем не было похоже на обстановку 1941, сложившуюся в результате печальных событий тех дней. Алеппо, крупный центр севера, где уже веками смешиваются этнические, религиозные, деловые течения Малой Азии, встретил меня благожелательными проявлениями своего внимания. В свою очередь страна алавитов², приветствуя меня,

---

¹ *Наккаш Альфред Жорж* (1887—1978), президент Ливана в 1941—1943, сторонник антигитлеровской коалиции, выступал за сохранение связей с метрополией, поддерживал движение «Свободная Франция». — *Прим. ред.*

² Страна алавитов — одна из областей Сирии (Латакия), которую французские власти объявили в 1923 «автономной территорией алавитов». Алавитами французы называли приверженцев шиитской секты нусайритов, которые еще в средние века, укрываясь от преследований, поселились в горах Латакии. — *Прим. ред.*

заявляла о своей верности традиционной дружбе с Францией. Но наиболее сильное впечатление произвел на меня пламенный прием, оказанный мне бывшим президентом Хашим бей эль Атасси и другими любезными хозяевами в городах Хомс и Хама, которые во все времена считались цитаделями исламистской и сирийской подозрительности и недоверия. На обратном пути Триполи и Батрун оказали мне знаки волнующего доверия.

Чем выше поднимались эти волны народных манифестаций, тем яснее становились обязанности Франции как мандатной державы. Не могло быть и речи о том, чтобы на ее плечах всегда лежало бремя в отношении территорий, которые ей не принадлежали и которые она не могла себе присвоить, чему препятствовали соответствующие договоры. С другой стороны, ясно было, что верхи общества в Сирии и Ливане, каковы бы ни были разделявшие их разногласия, едины в своей воле добиться независимости, что, впрочем, Франция всегда обязывалась им предоставить и что я лично торжественно им обещал. Состояние умов настолько резко выражало все это, что было бы нелепо сопротивляться. Конечно, необходимо было обеспечить экономические, дипломатические, культурные интересы Франции, которые составляли ее достояние на Ближнем Востоке уже на протяжении веков. Но это казалось совместимым с независимостью этих государств.

При всем том мы не собирались упразднить одним махом в Дамаске и Бейруте основы нашей власти. Пойди мы на это, англичане заняли бы наше место, ссылаясь на веления стратегии. Я, во всяком случае, полагал, что не имею права аннулировать мандат. Помимо того, что в этом деле, как и во всем, я был в ответе перед моей страной, на Франции лежала определенная международная ответственность как на держательнице мандата, и мы могли сложить ее с себя лишь по соглашению с теми, кто нам предоставил мандат, — соглашению, при настоящих обязательствах реально не осуществимому. В противном случае это означало бы просто отречение от своих прав. Вот почему мы передавали правительствам Дамаска и Бейрута те функции, от которых мы могли отказаться, учитывая состояние войны, вместе с тем заявив о своей решимости восстановить путем выборов нормальные основы власти, как только Роммель будет отброшен; мы обязались при первой возможности осуществить международные акты, которыми юридически будет оформлен режим независимости, — я не желал в данный момент отказываться от высших прав Франции в Сирии и

Ливане, как бы ни торопились нетерпеливые профессиональные политики. Мы были уверены, что сумеем осуществить без особых потрясений необходимые преобразования, если только Англия не испортит нам игры.

Но это произошло. Наккаш подвергся наскокам со стороны Спирса, который открыто возбуждал его противников и дошел до того, что прямо угрожал президенту лишь на том основании, что тот или иной его министр не нравится англичанам, или потому, что президент лично не содействовал проведению немедленных выборов в Ливане. С другой стороны, под давлением англичан, которые добивались ни больше ни меньше, как прекращения всяких обменных операций с внешним миром, Катру согласился ввести их во франко-сирийско-ливанское агентство по торговле зерном. Они воспользовались этим обстоятельством, чтобы препятствовать деятельности агентства и вызвать оппозицию со стороны правящих кругов Дамаска. Пренебрегая нашими преимущественными правами, они взяли на себя постройку железной дороги из Хайфы в Триполи и стали ее владельцами. Так как в Триполи, у самого выхода нефтепровода, принадлежавшего «Ирак петролиум компани», у французских властей имелся нефтеочистительный завод, что позволяло снабжать Левант бензином за счет той части нефти, которая принадлежала французам, англичане под всяческими предложениями стали добиваться закрытия нашего предприятия, чтобы и мы сами и Левант находились в этом отношении в полнейшей от них зависимости. И, наконец, ссылаясь на финансовое соглашение, которое я заключил с ними 19 марта 1941, в силу которого их казначейство выдавало нам в форме аванса часть наших фондов, они пожелали контролировать их использование в Сирии и Ливане и даже бюджеты Дамаска и Бейрута. Во всех областях ежедневно, повсеместно происходили и все учащались случаи вмешательства наших союзников, и для этой цели использовалась целая армия агентов в форме.

Я решил протестовать против этого удушения, а если уж нам было суждено потерпеть неудачу, пусть все узнают об этих правонарушениях. Проверив факты на месте, я начал кампанию, направив 14 августа Черчиллю официальный протест.

«С самого начала пребывания во французских подмандатных государствах Леванта, — писал я ему, — я с сожалением убедился, что соглашения, заключенные между английским правительством и Французским национальным комитетом относительно Сирии и Ливана, здесь нарушаются... Постоянное вмешательство

представителей английского правительства несовместимо ни с отказом Англии от политических интересов в Сирии и Ливане, ни с должным уважением к позиции Франции, ни с мандатным режимом. Кроме того, это вмешательство и вызываемая им реакция побуждают население всего Арабского Востока думать, что серьезные расхождения нарушают здесь доброе согласие между Англией и Сражающейся Францией, являющимися между тем союзниками... Я вынужден просить вас возобновить действие заключенных нами соглашений...»

Премьер-министр получил мое послание во время своего пребывания в Москве. он ответил мне 23 августа из Каира, через который он направлялся в Лондон. «Мы ни в коей мере не стремимся подорвать на Ближнем Востоке позиции Франции... Мы полностью признаем, что инициатива в области политической должна принадлежать французским властям... Мы вполне допускаем, что в настоящее время мандат не может быть отменен по техническим соображениям...». Но, отдав должное заключенным соглашениям, Черчилль по своему обыкновению сослался на них только для того, чтобы противопоставить им односторонние притязания, которыми кичилась Великобритания: «Сирия и Ливан представляют собою часть основного театра военных действий, и, следовательно, чуть ли не каждое событие в этой зоне прямо или косвенно затрагивает наши военные интересы... Мы озабочены также и тем, чтобы эффективно осуществлялось получившее нашу гарантию заявление генерала Катру, в котором провозглашалась независимость этих государств... В своей речи 9 сентября 1941 в Палате общин я уточнил, что «Свободная Франция» не может пользоваться в Сирии теми же правами, какими там пользовался режим Виши...» Черчилль заключал свое послание намеренно банальными примирительными фразами: «Я признаю необходимым самое тесное сотрудничество между нашими представителями в Леванте... Наша высшая цель — поражение врага...»

Я заранее знал, что со стороны англичан непременно последует этот замаскированный отказ изменить свою политику. Я решил поэтому снять с нее покров двусмысленности, которым они пытались прикрыться. Кроме того, думая о будущем, я счел разумным занять позицию, исключаящую всяческие компромиссы. Я телеграфировал Черчиллю: «Не могу согласиться с вашей концепцией, из которой следует, что политическое вмешательство английских представителей в Леванте якобы совместимо с обязательством, принятым английским правительством относительно

уважения прав Франции и ее мандата... Больше того, известное франко-английское соперничество, порожденное присутствием двух сил и непрерывным вмешательством английских представителей, губительно для военных усилий Объединенных Наций... Настоятельно прошу вас пересмотреть этот неотложный и крайне важный вопрос».

Говоря таким языком, я ставил ставку не столько на сегодняшний день, дававший мне слишком мало шансов и возможностей для успешного ведения спора, сколько на будущее, когда Франция, быть может, сумеет продолжить спор, если только те, что говорят от ее имени, проявят твердость и отвергнут капитуляцию.

Тем более, что такие же нарушения наших прав совершались в то же самое время на Мадагаскаре, а завтра они могли произойти в Северной Африке и даже в самом Париже. Мы могли противостоять нарушениям наших прав в будущем, лишь дав отпор тем, что совершаются теперь. Пусть нас обидают, но зачем же позволять это делать втихомолку? Поэтому я счел необходимым поставить в известность Америку и Россию. Если даже их правительства, будучи формально оповещены, ничего не предпримут для того, чтобы привести англичан к раскаянию, тяжба по крайней мере получит международный резонанс.

16 августа мне нанес визит генеральный консул Соединенных Штатов, милейший Гвинн, явившийся узнать новости. Он был явно обеспокоен. Я и не подумал его успокаивать. 24 августа я пригласил его и вручил ему ноту для передачи его правительству. В документе излагалась суть дела, и говорилось о последствиях, к которым все это может привести. На следующий день Гвинн явился снова. Он сообщил мне текст телеграммы, адресованной Корделлом Хэллом Джону Вайнанту, американскому послу в Лондоне, где ему поручалось со всей определенностью поставить этот вопрос перед англичанами. Этого-то я как раз и хотел. Государственный секретарь писал своему послу: «Мы целиком отдаем отчет в серьезности положения... Английский представитель в Бейруте (Спирс), по-видимому, толкует свою миссию более расширительно, чем это обычно положено иностранному дипломатическому представителю. Потрудитесь снова рассмотреть этот вопрос с Иденом... Наше правительство не может оставаться равнодушным к спору, который затрагивает общие военные усилия».

С другой стороны, Корделл Хэлл поручал Гвинну «поблагодарить генерала де Голля за столь полную информацию». Но так как в конце послания он не мог не подбавить немножко яду, то пред-

лагал своему послу сказать генералу де Голлю с полной откровенностью, что «Соединенные Штаты в качестве нации, участвующей в совместно ведущейся войне, придают серьезное значение тому, чтобы заверения, данные Сирии и Ливану, неукоснительно соблюдались».

Тем временем Дежан в Лондоне изложил Богомолу существо наших расхождений и известил об этом нашу делегацию в Москве. Советский посол 11 сентября явился к нему и сообщил, что «его правительство согласно по возможности помочь нам».

Я тем меньше был склонен церемониться, что теперь мне стали полностью известны решения англичан и американцев относительно Северной Африки. Не следует думать, что союзники делились со мной своими планами. Наоборот, те, кто занимался приготовлениями, хранил гробовое молчание. Но если этот заговор молчания казался нам оскорбительным, то, сверх того, он был еще и бесполезен. Ибо отовсюду — из Америки, из Англии и Франции — в изобилии прибывали вести. Молва шла уже по всему миру, между тем как на Востоке все наглядно говорило о том, что дело идет о кампании в Африке. Проезжая через Каир, Черчилль назначил главнокомандующим генерала Александера и поставил Монтгомери во главе 8-й армии. Многочисленные подкрепления, в частности бронетанковые части, продолжали прибывать из Англии. Терред, командующий военно-воздушными силами, получил большое число самолетов. Все это указывало на самые обширные планы, не имевшие своей целью Европу.

27 августа я мог сообщить нашей делегации в Лондоне: «Соединенные Штаты решили высадить войска во Французской Северной Африке... Операция будет осуществлена во взаимодействии с начинающимся наступлением англичан в Египте... Американцы обеспечили себе поддержку на месте, используя добрые чувства наших сторонников, внушив им, будто они, англо-американские силы, действуют в согласии с нами... Маршал Петтен, несомненно, отдаст приказ выступить в Африке против союзников... Немцы сумеют найти предлог, чтобы вмешаться...». Я добавлял: «Американцы сначала думали, что они смогут в этом году открыть второй фронт во Франции. Вот почему, нуждаясь в нас, они вступили на путь, определенный их меморандумом от 9 июля. Теперь их план изменился».

Отныне все стало ясно. Стратегические замыслы союзников окончательно определились. Что касается их политической линии, то она базировалась на священном эгоизме. Вот почему я

был меньше чем когда-либо склонен придавать значение идеологическим формулам, которыми они пытались прикрыться. Можно ли было принимать всерьез подчеркнутую щепетильность Вашингтона, который заявлял, что, держа на дистанции генерала де Голля, он поступал так якобы затем, чтобы предоставить французам свободу предстоящего выбора их правительства? Ведь этот же Вашингтон в то же самое время поддерживал официальные отношения с диктатурой Виши и готов был договориться с любым, кто откроет американским войскам ворота в Северную Африку! Можно ли было верить в искренность заявлений Лондона, который, желая оправдать свое вмешательство в дела подмандатной Франции территории Леванта, твердил о правах арабов на независимость, когда англичане посадили в Индии за решетку Ганди и Неру, сурово карали в Ираке сторонников Рашида Али и диктовали Фуруку, королю Египта, состав его правительства? Да что там! Сегодня, как и вчера, надо было исходить только из интересов Франции.

Между тем Кэйзи решил, что пришла пора проявить себя. Как бы ни были благи его намерения, он начал действовать таким образом, что нечего было надеяться на благополучный исход.

9 августа он предложил мне «откровенную дискуссию», чтобы установить более удовлетворительные отношения в интересах обеих стран, «ибо, — писал он, — у меня сложилось впечатление, что отношения в Сирии и Ливане достигли критической точки». К несчастью, английский министр счел необходимым добавить: «Приглашаю Вас встретиться со мной в Каире. Если эта встреча не состоится, я буду вынужден доложить премьер-министру о существующем положении, как оно представляется мне». Выражения, к которым он прибег в своем послании, вынудили меня ответить, что я готов обсудить с ним важные вопросы, но только в Бейруте, поскольку во время двух визитов, которые я имел удовольствие нанести ему в Каире, мы не смогли прийти к соглашению.

Тут снова в дело вмешался Черчилль. 31 августа он телеграфировал мне из Лондона, что он, как и я, считает положение серьезным... что он чувствует необходимость обсудить его со мной как можно скорее; что он просит меня ускорить возвращение в Лондон и сообщить ему, какого числа меня ожидать. Я мог только «поблагодарить английского премьер-министра за сделанное мне приглашение», сообщить ему, что «я, конечно, предприму эту поездку при первой же возможности, но что обстановка не позволяет мне сейчас покинуть Левант», повторить ему, что «готов хоть

сегодня начать переговоры с Кэйзи в Бейруте». Наконец, 7 сентября, когда напряжение достигло предела, я вручил Кэйзи через посла Элле, который прибыл ко мне из Тегерана, меморандум, уточняющий наши претензии.

Продолжая спор, я старался навести порядок внутри страны. Надо было добиться, чтобы два местных правительства неуклонно выполняли свои функции, в частности в области финансов и снабжения, где дела шли из рук вон плохо. С другой стороны, надо было осведомить их о нашей позиции относительно выборов. Альфред Наккаш и шейх Тадж-эд-дин побывали у меня, один 2 сентября, а второй 4 сентября. Я принял их с большой помпой. И тот и другой осыпали меня изъявлениями доброй воли. Оба они почувствовали себя гораздо увереннее на своих местах, видя устойчивость французских властей, и, отбросив прежние колебания, готовы были принять меры, могущие уравновесить баланс, упорядочить работу зернового агентства, ограничить спекуляцию. В согласии с ними и с генералом Катру я поддерживал решение, принятое Французским национальным комитетом, провести новые выборы только будущим летом. Но тогда уж выборы обязательно должны состояться, если только стратегическое положение не слишком осложнится.

Во время моего пребывания в Бейруте я вступил в контакт с целым рядом лиц, следуя восточному обычаю, по которому судить и решать, не собрав предварительно мнений и не оказав знаков внимания, и неловко и непристойно.

В резиденцию «Сосны», где я остановился, являлось множество посетителей; все заверяли меня в своем желании иметь в стране правительство, способное выполнять свои обязанности, но каждый при этом выказывал себя апостолом того или иного вида партикуляризма, который, с тех пор как забрезжила заря истории, как раз и мешал государству выполнять свою миссию. Все беседы подтвердили мое убеждение, что Сирия и Ливан, получив независимость, ничего не потеряют от присутствия Франции, а, напротив, выиграют.

Преимущества, которые давало присутствие Франции обоим этим странам, были бесспорны, да к тому же и не оспаривались. О чем бы ни шла речь: о коммунальном обслуживании, о строительных работах, об образовании, о медицинской службе, о содействии французов в качестве советников в административном аппарате, в органах народного просвещения, правосудия, службы порядка, общественных работ, о связях профессиональных, ин-

теллектуальных, родственных между выходцами из Франции и сирийцами и ливанцами, — эти тысячи нитей отвечали интересам и чувствам обеих сторон. Во всех канцеляриях, на стройках, в школах, больницах, которые я посетил, все думали и говорили, что необходимо поддерживать эти связи, на каких бы основах ни установились будущие политические отношения между Парижем, Дамаском и Бейрутом.

Само собой разумеется, я старался также дать достаточно сильный толчок военной организации. Большинство чисто французских частей находились тогда в Египте. Мы оставили в Леванте лишь несколько подразделений. Эта крайняя скудость наличного состава французских войск доказывала, впрочем, что авторитет Франции строится отнюдь не на основе силы. Таким образом, на «специальные», то есть на сирийские и ливанские, войска возлагалась задача непосредственно обеспечить безопасность этих двух государств. А ведь им в любую минуту могла грозить опасность. И в самом деле, в конце лета 1942 вермахт двигался к предгорьям Кавказа, в то время как итало-немецкие армии угрожали дельте Нила. Если враг одержит победу на одном из этих театров войны, путь в Малую Азию будет ему открыт. Поэтому-то мы делали все, чтобы усилить численно и качественно туземные войска на Ближнем Востоке.

Так были заложены основы будущих армий: Сирия выставила 9 пехотных батальонов, 1 кавалерийский полк, 3 группы частично моторизованных эскадронов; Ливан — 3 батальона конных егерей; а две артиллерийские группы и один танковый батальон, саперные и транспортные части, а также части войск связи были общими для обеих стран. Из военного училища в Хомсе ежегодно выходило значительное количество выпускников. Правда, командный состав специальных войск пополнялся за счет определенного числа французских офицеров. Но кадры росли и за счет дельных офицеров сирийцев, таких, как полковники Шехаб и Науфал. Боевая техника, отбитая у Денца, позволила нам дать этим войскам оружие и достойно их снарядить, а артиллерийский парк в Бейруте, обладавший прекрасным оснащением, обеспечивал технический ремонт.

Я имел честь проинспектировать французские, сирийские, ливанские части, стоявшие на страже Ближнего Востока, причем сухопутными войсками командовал генерал Эмбло, морскими силами — капитан 2-го ранга Кольб-Бернар, а военно-воздушными — подполковник Жанс. Эти двадцать пять тысяч человек, бе-

условно преданных боевому долгу, охраняли оба государства от возможного нападения врага и совместно с местной жандармерией вполне могли поддерживать порядок в стране, где на протяжении тысячелетия существовали бок о бок непримиримые элементы, в стране, занимавшей территорию, равную одной трети Франции, и границы которой протянулись на две с половиной тысячи километров, стране, имевшей соседями Ирак, Трансиорданию, Палестину, находившиеся в состоянии постоянного брожения. Тот факт, что Левант под французским мандатом оставался в этот период войны вполне спокоен и охранялся вполне надежными войсками, явно благоприятствовал стратегическим замыслам союзников, сражавшихся в Египте, Ливии, Эфиопии, избавляя их армии от забот относительно обеспечения тыла, укрепляя турок в их решительности не открывать прохода немцам, предотвращая враждебные акты со стороны арабских народов, потрясенных событиями этого времени.

Хотя моя поездка была связана со многими делами, ряд вопросов все еще оставался неразрешенным. Мне удалось изменить атмосферу и добиться сдвигов, что позволило нам выиграть время. Но как достичь большего, не давая подкреплений ни людьми, ни деньгами? Политика только тогда чего-то стоит, когда она располагает достаточными средствами. А на Востоке больше чем где-либо решает в конце концов соотношение сил, а не аргументы.

Это положение подтвердил мне один видный гость из Америки. Это был Уэнделл Уикли¹. Республиканская партия выставила его кандидатуру против Рузвельта на президентских выборах 1940. Теперь президент, желая подчеркнуть, что война принесла священное единство, поручил своему недавнему сопернику получить информацию во всех концах земли от тех, кто непосредственно вел игру. Уэнделл Уикли, отправляясь к Сталину и Чан Кайши, пожелал проездом побывать и на Ближнем Востоке. Он приехал 10 сентября и пробыл у нас двадцать четыре часа в качестве моего гостя.

По его просьбе я обрисовал ему условия, с которыми Франции приходится сталкиваться в Леванте. Но Уэнделл Уилки, хотя и

¹ Уэнделл Уикли (1892–1944), американский государственный деятель, соратник президента Франклина Рузвельта, призвал оказать широкую общенациональную поддержку инициативам Рузвельта, в июле 1941 призывал оказать военную помощь Великобритании, посетил Ближний Восток, в 1942 предпринял поездки с СССР и Китаем, в 1943 написал книгу «Один мир» о послевоенном устройстве и организации послевоенного мира. — *Прим. ред.*

прибыл сюда впервые, был, по-видимому, уже достаточно хорошо осведомлен обо всем. Вернувшись в Вашингтон, он заявил с той внешней убежденностью, которая присуща американскому общественному мнению, что трения в Бейруте являются лишь эпизодом соперничества между двумя колониальными империями, в равной мере отвратительными. По поводу моей особы в книге, выпущенной им по приезде в Америку, он не удержался от обывательского остроумия, выдававшего недоброжелательство. Так как в Бейруте мы с ним беседовали в канцелярии верховного комиссара, обставленной мебелью в стиле империи, я, по его словам, подражал манерам Наполеона. Так как на мне была белая полотняная одежда — летняя форма, установленная для французских колониальных офицеров, — он увидел в этом игру в величие а ла Людовик XIV. Так как один из моих сотрудников сказал что-то о «миссии генерала де Голля», Уилки намекнул, что я, мол, считаю себя Жанной д'Арк. И в этом отношении конкурент Рузвельта тоже оказался его соперником.

Однако в тот самый момент, когда я беседовал с представителем президента, новое событие, касающееся Франции, появилось на экране дня. На рассвете 10 сентября англичане возобновили свои действия на Мадагаскаре. Убедившись, что после пяти месяцев переговоров они не могут добиться от генерал-губернатора Аннэ никакой серьезной гарантии, убедившись, что Виши в любую минуту способно уступить остров японцам и что правительство Лавала дало приказ не мешать им в этом случае, наши союзники решили сами занять остров.

И на этот раз они собрались действовать без помощи сил «Свободной Франции». Но все же, в отличие от того, что произошло во время атак Диего-Суареса, мы в данном случае были предупреждены своевременно. 7 сентября Иден, выражая Плевену и Дежану недовольство своего правительства моей позицией на Ближнем Востоке, дал понять, что некое событие на Мадагаскаре потребует договоренности. 9 сентября, пригласив к себе двух наших национальных комиссаров, он дал им знать, что «английские войска должны будут на следующий день высадиться в Манжунге, что его правительство имело твердое намерение признать власть Французского национального комитета над Мадагаскаром, как только окончатся военные действия, и что ему было бы желательно вступить со мной как можно скорее в переговоры относительно соглашения по этому вопросу». 10 сентября Лондон объявил, что английские вооруженные силы высадились в Ман-

жунге и «что на острове будет учреждена дружественная администрация, желающая полностью сотрудничать с Объединенными Нациями и содействовать освобождению Франции». 11 сентября Стрэнг заявил Морису Дежану: «По мысли английского правительства, Французский национальный комитет и должен быть «дружественной администрацией», упомянутой в коммюнике. Только от вас зависит претворение этого плана в жизнь. Что касается нас, то мы убеждены, что сумеем прийти к согласию».

Я решил возвратиться в Лондон. Я не сомневался, что найду там неприятную атмосферу. Я не сомневался также, что для меня с известной точки зрения было бы выгоднее находиться на суверенной французской территории, когда в Северной Африке начнет развиваться американская операция. Не было сомнений и в том, что мадагаскарский вопрос будет урегулирован медленно, не сразу и не безболезненно. Но ставка была такова, что я не мог колебаться. Итак, я направил Идену послание доброй воли, заявив, что «я ознакомился с донесением Плевена и Дежана и что, получив любезное приглашение его и премьер-министра, я намерен вернуться в самом скором времени». Он тотчас же ответил мне: «Буду рад обсудить с вами наши отношения на Ближнем Востоке и принципы будущей гражданской администрации Мадагаскара соответственно с тем, что намечалось в моей беседе от 9 сентября с Плевеном и Дежаном».

По пути в Англию я решил задержаться дней на десять в Свободной Французской Африке. Надо было там, как и на Востоке, укрепить сплоченность Сражающейся Франции накануне событий, которые могли внести расстройство в наши ряды; я предполагал также уточнить задачу наших военных сил в предстоявшем крупном деле. Впервые я смог перелететь из Сирии в Конг, не прибегая к услугам английской авиации. Дело в том, что полковник Мармье и его помощник полковник Ваше сумели восстановить несколько французских авиалиний: между Алеппо и Дейр-эз-Зором, Дамаском и Бейрутом, между Дамаском и Браззавилем, а также между Форт-Лами, Банги, Браззавилем, Пуэнт-Нуаром и Дуалой, для чего они использовали несколько гражданских самолетов, возвращенных Франции в Леванте, и главным образом 8 «Локхидов», которые удалось заполучить в Соединенных Штатах, взамен чего мы разрешили американцам пользоваться базой в Пуэнт-Нуаре. Эти линии обслуживались силами «Эр-Франс», чей персонал длительное время томился в бездействии в Аргентине и Бразилии и наконец недавно присоединился к Сражающей-

ся Франции. Вылетев из Дамаска 13 сентября и проделав без посадки путь в три тысячи километров, я прибыл в Форт-Лами, чем была доказана возможность поддерживать связь между Тавром¹ и Атлантикой, базируясь исключительно на свободные французские территории.

В Форт-Лами меня встретил Леклерк. В ожидании возобновления наступательных операций в Ливии он приводил в порядок свои части — войско пустыни. Снова мне предстояло увидеть моторизованные колонны, сформированные из боевых и транспортных машин, вооруженных и оснащенных для действия на широких просторах, с экипажами, жаждавшими участвовать в рискованных предприятиях, — все они были готовы по приказу таких командиров, как Ингольд, Деланж, Дио, Массю, уйти навсегда из Фая, Зуара, Фада, чтобы сражаться, бороздя каменный и песчаный океан пустыни. Я посетил небольшую моторизованную часть, расположенную в районе озера Чад, которая должна была отсюда устремиться к Зиндеру. Я ознакомился в Дуале, Либревиле, Пуэнт-Нуаре, Банги, Бразавиле с различными подразделениями двух бригад, из коих одна предназначалась для движения на Тананариве, а другая по возможности должна была достичь Котону, Абиджан и Дакар. Полковник Карретье старался использовать как можно целесообразнее то, что осталось от нашей авиации под экватором. Капитан 2-го ранга Шаррье, имея в своем распоряжении четыре небольших судна, несколько самолетов и несколько постов береговой охраны, сторожил обширный участок побережья Камеруна, Габона и Нижнего Конго. Артиллерия, интендантство, медчасти делали чудеса, стараясь достать все необходимое, несмотря на расстояния и климатические условия. Каждый с нетерпением ждал дня, когда развернутся операции между бассейном Нила и Атлантикой, а бомбардировка Форт-Лами показывала, что и враг готовится к этому дню.

22 сентября я в форме «личной и секретной инструкции» поставил перед Леклерком следующую задачу: овладеть оазисом Феццана, организовать там администрацию, действующую от имени Франции, затем отсюда идти на Триполи, подавив при этом пункты Гат и Гадамес. К операции приступить, как только 8-я английская армия вернет Киренаику и проникнет в Триполитанию. Леклерк перейдет в подчинение генералам Александру и

---

¹ *Тавр* — горный хребет в Малой Азии, окаймляющий ее с юга вдоль берега Средиземного моря. — *Прим. ред.*

Монтгомери лишь после того, как соединится с их войсками. Тогда он под общим стратегическим командованием этих генералов примет участие в битве за Тунис, если таковая произойдет. В случае если вишисты окажут сопротивление высадке и с помощью немцев начнут сражение с союзниками, мы со своей стороны должны выбить их с французской территории, где это возможно. Кстати сказать, наши миссии — Понтон на Золотом Береге и Адан в Нигерии — обеспечивали нам в районах Берега Слоновой Кости, Верхней Вольты, Того, в Дагомее, в Нигерии полезные связи. Поэтому и моя инструкция предписывала Леклерку направить, если понадобится, свои части во Французскую Западную Африку, беря за исходный путь Нигер. Наконец, ему надлежало подготовить части, могущие служить ядром наших войск на Мадагаскаре.

Задача не из легких. Но у нас не было колебаний. Свободные французы в Африке представляли собою достаточно крепкое целое, чтобы выдержать любые испытания. Что касается коренных африканцев, то они держались как нельзя более лояльно. Это относится как к их монархам и вождям, таким, как султаны в Удайе, в Канеме, в Форт-Лами, как правитель Орагола в Форт-Аршамбо, Ахмед-бей в Маго, ранее изгнанный итальянцами из Фещана, как вождь Мамаду М'Баики в Банги, королева народности батек в Конго, вождь народности вилис в Пуэнт-Нуаре, принц Феликс в Габоне, верховный вождь Параизо в Дуале, король абронов, бежавший со своим окружением с Берега Слоновой Кости, чтобы присоединиться к де Голлю и др.; это относится также к интеллигентным африканцам, которые стали деятелями местной власти, армии, торговли, просвещения; наконец вся масса простых людей — земледельцев, солдат, рабочих, обслуживающего персонала — также сочувствовала делу Сражающейся Франции и считала необходимым нести свою долю жертв. Но вместе с тем сердца африканцев исполнились трепетом надежды и веры в право человека быть свободным. Драма, потрясшая мир, элемент чудесного, который входил в «голлистскую» эпопею, развертывавшуюся на их собственном континенте, картина войны, требовавшей напряженных усилий, менявшей самые условия их существования, — все это не могло не сказаться в хижинах и кочевьях, в саванне и в лесах, в пустыне и на берегах рек: миллионы чернокожих людей, тысячелетиями изнывавших под ярмом нищеты, отныне поднимали голову и задумывались над своим уделом.

Генерал-губернатор Эбуэ старался направлять это шедшее из самых глубин движение. Будучи убежденным гуманистом, Эбуэ

считал подобную тенденцию благотворной, поскольку она имела целью поднять нынешний уровень существования этих народностей, но в качестве крупного администратора он полагал, что французские власти должны извлечь из этого пользу. Он отнюдь не отступал перед необходимостью моральных, политических, экономических преобразований, которые начинали проникать на этот непроницаемый континент. Но он хотел, чтобы это была особая африканская революция, чтобы все изменения в области нравов, быта, законов не только не уничтожали порядков, установленных предками, но, напротив, совершались, не выходя за пределы местных обычаев и установлений. Такой путь, по мнению Эбуэ, поведет к прогрессу в Африке, к усилению и распространению влияния Франции, к сближению рас. Сам он, возглавляя администрацию, побуждал своих сотрудников действовать в этом направлении. Он давал соответствующие указания насчет управления территориями, а также условий труда коренного населения, относительно юстиции, полиции, налогов. Воспользовавшись своим пребыванием в Браззавиле, я поздравил его с успехом. Наши взгляды совпадали. В этой сфере, как и во многих других, единство Сражающейся Франции казалось прочно скрепленным.

25 сентября прибываю в Лондон. Картина меняется. Проявления верности, войска, рвущиеся в бой, энтузиазм толпы — все, что еще вчера окружало меня и ободряло, осталось на том самом далеком материке. Снова ощущаю бремя того, что называется властью без облегчающих это бремя контактов и проявлений солидарности. Здесь все сводится к неумолимым делам, к тяжелым переговорам; надо выбирать либо конфликты с людьми, либо политический конфликт. И все это приходится терпеть, находясь хоть и в дружеской, но чужой стране, где все стремятся к иным, своим целям, где говорят на чужом языке и где я на каждом шагу ощущаю, как мало мы, с нашими скудными возможностями, значим в ведущейся крупной игре.

Как и следовало ожидать, переговоры с английским правительством возобновились в напряженной атмосфере. 29 сентября я отправился в сопровождении Плевена на Даунинг-стрит, где нас ожидали Черчилль и Иден. Нетрудно было предвидеть, что английские министры дадут волю своему раздражению в связи с событиями в Леванте. Мы были склонны ответить тем же. Можно было предположить, что после этого беседы должна закончиться практическими соглашениями. В частности, следовало хотя бы в общих чертах наметить решение проблемы Мадагаскара.

Но в действительности беседа постепенно принимала весьма острый характер, причем тон задал сам премьер-министр. Правда, Черчилль в начале разговора поблагодарил меня за то, что я принял его приглашение и прибыл в Лондон. Я выслушал его любезные слова с тем же юмором, какой он сам вкладывал в их смысл. После чего английский премьер-министр рассмотрел вместе со мной наши взаимные претензии относительно Востока. Он заявил, что английское правительство требовало в этом же году провести выборы в Сирии и в Ливане, на что я вынужден был ответить, что этого не будет. Взаимный обмен резкостями Черчилль заключил уверенным, что в области франко-английского сотрудничества в Леванте никакое соглашение со мной немыслимо. «Мы примем это к сведению», — сказал он. Против этого я возражать не стал.

Потом он перешел к вопросу о Мадагаскаре. Но только для того, чтобы заявить: «Учитывая положение дел в Дамаске и Бейруте, мы отнюдь не спешим сделать Тананариве новой ареной сотрудничества с вами... не вижу никаких оснований для нас устанавливать там деголлевское командование».

Я весьма неодобрительно встретил это заявление, явно содержащее и отказ Англии от своего обязательства и намерение вступить в сделку, для нас безусловно невыгодную. Плевен со своей стороны тоже не стал скрывать своих чувств. Тогда Черчилль обрушился на меня в очень резком и приподнятом тоне. Когда я позволил себе заметить, что факт учреждения на Мадагаскаре администрации, контролируемой англичанами, явился бы ущемлением прав Франции, он с яростью закричал: «Вы говорите, что Вы — Франция! Вы не Франция! Я не признаю Вас Францией, не признаю, что в Вашем лице имею дело с Францией!» И он продолжал бушевать: «Франция! Где она? Я, конечно, признаю, что генерал де Голль и его последователи представляют собой значительную и уважаемую часть французского народа. Но, несомненно, можно и кроме них найти власть, представляющую не меньшую ценность». Я прервал его: «Если, по-вашему, я не являюсь представителем Франции, то почему же и по какому праву Вы обсуждаете со мной вопросы, связанные с международными интересами Франции?» Черчилль хранил молчание.

Тут вмешался Иден и направил нашу дискуссию к вопросу о Леванте. Он еще раз указал, по каким мотивам Англия считает себя вправе вмешиваться в наши дела в этом районе. Потом, также потеряв хладнокровие, он стал в свою очередь горько жаловаться

на мое поведение. Черчилль еще подбавил огня, закричав, что «моя англофобская позиция объясняется тем, что мною руководят соображения престижа, а также желание лично возвыситься в глазах французов». Эти выпады английских министров я объяснял тем, что они пытались выдвинуть претензии, которые, худо ли, хорошо ли, должны были оправдать тот факт, что Сражающуюся Францию собирались держать в стороне от Французской Северной Африки. Я сказал об этом им обоим без обиняков. Беседа, очевидно, достигла такого накала, что не было смысла ее продолжать. С этим были согласны все ее участники. И мы расстались.

В последовавшие за этим разговором дни и недели царил более чем напряженная атмосфера. Нас окружало недоброжелательство. Англичане не постеснялись даже задержать на 11 дней отправку наших телеграмм из Лондона, которые Французский национальный комитет адресовал французским властям в Африке, в странах Леванта, на Тихом океане. Форин офис сконцентрировал свой нажим на Морисе Дежане и так настойчиво орудовал пугалом разрыва — высший способ устрашения дипломатов, — что Морис Дежан под впечатлением всего этого предложил подумать, какие мы могли бы сделать уступки, дабы восстановить добрые отношения. Уступки? Но я не хотел никаких уступок! Тогда Дежан покинул свой пост. Он сделал этот шаг с большим достоинством и через несколько недель стал нашим представителем при эмигрантских правительствах в Великобритании. Плевен передал ведение финансов Дьетельму и временно занял пост комиссара по иностранным делам, в ожидании прибытия Массигли, которого я вызвал из Франции.

Меж тем, как это водится обычно, буря скоро улеглась. Лондонское радио вновь согласилось передавать наши телеграммы. Черчилль 23 октября прислал ко мне своего начальника канцелярии Мортонa, который поздравил меня от имени премьер-министра с подвигом экипажа французской подводной лодки «Юнон», пустившей ко дну два крупных вражеских судна у побережья Норвегии; мне была также выражена благодарность от имени английского правительства за тот важный вклад, который наши военные силы, не щадя себя, внесли в операции союзников у Эль-Аламейна; и, наконец, Черчилль просил заверить меня в том, что лучшие чувства, которые он всегда питал ко мне, остаются неизменными. 30 октября маршал Сметс, прибывший в Лондон, встретившись со мной по его просьбе, сообщил мне, что англичане готовы признать власть Сражающейся Франции в Тананариве. Он добавил,

что то же будет сделано рано или поздно в отношении Северной Африки. За несколько дней до того Форин офис действительно решился приступить к переговорам с нами, чтобы заключить соглашение о Мадагаскаре.

Сначала нам было предложено, что с введением в права нашей местной администрации английскому командованию должно быть предоставлено право известного контроля над ней и что сверх того англичане должны полностью располагать всеми базами, коммуникациями, средствами связи, имеющимися на этом острове. Мы отвергли эти притязания. Мы полагали, что французы должны пользоваться на Мадагаскаре суверенной властью в политической и административной областях. Что касается необходимой обороны острова, мы предложили, чтобы стратегическое руководство операциями против общего врага лежало на высшем английском офицере до тех пор, пока англичане располагают там большими возможностями, чем мы. Если взаимоотношение сил изменится, руководство должно перейти к французам. В то же время французские власти предоставят нашим союзникам в соответствии с их потребностями помощь наших учреждений и различных наших служб. Я назначил генерала Лежантийома верховным комиссаром в районе Индийского океана с самыми широкими гражданскими и военными полномочиями. Одновременно я решил назначить генерал-губернатором Мадагаскара тогдашнего губернатора Убанги Пьера де Сен-Мара. Как тот, так и другой должны были отправиться к месту своего назначения, как только закончатся операции на этом крупном острове и как только наши собственные переговоры с англичанами реально обеспечат возможность выполнения и той и другой стороной своих функций.

Вскоре английское правительство заявило, что оно в основных пунктах принимает наше предложение. Надо сказать, что по мере того как правительство Виши теряло реальное влияние на Мадагаскаре, англичане убеждались, что жители Мадагаскара — я имею в виду как коренное население, так и французов — выражали почти единодушное желание присоединиться к генералу де Голлю. Если лондонский кабинет все же оттягивал решение, то делалось это с явным намерением предложить нам его в виде компенсации в тот момент, когда произойдет высадка союзников в Алжире и Касабланке, которая, как это нетрудно было предвидеть, должна была сказаться отрицательно на наших взаимоотношениях. Вот почему, когда 6 ноября, на следующий день после за-

ключения перемирия на Мадагаскаре, Иден, рассыпаясь в любезностях, предложил мне опубликовать совместное коммюнике английского правительства и Французского национального комитета о скором выезде генерала Лежантийома на остров, я сделал вывод, что события в Северной Африке не заставят себя ждать.

Таково было, по-видимому, мнение и других лиц, старавшихся оказать нам особые знаки внимания. Так, 6 августа, когда я находился на пути к Востоку, президент Бенеш торжественно заявил Морису Дежану, что «он рассматривает Французский национальный комитет, руководимый генералом де Голлем, как подлинное правительство Франции». Он просил комиссара по иностранным делам выяснить у меня, не считаем ли мы, что наступила момент, когда следовало бы от имени Франции публично осудить Мюнхенские соглашения и весь тот ущерб, который они принесли Чехословакии. Я ответил в благоприятном духе. По моем возвращении я встретил Бенеша, и мы без труда пришли к соглашению. В результате 29 сентября последовал обмен письмами между мною и монсеньером Шрамеком¹, председателем чехословацкого совета министров. Я заявлял: «Французский национальный комитет, отвергая Мюнхенские соглашения, торжественно заявляет, что он считает эти соглашения недействительными, и что мы предпримем все от нас зависящее, чтобы Чехословацкая Республика в своих досентябрьских границах 1938 получила полную и действительную гарантию в отношении ее безопасности, ее целостности и ее единства». В ответе монсеньера Шрамека чехословацкое правительство обязывалось со своей стороны сделать все возможное для того, чтобы «Франция вновь обрела свое могущество, независимость и целостность территорий метрополии и заморских владений». На следующий день я в своем выступлении по радио предал гласности эти взаимные обещания и подчеркнул их моральное и политическое значение.

Из Москвы мы также получили ободряющие знаки. Советское правительство, зная, что собираются предпринять англосаксы в Северной Африке, видя, какую позицию занимают в отношении нас Соединенные Штаты, учитывая, на основе донесений Литвина из Вашингтона, намерение Рузвельта стать арбитром между

---

¹ *Шрадек Ян* (1870—1956), чешский государственный деятель, кардинал Римской католической церкви, министр в правительстве Масарика и Бенеша, глава чешской римско-католической партии «Лидова Страна», противник автономии Карпатской Руси, глава чехословацкого Национального комитета в Лондоне в 1939—1940, министр-председатель в 1940—1945. — *Прим. ред.*

различными французскими группировками, испытывало серьезное беспокойство перед лицом этой американской тенденции к гегемонии. Богомолов дал мне понять от имени своего правительства, что Россия, борющаяся не на жизнь, а на смерть с захватчиком, не может в настоящий момент вмешаться непосредственным образом, но что это не мешает России осуждать эту политику англосаксов и что, в случае крайности, она сумеет этому противостоять. 28 сентября Москва в широко распространенном коммюнике заявляла, что Советский Союз признает Сражающуюся Францию как «совокупность французских граждан и территорий... которые всеми имеющимися в их распоряжении средствами способствуют, где бы они ни находились, освобождению Франции», и признает Французский национальный комитет «руководящим органом Сражающейся Франции и единственным органом, обладающим правом организовывать участие в войне французских граждан и французских территорий». По мнению России, между Виши и Сражающейся Францией нет места для существования какой-либо третьей силы или какой-либо третьей власти.

Надо сказать, что если Америка — новая звезда на сцене всемирной истории — еще могла верить, что она в состоянии управлять французской нацией, то европейские государства, имевшие многовековой опыт, отнюдь не питали подобных иллюзий. К тому же свой выбор Франция уже сделала сама. Ежедневно оттуда поступали вести, свидетельствовавшие о том, что движение Сопротивления растет непрерывно, а это означало, что все в нем участвовавшие морально примыкали к генералу де Голлю и что любое правительство, созданное без него, было бы отвергнуто массой в первый же день освобождения.

Этой эволюции, впрочем, способствовали своим поведением как оккупанты, так и лица, сотрудничавшие с ними во Франции. 22 июня Лаваль ко всеобщему негодованию заявил: «Я желаю победы Германии». В июле некий «легион», сформированный из молодых французов, был отправлен в Россию по приказу немцев и в немецких мундирах. В августе Петен издал закон, которым объявлялось, что всякая «деятельность» бюро обеих палат, которые еще существовали для видимости, отныне прекращается. Так что парламентские деятели теперь проклинали тот режим, который они сами учредили. Жанненэ, председатель сената, и Эррио, председатель палаты депутатов, обратились с открытым протестом к маршалу Петену. Эррио вернул свой крест Почетного легиона в знак того, что он осуждает награждение «добровольцев», которые вою-

ют против русских, — за что вскоре Эррио был арестован, а Поль Рейно, Даладьё, Блюм, Мандель¹, генерал Гамелен и другие уже находились в тюрьмах, куда Виши бросило их на следующий день после прихода к власти Петена; причем они не только не были осуждены каким-либо судом, но им даже не было предъявлено обычного обвинения. В течение лета усилилось преследование евреев, которое проводил специальный «комиссариат» по соглашению с захватчиками. В сентябре, поскольку нацисты настаивали на отправке в Германию все большего количества рабочей силы, а добровольных рабочих не хватало, был предпринят массовый набор рабочих в принудительном порядке. Общие расходы на содержание оккупантов достигли в начале сентября 200 миллиардов, то есть более чем удвоились сравнительно с сентябрем минувшего года. Наконец, немецкие оккупанты резко усилили репрессии. В течение этого месяца была расстреляна тысяча человек, из которых 116 — на Мон-Валерьен; больше шести тысяч были отправлены в тюрьмы или в концентрационные лагеря.

Когда я возвратился из стран Леванта и Африки, в Лондоне меня ждали такие свидетели и свидетельства, которых никто не мог опровергнуть. Руководитель группы «Комбат» Френэ, руководитель группы «Либерасьон» д'Астье сделали мне доклад о деятельности в неоккупированной зоне. Их отчеты ярко показывали пламенное стремление их организаций к единству, к чему побуждало также и давление снизу; вместе с тем они указывали на крайние проявления индивидуализма со стороны руководителей организаций, что приводило к соперничеству. Когда прибывшие увидели, какие помехи чинят нам союзники — о чем во Франции даже не подозревали, — когда они, в частности, узнали о том, какие события готовятся в Алжире и Марокко, они еще яснее поняли, сколь необходима сплоченность внутри самой Франции.

В своей инструкции им я предлагал ускорить создание Национального Совета Сопротивления, который включал бы представителей всех направлений движения, профсоюзов и партий во главе с Жаном Мулэном. Кроме того, я настаивал на том, что они

---

¹ *Мандель Жорж* (наст. имя Ротшильд Луи Жорж), французский журналист, сторонник Жоржа Клемансо, шеф кабинета министров при Клемансо в 1917—1918; министр связи в 1934—1936, министр колоний в 1938—1940, министр внутренних дел в правительстве Рейно 1940, антифашист, не принял капитуляцию и отправился в Северную Африку, где присоединился к движению Сопротивления, в 1942 арестован и передан в нацистские лагеря Ораниенбург и Бухенвальд, казнен. — *Прим. ред.*

должны, не колеблясь, включить имеющиеся у них боевые единицы в состав тайной армии, которая тогда создавалась. Эти люди будут подчинены в каждом районе единому руководству — назначенному мной военному делегату. Что касается оккупированной зоны, то я поручил Реми передать те же директивы следующим движениям: ОСМ, «Се де ля либерасьон», «Се де ля Резистанс», «Либерасьон-Нор», Вау дю нор» и даже организации «Фран-ти-рер э партизан», которая возглавлялась коммунистами и хотела связаться с нами.

Конечно, мы не забывали передавать Лондону и Вашингтону сведения, которые доставлялись нам из Франции. Френэ и д'Астье были связаны с английскими министрами и службами, равно как и с американскими дипломатами и информаторами. Андре Филип отправился в Вашингтон, вооруженный документами и доказательствами, имея также поручение передать Рузвельту письмо от генерала де Голля, освещающее общую ситуацию и фактическое положение дел во Франции. Бежавший из Франции Мендес-Франс¹ направился в Вашингтон с целью просветить непросвещенных. Приехавший в августе с мандатом от социалистов Феликс Гуэн осведомил лейбористскую партию о том, что французские социалисты присоединяются к Лотарингскому кресту. Вслед за тем из оккупированной зоны прибыл Броссолетт и с ним вместе Шарль Валлен² — надежда бывших правых и лиги «Боевые кресты». Валлен, еще недавно адепт режима Виши, сейчас отказывался от своего заблуждения. Этот пламенный патриот, этот апостол традиции, всей душой примкнул ко мне. Он ознакомил общественное мнение с причинами, побудившими его к этому поступку, затем вступил в строй в качестве командира роты. Генерал д'Астье де ла Вижери, генерал Коше, выдающиеся руководители Воздушных сил, тоже присоединились к нам. Коммунисты

¹ *Мендес-Франс Пьер* (1907–1982), французский политический деятель, в 1936-х годах член партии радикалов, с 1932 член парламента, противник правительства Виши, в 1940 заключен в тюрьму, бежал и присоединился к «Свободной Франции», в 1941–1943 в составе ВВС Сражающейся Франции, в 1944–1945 министр национальной экономики в правительстве де Голля, в 1954–1955 премьер-министр и министр иностранных дел, подписал Женевские соглашения 1954, в феврале — мае 1956 государственный министр в правительстве Ги Молле; в 1947–1958 управляющий Международным валютным фондом и заместитель управляющего Международным банком реконструкции и развития в 1946–1958, в 1973 вышел в отставку. — *Прим. ред.*

² *Валлен Шарль* (1903–1948), генерал французской армии, принимал участие в военных кампаниях в Чаде, Франции и Германии. — *Прим. ред.*

не отставали; из Франции они решили прислать к нам Фернана Гренье, тогда как в Москве Андре Марти неоднократно встречался с нашим делегатом Гарро и просил через него сообщить, что он передает себя в мое распоряжение. Наконец, люди самые разные, такие, как Мандель, Жуо¹, Леон Блюм, тогда еще узники Виши, а также Жанненэ, Марен, Жакино, Дотри, Луи Жилле и другие, общались нам о своих взглядах и о своем присоединении ко мне.

Таким образом, Соппротивление все более спланировало свои ряды вопреки всем трудностям, вопреки опасности и утратам, с которыми была сопряжена борьба во Франции, вопреки соперничеству руководителей, сепаратным действиям отдельных групп, состоявших на службе у заграницы. Я сумел помочь одушевить и направить это движение, благодаря чему в нужный момент получил ценное орудие в борьбе против врага, а перед лицом союзников — существенную опору моей политики независимости и единства.

И вот уже наступили первые дни ноября 1942. Америка вот-вот откроет свой крестовый поход на запад и отправит в Африку свои суда, свои войска, свои эскадрильи. Начиная с 18 октября, англичане с помощью французских войск приступают к изгнанию немцев и итальянцев из Ливии, с тем, чтобы позже соединиться в Тунисе с американской, а может быть, и французской армией. Далеко на Волге и в предгорьях Кавказа русская мощь обескровливает врага.

Какие перспективы отныне открываются перед Францией! Как все было бы ясно и просто для ее страдающих сынов, если бы не демоны яростных внутренних раздоров и если бы не злой дух, который внушает за границе мысль воспользоваться этими распрями. Не без тревоги жду я, когда начнется новый акт драмы. Но я уверен в своих людях. Я знаю, к кому обращены взоры Франции. Ну что ж! Пусть вновь взвывается занавес.

---

¹ *Жуо Леон* (1879—1954), деятель французского и международного профдвижения, в 1909—1940 и 1945—1947 секретарь французской Всеобщей конфедерации труда (ВКТ). В Первой мировой войне стал сторонником идеи «священного единения», входил в состав французской делегации на Парижской мирной конференции 1919—1920, член Международного бюро труда при Лиге Наций, в 1919—1940 один из лидеров Амстердамского интернационала профсоюзов; противник коммунистического движения и единого рабочего фронта, в 1947 создал профессиональное объединение «Форс увриер» и был избран председателем Экономического совета Франции, в 1949 — председатель Совета т. н. Европейского движения. — *Прим. ред.*

ТРАГЕДИЯ

Весь день 7 ноября американские и английские радиостанции твердили: «Роберт прибывает! Прибывает Роберт!» Услышав эту новость, я уже не сомневался, что «Роберт» — имя Мэрфи — не что иное, как условное обозначение; этим сигналом Америка давала знать о себе французам Африки, на которых она рассчитывала опереться. Следовательно, высадка начинается. И она действительно началась, как нам стало известно на следующее утро.

В полдень, по просьбе Черчилля, я явился к нему на Даунинг-стрит. У него находился также и Иден. Во время нашей беседы премьер-министр не скупился на проявления дружеских чувств, не скрывая вместе с тем своего смущения. Он сказал мне, что английскому флоту и авиации отводится в предстоящей операции немало важная роль, но английские сухопутные войска участвовали в ней лишь в качестве поддерживающей силы. В данный момент Великобритании пришлось согласиться с тем, что вся ответственность остается за Соединенными Штатами. Командование возложено на Эйзенхауэра. А американцы требуют отстранить свободных французов. «Мы вынуждены пройти через это, — заявил Черчилль. — Однако вы можете быть уверены, что мы не отказываемся от наших соглашений с вами. Ведь именно вам мы еще в июне 1940 обещали нашу поддержку. Какие бы ни происходили инциденты, мы намерены продолжать начатое. Впрочем, по мере развития событий нам, англичанам, придется вступить в дело. Тогда мы скажем свое слово. Слово в вашу поддержку». И Черчилль прибавил не без некоторого волнения: «Вы были с нами в самые трудные моменты войны. Теперь, когда горизонт начинает проясняться, мы не покинем вас».

Оба министра сообщают мне, что американцы осуществляют высадку одновременно в нескольких пунктах Марокко, равно как в Оране и Алжире. Операция проходит не гладко, особенно в Касабланке, где французские войска оказывают упорное сопротивление. Генерала Жиро в районе Лазурного берега приняла в открытом море английская подводная лодка и доставила в Гибралтар. Американцы рассчитывали, что ему удастся взять в свои руки командова-

ние французскими войсками в Северной Африке и решительно изменить обстановку. Но сейчас появились сомнения в его успехе. «Знали ли вы, — спросил Черчилль, — что Дарлан в Алжире?»

Выслушав объяснения моих собеседников, я ответил им в основных чертах следующее: «Тот факт, что американцы высадились в Африке, где вы, англичане; и мы, свободные французы, сражаемся вот уже более двух лет, сам по себе весьма отраден. Кроме того, эта акция, на мой взгляд, дает возможность Франции восстановить армию, а также и флот, которые будут бороться за освобождение страны. Генерал Жиро настоящий солдат. От всей души желаю ему успеха. Жаль только, что союзники отговорили его вступить со мной в соглашение, ибо я мог бы помочь ему не только пожеланиями успеха. Но рано или поздно мы с ним договоримся, и чем меньше будут вмешиваться союзники, тем скорее это произойдет. Что же касается предпринятой ныне операции, то я ничуть не удивляюсь, что она сопряжена с трудностями. В Алжире, да и в Марокко имеется немало воинских частей, которые в прошлом году дрались против нас в Сирии и которым вы, вопреки моим предубеждениям, позволили уйти оттуда. С другой стороны, американцам угодно было держать в Северной Африке руку Виши против де Голля. Я всегда считал, что рано или поздно им придется расплачиваться за это. Вот они и расплачиваются, и, само собой разумеется, мы, французы, тоже вынуждены расплачиваться. Однако, учитывая, какие чувства воодушевляют наших солдат, я полагаю, что борьба будет не слишком продолжительной. Но какой бы короткой она ни была, немцы подоспеют».

Я выражаю свое удивление Черчиллю и Идену тем обстоятельством, что в планах союзников не учитывается прежде всего Бизерта. Ибо совершенно очевидно, что немцы и итальянцы вторгнутся в Тунис именно через этот порт. Поскольку американцы не пожелали рисковать и прямо высадиться в Бизерте, можно было бы, если бы меня об этом попросили, высадить там дивизию Кеннига. Английские министры соглашаются со мной, но еще раз повторяют, что за ход операции всю ответственность несут американцы. «Вот чего я не понимаю, — говорю я им, — как это вы, англичане, целиком и полностью передали в чужие руки предприятие, в успехе которого в первую очередь заинтересована Европа?»

Черчилль спрашивает меня, как, на мой взгляд, будут развиваться в дальнейшем взаимоотношения между Сражающейся Францией и властями Северной Африки. Я отвечаю, что, по-моему, единственно возможный путь — это добиваться единства. Это означает, что

связи должны установиться как можно скорее. Это означает также, что существующий ныне в Алжире режим и видные деятели Виши должны быть удалены со сцены, ибо Соппротивление, все Соппротивление не допустит, чтобы они остались. Если, скажем, Дарлан будет править Северной Африкой, никогда не может быть достигнуто желаемое соглашение. «Что бы там ни было, — заключаю я, — самой главное сейчас — добиться прекращения боев. А там посмотрим».

Вечером того же дня, обращаясь к командирам, солдатам, матросам, летчикам, чиновникам, французским колонистам в Северной Африке, я взывал: «Подымайтесь! Помогайте нашим союзникам! Присоединяйтесь к ним без всяких оговорок! Не думайте ни об именах, ни о формулах! За дело! Наступила великая минута. Наступил час благоразумия и мужества... Французы Северной Африки! С вашей помощью мы снова вступим в дело от одного конца Средиземного моря до другого, и победа будет одержана благодаря Франции!»

В действительности же, по сведениям, поступившим в Карлтон-гарденс, американцы по-прежнему наталкиваются повсюду на серьезное сопротивление. Без сомнения, связи, которые они себе здесь заранее обеспечили, сыграли свою роль. Генерал Маст¹, командовавший Алжирской дивизией, и генерал Монсабер², командующий войсками в районе Блиды, так же как полковник Жус, Бариль, Кретьен, капитан 2-го ранга Баржо и другие, помогали им по мере возможности в течение нескольких часов, но в Касабланке генерал Бетуар³ тщетно пытался сделать то же. Прав-

¹ *Маст Шарль-Эммануэль* (1889–1977), французский генерал, в 1932–1937 военный атташе в Токио, в 1940 главнокомандующий 3-м военным подразделением в Северной Африке, в 1942 главнокомандующий военным подразделением в Касабланке (Северная Африка), в 1943 участвовал во французской военной миссии в Сирию и Египет, в 1943–1947 генерал в Тунисе, с 1950 в отставке. — *Прим. ред.*

² *Монсебер Жозеф Жан Жослар де* (1887–1981), французский генерал, закончил Сен-Сирское военное училище в 1911, служил в Тунисе и Марокко, героически сражался в Италии в 1944, принимал участие в освобождении Франции, командовал 2-ым корпусом французской армии. — *Прим. ред.*

³ *Бетуар Литуан* (1889–1982), французский генерал, участник Первой мировой войны, в 1940 командующий франко-польским экспедиционным корпусом в Норвегии, взял под контроль Нарвик; после капитуляции Франции служил в Марокко, участвовал в движении Соппротивления, за поддержку «Свободной Франции» был арестован и приговорен к смерти, в 1942 освобожден силами «Свободной Франции», вел переговоры с США об оказании Сражающейся Франции крупномасштабной военной помощи, руководитель Национального штаба защиты в Алжире, в 1944 командующий 1-ой французской армией во время высадки союзников в Нормандии, после войны командовал оккупационными силами союзников в Австрии. — *Прим. ред.*

да, группам «голлистов», действующим под командованием Пофиле, Ваннека, Ашиари и Экерра, Абулькера, Кальвэ, а также Пиллафора и Дрейфуса, причем последние пали на поле боя, — удалось на время занять в Алжире несколько правительственных зданий и даже продержаться всю ночь адмирала Дарлана в осаде на вилле «Оливье». Правда, кое-кто из известных лиц, в частности Риго, Лемегр-Дюбрейль, Сент-Ардуэн, ведшие дела с американцами, сыграли там ту роль, которая им и предназначалась по линии осведомления и связи. И, наконец, само собою разумеется, воззвание Жиро — где он даже не упоминает о Сражающейся Франции — широко распространено по радио и американскими листовками, а преданные офицеры и участники Сопротивления всех толков готовят для него в Дар-Махидине командный пост. Но в общем и целом ясно, что план, разработанный Леги, Мэрфи и Кларком, по которому высадка союзников должна была пройти без единого выстрела, и послание Рузвельта, адресованное Петену, Ногесу и Эстева¹, не принесли желаемого результата.

9 ноября положение было отнюдь не из блестящих. Вишистские власти или сохраняли повсюду преимущество, или брали верх. Маршалл дал прямой приказ отбить «нападение». Генерал Жиро, поняв, что союзники отнюдь не намереваются перейти под его командование, остался в Гибралтаре и все еще не появился в Северной Африке, где, кстати сказать, его воззвание не имело ни малейшего успеха. В Алжире Дарлан хотя сразу же дал приказ гарнизону «прекратить огонь», все же позволил повсюду проводить в жизнь «Оборонительный план» и по любому поводу по-прежнему ссылаться на Петена и Лавалья. В Ороне шли ожесточенные бои. Однако особенно яростные схватки разыгрывались в Марокко. Касабланка, Порт-Лиоте, Федала стали ареной упорных боев. И, наконец, в Тунисе приземлился самолет с адмиралом Плато-

---

¹ *Эстева Жан-Пьер* (1880—1950), французский адмирал, участник Первой мировой войны, в 1927—1932 занимается развитием морской авиации, в 1935 — вице-адмирал, с 1936 служит на Дальнем Востоке, посещает британские военно-морские базы на Тихом океане — Гонконг и Сингапур, в 1939 становится главнокомандующим военно-морского флота на Средиземном море, в 1940, после краха французских армий, переходит на службу правительству Виши, доверенное лицо маршала Петена, военный резидент в Тунисе, в 1942 во время операции англо-американских войск «Торч» под давлением Петена оказывает содействие итало-германским силам, в 1943 в Алжире приговорен к смертной казни военным судом Свободной Франции, в 1944 арестован, в 1945 признан виновным в государственной измене и приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1950 по состоянию здоровья. — *Прим. ред.*

ном, доставившим из Виши приказ адмиралу Эстева, главному резиденту, и адмиралу Дерьену, морскому префекту Бизерты, открыть проход немцам. И действительно, в течение этого же дня немцы высадили на территории Эль-Алауина парашютный десант, не сделав при этом ни одного выстрела.

В этот вечер союзники в Лондоне имели кислый вид. Каждый невольно задавал себе вопрос, уж не приведет ли начатое предприятие к длительной борьбе между французскими войсками и частями Эйзенхауэра и к вторжению на всю территорию Северной Африки вражеских войск, к которым волей-неволей присоединятся и испанцы.

Но там, на месте, здравый смысл восторжествовал. Генерал Жюэн¹, бывший главнокомандующим до прибытия Дарлана в Северную Африку и ставший после его приезда вторым, вполне здраво оценил всю абсурдность борьбы с союзниками и понял, какие плачевные последствия повлечет за собой вторжение немцев и итальянцев. Он знал также, что его подчиненные в глубине души придерживаются того же мнения. Он стал торопить Дарлана подписать приказ о «всеобщем прекращении огня», на что последний решился 10 ноября. Генерал Жюэн вступил в контакт с Жиро, который в конце концов все-таки прибыл в Дар-Махидине. На приеме в вилле «Оливье» Жюэн указал Жиро, что был готов уступить ему свое место. Он отдал генералу Барре², командовавшему войсками в Тунисе, приказ сгруппировать свои силы в районе Меджес эль Баб и попытаться открыть огонь по немцам.

Утром 11 ноября борьба между французами и союзниками была прекращена повсеместно.

Но обошлась она недешево. С французской стороны было убито и ранено 3 тысячи человек. Что касается флота, то многие суда были потоплены или получили непоправимые повреждения: крейсер «Примоге», эскадренные миноносцы «Альбатрос», «Эпервье», «Милан», семь миноносцев, десять подводных лодок, большое количество мелких судов, сторожевых патрульных кораб-

¹ *Жюэн Альфонс-Пьер* (1888–1967), Маршал Франции, в 1939–1940 главнокомандующий 15-м моторизованным подразделением, в 1940–1941 военнопленный, в 1941–1943 главнокомандующий в Марокко, в 1943–1944 главнокомандующий в Северной Африке, в 1943–1944 командующий Французским экспедиционным корпусом в Италии, в 1953–1956 главнокомандующий НАТО в Центральной Европе. — *Прим. ред.*

² *Барре Луи-Жорж* (1886–1970), генерал-лейтенант французской армии, в 1940 командующий 7-м военным подразделением в Северной Африке, в 1942 верховный главнокомандующий войсками в Тунисе. — *Прим. ред.*

лей, кораблей-конвоиров, так же как и множество грузовых судов. Кроме того, был сильно поврежден линкор «Жан Барт»; две подводные лодки достигли Тулона, где они вскоре были потоплены. Наконец, из 168 самолетов, базировавшихся в Марокко и Алжире, 135 были уничтожены на аэродромах или в бою. Союзники со своей стороны потеряли больше 3 тысяч убитыми, ранеными, пропавшими без вести. Английский флот потерял два эскадренных миноносца «Брок» и «Малкольм», два корабля-конвоира, «Уолней» и «Хартланд», и много транспортных судов. В американском флоте линкор «Массачусетс», крейсера «Уичита» и «Бруклин», эскадренные миноносцы «Мэрфи» и «Ладлоу» были серьезно повреждены; не менее сотни мелких судов, используемых для высадки войск, были уничтожены в море или около берега, сбито 70 самолетов.

Когда затихли бессмысленные бои, я первым делом постарался связаться с Французской Северной Африкой. 9 ноября, во второй половине дня, я пригласил к себе адмирала Старка. Он явился с глазами, полными слез, еще не остывший от волнения, которое, по его словам, вызвал мой призыв, передававшийся накануне по радио, но еще более взволнованный боями между французами и американцами, чего он никак не ожидал. «Эйзенхауэр тоже удивлен и опечален», — заявил адмирал. «Мне хотелось бы, — сказал я ему, — послать в Алжир миссию. Прошу правительство Соединенных Штатов принять все необходимые меры, чтобы миссия смогла достичь места своего назначения». Старк пообещал мне свое содействие. На следующий день я написал Черчиллю, прося его обратиться с соответствующим ходатайством к Рузвельту. Я назначил в состав миссии Плевена, Бийотта¹, д'Астье и Френэ, которые должны были выехать по первому же знаку.

11 ноября состоялось уже давно намечавшееся широкое собрание «французов Великобритании». Никогда еще стены Альберт-холла не видели такого множества народа. Очевидно, мысль о Северной Африке владела всеми умами. Наблюдая и слушая, я

---

¹ *Бийотт Пьер* (1906—1992), французский генерал, учился в Сан-Сирском военном училище (1926—1928), в 1930—1932 служил в Морской пехоте в Индокитае, в 1940 попал в плен, бежал, попал в советский военный лагерь, где находился до 1941, присоединяется к генералу де Голлю, участвует в высадке союзников в Нормандии в 1944, депутат в Национальное собрание от департамента Сены 25 ноября 1962 — 8 февраля 1966, 1966—1968 министр Колоний, с 1977 президент Движения за социализм. — *Прим. ред.*

чувствовал, как под внешней набыю ликования умы раздирает одновременно и радость и тревога. Ясно, что люди хотят единства и не могут избавиться от мысли, как бы де Голль и Сражающаяся Франция не были вовлечены в какую-нибудь сомнительную аферу. И когда откуда-то с галерки некий генерал в отставке, бежавший из Франции в Англию, крикнул с места, заклиная меня подчиниться Жиро, беднягу тут же схватили до крайности возбужденные люди, потащили прочь и выставили из зала под дружные крики одобрения.

В своей речи я подчеркиваю, какова наша цель в связи с происходящими и могущими произойти событиями. Сделал я это в достаточно умеренных тонах, чтобы не закрыть дверей перед людьми доброй воли, но достаточно определенно, чтобы каждый понял, что сказанное будет претворено в жизнь.

Для начала я приветствую новую фазу войны, когда после стольких отступлений чаша весов наконец-то склоняется к силам свободы. Я заявляю, что по-прежнему в центре драмы была и остается Франция. Потом, призывая к единству, я провозглашаю: «Франция! Это значит — единая нация, единая территория, единый закон!» И показываю, как наш народ, рассеянный катастрофой, спланивается в Сопротивление и что именно Сражающаяся Франция, а не какая-либо другая сила направляет и организует национальное движение.

«Французское единение, — говорю я, — скреплено кровью французов, тех, что никогда не признавали перемирия, тех, что и после Ретонды¹ продолжают погибать за Францию. Центром, вокруг коего вновь воссоздается единство, являемся мы, Франция, которая сражается. Нации, упрямой за тюремную решетку, мы с первого дня предлагаем борьбу и свет, и вот почему нация денно и нощно голосует за Сражающуюся Францию... Вот почему мы рассчитываем объединить весь наш народ и все наши территории... Вот почему мы не допускаем, чтобы кто-либо смел подрывать единую битву за родину параллельными выступлениями, другими словами — выступлениями обособленными; но воля нации, которая выражается сейчас пусть еще глухо, но мощно, сумеет с ними справиться. Вот почему Французский национальный комитет говорит от имени Франции, когда он просит у всех со-

¹ Около станции Ретонда (возле Компьена) было заключено перемирие между Францией и Германией в 1918 и между гитлеровской Германией и «правительством» Петена в 1940. — *Прим. ред.*

действия, чтобы вырвать из рук врага и Виши нашу страну, поработенную ими страну, чтобы восстановить полностью французские свободы и законы республики». Я заканчиваю призывом: «Общая борьба за общую родину!»

Присутствующие прекрасно поняли, что в начавшейся трудной партии я готов объединиться со всеми достойными людьми, но что я никогда, ни на йоту не отступлю от того, что раз навсегда принял на себя. Громкими возгласами это собрание французов выражает свое одобрение. Позже я смогу убедиться в том, что союзники восприняли это совсем иначе. Их руководители и глашатаи, вздыхая и укоризненно покачивая головой, будут порицать нас за нашу «прямолинейность».

Сами они были менее требовательны. Конечно, американцы, на которых равнялись англичане, были удивлены и раздосадованы неудачей Жиро. Но коль скоро Эйзенхауэр не нашел иного способа положить конец сопротивлению, как договориться с Дарланом, что ж, Америка, значит, будет теперь делать дела с Дарланом. 10 ноября генерал Кларк, получив сообщение об изданном адмиралом Дарланом приказе «прекратить огонь», заявил тоном победителя, дающего предписание побежденному, что в этих условиях «все гражданские и военные власти будут по-прежнему выполнять свои функции».

13 ноября Ногес, Шатель, Бержере объединились вокруг Дарлана. Они сообща решили, что адмирал Дарлан будет верховным комиссаром Северной Африки. Вскоре ему подчинился и Буассон. Жиро, которого в равной мере сторонились как вишисты, так и «голлисты», поспешил сделать то же самое, за что и был назначен главнокомандующим войсками.

15 ноября Дарлан объявил обо всех этих мероприятиях и уверил, что все делалось «от имени маршала».

Поскольку сами источники их власти были достаточно грязны, требовалось придать ей видимость законности. Поэтому-то было объявлено, что Ногес, получив от маршала в период недолгого заключения Дарлана полномочия на власть, передал их адмиралу и что последний тем самым вновь восстанавливается на своем посту. Но вся эта казуистика уже никого не устраивала, даже наименее шепетильных людей. На самом же деле после бурных совещаний, где, по имеющимся у нас сведениям, Вейган и адмирал Офан заклинали маршала Петена одобрить приказ о «прекращении огня», тогда как Лаваль требовал, наоборот, осудить это решение, маршал встал на сторону последнего. В речах и

по радио он громко негодовал против «измены» своих проконсулов. Он заявил, что «Дарлан не справился со своей миссией». Он велел также опубликовать письмо, написанное ему генералом Жиро 4 мая, где тот клялся честью никогда не противоречить ни политике Петена, ни политике Лавала. Он довел до всеобщего сведения, что отныне сам берет на себя командование французскими армиями. Он вновь подтвердил свой приказ воевать с англичанами и американцами и открыть путь войскам держав оси.

1 декабря адмирал Платон, министр маршала, которому он поручил «координацию военных действий трех видов оружия», обращается по радио к алжирским войскам и заявляет: «Во Франции и только во Франции после стольких испытаний маршал и его правительство возродят национальную армию... Франция отвоеует Африку. И вы увидите тогда, как будут удирать изменники в иностранном обозе».

Итак, следовало изобрести какую-нибудь другую уловку, чтобы «узаконить» власть Дарлана. Тогда стали ссылаться на телеграмму, отправленную якобы каким-то второстепенным должностным лицом, текст которой, равно как и имя отправителя, так никогда и не были опубликованы, но простая ссылка на которую позволила клану авгуров намекать, так сказать, для галерки, что Петен якобы секретно одобрил действия адмирала. Наконец, самым веским аргументом тех, кого Виши именovalo «клятвопреступниками», был следующий: так как в связи с оккупацией южной зоны маршал отныне зависит от немцев, его приказы не имеют законной силы; власть, следовательно, принадлежит тем, кому он вручил ее, еще будучи свободным.

Президенту Рузвельту большого и не требовалось, чтобы откинуть в отношении Дарлана все свои демократические и юридические сомнения, которые в течение двух лет он выдвигал против де Голля. По его приказу Кларк признал верховного комиссара и вступил с ним в переговоры, приведшие 22 ноября к соглашению, в силу которого Дарлан управляет и командует, при условии, что его деятельность будет отвечать видам англо-американских победителей. Конечно, президент обнародовал послание, в котором утверждалось, что политические соглашения, заключенные между Эйзенхауэром и Дарланом, являются лишь «временной мерой». Но, принимая у себя 23 ноября Андре Филипа и Тиксье, он, раздосадованный их протестами, крикнул: «Конечно, я договорился с Дарланом, раз Дарлан дал мне Алжир! Завтра я вступлю в переговоры с Лавалем, если Лаваль даст мне Париж!» Однако он

тут же добавил: «Мне очень хотелось бы повидаться с генералом де Голлем, чтобы обсудить все эти вопросы; и я прошу вас, скажите ему, что его визит в Вашингтон был бы весьма желателен». Наконец 7 декабря Дарлан, добившись согласия союзников, объявил себя главой французского государства в Северной Африке и главнокомандующим всеми силами, сухопутными, воздушными и морскими, имея при себе некий «имперский совет», в состав которого входили Ногес, Жиро, Шатель, Буассон и Бержере.

В то время как в Алжире, Касабланке, Дакаре должностные лица сделали поворот на 180 градусов, чтобы сохранить свои места, в самой Франции враг «откликнулся» на события: немецкие войска хлынули в «свободную» зону. Виши запретило оказывать им сопротивление. «Армия перемирия» должна в ожидании демобилизации сложить оружие. Генерал Делаттр, который еще сохранял кое-какие иллюзии, мужественно пытался применить на практике план обороны и занять вместе с войсками округа Монпелье позиции в горах Монтань-Нуар. Его тут же дезавуировали, отстранили от дел, посадили в тюрьму. Будучи в тюрьме, он вошел в контакт со Сражающейся Францией, которая позже помогла ему бежать и вызвала в Лондон, где он и связал навсегда свою судьбу с моей. Генерал Вейган, пытавшийся укрыться в Герэ, был арестован гестапо и отправлен в Германию. Таким образом окончательно рассеялась — поскольку Виши и само не сделало и не позволило сделать ни одного выстрела по врагу — лживая легенда о видимой независимости, которую вишистское правительство пыталось прикрыться, чтобы оправдать свою капитуляцию и обмануть немало честных французов. Из внешних признаков его независимости остался один лишь флот в Тулоне. Но и то ненадолго.

Этот флот, частью которого, фактически сохранявшей свободу действий, командовал адмирал Лаборд¹, а другая — слабовооруженная — подчинялась непосредственно адмиралу Марки, морскому префекту Тулона, оставался под властью Петена. Тулонский флот отказался следовать в Африку вопреки заклипаниям Дарлана и стал свидетелем того, как немцы вошли прямо в порт. Соглашение о «нейтралитете», заключенное Виши с врагом, привело к тому, что наши моряки не прибегли к крайним дейст-

---

¹ *Лаборд Жан де*, граф (1878–1977), французский адмирал, после капитуляции Франции в 1940 оказал поддержку Дарлану и выступал на стороне правительства Виши во время немецкой оккупации в Южной зоне (27 ноября 1942), в 1947 приговорен к смерти, смертная казнь была заменена пожизненным заключением, в 1954 освобожден. — *Прим. ред.*

виям. Это было первым шагом к уничтожению флота. Лично я более чем убежден в этом; ведь я написал секретное письмо адмиралу Лаборду, пытаясь указать ему путь, продиктованный честью и долгом; однако, как мне стало известно, он разразился оскорбительными речами по моему адресу и угрожал моему эмиссару, полковнику Фурко, однако письмо мое все же сохранил.

26 ноября немцы ворвались в Тулон, чтобы захватить наши корабли.

Поскольку они первым делом заняли господствующие над арсеналом высоты, установили артиллерию в непосредственной близости от порта, расставили мины по всему рейду, французский флот оказался в их власти. Итак, маршал, его министры, командующий флотом, скованные последствиями собственной неосмотрительности, не нашли ничего лучшего, как дать приказ потопить эти мощные суда. Три линкора — «Дюнкерк», «Страсбур», «Прованс», восемь крейсеров — «Кольбер», «Дюплекс», «Фош», «Алже», «Жан де Вьенн», «Галисоньер», «Марсейез», «Могадор», семнадцать эскадренных миноносцев, шестнадцать миноносцев, шестнадцать подводных лодок, семь сторожевых судов, три патрульных судна, шестьдесят транспортных судов, танкеров, тральщиков, буксиров, совершили, таким образом, по приказу свыше акт самоубийства, плачевнее и бесплоднее которого трудно себе вообразить. Кроме того, один эскадренный миноносец, один миноносец, пять танкеров не были взорваны и попали в руки немцев. Только пять подводных лодок по инициативе их мужественных командиров «взбунтовались» и попытались уйти: «Касабланка» (капитан Лерминье), «Глорье» (капитан Менье), «Марсуэн» (капитан Мин). Им удалось достичь Алжира. «Ирис» (капитан Деже) вынужден был из-за нехватки горючего укрыться в испанском порту. «Венюс» (капитан Кресан) затонула на рейде. Что касается меня, то, исполненный печали и гнева, я мог лишь следить за тем, как вдали рушится то, что было одним из важнейших залогов спасения Франции, приветствовать по эфиру отдельные героические эпизоды, сопровождавшие бедствия, да принимать по телефону соблазна, которые великодушно, но не без тайного удовлетворения выразил мне английский премьер-министр.

Однако ход событий по-прежнему содействовал сплочению французов, которые уже стояли за де Голля, а также способствовал привлечению тех, кто до сего времени к нему не благоволил. Катастрофический развал вишистского режима и оккупация территории всей метрополии и в самом деле еще яснее показали, что

только Соппротивление может пасти Францию. С другой стороны, приход Дарлана в Северную Африку при поддержке американцев вызвал всеобщее негодование. Столь сильное, что оно породило невиданное единодушие в нашем лагере.

Конечно, в данном случае мы все не могли не чувствовать себя обманутыми, не могли не досадовать, видя, как союзники договариваются с нашими политическими противниками. Но тут говорило и возмущение идеалистов. Так, мы с гневом слушали, как дикторы американского радио через Би-Би-Си гнусаво провозглашали позывные радиостанции «Свободной Франции»: «Честь и родина!», а вслед за тем начинали вещать о речах, деяниях и жестах адмирала Дарлана. Наконец, изучая реакцию народа, который среди всех обрушившихся на него испытаний равно осуждал как режим, приведший к поражению, так и режим коллаборационизма, мы пришли к твердой уверенности, что если де Голль ступается или, хуже того, скомпрометирует себя, коммунистическая идеология восторжествует в сознании отчаявшихся масс. Национальный комитет был в этом убежден. Наши соратники, где бы они ни были, тоже не сомневались в этом. По этой причине, а также по многим другим, я опирался на единый и монолитный, как скала, союз, когда заявлял правительствам Вашингтона и Лондона, что нет ни малейшего шанса добиться компромисса между Сражающейся Францией и «верховным комиссаром» Северной Африки.

12 ноября я предложил адмиралу Старку сказать это от моего имени его правительству. В Вашингтоне Филип и Тиксье сделали аналогичное заявление 13 ноября Сэмнеру Уэлсу и 14 ноября – Корделлу Хэллу. 20 ноября полковник Шевинье повторил то же самое Макклою. 23 ноября Филип и Тиксье подтвердили это самому Рузвельту.

16 ноября я виделся с Черчиллем и Иденом, которые искали случая побеседовать со мной с тех пор, как в Лондоне появилось воззвание Дарлана, в котором он оповещал, что будет и впредь править от имени маршала и с согласия союзников. Надо сказать, что эта новость вызвала сильное недовольство в различных кругах английского общества и даже в самом английском кабинете министров. В Лондоне явно улавливались признаки всеобщего возмущения. Так что в этот день атмосфера была еще более натянутой, чем обычно, и премьер-министр, как и всегда, не осуждая действий Рузвельта, все же стремился подчеркнуть, что политика американского президента принимается им не без оговорок.

Он без обиняков заявил мне, что понимает и разделяет мои чувства, но что важнее всего изгнать из Африки немцев и итальянцев. Он успокаивал меня, говоря, что распоряжения, принятые в Алжире Эйзенхауэром, имеют сугубо временный характер, и дал мне прочесть телеграммы, которыми они на этот счет обменялись с Рузвельтом. «Англия дала свое согласие при том условии, что это будет лишь маневром», — сказал он.

«Я принимаю к сведению точку зрения Великобритании, — ответил я. — Моя же позиция совсем иная. Вы ссылаетесь на стратегические соображения, но вступать в противоречия с моральным аспектом войны как раз и является стратегической ошибкой. Мы живем не в восемнадцатом веке, когда Фридрих подкупал придворных венского двора, чтобы захватить Силезию, и не в эпоху итальянского Возрождения, когда пользовались услугами полицейских стражников Милана или темных убийц Флоренции. Но их еще никогда не делали правителями освобожденных народов. Мы ведем войну кровью и душой народов». Тут я показал Черчиллю и Идену телеграммы, полученные из Франции, из которых явствовало, в какое оцепенение погружено общественное мнение страны. «Подумайте о возможности неисчислимых последствий, которые может повлечь за собой подобное положение вещей, — сказал я им. — Если Франция придет к выводу, что освобождение, как его понимали англосаксы, это Дарлан, то вы можете одержать военную победу, но морально вы проиграете и, в конечном счете, будет только один победитель — Сталин!»

Затем мы заговорили о коммюнике, которое Французский национальный комитет опубликовал, чтобы довести до всеобщего сведения, что мы не имеем ничего общего с комбинациями союзников в Алжире. Для того, чтобы распространить это коммюнике как можно шире, мы хотели бы использовать передачи Би-Би-Си. Я попросил английского премьер-министра не препятствовать этому, хотя лондонское радиовещание на Северную Африку находилось в ведении американцев... — «Согласен, — ответил Черчилль. — Я телеграфирую Рузвельту, что генерал де Голль должен иметь возможность обнародовать свое мнение».

Когда визит подходил к концу, Иден отвел меня в сторону и со слезами, взволнованно сообщил мне, что лично он весьма потрясен. Я ответил, что слишком хорошо его знаю и поэтому отнюдь не удивлен его словам, ибо, говоря с глазу на глаз, мы должны признать, что игра ведется нечисто. Поведение Идена лишь укрепило мои догадки: ему самому, а также известной части

английского кабинета министров безусловно претило следовать американской политике с той готовностью, с какой это делал Черчилль.

После завтрака на Даунинг-стрит, во время которого гостеприимная госпожа Черчилль всячески старалась вовлечь в беседу встревоженных дам и глубоко озабоченных мужчин, мы с премьер-министром удалились для беседы с глазу на глаз.

«Что касается вас, — объявил мне Черчилль, то, при всей трудности конъюнктуры, ваше положение превосходно! Жиро политически не существует. Вскоре пробьет час Дарлана. Вы останетесь один». И добавил: «...Не сталкивайтесь с американцами. Наберитесь терпения! Рано или поздно они придут к вам сами, потому что другой альтернативы нет». «Очень может быть, — ответил я. — Но я вас не понимаю. Вы с первого дня ведете войну. Можно даже сказать, что вы сами олицетворяете эту войну. Ваши войска продвигаются в Ливии. Не бывать бы американцам в Африке, если бы вы не били Роммеля. До этого самого часа ни один солдат Рузвельта еще не встречал гитлеровского солдата, тогда как в течение трех лет ваши люди сражаются под всеми широтами. В африканском деле решается судьба Европы, а Англия принадлежит к Европе. А между тем вы позволили американцам взять на себя руководство борьбой. Вам должно принадлежать руководство, по крайней мере, моральное, этой борьбой! Так руководите же! Общественное мнение в Европе будет за вас».

Это заявление поразило Черчилля. Он завертелся на стуле. Мы расстались предварительно договорившись, что нельзя допускать ослабления франко-английского единства, каким бы острым ни был нынешний кризис, ибо это единство сейчас больше чем когда-либо соответствует единственному порядку вещей, особенно с тех пор, как американцы вмешались в дела Старого света.

В тот же вечер лондонское радио, как я и просил, передало, что «генерал де Голль и Национальный комитет не принимают никакого участия в переговорах, ведущихся в Алжире, и не несут никакой ответственности за них» и что «если в результате этих переговоров в Северной Африке сохранится вишистский режим, то это решение не будет признано Сражающейся Францией». Наше сообщение заканчивалось словами: «Союз всех заморских территорий в борьбе за освобождение возможен только в условиях, совместимых с волей и достоинством французского народа».

Но добрые намерения англичан не устояли против американского нажима. Три дня спустя английское правительство запрети-

до нам использовать Би-Би-Си для распространения одного заявления, в котором организации французского Сопротивления выражали поддержку нашей позиции. Дело шло о послании из Франции, адресованном союзным правительствам и подписанном представителями трех движений южной зоны — «Комбат», «Либерасьон», «Фран-тирер», а также французского рабочего движения, объединявшего Всеобщую конфедерацию труда, христианские профсоюзы и четыре политические партии — социалистический комитет действия, республиканскую федерацию, народных демократов, радикалов. Послание гласило: «Генерал де Голль является бесспорным руководителем Сопротивления и ведет за собою всю страну.. Ни в коем случае мы не допустим, чтобы присоединение лиц, виновных в военной и политической измене, рассматривалось как прощение за совершенные ими преступления... Мы настоятельно просим, чтобы судьбы освобожденной Французской Северной Африки были как можно скорее переданы в руки генерала де Голля». Цензоры из Вашингтона наложили свое вето на опубликование этого документа.

21 ноября мне самому довелось столкнуться с их противодействием. В одной своей речи, предназначенной для французской нации и уже включенной в программу радиопередачи Би-Би-Си, я спрашивал: «Неужели национальное освобождение должно быть обесцещено?» — и, естественно, сам отвечал на этот вопрос: «Нет!» За несколько минут до начала передачи Чарльз Пик явился ко мне и заявил, что «в силу договоренности между союзниками и по соображениям военного характера лондонское радио не может передавать материалы, касающиеся Северной Африки, без согласия правительства Соединенных Штатов; что по поводу моей речи согласие было испрошено, но получение ответа задержалось, и английское правительство просит извинения». Таким образом, мою речь и документ Сопротивления пришлось передать радиостанциям Сражающейся Франции в Браззавиле, Дуале и Бейруте, не подлежащим иностранному контролю.

24 ноября во время нашей беседы Черчилль счел своим долгом заговорить, правда не без известного смущения, о задержке передачи моей речи по Би-Би-Си. «Поскольку затронутые в ней проблемы, — сказал он мне, — могут поставить на карту жизнь американских и английских солдат, я счел нужным телеграфировать президенту Рузвельту, с тем, чтобы получить его согласие. Ответ еще не получен». — «Мне прекрасно известно, — сказал я, — что на английской земле радио мне не подвластно». Но, судя по поведе-

нию Черчилля, я без труда понял, что и ему оно тоже не было подвластно.

Так посреди всех этих потрясений я пытался сохранить непоколебимое равновесие. Впрочем, я действовал скорее по здравому рассуждению, нежели повиновался голосу чувства. Ибо система, созданная в Алжире, казалась мне чересчур искусственной, чтобы устоять против тарана событий, какую бы поддержку ей ни оказывали извне. Люди, руководящие этой системой, действовали как бы в пустоте. Они не имели опоры ни в одном из течений общественного мнения. Неприязненно относившиеся к де Голлю, проклинаемые Петеном, подозреваемые атлантистами, лидеры эти не пользовались ничьими симпатиями, никакой поток не увлекал их за собой. Было ясно, что они занимают ту или иную позицию, руководствуясь лишь спекулятивными соображениями. К чему же тогда уступать, пусть даже в малом, этой олигархии, не имеющей ни будущего, ни надежды? Тем более, что как раз в то время, когда эта клика утвердилась в Алжире, сложились чрезвычайно благоприятные перспективы для нашего движения, становившегося все более внушительным. Сразу же после высадки американцев в Марокко и в Алжире Сражающаяся Франция распространила свое влияние на все французские владения в Индийском океане.

Из этих владений первым присоединился Реюньон. Остров Реюньон, одиноко лежащий среди далеких южных морей, в стороне от морских путей, огибающих мыс Доброй Надежды, бедный природными ресурсами, с пестрым по составу, но пламенно преданным Франции населением, не учитывался непосредственно в планах союзников. Но он легко мог стать жертвой комбинированного удара японцев и немцев, особенно с тех пор, как им был закрыт путь на Мадагаскар. С другой стороны, мы знали, что большая часть жителей острова Реюньон хотела, чтобы их страна приняла участие в войне. Поэтому я давно уже искал случая присоединить остров к Сражающейся Франции. Но союзники старались оттянуть мое вмешательство, потому что они сами подготавливали свою операцию на Мадагаскаре, а американцы намеревались высадиться в Африке и боялись спугнуть Виши и врага. Теперь же у них не оставалось более предлога препятствовать моим действиям. Итак, 11 ноября я решил осуществить присоединение.

В течение многих месяцев эскадренный миноносец «Леопард» под командованием капитана 2-го ранга Ришара-Эвену участво-

вал с этой целью в операциях эскорта и патрулей в районе Южной Африки. Я дал ему приказ добраться до Реюньона и, выполнив свою задачу, взять на борт Капагорри, главного администратора колоний, которого мы заранее назначили губернатором.

28 ноября судно появилось на рейде Сен-Дени. Завидев флаг с Лотарингским крестом, толпы народа направились в порт приветствовать французских моряков; многие чиновники и военные открыто проявляли свои симпатии. Одна только батарея в Пуэнт-де-Гале открыла огонь. «Леопард» ответил орудийным залпом и высадил на сушу подразделение, которому при содействии руководителя общественных работ Декюжи и местной, беззаветно действовавшей группы тут же удалось уладить инцидент. К великому прискорбию, Декюжи и еще несколько человек были убиты. Поскольку губернатор Обер удалился в свою резиденцию в горах, капитан Ришар-Эвену вошел с ним в сношения. «В целях умиротворения» было договорено прекратить всякое сопротивление, и губернатор Капагорри взял на себя ответственность за судьбы острова. Среди всеобщих выражений восторга представитель генерала де Голля приступил к выполнению своих обязанностей.

Месяц спустя то же самое произошло на Мадагаскаре. В сущности, с того времени, как генерал-губернатор Аннэ капитулировал перед англичанами, судьба этого большого острова теоретически была решена. Однако практически все здесь было под вопросом. Правда, 11 ноября в связи с повторным предложением Идена я согласился обнародовать совместное коммюнике, в котором заявлялось, что «Французский национальный комитет и правительство Великобритании ведут переговоры относительно Мадагаскара» и что «Французский национальный комитет назначил на пост верховного комиссара генерала Лежантийома». Но я не соглашался взять большой остров в руки, если руки эти не будут свободны. Итак, следовало добиться того, чтобы англичане устранились из политической и административной жизни Мадагаскара.

По этому поводу шли бесконечные переговоры, соглашение затягивалось из-за различных демаршей английских колонистов. Эти последние сначала пытались склонить администрацию Виши действовать под их эгидой через посредство английского военного командования, а потом сделали практическую попытку управлять непосредственно и поручили лорду Реннелю вести дела, опираясь на содействие благонадежных французских чиновников. Но теперь лорд Реннель и его окружение отказывались от этого и признавали необходимым предоставить действо-

вать Сражающейся Франции. Тем не менее они желали сохранить за собой право контроля, что нас, понятно, ничуть не устраивало. В конце концов соглашение было подписано 14 декабря Иденом и мною и содержало благодаря моей настойчивости все необходимые пункты. В тот же вечер, выступая по радио, я сообщил своим слушателям об этом счастливом событии и заявил, что в силу вышеизложенных обстоятельств «наша прекрасная и большая колония сможет развернуть значительную военную и экономическую активность», и подчеркнул «исключительную лояльность, которую доказала этим актом Англия, наша добрая старая союзница».

Соглашение и в самом деле оговаривало, что принятые решения «имели целью восстановить суверенные права Франции на Мадагаскаре и на связанных с ним островах (Коморские острова, Крозе, Кергелен, Сен-Поль, Амстердам), что верховному комиссару передается власть, даваемая французским законом генерал-губернатору, так же как и прерогативы командующего французскими войсками... и что защита Мадагаскара, связанных с ним островов и острова Реюньон будет проводиться совместно». Верховный комиссар безотлагательно приступит к реорганизации французских военных сил. До того времени, пока он не получит необходимые средства, руководство обороной территории временно возлагается на английского генерала. Комендантом в Диего-Суаресе будет английский морской офицер.

Когда это соглашение было подписано, генерал Лежантийом выехал в Тананариве, куда был направлен отряд, включавший все виды оружия из Свободной Французской Африки. Лежантийому, которого сопровождали генерал-губернатор Сен-Мар и военный комендант полковник Бюро, вменялось в обязанность вновь наладить административный и хозяйственный аппарат, коммунальное обслуживание, возобновить внешние связи, реорганизовать воинские части. В то же время ему поручалось успокоить умы. В итоге через несколько недель после его прибытия половина офицеров, две трети унтер-офицеров и почти все солдаты частей, еще недавно воевавших с союзниками по приказу Виши, вступили в ряды Сражающейся Франции. Остальных перевезли в Англию, откуда они направились в Северную Африку, как только была восстановлена связь.

Посылая в Тананариве генерала Лежантийома, я с чувством удовлетворения предписал ему посетить Джибути, которым 28 декабря овладела Сражающаяся Франция. Это, без сомнения, яви-

лось следствием событий, происшедших на Мадагаскаре, ибо с начала английского вмешательства власти Французского берега Сомали не могли доставлять с острова необходимые припасы. Но это было также результатом деятельности, которую в течение двух лет вела наша миссия в восточной Африке. Сначала Палевский, затем Шансель подготовили почву для объединения, устанавливая всевозможные связи с колонией, распространяя там нашу информацию, активно отстаивая наши интересы перед негусом в Аддис-Абебе и перед английским командованием в Найроби. С другой стороны, полковник Аппер и его отряд, стоявший в непосредственной близости к гарнизону, призвали его присоединиться к нам, дали ему пример того, как обязаны действовать образцовые военачальник и войска, и мало-помалу оказали воздействие на умонастроение большинства. Однако для того, чтобы все это могло осуществиться на практике, требовалось вступление наших войск в колонию.

В самом деле, генерал Дюпон — губернатор Джибути, сменивший здесь Ноайета, — медлил выйти из подчинения своему начальству, хотя в глубине души желал этого, и я писал ему, убеждая поторопиться с решением. Видя это, часть гарнизона, увлекаемая подполковником Рейналем, в начале ноября перешла границу и присоединилась к отряду полковника Аппера. Другие части последовали их примеру.

Тут вашингтонское правительство, желая отвлечь колонию от соединения с де Голлем, послало на место своего консула из Адена. Но этот последний не сумел найти решения, соответствующего американской политике, другими словами, одновременно исключаящего и Виши и де Голля. Его вмешательство породило большое возбуждение в среде «голлистов» и побудило их к действию. 26 декабря войска Сражающейся Франции, под командованием Аппера и Рейнала и с согласия англичан, вошли во Французское Сомали и, не сделав ни одного выстрела, достигли города по железной дороге. Вопрос был решен. 28 декабря генерал Дюпон подписал совместно с моим делегатом Шанселем и представителем английского командования генералом Фоуксом¹ соглашение, по которому колония передавалась Французскому национальному комитету. Шансель сразу же взял на себя власть.

---

¹ *Фоукс Чарльз* (1894—1966), британский генерал, в 1941 главнокомандующий в Восточной Африке, в 1943—1945 главнокомандующий 11-ым восточноафриканским подразделением в Бирме. — *Прим. ред.*

30 декабря Бейарделль, назначенный губернатором Джибути, тоже приступил к выполнению своих обязанностей.

Присоединение Сомали имело большое значение. Теперь все французские владения в районе Индийского океана вновь включились в войну, и таким образом западные державы получили здесь стратегические позиции, прикрывавшие Африку и Восток на случай новой угрозы со стороны Японии. Сам город Джибути вновь приобрел значение транзитного порта у входа в Красное море и открывал доступ к нему для Эфиопии. Кроме того, Сражающаяся Франция получила весьма ценное подкрепление в виде трехсот офицеров и восьми тысяч солдат, не говоря уже о военном имуществе для наших войск, занятых в Ливии, а также для тех частей, которые мы рассчитывали сформировать на Мадагаскаре. Наконец, с точки зрения политической, знаменательно было то, что в течение тех самых недель, когда система, существующая в Алжире, явно зашла в тупик, Национальному комитету удалось добиться единства и включить в военные действия столь отдаленные и столь нужные нам территории.

Но более всего способствовал объединению тот факт, что два обломка французской армии, находящиеся в Африке, сражались отныне против общего врага. И впрямь, никакие уловки не могли скрыть от офицеров и солдат, занимавших позицию на «хребте» Туниса, что они теперь делают то же дело, что и их товарищи в Ливии и Фецане. То же самое «правительство», которое вчера кляло одних, сегодня поносит других за то, что они, мол, «усугубляют беды, обрушившиеся на страну». Во Франции Сопrotивление, в котором участвовали люди, ни на минуту не прекращавшие борьбы, ныне соединялось с теми, кто в Тунисе обратил свое скромное оружие против захватчика. Народ, связавший все свои чаяния с де Голлем и его соратниками, объединял в единой надежде и всех французских солдат, участников общей битвы. Я был уверен, что стремление к слиянию всех сил будет крепнуть с каждым днем от Рабата до Габеса. Поэтому, хотя я еще не мог отвечать за войска Французской Северной Африки, я следил за их действиями с тем же страстным вниманием, как и за действиями всех других французских войск.

Через несколько дней враг воспользовался неизбежным в таких случаях замешательством и вторгся в пределы Туниса. Тунисские войска под командованием Барре были перегруппированы и направлены, одни — в районы Беджа и Меджес-эль-Баб, а другие — в район Тебессы с целью перерезать пути на Алжир. Затем дивизи-

зия в Константине под командованием генерала Вельвера¹ в свою очередь достигла Тебессы, образовав вместе с частями Барре армейский корпус, во главе которого был поставлен генерал Кельц², тогда как южнее генерал Делэ воссоединился с войсками Сахары. 16 ноября Жюэн принял командование этим армейским соединением, которое 19 ноября и открыло огонь по немцам в Меджезэль-Бабе, а 22 ноября вновь заняло Гафсу и Сбейтлу. К концу ноября от северных до южных границ Туниса образовалось нечто вроде фронта, правда слабого и разорванного, но так как его держали люди решительные, он осуществлял первое прикрытие вводимых в действие боевых частей союзников.

Наступил декабрь, и оба лагеря стали сильнее. Немцы и итальянцы под командованием генерала Неринга³ получили подкрепление войсками и оружием, доставляемым через Сицилийский залив или из Триполитании через Габес; 1-я английская армия генерала Андерсона выдвинула свой авангардный корпус на территорию берегового района к западу от Туниса и Бизерты; генерал Жиро присоединил к войскам Жюэна сначала алжирскую дивизию, которой командовал Делинь, потом еще одну дивизию и марокканские пехотные батальоны, которые привел генерал Матэне⁴; американцы располагали бронетанковой дивизией, поддерживавшей действия англичан, а также парашютистами и танками, поддерживавшими действия французов.

Короче говоря, спустя два месяца после высадки, генерал Эйзенхауэр ввел в соприкосновение с врагом только небольшое число англо-американских частей; затяжка с расширением операций

---

¹ *Вельвер Мари Жозеф Эдмон* (1884–1943), французский генерал, командующий 1-ым бронетанковым подразделением, в 1943 командующий подразделением в Константине (Тунис), убит на поле боя. — *Прим. ред.*

² *Кельц Мари-Луис* (1884–1970), французский генерал, в 1937–1939 руководитель штаба Верховного Военного Совета, в 1939–1940 руководитель штаба 8-ой армии, в 1940 глава комиссии по перемирию, в 1941–1942 главнокомандующий 19-ой военной областью в Алжире, в 1942–1943 главнокомандующий XIX корпусом в Тунисе, в 1945–1946 глава французской делегации Союзнической Комиссии Контроля в Берлине. — *Прим. ред.*

³ *Неринг Вальтер* (1892–1983), немецкий военачальник, генерал танковых войск, участник Первой мировой войны, Польской кампании 1939, Французской кампании 1940, воевал на советско-германском фронте, в 1942 командовал танковым корпусом «Африка», в 1944 возглавил группу Неринга, в 1945 командующий 1-й танковой армией, в мае 1945 капитулировал. — *Прим. ред.*

⁴ *Матэне Морис Нозль-Эжен* (1889 — ?), французский генерал, участник движения Сопротивления, командующий первой Марокканской дивизией. — *Прим. ред.*

объяснялась тем, что он опасался, как бы испанцы не перешли в наступление в Марокко, а также нежеланием сразу вводить в дело свои еще недостаточно обстрелянные войска; наконец, не последнюю роль сыграли трудности в размещении авиационных частей, получении продовольствия, в организации коммуникаций в такой обширной стране, как Французская Северная Африка, особенно если учесть, что неприятельские подводные лодки и самолеты не престапно нападали на транспорты в открытом море. В первые месяцы 1943 было потеряно грузов больше, чем за всю войну. В течение этого критического периода судьба всей кампании в значительной степени зависела от действий французских войск. Роль, достойная всяческой похвалы, ибо выступали они с устаревшим вооружением, не имея ни авиации, ни танков, ни тяжелой артиллерии, ни зенитных и противотанковых орудий, ни грузовиков, поскольку вся материальная часть была передана комиссиям по перемирию или уничтожена в боях против американцев. Единичные экземпляры современного оружия имелись лишь в отдельных частях или были закамуфлированы в укрытиях в пустыне.

Тем временем Бизерта стала жертвой открытого предательства. Адмирал Дерьен, следуя приказам, привезенным из Виши Платоном, позволил немецким войскам беспрепятственно войти в город. 7 декабря Неринг потребовал от злосчастного адмирала разоружить гарнизон и передать немцам корабли, порт, арсенал, укрепления, что и было сделано незамедлительно. Таким образом, важнейший опорный пункт перешел в руки неприятеля, который сверх того захватил один эскадренный миноносец, два сторожевых судна, девять подводных лодок, стоявших на рейде или в доке. Этот плачевный эпизод довершал серию позорных деяний. Отныне, за исключением «африканской фаланги», воевавшей на стороне врага против союзников, ни в одном пункте Африки Виши не располагало французским оружием. То немногое, что еще оставалось на руках у солдат, они сумеют поставить на службу Франции – одни в Тунисе, другие в Ливане.

Как известно, именно при содействии группировки Лармина англичане начали наступление против Роммеля. Во время прорыва 23 декабря, блистательно проведенного Монтгомери в районе Эль-Аламейна, 1-я легкая дивизия под командованием Кенига была введена в бой на южном фланге фронта на крутых склонах Химеймата. Вынужденные вести бои на территории с тяжелым рельефом, имея перед собой растянутую линию фронта и хорошо укрепившегося противника, наши войска понесли значительные

потери; в частности, пал смертью храбрых Амилаквари. Несколько дней спустя 2-я легкая дивизия под командованием полковника Алессандри и бронетанковая колонна полковников Реми и Керосона доблестно участвовали в преследовании неприятеля, предпринятом 8-й армией. Я заранее одобрил план использования наших войск. Но вскоре высадка английских войск в Марокко и в Алжире, а также открытие фронта в Тунисе привели меня к мысли, что было бы весьма досадно до времени обескровить группировку Лармина. Гораздо благоразумнее было пустить ее в дело со всеми техническими средствами в позднейшую фазу операции, когда соединятся союзные армии, идущие с запада и востока, когда на французской земле объединятся войска Лотарингского креста с войсками Северной Африки и будут громить врага на берегах «нашего моря».

Поэтому-то я утвердил решение английского командования, которое 10 ноября отвело с фронта войска «Свободной Франции» и поставило их в резерв в районе Тобрука. Вскоре я согласился на предложение, которое мне сделал Лармина, относительно создания боевой дивизии полного состава, которая объединила бы две легкие дивизии. Мы сформировали это великолепное соединение в составе трех бригад: Броссе, Алессандри, Лелона, оснастив их полностью артиллерией, приведенной в порядок в Джибути. Таким образом, была создана 1-я французская свободная дивизия. Лармина и его войска с трудом сдерживали нетерпение и ждали возможности вновь вступить в дело, но на этот раз — для решительных операций в великой африканской битве, которая длилась уже два года при неизменном участии наших войск.

Тем временем нам представился долгожданный случай занять Феццан и ввести в бой, разыгрывавшиеся на Средиземноморском побережье, французское соединение, пришедшее из района озера Чад через Сахару. Осуществление этого проекта, который у меня окончательно созрел, как только в Форт-Лами соединились Эбуэ и Маршан, подготовлялось Леклерком с 1940 и прошло уже несколько стадий: формирование войска пустыни, организация снабжения, взятие Куфры, глубокая разведка итальянских позиций. Настала минута поставить на карту все. 14 ноября, подтверждая мою инструкцию от 22 сентября, я предписал генералу Леклерку перейти в наступление, выдвинув как одну из первых задач занятие французами Феццана, используя его в дальнейшем для действий в направлении или Триполи, или Габеса во взаимосвязи с операциями союзников в Триполитании. Я добавлял: «В прове-

дении этой операции вы подчиняетесь только мне. Однако вы должны действовать согласованно с генералом Александером, главнокомандующим английскими войсками на Востоке, с тем чтобы с того момента, когда вы достигнете Феццана, вы смогли получить эффективную поддержку с воздуха... Я рассчитываю начать ваше наступление в тот момент, когда наши союзники достигнут Сиртского залива». По правде говоря, с начала англо-американской высадки в Алжире и Марокко я задумал сочетать вторжение наших войск в Ливию с юга с их продвижением в район Нигера и дать приказ двинуть на Зингер колонну, подготовленную специально для этой цели. Но с окончанием борьбы между французами и союзниками я решил прекратить эту второстепенную операцию. Следовало провести только главную.

Эта операция требовала напряженной подготовки: переброски частей с территории Чад, марша сближения протяжением в тысячу километров, вплоть до соприкосновения с укрепленными пунктами неприятеля, доставки непосредственно к месту действия материальной части – горючего, боеприпасов, продовольствия, материальных резервов – словом, всего, на чем основывался успех всякой атаки. Так как в конце ноября наступление Монтгомери развивалось в благоприятных условиях, а в Тунисе устанавливалась линия фронта союзников, я дал Леклерку 28 ноября приказ: «Начиная со 2 декабря вы можете действовать по собственной инициативе с учетом указаний генерала Александра». Но как ни рвались Леклерк и его войска перейти в рукопашную, их выступление состоялось лишь 12 декабря в связи с тем, что продвижение 8-й армии задержалось в районе Эль-Агейлы.

Тем временем нам надо было парировать намерение англичан распространить свою власть на Феццан, как только он будет нами отбит. Генерал Александер 28 ноября уведомил Леклерка, что он присылает английских офицеров, на которых возлагались административные функции на занятых территориях. «Эти офицеры, – сообщал английский главнокомандующий, – будут приданы вам для сопровождения ваших войск. Они будут осуществлять гражданское управление на занимаемых вами территориях до того момента, когда будет произведено объединение всей Триполитании под управлением английских военных властей». Одновременно Александер уведомлял Леклерка, что «экономическая политика Лондона запрещает в Феццагн обращение франка».

1 декабря Чарльз Пик, которому вопреки его заслугам, а быть может, именно благодаря им, навязывали подчас самые неблаго-

приятные поручения, вручил мне, не питая при этом излишних иллюзий, ноту Идена, касающуюся того же предмета. Я ответил Пику отказом принять ноту, постаравшись сделать это как можно любезнее, и телеграфировал генералу Леклерку: «В битве за Африку Феццан должен стать долей Франции. Феццан — это географическая связь между южным Тунисом и территорией Чад. Вы должны безоговорочно отклонять всякое английское вмешательство в этом районе, в какой бы форме оно ни предпринималось — политической, административной, финансовой и т.д.»

22 декабря операция сближения была завершена. Началось наступление. После двух недель ожесточенных боев группировки Ингольда и Деланжа, действуя соответственно в направлении Умм-эль-Аранэб и Гатрума и при поддержке с воздуха эскадрильи «Бретань», овладели позициями неприятеля, предварительно разделившись с его летучими колоннами. Под их командованием Дио, Массю, Жофруа, Саразак, д'Абзак и другие провели ряд удачных боев и захватили много трофеев. 12 января взятие Себхи открыло дорогу на Триполи. 13 января пост Мурзук был отбит нашими войсками. Мы взяли тысячу пленных, в их числе сорок офицеров, забрали двадцать пушек, много танков, сотни минометов, пулеметов, автоматов. В то время как войска Леклерка готовились к продвижению на Север, функции военного коменданта Феццана взял на себя полковник Деланж.

Таким образом, наконец-то был сорван благодаря отваге и настойчивости этот лакомый плод пустыни. 13 января 1943 я объявил стране об успехе нашего оружия. «Быть может, — говорил я по радио, — усилия славных солдат Франции хоть немного ее утешат в ее бедах... Да! Длительные и тяжелые испытания, которых потребовала тщательная подготовка под небом экватора, смертельная усталость колонн, устремлявшихся вперед среди камней и песка пустынь, изнурительные полеты воздушных эскадрилий, кровавые столкновения с постами, бои с войсками и авиацией противника — всю тяжесть этого марша вынесли на себе сильные и чистые сердцем люди; и все они, начиная с их молодого и славного генерала до последнего безвестного солдата, принесли свой скромный дар ради скорби и гордости Франции!»

Но если в смысле военном перспективы начали проясняться, то в области политической они еще никогда не были столь мрачны. В Карлтон-гарденсе мы были достаточно осведомлены. Ибо многие военные чиновники, журналисты, курсировавшие между Африкой и Англией, считали своим долгом передавать нам пись-

ма и информацию. Кроме того, некоторым «голлистам» из Алжира и Марокко удалось добраться до нас, воспользовавшись всеобщим смятением.

Итак, нам стало известно, что пребывание Дарлана на высшем руководящем посту вызывает на месте ожесточенную критику. Вишисты заколебались, узнав о формальном неодобрении со стороны маршала. «Голлисты» возмущались по праву этой так называемой «временной мерой». Видные деятели, которые договаривались с Мэрфи о возвышении Жиро, так и не состоявшемся, поняли, что надежды их грубо обмануты. Многие среди них — и военные и чиновники — подверглись суровым репрессиям. Так, генерал Бертуар, полковник Маньян, контролер Громан были по приказу Ногеса арестованы в Марокко и чуть было не расстреляны. Лишь с большим трудом Эйзенхауэру удалось переправить их в Гибралтар. Из Алжира генерал Маст и полковник Бариль вынуждены были уехать на Ближний Восток. Во флоте, в авиации, в армии возмущались, наблюдая, как Дарлан извлекал выгоду из своего поворота на все 180 градусов, и пересчитывали потопленные корабли, разбитые самолеты, трупы солдат, в гибели которых он был повинен. Наконец, тот флот в Тулоне предпочел пойти ко дну, лишь бы не повиноваться Дарлану, подсказал многим мысль, что его руководство делами представляет отныне одиозное неудобство.

Такое положение вещей побудило меня как можно скорее войти в контакт с Алжиром. Миссия, которую я хотел направить в Африку с разрешения Рузвельта и Черчилля, само собой разумеется, не получила еще возможности отправиться туда. Вашингтон и Лондон изыскивали тысячи предлогов, лишь бы задержать ее. В начале декабря я обратился к генералу Эйзенхауэру с просьбой, чтобы он сам принял в Алжире генерала д'Астье де ла Вижери, которому я поручил завязать там полезные для дела связи с французскими руководителями. В этом случае, как и позже во многих других, я встретил со стороны американского главнокомандующего то понимание, в котором мне отказывали политические инстанции его страны. Он согласился на мою просьбу. Правда и то, что Эйзенхауэр, пораженный сопротивлением, на которое он натолкнулся при высадке, дезориентированный интригами, на которые не скупилась многие французы, встревоженный смятением умов, сильно опасался, как бы это всеобщее волнение не привело к беспорядку и не нарушило безопасности коммуникаций в разгар битвы за Тунис. Таким образом, мое намерение най-

ти в Северной Африке почву для соглашения с теми, кто был этого достоин, показалось ему вполне отвечающим общим интересам союзников.

Генерал д'Астье прибыл в Алжир 20 декабря. То, что он там увидел, произвело на него впечатление самого настоящего кризиса, с трудом сдерживаемого в границах тем полицейским аппаратом, которым окружили себя власти; однако подспудно все находилось в кипении.

Д'Астье нашел генерала Жиро крайне раздосадованным тем, что он не смог в момент высадки убедить армию идти за ним. В то же время он был горько разочарован тем, что американцы ответили отказом на его просьбу доверить ему командование союзными войсками, и чувствовал себя униженным, потому что сохранял свои функции только по воле Дарлана. Это-то недовольство и склонило его слух к нашим предложениям. Так, когда мой посланец призвал его завязать отношения со Сражающейся Францией, в частности по вопросам координации военных операций и набора войск, Жиро высказался за установление контакта.

Граф Парижский, прибывший из Марокко, указал генералу д'Астье, что создавшееся положение кажется ему не только серьезным, но и прямо вредным для интересов Франции. Дело перво-степенной важности, по его мнению, — это безотлагательно отстранить адмирала и вслед за тем объединить всех французов доброй воли. Он лично находился в Алжире с целью собрать своих сторонников ради укрепления их единства; он готов был участвовать в любом арбитраже, если его попросят. Граф, впрочем, в данном случае высказал полное бескорыстие во всем, что касалось его личных интересов.

Лемегр-Дюбрейль не скрывал, так же как и его друзья, что он уязвлен тем, что его не допустили к командным постам, которых, по его словам, он заслужил своими политическими способностями и услугами, оказанными американцам. Под эгидой генерала Жиро, который, по мысли Лемегра-Дюбрейля, должен был стать главой государства, Лемегр сам готов был занять в объединенном правительстве пост председателя Совета министров и доверить генералу де Голлю портфель министра национальной обороны.

С другой стороны, д'Астье узнал, что местных политических деятелей в течение долгого времени хранивших покорное молчание пробудили к жизни первые порывы урагана. 24 ноября Сорэн, Фроже, Дейрон, председатели генеральных советов Орана, Алжира, Константины, к которым присоединился также депутат

Алжира Сарда, писали Дарлану: «Поставив себя в зависимость от правительства маршала, которое, однако, как вы сами признали, более не свободно в своих действиях, и взяв на себя функции представителя этого правительства в Северной Африке, вы не располагаете ни одним из качеств, необходимых для осуществления власти законного и независимого правительства».

Наконец, коснувшись роли американцев, мой посланец отметил, что, продолжая сотрудничать с адмиралом Дарланом, Эйзенхауэр и его штаб считали, что верховный комиссариат должен быть лишь переходной ступенью, и настаивали на своем желании держать непосредственную связь с генералом де Голлем.

Что же касается множества людей, которые по самым различным мотивам еще находясь под властью Виши, были причастны к Сопrotивлению, причем некоторые с оружием в руках помогали вторжению союзников, то эти люди, которых сейчас преследовали особенно ожесточенно, испытывали, по свидетельству генерала д'Астье, скрытое, но весьма острое недовольство. Его брат Анри, занимавший в верховном комиссариате значительный пост, профессор Капитан, руководитель движения «Комбат» в Северной Африке, и многие другие хорошо осведомленные лица описывали моему уполномоченному атмосферу заговора, в которой жили сторонники Сопrotивления, и говорили, что можно с часу на час ждать какого-нибудь кровавого инцидента.

Находясь под впечатлением всего увиденного и услышанного, а также побуждаемый Мэрфи, генерал д'Астье согласился вступить в переговоры с Дарланом. Он надеялся, что встреча их произойдет с глазу на глаз. Но адмирал принял его в окружении целого ареопага, где заседали, в частности, генералы Жиро и Бержере. Все эти деятели сидели с мрачными физиономиями, в каждом их слове чувствовались двуличие и недовольство. Дарлан имел явно измученный вид, но, желая, видимо, подбодрить своих соратников, счел необходимым порисоваться перед моим представителем. Он заявил, что является хозяином положения, что назрела необходимость объединить всех французов, что он лично готов облегчить эту задачу, амнистировав тех, кто с начала перемирия помогал союзникам; и сам он на следующий день после окончания войны предаст гласности свое решение выйти в отставку, но пока он и только он представляет единственно возможный центр объединения. Этой наигранной уверенности убийственно противоречило истинное положение вещей, та общая нервозность, которой не мог скрыть даже сам адмирал, — так что обмануться было невозможно.

Д'Астье сказал об этом Дарлану, не преминув сослаться на общественное мнение Франции, откуда он непосредственно прибыл. Тогда адмирал, вспльвив, упрекнул д'Астье в том, что тот приехал в Алжир сеять смуту. «А каково ваше мнение? — обратился д'Астье к Жиро. — Ибо от вас я жду ответа на сделанное вам предложение генерала де Голля относительно координации действий войск, находящихся под вашим командованием, и сил Сражающейся Франции». Жиро заметил, что он готов уладить этот вопрос, но Дарлан сухо прервал его: «Нет, нет, генерал. Это уж мое дело». Воцарилось глубокое молчание. Положил конец этой тягостной сцене генерал д'Астье, во всеуслышание заявив адмиралу, что его, адмирала Дарлана, пребывание на теперешнем посту является главной помехой единению и что самое лучшее, что он может сделать, это как можно скорее сойти со сцены.

В результате этого разговора американцы дали знать генералу д'Астье, что Дарлан требует его отъезда и что сами они согласны с этим требованием.

Д'Астье возвратился в Лондон 24 декабря. Из своего пребывания в Алжире он вынес убеждение, что Дарлан, чувствуя, как колебалась под его ногами почва, в ближайшее время очистит место.

К вечеру того дня, выходя с рождественской елки, устроенной нашими моряками, я узнал о смерти Дарлана. Его убийца — Фернан Боннье де ла Шапель — был выразителем и орудием необузданного гнева, кипевшего в каждой душе, но не исключена возможность, что за кулисами скрытно действовала некая политика тех, кто решил убрать «временную меру», предварительно воспользовавшись ее услугами. Этот юноша — почти ребенок, — потрясенный целой чередой зловещих событий, считал, что, убирая с пути примирения французов скандальное, по его мнению, препятствие, он послужит делу своей несчастной родины. С другой стороны, он твердил вплоть до самой казни, что возлагает надежду на вмешательство извне в его защиту со стороны достаточно высокопоставленных и влиятельных лиц, которым местные власти ни в чем не смогут отказать. Конечно, ни одно частное лицо не имеет права никого убивать, кроме как на поле боя. Конечно, поведение Дарлана как носителя власти и руководителя могло быть подсудно лишь французскими органами, а никак не какой-либо группе лиц или отдельному человеку. Однако можно ли не понять, что породило этот взрыв юношеской ярости? Вот почему само расследование, поистине странное и грубое по своим методам, продолжавшееся к тому же всего несколько часов, поспеш-

ный и скомканный процесс в наспех собранном военном трибунале, заседавшем ночью при закрытых дверях, немедленная и тайная казнь Фернана Боннье де ла Шапель, приказы, данные цензорам, не пропускать даже упоминания его имени — все это приводит к мысли, что кое-кому любой ценой хотелось скрыть причину, толкнувшую юношу на убийство, и что тут пытались пренебречь обстоятельствами, которые если и не оправдывают драму, то объясняют ее, а в известной мере даже заставляют понять виновного.

Однако, если трагическое убийство Дарлана порицалось многими, то самый факт его исчезновения со сцены отвечал железной логике событий. Ибо история в великие минуты терпит у кормила власти лишь тех людей, которые способны направлять ход событий. А ведь дело зашло так далеко, что Дарлан не мог ничего ни добавить к тому, что должно было свершиться, ни препятствовать совершившемуся. Все — и прежде всего сам адмирал — отдавали себе отчет, что эта страница уже перевернута.

А ведь могло быть иначе, если бы он не упустил случая. В 1940 наш флот и впрямь мог и должен был сыграть главную роль в национальной обороне, хотя в течение многих веков, в силу того, что судьбы Франции решались на континенте, он был оттеснен на задний план. Во время военной катастрофы, обрушившейся на метрополию, флот, к счастью, уцелел. С этой минуты океаны, расстояния, скорость — словом, все факторы, определявшие его роль, приобрели первенствующее значение. В его распоряжении были наши заморские владения, которые тоже уцелели. Союзники, которым неприятель угрожал с моря, без всякого торга оказали бы помощь. Сочетая свою силу с силой их флота, он мог бы блокировать и преследовать врага, прикрывать берега Африки или господствовать там, перевоза все необходимое для армии-освободительницы, и в один прекрасный день доставить ее обратно к нашим берегам. Но для выполнения подобной задачи главе флота была необходима не только склонность к риску, но и страсть патриота, который желает служить одной Франции, что бы с этим флотом ни случилось в дальнейшем. Но не таким человеком был Дарлан.

Все его притязания, все его заботы были отданы флоту, но одному только флоту. В годы общей вялости и непрочности государства, — а ведь в этих условиях протекала почти вся его сознательная жизнь, — он был целиком поглощен лишь одним: флотом, этим мощным организмом, его интересами, его чарами, его тех-

ТРАГЕДИЯ

ников. В мирные времена он сумел, пустив в ход весь свой пыл и всю свою ловкость, выманить у властей средства для постройки хорошо оснащенного флота, но рассматривал его как свое ленное владение, существующее само по себе и ради него самого.

Когда Франция потерпела поражение, для Дарлана важнее всего было то, что флот не разбит. Когда произошла капитуляция, он принял ее, утешаясь мыслью, что общая катастрофа минует флот. Когда конфликт стал мировым и флот имел все возможности стать прибежищем нации, у Дарлана была единственная цель — не пускать его в дело, а сохранить любой ценой. Это от имени флота ему хотелось стать главой вишистского правительства. Это с целью обеспечить флоту поле действия и свое место в событиях он не раз давал приказ выступать против «голлистов» и союзников.

Он выступил против Англии в сотрудничестве с захватчиками, потому что хотел одержать верх в той борьбе, которую он называл морским соперничеством. И когда наконец он принял решение прекратить борьбу, которая по его планам велась на берегах Африки против англичан и американцев, что возобладало в его душе — запоздалое стремление победить захватчика родины или решение переменить лагерь в надежде собрать рассеянные по свету остатки флота? Но поскольку в Тунисе, в Фор-де-Франс, в Александрии моряки отказались ему повиноваться, а в Касабланке, Оране, Бизерте от кораблей остались лишь жалкие обломки, адмирал Дарлан понял, что если Франция и выиграет войну, то его личная партия проиграна.

Франция без сильного флота не может быть Францией. Но флот должен быть ее флотом. Правительству надлежит формировать флот, руководить им, использовать его как орудие национальных интересов. Увы! Этого-то как раз не смог и не сумел сделать режим, который уже в течение многих десятилетий плыл по воле волн, не управляя живыми силами нации.

На мой взгляд, убийство в Алжире выявило основную причину наших испытаний. Подобно всем неслыханным бедам, обрушившимся на Францию, ошибки адмирала Дарлана, трагическая судьба нашего флота, глубокая рана, нанесенная душе наших моряков, — все это были последствия длительного недуга всего государственного организма.

КОМЕДИЯ

Исчезновение Дарлана могло иметь серьезные последствия для дела объединения французов. Мне следовало воспользоваться стечением обстоятельств. 25 декабря я телеграфировал генералу Жиро, что «покушение в Алжире является показателем и предостережением» и что «необходимо более чем когда-либо создать там национальную власть». Далее я писал: «Предлагаю вам, генерал, встретиться со мной как можно скорее на французской территории — в Алжире или на территории Чад. Мы обсудим меры, которые помогли бы объединить под временной центральной властью все французские территории, способные бороться за дело освобождения и спасения Франции».

Если я так торопился отправить это послание, то лишь потому, что мы не имели права ждать сейчас, когда наконец представилась возможность соглашения. Но я адресовался к генералу Жиро, потому что считал, что он сменил Дарлана. И в самом деле, теперь американцы в Алжире получили возможность использовать того человека, на которого пал их выбор с самого начала, и лишь присутствие адмирала мешало им осуществить свое намерение. Что касается необходимых формальностей, то они зависели лишь от «имперского совета», то есть от Ногеса, Буассона, Шателя и Бержере, которыми бесспорно распоряжались Эйзенхауэр и Мэрфи. И действительно, генерал Жиро 26 декабря был облечен всеми полномочиями и получил весьма странный титул «гражданского и военного главнокомандующего». Если бы он согласился на мое предложение, если бы мы объединились с ним вопреки воле интриганов и чужеземцев, если бы мы призвали объединиться по нашему примеру всех, кто хотел изгнать врага, можно было бы сразу же найти основу для организации авторитетного правительства военного времени. Таким образом, можно было бы избежать долгих месяцев смуты. Если бы на затаенные обиды и претензии некоторых французов, если бы не желание союзников оставить под своим контролем власть в Северной Африке и помешать Франции появиться там в

качестве суверенной державы, то здравый смысл нации восторжествовал бы гораздо раньше.

Как я и ожидал, ответ, присланный мне генералом Жиро 29 декабря, оказался весьма уклончивым. Выразив сначала полное согласие со мной относительно необходимости объединения французов, он, желая оттянуть этот момент, привел те же мотивы, которые приводил я с целью ускорить дело. «В свете того, — писал он, — что недавнее убийство вызвало глубокое волнение в гражданских и военных кругах Северной Африки, нынешняя атмосфера не благоприятствует нашей встрече». Вместе с тем, ссылаясь на военную обстановку в Северной Африке и выдавая за свое собственное — лишь с легкими поправками — мое предложение об организации в Африке взаимной связи, сделанное ему через генерала д'Астье, он добавлял: «Я предпочел бы, чтобы вы направили ко мне компетентного представителя для налаживания сотрудничества между французскими вооруженными силами, сражающимися против общего врага».

Естественно, эта уклончивая позиция меня отнюдь не устраивала. Получив ответ от генерала Жиро, я тут же, 1 января, послал ему телеграмму. В этом втором своем послании я выражал удовлетворение по поводу того, что «первый обмен мнениями между нами состоялся». Но я утверждал, что «объединение всей империи и всех французских сил с силами Сопrotивления никоим образом не должно откладываться». «Я уверен, — писал я, — что только временная центральная власть, учрежденная на основе национального единства, достигнутого в интересах ведения войны, способна обеспечить должное руководство усилиями французов, поддержать целостность суверенитета Франции и достойно представлять ее за границей» Итак, я возобновил свое предложение относительно встречи и добавил: «Я понимаю всю сложность положения в Алжире. Но мы могли бы без затруднений встретиться в Форт-Лами, либо в Браззавиле, либо в Бейруте, по Вашему выбору. С доверием жду Вашего ответа».

Излагая на бумаге мои призывы к единению, я сильно сомневался в результатах нашей телеграфной переписки. Вряд ли следовало ожидать, что секретные документы, да еще просматриваемые в Алжире англо-американскими агентами, могут поднять великий вихрь, способный смести все препоны и возражения. Поэтому-то я решил обратиться к общественному мнению французов, считая, что его воздействие в конечном счете будет неотразимо. 2 января я опубликовал заявление, в котором взывал в этом смысле к французам.

Случилось так, что происшедший за два дня до того в Алжире весьма серьезный инцидент подкрепил мои аргументы. По приказу Жиро было арестовано несколько десятков человек, которые со времени высадки союзников помогали американцам и большинство которых принадлежало к полицейскому или административному аппарату. «Гражданский и военный главнокомандующий» объяснил союзническим журналистам, поспешившим явиться за информацией, что действовал он так с целью пресечь новый заговор и не допустить новых убийств, в частности, как он сказал, «убийства Роберта Мэрфи». Дело якобы заключалось в том, что лица, до последнего времени связанные в своей деятельности с американским дипломатом, разочаровались и пожелали теперь свести с ним счеты. Таким образом, я был более чем прав, указывая в своем заявлении на «смятение, царящее во Французской Северной Африке». В качестве основного объяснения я указывал на устранение Сражающейся Франции. Я перечислял последствия этого: «Неблагоприятная обстановка для развития военных операций, тот факт, что Франция в решающий момент оказалась лишенной главного своего козыря — объединенной империи; оцепенение французского народа, сраженного своими бедами...» Я указывал также верное средство, каковым являлось «создание представительной временной центральной власти, основой которой будет служить национальное единство, источником вдохновения — боевой освободительный дух, а законами — законы республики». Но я торжественно объявил также о своем предложении генералу Жиро относительно встречи, а также о своем убеждении, что положение Франции и общая военная обстановка не допускают никаких отсрочек.

Это заявление и вызванные им комментарии заделали вашингтонское правительство. Ему было неприятно, что дистанция, отделявшая его доктрину от его политики, ныне измерена публично. Когда стало известно, что я обратился к Жиро с предложением союза, а он медлит принять его, каждый понял, что поведение генерала прямо продиктовано наставлениями Мэрфи. А это означало, что американцы, проповедуя единение, на практике противятся ему...

В действительности же президент Рузвельт, под прикрытием заявления совершенно противоположного характера, считал, что французский вопрос — это личная его сфера, что нити наших разногласий сходятся в его руках, что гражданские власти, которые в один прекрасный день родятся из нынешнего беспорядка, по-

КОМЕДИЯ

явятся на свет его волею. По этой-то причине он сначала ставил одновременно и на де Голля и на Петена, потом, предвидя разрыв с маршалом, выдвинул на первый план Жиро, затем, убедившись, что бывший узник Кенигштейна потерпел провал, открыл шлагбаум Дарлану и, наконец, после смерти адмирала, снова пустил в ход Жиро! Теперь президенту Рузвельту представлялось наилучшим выходом, чтобы Сражающаяся Франция и власти Алжира были разъединены вплоть до того момента, пока он сам не поднесет обеим сторонам собственное решение, да и вряд ли решение это обеспечило бы формирование подлинно французского правительства.

Эти намерения Рузвельта не были для меня тайной. Поэтому я был не особенно удивлен, узнав, что мое заявление было встречено в Вашингтоне холодно. 4 января заместитель государственного секретаря Сэмнер Уэллес, принимая нашего делегата Тиксье, заявил ему, что его правительство не одобряет предложений, сделанных мною Жиро, и того, что они были широко преданы гласности, поскольку на первое место я выдвигаю политическую проблему. На вопрос Тиксье, что же тут плохого, американский министр — в который раз! — сослался на требования военной обстановки, как будто союз, предложенный де Голлем, мог угрожать коммуникациями Эйзенхауэра в Северной Африке!

Скрытое подтверждение намерений президента непосредственно вмешаться в наши дела я получил на следующий же день после смерти Дарлана, когда американцы предложили отсрочить мою поездку в Вашингтон. Между тем сам же Рузвельт после высадки его войск в Африке приглашал меня приехать. Практически визит был как будто подготовлен. Я должен был отбыть 27 декабря, добраться на самолете до Аккры, а там пересесть на борт американского крейсера, который доставил бы меня в Соединенные Штаты. Адмирал Старк 20 декабря покинул Лондон, чтобы подготовить мою поездку. Генерал Катру, которому было поручено меня сопровождать, прибыл из Бейрута в Аккру 24 декабря. Но как раз в этот день погиб Дарлан, и сразу же выявилось новое намерение президента. Я тогда же заметил этот поворот, ибо 26 декабря Черчилль, действуя, очевидно, по поручению Рузвельта, спросил меня, не считаю ли я нужным ввиду сложившихся обстоятельств отсрочить мой отъезд. На следующий день американское правительство вручило мне ноту, составленную в том же духе.

Таким образом, мне теперь стали особенно ясны причины, побудившие Жиро откладывать нашу встречу. Его ответ на второе

мое послание, полученный 6 января, окончательно укрепил меня в моем мнении. В принципе он соглашался на нашу встречу в Алжире и уже не говорил на этот раз о неблагоприятной атмосфере, создавшейся после смерти Дарлана. Но, ссылаясь на «ранее принятые обязательства», он сообщал, что не видит возможности для встречи раньше конца января. На что я ответил ему не без некоторой резкости: «Сожалею, что данные вами обязательства вынуждают вас отложить до конца января встречу, которую я предлагал назначить на 25 декабря. Должен сказать со всей откровенностью, что вместе с Национальным комитетом я придерживаюсь другого мнения относительно срочной необходимости достижения единства империи и объединения ее усилий с усилиями национального Сопrotивления».

Но пока я ждал, какие шаги предпримет Рузвельт, вдруг вспомнил о себе Черчилль. 17 января Иден вручил мне телеграмму, посланную английским премьер-министром из Марокко. Черчилль просил меня приехать к нему. «Я имею возможность, — писал он, — устроить здесь вашу встречу с генералом Жиро в условиях полной секретности и с наилучшими перспективами».

Я не выразил по этому поводу никакого восторга. Правда, Иден дал мне понять, что Рузвельт тоже находится в Марокко, где главы союзных держав устроили конференцию, чтобы совместно наметить планы действия. Но тогда почему же Черчилль не сказал мне об этом? Почему приглашение исходило только от него одного? Если я должен был прибыть в Анфу лишь для участия в состязании в качестве английского «подопечного», а американцы выставят своего, комедия может получиться не только недостойная, но и опасная. Я ответил Черчиллю отказом. Он был отослан одновременно с посланием, адресованным Жиро: «Помните, — писал я ему, — я по-прежнему готов с вами встретиться на французской территории среди французов, где и когда вы пожелаете».

Через два дня Иден снова вручил мне телеграмму от Черчилля. Английский премьер-министр, раздосадованный моим отказом, тем более что свидетелями этого были американцы, заклинал меня пересмотреть вопрос. Иначе, заявлял он, общественное мнение сурово меня осудит, а сам он не предпримет ничего для поддержки Сражающейся Франции перед Соединенными Штатами, пока я остаюсь во главе «движения». Но на этот раз он сообщил, что «уполномочен довести до моего сведения, что приглашение на конференцию исходит от президента Соединенных Штатов, так же как и от него, Черчилля...», что прежде всего там будут об-

КОМЕДИЯ

суждаться вопросы, касающиеся Северной Африки... что президент, так же как и сам Черчилль будет счастлив, если я приму участие в дискуссии по данному вопросу.

Решив не обращать внимания на угрожающие нотки, звучавшие в послании Черчилля, которые после многих аналогичных случаев уже не производили на меня впечатления, я соглашался, что военная обстановка и состояние, в котором временно оказалась Франция, не позволяют мне отказываться от встречи с президентом Соединенных Штатов и премьер-министром его величества. В таких терминах я и выразил в конце концов свое согласие, подчеркнув все же, что вопросы, подлежащие обсуждению, «возникли как следствие предприятия, в котором Сражающаяся Франция не участвовала», и что «ситуация, к которой оно привело, по-видимому, не слишком благоприятна для союзников и, во всяком случае, для Франции».

Перед тем как отправить ответ, я со всей торжественностью созвал Национальный комитет, который, внимательно изучив дело, одобрил мою поездку в Анфу хотя бы только для личной встречи с Рузвельтом. Обсуждение мы не без умысла затянули на некоторое время. Впрочем, и потом я не особенно торопился с отъездом вместе с назначенными сопровождать меня спутниками — Катру, д'Аржанлье, Палевским, ставшим начальником моего кабинета, Эттье де Буаламбером, только что прибывшим из Франции после побега из тюрьмы в Ганне, куда его заключило правительство Виши в связи с его ролью в дакарском деле. Наконец, и неблагоприятные атмосферные условия задерживали наш отъезд. Только 22 января мы прибыли в Федалу.

Там находился американский генерал Уилбер, которому было поручено встретить нас с соблюдением полной секретности. Я знал его еще по Высшей военной школе. Он приветствовал меня от имени президента Рузвельта; кроме него, присутствовали Кодрингтон, который приветствовал меня от имени Черчилля, и полковник Линарес, привезший нам от генерала Жиро приглашение на завтрак. Никаких воинских почестей нам оказано не было. Но вокруг нас выстроился американский караул. Американские машины были поданы к самолету. Я сел в первую машину, Уилбер, прежде чем последовать моему примеру, обмакнул тряпку в грязь и вымазал стекла. Все эти предосторожности применялись с целью скрыть прибытие в Марокко генерала де Голля и его спутников.

В Анфе союзники реквизировали целый квартал и выселили куда-то их обитателей. Кроме того, вокруг их резиденции было очи-

щено от людей большое пространство. Конференция происходила за сплошным кольцом колючей проволоки. Американские патрули дежурили снаружи и внутри и не позволяли никому ни входить, ни выходить. Бытовые услуги оказывались американскими солдатами. Словом, это было настоящее пленение. То, что американцы сами жили на положении пленников, — это их дело. Но то, что они принуждали к такому же режиму и меня, да еще на суверенной французской земле, показалось мне просто оскорбительным.

И первые мои слова, с которыми я обратился к генералу Жиро, прозвучали не особенно приветливо: «Как же так, — сказал я ему, — четыре раза я предлагал вам увидеться, а теперь нам довелось встретиться в кольце колючей проволоки, среди иностранцев? Неужели вы не чувствуете, сколь это оскорбительно с точки зрения национальной чести?» Смущенный Жиро ответил мне, что иначе он не мог поступить. По правде говоря, я поверил ему, учитывая, в какие условия он сам поставил себя в отношении американцев.

Обед, однако, прошел в сердечной атмосфере. Мы дружно вспоминали минувшие дни, и по моей просьбе наш хозяин рассказал о своем замечательном побеге из Кенигштейна. Но, когда мы встали из-за стола, генерал Жиро заговорил на иные темы. Он настойчиво твердил, что «думает только о военных делах»... что «не желает заниматься политикой»... что «никогда не слушает собеседника, если тот пытается изложить ему любую теорию или программу», что он «не читает газет и не слушает радио». То ли в силу этих своих убеждений, то ли вследствие взятых на себя обязательств, он заявил, что солидарен с «проконсулами», с Ногесом, «незаменимым в Марокко», с Буассоном, «который умело защищал колонию против иноземных вторжений, даже против немецкого», с Пейрутоном¹, недавно заменившим генерал-губернатора Алжира Шателя и «у которого есть хватка», с Бержере, «у которого хорошие стратегические мозги». Он не скрыл, что независимо от своей решимости, действительно неколебимой, бороться с немцами, он ничего не имеет против режима Виши. Он подчеркнул, наконец, что стихийный, народный, революционный характер Соппротивления в стране ему непонятен, более того, он его не одобряет. После этого первого разговора мы простились с Жиро и отправились на нашу виллу.

---

¹ *Пейрутон Марсель* (1887–1983), генерал-губернатор Алжира с 20 января 1943 по 3 июня 1943. — *Прим. ред.*

День клонился к закату, и, поскольку я счел за благо безвыходно оставаться у себя, ко мне с визитом явился Макмиллан¹ — английский министр, посланный в Алжир для координации дел в западном районе Средиземноморья. Макмиллан указал мне, что вместе с Мэрфи он пытается найти формулу, приемлемую одновременно и для Жиро и для меня, и что такая формула могла бы быть предложена нам Рузвельтом и Черчиллем. Это как раз и было то вмешательство, которое я предвидел. Я дал понять Макмиллану, что соглашение Жиро — де Голль может быть осуществлено лишь между французами. Однако по усиленной просьбе английского министра я отправился к Черчиллю.

Пройдя к премьер-министру, я не без горячности заявил ему, что знай я, что мне придется жить на французской земле за колючей проволокой и под охраной американских штыков, я бы ни за что сюда не приехал. «Но это же оккупированная страна!» — воскликнул он. Затем, оба несколько смягчившись, мы приступили к самой сути дела. Премьер-министр сказал мне, что он договорился с президентом относительно проекта решения проблемы французских заморских владений. Генералы Жиро и де Голль будут сообща председательствовать в Комитете, где они равны, как и все прочие члены, которые тоже равны между собой во всех отношениях. Но Жиро будет осуществлять высшее военное командование, исходя из того соображения, что Соединенные Штаты, которые обеспечат материальную часть объединенной французской армии, желают договариваться по этому вопросу только с ним. «Без сомнения, — добавил Черчилль, — мой друг генерал Жиро тоже может войти в Комитет в качестве третьего председателя». Что касается Ногеса, Буассона, Пейрутона, Бержере, то они сохраняют свои посты и войдут в Комитет. «Американцы их признали и желают, чтобы им оказывали доверие».

Я ответил Черчиллю, что это решение соответствует уровню — впрочем весьма почтенному — американских старших сержантов, но что я не представляю себе, как он сам, Черчилль, может при-

---

¹ *Макмиллан Гарольд* (1894—1986), британский политический деятель, премьер-министр Великобритании с января 1957 до октября 1963, лидер Консервативной партии, с 1951 на различных министерских постах, был министром жилищного строительства и местного самоуправления (1951—1954), обороны (1954—1955), иностранных дел (1955), министр финансов (1955—1957), поставил вопрос о вступлении Великобритании в ЕЭС, на положительное решение вопроса наложил вето президент Франции Шарль де Голль. — *Прим. ред.*

нимать его всерьез. Что касается меня, я обязан считаться с тем, что осталось Франции от ее суверенитета. Я питаю — и в этом можно не сомневаться — самое глубокое уважение к нему и к Рузвельту, однако ни в коей мере не считаю их правомочными решать вопросы управления Французской империей. Союзники, не посчитавшись со мной, вопреки мне, установили систему, которая действовала в Алжире. Не получив, видимо, от нее большой радости, они теперь собираются привязать к ней еще и Сражающуюся Францию. Но это ее отнюдь не устраивает. Если ей предстоит исчезнуть, она предпочтет исчезнуть с честью.

Черчилль, казалось, не уловил моральной стороны вопроса. «Посмотрите, — сказал он, — что представляет собой мое собственное правительство. Когда я в свое время его формировал, я указывал, что буду не покладая рук бороться против духа Мюнхена, и ввел туда всех наших явных «мюнхенцев». И что же! Они пошли в ногу, так что теперь их не отличишь от всех прочих». «Если вы так говорите, — возразил я, — вы, следовательно, упускаете из виду то, что происходит сейчас во Франции. А я лично не являюсь таким политическим деятелем, который стремится сформировать кабинет и обеспечить себе большинство в парламенте». Премьер-министр, однако, попросил меня подумать над предложенным мне проектом... «Сегодня вечером, — добавил он, — вы будете беседовать с президентом Соединенных Штатов и убедитесь сами, что в этом вопросе мы с ним солидарны». Он проводил меня садом до входной калитки, и стоявший возле нее английский часовой взял на караул. «Заметьте, — сказал он мне, — что если здесь имеются американские часовые, то рядом есть и английские, причем они прекрасно ладят между собой».

Вскоре за мной пришли от Рузвельта, чтобы условиться насчет встречи. Я отправился к президенту поздно вечером. Сидя рядом на диване, мы провели вместе целый час в большом зале отведенной для него виллы. Хотя мой собеседник старательно делал вид, что мы находимся с глазу на глаз, я заметил, как по внешней галерее скользили какие-то тени да и в углах самой комнаты подозрительно шеве-

---

¹ *Гопкинс Гарри Ллойд* (1890—1946), государственный деятель США, в 1938—1940 министр торговли, в 1939—1945 советник и специальный помощник президента Франклина Рузвельта. Летом 1941 вел в Москве переговоры по вопросам координации действий в войне с Германией, содействовавшие созыву Московского совещания 29 сентября — 1 октября 1941, в составе делегации США на Тегеранской конференции 1943, Квебекской и Каирской конференциях 1943, Крымской конференции 1945, вел переговоры с СССР о подготовке Потсдамской конференции 1945; с июля 1945 в отставке. — *Прим.ред.*

лились занавески. Позже я узнал, что нашу беседу скрытно слушали Гарри Гопкинс¹ и несколько секретарей и что вооруженные полицейские охраняли Рузвельта. Именно их неуловимое присутствие и создало ту странную атмосферу, в которой прошел наш первый с Рузвельтом разговор. Этим вечером, как, впрочем, и при всех дальнейших наших встречах, он старался проникнуться моим духом, расточал, желая меня убедить, не столько аргументы, сколько личное обаяние, но ни разу не отступил от заранее принятого решения.

Самые высокие стремления владели Франклином Рузвельтом. Его ум, знания, мужество — все способствовало этому. Могучая держава, главой которой он являлся, доставляла ему для этого все средства. Война дала ему для этого подходящий случай. Если великий народ, которым он правил, неизменно предпочитал уклоняться от всяческих действий вдали от своей родины и не особенно-то доверял Европе, постоянно раздираемой битвами и революциями, то теперь душа американцев прониклась неким мессианизмом и стала вынашивать обширные замыслы. Соединенные Штаты, восхищаясь своим собственным богатством, чувствуя, что их динамизм уже не может найти себе должного применения внутри страны, горя желанием помогать сырым и угнетенным в любом уголке земного шара, — поддались склонности к вмешательству, под внешней оболочкой которого скрывалось инстинктивное желание господствовать. Вот эту-то тенденцию по преимуществу и выражал президент Рузвельт. Таким образом, он сделал все, чтобы его страна приняла участие в мировом конфликте. Он выполнял сейчас свое предназначение и торопился выполнить его, так как смерть уже подала ему тайную весть о себе.

С тех пор, как Америка вступила в войну, Рузвельт решил, что мир будет миром американским, что именно ему принадлежит право диктовать условия организации этого мира, — он хотел, чтобы страны, раздавленные испытаниями войны, признали за ним право судить, и считал, что, в частности, он станет спасителем Франции и вершителем ее судеб.

Таким образом то обстоятельство, что в самый разгар борьбы Франция могла воспрянуть не просто в форме разрозненного и тем самым приемлемого сопротивления, но в качестве суверенной и независимой нации, противоречило его намерениям. Политически он отнюдь не испытывал ко мне склонности.

Еще менее он был склонен испытывать ее в силу того, что непрерывно подвергался нападкам общественного мнения. Оно было источником его власти. И оно же могло отстранить его от кормила вла-

сти. В течение самой войны Рузвельту дважды пришлось выставлять свою кандидатуру на выборах. К тому же в перерывах между выборами пресса и радио не давали президенту покоя. Он был способен чаровать, но, стесняясь в глубине души своего мучительного недуга, против которого мужественно боролся, был особенно чувствителен к упрекам и насмешкам противника. А ведь как раз его политика в отношении генерала де Голля вызывала в Америке наиболее ожесточенные споры. Надо добавить, что он подобно кинозвездам, недовольно хмурился, видя, что другие тоже могут играть роль. Рузвельт не особенно благосклонно взирал на мою особу, хотя прятал свои чувства под галантным обхождением патриция.

В этот вечер мы старались перешеголять друг друга в любезности, но, как бы по обоюдному сговору, ничего не уточняли в отношении французских дел. Набросав легчайшим пунктиком то, что в грубых чертах обрисовал мне Черчилль, президент дал мне вежливо понять, что их план будет проведен в жизнь, поскольку он это решил. Я же деликатно указал ему, что воля нации уже сделала свой выбор и что рано или поздно власть, которая установится сначала в империи, а потом и в метрополии, будет такой, какой захочет Франция. Однако оба мы всячески старались не столкнуться лбами, понимая, что это ни к чему хорошему не приведет, и зная, что в наших общих интересах щадить друг друга.

На следующий день я принял генерала Жиро. Мы беседовали наедине, без помех. «Что же вы предлагаете?» — спросил его я. Он изложил мне свой план, который был фактически планом Рузвельта и Черчилля. Во главе будем стоять мы трое — он будет первым, я — вторым, а третьим — генерал Жорж, за которым англичане отправятся во Францию. Чтобы не нарушить равновесия, мне дадут чин генерала армии! Но Жиро полностью сохранит за собой руководство военными делами. Он будет назначен главнокомандующим французскими силами, включая войска «Свободной Франции» и вооруженные группы Сопротивления, и в этом качестве будет зависеть только от одного Эйзенхауэра. «Проконсулы» останутся на своих прежних местах. Один лишь Бержере, возможно, будет удален. Некий «имперский совет» в составе Катру, а может быть, и Эбуэ, так же как и несколько «секретарей», будет координировать управление различными территориями империи, не предпринимая, однако, никаких политических акций.

Предложение Жиро было для меня неприемлемо. «То, что вы здесь нарисовали, — сказал ему я, — реально имеет в виду присвоить вам власть под покровительством Рузвельта и в окружении бо-

лее или менее импозантных статистов. В сущности это то же Консульство, только отдавшее себя на милость иностранцев. Но Бонапарт, первый консул, в вопросах войны и независимости получал почти единодушную поддержку народа. А какой плебисцит можете провести вы? Если, допустим, вам все-таки удастся его провести, будет ли он благоприятствовать вам? Бонапарт к тому же являлся тем человеком, который, будучи вождем, принес Франции победы и завоевал ей огромные территории. Хочу от всей души надеяться, что вы добьетесь того же, но где они сейчас, ваши триумфы? Добавлю, что первый консул блистал также в сфере законодательной и административной. Обладаете ли вы такими же способностями? Кроме того, вы не можете не знать, что общественное мнение Франции отныне осуждает Виши. А ведь вы-то получили бразды правления сначала от Дарлана, затем от Ногеса, Буассона, Шателя, Бержера. Вы получили власть от имени маршала. Всем известно ваше письмо Петену, в котором вы даете ему слово никогда ничего не делать, что шло бы вразрез с его политикой. Неужели вы думаете, что в этих условиях сумеете добиться от французского народа сочувствия, без которого любое правительство будет лишь фикцией, если только оно не станет мишенью революции? Наконец, в условиях зависимости от англо-американцев, на которую вас обрекает искусственный характер ваших полномочий, как сможете вы сохранить суверенитет Франции?»

Генерал Жиро — в который раз! — заявил, что все это «политика», что он не желает в нее вмешиваться; что его интересует лишь воссоздание французской армии; что он полностью доверяет нашим американским союзникам. «Я только что заключил с президентом Рузвельтом соглашение, — сказал он, — по которому Соединенные Штаты обязуются оснастить всем необходимым столько военных соединений, сколько я смогу сформировать. Я рассчитываю, что через полгода буду располагать примерно двенадцатью дивизиями. А вы за тот же самый срок, будете ли вы иметь хоть половину? И кто даст вам оружие?»

«Тут речь идет не о конкуренции между нами в отношении вооруженных сил, — возразил я. — Войска, которые в данный момент находятся в Северной Африке, принадлежат Франции. Они не ваша собственность. И если мы не договоримся с вами, то вы почувствуете это очень скоро. Главное — это единение французов в метрополии и заморских владениях, что потребует установления центральной власти, отвечающей этой задаче. Тогда можно будет без труда объединить разрозненные силы, используя их на благо

родины. Сами события привели к тому, что Сражающаяся Франция стала символом сопротивления врагу, поддержкой республики, национального обновления. Совершенно естественно, что именно к ней обращаются чувства всех в момент, когда рассеиваются иллюзии относительно Виши. С другой стороны, многие относятся к вам с огромным уважением как к военному руководителю. Я сам дорожу вами в этом отношении как частью французского достояния, об утрате которой я горько сожалел бы. Поэтому разумное решение таково: пусть де Голль образует в Алжире правительство военного времени, которое в нужный момент станет правительством республики. Пусть Жиро получит от этого правительства пост командующего освободительной армией. На худой конец, если необходимы какие-то формы перехода, давайте образуем вместе центральную власть. Но пусть она с первых же своих шагов осудит Виши, объявит перемирие недействительным и несостоявшимся, свяжет свою судьбу с республикой и послужит в глазах всего мира олицетворением независимости Франции!»

Генерал Жиро по-прежнему стоял на своем. Однако, видя, что он действует так скорее из упрямства, нежели по убеждению, я понадеялся, что в один прекрасный день сам ход событий заставит его переменить мнение. А пока что вопросы национальных интересов требовали согласованных решений. Речь шла о военных действиях, о финансах, о связи и обмене, о валюте, о судьбе Туниса, судьбе Индокитая, о присоединении Антильских островов, Гвианы, о флоте в Александрии. И мы решили установить между собою связь. Я сказал генералу Жиро, что намерен послать в Северную Африку миссию под началом генерала Катру, на что он немедленно согласился. После этого я пригласил к завтраку Жиро и его спутников. Катру, д'Аржанлье, Палевский, Буаламбер, так же как и Линарес, Бофр¹, Понятовски², успевшие получить информацию со стороны, узнали без удивления, но не без горечи, что соглашение не состоялось. Завтрак прошел невесело.

---

¹ *Бофр Анри* (1902–1975), французский генерал, участник движения Сопротивления, воевал в Северной Африке в 1942 и Индокитае, воевал во время вторжения в Египет в 1956, участник военного мятежа в Алжире 1962. — *Прим. ред.*

² *Понятовски Мишель* (1922–2002), французский государственный деятель, начал карьеру в Марокко, участник движения Сопротивления, в 1956 атташе Министерства финансов в Вашингтоне, директор Департамента социального страхования в Министерстве финансов в 1963, министр внутренних дел с 29 мая 1974 по 30 марта 1977 при президенте Валери Жискар д'Эстене. — *Прим. ред.*

Вслед за тем ко мне с визитом явился Роберт Мэрфи. Он считал или делал вид, что считает, будто все будет улажено в соответствии с проектом, автором которого являлся он сам. Когда же я указал ему на свои сомнения и спросил, какова будет, на его взгляд, реакция общественного мнения Марокко и Алжира, когда станет известно, что соглашение в Анфе не состоялось, он мне ответил, что многие будут удовлетворены и вздохнут с облегчением. «В Северной Африке, — добавил он, — на каждые сто человек приходится не больше десяти «голлистов». Он сообщил мне, что президент Рузвельт и Черчилль только что заключили с генералом Жиро соглашение относительно поставок вооружения и продовольствия для Северной Африки, что я и одобрил безоговорочно, но, с другой стороны, это была форма признания главнокомандующего гражданского и военного, что до сих пор ни разу не было сформулировано в Соединенных Штатах и одобрено Великобританией.

«В интересах французского народа, — уточнялось в соглашении, — и чтобы оградить прошлое, настоящее и будущее Франции, президент Соединенных Штатов и английский премьер-министр признают за французским главнокомандующим, чей штаб находится в Алжире, право и обязанность действовать в качестве представителя французских интересов, военных, экономических и финансовых, связанных ныне или в будущем с освободительным движением, начавшимся в Северной Африке и Французской Западной Африке. Они обязуются помогать ему в выполнении его задачи всеми имеющимися в их распоряжении средствами». Таким образом, Америка и Англия, выступая в качестве вершителей судеб французского народа, договаривались с одним только Жиро, который под предлогом, что он-де не занимается политикой, соглашался признать их власть. Я знал, что накануне Черчилль, беседуя с Жиро, собственноручно написал на уголке стола, что фунт стерлингов в Северной Африке будет стоить 250 французских франков. По соглашению, которое мы заключили в Лондоне, фунт стоил только 176 франков. Я узнал также, что президент Рузвельт пригласил на обед султана Маркко и говорил с ним не совсем так, как полагалось бы говорить, учитывая французский протекторат, а Жиро этому не перечил. Вечером Гарольд Макмиллан заставил меня выслушать тираду на тему о беспокоействе по поводу будущего Сражающейся Франции. Наконец, генерал Уилбер объявил, что конференция закончится в течение суток, и вручил мне послание, которое просили передать

французские офицеры, находящиеся на службе в Касабланке. Я поручил ему довести до сведения его руководителей, насколько я удивлен тем обстоятельством, что в разгар боев за Северную Африку, в которых французская армия, включая также французские свободные силы, принимала самое активное участие, никто из союзных военных властей, прибывших на конференцию в Анфу, не считал необходимым хоть словом обмолвиться со мной ни о своих планах, ни о ходе операций.

На следующий день рано утром Макмиллан и Мэрфи вручили мне сообщение, составленное ночью Рузвельтом и Черчиллем, и передали их просьбу генералам де Голлю и Жиро опубликовать его совместно от своего имени. Жиро уже принял их предложение. Согласно англо-американскому тексту, который таким образом становился текстом французским, оба генерала объявляли, что они согласны «с принципами Объединенных Наций», и доводили до всеобщего сведения свое намерение сформировать совместно Комитет для управления французскими заморскими владениями во время войны. Без сомнения, формула была туманной и не могла обязать нас к слишком многому. Но она имела три порока: она исходила от союзников, она давала понять, что я отказываюсь от всего, что выходит за рамки управления заморскими владениями, и, наконец, она заставляла считать, что согласие достигнуто, между тем как оно достигнуто не было. Опросив своих четырех коллег — причем все они единодушно высказывались против, — я ответил посланцам, что создание национальной власти Франции никогда не будет результатом иностранного вмешательства, каким бы дружественным оно ни было и от кого бы ни исходило. Тем не менее я согласился вновь встретиться с президентом и премьер-министром перед закрытием конференции, намеченным на послеобеденное время.

Наша беседа с Черчиллем велась в крайне резких тонах. Пожалуй, за всю войну у нас не было такой тягостной встречи. Во время бурной сцены премьер-министр осыпал меня горькими упреками, но для меня было ясно, что они лишь ширма, прикрывающая его собственное замешательство. Он заявил мне, что по возвращении в Лондон публично обвинит меня в срыве соглашения, подымет против меня общественное мнение Англии, а также будет взывать к общественному мнению Франции. Я ограничился замечанием, что испытываю лично к нему самые дружеские чувства и, высоко ценя союз с Англией, могу только сожалеть о его теперешней позиции. Желая любой ценой пойти

навстречу Америке, он поддерживает неприемлемое для Франции дело, которое к тому же чревато тревогами для всей Европы и не отвечает интересам самой Англии.

Затем я отправился к Рузвельту. Здесь мне был оказан более искусный прием, другими словами, меня встретили дружелюбно, но с явно выраженной скорбью. Президент сказал мне, что он испытывает сожаление, видя, что согласие между французами не достигнуто и что ему не удалось заставить меня принять даже текст коммюнике. «В делах человеческих, — сказал он, — публике нужно преподносить драматические ситуации. Весть о вашей встрече с генералом Жиро на конференции, на которой присутствую я, а также и Черчилль, если бы эта весть к тому же сопровождалась совместной декларацией французских руководителей, даже если речь шла бы лишь о чисто теоретическом согласии, — произвела бы желаемый драматический эффект». — «Будьте спокойны, — возразил я, — коммюнике появится, хотя оно будет не Вашим».

Вслед за тем я представил президенту своих сотрудников. Он назвал мне своих. Тут вошли Черчилль и генерал Жиро, оба со свитой — целой группой союзных военачальников и чиновников. В то время как вошедшие толпились вокруг президента, Черчилль громогласно повторил свою филиппику против меня и все свои угрозы с явным намерением хоть отчасти польстить уязвленному самолюбию Рузвельта. Однако Рузвельт сделал вид, что ничего не замечает, для контраста заговорил со мной сверхлюбезным тоном и попросил исполнить его последнюю просьбу, которой он придает большое значение: «Не согласитесь ли вы, — сказал он мне, — хотя бы сфотографироваться рядом со мной и с английским премьер-министром и вместе с генералом Жиро?» — «Охотно, — ответил я, — ибо я питаю величайшее уважение к этому великому солдату». — «А пойдете ли вы на то, — вскричал президент, — чтобы пожать руку генералу Жиро в нашем присутствии и перед объективом фотоаппарата?» Мой ответ был: «I shall do that for you»¹. Тогда Рузвельт пришел в восторг и приказал вывести себя в сад, где заранее были поставлены четыре стула; мы увидели бесчисленное количество фотокамер, направленных в нашу сторону, и целую плеяду репортеров, выстроившихся в несколько рядов с авторучками наготове. Четверка актеров мило заулыбалась. Обусловленное рукопожатие было продемонстрировано. Все складывалось как нельзя лучше. Америка будет удовлетворена,

¹ Сделаю это для вас (англ.) — Прим. ред.

увидев на фотографии, что французский вопрос разрешен с помощью *deus ex machina*¹ в лице самого президента.

Прежде чем покинуть Анфу, я составил краткое коммюнике и предложил Жиро подписать его — само собой разумеется, не доводя об этом до сведения союзников. «Мы увиделись. Мы беседовали... Мы подтвердили нашу веру в победу Франции, в торжество свобод человека». Мы объявляли, что между нами установлена постоянная взаимная связь. Жиро подписал. По его просьбе слова «демократические принципы», включенные сначала мною, были заменены в тексте словами «свободы человека».

Последующие недели были для меня мучительны. После Анфы я рассчитывал отправиться в Ливию, где сражались наши войска. Но союзники воспротивились. Ссылаясь на технические трудности, они предоставили нам единственный способ покинуть пределы Анфы — на английском самолете, отправлявшемся непосредственно в Лондон. Мы возвратились в Лондон 26 января. На пресс-конференции, состоявшейся 9 февраля, я рассказал о том, что в действительности произошло в Анфе и что никак не соответствовало сведениям, распространенным англо-американскими источниками. Я без всяких церемоний раскрыл задние мысли официальных и официозных американских лиц, которые упрекали Сражающихся французов за их стремление «заниматься политикой» и рассчитывали таким образом помешать Франции вообще иметь свою политику. Поэтому, когда я снова заявил о своем намерении посетить Восток, английское правительство в марте дало мне знать, на этот раз в письменной форме, что оно отказывается предоставить мне для этого технические средства.

Состязание между Вашингтоном и Лондоном в неблагоприятности к нам нашло свое более чем широкое отражение в прессе и радиовещании. За редкими и благородными исключениями, газеты и комментаторы в Америке и даже в самой Великобритании, казалось, не сомневались в том, что французское единение должно произойти вокруг Жиро. Почти во всех газетах и выступлениях по радио в отношении меня выносились самые суровые суждения. Некоторые говорили: «жалкая гордыня» или «несбывшиеся притязания», но большинство заявляло, что я кандидат в диктаторы, что мое окружение, кишашее фашистами и

---

¹ *Deus ex machina* (лат.) — буквально «бог из машины», то есть неожиданное появляющееся лицо, которое, подобно мифологическому богу в пьесах древности, своим вмешательством распутывает положение. — *Прим. ред.*

кагулярами, толкает меня на установление во Франции после освобождения личной абсолютной власти; что в противоположность мне генерал Жиро, простой солдат без всяких политических притязаний и намерений, является опорой демократии; что французский народ может довериться Рузвельту и Черчиллю, которые помешают мне поработить французов.

Само собой разумеется, что некоторые французские эмигранты, не присоединившиеся ко мне и по этой самой причине зависевшие от иностранцев, всячески распространяли и старались внушить эти тезисы. В Америке газета «Пур ла виктуар», в Англии ежедневная газета «Франс», телеграфное агентство «Ажанс Франсез Эндепандант», журнал «Ла Франс либр» и большая часть коллектива «Французы говорят французам», вещавшего через Би-Би-Си, открыто встали на сторону Жиро. Зато органы «голлистского» толка, такие как «Вуа де ла Франс» Анри Тореса в Нью-Йорке, «Ла Марсейез» Франсуа Киллиси в Лондоне, передачи Мориса Шумана по английскому радио, крупная радиостанция Сражающейся Франции в Браззавиле, поддерживали нашу позицию.

Надо сказать, что если союзники преподносили нам неприятности, то во Французской Африке непрерывно множились примеры дружественного к нам отношения. Движение «Комбат», объединившее «голлистов», непрестанно пополнялось их сторонниками. Рене Капитан приехал в Лондон сообщить мне об этом. Те части Леклерка, которые вошли у Гадамеса в соприкосновение с войсками Сахары, встречали у них восторженный прием, и многие заявили о своем желании вступить в ряды армии. В Нигерии, в Дагомее, в Того, в Гвинее, на Береге Слоновой Кости, в Верхней Вольте наши эмиссары теперь налаживали контакты. Но народный выбор особенно явно проявлялся в среде моряков. Большая часть экипажей военных и коммерческих судов, которые следовали из Марокко, из Западной Африки, из Алжира через американские и английские порты, воспользовались этим случаем, чтобы явиться на вербовочные пункты Сражающейся Франции. Так, борт «Ришелье», направлявшегося из Дакара в Нью-Йорк для ремонта, покинуло триста моряков, желавших служить в свободном французском флоте. Эскадренный миноносец «Фантаск», транспортное судно «Иоминг», грузовое судно «Лот», следовавшее в Америку, также не досчитались многих матросов. В шотландском порту Гринок экипажи транспортных судов «Эридан», «Вилль д'Оран», «Шамполльон», «Круа», «Меония», «Ямайк» присоединились к генералу де Голлю и потребовали, чтобы на мачтах водрузили Лотарингский крест.

Все это раздражало Вашингтон. Тем более что по ряду признаков можно было предвидеть, что когда немецкая и итальянская армии, пока еще отделявшие войска Жиро от войск Леклерка и Лармина, будут заперты в Тунисе, военные части Северной Африки неудержимым потоком хлынут в ряды свободных французов. Американцы, опасавшиеся, что завершение африканской битвы приведет к умножению рядов «голлистов», всячески старались добиться нашего согласия на компромисс.

Они пытались прибегнуть к политике твердой руки. В Соединенных Штатах часть моряков, покинувших свои суда, чтобы присоединиться к Сражающейся Франции, была арестована и заключена в тюрьму. На нашего делегата Адриена Тиксье и адмирала Гэйрала — главу нашей морской миссии — посыпались угрозы со стороны государственного департамента и морского министерства. В Великобритании сами англичане ограничивались пока что лишь скорбными минами, но американцы грозили всеми карами экипажам французских судов, которые прибыли из Африки, чтобы получить мои распоряжения. Дело дошло до того, что судно «Ямайка», ставшее на рейд в порту Гринок, было занято отрядом американских моряков. В Карлтон-гарденс адмирал Старк, в отчаянии от того, что ему приходится идти против дела, которому он сочувствовал разумом и сердцем, но «связанный приказами», много раз подавал жалобы морскому комиссару Обуано¹, Дьетельму, в чьем ведении находился торговый флот, а при случае и мне. Американская пресса и радио распространяли официальные и официозные заявления, обвиняя генерала де Голля в том, что он саботирует военные усилия и не позволяет французскому флоту выполнять его прямую задачу.

Я действительно дал недвусмысленный приказ принимать добровольцев, считая, что нужно приветствовать их решимость, по-

---

¹ *Обуано Филипп* (1899—1960), французский адмирал, в 1920-х годах служил на Дальнем Востоке, провел ряд гидрографических исследований, служил в Морском министерстве, в 1939 капитан 3-го ранга, помощник главнокомандующего Военно-морскими силами Франции на Дальнем Востоке, после перемирия с Германией в 1940 поддерживал контакт с Британскими военными миссиями, присоединяется к «Свободной Франции» в Лондоне, назначен командующим военно-морских сил «Свободной Франции» в Тихом океане, в 1942 участвует в сражениях с Японией на Юге Тихого океана, в Северной Африке, главнокомандующий военно-морскими силами «Свободной Франции», участвовал в высадке сил союзников в Провансе в 1944, в 1945 руководит высадкой войск в Тонкине, генеральный инспектор военно-морских сил, в 1955 главнокомандующий Военно-морскими силами Франции в Средиземном море. — *Прим. ред.*

ка Алжир действует в отрыве от нас, и полагая также, что в интересах дела надо использовать моряков там, где они хотят служить, и что это гораздо разумнее, чем оттолкнуть их и тем самым породить глухое недовольство; кроме того, эта демонстрация должна была привлечь внимание мирового общественного мнения. Вместе с тем я дал указание Алжиру через посредство адмирала Фенара — главы алжирской морской миссии в Америке — заменять выбывших с военных судов моряков. Наличного состава в Северной Африке хватало, так как большое количество кораблей было потоплено в боях с союзниками. Что касается судов торгового флота, я решил лично дать им приказ возвратиться под Лотарингским крестом на место их стоянки в алжирские или марокканские порты, после того как будет зафиксировано их присоединение к нам. Принимая 11 марта адмирала Старка, я информировал его об этих распоряжениях, которые уже проводились в жизнь.

Впрочем, Соединенные Штаты применяли к нам политику кнута и пряника. 22 февраля Сэмнер Уэллес написал Тиксье, что Рузвельт — в который раз! — выражает желание, чтобы я прибыл с визитом в Вашингтон. Я — в который раз! — ответил, что готов отправиться туда. И — в который раз! — более конкретного приглашения не последовало. Надо думать, что эти мгновенно появившиеся и столь же стремительно похороненные планы играли в политике Белого дома ту же отвлекающую и магическую роль, какую приписывают морскому змею.

Но шум, поднятый за границей, не отвратил нас от нашего намерения воззвать к национальному чувству французов. Мы не сомневались в нем с того самого дня, как враг, оккупировав всю территорию Франции, полностью подчинил себе Виши. Желая окончательно развязать себе руки, Лаваль по своему возвращении 17 ноября из ставки фюрера получил от Петена полномочия единолично издавать любые законодательные акты и декреты. В течение зимы усилились преследования евреев, несмотря на негодование общественности и протесты священнослужителей, в частности епископа Тулузского монсеньера Сальежа¹ и лионско-

¹ *Сальеж Жерар* (1870—1956), епископ Тулузский, связан с либеральным крылом Церкви, член реформистской группы Сангиера, в 1929 архиепископ Тулузы, противник перемирия с гитлеровской Германией, в 1942 критиковал политику Петена и Лавали, одобрявших высылку евреев иностранного происхождения на территорию Рейха и принудительные работы в пользу оккупационных властей, его проповеди издавались как листовки, в июне 1944 чудом избежал ареста Гестапо. — *Прим. ред.*

го кардинала Жерлье¹, и осуждение этих акций пастором Бегне-ром, председателем Федерации французских протестантов. 30 января 1943 была создана Петеновская милиция, возглавленная Дарианом, уже связавшим себя с немецкой полицией и теперь в качестве вновь назначенного генерального секретаря начавшим усердно преследовать патриотов. 16 февраля была учреждена служба принудительного труда, давшая «правительству» возможность поставлять врагу неограниченное количество требуемой ему рабочей силы. 29 апреля Гитлер, вновь приняв Лавала, договорился с ним о дополнительных пунктах сотрудничества. Если часть населения от отчаяния или из жалости еще терпела маршала, то все французы, за исключением немногих одержимых, осуждали политику, ведущуюся от его имени. Главной школой нации стало теперь Соппротивление, и оно сливалось со Сражающейся Францией.

Между метрополией и Лондоном не прекращалось движение туда и обратно. В наше бюро в Карлтон-гарденс, в дом на Дюк-стрит, где работало БСРА, во многие неприметные дома в самом городе и его предместьях проскальзывали не узанными те, кого на самолетах, на сторожевых и рыболовных судах наши люди вывозили из Франции или собирались туда перебросить. В течение первых четырех месяцев 1943, в то время как африканский кризис достиг своего апогея, наша «служба воздушных и морских операций» перевезла несколько сотен эмигрантов и делегатов. Наш центр пополнился множеством новых лиц, и в числе их были: Рене Массигли, которого 5 февраля я назначил национальным комиссаром по иностранным делам; генерал армии Бейне², которого мы прочили на пост руководителя нашей военной миссии в Вашингтоне; генерал де Лавалад, вскоре назначенный верховным командующим войсками на Ближнем Востоке; генерал Вотрэн³, посланный в Ливию в качестве начальника штаба группировки

¹ *Жерлье Пьер* (1880–1965), французский прелат, адвокат, принял сан в 1921, епископ Лурда в 1929, архиепископ Лиона, в 1937 кардинал, жесткий противник перемирия с Германией и дискриминации еврейского населения Франции. — *Прим. ред.*

² *Бейне Этьенн Поль Эмиль-Мари* (1883–1969), французский генерал, в 1941 глава Французской делегации в комиссии по перемирию с Германией в Висбадене, в 1944–1946 главнокомандующий в Леванте, Верховный комиссар в Бейруте. — *Прим. ред.*

³ *Вотрэн Жан Эмиль Алексис* (? – ?), французский генерал, командующий 1-ым дивизионом сил «Свободной Франции» в Ливии, начальник штаба, погиб на поле боя. — *Прим. ред.*

Лармина (где он вскоре и был убит при исполнении служебных обязанностей); Жюль Мок, который тотчас же вступил во флот; Фернан Гренье, которого привел к нам Реми по просьбе коммунистов, — под контролем Сустеля он вел пропаганду, строго держась «голлистской» линии; умный, тонкий Пьер Вьено, которого я собирался сделать французским послом в Англии, когда Французский национальный комитет переправится в Алжир, и который скончался на своем посту; Андре Марозели, возглавивший нашу организацию помощи военнопленным, ежемесячно отправлявшую более миллиона посылок; Жорж Бюиссон и Марсель Пуэнбеф, делегаты — первый Всеобщей конфедерации труда, второй христианских профсоюзов. Оба они вместе с Альбертом Гиги, их предшественником, и Анри Оком, моим соратником с первых дней, активно представляли профсоюзное движение. Из известных парламентских деятелей были: Гуэн, Кэй¹, Фаржон, Гиманс и вскоре Жакино, Ориоль, Ле Трокер², Луи Марэн, которые сразу же после высадки поспешили объявить прессе, радио, политическим руководителям, дипломатам, союзным журналистам то же, что говорили в своих обращениях Жанненэ, Эррио, Блюм, Мандель, Поль Бонкур и др., а именно, что в час освобождения мыслимо лишь одно правительство — правительство генерала де Голля.

В самой Франции борцы Сопротивления по мере усиления преследований и активизации своей деятельности теснее спланивали ряды. К тому же оккупация зоны, именуемой «свободной», ликвидировала некоторые их расхождения и побуждала к концентрации сил. В конце 1942 мне удалось установить личное знакомство с руководителями различных организаций движения Сопротивления. Встречался я и с другими людьми, являвшимися неожиданно, как бы возникавшими из тумана лихорадочной дея-

---

¹ *Кэй Анри* (1884—1970), французский политический деятель, член социалистической партии, в 1926—1928 министр сельского хозяйства, в 1930 министр здравоохранения, в 1932 министр труда, во время Второй мировой войны присоединился к движению Сопротивления в Лондоне, принимает участие в алжирском правительстве Шарля де Голля, член Французского комитета национального освобождения, возглавлял правительство с сентября 1948 по октябрь 1949, в июле 1950 и с марта по август 1951. — *Прим. ред.*

² *Ле Трокер Андре* (1884—1963), французский политический деятель, адвокат, делегат от социалистов, член Народного фронта (1936), противник перемирия с Германией в 1940, соратник генерала де Голля, член алжирского правительства, участник освобождения Парижа в 1944, в 1946 министр внутренних дел, в 1954 и 1956 председатель Национального собрания, в 1960 вышел в отставку. — *Прим. ред.*

тельности, где было все: хитроумные операции, страх, тайники оружия, боевые налеты, типографии и многое другое; эти люди появлялись и так же вдруг возвращались обратно. Передо мной прошли такие люди, как Кавайес, который, будучи философом по натуре, склонялся к осторожности, но, увлекаемый ненавистью к гнету, решался на самые смелые поступки и пошел ради Франции на пытки и смерть; Даниэль Мейер, методичный поборник «социалистического действия»; Жан-Пьер Леви, скромный и решительный; Сайян, талантливый профсоюзный деятель, посланный Леоном Жуо. Многие, и среди них Пино и Сермуа-Симон, посещали меня не раз. В то же самое время наши собственные делегаты разъезжали по Франции. Так, Реми, замечательный пропагандист и трезвый организатор, занимающийся секретной деятельностью, как увлекательной, но рассчитанной до мелочей спортивной игрой, действовал главным образом в Париже и на Западе; Бэнжан — на Юге; Манюзль на местах проверял нашу сеть и нашу службу связи. В январе Броссолет, а через месяц Пасси-Деваврэн тоже пробрались во Францию. Один молодой английский офицер, Томас, по нашему приглашению сопровождал главу БСРА с целью доставить лондонскому правительству информацию непосредственно с места. Действуя совместно, Пасси и Броссолет должны были установить связи с различными организациями, побудить Север применять у себя такую же умелую координацию действий, какая была на Юге, подготовить почву для объединения Сопrotивления Юга и Севера путем создания общего совета и единой военной системы.

В феврале прибыли Жан Мулэн, мой представитель в метрополии и генерал Делестрэн, командующий тайной армией. Первый из прибывших производил сильное впечатление своей убежденностью и властностью; он сознавал, что дни его сочтены, но был полон решимости, прежде чем уйти из жизни, выполнить свою задачу по объединению. На втором лежала миссия, к которой он никак не был подготовлен своей прежней деятельностью, однако действовал он с твердостью солдата, не отступающего ни перед чем, раз этого требует от него долг.

Мулэну, который в течение долгого времени подготовлял почву для соглашения, я предписал немедленно сформировать Французский Национальный Совет Сопrotивления, где заседали бы представители всех организаций движения Сопrotивления обеих зон, всех политических партий и двух основных профсоюзных центров. В моей директиве нашему представителю определялась

роль Совета, устанавливались основы договоренности и уточнялось, какого рода отношения будут связывать его с Национальным комитетом. Жан Мулэн должен был стать председателем вновь созданной организации. Я назначил его членом Французского национального комитета и вручил ему у себя дома в Гемпстедде награду — Крест освобождения, что сопровождалось в высшей степени волнующей церемонией. Делестрэн во время своего пребывания в Лондоне с пользой для дела работал совместно с союзными руководителями, в частности с генералом Бруком¹, генералом Исмеем, адмиралом Старком, которые признали в нем равного. Таким образом, мы могли надеяться, что действия тайной армии в момент высадки во Францию будут по мере возможности тесно связаны с планами командования. Полученные генералом Делестрэном инструкции лично от меня определяли его функции. До начала великой битвы он должен был выполнять обязанности генерального инспектора. В случае необходимости он становился командующим армией, а именно с того момента, когда потребуются сочетать операции внутри страны с операциями за ее пределами. Но не прошло и месяца со дня возвращения Делестрэна во Францию, как этот человек долга и чести был арестован врагами, выслан и вскоре предательски убит у входа в страшный нацистский лагерь; он отдал родине свою жизнь. Мулэн и Делестрэн уехали 24 марта на борьбу и на смерть.

Все эти многочисленные свидетельства успешного объединения Франции немало способствовали делу объединения всей нашей империи. Национальный комитет сразу же по своей инициативе вступил в переговоры с Алжиром. Через неделю после нашего возвращения из Анфы генерал Катру отправился в Северную Африку. Там он встретился с десятком людей и сумел внушить им, что наша цель — соглашение, что нежелательных нам лиц, устранения которых мы требовали, в сущности, можно считать по пальцам; после чего он вернулся временно в Бейрут, в то время как Маршаль, Шарбоньер, Пешков, Пелабон и другие организовали в Алжире нашу миссию связи. Вскоре после этого

---

¹ *Брук Алан* (1883—1963), английский генерал, до 1914 служил в Ирландии и Индии, участник Первой мировой войны, в августе 1939 сражался во Франции в составе Британского Экспедиционного корпуса, один из организаторов эвакуации британских сил из Дюнкерка, в июле 1940 командующий британской армией, в декабре 1941 глава имперского Генерального штаба, в 1942 он отверг пост главнокомандующего британскими вооруженными силами на Ближнем Востоке, вскоре после войны вышел в отставку. — *Прим. ред.*

ко мне в Лондон вился генерал Буска, представлявший при мне генерала Жиро. Начался обмен мнениями. 23 февраля Французский национальный комитет выработал текст меморандума, адресованного «гражданскому и военному главнокомандующему» и уточнявшего условия объединения.

Мы предлагали: считать перемирие 1940 недействительным; признать политически и морально невозможным дальнейшее пребывание на руководящих постах определенных лиц; восстановить в Северной Африке республиканскую законность, затем, если эти положения будут приняты организацией Жиро, сформировать центральную власть, пользующуюся всеми полномочиями правительства, чтобы Франция, ведя войну, располагала единой ответственной властью и единым представительством; создать сверх того Консультативную ассамблею Сопротивления, призванную возможно шире выражать общественное мнение страдающей и борющейся нации. Так была вновь сформулирована наша позиция. Меморандум был вручен генералу Жиро 26 февраля и опубликован 12 марта.

Отныне для алжирской системы было невозможно открыто придерживаться каких-либо других установок. Ибо независимо от того, что происходило во Франции, в Африке сами события все убыстряющимися темпами развивались в благоприятном для нас направлении. В массах преобладало теперь стихийное убеждение, что де Голль выиграл, поскольку Виши проиграло. Искусственный характер полномочий «гражданского и военного главнокомандующего» и его теперешняя зависимость от американцев создавали тяжелую атмосферу. К тому же под давлением англо-американских миссий, подталкиваемых журналистами и парламентариями своих стран, политическая цензура ослабла. У многих открылись глаза. Вести из Франции, рассказы тех, кого оккупация бывшей свободной зоны или желание бороться за освобождение родины привело в Северную Африку, ожесточенные бои в Тунисе, — все это окончательно рассеяло антиголлистский вздор, которым долгое время пробавлялись местные власти.

Кое-кто из окружения генерала Жиро обладал достаточным политическим чутьем, чтобы попытаться направить эти симпатии в нужное русло. Жан Моннэ стал вдохновителем этой эволюции. В феврале он выехал из Вашингтона в Алжир и принес Жиро свои экономические и административные таланты, а также свои американские связи. Меморандум Национального комитета навел его на мысль, что надо спешно приукрасить облик «гражданского и

военного главнокомандующего». По этому пункту Моннэ быстро сумел прийти к соглашению с Мэряи благодаря ловкости последнего и с Макмилланом благодаря его проницательному уму. Итак, месяц март стал свидетелем демократических выступлений Жиро.

4 марта в Алжире был обнародован новый статут «Легиона комбатантов»¹. 5 марта Жиро объявил по радио: «Франция не имеет расистских предрассудков». 8 марта по его приказу был изъят из обращения номер «Журналь оффисьель д'Африк дю Нор», вышедший накануне, в котором, как и в предыдущих, были опубликованы декреты маршала Петена, переданные по радио. 14 марта на собрании эльзесцев и лотарингцев Жиро выступил с речью, осуждавшей Виши и прославляющей республику. 15 марта он писал генералу Катру: «Я считал необходимым изложить вчера публично принципы, которые определяют мои действия. Таким образом, между нами не остается никаких недомолвок... Я готов принять генерала де Голля, чтобы определить конкретную форму объединения. Прошу вас сообщить ему об этом». 18 марта он подписал ряд приказов, отменяющих во многих областях законодательство Виши.

На следующий день Черчилль и Корделл Хэлл, которые в свое время, казалось, даже не заметили меморандума Французского национального комитета, заявили, что их правительства полностью одобрили принципы генерала Жиро. 19 марта генерал Ногес, а 21 марта генерал-губернатор Буассон объявили о своем полном согласии «с республиканскими действиями и речами» «гражданского и военного главнокомандующего». Вслед за тем генерал Бержере, Риго, Лемегр-Дюбрейль подали в отставку и освободили занимаемые ими места. По мере того как развертывались все эти события и делались все эти жесты, большинство газет и комментаторов Америки и Англии усиливали хвалебную кампанию и стали торопить Сражающуюся Францию присоединиться к Жиро, против которого, как они считали, «голлисты» уже не могли больше выдвигать никаких серьезных возражений.

Однако, стараясь извлечь как можно больше выгод из произнесенной 14 марта генералом Жиро речи и из послания, которое вручил мне по его просьбе генерал Катру, Французский национальный комитет объявил, что «заявления, сделанные в Алжире, во многих отношениях означают приближение к концепции Сра-

¹ Организация бывших фронтовиков, созданная Петеном и поддерживавшая его. — Прим. ред.

жающейся Франции в том виде, в каком она была принята в июне 1940, а затем вновь выражена в меморандуме от 23 февраля». Я лично довел до сведения генерала Жиро, что «получил послание с удовольствием и рассчитываю в скором времени прибыть в Северную Африку». Я объявил об этой новости по радио, говоря о национальном объединении в таких выражениях и в таких тонах, что мои слушатели могли убедиться, что французское объединение не изменило своему лидеру, а он — своим принципам. Я телеграфировал генералу Эйзенхауэру, что был бы рад увидеться с ним по прибытии в Алжир, на что он ответил, что также будет весьма рад. Я просил английское правительство предоставить мне самолет. Но одновременно я заявил во всеуслышание, что неукоснительно держусь своей, всем достаточно хорошо известной позиции и что не отправлюсь в путь, пока Французский национальный комитет не получит из Алжира удовлетворительного ответа на меморандум от 23 февраля. Тогда — чтобы нас смирить — были предприняты самые решительные меры.

Макмиллан открыл огонь. 17 марта в Алжире он в отсутствие генерала Катру пригласил к себе Ги де Шарбоньера... «Теперь, — сказал он, — когда гражданский и военный главнокомандующий публично присоединился к принципам, провозглашенным Сражающейся Францией, ничто не мешает объединению вокруг генерала Жиро». Так как Шарбоньер стал возражать, английский министр разразился яростной вспышкой гнева. «Если генерал де Голь, — кричал он, — и сейчас отказывается от протянутой ему руки, знайте, что Америка и Англия откажутся от него и он станет ничем». Хотя Макмиллан в течение дальнейшего разговора проявил большую сдержанность, его демарш был прямой атакой.

Следующую атаку повел нью-йоркский архиепископ Спеллман¹. Он прибыл в Алжир и захотел повидаться со мной, дав понять, что выполняет поручение президента США. 23 марта я встретился с архиепископом-послом. Этот прелат, преисполненный самого возвышенного благочестия, подходил к проблемам мира сего с подчеркнутым желанием послужить делу Божию. Но, как бы ни был человек благочестив, дела все же остаются делами. Поэтому-то архиепископ нью-йоркский с большим упорством наставлял меня в мудрости.

---

¹ *Спеллман Фрэнсис Джозеф* (1889–1967), архиепископ Нью-Йорка (с 1939), кардинал (с 1946), рукополагался 14 мая 1916, первый в США агент Папского престола в США в 1925, епископ в Бостоне (с 1932). — *Прим. ред.*

«Свобода, равенство, милосердие» — таков девиз, который, по его мнению, должен был определять мой образ действий. «Свобода» означала то, что я должен был воздерживаться ставить свои условия касательно объединения Сражающейся Франции с генералом Жиро; «равенство» — что мне следовало бы войти в триумvirат, о котором мне говорили в Анфе; «милосердие» должно было означать прощение людям, занимавшим определенные посты в Алжире, Рабате и Дакаре. «Подумайте только, — увещевал меня монсеньер Спеллман, — какое несчастье будет для вас, если вам откажут в благах на том основании, что вы отказываете в них другим? Вы представляете себе, что значит для вас быть обреченным оставаться в Англии и быть отстраненным от всякого действия, а тем временем без вас будут освобождать Францию?»

Я ответил архиепископу, что в таком случае освобождения Франции вообще не произойдет, поскольку победа будет означать для моей страны, что англо-американцы навяжут ей удобную им власть на место той, которая господствовала благодаря немцам. Можно заранее быть уверенным, что в таком случае французский народ пойдет не за теми и не за другими освободителями, а за третьими, от которых не поздоровится западным союзникам. Лучше всего дать свершиться национальной воле. В заключение я сказал архиепископу, что эта воля уже проявляет себя вопреки всем препятствиям. В качестве примера я сослался на умонастроения в Северной Африке, на поведение наших моряков и особенно на вести, идущие из Франции.

В общем и целом монсеньер Спеллман, казалось, был не особенно раздосадован. Должен даже сказать, что как позже мне стало известно, я в результате наших бесед завоевал его симпатии.

Вскоре дал о себе знать Черчилль. 2 апреля по его просьбе я в сопровождении Массигли отправился к нему. Премьер-министр, у которого находился сэр Александр Кадоган, заявил мне, что мой приезд в Алжир может создать серьезные осложнения, если до того не будет достигнуто соглашение между Жиро и мною. Под соглашением Черчилль, конечно, подразумевал полное принятие всех условий, о которых мне официально сообщили в Анфе. В противном случае, указал он, мое присутствие в Северной Африке может иметь нежелательные последствия с точки зрения как общественного порядка, так и военной обстановки. Самолет, который я просил мне предоставить, готов, уверял меня премьер-министр. Но не разумнее ли со всех точек зрения отложить отъезд, пока не вернется Иден, находящийся в Соединенных

Штатах, и пока генерал Катру, только неделю назад прибывший в Алжир, успеет оказать там свое влияние? Мне хотелось, чтобы Черчилль открылся до конца, и поэтому, распрощавшись с ним, я публично заявил, что по-прежнему настаиваю на своей поездке в Алжир и не принимаю никаких условий. Тогда премьер-министр сказал, что отложить поездку просит меня генерал Эйзенхауэр. Но мне вскоре удалось выяснить, что генерал Эйзенхауэр вообще ни о чем не просил, и Черчилль вынужден был объявить, что демарш сделан по его личной инициативе и что именно он возражал против моей поездки.

6 апреля я увиделся с Иденом, потом с Вайнантом, которые вернулись из Вашингтона. И тот и другой нарисовали мне в явно сгущенных тонах картину недовольства, вызванного в Америке моим упрямством, к величайшей невыгоде Франции. Для контраста они расписывали мне преимущества, какие даст Франции благорасположение союзников, если я соглашусь подчинить Сражающуюся Францию Жиро. «Я сделал бы это с легкой душой, — сказал им я, — если бы Жиро находился во главе Северной Африки 18 июня 1940 и продолжал военные действия, пренебрегши приказом Петена и Вейгана. Но определенные факты совершились! Французская нация учла их!»

Сопrotивляясь нажиму союзников, я испытывал не меньший нажим и со стороны многих моих сотрудников. Кое-кто из них и в самом деле находился во власти беспокойства, вызванного позицией Вашингтона и Лондона, оскорбительными выпадами против них самих, и, ото всей души желая, чтобы объединение произошло любой ценой, в конце концов смирились. Некоторые члены Национального комитета уже не скрывали этого. Даже сам генерал Катру, сталкивавшийся в Алжире с местными деятелями и с людьми Мэрфи и Макмиллана, предлагал мне в своих депешах оставить за Жиро приоритет в области политического и военного командования. Понимая его намерения, я тем не менее не последовал его советам. Ибо за деревьями — сегодняшними трудностями — имелся еще и лес — другими словами, имелась французская нация.

А ведь в наших спорах решалась судьба нации. Национальный комитет единодушно признал это, когда 10 апреля получил сообщение об ответе Жиро на меморандум от 23 февраля. Катру привез его из Алжира. Без сомнения, документ этот как будто бы говорил о благих намерениях, но одновременно внушал, что Франция до конца войны не должна иметь правительства, что

власть главнокомандующего, то есть власть союзников, должна быть фактически неограниченной.

И в самом деле, нам снова предлагалось образовать в Алжире лишь «совет заморских территорий», где заседали бы Жиро, де Голль, резиденты, теперешние генерал-губернаторы и «комиссары», выполняющие особые задания. Тем самым упомянутый совет не должен был обладать никакой политической дееспособностью. Ему отводилась роль административно-координирующего центра, а никак не национального руководства. Что касается главнокомандующего генерала Жиро, он должен был подчиняться союзному командованию и в своих военных функциях не зависел ни от какой французской власти. Больше того, ему давалось право по мере освобождения и под предлогом осадного положения обеспечивать общественный порядок и назначать должностных лиц на всей территории метрополии. Таким образом, в отсутствие реальной центральной французской власти основные вопросы решались бы по усмотрению военачальника, находящегося в подчинении у иностранного генерала. Эта странная система должна была существовать вплоть до конца войны. После чего, без всякой консультации со страной, собирались применить закон 1872, так называемый закон Тревенка, по которому в отсутствие Национального собрания власть переходит к генеральным советам в области административной и им дается право назначать правительство. Короче, если судить по подписанному генералом Жиро меморандуму, все происходило так, будто Франции как государства не существует, во всяком случае до победы над врагом. Именно таким был тезис Рузвельта.

Этот документ в конечном итоге способствовал укреплению единодушия нашего лондонского комитета. Все его члены ясно увидели, где подлинно национальный путь. 15 апреля, когда составлялся текст ноты, которую генерал Катру должен был отвезти в Алжир, все участники заседания проявили удивительное единодушие. Нота была ясна и недвусмысленна. Признавая все положительные принципы, содержащиеся в заявлении генерала Жиро, Комитет вновь перечислил условия, необходимые для их применения на практике: образование действенной власти, способной осуществлять свое влияние на всех территориях, освобожденных или освобождаемых, в частности на территории метрополии, и распоряжающейся всеми французскими военными силами без исключения; подчинение этой власти всех офицеров, резидентов, губернаторов и прежде всего самого главнокомандующе-

го; удаление людей, несущих персональную ответственность за капитуляцию и сотрудничество с врагом. Для того чтобы создать правящий орган, необходимо, напоминали мы, чтобы председатель и члены Французского национального комитета имели возможность ездить в Северную Африку без того, чтобы им ставились какие бы то ни было условия. С другой стороны, чтобы положить конец слухам о наших разногласиях, распространяемым прессой, все члены Комитета обязаны официально заявить, что они солидарны с генералом де Голлем.

Поскольку Сражающаяся Франция оставалась непоколебимой, деятели Алжира еще упорнее стремились подчинить нас себе. Обстановка, сложившаяся в Африке, не позволяла больше ждать. Во всех умах преобладала одна мысль, а на всех стенах красовалась одна надпись, на всех улицах звучало: «Пусть приезжает де Голль!»

14 марта, когда Жиро вышел из зала, где он объявил о своей новой ориентации, толпа, собравшаяся на площади, встретила его криками: «Да здравствует де Голль!» Никто не сомневался, что позиция, которую заняли с недавних пор местные власти, изменения, внесенные в законодательство Виши, роспуск «легиона», освобождение политических заключенных, отставка видных деятелей, — что все это фактически является успехом Национального комитета. Повсюду появился Лотарингский крест. Движение «Комбат» первенствовало. 19 апреля генеральные советы Алжира, Орана и Константины, открывая свои сессии, обратились ко мне с приветствием. 26 апреля Пейрутон, отдавая визит генералу Катру, заявил последнему, что в связи с моим прибытием и ради дела единения он готов сложить с себя функции генерал-губернатора Алжира и хочет служить Франции в качестве офицера. 1 мая кортежи, вышедшие на улицу по поводу праздника труда, громко скандировали: «Нам нужен де Голль!» Накануне Черчилль имел со мной вполне удовлетворившую меня беседу. Зачитав мне последние донесения Макмиллана, он признал, что я выиграл первый тур.

Как же в таком случае оправдать то обстоятельство, что меня отстранили, когда на тунисской земле африканские войска и силы «Свободной Франции» вели общую битву, с одинаковым пылом стремились к одной и той же цели? А ведь борьба там была нелегкой. С конца февраля на сцене появился Роммель. Задержав с помощью арьергардных боев победоносный марш Монтгомери, прикрывшись затем на юге укрепленной линией «Марет», он устремился из Сфакса к Тебессе, рассчитывая открыть себе проход в

Алжир. Американский армейский корпус и французская дивизия Вельвера, чей славный генерал был вскоре убит, с трудом сдерживали это продвижение. В то же самое время генерал фон Арним¹, преемник Неринга, атаковал, с одной стороны, северное побережье в районе Табарка, который защищала команда добровольцев генерала Монсабера и марокканские войска, и, с другой стороны, Меджез-эль-Баб, удерживаемый англичанами. Можно было опасаться серьезной неудачи. Но союзные силы держались как раз благодаря энергичным действиям французских частей, плохо вооруженных и экипированных, а также благодаря авторитету генерала Жюэна, который сумел превратить разрозненные части и клочки соединений в действенное орудие борьбы. И, наконец, в середине марта, когда в дело вступила 8-я армия, вместе с которой шли части Сражающейся Франции, исход битвы был предрешен.

В самом деле, войска Монтгомери (левое крыло образовал Леклерк, а Лармина служил им резервом) подошли к линии Марет, обогнули ее и достигли Габеса. Это вторжение позволило Паттону² вернуть Гафсу. Были в свою очередь освобождены 11 апреля Сфакс, 12 апреля — Сус и Кайруан. Тогда началось общее наступление союзников. 7 мая Брэдли и Маньян взяли Бизерту, Андерсон вошел в Тунис, Кельц захватил Пондю-Фахс. 11 мая дивизия Лармина завладела Такруной. На следующий день генерал фон Арним, блокированный на мысе Бон, капитулировал вместе со своими частями, насчитывавшими 250 тысяч человек.

Но по мере того как наши солдаты, пришедшие из района озера Чад и с Востока, в непрерывных боях вступали в контакт со своими смелыми товарищами из Туниса, Алжира и Марокко, а также и с населением этих территорий, вокруг них поднимался

---

¹ *Арним Юрген Ганс фон* (1889—1969), немецкий генерал, участник Первой мировой войны, Польской кампании 1939, воевал под Москвой, овладел Брянском, командир 5-й танковой армии в Африке, разгромленной в ходе операции «Торч», в 1943 капитулировал в Тунисе, до 1947 в лагере военнопленных в Великобритании. — *Прим. ред.*

² *Паттон Джордж Смит Младший* (1895—1945), американский генерал, до 1909 учился в военном институте Вирджинии и в военной академии Вэст-Пойнт, которую окончил в 1909, участвовал в военной интервенции США в Мексику в 1916, был в составе Американских экспедиционных сил в Европе в 1917, в 1938, 1940 занимал командные посты в бронетанковых частях, в 1942 участвовал в кампании в Северной Африке, в 1943 участвовал в Итальянской кампании, в июне 1944 командовал 3-й бронетанковой армией, наступавшей в Германии, был военным комендантом оккупированной Баварии. Погиб в авткатастрофе в Германии 21 декабря 1945. — *Прим. ред.*

всеобщий энтузиазм. 26 марта Лармина телеграфировал мне, что центры Южного Туниса – Меденин, Джерба, Зарзис и другие – настойчиво добиваются присоединения к Сражающейся Франции. 6 апреля Леклерк сообщил мне, что, когда он вместе со своими людьми появился в Габесе, город стал ареной всеобщего ликования. 14 апреля американская печать сообщила, что при вступлении в Сфакс англичан и свободных французов все кричали: «Да здравствует де Голль!» «Нью-Йорк геральд трибюн» в статье под заголовком «Где наша сила?» писала: «Неописуемый энтузиазм охватил всех, когда развевающееся на грузовике, пропыленное трехцветное знамя возвестило о прибытии солдат Сражающейся Франции... Сами корреспонденты, описывавшие эту сцену, были буквально ошеломлены такой неожиданностью. Зная, с каким пылом в самой Франции люди всех партий откликнулись на призыв де Голля, видя слезы радости на глазах людей в освобожденных городах в Тунисе, овации и цветы, нужно ли еще спрашивать, где находятся силы, могущие принести победу нашему делу?» 30 апреля полковник Ванек, в прошлом комиссар лагерей молодежи, а ныне командир 7-го полка африканских конных егерей, просил разрешения перейти вместе со своим полком под мое командование. 3 мая в Сфаксе 4-й полк спаги, весь целиком, за исключением нескольких офицеров, обратился с такой же просьбой к генералу Леклерку. Как только закончились бои, множество военных, принадлежавших к различным африканским соединениям, просто уходили из своих частей в надежде попасть в войска, сражавшиеся под Лотарингским крестом. 20 мая отряд свободных французов по праву получил свою долю здравий в честь победы, провозглашенных в Тунисе по пути следования союзников.

Итак, суд народа в конечном счете положил предел всевозможным уловкам. 27 апреля генерал Жиро написал мне, что отказывается от приоритета. Однако он все еще настаивал на своей идее создания «совета», не располагающего реальной властью и в котором, кроме нас двоих, заседали бы также резиденты и губернаторы. С другой стороны, опасаясь, несомненно, реакции толпы, Жиро предлагал, чтобы наше первое заседание состоялось в каком-нибудь отдаленном пункте – то ли в Бискре, то ли в Марракеше. В своем ответе от 6 мая я подтвердил еще раз неизменную позицию Французского национального комитета относительно характера, состава, функций вновь организуемого правительственного органа, ноотрез отказывался от мысли вести переговоры

о его сформировании в каком-то отдаленном оазисе и указывал на Алжир как на место нашей встречи. Накануне в своем публичном выступлении я в достаточно резком тоне заявил, что пора покончить с подобными тенденциями.

В ночь на 15 мая Филип и Сустель, сияя от радости, принесли мне телеграмму, только что полученную из Парижа. Жан Мулэн извещал меня, что основан Национальный Совет Сопротивления, и направлял мне от имени этого Совета следующее послание:

«Все организации и партии Сопротивления северной и южной зон накануне отъезда генерала де Голля в Алжир вновь заверяют его, так же как и Национальный комитет, в своей полной верности провозглашенным ими принципами, ни единой частью которых они никогда не поступятся.

Все организации и партии решительно заявляют, что намеченная встреча должна состояться открыто в резиденции алжирского генерал-губернаторства среди французов в условиях полной гласности».

Кроме того, они заявляют: политические проблемы не должны быть исключены при переговорах, французский народ никогда не допустит подчинения генерала де Голля генералу Жиро и требует скорейшего учреждения в Алжире временного правительства под председательством генерала де Голля, причем генерал Жиро должен быть военным руководителем; генерал де Голль останется для всех единственным руководителем французского Сопротивления, каков бы ни был исход переговоров.

27 мая Национальный Совет в полном составе под председательством Жана Мулэна собрался на свое первое заседание в доме № 48 по улице Фур и принял текст направленного мне послания.

Итак, на всех территориях Франции, и прежде всего на ее страдальческой земле, созрела в нужный час заботливо возвращенная жатва. Телеграмма из Парижа, посланная в Алжир и переданная американскими и английскими радиостанциями, так же как и станциями свободных французов, возымела решающее действие, и не только в силу заключенных в ней положений, но прежде всего и больше всего потому, что она свидетельствовала о том, что французское Сопротивление сумело объединиться. Голос Франции, еще приглушенный врагом, но уже окрепший и грозный, неожиданно для всех перекрыл шепоток интриг и разглагольствования сторонников всяческих комбинаций. Да и я сам сразу стал намного сильнее. Зато Вашингтон и Лондон без особого удовольствия, хотя и с полным пониманием оценивали значе-

ние события. 17 мая генерал Жиро обратился ко мне с просьбой «немедленно прибыть в Алжир для формирования французской центральной власти». 25 мая я ответил ему: «Рассчитываю прибыть в Алжир в конце этой недели; радуюсь, что скоро буду сотрудничать с вами в служении Франции».

Прежде чем покинуть пределы Англии, я написал королю Георгу VI, чтобы сказать, сколь я признателен ему лично, его правительству, его народу за то, что был принят здесь в трагические дни 1940, и за гостеприимство, оказанное «Свободной Францией» и ее главе. Когда я захотел нанести визит Черчиллю, оказалось, что он только что отбыл «в неизвестном направлении». Поэтому свой прощальный визит я нанес Идену. Беседа прошла в дружественной атмосфере. «Какого вы о нас мнения?» — спросил английский министр. «Ваш народ — сама любезность, — ответил я. — А вот о вашей политике я не всегда могу сказать то же самое». Так как мы коснулись множества вопросов, которые английские правительство обсуждало со мной, Иден добродушно сказал: «А знаете ли вы, что вы причинили нам больше трудностей, чем все наши остальные европейские союзники?» — «Как не знать, — отозвался я, улыбнувшись ему в ответ. — Франция — великая держава!»

АЛЖИР

В полдень 30 мая самолет Сражающейся Франции, управляемый Мармье, доставил меня в Буфарик. Меня сопровождали: Массигли, Филип, Палевский, Бийотт, Тейсо и Шарль-Ру. Нас встречает генерал Жиро, а также генерал Катру. Представители американской и английской миссии расположились позади французов. Жандармерия стоит в почетном карауле. Музыка играет «Марсельезу». Автомобили — и те французские. Все это, особенно по сравнению с приемом, который был оказан мне в Анфе, свидетельствует о том, что Сражающаяся Франция, а в ее лице и сама Франция, отныне заняла известные позиции в Северной Африке.

Публика ничего не знает о нашем приезде. Цензоры Алжира, Лондона, Нью-Йорка запретили сообщать об этой новости. Поэтому-то населенные пункты, через которые проезжает на большой скорости наш кортеж, не устраивают никаких встреч. Одни только бдительные «голлисты», на всякий случай пришедшие сюда, провожают нас рукоплесканиями. В Бир-Кадейме жители, случайно узнавшие о нашем приезде, сбегаются с криками: «Да здравствует де Голль!» Но местные власти уже приняли все меры, чтобы наш въезд в Алжир состоялся без участия народа. Из Буфарика, где пустынный аэродром расположен на отшибе, что и заставило остановить выбор на нем, а не приземлиться в Мезобланш, мы проезжаем прямо в летний дворец, минуя город.

Нас ждет роскошный завтрак. Этот добрый французский обычай соблюдается свято, какими бы ни были взаимоотношения и заботы сотрапезника. Жиро и я сидим напротив друг друга. Справа от меня садится генерал Жрож, чему я, впрочем, не удивляюсь, и рассказывает мне, как англичане вывезли его из Франции. Слева сидит Жан Моннэ, который сразу же заводит разговор об экономических вопросах. Катру и Массигли восседают по обе стороны моего визави. Андре Филип и Рене Мейер,

Палевский и Кув де Мюрвиль¹, Линарес и Бийотт принимают участие в разговоре, так же как и тридцать других приглашенных. Вот они и собрались, французы, столь различные между собой и, однако, такие похожие. Волны событий прибывали их к разным берегам, но они наконец-то обрели друг друга, столь же живые и уверенные в себе, как и до начала драмы! Глядя на них, можно даже подумать, что за эти три года ничего трагического не произошло. Однако здесь две команды.

Внешне нетрудно установить соотношение сил. На одной стороне — все; на другой — ничего. На одной — армия, полиция, администрация, финансы, пресса, радио, связь; все находится в полной зависимости от «гражданского и военного главнокомандующего». Союзники, благодаря которым он пришел к власти, предоставляют свою мощь только в его распоряжение. У меня же нет ничего в этой стране — ни войск, ни жандармерии, ни чиновников, ни счета в банке, ни возможности быть услышанным без посторонней помощи. Однако поведение, слова, взгляды всех, кого я встречал в течение последних двух часов, уже открыли мне, на чьей стороне перевес. Каждый в глубине души знает, чем кончится спор.

Толпа изо всех сил кричит о том же, когда в четыре часа я появляюсь на Плас де ла пост, чтобы возложить Лотарингский крест к подножию памятника павшим. Хотя эта манифестация была стихийной и ни одна газета не обмолвилась о ней ни словом и ни одно воинское подразделение не появилось, тысячи патриотов, предупрежденные местной организацией «Комбат», спешно собрались на площади и приветствовали меня оглушительными возгласами. Почтив память всех алжирцев, павших за Францию, я затягиваю «Марсельезу», и ее подхватывают сотни голосов. Затем, среди всеобщего ликования, я еду на отведенную мне виллу «Глицинии».

---

¹ *Кув де Мюрвиль Морис* (1907–1999), французский государственный деятель, в 1930–1940 финансовый инспектор, член Французской делегации в комиссии по перемирию в Висбадене, в марте 1943 один из немногих членов правительства Виши присоединился к генералу Жиро в Алжире, в июне 1943 ведет финансами в составе Французского комитета национального освобождения, в феврале 1945 он — представитель временного Правительства Французской Республики при итальянском правительстве в ранге посла. В 1950–1954 посол Франции в Каире, в 1954 посол при НАТО, в 1955–1956 в Вашингтоне, в 1956–1958 в Бонне, с 1958 до 1968 министр иностранных дел, глава правительства при президенте де Голле (июль 1968 — апрель 1969), в 1973–1978 председатель комиссии Внешнеполитической деятельности Национального собрания. — *Прим. ред.*

Туда уже поступают послания. Первое письмо, которое я прочел, было от генерала Вийемена, бывшего начальника Генерального штаба авиации, который после катастрофы 1940 удалился к себе и жил своей болью и своими надеждами. В самых благородных выражениях этот крупный военный деятель просит меня дать под его командование одну из воздушных эскадрилий Сражающейся Франции и присвоить ему соответствующий чин. После приветствий толпы жест Вийемена еще больше проясняет мне суть вещей. Здесь, как и повсюду, народное чувство сделало свой выбор. Итак, в начавшейся игре главный козырь находится в моих руках. Среди французов, проживающих в Африке, единственной помехой мне будет упрямство чиновников и недоверие коекого из «нотаблей». Но мне придется считаться с решительной оппозицией союзников, которые, конечно, будут поддерживать клан наших политических соперников.

Мучительная битва! Она начинается утром следующего же дня. В лицее Фроментэн, где будущее правительство намерено проводить свои заседания и разместить свои службы, я встречаюсь с генералом Жиро. С ним вместе — Моннэ и Жорж, со мной — Катру, Филип и Массигли. Все мы согласны относительно процедуры. Семеро присутствующих образуют правительственный комитет и вслед за тем кооптируют других членов, чтобы составить правительство. Но я хочу обеспечить себе преимущество, пока еще ничто не зафиксировано на бумаге.

«Для того чтобы мы могли, — говорю я, — образовать единое целое и работать в согласии, нужно сначала решить некоторые существенные вопросы. До того времени, пока наша страна не сможет выражать свою волю, вся ответственность за судьбы государства ложится на плечи правительства. Главнокомандующий, независимо от того, будет ли выполнять эти функции министр или председатель, назначается правительством и находится у него в подчинении. Если мы решим, что такой командующий должен на период военных операций подчиняться стратегическому руководству кого-нибудь из иностранных генералов, это может произойти лишь по распоряжению французской власти. Со своей стороны я никогда не соглашусь заменить Французский национальный комитет любым другим, если мы сперва не предрешим, что новый организм будет пользоваться всей полнотой власти во всех сферах, и в частности военной. С другой стороны, чтобы воочию показать, что Франция никогда не прекращала военных действий и что она целиком отвергает Виши, нам необходимо от-

странить генерала Ногеса, генерал-губернатора Буассона и генерал-губернатора Пейрутона».

Жиро сердится. Он не согласен с тем, чтобы командующий армией был подчинен правительству. Что касается «проконсулов», он с жаром заявляет, что никогда ими не пожертвует. Я настаиваю на своих условиях. Решено закрыть заседание и потом вновь возобновить дебаты на основе подготовленных проектов. Во время дискуссии один только Жорж поддерживает Жиро; Моннэ старается найти компромиссное решение; Катру, Филип и Массигли — все трое — одобряют занятую мною позицию, хотя и в разной степени. Обсуждение начато, но правительство еще не создано. И я кажусь себе мореплавателем, попавшим в сильный шторм, который твердо верит при этом, что если он будет держаться заданного курса, горизонт рано или поздно прояснится.

А пока что шквал крепчает. Разражается буря, и кажется, что все может окончательно погибнуть; однако в глубине души мы чувствуем, что главное определилось. 1 июня я собираю на вилле «Глицинии» всех журналистов, какие только имеются в Алжире. И вот передо мной многолюдная когорта пожираемых любопытством людей. Во главе ее союзнические газетчики, которые ничуть не скрывают своего удовольствия; наконец-то подул свежий ветер, который принесет с собой громкие заголовки и сногшибательные статьи. Чуть позади — французы, колеблющиеся между чувством симпатии ко мне и страхом перед цензурой, которую держит в руках управление информации при «гражданском и военном главнокомандующем». Я делаю им краткое заявление, в котором указываю, что вместе со своими коллегами я явился в Северную Африку, чтобы образовать здесь подлинно французскую власть, способную направлять военные усилия нации, отстаивающую суверенитет Франции, созданную в согласии с движением Сопротивления и отвергающую кучку людей, символизирующих как раз обратное. Такой язык и такой тон здесь незнакомы — и они были сразу же разнесены повсюду.

Вечером того же дня полковник Жус приносит мне письмо от Пейрутона. Генерал-губернатор Алжира, «учитывая, что искреннее объединение всех французов является единственным средством добиться победы, которая позволит нам возродить наше величие, а также побуждаемый заботой ускорить час ее прихода», посылает мне заявление об отставке и просит моего содействия перед военными властями, чтобы ему дали возможность служить в армии. Ничто в тексте не указывает на то, что такое же послание

было направлено также и генералу Жиро. Я отвечаю Пейрутону, что принимаю его отставку и что «в условиях страшных испытаний, переживаемых нашей родиной, французы, так же как и я, в этом я уверен, оценят его бескорыстный жест». Я даю распоряжение немедленно доставить генералу Жиро копию письма генерал-губернатора и копию моего ответа и довожу об этом событии до сведения представителей прессы. На следующий день эта весть появится в газетах всего мира.

Отставка Пейрутона, особенно при таких обстоятельствах, произвела сильное впечатление. Ничего не менял тот факт, что позже он послал генералу Жиро письмо, составленное в таких же выражениях. То обстоятельство, что бывший министр Виши, прибывший из Бразилии, где он был послом, в Африку, чтобы по требованию Рузвельта войти в правительство Алжира, сложил с себя свои функции и публично согласился с моими требованиями, свидетельствовало, что система Алжира изживает себя. Смятение людей, связанных с этой системой, и их советников из кругов союзников достигло апогея. Смятение это усиливалось еще тем, что город охватила настоящая лихорадка: со всех концов приходили вести о массовом присоединении добровольцев, захватывавших грузовики и кативших по дорогам в надежде присоединиться к войскам Лармина и Леклерка. За несколько дней до того Жиро с согласия Эйзенхауэра удалил с французской территории части Лотарингского креста. Они оказались в окрестностях Триполи. Но как ни далек был их лагерь, он влек к себе тысячи молодых солдат. Снедаемый беспокойством, Жиро поручил поддерживать порядок в городе и окрестностях адмиралу Мюзелье, которого привезли с собой англичане и который надеялся в качестве префекта полиции взять реванш за свои бывшие злоключения.

Итак, я ничуть не удивился, получив 2 июня письмо за подписью «гражданского и военного главнокомандующего», однако по стилю этого письма нетрудно было догадаться, кто является его вдохновителем. В тоне, обычном для лондонских эмигрантов, не примкнувших к нам, я обвинялся в желании прогнать с постов людей, вполне заслуживающих доверия, нарушить наши союзы и установить свою собственную диктатуру, а также и диктатуру кагуляров, которые якобы составляли мое окружение. Пока смысл этого письма доходил до моего сознания, мне сообщили, что солдаты держат наготове в казарме, что у Летнего дворца скапливаются броневики, что по всему Алжиру запрещены собрания и шествия, что войска и жандармерия заняли все входы и выходы из

города и ближайшие аэродромы. Сидя у себя на вилле «Глицинии» под охраной десяти спаги, присланных мне Лармина, я имел возможность убедиться, что вся эта суматоха не оказала никакого воздействия на лиц, спешивших принять мое приглашение и побеседовать со мной. Позже, ночью, я довел до сведения Жиро, что эта атмосфера «путча», разыгрываемого перед границей, кажется мне весьма прискорбной, что нам следует или порвать, или прийти к соглашению, что новое заседание назначается на завтра. 3 июня в 10 часов вся «семерка» собралась.

На этот раз генерал Жиро умерил свое упорство. Я принес текст решения и декларацию об учреждении нового Комитета. Оба проекта были полностью приняты. Мы заявляли: «Генерал де Голль и генерал Жиро совместно постановляют создать Французский комитет национального освобождения». Оба мы становились его председателями; Катру, Жорж, Массигли, Моннэ и Филип стали первыми членами Комитета; другие будут скоро назначены. Мы объявляли: «Комитет является центральной французской властью... Он руководит военными усилиями французов во всех их формах и повсюду... Он осуществляет французский суверенитет... Он обеспечивает руководство всеми интересами Франции и их защиту во всем мире... Он берет на себя власть над всеми территориями и всеми военными силами, находившимися в ведении либо Французского национального комитета, либо гражданского и военного главнокомандующего». Мы добавляли: «В ожидании момента, когда Комитет сможет передать свои полномочия будущему Временному правительству республики, он обязуется восстановить все французские свободы, законы республики и республиканский режим и полностью уничтожить режим произвола и личной власти, навязанный ныне стране».

Одновременно был улажен вопрос о «проконсулах». Мы решили принять отставку Пейрутона и назначить генерала Катру генерал-губернатором Алжира, причем он остается в составе Комитета; генерал Ногес, по нашему решению, должен покинуть Марокко; Буассона отзовет из Дакара новый руководитель министерства колоний; генерал Бержере уходил в отставку.

Несмотря на свои очевидные недостатки, созданный в таком виде организм все же явился, на мой взгляд, вполне приемлемой отправной точкой. Несомненно, придется пока что терпеть нелепый дуализм в его руководстве. Несомненно, следует предвидеть, что политика союзников, которую будут проводить в Комитете навязанные нам лица, породит ряд острых инцидентов, пока

главнокомандующий в Северной Африке не будет на деле подчинен центральной власти, как он уже был подчинен ей согласно нашему тексту. Но Французский комитет национального освобождения отвечал тем принципам, за которые неизменно боролась Сражающаяся Франция. Что касается их претворения в жизнь, то эта обязанность возлагалась на меня. Рассматривая Комитет в свете возложенной на него ответственности, я понимал, что, внутренне эволюционируя под нажимом общественного мнения, он теснее сплотится вокруг меня и поможет мне отсеять все неустойчивые и центробежные элементы. Пока что известная двойственность, принятая нами вначале, все же позволяла мне при всех ее неудобствах воздействовать на воинские и административные элементы Северной Африки, до сих пор находившиеся вне сферы моего влияния. Что же касается тех, кто во Франции и в других местах оказал мне свое доверие, я был уверен, что они по-прежнему пожелают следовать только за мной. Закрывая заседание, я чувствовал, что сделал серьезный шаг на пути к единению. Вот почему, забыв все, все мучительные перипетии, я ото всей души обнял генерала Жиро.

Но если сам я был доволен, то союзники испытывали неполное удовлетворение. Установление в Северной Африке центральной французской власти, взявшей на себя функции правительства, провозгласившей французский суверенитет и изгнавшей «проконсулов», находилось в вопиющем противоречии с позицией, занятой Рузвельтом и его министрами. Поэтому-то декларацию, опубликованную в полдень 3 июня Французским комитетом национального освобождения и извещавшую о его появлении на свет, американская цензура продержала под спудом до девяти часов вечера. Со своей стороны я поспешил ввести в курс дела представителей печати, зная, что это поможет рано или поздно смести цензурные препоны. На следующий день, выступая по радио, куда проникла группа «голлистов», я объявил французам Франции, что их правительство отныне действует в Алжире в ожидании того часа, когда сможет появиться в Париже. 6 июня собрание Сражающейся Франции, на котором присутствовали тысячи людей, дало мне, равно как Филипу и Капитану, случай наглядно показать аудитории, в каком тоне и стиле будут впредь выдержаны наши официальные выступления. Стоит ли говорить, что американские и английские миссии не очень-то хотели содействовать тому, чтобы наши речи распространялись по свету.

Дурное расположение духа союзников не ограничивалось впрочем, областью информации. Так, отправив в Лондон телеграмму, чтобы срочно вызвать моих коллег, которых я хотел ввести в правительство, я целых десять дней прождал их напрасно: под разными предлогами англичане старались задержать их отъезд. Впрочем, и в самом Алжире английское правительство, по собственной ли инициативе или нет, не особенно благосклонно взирало на нашу деятельность.

Едва только 30 мая мы приземлились в Буфарике, как я тут же узнал, что Черчилль, а вскоре и Иден секретно прибыли в Алжир. Черчилль поселился на уединенной вилле, получая конфиденциальную информацию о ходе наших споров через генерала Жоржа. Но когда Французский комитет был организован, премьер-министр дал о себе знать, пригласив 6 июня меня и Жиро, так же как и комиссаров, на так называемый «загородный» обед. Отклонить это приглашение помешало мне только уважение к особе премьер-министра. Когда я заметил Черчиллю, что его присутствие здесь в эти дни и в этих обстоятельствах нас несколько удивило, он заявил, что даже и не пытался вмешиваться в дела французов. «Однако, — добавил он, — военная обстановка обязывает английское правительство знать, что происходит в той важной зоне коммуникаций, каковую представляет собой Северная Африка. И мы приняли бы свои меры, если бы произошла какая-нибудь резкая встряска, ну, скажем, если бы вы вдруг взяли да проглотили Жиро», это отнюдь не входило в мои намерения. Да, я твердо решил добиться того, чтобы французское правительство было действительно правительством, но я намерен был действовать постепенно, по этапам и вовсе не из страха перед границей, а по соображениям национальных интересов. Я надеялся, что сумею побудить и генерала Жиро соблюдать общий интерес. Хотя он слишком уж медлил, я всегда рассчитывал сделать так, чтобы он играл первую роль в военной сфере при условии, что он ограничится этой областью и получит свой пост из рук французских властей.

По правде говоря, он не мог бы стать настоящим главнокомандующим, и я жалел об этом больше чем кто-либо, но что поделаешь! Стратегия союзных стран предполагала на Западе лишь два реально мыслимых театра — Северный и Средиземноморский. А мы, увьи! не были в состоянии поставить достаточное количество сухопутных, морских и воздушных сил и не могли поэтому требовать, чтобы французский генерал был на одном из этих фронтов главнокомандующим в прямом смысле этого слова.

Людей нам, конечно, хватало. При желании мы могли бы провести набор среди мужественного и преданного Франции населения. Но наш наличный состав кадровых офицеров и специалистов военного дела жестко ограничивал число наших соединений. К тому же не в наших возможностях было вооружить и экипировать их. По сравнению с силами, которые выставит для настоящих военных действий в Италии и Франции каждая из двух союзных держав, наши силы не могли играть первенствующей роли. В частности, наши сухопутные войска в течение долгого времени будут составлять не больше армейской группы в лучшем случае. Не было поэтому никакой надежды, что американцы и англичане, будь то на Севере или на Юге, согласятся поручить французскому командующему общее руководство операциями.

Бесспорно, все могло бы быть иначе, если бы в июне 1940 облеченное законной властью правительство республики вместе с центральной администрацией, вместе с дипломатией, во главе полумиллиона человек, которые заполнили бы сборные пункты, перебралось бы в Северную Африку, — вместе с боевыми частями, которые можно было бы переправить морем, со всем своим военным и торговым флотом, с экипажами истребительной авиации, с экипажами бомбардировщиков. Последние, впрочем, и в самом деле прибыли сюда, но их заставили вернуться обратно, чтобы отдать самолеты в руки захватчика. Золотого запаса и кредита, которыми располагала в то время Франция, хватало, чтобы закупить в Америке обильную технику в ожидании ленд-лиза. Благодаря этим средствам, а также и тем, которые уже находились в Алжире, Марокко и Тунисе и на Ближнем Востоке, в Северной Африке можно было бы вновь образовать внушительный военный кулак под защитой морских просторов и под прикрытием французской и английской эскадр, в частности сотни подводных лодок. Таким образом, союзники, которые по нашей просьбе и на целый год раньше расположились бы вместе с нами на наших исходных базах во Французской Северной Африке, вполне естественно признали бы тогда на этом театре войны верховную власть французского генерала или адмирала.

Но ужасающая паника, а затем губительное разложение привели к тому, что не были переброшены в Африку еще имевшиеся в нашем распоряжении средства, а большинство находившихся там военных кадров было выдано врагу или демобилизовано. Гражданские власти и военное командование были выданы на милость врага, было приказано встречать союзников орудейными залпа-

ми. Все это заранее лишило Францию ее важнейшего шанса, как, впрочем, и многих других. Никогда еще я не испытывал такой горькой печали, как при мысли обо всем этом.

Однако если опытность и способности генерала Жиро не могли полностью проявиться в ходе военных операций, он все же вполне мог оказать нам большие услуги. Для этого он должен был, отказавшись от поста председателя правительства, выполнять в качестве его члена функции министра вооруженных сил или же, поскольку он был не склонен играть административные роли, стать генеральным инспектором наших сил и одновременно военным советником при Комитете и представлять его в межсоюзном командовании. Должен сказать, что хотя я не возражал против первого решения, я считал, что второе более подходит для него. Несколько раз я предлагал генералу Жиро оба этих поста на выбор, но он не хотел добровольно выбрать ни того, ни другого. Его иллюзии, воздействие известной среды и определенных интересов, влияние союзников — все это вместе взятое побуждало его настаивать на своем желании по-прежнему самолично и полностью распоряжаться армией, а то обстоятельство, что ордонансы и декреты шли за нашими двумя подписями, позволяло ему препятствовать власти сделать что-либо без его согласия.

Поэтому Жиро неизбежно должен был оказаться в одиночестве и на заднем плане, и в конце концов, ограниченный рамками, которых он не хотел признать, и, с другой стороны, лишенный поддержки извне, которая и была причиной его головокружения, он решил уйти. Что касается меня, то я не без сожаления вынужден был заниматься этим тягостным делом, слишком больно затрагивающим этого великого солдата, к которому я всегда испытывал уважение и признательность. На том пути, который вел к единению родины, я не раз сталкивался с личными проблемами, когда чувства не справляются с требованиями долга, а долг не считается с их ранимостью. Но могу сказать, что никогда еще мне так дорого не обошлась необходимость применять железный закон национальных интересов.

Впрочем, мне удалось достичь этого лишь постепенно. 5 июня комитет «семи» собрался вновь. На этот раз речь шла о том, чтобы доизбрать остальных членов и распределить функции. Жорж был назначен «государственным комиссаром», а Катру сохранил это же звание, данное ему раньше. За Массигли и Филипом оставили — за одним комиссариат по иностранным делам, а за другим — внутренние дела, которыми они ведали и прежде. На Моннэ воз-

ложили ответственность за вооружение и снабжение. По предложению генерала Жиро в комитет вошли: Кув де Мюрвиль — комиссариат финансов, Рене Мейер — комиссариат транспорта и общественных работ, Абади — комиссариат юстиции, просвещения и здравоохранения. Я ввел туда Плевена в качестве комиссара колоний, Дьетельма — комиссара народного хозяйства, Тиксье — труда, Боннэ — информации. Кроме того, мы назначили послами: в Марокко — Пюо и на Ближний Восток — Элле и утвердили генерала Маста на его посту в Тунисе.

Эти назначения успокоили меня. В Алжире, Рабате, Тунисе, как то уже было в Бейруте, Браззавиле, Дуале, Тананариве, Ну-мея, власть будет осуществляться людьми, которые поддерживали наше участие в войне и на которых я мог рассчитывать. В Дакаре через две недели Буассона сменит Курнари, переведенный туда из Камеруна. В Фор-де-Франс все свидетельствовало о том, что вскоре и там установится порядок. Что касается самого правительства, то оно состояло из здравомыслящих и достойных людей, большинство которых были давно преданы мне, а другие, за малыми исключениями, желали доказать то же. Твердо зная, что большинство готово меня поддержать, я решил начать второй тур игры. Но прежде, чем бросить кости, я их хорошенько встряхнул.

8 июня Комитет, насчитывавший всего семь членов, — в ожидании остальных, еще находившихся в Лондоне, — поставил на обсуждение узловой вопрос — о командовании. Перед нами было три проекта. Первый проект, выдвинутый Жоржем, предусматривал объединение всех французских сил под властью Жиро, действующего одновременно и в качестве министра и в качестве главнокомандующего и сохраняющего сверх того свои функции председателя, но в военной области независимого от французского правительства. Второй проект, выдвинутый Катру, имел в виду поручить непосредственно де Голлю департамент национальной обороны, а Жиро — командование войсками. Третий — мой проект — поручал главнокомандующему миссию структурировать все французские силы и сотрудничать с союзными военачальниками в определении плана общих операций. Как только станет возможным, он возьмет на себя командование на поле боя, а тем самым перестанет быть членом правительства. По моему плану организация и распределение сил должны были определиться военным комитетом, включающим в свой состав де Голля и Жиро, соответствующих министров и начальников штабов, с той оговоркой, что в случае надобности за правительством остается последнее слово.

Большинство совета отвергло первый проект. Жиро при поддержке Жоржа не принял два других. Так как большинство членов еще не решалось заставить «главнокомандующего» согласиться или удалиться, пришлось признать, что довести дело до конца невозможно.

Но тогда к чему же был нужен весь этот Комитет? Вот этот-то вопрос в письменном виде я поставил перед его членами. Конституируя, что «на протяжении восьми дней мы не приступили даже к разрешению вопроса о полномочиях правительства и военного командования, логическое решение которого, отвечающее интересам нации, напрашивается само собой», и что «самый незначительный вопрос, который может быть решен и исчерпан в несколько мгновений, вызывает у нас нескончаемые и неприятные дискуссии», я заявлял, что не могу долее участвовать при данных условиях в работе Комитета. Вслед за тем я, удрученный всем происходящим, уединился на вилле «Глицинии» и давал понять приходившим ко мне министрам, чиновникам, генералам, что собираюсь уехать в Браззавиль.

Впечатление, произведенное этим решительным разрывом, ускорило ход событий. Генерал Жиро вдруг собрал Комитет на заседание, на котором я не присутствовал, но члены Комитета заявили ему, что не могут в таких условиях вынести никакого дельного решения. С другой стороны, недостатки двоевластия вызывали за границей поток сарказмов и породили в среде всех французов тревогу и раздражение. Это коснулось и армии. Прибывший в Алжир генерал Жюэн сообщил мне об этом и заклинал Жиро отступить от своих притязаний. Генерал Буска, начальник Генерального штаба воздушных сил, действовал в том же направлении. В генерал-губернаторстве, в университете, в редакциях газет нарастали тревожные слухи.

После шести дней общего смятения я решил, что вопрос незрел. Кстати, комиссары, которых до последнего времени не выпускал Лондон, как раз прибыли в Алжир. Таким образом, правительство могло заседать в полном составе, и я рассчитывал найти в большинстве более стойкую опору, чем ту, которую оказывали мне «семеро». Итак, взял на себя инициативу созыва комитета «четырнадцати», дабы он в свою очередь попытался разрешить вопрос, который мешал деятельности правительства. Собрание состоялось. Но в присутствии своих коллег Жиро категорически запротестовал против самой постановки этого вопроса, так как не желал признавать за Комитетом компетенции, хотя она была ус-

тановлена тем декретом, под которым подписался сам главнокомандующий. Таким образом, даже в последнем акте этого невеселого водевиля, который давал возможность клике Виши и вмешивающимся в наши дела иностранцам в течение семи месяцев унижать Францию, Жиро упорствовал в своем желании играть роль председателя Совета министров, который не признает правительства.

Правда, союзники не очень сетовали на это обстоятельство. Видя, к чему клонится дело, они предприняли новую попытку помешать Франции иметь правительство. Но само их вмешательство как раз и поколебало позицию Жиро.

16 июня Мэрфи и Макмиллан вручили Массигли для передачи Французскому комитету национального освобождения послание от генерала Эйзенхауэра, который просил генералов де Голля и Жиро посетить его, чтобы побеседовать «относительно проблем командования и организации французских вооруженных сил». Беседа состоялась 19 июня. Собеседников было трое и присутствовал еще один безмолвный свидетель — генерал Беделл Смит. Мэрфи и Макмиллан, так же как и большинство американских и английских чиновников и военных, держались рядом, внимательные и шумливые.

Я намеренно пришел последним, а слово попросил первым. «Я нахожусь здесь, — сказал я Эйзенхауэру, — в качестве председателя французского правительства. Принято, что в ходе операций главы государств и правительств лично посещают Генеральный штаб того офицера, которому они поручили командование армиями. Если вам угодно обратиться ко мне с просьбой, касающейся вашей области деятельности, то знайте, я заранее готов пойти вам навстречу, само собой разумеется, при условии, что это совместимо с интересами, которые я призван защищать».

Главнокомандующий союзными армиями, стараясь сохранить лобезность, заявил следующее: «Как вы знаете, я подготавливаю весьма важную операцию, которая в скором времени развернется в Италии и которая непосредственно связана с освобождением Европы и Франции. Для того чтобы обеспечить тылы в ходе этой операции, мне необходимо получить от вас заверение, которое я и прошу вас дать. Существующая организация французского командования в Северной Африке не должна претерпевать никаких изменений. В частности, генерал Жиро должен остаться на месте, выполнять все свои функции и сохранить полностью в своем распоряжении войска, коммуникации, порты, аэродромы. Он дол-

жен единолично договариваться со мной по всем военным вопросам в Северной Африке. Хотя и не мое дело заниматься вашей внутренней организацией, которая касается только вас одних, эти пункты для нас весьма существенны. Я говорю вам это от имени американского и английского правительств, которые поставляют оружие французским войскам и которые не смогут продолжать поставки, если указанные мною условия не будут выполнены».

«Я принимаю к сведению ваш демарш, — ответил я. — Вы просите у меня заверения, которое я вам не дам. Ибо организация французского командования является делом французского правительства, а отнюдь не вашим. Но, выслушав вас, хочу задать вам несколько вопросов.

Все государства, ведущие войну — например Америка, — поручают генералам командование войсками и возлагают на министров заботу об организации этих войск. Считаете ли вы возможным запретить французскому правительству поступать так же?» Генерал Эйзенхауэр ограничился заявлением, что просьба объясняется стремлением сохранить полностью prerogatives Жиро.

«Вы ссылаетесь, — сказал я, — на вашу ответственность, как главнокомандующего, перед лицом американского и английского правительства. А известно ли вам, что и у меня есть свои обязанности перед Францией и что в силу этих обязанностей я не могу согласиться с вмешательством какой бы то ни было иностранной державы в функции французских властей?» Эйзенхауэр хранил молчание.

Я продолжал: «Вот Вы — человек военный, неужели вы можете поверить, что руководитель способен сохранить свою власть, если она основывается на благосклонности какой-нибудь иностранной державы?»

После нового и тягостного молчания американский главнокомандующий сказал мне: «Я отлично понимаю, генерал, что вы озабочены более отдаленными судьбами вашей страны. Но соблаговолите понять, что лично меня тяготят сегодняшние военные заботы».

«И меня тоже, — ответил я ему, — ибо мое правительство спешно осуществляет объединение различных французских сил: сил Сражающейся Франции, Северной Африки, тех, которые формируются сейчас в метрополии, словом всех, кого нынешняя система вынуждает держать разъединенными. Кроме того, наше правительство должно вооружить эти силы, пользуясь средствами, которые вы предоставляете нам в интересах нашего союза и в об-

мен на те многочисленные услуги, которые мы оказываем вам. В этой связи я тоже хочу поставить перед вами один вопрос.

Помните ли вы, что в ходе последней войны Франция в отношении поставок оружия ряду стран играла такую же роль, какую играют ныне Соединенные Штаты? Мы, французы, полностью вооружили бельгийцев и сербов, доставляли технику русским и румынам, наконец, в большой мере оснастили технически и вашу армию. Да! Во время Первой мировой войны вы, американцы, стреляли из пушек, но из наших пушек, пользовались танками, но нашими танками, летали на самолетах, но на наших самолетах. А разве мы требовали взамен от Бельгии, Сербии, России, Румынии, разве мы требовали от Соединенных Штатов назначения того или иного руководителя или установления той или иной определенной политической системы?» Снова воцарилось молчание.

Генерал Жиро, с самого начала разговора не открывавший рта, вдруг заявил: «Я тоже несу ответственность, особенно перед армией. Эта армия невелика. Она может существовать лишь в рамках союзных армий. Это верно как в отношении командования и организации армии, так и ее операций».

Тут я поднялся, вышел из комнаты и уехал к себе на виллу.

На следующий день по моей просьбе Генеральный штаб союзников вручил мне, а также и Жиро письменную ноту, уточняющую требования англичан и американцев в части, касающейся подчинения французской армии. Мне хотелось, чтобы от этих требования остался вещественный след. После перечисления функций генерала Жиро нота заканчивалась следующей фразой: «Главнокомандующий союзными силами обращает внимание на заверения, данные американским и английским правительствами, что они гарантируют уважение и защиту суверенитета Франции во Французской Северной и Западной Африке».

Хотя эту стилистическую фигуру, звучавшую весьма ироническим заключением к самим требованиям и противоречивую им, следовало бы отнести за счет союзного главнокомандующего, я узнал в ней старый излюбленный ход Вашингтона и Лондона. С одной стороны, расшаркивались перед нашими правами, а с другой — нарушали их. Но я знал, что подобный способ действия, вполне отвечающий политике, которую вели в отношении Франции американское и английское правительства, был принят не по инициативе генерала Эйзенхауэра и отнюдь не отвечал его характеру.

Он был солдат. Всякое действие казалось ему прямым и простым, и это подсказывалось ему его натурой и профессией. Ввес-

ти в ход, следуя освященным традицией правилам, определенные привычные средства — вот какой он видел войну, а следовательно, и свою задачу. Приступая к ней в трудный час, Эйзенхауэр действовал как человек, который за тридцать пять лет усвоил определенные принципы техники и философии, и он отнюдь не был склонен пересматривать их. И вот совершенно неожиданно на него возложили роль исключительной сложности. Вырванный из тесных рамок тогдашней американской армии, он становится главнокомандующим войсками гигантской коалиции. Благодаря тому, что ему пришлось возглавить силы многих народов в боях, от которых зависели судьбы их государств, он мог теперь видеть, как, прорывая привычную систему подчиненных ему армий, выходят наружу ущемленные национальные чувства и амбиции.

Для союзников было удачей, что Дуайт Эйзенхауэр не только сумел найти в самом себе осторожность, необходимую для решения этих мучительных проблем, но также и умел видеть широкие горизонты, которые история открывала перед ним как военачальником. Он умел быть ловким и гибким. Но он был не только искусен, он умел проявить смелость. И она и впрямь потребовалась от него, чтобы бросить на побережье Африки армию, переправленную с одного края океана на другой; чтобы вступить в Италию, где у врага были свежие силы; чтобы высадить танковые части на узкую полосу нормандского берега и столкнуться с хорошо укрепившимся и умело действующим врагом; чтобы бросить в авраншскую брешь механизированную армию Паттона и дойти до Меца. При этом он овладевал положением главным образом с помощью системы и настойчивости. Выбирая разумные планы, которых он упорно придерживался, придавая большое значение и службе тыла, генерал Эйзенхауэр привел к победе сложную и одухотворенную машину армий свободного мира.

Никогда не забудется, что в этом качестве он имел честь вести их на освобождение Франции. Но так как масштабы требований великого народа находятся в соответствии с его бедами, вероятно, скажут также, что главнокомандующий мог бы лучше служить нашей стране. Если бы он, определяя свою стратегию, принял сторону Франции, как он приноравливал стратегию к планам англосаксонских стран, если бы он полностью оснастил наши части, включая тайную армию, если бы он в своих планах неизменно возлагал на плечи возрождающейся французской армии первостепенную миссию, мы с большим блеском могли бы восстановить нашу военную мощь и перед нами открылось бы более ясное будущее.

Общаясь с ним, я часто испытывал чувство, что этот человек великодушного сердца действительно склонялся к таким решениям. Но на моих глазах он снова, как бы нехотя, отказывался от них. И в самом деле политика Вашингтона определяла его линию, предписывала ему сдержанность. Он соглашался с этим, будучи подчинен власти Рузвельта, а также потому, что прислушивался к советникам, приставленным к нему президентом, и потому что за каждым его шагом следили его коллеги — его соперники, — а сам он еще не приобрел в отношениях с властью той уверенности, которую военачальнику со временем обеспечивают оказанные им крупные услуги.

Однако, если он порой все же мирился с тенденциями, которые вели к нашему оттеснению под тем или иным благовидным предлогом, могу заверить, что делал он это не из убеждения. Он даже — чему я сам свидетель — соглашался с моим прямым вмешательством в его стратегические планы всякий раз, когда я исходил из национальных интересов. В сущности, этот великий солдат испытывал то таинственное влечение, которое в течение двух веков сближало наши страны в великих мировых драмах. Не его вина, что на этот раз Соединенные Штаты прислушивались не столько к голосу наших бед, сколько к стремлению господствовать.

Во всяком случае, политический демарш от 19 июня, совершенный Эйзенхауэром по указанию свыше, произвел впечатление, противоположное тому, на какой рассчитывал Вашингтон. Комитет национального освобождения, узнав 21 июня о требованиях англичан и американцев, решил по моему предложению оставить их вовсе без ответа. Но оскорбленные члены Комитета довели до сведения Жиро, что он должен сделать окончательный выбор: либо подчиниться французскому правительству, либо выйти из его состава и покинуть свой пост.

Кроме того, поскольку Жиро ссылаясь на неудобство, с точки зрения сохранения военной тайны, рассмотрения военных вопросов ареопагом из четырнадцати министров, было решено, как я и предлагал, организовать «военный комитет» под моим председательством, в состав которого входили главнокомандующий, начальники штабов и представители правительства. Комитет должен был решать вопросы организации, набора, объединения наших сил, так же как их размещения на различных театрах войны и на различных территориях.

Два командующих временно осуществляли власть: Жиро по-прежнему отвечал за силы Северной Африки, де Голль — за все

прочие, включая тайную армию. Однако принципиальные решения оставались за Комитетом национального освобождения, заседавшего теперь в полном составе.

Этот компромисс ничуть меня не устраивал. Мне хотелось, чтобы был сделан еще один шаг по пути здравого смысла, а именно чтобы раз и навсегда было установлено единство руководства в самом правительстве, чтобы четко были определены функции генерала Жиро, чтобы один или несколько министров взяли в свои руки управление армиями, а также осуществление военной власти вне зоны операций, с тем чтобы слияние французских сил Северной Африки с силами Сражающейся Франции могло наконец осуществиться на этой основе. Но Комитет, хотя и видел конечную цель, был еще недостаточно решителен, чтобы идти к ней быстро. К тому же генерал Жиро заявил нам, что получил от президента Рузвельта приглашение прибыть в Вашингтон для обсуждения вопросов относительно военных поставок. Главнокомандующий настаивал на том, чтобы решение вопросов о структуре Комитета и командовании было отложено до его возвращения. Большинство министров склонны были медлить. А я, хотя и применился к этим преходящим решениям, имел вполне определенное намерение в самое ближайшее время поставить все фигуры на подобающие им места.

Жиро отбыл 2 июля. Его поездка была предпринята по соглашению между американским правительством и самим Жиро, без консультации с Комитетом национального освобождения. Независимо от практической цели его поездки — а именно переговоры о поставках оружия для наших войск — визит Жиро расценивался в Соединенных Штатах как подходящий случай продемонстрировать свою политику в отношении Франции, подтвердить, что, обсуждая военные дела с одним из наших руководителей, они отказываются считать нас правительством и желают открыто поддерживать французского генерала, которого они уже давно избрали для операций в Северной Африке. Все это делалось с целью укрепить его позиции в глазах американского общественного мнения. Черчилль счел себя обязанным оказать поддержку президенту Рузвельту, обратившись к английским представителям за границей и к редакторам английских газет с «меморандумом», в котором излагались претензии премьер-министра к генералу де Голлю. Само собой разумеется, несмотря на обидный характер меморандума, он был опубликован в американских газетах.

Однако, несмотря на все эти усилия, результат поездки не оправдал возлагавшихся на нее надежд. Ибо президент и его министры нарочито приняли Жиро только в качестве военного деятеля, а поскольку и сам он не стремился к иному, американское общественное мнение не проявило особого интереса к его приезду. Деловая часть переговоров, заключающаяся в том, чтобы оснастить несколько французских дивизий, не могла воодушевить публику, и чувствовалось, что она отнюдь не признает поборником дела Франции покорного гостя, столь расхваливаемого тамошними газетами. Что касается хорошо осведомленных кругов, то там не понравилась та подчиненная позиция, которую счел за благо занять генерал Жиро, и настойчивость Белого дома, желавшего использовать присутствие Жиро, чтобы рекламировать политику, которая не одобрялась многими. То же относится к заявлению Жиро вашингтонским журналистам, поскольку стало известно, что наш генерал авансом ознакомил с ним правительство Соединенных Штатов и даже внес изменения в текст своего заявления за минуту до начала пресс-конференции. То же относится и к поведению Рузвельта в связи с этим визитом, который, как сказал 10 июля президент, «был лишь визитом французского солдата, сражающегося за дело союзников, поскольку в данный момент Франции больше не существует». То же относится и к обеду в Белом доме, на котором присутствовали только военные и куда даже не был приглашен посол Франции Анри Оппено¹, аккредитованный представитель Комитета национального освобождения. То же можно сказать и о речах, которыми обменялись в тот вечер Жиро и президент и в которых даже намеком не было упомянуто ни об алжирском правительстве, ни о единстве, ни о целостности и независимости Франции. И, наконец, недовольство вызвало то, что произошло 14 июля, в день французского национального праздника. Генерал Жиро не получил ни поздравлений, ни посланий от правительства, гостем которого он был, и сам не обратился к нему, ограничившись лишь тем, что утром поднялся на борт линкора «Ришелье», а вечером присутствовал в одном из нью-йоркских отелей на приеме, устроенном французской колонией.

На обратном пути Жиро остановился сначала в Канаде, потом в Англии, но и это не изменило впечатления, произведенного в

¹ *Оппено Анри-Этьен* (1891–1977), французский государственный деятель, в 1940-х годах французский посол в Швейцарии, последний специальный уполномоченный генерал-губернатор Индокитая в 1955–1956. — *Прим. ред.*

Соединенных Штатах. Журналистам Оттавы Жиро заявил, что «единственной целью было восстановление французской армии, ибо все прочее несущественно». Представителям прессы Лондона, который в течение трех лет был свидетелем усилий «Свободной Франции» в борьбе за национальное дело, он сказал: «Никто не имеет права говорить от имени Франции!» В общем люди, слышавшие и видевшие там генерала Жиро, независимо от того, облечены они ответственностью или нет, вынесли такое впечатление, что, хотя его особа и его карьера достойны всяческого уважения, сам он не создан для управления страной, ведущей войну. Было признано, что в возрождении Франции он может играть лишь второстепенную роль.

Тем временем в Алжире правительство, освободившись от двоевластия, набиралось твердости. Объединение империи, материальные и моральные вопросы, выдвигаемые военной обстановкой, связи с границей, отношения с Сопротивлением в метрополии, необходимость подготовить то, что придется делать во Франции с момента ее освобождения, — все это ставило наш Комитет перед множеством проблем. Ежедневно у нас происходило по два заседания. Мы обсуждали вопросы необычайно сложные; министры, с одной стороны, ссылались на трудности разрешения вопросов, а с другой стороны — на ограниченность своих возможностей. Мы старались хотя бы должным образом подготовиться к обсуждению и завершить его позитивным решением. Впрочем, как ни разнообразны были мнения, последнее слово всегда оставалось за мной, ибо ни по одному вопросу внутри правительства не было глубоких разногласий. Надо сказать, что за отсутствием парламента, партий, выборов, никакой политической игры члены Комитета не вели. Это значительно облегчало мою задачу как руководителя.

Тем более, что с технической стороны мне оказывалось всяческое содействие. 10 июня мы придали правительству «генеральный секретариат» и поставили во главе его Луи Жокса¹, а в по-

---

¹ *Жокс Луи* (1901—1991), французский государственный деятель, в 1932 государственный секретарь в Министерстве иностранных дел, при правительстве Виши в отставке с 1940, присоединяется к движению Сопротивления в Алжире, в 1942—1944 генеральный секретарь Французского комитета национального освобождения, в 1946 генеральный секретарь временного Правительства, в 1952—1955 посол Франции в Москве, затем в Бонне, в 1959—1968 министр информации, в 1960—1962 министр народного образования, в 1960—1962 министр по делам Алжира, в 1967—1968 министр юстиции. — *Прим. ред.*

мощники ему назначили Раймона Офруа и Эдгара Фора. Жокс осуществлял связь между министрами и мною, составлял досье по вопросам, поставленным на повестку дня Комитета, фиксировал решения, обеспечивал опубликование ордонансов и декретов, следил за проведением их в жизнь. Образец сознательности, на редкость молчаливый, Жокс в течение трех лет присутствовал в качестве безмолвного и деятельного свидетеля на всех заседаниях Комитета. Генеральный секретариат стал инструментом коллективной работы правительства.

В июле родился на свет «юридический комитет», который возглавил Рене Кассен и который при содействии Франсуа Марьона, председателя Лебаара и других играл роль, которая в нормальных условиях предназначалась государственному совету. Он консультировал нас и придавал документам нужную форму. Поскольку правительству в Алжире приходилось приспособлять закон к военной обстановке и готовить законодательные, юридические и административные акты, которые Франции надлежало осуществить после освобождения, трудно недооценить значение этого Комитета. С другой стороны, «арбитражный комитет» под председательством Пьера Тисье, также заменявший отсутствующий государственный совет, издавал временные решения относительно санкций в связи с правонарушениями, совершенными Виши, решения, касавшиеся внутренней деятельности учреждений. Наконец получил секретаря и «военный комитет» — полковника Бийотта, который помогал непосредственно мне.

В течение июля учреждения, штабы, общественное мнение поняли, что люди, управляющие различными департаментами, по традиции поделившие между собой правительственные функции, стали министрами, облеченными властью и ответственностью согласно их функциям; что хроническая импровизация, которой занимались алжирские власти, после того как был упразднен вишистский режим в Северной Африке, теперь уступила место компетентному и надлежаще руководимому организму; что вновь построенный центральный аппарат сменил лжефедерацию Алжира, Марокко, Туниса, Западной Африки, которая была создана по личным соображениям определенных деятелей и за отсутствием национальной власти; короче, люди поняли, что власть отныне имеет главу, следует определенной линии, действует по определенному плану. Вследствие всего этого в известных кругах произошли изменения: если до сих пор объединение вокруг моей персоны было желательным только некоторым, те-

перь оно принималось здесь всеми, как, впрочем, и всей массой французов.

Все это говорило в конечном счете о возникновении государства как в практической деятельности, так и в сознании людей, говорило с тем большей четкостью, что государство это не было анонимным. С тех пор как Виши уже не могло больше никого ввести в обман, энтузиазм, солидарность, не говоря уже о личных притязаниях, — все это автоматически было обращено к де Голлю. В Северной Африке этническая и политическая структура населения, поведение властей, нажим союзников замедлили ход этой эволюции. Но она стала отныне неодолимой. Настоящее половодье человеческих чувств и стремлений осветило ту глубокую жажду законности, которая подсказывается желанием общественного блага Франции, законности, которую всегда признавала Франция, как бы ни были велики испытания, выпавшие на ее долю, каковы бы ни были формулы, считавшиеся в данный момент «законными». Тут сказывалась некая стихийная потребность, и хотя я был ее символом, я тем не менее чувствовал себя ее орудием и слугой. Во время публичных церемоний это становилось ясно каждому. Стечение воодушевленных толп, приветствия представителей населения, распорядок официального церемониала, центром которых я являлся по долгу службы, были выражением народного инстинкта. Решимость нации, более мощная, нежели все официальные декреты, открыто возлагала на меня долг воплощать государство и вести его.

26 июня я отправился в Тунис. Я обнаружил там, что регентство живет под знаком потрясений, вызванных вторжением врага, политикой режима Виши, поддерживавшего силы оси, сговором местных националистических элементов с немцами и итальянцами. Материальный ущерб был весьма значителен. Политические последствия также. Перед моим приездом в Алжир «гражданский и военный главнокомандующий» сместил бея Монсефа, чье поведение во время оккупации казалось Жиро нежелательным с точки зрения тех обстоятельств, которые связывали самого Жиро с Францией. Большинство членов обоих «Дестуров»¹ были арестованы. В деревнях пришлось карать за покушения на жизнь и

---

¹ Речь идет о тунисских политических партиях; «Новый Дестур» — влиятельная буржуазно-национальная партия, ее лидер — Хабиб Бургиба — глава правительства и президент Туниса с 1957; и «Старый Дестур», партия буржуазии и аристократии, образовались в результате раскола партии «Дестур» в 1934. — *Прим. ред.*

имущество французских колонистов, совершенные грабителями и фанатиками при попустительстве, а то и при прямом содействии захватчика.

Резидент генерал Маст делал все, чтобы восстановить порядок. Действовал он умно, стараясь не множить числа отверженных», завязать как можно больше умиротворяющих контактов и ограничивать меры возмездия. Я поддержал его действия. Властям, делегациям, французским и тунисским влиятельным лицам, являвшимся ко мне, я доказывал, что для оценки всего случившегося имеется слишком много смягчающих обстоятельств. Прежде чем судить об ошибках, совершенных коренным населением, надо учитывать разлагающий пример, который давало им здесь Виши, в частности — скандал с «африканской фалангой», организованной по приказу из Виши и воевавшей на стороне врага. Я заявил, что ныне самое главное — это укрепить узы, связывающие Францию и Тунис, наладить жизнь страны. Должен сказать, что с тех пор мое правительство не встречало в Тунисе серьезных затруднений. Наоборот, это благородное королевство содействовало Франции в ее военных усилиях и отдавало ее армии своих мужественных солдат.

Я поехал повидаться с беом Сиди-Ламином, который взшел на трон по праву наследования после смещения Монсефа. Он встретил меня в Карфагене в окружении своих министров, среди которых, в частности, был Баккуш. Несмотря на то, что общественное мнение было взбаламучено отъездом популярного предшественника Сиди-Ламина, новый владыка нес бремя власти с благородной простотой. Я был поражен, почувствовав, как в его лице мудрость, даваемая годами и характером, сочетается с преданностью своей стране и желанием служить ей. Сам он — я вправе так думать — видел во мне олицетворение Франции, уверенной в самой себе и, следовательно, великодушной, — словом, такой, какой Тунис часто ее представлял и какую порой видел ее воочию. С тех пор я испытываю к Сиди-Ламину чувство уважения и дружбы, выдержавшее испытание временем.

В воскресенье 27 июня после смотра войскам и торжественной службы в соборе среди радостно бушующей народной толпы я отправился на эспланаду Гамбетты. Там, обращаясь к сотням французов, стоявших бок о бок с множеством тунисцев, я говорил о Франции, предупреждая от ее имени врагов, что она будет разить их всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении, пока враг не будет окончательно повержен; приветствуя от имени

Франции ее великих союзников, я заверил их в ее верности и правильном понимании их интересов при условии, что оно будет взаимным. После этого я заявил, что если до окончания войны я принимаю содействие всех, то заранее отвергаю всяческие последующие притязания, что когда дело, которое предпринял ради освобождения и победы, окончится освобождением и победой, де Голль сам не будет выставлять своей кандидатуры.

«Франции, — воскликнул я, — нашей матери Франции мы скажем лишь одно: единственное, что важно для нас, — это служить ей. Нам предстоит освободить ее, разгромить врага, наказать изменников, сохранить друзей, сорвать повязку с ее уст и сковывающие ее кандалы, чтобы она могла возвысить свой голос и продолжать путь, указанный ей судьбою. И просить у нее нам нечего, разве только, чтобы в день освобождения она снисходительно раскрыла нам свои материнские объятия, чтобы мы могли поплакать в них от счастья и, когда придет наш смертный час, чтобы она мирно упокоила нас в своей доброй и святой земле».

14 июля Алжир, столица империи и Сражающейся Франции, продемонстрировала картину возрождения государства и вновь обретенного национального единения. Традиционный военный парад был как бы актом возрождения. Приветствуя проходившие войска, я видел, как подымается ко мне, словно огненный столп, их страстное желание принять участие в предстоящих битвах. Над войсками и народом веяло дуновение радостного доверия — свидетельство согласия душ, потрясенных былыми разочарованиями, раздавленных вчерашними бедами, но в которых сегодня возрождалась надежда... Такое же впечатление производили бесчисленные толпы на Форуме, к которым я обратился вслед за тем с речью.

«Итак, — заявил я, — после трех лет неслыханных испытаний французский народ вновь выходит на арену. Выходит всей массой, ликующей под полотнищем своего знамени. Но на этот раз он выходит единым. И единство, которое с таким блеском демонстрирует сегодня столица империи, завтра будет продемонстрировано всеми нашими городами и селениями, как только будут они вырваны из рук врага и его прислужников». Отправляясь от этой констатации, я подчеркнул для представителей союзников, которые, как я знал, все превратились в слух, нелепость планов, имевших целью использовать военные усилия французов без учета интересов Франции. «Возможно, кто-нибудь и считает, — сказал я, — что можно рассматривать действия наших армий независимо от чувств и воли рожденных в самых глубинах нашего народа. Они

воображали, что наши солдаты, наши моряки, наши летчики, в отличие от всех солдат, моряков и летчиков мира, пошли бы в бой, не интересуясь причинами, ради которых они должны быть готовы пожертвовать своей жизнью. Короче, эти «теоретики», считающие себя реалистами, способны считать, что для французов, и только для французов, военные усилия нации могут существовать вне национальной политики и национальной морали. Мы заявляем этим реалистам, что они не знают реальности. Массы французских граждан, которые так или иначе участвуют в войнах на протяжении последних четырех лет или последних восьми месяцев, делают это по призыву Франции, ради достижения целей Франции, в согласии с тем, чего хочет Франция. Всякая система, которая строилась бы на иных основах, выродилась бы в авантюру или проявила бы свою полную беспомощность. Но Франция, та Франция, которая сейчас поставила на карту свою жизнь, свое величие, свою независимость, не примирится в таком серьезном деле ни с авантюрой, ни с беспомощностью».

Нации, которая завтра будет победившей нацией, необходима после освобождения цель, могущая воодушевлять и поддерживать ее в ее усилиях. Поэтому-то, восславив действия и жертвы во имя сопротивления, я напомнил о пламени возрождения, вдохновившего борцов. «Франция — не спящая принцесса, которую осторожно разбудит некий гений освобождения; Франция — это истерзанная узница, которая под ударами своих палачей, в своем узилище поняла причины своих бед и в полной мере оценила гнусность своих тиранов... Франция уже избрала себе новый путь!» Я указал, каких целей намерено после победы добиваться. Сопротивление как внутри, так и вне страны. Я закончил свою речь, воззвав к народной гордости: «Французы! О, французы! Вот уже пятнадцать веков наша родина существует в своих скорбях и в своей славе. Наши испытания еще не пришли к концу, но уже определяется исход самой тяжелой драмы в нашей истории. Выше головы! По-братски сплотимся друг с другом и пойдём все вместе, борясь и побеждая, — к нашим новым судьбам!»

Буря чувств, какой толпы собравшихся отвечали на мои слова, наглядно свидетельствовала об окончательном крушении всяческих интриг, которые в течение долгого времени кое-кто плел против меня. Было совершенно очевидно, что искусственные системы, последовательно возникавшие в Алжире, чтобы скрыть ошибки и угодить иностранцам, рушились бесповоротно и что, если еще и предстояло выполнить кое-какие формальности, пар-

тия де Голля все равно выиграна. Тут же на трибуне взволнованный Мэрфи принес мне свои поздравления: «Какая огромная толпа!» — сказал он. «Это те самые десять процентов «голлистов» по вашему алжирскому счету», — ответил я.

Марокко в свою очередь развернуло перед нами такое же зрелище. 6 августа я прибыл в Рабат. Уже давно те, кто не скрывали своих симпатий к «Свободной Франции», были здесь жестоко наказаны или подвергались травле, но еще больше было людей, укрывшихся в тени и хранивших молчание. Сейчас, под яркими лучами солнца, население, власти, видные граждане открыто приветствовали меня. Генеральный резидент, посол Пью, сделал мне свой доклад. Необходимо было срочно поддержать жизнь Марокко, которому грозила нищета, так как оно было отрезано от мира. Что касается будущего, то уже вырисовывались проблемы, выдвинутые политическим развитием протектората. Однако генеральный резидент был уверен, что Марокко останется связанным с Францией и примет широкое участие в усилиях империи, направленных на ее освобождение.

В торжественной обстановке я лично познакомился с султаном Мухаммедом бен-Юсефом¹. Этот государь, молодой, гордый, себялюбивый, не скрывал своего намерения возглавить страну в ее движении к прогрессу, а в один прекрасный день — и к независимости. Видя его и слушая его речи, то пламенные, то сдержанные, но всегда тонкие, я понял, что он готов прийти к соглашению с любым, кто поможет ему играть эту роль, но что он способен проявить упорство наперекор тем, кто захочет ему препятствовать. Впрочем, он восхищался Францией, верил в то, что она поднимется, и не представлял себе, как сможет без нее обой-

---

¹ *Мухаммед бен-Юсеф* (1909–1961), король Марокко Мухаммед V, после перемирия с Германией 1940 он занимает двойственную позицию, в 1942 приветствует высадку войск США, в апреле 1943 предлагает установить совместный протекторат США, Великобритании и Франции над Марокко до получения страной полной независимости, выступления националистов с требованиями независимости, Французский комитет национального освобождения категорически отказывается от совместного протектората. В 1945–1947 Мухаммед V соглашается на широкую автономию в рамках Французской колониальной империи, но в 1947 возвращается к идее независимости, 20 августа 1953 французские войска входят в столицу Марокко, король и его сыновья эмигрируют на Корсику, затем на Мадагаскар, в ноябре 1955 власть Мухаммеда V восстановлена, в марте 1956 Марокко получает независимость, в 1958 после прихода к власти де Голля, Франция оказывает Мухаммеду политическую поддержку. — *Прим. ред.*

тись Марокко. Если он на всякий случай склонял слух к кое-каким нарушениям Германии в период ее триумфов и если он слушал наветы Рузвельта во время конференции в Анфе, он тем не менее хранил верность нашей стране. Надо признать, что в данном отношении влияние Ногеса на султана было благоприятным.

Я решил принимать султана Мухаммеда бен-Юсефа таким, каков он был на деле, то есть полным решимости возвыситься, а также показать ему себя таким, каков я есть, и дать ему понять, что перед ним глава суверенной Франции, но Франции, готовой многое сделать для тех, кто дорожит ею. Пользуясь тем, что успех и вдохновляющие идеи Сражающейся Франции заранее открыли нам путь к его сердцу, я завязал с ним личную дружбу. Мы также заключили с ним своего рода договор о согласии и общих действиях, который ни тот, ни другой не нарушали никогда до тех пор, пока я мог говорить с ним от имени Франции.

В воскресенье 8 августа я прибыл в Касабланку. Все стены города были украшены знаменами и флагами. А ведь всего полгода назад мне пришлось здесь ютиться втайне, где-то на окраине города, жить за колючей проволокой и под охраной американских часовых. Ныне мое присутствие здесь явилось доказательством и одновременно средоточием возросшего авторитета Франции. Проведя торжественный смотр войскам, я обратился с речью к толпе, залившей, как морской прибой, всю площадь Лиотэ. Говорил я тоном спокойным и уверенным. Участие Франции в победе отныне несомненно благодаря единению французов и единению империи. Я сослался на пример Марокко, «которое громогласным голосом Касабланки заявляет о своем рвении, о своем доверии, о своих чаяниях». В послеобеденные часы я посетил Мекнес. День 9 августа я посвятил Фесу. Арабский город, который я пересек из конца в конец под пение труб и сквозь лес знамен, был как бы наводнен манифестациями, совсем уж удивительными для этого города, славившегося своей вековой непримиримостью. Наконец, 10 августа в районе Ифрана я был торжественно встречен берберами и их вождями.

В то самое время, когда в Тунисе, в Алжире, в Марокко рассевались последние остатки всяческих недоразумений, французские Антильские острова присоединились к нам в едином мощном порыве. Сделали они это по своей инициативе, без непосредственного участия союзников.

С 1940 верховный комиссар адмирал Робер держал эти колонии под властью маршала Петена. Располагая крейсерами

«Эмиль Бертэн», «Жанна д'Арк», авианосец «Беари», вспомогательными крейсерами «Барфлер», «Керси», «Эстерель», танкерами «Вар», «Мекон», так же как и значительным по своей численности гарнизоном, он поддерживал строгий режим и, в обмен на свой нейтралитет, добился от американцев продовольственных поставок. Но по мере развития событий население и военные элементы стали проявлять желание присоединиться к тем, кто сражался с врагом.

Весной 1941 я послал Жана Массипа — он же полковник Перрель — в районы Мартиники и Гваделупы, дав ему наказ обеспечить там влияние «Свободной Франции» и направить в наши части добровольцев, которым удастся бежать с острова. Несмотря на множество препятствий, Массип сделал все мыслимое. Действуя на английских территориях Сент-Люсии, Доминики, Тринидада с помощью верных французов, таких как Жозеф Сальватори и Адигар де Готри, он сумел установить контакт с группами Сопротивления Фор-де-Франс и Бас-Тер и послать на театр военных действий более двух тысяч добровольцев. В начале 1943 все свидетельствовало о том, что широкое движение в недалеком будущем присоединит к лагерю освобождения французские территории Америки и находящиеся там силы.

В марте Гвиана освободилась из-под власти Виши. В течение долгого времени она стремилась к этому. Еще в октябре 1940 я видел, как в Свободной Французской Африке высадилось подразделение в составе двухсот человек под командованием майора Шардана, прибывшего с берегов Мариони. Позже был образован под председательством мэра Кайенны Софи «комитет по присоединению». 16 марта 1943 население собралось на площади Пальмиста, громко требуя удаления губернатора, люди направились в город с плакатами, на которых был изображен Лотарингский крест, скандируя имя генерала де Голля. Увидев всеобщее возбуждение, губернатор подал в отставку. Тогда Софи телеграфировал мне, сообщая о присоединении к нам, а также обратился с просьбой направить в Кайенну нового губернатора колонии. Но под нажимом консула Соединенных Штатов он послал аналогичную телеграмму и генералу Жиро. А в ту пору еще не было достигнуто единства между лондонским комитетом и правительством в Алжире. Поэтому-то американцы, под чьим контролем находились внешние коммуникации Гвианы, устроили так, чтобы губернатор Рапен — представитель Жиро — достиг Кайенны быстро, тогда как посланный мною генерал Берто вообще не мог туда добраться.

Далее, пользуясь тем, что снабжение колонии зависело от наших союзников, они принудили Гвиану принять администратора, человека вполне уважаемого, но не отвечавшего чаяниям островитян. Правда, два месяца спустя образование в Алжире Комитета освобождения позволило уладить то, что весьма походило на прямую мистификацию.

В июне ряд решительных шагов предприняла Мартиника. В течение многих месяцев адмирал Робер получал от своих подопечных несчетное количество петиций с просьбой дать возможность этой территории, пламенно преданной Франции, выполнить свой долг. Я нашел случай в апреле 1943 отправить в Фор-де-Франс генерала медицинской службы Ле Дантека, который должен был предложить Роберу удовлетворительное решение; потом, в мае, я предложил Жиро послать верховному комиссару письмо за двумя нашими подписями с предложением вновь начать военные действия на нашей стороне. С этими демаршами мы адресовались к адмиралу Роберту. Но они остались без ответа. Напротив, угрозы и санкции против сторонников Сопrotивления усилились.

Тем временем появился на свет Комитет освобождения во главе в Виктором Сэвэром, депутатом-мэром Фор-де-Франс, Эманюэлем Рембо, Леонтемом Кальвером и другими. 18 июня, в годовщину моего призыва 1940, Комитет возложил на памятник павших Лотарингский крест. Затем он призвал все население устроить массовую манифестацию, что и произошло 24 июня.

Пять дней спустя майор Турте со своим батальоном присоединился к движению. Волнение перекинулось во флот. Адмирал Роберт вынужден был подчиниться. 30 июня он объявил, что «обратился к Соединенным Штатам с просьбой о присылке представителя, чтобы установить формальности, необходимые для замены французских властей, вслед за чем сам он покинет свой пост». После этого заявления восстановилось спокойствие, хотя никто не одобрял и не считал необходимым обращаться к американцам для улаживания этого чисто национального дела. Два дня спустя делегация с Мартиники, прибывшая на Доминику, уведомила Жана Массипа о присоединении колонии и просила генерала де Голля направить туда полномочного делегата.

В Гваделупе события разворачивались примерно так же. Уже давно население возлагало на «Свободную Францию» все свои чаяния и надежды. Председатель исполнительной комиссии Ге-

нерального совета Валентино¹, Мелуар, Жерар и другие деятели образовали «Комитет Сопротивления». Валентино был арестован, привезен в Гвиану, но после освобождения этой колонии ему удалось тайно добраться до Гваделупы. 2 мая 1943 в Бас-Тер в честь Сражающейся Франции состоялась манифестация, закончившаяся стрельбой полиции по толпе — были человеческие жертвы. 4 июня Валентино вместе со своими друзьями тщетно пытался захватить власть, однако позже ему удалось присоединиться к Жану Массипу. В конце того же месяца, в связи с уходом Роберта с поста на Мартинике, вопрос о Гваделупе был улажен.

3 июля Комитет национального освобождения, узнавший о всех этих событиях, назначил в качестве «чрезвычайного делегата на Антильских островах» своего представителя в Вашингтоне — посла Анри Оппено. Последний, в сопровождении высших офицеров армии, флота и авиации, прибыл в Фор-де-Франс 14 июня. Среди моря знамен с изображением Лотарингского креста, под бурю возгласов «Да здравствует де Голль!» он был встречен Сэвэром и его комитетом при огромном стечении народа. Оппено и его миссия тут же взяли дело в свои руки. С твердостью и прямо-той они поставили каждого на подобающее ему место. Адмирал Роберт уехал в Порто-Рико, а оттуда перебрался в Виши.

Губернатор Понтон, прибывший из Французской Экваториальной Африки, был назначен губернатором Мартиники. Управление Гваделупой было возложено на генерального секретаря Пуарье, затем на губернатора Берто. Золото Французского банка, депортированное в Фор-де-Франс, перешло под контроль алжирского комитета. Эскадра была отправлена в Соединенные Штаты и после восстановления ее боеспособности прибыла в Северную Африку. Сухопутные войска были включены в армию освобождения. В частности, Антильскому батальону, под командой подполковника Турте, предстояло отличиться в руайянских боях во Франции, где Турте погиб.

Присоединение Антильских островов было завершающим звеном в решении крупной национальной проблемы, которая привлекала внимание правительства Третьей республики еще в

---

¹ *Валентино Поль* (1902–1988), государственный и общественный деятель во Французской Гваделупе, юрист, в 1937 избран в Генеральный совет от Пуант-а-Питр (столицы Гваделупы), во время Второй мировой войны участник Сопротивления, председатель исполнительной комиссии Генерального совета, организатор «Комитета Сопротивления», в 1951–1959 мэр Пуант-а-Питр. — *Прим. ред.*

дни катастрофы, затем была поставлена «Свободной Францией» сразу же после «перемирия» и с тех пор неизменно продолжала нас интересовать, между тем как правители Виши, сознательно или бессознательно следуя указке врага, упорно сопротивлялись решению «антильского вопроса». Таким образом, за исключением Индокитая, который был во власти японцев, все территории империи вновь включились в борьбу за освобождение Франции.

Что касается наших заморских сил, то все они также присоединились к нам. Эскадра, стоявшая в Александрии и обреченная сохранять нейтралитет еще с начала 1940, в июне 1943 решением ее командира отдала себя в распоряжение правительства. В августе адмирал Годфруа привел в североафриканские порты через Красное море, мыс Доброй Надежды и Дакар следующие корабли: линкор «Лоррен», крейсера «Дюге Труэн», «Дюкен», «Сюфран», «Турвиль», контрминоносцы «Баск», «Форбен», «Фортюне» и подводную лодку «Проте». Эти великолепные суда, так же как и те, что прибыли с Антильских островов, также присоединились к борющимся. Это было значительное подкрепление, особенно если учесть, что оно пополнило собою суда, стоявшие в африканских портах, а также те, на которых уже развевался флаг с Лотарингским крестом; все это позволило нам вновь вывести значительные французские силы на моря, то есть туда, откуда в Европу должна была прийти победа.

В силу неуловимых законов, которые определяют чередование событий, весна французской мощи совпала с ослаблением врага. Италия, вновь превратившаяся, по слову Байрона, в «печальную мать мертвой империи» и находившаяся под угрозой захвата ее территории, встала на путь разрыва с немецким рейхом. Что касается Французского комитета национального освобождения, то проблемы, порожденные сдвигами, происходившими в Италии, способствовали тому, что он оформлялся в качестве правительства. В то же время союзникам предстояло волей-неволей признать невозможность полноценного решения итальянской проблемы без участия французов. Кроме того, тяжелые бои, которые им приходилось вести на полуострове, вскоре побудили их искать помощи наших войск и флота. Поэтому-то они и не могли не предоставить нам более широкую долю участия как в сфере дипломатии, так и непосредственно на поле боя. Поскольку Франция была им нужна, приходилось волей-неволей обращаться к французской власти.

10 июля одна английская и одна американская армия, подчиненные командованию генерала Александера, высадились на

Сицилии. Нас не пригласили участвовать в операции. Объяснения, которые нам давали по этому поводу, сводились к тому, что наши части не имеют достаточного оснащения, да и в самом деле мы получали тогда лишь в незначительном количестве американское снаряжение. Но в действительности как Вашингтон, так и Лондон, в предвидении близкого крушения Италии, предпочитали, чтобы мы оставались в стороне от решающей битвы, а также от тех переговоров о перемирии, которые должны ее увенчать.

Наши союзники натолкнулись в Сицилии на очень активное сопротивление немцев, пытавшихся удержать остров. Однако после полуторамесячных тяжелых боев англо-американские силы взяли верх. Но одновременно стало известно, что Большой фашистский совет дезавуировал Муссолини, что король Италии приказал арестовать дуче, что маршал Бадольо¹ назначен премьер-министром. Правда, Бадольо заявил о своей решимости продолжать войну в лагере держав оси. Но было ясно, что за этими словами скрываются прямо противоположные намерения. Меньше всего в этом сомневался фюрер. Его выступление по радио на следующий день было сплошным воплем, в котором слышались и угроза, и высокомерие, и страх, вызванный изменой союзника. Можно было даже различить что-то вроде человеческой нотки, малотипичной для этого диктатора. Гитлер говорил о Муссолини как о своем поверженном соратнике. Говорилось это тоном человека, который вскоре сам падет под ударами, но который решил до конца сражаться с судьбой.

Развязка в Риме наступила 25 июля. 27 июля я сформулировал публично наше отношение к событиям. Я заявил, выступая по радио, что «падение Муссолини — знак неизбежного поражения оси и свидетельство развала фашистской системы — является для Франции первым актом справедливого возмездия».

---

¹ *Бадольо Пьетро* (1871—1956), итальянский военный и государственный деятель, маршал, участник Первой мировой войны, в 1919—1921 начальник Генштаба, в 1924—1925 посол в Бразилии, в 1928—1933 генерал-губернатор Ливии, в 1935—1936 главнокомандующий итальянскими войсками в войне с Эфиопией, в 1936—1937 вице-король Эфиопии, после военного провала на италогреческом фронте во время Второй мировой войны вышел в отставку с поста начальника Генштаба, участвовал в государственном перевороте 25 июля 1943, приведшем к падению Муссолини; назначен премьер-министром, в сентябре 1943 подписал перемирие со странами антифашистской коалиции, 13.10.1943 объявил войну Германии, в июне 1944 ушел в отставку. — *Прим. ред.*

«Муссолини, — говорил я, — увеличивает собою список тех, кто на протяжении истории оскорблял величие Франции и был за то наказан судьбой». Подчеркнув, что для достижения победы необходимо удвоить усилия, я говорил: «Крушение итальянского фашизма может поставить в ближайшее время вопрос о сведении счетов. В этой связи совершенно очевидно, что вопреки ужасающему положению, в котором еще пребывает наша страна, соответствующие решения не могут быть ни действительными, ни долговечными без Франции». Я давал понять, что при этом мы будем руководствоваться желанием примирения, а не духом возмездия. «Ибо близкое соседство, а в известной мере и взаимозависимость двух великих латинских народов являются при всей нынешней неприязни такими факторами, какими всегда будут руководствоваться разум и надежды Европы». Наконец, я утверждал, что «Комитет национального освобождения в этом вопросе имеет определенные права и определенные обязанности, данные ему огромным большинством французов, их доверием и пламенной симпатией, и что, кроме того, Комитет и в данном случае должен действовать как организация, отвечающая за священные интересы страны».

Но можно ли было проводить сформулированную таким образом политическую линию, не освободившись от царившего у нас смятения? 31 июля вернулся из заграничного путешествия Жиро, и я открыто, в его присутствии поставил этот вопрос на заседании Комитета. На этот раз правительство приняло решения, которые приближали нас к поставленной цели.

Отныне руководство Комитетом и председательствование на его заседаниях возлагалось на одного де Голля. Хотя Жиро сохранял вместе со званием председателя право подписывать наравне со мной ордонансы и декреты, отныне это становилось простой формальностью, ибо соответствующие тексты заранее принимались Советом министров, причем именно я являлся единственным арбитром. В области военной решено было слить все силы. Высший военный комитет становился под моим председательством «Комитетом национальной обороны». Жиро специальным декретом назначался главнокомандующим французскими войсками; при этом учитывалось, что в момент, когда Жиро придется возглавить операции на каком-либо определенном театре, он выйдет из состава правительства. Вызванный с Мадагаскара генерал Лежантийом стал вице-комиссаром, а вскоре и комиссаром национальной обороны. Генерал

Лейе¹, адмирал Лемонье², генерал Буска становились начальниками штабов соответственно армии, флота и авиации; в качестве их помощников были назначены генерал Кениг, адмирал Обуано, генерал Валлен. Что касается Жюзна, то он оставался на посту командующего экспедиционным корпусом, предназначенным для действий в Италии, и должен был готовить эти действия.

Итак, главные вопросы в принципе были решены. Но ведь надо было еще претворить в жизнь эти решения. Несмотря на прежний опыт, мне хотелось надеяться, что на этот раз мы преуспеем, что генерал Жиро, получив самое высокое звание и самые широкие полномочия, какие Комитет мог только, не нанося себе ущерба, предоставить военному руководителю, впредь не будет прекословить правительству; что он поостережется, осуществляя свои функции, действовать наперекор тому, на ком лежало бремя руководящей власти. Вначале мы надеялись, что так оно и будет.

В течение августа и первых дней сентября Комитет национального освобождения, продолжая функционировать на тех же основаниях, что и в июле, выполнял свою роль правительства. Благодаря этому мы смогли решить ряд проблем, касающихся мобилизации, финансов, снабжения, портов и аэродромов, народного здравоохранения и т.п. Трудности были очень велики, что и понятно, если учесть, какие лишения выпали на долю этих территорий, которые в нормальных условиях жили за счет привоза, ныне прекратившегося, лишились квалифицированных кадров, ушедших в армию, и несли множество повинностей, а кроме того, изнемогали от перенаселенности в связи с присутствием союзных войск и огромным числом беженцев из метрополии.

В то же время Комитет уточнил свои позиции как в отношении Сопrotивления, так и в отношении режима Виши. Решением Комитета намечалось в ноябре созвать Консультативную ассамблею; 3 сентября Комитет единодушно принял следующее решение, которое вскоре было предано гласности: «Необходимо, как только это позволят обстоятельства, возбудить судебное преследование против маршала Петена и всех тех, кто входил или входит в сформированное им псевдоправительство; кто капиту-

---

¹ *Лейе Роже* (1888—1981), французский генерал, главнокомандующий объединенной армии союзников и Сражающейся Франции. — *Прим. ред.*

² *Лемонье Эмиль Рене* (? — ?), французский генерал, командующий войсками Сражающейся Франции в Индокитае; погиб на поле боя. — *Прим. ред.*

лировал, покушался на конституцию, сотрудничал с врагом, выдавал французских трудящихся немцам и принуждал французские войска сражаться против союзников или против тех французов, которые продолжали борьбу».

Те же принципы были положены в основу деятельности Комитета за пределами страны. Дипломатические, экономические, военные миссии, которых Сражающаяся Франция и алжирская организация направляли в Англию и в Соединенные Штаты, отныне переставали существовать как самостоятельные и были объединены. Два наших представителя — Вьено в Лондоне и Оппено в Вашингтоне — стали нашими единственными представителями в этих странах, имея под своим началом всех чиновников и офицеров, находившихся в Америке или в Англии. В августе мы поручили комиссару по делам снабжения и вооружения Жану Моннэ вступить с правительствами Америки, Англии и Канады в переговоры с целью добиться на основах взаимности ленд-лиза, который должен был касаться различного оборудования и продовольствия, взаимных услуг и подготовить почву для обеспечения насущных потребностей Франции в момент ее освобождения. В то же время комиссар по делам финансов Кув де Мювиль договорился с английским министром финансов по вопросу о финансовом договоре, заключенном в марте 1941, срок которого теперь истекал. 7 сентября мы предложили Вашингтону и Лондону проект соглашения, которым конкретно определялись «формы сотрудничества, которое должно быть установлено с момента высадки союзных войск во Франции между этими войсками, с одной стороны, и между властями и населением, с другой»; мы просили, чтобы этот вопрос был в срочном порядке обсужден тремя правительствами. Мы имели все основания опасаться, что наши союзники лелеют мысль взять на себя — под прикрытием ссылок на интересы военного командования — управление нашей страной по мере своего продвижения в глубь ее территории, и мы, естественно, твердо решили не допустить этого.

Наконец, в связи с капитуляцией Италии и в связи в том, что наши союзники — в чем мы были уверены — меньше всего склонны приобщать нас к выгодам и почестям триумфа, мы официально осведомили их о том, что «Французский комитет национального освобождения предполагает принять участие в переговорах о перемирии, а затем в обсуждениях и принятии решений внутри соответствующих органов, призванных обеспечить выполнение условий, которые будут предписаны Италии». Об этом говори-

лось в ноте, которую Рене Массигли вручил 2 августа Макмиллану и Мэрфи. В той же ноте уточнялись пункты, непосредственно интересующие Францию и подлежавшие, по нашему мнению, включению в будущие договоры.

В области военной сотрудничество главы правительства и главнокомандующего проходило в этот момент удовлетворительно. Генерал Жиро, в восторге от того, что за ним закреплено звание, которое ему было дорого, и что он может подчинить себе соединения французских свободных сил, всячески подчеркивал свою лояльность. Комитет национальной обороны без всяких осложнений осуществил меры, касавшиеся объединения этих сил. Леклерк и его колонна достигли Марокко. Группировка Лармина стояла в Тунисе. Различные корабли и несколько авиационных групп из Северной Африки были направлены в Англию, где они должны были действовать с английских баз бок о бок с частями нашего Лотарингского креста. В то же время Комитет национальной обороны выработал план реорганизации армии, флота, авиации, на основе использования имевшегося у нас командного состава и войск, оснащенных вооружением, получаемым из США. Что касается использования этих сил внутри коалиции, то наши планы были зафиксированы на бумаге в форме меморандума, подписанного де Голлем и Жиро и направленного 18 сентября Рузвельту, Черчиллю и Сталину.

Указав, сколько соединений и каких именно мы можем выставить вновь, мы отмечали, что, не принося ущерба операциям, намечавшимся в Италии с участием наших сил, нужно основную массу французских сил на суше, на море и в воздухе использовать для освобождения Франции и начать это с южной части метрополии, базируясь на Северную Африку. Однако, писали мы, нужно, чтобы некоторые предоставляемые нами силы приняли участие в операциях на севере. По меньшей мере одна французская танковая дивизия должна быть своевременно переброшена в Англию, чтобы обеспечить освобождение Парижа. С другой стороны, полк парашютистов, десантники, несколько судов и пять или шесть авиационных групп должны быть введены в действие с момента высадки. Наконец, мы сообщали о нашей решимости направить на Дальний Восток, как только будет окончена битва за Европу, экспедиционный корпус и основную массу наших морских сил, чтобы внести свой вклад в борьбу против Японии и освободить Индокитай. Все это должно было осуществляться постепенно, пункт за пунктом.

В августе я инспектировал сухопутные части в Алжире, военные корабли, стоявшие в портах Алжира и Орана, а также авиационные базы. Повсюду я собирал офицеров. С момента, когда разразилась катастрофа 1940, несостоятельность руководителей Виши, инерция подчинения дисциплине, ряд случайных обстоятельств не могли не подействовать на французских офицеров, людей чести и долга. И они не сразу стали на правильный путь. Но ни один из них в глубине души никогда не терял надежды вновь вступить в ряды сражающихся против врагов Франции. В их внимании и почтительности чувствовалось, что они находятся под живым впечатлением встречи с де Голлем, с тем самым де Голлем, которого в силу определенной политики им не раз приказывали клеймить, а иногда предписывали сражаться с ним; но теперь, когда национальный инстинкт и сама логика событий поставили его на вершину власти, никто из этих офицеров и не думал оспаривать его авторитет. Я видел, что они расположены слушать и понимать то, что я им говорю, и сам старался говорить с ними в достойном тоне, но и с полной откровенностью — поступать иначе было бы не к лицу ни мне, ни им. После того как я произнес краткую речь, произошел обмен приветствиями, мы пожали друг другу руки и я покинул их; другие дела ожидали меня, и я, как никогда, был исполнен решимости добиться того, чтобы французская армия могла отвоевать свою долю победы и таким образом вновь открыть французской нации путь в будущее.

Укрепление французской власти заставило союзников несколько изменить ту позицию недоверия и подозрений, которой они до сих пор держались в отношении нас. Официальное признание Комитета освобождения Соединенными Штатами, Великобританией и Советской Россией произошло 26 августа. Ранее уже высказались Куба, Мексика, Норвегия, Греция, Польша, Чили, Бельгия.

Сказать по правде, формулы признания, избранные тремя великими державами, глубоко отличались друг от друга. Вашингтон счел нужным ограничиться самым сдержанным заявлением: «Комитет признается как орган, управляющий теми французскими заморскими территориями, которые признают его власть». Лондон прибег к тем же выражениям, но добавил: «В глазах Великобритании Комитет является органом, способным обеспечить руководство французскими усилиями в войне». Москва проявила настоящую широту. Для Советской России Комитет был представителем «государственных интересов Французской республики».

Он являлся единственным «руководителем всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании». Пример «великих» был быстро подхвачен другими странами. 3 сентября, выступая по радио по случаю четвертой годовщины войны и говоря об этих актах, я заявил: «Признание двадцатью шестью государствами Французского комитета национального освобождения является ярчайшим свидетельством нашей солидарности ради нашего торжества и ради мира».

Что касается организации власти в том виде, как она была намечена в решении от 31 июля, то она мыслилась и могла существовать лишь при условии, что подчинение военного командования правительству будет недвусмысленно признано как внутри, так и за пределами страны. Итальянская проблема показала, что дело обстоит иначе.

3 сентября Бадольо, уже несколько недель негласно поддерживавший контакт с англичанами и американцами, капитулировал перед ними при содействии миссии, направленной в Сиракузы. Одновременно союзные силы утвердились в Калабрии. Американская армия под командованием генерала Кларка готовила высадку в районе Неаполя и в случае необходимости должна была вступить в контакт с королем Италии и его правительством, а также с верными ему войсками, которые были сосредоточены в Риме. И вот 29 августа Макмиллан и Мэрфи вручают Массигли меморандум, в котором сообщается о предстоящей капитуляции итальянцев и предлагается Французскому комитету освобождения дать свое согласие, чтобы и от его имени, как и от имени всех Объединенных Наций, генерал Эйзенхауэр был уполномочен подписать с маршалом Бадольо условия перемирия, в которых будут учтены все интересы союзников и, в частности, интересы Франции. Указав в общих чертах, как будет проведено это дело, авторы меморандума писали: «Правительства Соединенного Королевства и США сделают все возможное, чтобы Французский комитет национального освобождения сумел направить, если он того пожелает, своего представителя присутствовать при подписании этого акта».

В ответной ноте от 1 сентября мы выразили свое согласие на то, чтобы генерал Эйзенхауэр подписал перемирие от нашего имени, как и от имени всех союзников, но просили, чтобы нам был срочно направлен проект документа, а также выразили свою готовность в любой момент послать представителя французского командования туда, где будет происходить подписание акта.

Лондону и Вашингтону представлялся таким образом случай показать, согласны они или нет, чтобы Франция была их полноправным партнером в той серии актов, которые должны были последовать за прекращением военных действий. Этот случай казался тем более благоприятным, что речь шла об Италии, где французские силы никогда не прекращали борьбы, об Италии, территория которой не могла быть отвоевана у немцев без участия нашей армии, наконец, речь шла о стране, которая среди западных участников войны не имела иного соседа, кроме Франции, и не могла рассчитывать, что без участия Франции решится ее будущее в любой сфере — территориальной, политической, экономической, колониальной. И все же нам пришлось констатировать, что в этом важнейшем деле американцы и англичане решились действовать совершенно беззастенчиво в отношении нашего Комитета, который они только несколько дней назад формально признали.

Уже 8 сентября пополудни Макмиллан и Мэрфи посетили Массигли и заявили ему, что капитуляция Италии уже совершилась и что генерал Эйзенхауэр объявит об этом через полчаса. Они вручили нашему комиссару по иностранным делам — смехотворная формальность! — текст заявления главнокомандующего союзными войсками, в котором он собирался заявить и в сущности уже заявлял в эту минуту, что он «заключил с итальянским правительством военное перемирие, условия которого одобрены английским, американским и советским правительствами».

Так как Массигли заметил, что в документе не упоминается Франция, несмотря на обещание, данное нам 29 августа в письменном виде Англией и Соединенными Штатами, его собеседники ответили, что заявление Эйзенхауэра есть прежде всего маневр, спешно предпринятый для того, чтобы произвести впечатление на итальянскую армию и население Италии в момент, когда союзники проводят на территории полуострова новую и трудную операцию. «Маневр это или нет, — возразил Массигли, — но вы мне сообщаете, что перемирие уже подписано! Когда оно было подписано? На каких условиях?» В ответ Макмиллан и Мэрфи указали лишь, что генерал Жиро, председатель Французского комитета, был поставлен в известность Генеральным штабом и не сделал никаких замечаний. Той же ночью Массигли встретился с Макмилланом, и последний, после ряда настойчивых вопросов, признал, что переговоры правительств Лондона и Вашингтона с итальянским правительством идут уже с 20 августа. Но он тут же повторил, что Жиро был обо всем осведомлен.

9 сентября я собрал Комитет освобождения. Доклад нашего комиссара по иностранным делам, конечно, вызвал волнение и недовольство членов Комитета приемами и особенно намерениями англосаксов. Мы тут же публикуем коммюнике, в котором выражаем от имени Франции удовлетворение поражением Италии, напоминаем о вкладе французских армий и французского Сопротивления, принимаем к сведению заявление генерала Эйзенхауэра, но уточняем, что «жизненные интересы метрополии и империи требуют участия Франции в любом соглашении относительно Италии».

На этом заседании я спросил генерала Жиро, что побудило его не сообщить правительству и, в частности, его главе важные новости, которые были доведены до его сведения союзниками, между тем как, узнав их, мы могли бы своевременно заявить, чем союзники обязаны Франции. Жиро уверял, что не получил никакой информации относительно перемирия. Вечером того же дня Масигли сообщил Макмиллану и Мэфри, что Жиро опроверг их слова, но оба настаивали на своем, правда, сославшись не без смущения на то, что плохое знание французского языка в главном штабе Эйзенхауэра и английского языка в штабе Жиро могло стать причиной этого недоразумения. На следующий день они явились с извинениями: «Мы навели справки и убедились, что генерал Эйзенхауэр только сегодня утром сообщил генералу Жиро об условиях перемирия».

Сомнений быть не могло! Наши союзники договорились о том, чтобы где только можно отстранять нас от решений, касающихся Италии. Надо было предвидеть, что завтра они поступят так же, чтобы попытаться решить без Франции судьбу Европы. Но они должны были знать, что Франция не потерпит этой дискриминации и что они не могут рассчитывать на нашу страну в будущем, не признавая ее в настоящем. 12 сентября я воспользовался официальной поездкой в Оран, чтобы поставить точки над «i».

Выступая перед огромной толпой с террасы муниципалитета, я заявил: «Страна желает удвоить усилия, чтобы ускорить поражение врага. Страна желает также принять участие соответственно со своим положением в послевоенном урегулировании и в перестройке мира». В этой связи я взываю к «солидарности наций доброй воли». «Существующая между этими странами взаимозависимость требует, чтобы они учитывали жизненные интересы и достоинство других». Напомнив о французском народе, который

страдает, и о французских борцах внутри и за пределами страны, которые участвуют и будут по мере своих сил участвовать в великих битвах я обращаюсь с предупреждением: «Настоящий реализм состоит в том, чтобы их не разочаровывать». Конечно, я признаю, что «на пятом году войны Франция — увь! — не в состоянии выставить много дивизий, судов, эскадрилий, число которых желают сделать единственным критерием вклада того или иного государства. В результате бедствия, обрушившегося на Францию, ей пришлось почти в одиночестве противостоять Гитлеру и Муссолини, а капитулянтство известных лиц в определенной мере помешало участию нации в этой войне... Мы пошатнулись! Да! Это правда! Но не следует ли искать причину этого в том, что двадцать лет назад мы не пожалели своей крови, чтобы защищать других, как самих себя?» Я заключил словами: «Франция претендует в интересах всех на подобающую ей роль в общем урегулировании в связи с приближающейся развязкой военной трагедии». Все ораторы мира не могли бы быть красноречивее тех народных возгласов, которые я услышал в ответ на мою речь.

Так или иначе, из демаршей Макмиллана и Мэрфи было ясно, что наши союзники использовали нелепый дуализм нашего правительства как алиби, которое должно было маскировать забвение ими своих обещаний. К сожалению, вскоре тот же дуализм вреднейшим образом сказался на проведении важной в национальном и военном отношении операции. Я имею в виду освобождение Корсики.

В 1941 «Свободная Франция» отправила на Корсику капитана Скамарони¹, поручив ему подготовить активные силы. За два года Скамарони проделал блестящую работу: ему удалось объединить все элементы Сопротивления, с тем чтобы ни одна партия или группа не могла в дальнейшем воспользоваться монопольно результатом общих усилий. Таким образом «Фрон

---

¹ *Фред Скамарони* (Годфруа Скамарони) (1914–1943), французский военный деятель, юрист, участник Второй мировой войны, в 1940 присоединился в «Свободной Франции» в Лондоне, сражается в Дакаре, участник «миссии примирения» с солдатами Виши в Северной Африке, за агитацию переходить на сторону «Свободной Франции» арестован и приговорен к смерти, 28.12.1940 освобожден, в феврале 1941 поступил на работу клерком в Министерство снабжения правительства Виши, параллельно ведет подпольную работу для «Свободной Франции», с декабря 1941 возвращается в Лондон, осуществляя различные миссии связи, организовал сопротивление на Корсике, арестованный итальянцами, покончил жизнь самоубийством 19 марта 1943. — *Прим. ред.*

насиональ», имевший политическим руководителем Джовони, а военным руководителем Виттори — двух коммунистов, — согласовывал свои действия с делегатом «Свободной Франции», то же делали и патриоты, морально объединенные вокруг Раймонди и братьев Джакоби, или отряды, созданные бывшими офицерами, и в их числе отряд лейтенанта Альфонса де Перетти. К несчастью наш делегат попал в руки итальянцев, занявших Корсику на другой день после высадки союзников в Северной Африке. Его подвергли жестоким пыткам, и, чтобы сохранить секреты, Скамарони покончил с собой.

К этому времени — март 1943 — битва за Тунис близилась к концу. По всему можно было предвидеть, что Корсика вскоре будет также втянута в операции, имевшие целью захват Италии и южной Франции. На Корсике, в этой классической стране маки, горячо привязанной к Франции, где хозяйничанье иноземных захватчиков возбуждало пылкий патриотизм, втайне готовилось широкое восстание. Тысячи решительных людей при активном сочувствии всего населения с нетерпением ждали лишь подходящего часа, чтобы вступить в борьбу.

Алжирская организация в свою очередь связалась с Корсикой. «Гражданский и военный главнокомандующий» сначала послал на остров несколько агентов, затем, в апреле 1943, майора Колонна д'Истрия. Все это было весьма похвально. Но хуже было то, что после создания в июне нашего алжирского комитета генерал Жиро ни словом не обмолвился мне о той деятельности, которую он ведет на Корсике. Прибыв на место, Колонна выдавал себя — по видимому, из лучших побуждений — за представителя правительства в целом. Считая себя таковым, он вел переговоры исключительно с коммунистическими руководителями Джовони и Виттори, то ли не замечая неудобства такого предпочтения, то ли желая упростить свою задачу, то ли потому, что следовал полученному приказу. К этому следует добавить, что коммунистическая партия послала из Франции к Жиро представителя от Приморских Альп — Пуртале, который, будучи в Ницце, долго держал связь с Джовони. Пуртале не упускал случая информировать главнокомандующего о положении на Корсике и давать ему советы, полезные для своей партии.

В течение июля и августа разведка генерала Жиро, без моего ведома, развила большую активность, вооружая участников Сопротивления на Корсике. Английская Интеллидженс Сервис, которая, как правило, не проявляет особой щедрости без задней

мысли, раздобыла для них 10 тысяч автоматов. Это оружие было переправлено из Алжира частью на подводной лодке «Касабланка», которая совершила несколько весьма опасных рейсов, частью на английских самолетах, которые сбрасывали автоматы на парашютах в местах, заранее указанных Колонной. Это оружие было получено и распределено руководителями «Фрон националь». Таким образом в руках Джовони и Виттори оказалась монополия руководства. Коммунистические руководители взяли под свою эгиду все силы Сопротивления, среди которых члены их партии составляли меньшинство. Между Алжиром и «голлистами» на острове в то время не было никакого сообщения, и, за неимением другой возможности, «голлисты» примкнули к этой организации; даже мой двоюродный брат Анри Майо согласился войти в комитет «Фрон националь», считая, что поступает согласно моим желаниям.

4 сентября, на другой день после того, как Бадольо подписал перемирие — что от меня скрывали до 8 сентября, — Джовони прибыл в Алжир, куда его доставила «Касабланка». Однако я ничего об этом не знал. Он приехал договориться с главнокомандующим об операции, которую сиракузское соглашение делало вполне осуществимой, ибо теперь 80 тысяч итальянцев, занимавших Корсику, должны были отнестись к операции равнодушно, а может быть, даже сочувственно. Жиро ничего не сказал мне об этой встрече. Джовони не пытался повидаться со мной. 6 сентября он уехал. Вечером 9 сентября стало известно, что силы Сопротивления захватили власть в Аяччо, что сам префект провозгласил присоединение департамента к Комитету национального освобождения и что итальянский гарнизон не оказал никакого сопротивления. Только тогда генерал Жиро впервые рассказал мне о том, что он сделал на Корсике.

Выслушав его отчет, я сказал: «Несмотря на полученные нами хорошие вести, генерал, я весьма удивлен и недоволен тем, как вы вели себя по отношению ко мне и правительству, скрывая свои действия. Я не одобряю того монопольного положения, которое вы предоставили коммунистическим руководителям. Я считаю недопустимым, что вы создали впечатление, будто действуете не только от своего, но и от моего имени. Наконец, после того, что я услышал от вас о свидании с Джовони, об операции, о которой вы договорились, об обстановке, в которой она развернулась, я не могу понять, как вы могли сегодня утром утверждать на заседании Совета министров, будто вы и не подозреваете о неизбежном пе-

ремирии с итальянцами. Из всего этого я сделаю соответствующие выводы, как только мы выйдем из сложного положения, в котором оказались. В настоящий момент мы должны прежде всего считаться с военной обстановкой. Корсике необходимо оказать помощь, и как можно скорее. Затем правительство приложит все силы, чтобы покончить раз и навсегда с этим источником наших разногласий». Жиро согласился со мной в том, что следует немедленно перебросить войска на Корсику. Что касается выполнения, то это уж его задача. Тут я не сомневался, что он хорошо справится со своим делом.

Собравшись на следующий день, Комитет освобождения занял по отношению к главнокомандующему ту же позицию. Выразив ему доверие в проведении военных операций, он высказал ему упрек за то, что генерал действовал сам, единовластно, в такой области, которая не входила целиком в его компетенцию. На том же заседании Шарль Люизе был назначен префектом Корсики. Он должен был немедленно отправиться туда с достаточно сильным отрядом. Генерал Моллар¹ будет сопровождать его в качестве военного генерал-губернатора острова.

Военные действия на Корсике проводились с большим воодушевлением. Однако прибытие судов с регулярными войсками и их высадка проходили без всякого плана. По правде сказать, несколько недель тому назад, по просьбе главнокомандующего, генерал Жюэн разработал подробный план. Исходя из предположения, что итальянцы будут сохранять нейтралитет, генерал Жюэн считал, что войска следует высадить сразу с двух сторон — с востока и запада, чтобы отрезать немцам путь к двум береговым дорогам. Он предполагал, что в операции примут участие две дивизии, из них одна горная, отряд марокканской пехоты, сотня танков и несколько десантных отрядов. Таким образом он рассчитывал разбить или захватить в плен немецкие войска, уже утвердившиеся на острове, а также и те, что придут с Сардинии. К 9 сентября все части для этой операции были готовы и горели желанием действовать. Но для их переброски был нужен крупный тоннаж, а также конвойные суда и воздушное охранение. Поскольку необходимые для этого военные корабли, транспортные суда и самолеты не были подготовлены заранее, главноко-

---

¹ *Моллар Жан Жозеф Жюль Станислас* (1879 — ?), французский генерал, с 1939 главнокомандующий войсками союзников на Корсике, с 1942 военный генерал-губернатор Корсики, погиб на поле боя. — *Прим. ред.*

мандующий не был в состоянии осуществить такой широкий план собственными силами. Союзники, к которым он обратился за помощью, ответили ему отказом, ибо в данный момент они мобилизовали все свои силы для высадки в Салерно.

Однако создавшееся положение требовало немедленных действий. Жиро решил, что операцию следует провести в более узком масштабе, и я поддержал его. Части, которые ему удастся за три недели перебросить на Корсику, сумеют с помощью участников сопротивления защитить большую часть острова от атак немецких войск; они будут преследовать отступающие части противника и нанесут им значительный урон в людях и военной технике. Однако, несмотря на эффективность этих действий, они не смогут помешать врагу покинуть остров. И все же это приведет к освобождению Корсики французскими войсками, то есть силами одних французов, а это произведет сильное впечатление как во Франции, так и среди союзников.

Ночью 12 сентября отважная подводная лодка «Касабланка» высадилась в Аяччо наши первые боевые отряды. В последующие дни туда прибыли: ударный батальон, 1-й полк марокканских стрелков, 2-й отряд марокканской пехоты, мотомеханизованная рота 1-го полка спаги, несколько артиллерийских подразделений, саперы и связисты, а также необходимые военные материалы, боеприпасы, горючее. Все это было доставлено на крейсерах «Жанна д'Арк» и «Монкальм», на эскадренных миноносцах «Фантаск» и «Террибль», на миноносцах «Аретюз» и «Касабланка». Эскадрилья истребителей прибыла на авиабазу Кампо дель Оро. Что касается немцев, то они ставили себе целью эвакуировать находившуюся на Корсике бригаду эсэсовцев и 90-ю танковую дивизию, которую они спешно вывозят с Сардинии. Они двигаются на восток по дороге Бонифачо — Бастиа под прикрытием значительных воздушных сил и крупных разведывательных отрядов, которые они посылают в глубь острова. Они погружают свои войска на многочисленные моторизованные баржи в Бастии и отправляют на остров Эльбу и в Ливорно.

Во главе французских войск стоит генерал Мартен. Он прекрасно проводит операцию; сначала он создает себе плацдарм в Аяччо, потом бросает вперед десантные отряды, которые при поддержке бригад Сопротивления изматывают противника, преследуют его в Бастии, Бонифачо, Леви и т.д., и контролирует проходы, ведущие в глубь страны; затем он очищает Порто-Веккьо, Бонифачо, Гизоначча и, наконец, вплотную подходит к

Бастии, вытесняя немцев из гористой, покрытой лесами местности Сен-Флоран и с Корсиканского мыса. К тому же генерал Мартен очень разумно договорился с итальянским генералом Мальи¹, командующим итальянскими войсками, который, несмотря на то, что оказался в довольно шекотливом положении, снабжал наши части грузовиками и мулами, а кое-где даже оказывал им поддержку своими батареями. Генерал Луше, продвигающийся с севера, майор Гамбье с ударными подразделениями, полковники Латур с арабскими отрядами, де Бютлер со стрелками и де Ламбийи с танками блестяще проводят наступление. Генерал Жиро сам прибывает на Корсику через несколько дней после начала высадки войск и объезжает воинские части, заражая всех своей решимостью. 4 октября наши войска вступают в Бастию; противнику удалось вывести морем свой арьергард, но пришлось бросить на берегу значительное военное имущество.

Вечером того же дня я отправляюсь к главнокомандующему и поздравляю его от имени правительства со счастливым завершением военной операции. Она была предпринята по его приказу, и он сам возглавил ее. Он взял на себя ответственность за ее исход, и в том была его заслуга. Хотя принятые им меры не отличались широкими масштабами, он столкнулся с большими трудностями, ибо ему приходилось отправлять людей в неизвестность, за 900 километров от наших баз, и организовывать взаимодействие частей, случайно набранных из армии, флота и авиации.

24 сентября я выступил по алжирскому радио и сказал: «Жители Франции и всех ее владений приветствуют французских бойцов, сражающихся на Корсике, которым главнокомандующий французской армии, находящихся на месте боев, дает указания о дальнейших действиях. Комитет национального освобождения шлет бойцам и командирам, всем корсиканцам, сражающимся за освобождение своей земли, а также солдатам, морякам и летчикам, которых смело послала в бой возрождающаяся французская армия, горячие выражения любви и гордости от имени всей Франции».

---

¹ *Мальи Джованни* (1884 — ?), итальянский генерал, в 1937—1939 командир первой бронетанковой бригады, в 1939—1940 главнокомандующий 131 бронетанковым подразделением «Сентауро» в Албании, в 1940 главнокомандующий 37 подразделением в Модене, в 1940—1943 главнокомандующий итальянскими войсками на Корсике. — *Прим. ред.*

Но воздав должное военным заслугам генерала Жиро, нельзя было умолчать о том, что его поведение по отношению к правительству было недопустимо. И я повторил ему это в тот же вечер, после того как поздравил с успехом. «Это уже разговор о политике», — сказал он. «Да, — ответил я. — Ведь мы ведем войну. А война — это политика». Он слушал меня, но как будто не придавал значения моим словам. По существу Жиро не признавал для себя никакого подчинения. То, с чем он, казалось, соглашался, он все равно не выполнял. В силу своего характера, привычек, а также следуя определенной тактике, он ограничивался лишь военными соображениями, отказываясь считаться с реальной обстановкой, национальными интересами, и закрывая глаза на то, что входит в компетенцию власти. С таким умонастроением он не мог в отношениях со мной забыть о прежней разнице в чинах. Нельзя сказать, чтобы он не отдавал себе отчета в исключительном значении возложенной на меня миссии. Не раз публично и в частных беседах со мной он доказал это с трогательным великодушием. Но он не делал из этого практических выводов. К этому следует добавить, что обстоятельства, выдвинувшие его раньше на первое место в Северной Африке, поддержка, оказанная ему американскими политиками, предубеждение и неприязнь некоторых французских деятелей в отношении меня — все это оказывало определенное влияние на его мысли и образ действий.

Необходимо было положить конец этой фальшивой ситуации. И я решил в ближайшее время побудить генерала Жиро выйти из состава правительства, продолжая при этом пользоваться его услугами. К тому же члены Комитета освобождения тоже понимали, что медлить больше нельзя. Два новых члена, которых я ввел в Комитет в течение сентября, поддерживали это стремление к решительным мерам. Франсуа де Мантон¹, прибывший из Франции, стал национальным комиссаром юстиции.

---

¹ *Мантон Франсуа де* (1903–1984), юрист, в 1923–1930 состоит членом Католической ассоциации французской молодежи, в 1926–1929 президент ассоциации, в 1930 профессор политэкономии, с 1940 участник движения Сопротивления, в 1942 присоединяется к генералу де Голлю, член Национального Совета Сопротивления, в 1943 комиссар юстиции в алжирском правительстве Сражающейся Франции (до июня 1945), делегирован Францией на Нюрнбергский процесс, вице-президент в 1949–1952, затем президент в 1952–1954 совещательной Ассамблеи Европы, профессор политэкономии в Нанси в 1959–1968. — *Прим. ред.*

Пьер Мендес-Франс, вышедший по моему приказу из авиационного подразделения «Лоррен» и взявший на себя управление финансами, заменил Кув де Мюрвиля, который стал представителем Франции в комиссии по делам Италии, что отвечало его желанию. В то же время политическая ситуация на Корсике произвела определенное впечатление на наших министров. Андре Филип отправился на остров, чтобы посмотреть, как обстоят дела, и констатировал, что коммунисты, опираясь на участников Сопротивления, восстанавливают муниципалитеты по своему усмотрению и овладевают средствами информации. Министры ни в коем случае не желали, чтобы этот прецедент вскоре повторился в метрополии. Они настаивали, чтобы я поспешил изменить структуру правительства и сделал невозможными подобные неожиданности.

Я разделял их тревогу. Однако я хотел до конца действовать осторожно, щадя чувства доблестного солдата, который за время своей службы имел столько выдающихся заслуг и семью которого, захваченную врагом, в это время подвергали жестоким преследованиям.

На Корсике вскоре все уладилось. Я прибыл туда 8 октября и провел на острове три великолепных дня. Мой визит развеял все тени. В Аяччо я обратился к народу на площади мэрии. Мне была оказана такая горячая встреча, что в первых словах своей речи я счет нужным сказать: «Сегодня всех нас вздымает высокая волна национального энтузиазма». Я одновременно воздал должное и корсиканским патриотам, и африканской армии. Я отметил полное крушение вишистского режима. «Что же осталось от пресловутой национальной революции? — воскликнул я. — Как случилось, что множество портретов и значков были в один миг заменены героическим Лотарингским крестом?.. Стоило только первому освободительному дуновению пронестись над корсиканской землей, как эта частица Франции в едином порыве повернулась к военному правительству, единству, республике».

Затем, заметив, что мой голос раздается «из самого сердца латинского моря», я заговорил об Италии. Я подчеркнул, до какой степени нелепы претензии нашего латинского соседа, который вступил в чудовищный союз с немецкой алчностью и, ссылаясь на наш упадок, пытался захватить Корсику. Восстановив справедливость, завтрашняя Франция не будет питать враждебных чувств к родственному нам народу, которого не отделяют от нас никакие

непреодолимые разногласия. В заключение я сказал: «Победа близка. Победит свобода. Можно ли сомневаться, что это будет и победа Франции?»

В Аяччо я убедился, что префект Люизе, военный губернатор Моллар и мэр Эжен Маккини оказались вполне на месте. Кorte сотрясался от приветственных криков, однако хранил свою гордую суровость. Я отправился в Сартен. Затем посетил Бастию; ее улицы были завалены обломками: перед уходом немцы взорвали или подожгли крупные склады военного снаряжения и боеприпасов; печальную картину представляло собой это кладбище техники. На глазах у первых жителей, вернувшихся в свои дома, генерал Мартен представил мне победившие войска. Повсюду группы вооруженных добровольцев высказывали законную гордость, что они поддержали славу Корсики, сражаясь за Францию. В каждой деревне, где я останавливался, я видел самые трогательные демонстрации, а размещенные там итальянские солдаты не скрывали своей симпатии к нам. Меня встречали и провожали, бросая мне в лицо рис в знак приветствия, по корсиканскому обычаю, под треск автоматов освободителей.

Через месяц перестройка алжирского комитета была завершена. Этого требовала также и собравшаяся в начале ноября Консультативная ассамблея. Совершив опасное путешествие, к нам прибывали представители Сопrotивления. Они дали нам представление о состоянии умов и свежий ветер ворвался в учреждения, на заседания и на страницы прессы Алжира. Делегаты публиковали врученные им избирателями послания, выражающие доверие де Голлю. Они с увлечением говорили о подпольной борьбе, ее героях и нуждах. Они были неистощимы, создавая проекты будущего для своего народа. Покончив в правительстве с двоевластием, я решил привлечь в него людей, приехавших из Франции.

В октябре Комитет освобождения по моему предложению вынес постановление о том, что отныне его будет возглавлять лишь один председатель. Сам Жиро подписался под этим документом. Впрочем, предвидя возможность посылки в Италию французского экспедиционного корпуса, Жиро вновь возымел надежду, что союзники призовут его, чтобы возглавить командование войсками на полуострове. 6 ноября, в присутствии и с полного согласия генерала Жиро, Комитет «попросил генерала де Голля приступить к изменениям, которые он считает нужными провести в составе правительства».

Это и было осуществлено 9 ноября. Через год после кровопролитной высадки англо-американских войск в Алжире и в Марокко, через пять месяцев после моей рискованной поездки в Алжир национальная воля, как ни была она подавлена и заглушена, все же сумела себя проявить. Эта воля была столь очевидна, что ее противники были вынуждены таиться и скрывать свое недоброжелательство. Что касается союзников, то им пришлось примириться с тем, что воюющей Францией управляет французское правительство. Они перестали теперь ссылаться на «военную необходимость» и на «безопасность коммуникаций», и им пришлось в своей политике считаться с тем, что они не в силах были изменить. Общее дело от этого только выиграло. Я же чувствовал себя достаточно сильным и был уверен, что завтра борьба и победа других стран станут также борьбой и победой Франции.

ПОЛИТИКА

Близится зима. По всем признакам — последняя зима перед решающими военными действиями. Но какая же власть установится завтра в Париже? И что сделает эта власть? Вот животрепещущие вопросы, которые горячо волную все умы. Ведь речь идет не об отдаленной перспективе, но о близком будущем. Еще некоторое время кровь и слезы могут заглушать политический спор, его может затушевывать принуждение, сковывающее общественное мнение. Несмотря ни на что, он начался — не только между должностными лицами и в недрах канцелярий, но и в мыслях огромной массы французов; этот спор ведет и большое количество иностранцев. Все теперь знают, что Франция скоро воскреснет. Все задаются вопросом, какую же она будет.

Именно это я и имел в виду, когда произвел в начале ноября 1943 перемены в составе Комитета освобождения. В начинавшемся переломном периоде стране было особенно необходимо единство. Я хотел, чтобы единство было и в правительстве. Пусть каждая из крупнейших партий, или, лучше сказать, духовных семейств, на которые издавна делится французский народ, будет представлена в Комитете людьми, политическое лицо которых всем известно. Но ведь войну ведет и Сопротивление, некоторые из его руководителей, еще не имеющие определенных ярлыков, тоже должны занять место возле меня. Наконец, должны войти в Комитет выдающиеся специалисты, которые помогут в его деятельности своими знаниями и усилят его авторитет.

Анри Кэй, государственный комиссар, и Пьер Мендес-Франс, комиссар финансов, — радикалы, члены парламента. Андре Филип, осуществляющий связь между Комитетом и Консультативной ассамблеей, Андре Ле Трокер, комиссар по военным делам и авиации, Адриен Тиксье, комиссар труда и социального обеспечения, — принадлежат к партии социалистов; Луи Жакино, комиссар морского флота, — депутат из группы

умеренных; Франсуа де Мантон, комиссар юстиции, — один из руководителей христианских демократов. Вот отряд политических деятелей: Рене Плевен — комиссар по делам колоний, Эмманюэль д'Астье — комиссар по внутренним делам, Рене Капитан — комиссар народного просвещения, Андре Дьетельм — комиссар по вопросам продовольствия и промышленного производства. Анри Френэ — комиссар по делам военнопленных, депортированных и беженцев, — все это деятели Соппротивления, до сих пор как будто не примыкавшие к тому или иному течению. Генерал Катру — государственный комиссар по делам мусульман, Анри Боннэ — комиссар информации, Рене Масигли — комиссар по иностранным делам, Рене Мейер — комиссар связи и торгового флота, Жан Моннэ — комиссар по делам продовольствия и вооружения, командированный в Соединенные Штаты, — все это люди весьма полезные по своим достоинствам и известности, которой они пользуются. Не имея формального соглашения со стороны церковных властей, я не могу, как бы мне того не хотелось, ввести в правительство монсеньера Энки.

Итак, в составе правительства произведены перемены, но это отнюдь не переворот. Всего в Комитете освобождения стало шестнадцать членов, из них только четыре новых. Правда, четверо выбыли. Я имею в виду генерала Жиро, который вместе со всеми признал, что его военные обязанности несовместимы с делом организации власти; генерала Жоржа, который с достоинством удалился на покой, д-ра Абади, пожелавшего вернуться к своим научным занятиям, и генерала Лежантийома, которому я решил, согласно его желанию, предоставить пост в Англии.

А как же коммунисты? Их участие в Соппротивлении и мое намерение сплотить все силы нации хотя бы на время войны привели меня к решению включить двух коммунистов в состав правительства. С конца августа эта партия охотно обещала нам содействие многих своих членов. Но когда пришел момент выполнить обещание, всякого рода препятствия помешали коммунистам, которых я приглашал в Комитет освобождения, дать мне положительный ответ. Делегация партии то предлагала мне другие имена, то подробно осведомлялась о моей программе, то настаивала на предоставлении коммунистам таких-то и таких-то портфелей. Мне надоели эти затянувшиеся переговоры, и я прервал их.

В сущности, в делегации было два разных направления. Ярые коммунисты, те, которые шли за Андре Марти¹, хотели, чтобы партия ни с кем себя не связывала и через борьбу против врага прямо подготавливала революционные действия за захват власти. Но были также и сторонники гибкой тактики, ставившие своей целью проникнуть в орган управления государством, сотрудничая с другими, и прежде всего со мною; вдохновителем этой тактики являлся Морис Торез², который все еще находился в Москве и просил, чтобы ему дали возможность вернуться во Францию. Наконец в марте 1944 коммунисты приняли решение. Они согласились, чтобы Фернан Гренье и Франсуа Бийу заняли посты, которые я им предложил: первому — министерство авиации, а второму — государственный комиссариат. В связи с этим в правительстве было произведено перераспределение ролей. Ле Трокер назначен национальным комиссаром, делегатом правительства на освобожденных территориях. Дьетельм заменил его в военных делах; в руках Мендес-Франса соединилось руководство экономикой и финансами.

Составленному таким образом Комитету надлежало повести работу по изысканию и мобилизации всех средств для ведения войны, но вместе с тем подготавливать все необходимое для того, чтобы с первого дня освобождения страны можно было кормить ее, восстанавливать и управлять ею. Долгое время дуновение ветра, прилетавшего из-за моря, несло в метрополию призыв к усилиям и вливало в нее надежду. А теперь призыв Родины побуждал

---

¹ *Марти Андре* (1886—1956), военно-морской инженер, был одним из организаторов мятежа на флоте во время интервенции в Советскую Россию, арестован, освобожден в 1923, член ЦК Коммунистической партии Франции, член Коминтерна, сражался в интербригадах в Гражданской войне в Испании, был командующим добровольцами в Альбасете, в начале Второй мировой войны находился в СССР, позднее пытался организовать в Алжире военное крыло Коммунистической партии, после высадки в Алжире союзники пытался устроить коммунистический переворот, не нашел поддержки в СССР и в руководстве ФКП, в 1952 был исключен из партии за крайний экстремизм. — *Прим. ред.*

² *Торез Морис* (1900—1964), лидер Французской Коммунистической партии, член партии с 1920, в 1930 секретарь партии и лидер коммунистов в Национальном собрании, во время Второй мировой войны находился в основном в СССР, после освобождения Франции избран представителем ФКП, под его руководством коммунисты стали самой многочисленной фракцией на выборах 1945 и 1946, Торез занимал пост заместителя премьер-министра в 1946—1947, позже снова перешел в оппозицию правительству, после разоблачения преступлений сталинского режима был дискредитирован связями с лидерами СССР. — *Прим. ред.*

действовать всех, кто, находясь за рубежом, хотел помочь ей. Установилась гармония между активными элементами, действовавшими внутри страны и за ее пределами. Желая воспользоваться таким предложением, я в начале ноября произвел перемены в составе алжирского правительства и тут же созвал Консультативную ассамблею Сопrotивления.

Как это было определено в ордонансе от 17 сентября, среди делегатов, приехавших из Франции, человек пятьдесят получило свои мандаты от организации Сопrotивления; человек двадцать представляли политические партии и, как правило, были депутатами парламента, — но, конечно, из числа тех, кто не голосовал в июле 1940 за предоставление власти Петену. Выделение тех и других проводилось по необходимости подпольными комитетами узкого состава. Но все они прибыли сюда с убеждением, что их послали массы, ведущие борьбу в ночи оккупации. К этим двум категориям делегатов присоединился десяток коммунистов — в основном депутаты от департамента Сены, арестованные в 1939. Они находились в алжирских тюрьмах и были выпущены на свободу генералом Жиро. Кроме того, в Ассамблее участвовало двадцать представителей от организаций Сопrotивления в империи и десять генеральных советников Алжира. Кем бы ни были делегированы депутаты Ассамблеи, у них всех были некоторые общие черты, придававшие нашей Консультативной ассамблее вполне определенный облик.

Всех делегатов сближала и делала схожими друг с другом мучительная тревога за товарищей по Сопrotивлению, стремление помочь им во всем — вооружением, деньгами, в организации пропаганды. Разумеется, они всегда считали эту помощь недостаточной. С другой стороны, их роднило смутное, но страстное стремление к обновлению страны. Все эти участники Сопrotивления, подвергавшие себя всевозможным опасностям подпольной борьбы, в которой их нередко ждало предательство одних, равнодушные других, боязнь и даже порицание со стороны немалого количества трусов, добровольно вступили в бой не только против немецких захватчиков, но также против власти, суда и полиции того режима, который в метрополии еще именовался французским государством. Горячая солидарность тех, кто пострадал от него, недоверие и даже ненависть ко всему чиновничьему, казенному, официальному и, наконец, упорное желание произвести чистку старого — вот что никогда не оставляло их и, случалось, приводило к единодушным пылким выступлениям.

К этому надо еще добавить их привязанность к Шарлю де Голлю за то, что он восстал против приспособленчества, за то, что его приговорили к смертной казни, за то, что на Родине его далекое и заглушаемое слово подталкивало слишком осторожных и ободряло предающихся тоске. Однако его усилия во имя восстановления национального единства, защиты суверенитета и возрождения государства были менее понятны большинству делегатов Ассамблеи. Нельзя, конечно, сказать, что их не беспокоила будущность нации. Наоборот, на этот счет у всех групп было множество идей и планов. Но если они и были страстными проповедниками проектов перестройки всего мира, они весьма сдержанно высказывались относительно организации власти, без которой никакая сила ничего сделать не может. Если они и мечтали вновь увидеть Францию в первом ряду наций, они боялись той трудной борьбы, которая могла бы вернуть ей прежнее значение, и предпочитали строить иллюзии о некоем избавителе, вроде Рузвельта или Черчилля, который с готовностью возвратит Франции ее прежнее место. Если они и не представляли, чтобы кто-нибудь другой, кроме меня, встал во главе страны во время ее освобождения, если они предусматривали, что я мог бы и остаться главой Франции, тогда как они сами, став избранниками народа, пойдут навстречу какому-то неопределенному, но чудесному возрождению страны, они умалчивали, какими же прерогативами должен я располагать, чтобы руководить осуществлением такой задачи. От чистого сердца приветствуя де Голля, они уже шушукались о некоей «единоличной власти».

Итак, в области чувств между ними царил согласие, но во взглядах они делились на различные духовные семейства. Одни были просто бойцами, поглощенными борьбой. Другие, поэты действия, восхищались духом героизма и братства, которыми было проникнуто Сопротивление. А коммунисты, сплоченные в компактную массу, выступали чрезвычайно резко, преувеличивая свое значение, вели яростную пропаганду. Наконец, политики были убеждены, что наше дело — это дело всей Франции, и старались служить ему как можно лучше; но это не мешало им заботиться о своей карьере, маневрировать, чтобы набить себе цену, как полагается профессиональным политикам, строить свои расчеты на будущее с точки зрения парламентских выборов и государственных постов, которые это будущее, возможно, принесет им. Среди них имелись «бывшие», которые ужасно гордились тем, что когда-то они выполнили свой долг и отказались совер-

шить недостойный шаг. Впрочем, зная, в какую пучину презрения канул прежний режим, они держались тише воды, ниже травы, и, казалось, отбросили всякое честолюбие. Однако втайне они, конечно, рассчитывали, что все пойдет по-старому, нужны лишь кое-какие реформы. Зато «новые» требовали многих перемен, весьма сурово отзывались о вчерашней системе, но при всех своих оговорках уже заранее испытывали ее притягательную силу.

В общем, я видел вокруг себя мужественных соратников, исполненных самых благих намерений, и питал к ним ко всем уважение, а ко многим и дружескую приязнь. Но вместе с тем, проникая в их души, я иной раз спрашивал себя: уж не являюсь ли я единственным настоящим революционером среди тех, кто говорил тут о революции?

Открытие Консультативной ассамблеи состоялось 3 ноября 1943. Атмосфера была волнующей. Присутствовавшие чувствовали, что они собрались здесь от лица всей армии страдающих и борющихся французов, что они являются представителями великой силы французского народа. Я обратился от имени Комитета освобождения с приветствием к участникам Ассамблеи, «собравшейся, невзирая на исключительные трудности», и затем указал, что я уже давно решил создать ее при первой возможности, и разъяснил, в чем я прошу ее содействия. Ведь для нее характерно, что она исходит из Сопротивления, которое «стало главным способом противодействия врагу со стороны подавляющей массы французов» и стихийным выражением воли нации.

Поддерживать военные усилия правительства, «которые требуют как моральной сплоченности, так и сосредоточения материальных средств. Укреплять его внешнеполитическую деятельность, имеющую целью сделать для Франции возможным в общих интересах по-прежнему играть «выдающуюся роль в международных делах». Помочь правительству в выборе жизненно необходимо мер, которые нам предстоит осуществить, чтобы наладить жизнь в истерзанной войною стране, начисто лишенной запасов сырья и продовольствия, чтобы восстановить повсеместно в условиях порядка и национального достоинства власть республики, обеспечить сразу же государственное правосудие — единственно законное и приемлемое; вернуть на родину наших юношей, попавших в плен или насильно вывезенных за ее пределы»; и, наконец, разработать вместе с Комитетом проект великих реформ, которые должны быть проведены сразу же после войны. Вот чего, сказал я, Комитет освобождения ждет от Ассамблеи.

И я заявил, что заранее уверен в результатах, ибо «исторический опыт двух тысячелетий подтверждает, что поверивший в гений Франции не обманывался никогда».

Ассамблея избрала своим председателем Феликса Гуэна¹, а затем разбилась на следующие группы: «Спротивление в метрополии» — председатель Ферьер, «Спротивление за границей» — председатель Биссанье, «Независимые группы Спротивления» — председатель Ориу, «парламентарии» — председатель Ориоль, «коммунисты» — председатель Марти. И действительно, Ассамблея на протяжении своей деятельности подвергла обсуждению все те важные вопросы, которые я поставил перед нею; за время, прошедшее от первого заседания Ассамблеи до высадки союзных войск, состоялось более пятидесяти пленарных заседаний; немало поработали и ее комиссии. Все министры алжирского правительства были связаны с ней. Чаще всего выступали на заседаниях Филип, осуществлявший связь Комитета с Ассамблеей, д'Астье — комиссар по внутренним делам, Мантон — комиссар юстиции, Массигли — комиссар по иностранным делам, Мендес-Франс — комиссар финансов.

Я лично присутствовал приблизительно на двадцати заседаниях, выступая то с общими докладами, то в прениях. Идеи и чувства делегатов, высказываемые при этом обмене взглядами, зачастую представляли для меня большой интерес, — ведь я очень хотел узнать самые затаенные чаяния этих людей. Поэтому я старался воодушевить Ассамблею, раскрыть делегатам все ее значение, добиться откровенного высказывания мыслей. В своих трудах Ассамблея проявила и понимание вопросов и убежденность, что производило должное впечатление как на французскую публику, так и на иностранных информаторов. Разумеется, больше всего времени Ассамблея посвятила обсуждению тех во-

---

¹ *Гуэн Феликс* (1884—1977), французский политический деятель, с 1924 представитель Социалистической партии в Национальном собрании, был одним из 80 депутатов, голосовавших против предоставления абсолютной власти маршалу Петену 10 июля 1940, присоединился к движению генерала де Голля, в феврале—апреле 1942 выступал в суде защитником бывшего премьер-министра Франции Леона Блума, в Алжире осуществлял контроль за Консультативной совещательной ассамблеей в 1943—1945. Гуэн был избран президентом первого Учредительного собрания в 1945 — январе 1946, президент Временного правительства Французской республики с 26 января по 24 июня 1946, в июне — декабре 1946 заместитель премьер-министра в правительстве Жоржа Бидо, выступал против возвращения де Голля в политику и против конституции Пятой республики, в 1958 вышел в отставку. — *Прим. ред.*

просов, которые особенно ее волновали: чистка, помощь движению Сопrotивления, организация власти во Франции после освобождения.

Очень горячо и долго обсуждались вопросы о привлечении к судебной ответственности сановных особ Виши, о санкциях против должностных лиц, виновных в том, что они по своей инициативе усиливали предписываемые ими жестокие репрессии; о компенсациях пострадавшим. Делегаты настойчиво требовали от Комитета действовать в этих делах самым решительным образом и, если понадобится, даже нарушать для этого обычные правила и судебную процедуру.

Проблемы эти были предметом бурных обсуждений; на некоторых национальных комиссаров резко нападали за их мнимую слабость. Я прекрасно понимал, что вопрос о справедливом возмездии должен в первую голову занимать Ассамблею Сопrotивления, и тем не менее, считал необходимым держаться той линии, которую определил для себя: санкциям подвергать только лиц, игравших видную роль в политике Виши, и людей, являвшихся прямыми сообщниками врага. В заморских территориях таких было очень немного. Но дебаты в Консультативной ассамблее выявили совершенно определенные настроения, и я уже предвидел, как трудно мне будет в метрополии сдерживать стремления к мести и добиться, чтобы только органам правосудия было представлено право карать виновных.

С такой же страстью Ассамблея выразила свое мнение о той помощи, которую оказывали организациям Сопrotивления во Франции, устанавливаемой с ними связи, о нашей пропаганде. Вполне естественно, что у подпольных организаций, лишенных оружия и постоянно находившихся под угрозой, зачастую создавалось впечатление, что Лондон и Алжир помогали им не в полную меру своих возможностей. Поэтому многие делегаты сначала метали громы и молнии против наших «служб». Но после проверки они должны были признать, что сделано тут немало, а встречавшиеся при этом препятствия были велики. Им пришлось также убедиться, что действия во Франции различных союзных служб имели то неудобство, что они вызывали на местах всяческие раздоры, ослабляющие авторитет нашей страны, которым она обязана военными усилиями французов за границей. Однако боязнь задеть чем-нибудь англосаксов стала у «политиков» второй натурой, и из-за них Ассамблея не приняла по данному вопросу желательной для меня категорической резолюции.

Более спокойным, но столь же глубоким было обсуждение другого вопроса: каким образом во Франции будет восстановлена республиканская власть. Разумеется, решительно все считали, что маршал Петен и его правительство должны исчезнуть, — ничего другого им и не оставалось. И все находили, что тотчас же надо будет спросить мнение французского народа, созвать национальную ассамблею, которая разрешит конституционный вопрос. Но какого рода ассамблея должна это делать? Тут делегаты не были единодушны.

За осторожными речами коммунистов можно было угадать их план: произвести выборы прямо на площадях, лучше всего самым простым способом — путем приветственных криков и под контролем организаций Сопротивления и их войск. Коммунисты, очевидно, рассчитывали, что при их умении действовать подобная система даст выгодные для них результаты. Испытанные парламентарии, такие как сенаторы Марсель Астье, Марк Рюкар¹, Поль Жакоби, предлагали созвать ту самую национальную ассамблею, которая была распущена в июле 1940. Под воздействием освобождения она, несомненно, аннулирует полномочия, которые сама же и дала Петену, примет для проформы отставку Лебрена, изберет нового президента республики и выразит доверие моему правительству. Затем она сама себя распустит и уступит место новой палате депутатов и сенату, каковые будут избраны на основе прежней системы. Возможно, придется внести некоторые изменения в конституцию 1875, что и будет сделано согласно правилам, утвержденным этой самой конституцией. Таковы были тезисы тех, кто желал просто-напросто возвратиться к институтам Третьей республики. Они были немногочисленны. Подавляющее большинство определенно заявляло, что «старый режим» обречен. Надо, однако, сказать, что, по мнению многих делегатов, порочность этого режима скорее состояла в недостатке демагогии, чем в избытке ее. Они не считали, что нужно исправить прежнее положение — путаницу в функциях власти и в порядке ответственности, хотя она лишала страну сильного правительства, не да-

---

¹ *Рюкар Марк* (1893–1947), французский политический деятель, в 1928 делегат от радикального крыла Социалистической партии в Национальное собрание, в 1936–1941 неоднократно министр юстиции и здравоохранения, в 1943 член национального Совета Сопротивления, затем председатель Консультативной совещательной ассамблеи в Алжире, сторонник возвращения к конституции Третьей республики. — *Прим. ред.*

вала ей возможности вести твердую и последовательную политику и отдавала ее на волю событий. Вернее, тут предполагалось внести изменения, но такие, при которых путаница зашла бы еще дальше и исполнительная власть была бы уж просто-напросто фикцией.

Присвоить однопалатной ассамблее все права без исключения, дать ей полномочия подбирать и утверждать министров, уничтожить сенат, который мог бы оказаться противовесом палате депутатов, уничтожить пост главы государства или по крайней мере поставить его в условия, еще более нелепые, чем те, в которые его поставила прежняя система, — вот каковы были воззрения большого числа депутатов. Они всегда мечтали о «единой и суверенной» ассамблее, своего рода Конвенте, который сам себя избавит от гильотины и ни в чем не будет встречать преград своим порывам. Большинство политиков из числа деятелей Сопротивления рассчитывало заседать в такой ассамблее.

Я не разделял этих взглядов. Для предстоящего восстановления страны я, наоборот, полагал необходимым режим действия и ответственности. Я считал, что функции власти должны быть отделены друг от друга — тогда каждая из них окажется действенной и будет существовать настоящее правительство, парламент и суд. Надо, чтобы глава государства по самой системе его избрания, по его правам и прерогативам мог выполнять обязанности арбитра нации. Надо, чтобы народ участвовал непосредственно, путем референдума, в принятии важных решений, от которых зависит его судьба. Я испытывал тревогу, видя, какие настроения владеют теми людьми, которым завтра придется отвечать за государство, — они стремились перестроить режим скорее для удобства всяких политиканов, чем во имя служения родине. Неужели из той путаницы, непоследовательности, которые привели Францию к катастрофе и к отречению от республики, эти люди не извлекли никакого урока и готовы идти навстречу еще большей непоследовательности, еще худшей путанице? Но не время было устраивать дискуссии на эту тему. Я дал излиться потоку различных теорий и все же добился от Ассамблеи сдержанной резолюции, воспользовавшись благоразумием некоторых делегатов — Дюминиль де Грамона, Венсана Ориоля, Рене Кассена, Луи Валлона и других. В резолюции было сказано, что во время освобождения Консультативную ассамблею мы переведем в метрополию. Она будет соответствующим образом расширена и продолжит свою работу в помощь правительству; но как только территория Франции будет освобождена, а военноплен-

ные и депортированные возвратятся, страна последовательно избежит муниципальные советы, генеральные советы и, наконец, национальную ассамблею, структуры и роль которой будут определены позднее. Кроме того, мы приняли резолюцию о предоставлении женщинам активного и пассивного избирательного права. Ордонанс от 21 апреля 1944, провозгласивший эту реформу, положил конец полувекowym спорам.

Хотя Консультативная ассамблея обладала лишь правом выражать свое мнение, а ответственность за все сделанное или не сделанное по-прежнему возлагалась на меня — до того дня, когда народ получит возможность поднять свой голос, союзники внимательно прислушивались к тому, что говорилось с трибуны или в кулуарах Ассамблеи. Члены их миссий и журналисты постоянно бывали на заседаниях и в кулуарах; американские и английские газеты отводили большое место дебатам, происходившим в Алжире. Вероятно, они сожалели, что это подобие парламента не обладало правом свергать правительство и что укротителя не могли здесь растерзать. Во всяком случае, газеты старались улавливать разногласия.

Все эти наблюдатели были налицо в тот день, когда Ассамблея приступила к обсуждению вопроса о внешнем положении Франции. Однако голосами «сопротивленцев» — Биссанье, Карьера, Майу... голосами «политиков» — Ориоля, Орну, Рюкара... голосами коммунистов — Бонта, Гренье, Мерсье... делегаты во всеуслышание выразили принципиальное одобрение моей позиции в отношении союзников, которую я занял перед лицом врага. Ассамблея дала яркое доказательство того, что для нее генерал де Голль — представитель воюющей Франции и что его правительство — это правительство Французской республики. Именно как таковому Комитету освобождения предстояло сотрудничать с Объединенными Нациями, а они должны были признать его. Мировые источники информации тотчас разнесли по всему свету принятую резолюцию доверия, и она была весьма ценной поддержкой для моей политики. Я со своей стороны не преминул широко объявить о значении этого факта.

Но Ассамблея этим и ограничилась: она предпочла не обсуждать со всей откровенностью ни одной из жгучих проблем — Италия, Восток, Африка, которых касалась внешнеполитическая деятельность Комитета, и ни одной из тех проблем — Германия, Восточная Европа, Индокитай, — которые в ближайшем будущем должны были встать перед Францией и перед всем миром. Столь

же осторожно она обошла вопрос о политических и административных прерогативах, которые союзники замыслили получить во Франции под видом военного командования. Что касается ведения войны и участия, какое принимало в нем правительство Франции и французский Генеральный штаб, Консультативная ассамблея с благоговейным вниманием выслушала мое сообщение. Я доложил о положении дел, изложил план, который я осуществлял с 1940, и рассказал о трудностях, непрерывно возникающих перед нами. Ассамблея выразила свое принципиальное пожелание относительно признания роли, которую следует отвести Франции в мировой стратегии, о вкладе французских вооруженных сил, но она не решилась сформулировать какие-либо требования к нашим союзникам.

В сущности, в важных вопросах Ассамблея инстинктивно держалась общих положений, причем ораторы, выступавшие с ее трибуны, высказывали их в такой расплывчатой форме, что они могли быть приняты всеми. Делегаты рукоплескали генералу де Голлю, когда он делал сообщение о деятельности Комитета освобождения или, выступая в конце прений и анализируя их, приводил зал к волнующим выводам. Зато очень холодно и критически они встречали сообщения того или иного комиссара о мероприятиях, подлежащих его ведению. Однако никто не решался делать конкретные замечания и предложения по поводу представленных проектов.

Такая сдержанность отчасти объяснялась тем, что Ассамблея была только консультативным органом, ее не подстегивали требования избирателей, а ее позиции в том или ином вопросе и результаты ее голосования не могли вызвать бурных волнений министерского кризиса. Играло тут также свою роль желание не связывать мне руки, а вместе с тем боязнь обидеть союзников, забота о единодушии. Но главное, это было как бы признанием своей беспомощности. Ассамблея могла выразить те или иные пожелания, но не чувствовала себя способной разрешить вставшие перед нею проблемы, могла затрагивать вопросы политики, но не чувствовала себя в силах проводить определенную политическую линию. Уныние, которое испытывали из-за этого делегаты, вновь охватило их позднее, — горькое, во сто крат возросшее уныние, когда они стали депутатами представительных собраний, обладающих всеми полномочиями, но неспособных осуществить их на деле. Что касается меня, то я улавливал в речах, которые произносились с трибуны, будущие притязания партий, а вместе с тем и

их бессилие и предвидел, какая вскоре разыграется драма вокруг французской конституции. «Совещаться можно многим. Действовать надо одному». По этой самой причине все предпочитали только совещаться.

Но пока что благодаря единству, достигнутому в алжирском правительстве, созыву Консультативной ассамблеи, благодаря доверию французского общественного мнения можно было определить в принципе политику в период освобождения. Однако если для большинства французов будущие действия правительства уже заранее были ясны, то отнюдь не прекращались ни во Франции, ни за границей происки недоброжелателей. Напротив, в самых различных, даже враждебных друг другу кругах кое-кто по-прежнему возмущался моими успехами; эти люди пускались во все тяжкие, только бы помешать мне добиться цели, и усердствовали особенно рьяно, когда силою вещей события приближались к своему завершению. Уже все они без исключения теперь считали неизбежным крушение режима Виши, но, пожалуй, среди них не нашлось бы никого, кто не старался придумать способ устроить так, чтобы замена Виши другим режимом не принесла торжества де Голлю.

Тем временем политика оккупантов в отношении режима Виши ускорила его развал. События, происходившие в Северной Африке, ясно показали немцам, что маршал Петен и его правительство не в силах помешать французам повернуться против них при первой же возможности. Видя, что близится великое испытание — высадка союзников, опасаясь того, что может произвести тогда в их тылах вспыхнувшее национальное восстание, нуждаясь во французских ресурсах для своей собственной экономики, которую расшатала война, оккупанты теперь придавали чрезвычайно мало значения так называемому Французскому государству и крепче сжали тиски угнетения. И тогда фикция внутренней автономии, за которую цеплялось правительство Виши, окончательно рассеялась. Во всяком случае, Петен, передавший фактически всю власть Лавалю, уже не мог больше с помпой разыгрывать роль защитника французов, которой он прежде так кичился. Он теперь стушевался, и отказывался вмешиваться в дела «правительства», да, впрочем, оно уже занималось только тем, что применяло меры принуждения или репрессии. В ноябре Петен обнаружил, что ему буквально запрещают выступать по радио. В декабре Лаваль, возвратившись из поездки к фюреру, произвел перемены в кабинете в целях более полного сотрудничества с захватчиками, — в состав своего минис-

терства он ввел Бринона¹ и Дарнана², а затем и Дэа, причем маршал и не подумал воспротивиться этому. Человек, все еще именовавший себя «главой государства», терпел присутствие приставленного к нему немецкого надзирателя в лице Ренте-Финка. Петен дошел до того, что 18 декабря сам написал Гитлеру: «Изменения во французских законах впредь будут согласовываться с немецкими оккупационными властями». Если впоследствии ему все же удавалось публично появляться в Париже, в Руане, в Нанси, в Сент-Этьенне, где люди выражали ему жалость и сочувствие, видя в нем всего лишь незадачливого старика, он не произнес там ни единого слова, в котором слышались бы рыдания над прахом удушенной независимости Франции.

Пусть смехотворная вишистская власть еще пыталась окружить себя некоторым декорумом, пусть тщеславные или бессовестные люди, как Филипп Анрио и Эрольд Паки, истощали свой порочный талант, усердно пытаясь обмануть массы, а газеты изрыгали оскорбления по адресу тех, кто сражался, — весь народ теперь ненавидел вишистский режим и хотел, чтобы он рухнул, как только побегут немцы.

Во Франции широкие массы, разумеется, нисколько не сомневались, какое правительство установится тогда в Париже, и готовились горячо приветствовать его. Но те политики, которые поставили у власти Петена, а теперь боялись, что вместе с его падением придет конец и их карьере, не желали примириться с такой перспективой.

---

¹ *Брион Фернан де* (1885—1947), юрист, политолог, в 1909—1939 журналист, политический обозреватель, автор многих очерков относительно политической ситуации в Европе, сторонник франко-немецкого сближения, неоднократно отправлялся в Германию для организации встречи президента Деладье с Адольфом Гитлером, в 1933 автор обширного интервью с Гитлером. Брион в 1934 выпустил книгу «Франция — Германия, 1918—1934», с 1940 посол Франции в Германии, представитель французского правительства на оккупированных территориях, с 1942 государственный секретарь в правительстве Виши, возглавлял правительственную Комиссию по защите национальных интересов Франции в Германии, сдался в плен, приговорен к смерти как военный и государственный преступник, казнен 15 апреля 1947. — *Прим. ред.*

² *Дарнан Жозеф* (1897—1945), французский политический деятель, участник Первой мировой войны, в 1925—1936 член нескольких крайне правых политических военизированных организаций, занимающихся террористической деятельностью, в 1939 мобилизован снова, сторонник перемирия с Германией в 1940, в октябре 1943 принес присягу верности Гитлеру и вступил в СС, бежал в Германию перед самым вступлением союзнических войск в Париж в 1944, арестован как военный преступник, приговорен к смерти, казнен в 1945. — *Прим. ред.*

С конца 1943 затевались всяческие интриги, имевшие целью добиться такого положения, чтобы в решающий момент как-нибудь ограничить власть генерала де Голля, а если возможно, то и совсем отстранить его. Маршал тайком сделал распоряжение о том, что если он не в состоянии будет осуществлять свои обязанности, они должны быть возложены на коллегию видных политических деятелей, поразному относившихся к происходящим событиям. Первый «конституционный акт», которым учреждалась эта нейтральная директория, был передан в надежные руки. Немного времени спустя маршал в другом «конституционном акте», который явно противоречил первому и предназначался для опубликования, уточнял, что если он умрет до провозглашения конституции, каковую он якобы подготовлял, полномочия, полученные им от «Национальной ассамблеи» 1940, возвращаются этой самой ассамблее. Правда, немцы воспротивились распространению этого завещания Петена, хотя для широкой публики оно в сущности не представляло никакого интереса.

Не переставали в это время суетиться и те парламентарии, которые не присоединились ко мне — ни на деле, ни в душе. Они потрясали своими депутатскими мандатами, словно никогда и не изменяли им. Они утверждали, что «Национальная ассамблея», распущенная в июле 1940, по-прежнему является законной, хотя она фактически отреклась от своих полномочий. Они требовали созыва этой ассамблеи, хотя бы для того, чтобы она урегулировала вопрос о правительстве. Анатолий де Монзи, инициатор этой петиции, собрал под ней подписи нескольких сот своих коллег и, когда состояние маршала ухудшилось, потребовал, чтобы он подчинился их замыслу. Но Гитлер, раздраженный этой возней, приказал Риббентропу написать Петену письмо, в котором ему раз и навсегда запрещалось считаться с распущенным в свое время парламентом, ибо «только немецкий вермахт обеспечивает общественный порядок во Франции». Нетерпеливые парламентарии притихли, но позднее снова выдвинули свой проект.

Со своей стороны союзники уже не могли больше рассчитывать на то, что Жиро окажется противовесом де Голлю, и искали какой-нибудь новой кандидатуры. Из Франции меня предупредили, что, по мнению союзников, подходящей фигурой являлся президент Лебрен. После решения вишистской ассамблеи, которая лишила Лебрена его полномочий — против чего, кстати сказать, он и не протестовал, — он удалился в Визиль. Нельзя ли как-нибудь, спрашивали себя в Вашингтоне и Лондоне лица, желавшие играть политическими судьбами Франции, — нельзя ли переправить президента Лебрена в Северную Африку? Поскольку он формально не делал заявления об

отставке, а его позиция в отношении врага не оставляет желать ничего лучшего, не может ли он, прибыв в Алжир, заявить, что полностью сохранил свои законные права? Тотчас же его признают президентом Французской республики — и сделают это не только союзные державы, но и большая часть французских граждан (по крайней мере на это надеялись), и разве тогда де Голль и его соратники посмеют дать ему отвод? А будучи признан президентом, Лебрен получит право назначать министров, подписывать законы и декреты. Какое утешение после тех неприятностей, какие доставлял Белому дому и Даунинг-стрит генерал де Голль со всей непреклонностью своего первенства! Мне сообщили, что в последние дни августа американские и английские разговорщики решили, что для них наступает благоприятный случай.

Как раз в это время Бадольо, находясь в отчаянном положении, установил тайную связь с англосаксами, желая начать переговоры о капитуляции Италии. Переговоры велись в Лиссабоне, в глубочайшей тайне. Победители имели там полную возможность официально давать побежденным то или иное поручение, а те могли эти поручения выполнить. А ведь Визиль, где поселился Лебрен, находился в итальянской зоне оккупации. Однажды вечером к президенту явились итальянские офицеры, прибывшие из Рима. Ссылаясь на то, что по ходу военных действий район Визилия вскоре окажется в угрожаемом положении и что опасность грозит и самому Альберту Лебрену, они от имени своего правительства предложили экс-президенту переправить его в Италию, где его ждет безопасность и приличная резиденция. Ему давали все необходимые гарантии и надежный эскорт. Известно, что в то самое время, как происходила эта встреча, союзное командование, по согласованию с Бадольо, готовило операцию, которая при объявлении перемирия с Италией должна была привести англосаксов в Неаполь, а если возможно, то и в Рим, и, во всяком случае, собрать в том или ином месте короля Виктора-Эммануила¹, его министров

---

¹ *Виктор Эммануил III* (1869—1947), в 1900—1946 король Италии, сын Умберто I, в 1887 поступил на армейскую службу, после убийства отца 29 июля 1900 вступил на престол, в ходе майского кризиса 1915 санкционировал вступление страны в Первую мировую войну, в 1922 поручил формирование кабинета Муссолини, поддержал заключение в 1929 Латеранских соглашений с Ватиканом, в 1935—1936 вел войну с Эфиопией, в 1936—1939 одобрил интервенцию в Испанию, в 1939 началась война с Албанией, 11 июня 1940 король объявил войну Франции и Великобритании, а 13 октября 1943 под давлением союзников — Германии; 5 июня 1944 передал власть наследному принцу Умберто, а 9 мая 1946 отрекся от престола и эмигрировал в Египет. — *Прим. ред.*

и других видных сановников. По замыслам лиц, державших в своих руках все нити заговора, как только Лебрен оказался бы в Италии, его могли переправить в любое желательное для них место. Но, как мне говорили, президент категорически отказался от сделанных ему предложений. Возможно, что он не угадал истинной цели, а скорее всего угадал, но не захотел содействовать таким планам. Он ответил итальянцам: «Ваша страна находится в состоянии войны с моей страной. Для меня вы враги. Вы можете увезти меня силой. Но по своей воле я за вами не последую». Посланцы ретировались. А немного времени спустя Гитлер, обеспокоенный и крайне раздосадованный «французскими историями», приказал гестапо арестовать президента Лебрена. Его увезли в Германию, и ему пришлось пробыть там целый год.

Должен сказать, что эти «комбинации», изобретаемые для того, чтобы избежать неизбежного, производили на меня впечатление какой-то игры китайских теней. Ведь эти интриги плелись в обстановке страшной действительности военных лет! Я просто диву давался, какой живучестью обладает интриганство. Оно меня мало беспокоило. Куда больше я думал о судьбе Сопrotивления во Франции. Как раз в тот период погибли руководители движения, а тогда пошатнулась и его структура, нарушилась его ориентация.

Девятого июня, через несколько дней после моего прибытия в Алжир, был арестован в Париже генерал Делестрэн — выбыл из строя командующий тайной армией; это могло повлечь за собой дезорганизацию военизированных групп — и как раз в тот момент, когда Делестрэн уже начал их объединять. Поэтому Жан Мулэн считал своим долгом созвать представителей различных групп, для того чтобы урегулировать с ними насущные вопросы. Делегатов созвали на двадцать первое июня. Но в этот самый день Жан Мулэн и все окружавшие его попали в лапы гестаповцев, производивших облаву и странным образом осведомленных о времени и месте собрания и лицах, которых можно было там захватить. Несколько недель спустя Мулэн умер под пытками.

Гибель Жана Мулэна имела тяжелые последствия. Он был во плоти делом того дела, которому служил, такие люди незаменимы. Уже одно то, что его больше не было в живых, вызвало глубокое расстройство в работе ряда служб — связи, транспорта, информации и других, которыми он руководил лично. А ведь именно эти службы обеспечивали целостность движения. Но главное — гибель его главы должна была иметь политические последствия и породить значительные трудности для Сопrotивления.

Нельзя сказать, что это событие повлияло на настроение бойцов. В большинстве своем они не знали, какие именно организации занимаются подготовкой их действий в целом, да и имена людей, входивших в эти организации, чаще всего оставались для них неизвестными. Морально участники борьбы связывали себя с де Голлем, а практически в условиях жизни в маки осуществление саботажа, диверсий, переправка оружия, передача сведений и вообще все выступления проходили в небольших масштабах, и бойцы подчинялись в этих операциях только начальникам своих отрядов. Но в отношении планов действий местных комитетов освобождения, пропаганды и лозунгов дело обстояло сложнее. В разгар битвы политические элементы согласились отвлечься от своего честолюбия, но не собирались отказаться от него совсем. Близился уже конец испытанию, и они предвидели возможность встать у власти. Мулэн, мой представитель, непосредственно опиравшийся на меня, по своим высоким личным качествам мог бы объединять и сдерживать политиков. С его смертью некоторые из них проявили склонность проводить свою собственную линию. Это, прежде всего, заметно было у коммунистов. Они стремились достигнуть фактического преобладания, а кроме того, придать ему характер высшего органа, теоретически связанного с моим правительством, но имеющего право действовать самостоятельно, на свой страх и риск. Тогда им было бы возможно использовать Совет в своих целях и проводить под его флагом такие действия, поставить в местные органы таких людей, сформулировать такую программу и, может быть, учредить такие власти, что в буре Освобождения они могли бы оказаться хозяевами положения.

Если бы я мог немедленно назначить преемника Жана Мулэна и если бы своими личными качествами мой новый уполномоченный мог, так же как и Мулэн, внушать уважение всем представительным органам Сопротивления, он был бы и главой моей делегации и председателем Национального Совета. Двоевластие, которое кое-кто пытался создать, было бы устранено. Но обстоятельства помешали мне тотчас же найти такого человека. Нельзя сказать, чтобы во главе различных организаций Сопротивления не было достойных и мужественных людей. Но ведь каждый из них принадлежал к той или иной политической группировке — настолько сильно было в них стремление к обособленности, как у руководителей, так и у рядовых бойцов. К тому же близился день, когда Франция должна была подняться из бездны угнетения, а тогда жизнь страны, общественный порядок, суждение всего ми-

ра о Франции в значительной мере зависели бы от состава французской администрации. Мне нужно было назначить своим представителем внутри страны и руководителем наших служб человека, который мог бы повсюду подготавливать либо сохранение прежней администрации на местах, либо ее замену. Словом, тут нужен был, так сказать, «крупный чиновник», который бы принимал участие в нашей борьбе, хорошо знал ее волнующие перипетии и сложную обстановку, но лично не принадлежал ни к одному из политических направлений и, кроме того, был способен в нужный момент занять в управлении государством тот пост, на который в ближайшем будущем правительству понадобится его поставить.

Прошли месяцы, пока я смог выбрать и послать человека, отвечающего этим многообразным требованиям.

Временно исполняли обязанности моих делегатов Клод Бушине-Серейль¹ и Жак Бенжан, которых я в свое время направил из Лондона для совместной работы с Жаном Мулэном. Первый действовал в Париже, и ему удалось сохранить все связи, несмотря на то, что в этот период происходили ужасные опустошения в руководстве различных групп движения. Второй работал в южной зоне и сосредоточил свои усилия главным образом на организации помощи людям, спасавшимся от угона в Германию, — на юго-западе Франции, в Центральном массиве и в Альпах число их все увеличивалось. Жак Бенжан был захвачен врагом и покончил с собой. В сентябре я назначил представителем генерала де Голля и делегатом от Национального комитета освобождения

---

¹ *Бушине-Серейль Клод* (1912—2000), юрист, до войны служил в посольстве Франции в Берлине, в 1939 мобилизован, служил во Французской миссии при Британском экспедиционном корпусе, в 1940 присоединяется к «Свободной Франции» в Лондоне и вступает в ее вооруженные силы, в 1940—1942 адъютант штаба генерала де Голля, с октября 1942 начал подготовку подрывной деятельности на оккупированной территории, с 1943 заместитель Жана Мулэна по военным вопросам. Совместно с Эмилем Боллаэртом обеспечивает координацию всех сил Сопротивления на оккупированной территории и объединение всех свободных французов под эгидой Национального Совета Сопротивления; их усилия приводят к созданию в 1944 Французских внутренних сил, в 1944 участвует в организации сил Сопротивления в Южной зоне, в сентябре 1944 возвращается в Париж, в марте 1945 член Французской делегации на учредительной конференции Организаций Объединенных Наций в Сан-Франциско, в июле 1946 генеральный секретарь на мирной конференции в Париже, в 1947 генеральный секретарь Комитета Европы по экономическому сотрудничеству (план Маршалла). — *Прим. ред.*

Эмиля Боллаэрта¹. Префект Боллаэрт был истинным патриотом — в 1940 он отказался присягнуть маршалу Петену и вышел в отставку. По своим чувствам и способностям он был вполне достоин того поста, который я предложил ему. Но вскоре после своего назначения Боллаэрт был арестован немцами в Бретани, на берегу моря, когда он уже готовился сесть на судно, направляясь в Алжир за инструкциями правительства. Гестапо увезло его в Бухенвальдский концлагерь. В довершение несчастья одновременно с Боллаэртом попал в руки врага и Пьер Броссолет. Вскоре он погиб: пытаясь бежать, он выбросился из окна в здании гестапо и разбился. Пьер Броссолет, доблестный борец, по своей храбрости, пламенной воле, престижу, которым он пользовался среди различных элементов Сопротивления, тоже был достоин поста генерального делегата; так же как и Жан Мулэн, он не был связан ни с одной политической партией и ожидал действенных результатов как в дни войны, так и завтра, в дни мира, только от «голлизма», возведенного в социальную, моральную и политическую доктрину. В марте 1944 обязанности делегата я возложил на Александра Пароди², члена Государственного совета и генерального директора министерства труда; он тоже отказался служить под властью Виши; брат его, Рене, был участником Сопротивления и одним из первых отдал свою жизнь за Францию.

---

¹ *Эмиль Боллаэрт* (1890–1978), французский государственный деятель, военный, участник Первой мировой войны, сотрудник Эдуарда Эррио, в 1939 желал вступить добровольцем в армию, но как префект Роны получил отсрочку мобилизации, жесткий противник немецкой оккупации, с 1941 участник Сопротивления, в 1942 комиссар внутренних дел и полиции, в сентябре 1943 представитель генерала де Голля во Французском комитете национального освобождения, в феврале 1944 арестован гестапо и отправлен в концентрационный лагерь Бухенвальд, перееден в Берген-Бельзен, репатрирован 29 ноября 1945, в 1945–1946 представитель центральной власти в Эльзасе, в 1947 Верховный комиссар в Индокитае. — *Прим. ред.*

² *Александр Пароди* (1901–1979), французский экономист, общественный и государственный деятель, эксперт правительства по экономическим вопросам, ответственный за подготовку проектов юридических и общественных реформ, движения Сопротивления, отправлен генералом де Голлем в оккупированную Францию в феврале — августе 1944 для организации новой администрации, с сентября 1944 по ноябрь 1945 министр труда и социального обеспечения, представитель Франции в Консультативном совете по вопросу Италии, затем в 1946–1949 в Совете Безопасности ООН, в 1949–1957 генеральный секретарь Министерства иностранных дел, в 1955–1957 представитель Франции при НАТО, в 1957–1960 во французском посольстве в Марокко, в 1960–1971 заместитель председателя Государственного совета. — *Прим. ред.*

Злосчастье преследовало моих представителей. Тем временем коммунисты постепенно осуществляли свои намерения относительно Национального Совета Сопротивления. Они добились того, что из пятнадцати его членов пятеро оказались у них в явном или тайном подчинении. Национальный Совет по собственной инициативе решил избрать председателя, и им стал Жорж Бидо — он был видным участником Сопротивления, отличался чрезвычайной склонностью, да и способностями к политической деятельности; до войны Бидо был известен как талантливый журналист и влиятельный член партии христианских демократов, питавший честолюбивое желание превратить эту маленькую группировку в настоящую большую партию и быть ее главой. Он охотно принял предложенную ему роль, не побоявшись связанных с нею опасностей. Одной из них и далеко не самой малой была опасность оказаться в этом ареопаге под эгидой дисциплинированной группы, искушенной в революционной деятельности, прекрасно умевшей и раздувать свое значение, и устанавливать товарищеские связи. Вскоре мне уже сообщили о наскоках этой группы, о неприятностях, которые она доставляла Жоржу Бидо, и о тех затруднениях, которые вскоре это могло создать и для меня. Действительно, Совет Сопротивления уведомил меня, что поскольку его пленарные собрания по необходимости должны быть редкими, он возложил свои полномочия на бюро, состоявшее из четырех членов — из них двое были коммунисты, — а военными вопросами поручалось ведать созданному им «Комитету действия», в котором господствовали «партийные».

Развитие нашего движения во Франции в этот период, то есть в конце 1943 и начале 1944, меня чрезвычайно озаботило — тем более, что я находился в Алжире, а оттуда мой голос мог быть услышан во Франции хуже, чем из Лондона. Личный контакт со всей французской нацией, который позволяло мне установить радио, постепенно ослабевал. Волны алжирских станций были во Франции менее известны, чем волны Би-Би-Си. А между тем наши передачи из Алжира, из Туниса и из Рабата стали интересны и приобрели свой собственный характер. Это, несомненно, было заслугой Анри Бонне — комиссара информации, Жака Лессэня — директора «Радио-Франс», Жана Амруша, Анри Беназе, Жана Касте, Жоржа Горса, Жана Руара и других. Правда, передачи крупной станции в Браззавиле, находившейся под надзором Жеро Жува и действовавшей на полную мощность, привлекли теперь все больше слушателей во всех концах света. Однако у меня было впечатление, что го-

лос мой глухо доносится до французов. Говорить с нацией мне стало труднее; более сложным делом стало также поддерживать с Францией тайные связи. Связи эти были организованы еще в Лондоне. Пользуясь постепенно выработанными у нас способами, мы слали из Лондона наши инструкции и воззвания. В Лондон нам слали доклады, отчеты, направляли туда агентов; в Лондон прибывали и те, кто желал посетить нас, и люди, бежавшие из Франции. Мы пользовались самолетами, сторожевыми судами, телеграфом, радио, связными — словом, тут наладилось своего рода ритмичное движение, управлявшееся из Лондона и ставшее привычным для мужественной армии наших информаторов, связистов, экспедиторов. Нельзя было порвать эту нить. Создать новую, находясь в Алжире, было нелегко, ибо мы еще не нашли для этого способов и нам мешала дальность расстояния. Например, легкий одномоторный самолет, поднявшись с английской базы, уже через два часа мог приземлиться во Франции на какой-нибудь случайной площадке и тотчас улететь обратно. Но для того, чтобы связать с нашей метрополией Алжир, Оран или хотя бы Аяччо, нужно было иметь двухмоторный самолет, лететь на нем долго, располагать для посадки большой и ровной площадкой и перед обратным рейсом пополнить запас горючего. Поэтому главный аппарат нашей связи мы по-прежнему оставили в Англии. Это требовало многостепенных пересылок и переправ, вызывало запоздания и всяческие недоразумения. Путаницу усиливало то, что, помимо специальных служб Сражающейся Франции, существовала еще бывшая разведывательная служба главного штаба французской армии. До ноября 1942 она находилась в Виши, действовала под руководством полковников Ронена и Риве и всеми возможными для нее мерами противилась немцам, а когда неприятель оккупировал и южную зону Франции, она переправилась в Северную Африку. «Гражданский и военный главнокомандующий» обратил ее в свой аппарат связи с метрополией. Пока длилось «двуглавие» Комитета освобождения, существовало и два центра информации и действия: один — приданный мне, а другой — обслуживающий генерала Жиро. Как только последний выбыл из состава правительства — на него были возложены чисто военные задачи, — казалось бы, уже ничто не должно было мешать объединению специальных служб.

Но это объединение нам удалось осуществить лишь через несколько месяцев. Декретом от 27 ноября 1943 Комитет освобождения наконец подписал назначение Жака Сустеля генеральным директором специальных служб, подчиненных непосредственно

главе правительства. Такого рода система вовсе не имела целью отстранить офицеров, состоявших в прежней разведывательной службе. Наоборот, мы рассчитывали, что способности каждого специалиста найдут теперь широкое применение. Особый характер войны, которую нам пришлось вести, требовал, чтобы наша система и тут представляла единое целое, чтобы она вышла за прежние рамки, отказалась от старых рецептов, установила сложную сеть связей с маки, с группами франтиреров, с различными организациями движения, умела использовать подпольные листовки и газеты, диверсии, саботаж в административных учреждениях, охватила бы все формы Сопротивления, проникла во все виды национальной борьбы. К несчастью, генерал Жиро упорно противился решениям, принятым правительством по этим вопросам.

Ссылаясь на свое звание главнокомандующего, он желал сохранить в полном своем распоряжении ту самую разведывательную службу, которая имела у него до декрета. Мы с ним беседовали об этом, и я из сил выбивался, доказывая ему, что нам необходимо единство, что он, Жиро, будет иметь широкую возможность пользоваться аппаратом. Ничто не помогло. Всей тяжестью своего авторитета генерал Жиро продолжал оказывать давление на офицеров соответствующих служб, желая, чтобы они, в нарушение правил дисциплины, не выполняли наших предписаний. Разумеется, поступал он так не по соображениям стратегическим. Ведь какое бы звание он ни имел, в действительности он не осуществлял эффективного командования военными операциями: наши союзники ревниво оставляли это за собою. Но для определенного рода политики его не отказывались использовать. Во Франции, в Африке и среди французских сановников, эмигрировавших в Соединенные Штаты, кое-кто еще поощрял его намерения — конечно, в своих собственных целях. Так же поступали миссии и штабы союзников: оставаясь глухими к голосу жизни и не желая расстаться со своими вчерашними планами, они отнюдь не отнимали у Жиро заветной надежды сыграть первую роль. Вот почему, несмотря на мои предупреждения, он упорно старался сохранить сепаратные связи с теми или иными группами в метрополии и с помощью американцев посылал туда своих собственных агентов, которые только вносили во все путаницу.

Чаша наконец переполнилась. В апреле 1944 после одного инцидента, более серьезного, чем прежние, я был вынужден потребовать от генерала Жиро прекращения этой игры. Он занял позицию проволочек и оттягивания, и тогда правительство особым декретом

освободило его от чисто номинальных обязанностей главнокомандующего и назначило генеральным инспектором армии. Это назначение положило конец создавшемуся двусмысленному положению и, кроме того, давало возможность генералу Жиро действительно стать полезным. Желая смягчить обиду, я написал ему официальное письмо, в котором от имени правительства засвидетельствовал его заслуги. В другом письме я от себя лично заклинал его показать пример самоотверженности, памятуя о трагических обстоятельствах, в которых находится Родина. В то же время Национальный комитет освобождения постановил наградить его военной медалью с очень лестным объявлением благодарности.

Генерал Жиро предпочел уйти в отставку. Он не принял назначения на предложенный ему пост, отказался от военной медали и уехал, избрав своей резиденцией окрестности Мазагана. «Я хочу быть главнокомандующим или никем», — сказал он. Его отъезд не вызвал никаких волнений — ни в войсках, ни среди населения. Кстати сказать, как раз в это время некоторые его приверженцы из числа бывших «деятелей» Виши были им недовольны за его поведение в деле Пюше: генерала Жиро упрекали за то, что он не встал на защиту обвиняемого, хотя тот приехал в Северную Африку, получив официальную гарантию от «гражданского и военного главнокомандующего». Что касается меня, то я был глубоко огорчен упорным желанием генерала Жиро отойти от дел, хотя война еще была далеко не завершена.

Но какое значение могут иметь наши огорчения, когда дело идет о порядке в государстве? В особенности — когда Франция страдает. Ведь мы знали, что там творится, ибо получали сообщения через курьеров — в частности, те данные, которые доставляла нам из Парижа наша служба подрывной активности в административных учреждениях; нас осведомляли и делегаты Консультативной ассамблеи и люди, которым удалось бежать из Франции, перейдя через Пиренеи; нам делали также доклады наши уполномоченные, которые пробирались из Алжира в метрополию и обратно: Гиллен де Бенувиль, Буржес-Монури, Франсуа Клозон, Луи Манжен, генерал Бризак, полковник Зеллер, Гастон Дефер, Франсуа Миттеран¹, мой племянник Мишель Кайо и другие.

---

¹ *Миттеран Франсуа* (1916–1996), президент Франции в 1981–1995, участник Второй мировой войны, в 1940 попал в плен, в 1941 бежал Во Францию в «свободную зону», деятель движения Сопротивления, вел подпольную работу, в 1965–1968 лидер Федерации демократических и социалистических левых сил, первый секретарь французской Социалистической партии в 1971–1981. — *Прим. ред.*

Никогда еще материальные условия жизни не были во Франции столь тяжелыми. Почти для всех вопрос питания стал ежедневной трагедией. С осени 1942 и до весны 1944 паек, выдававшийся по карточкам, не содержал и тысячи калорий. В сельском хозяйстве не было ни рабочих рук, ни горючего, ни удобрений, ни перевязочных средств, и по всем этим причинам оно давало лишь две трети довоенной его продукции. Из того, что брали по реквизиции, значительную часть захватывали оккупанты — мяса, например, отнимали половину; из того, что оставалось хозяевам и могло поступать на черный рынок для продажи населению, оккупанты тоже отхватывали себе часть. За все, что немцы пожирали таким способом, они платили деньгами, которые черпали из французского казначейства. Всего они получили оттуда до августа 1943 триста миллиардов, а до марта 1944 — более четырехсот миллиардов.

Во вражеских лагерях для военнопленных все еще находились полтора миллиона французов. Правда, Германия для виду освободила и отослала во Францию сто тысяч военнопленных. Но зато служба «трудовой повинности» должна была ей доставить ни много ни мало как миллион человек гражданского населения. Кроме того, рейх заставлял работать на него непосредственно одну треть всего количества наших заводов, сжигал половину нашего угля, отобрал 65% всего количества наших паровозов, 50% наших вагонов, 60% наших грузовиков, употреблял наше оборудование, наши материалы на сооружение для Германии «Атлантического вала». При той нищете, в которой прозябало большинство французов, вопросы питания, одежды, топлива, освещения, перемещения стали для них мучительными, зачастую неразрешимыми.

И вот война снова низвергла на землю Франции лавину разрушений и смерти. После перемирия в этом отношении наступила было передышка, чем похвалялись виновники капитуляции, а теперь начались воздушные тревоги, полилась кровь. В Дьеппе, потом в Сен-Назере английская авиация с помощью французских авиагрупп повела над головами жителей воздушные бои с врагом, налетая волнами и возвращаясь на базы. Участились бомбардировки городов. Они наносили населению большой ущерб, особенно Парижу, Нанту, Руану, Лиону, Сент-Этьенну и их окрестностям, — это была прелюдия к тем серьезным разрушениям, которые Франции предстояло претерпеть во время предстоящей большой битвы. До высадки союзных войск было убито бомбар-

дивовками с воздуха тридцать тысяч человек. Во многих местах, в частности в департаменте Эн, в Центральном массиве, в Альпах, в Лимузене, в Дордони, маки начали вооруженные выступления против оккупантов, а те в отместку отвечали расстрелами населения, пожарами, арестами заложников, денежными контрибуциями... Пособницей врага была вишистская милиция; ее военно-полевые суды без всякого разбирательства выносили смертные приговоры множеству патриотов. В сущности репрессии стали для врага настоящими военными операциями. Он вел их с ужасающей методичностью и точностью. Он желал «очистить» свои тылы перед битвой, близость которой уже чувствовал. Вот почему гестапо и немецкая жандармерия совместно с вишистской полицией и милицией, находившейся теперь в ведении Дарнана, «генерального секретаря по поддержанию порядка», яростно преследовали наши подпольные группы и все движение. Пускали в ход все виды запугивания, пыток, подкупа, стараясь вырвать у несчастных, которые попадали в их лапы, признания, заставить их выдать других патриотов. Незадолго до высадки союзных войск погибло много руководителей Сопrotивления: Кавайе, Маршаль, Медерик, Пери, Полицер, Рипош, Туни и другие, было казнено 20 тысяч участников Сопrotивления, депортировано 50 тысяч человек. В это же время обнаружились постыдные ужасы преследования евреев. И тогда же рейх заставил выдать ему политических заключенных, арестованных Виши, в частности Эррио, Рейно, Даладье, Блюма, Мандела, Гамелена, Жакоме; гестапо арестовало и других видных лиц, как, например, Альбера Марро, Франсуа Понсэ, полковника де ла Рока, крупных чиновников, финансистов, промышленников, высших офицеров, и отправило их в Германию, рассчитывая, что они послужат заложниками или когда-нибудь будут использованы для обмена пленными.

Но несмотря на репрессии, Сопrotивление все ширилось, все росло. Ударные группы патриотов уничтожали все больше немцев в вооруженных нападениях, в боях, в рукопашных схватках, в железнодорожных катастрофах, когда пускали под откос целые поезда с немецкими солдатами; все чаще патриоты карали предателей и доносчиков. Цели движения уже были четко сформулированы, повсеместно обнародованы, объявлены в воззваниях. Это великое общечеловеческое и национальное движение порождало высокие мысли и чувства, на него опирались моральные доктрины, в нем черпали вдохновение искусство и литература. Благодаря чудесам изобретательности патриотов ре-

гулярно выходили подпольные газеты — одни добывали для них бумагу, другие набирали их, печатали, третьи распространяли. Газеты «Фран-тирер», «Комбат», «Резистанс», «Дефанс де ла Франс» выпускались ежедневно общим тиражом в 600 тысяч экземпляров. «Леттр франсез», «Кайе де ла Либерасьон», «Кайе дю темуаньяж кретьен», «Юниверсите либр», «Ар либр» и другие журналы тайно проникали во многие двери. Подпольное издательство «Эдиссон де Миньон» распространяло книги. Одна из них, «Молчание моря» Веркора, была размножена и распространена в несчетном количестве экземпляров. Благодаря заботам алжирского правительства радио постоянно передавало выступление тех, чье орудие борьбы — перо и мысль. От имени тех, кто свободен, и тех, кто скован безмолвием, я торжественно выразил им признательность на большом собрании, организованном 30 октября обществом «Французский альянс», и волны эфира понесли к Парижу его отзвуки.

Расцвет французской мысли подтверждал правильность нашей политики. Что могли сделать против этого чистого родника мужества и обновления замаскированное честолюбие и низкие замыслы некоторых господ? Быть может, наше единение, думал я, — недолгий взлет, а завтра опять придет оцепенение и все сникнет. «Но завтра — это уже другой день». А пока идет война. Я чувствовал за собою моральную поддержку французского народа, она поможет мне сплотить его. Тем более, что национальный инстинкт более определенно, чем когда бы то ни было, избрал меня средоточием единства.

Ведь именно в отношении меня маневрируют политики в поисках гарантий для своей деятельности в ближайшем будущем. Ведь именно ко мне теперь тянутся люди так называемого руководящего класса, то есть занимающие высокие должности, обладающие богатством, известностью. Из этой категории одна ее группа — та, которая меньше всего думает о деньгах, — идет за мною уже давно, а остальные в смятении душевном ждут, чтобы я избавил их от опасных для них потрясений, и теперь почтительно склоняются передо мною, откладывая на время свою критику и свои оскорбления. Масса французов, которая не помышляет спекулировать на трагедии нации, ждет не дожидается моего прибытия — оно будет для нее освобождением. И, наконец, для тех, кто сражается, я стал как бы символом того, чего они хотят добиться ценою своих великих жертв. Как описать то, что я переживал однажды вечером, когда Сермуа-Симон, только что прибывший из

Франции, где он вскоре после этого погиб, привез мне последние слова молодых борцов Сопротивления, приговоренных к смертной казни; фотографии, запечатлевшие стены тюремных камер, где в последнюю бессонную ночь смертники вырезали на камне мое имя; последние их письма родным, в которых они говорят обо мне как о своем вожде; рассказы свидетелей, слышавших последние возгласы борцов, выведенных на расстрел: «Да здравствует Франция!» «Да здравствует де Голль!»

Это они диктуют мне мой долг в тот самый момент, когда я особенно в этом нуждаюсь. Ведь усталость и бремя задачи, лежащей на мне, подточили мои физические и духовные силы. В начале 1944 я тяжело заболел. Но благодаря заботам докторов Лиштваица и Дакруа благополучно выбрался из кризиса, хотя в то время уже ходили слухи, что «генерал» умирает. Разумеется, два года борьбы «Свободной Франции» были полны потрясений и разочарований. Но тогда нам нужно было все поставить на карту. Нас окружала атмосфера героизма, нас поддерживала необходимость победить во что бы то ни стало. Между мною и теми, кто вставал под мое руководство — все они были добровольцы, — царило глубокое согласие, и оно было для меня могучей поддержкой. Теперь мы уже были близки к цели, но мне казалось, что под моими ногами почва становится зыбкой, а дышу я менее чистым воздухом. Вокруг возникают какие-то корыстные намерения и соперничество, с каждым днем заметнее делаются человеческие слабости.

На вилле «Глицинии» я запираюсь в своем кабинете и начинаю месить крутое тесто ежедневной работы. Надо прочесть бумаги, хотя мои ближайшие сотрудники — Палевский, Бийотт, Сустьель — по моему распоряжению представляют мне только самые важные материалы. Надо выносить решения, хотя бы самые принципиальные. Надо принимать людей, несмотря на практикуемую мною систему ограничения приема. Я принимал национальных комиссаров, иностранных дипломатов, руководителей союзных и французских военных сил, некоторых высоких должностных лиц, посланцев, прибывающих из Франции или направляющихся туда, некоторых видных посетителей. За очень редкими исключениями, я никому не звоню по телефону, а меня самого никогда не вызывают к аппарату. Сопоставлять различные точки зрения и определять мероприятия, которые следует провести, я преднамеренно предоставляю членам правительства. Моя природа подсказывает мне, а опыт подтверждает, что на вершине государственных дел сберечь свое время и свои силы можно только

методическими стараниями держаться достаточно высоко и достаточно далеко.

Но из-за этой отдаленности особенно необходим бывает в определенные моменты живой контакт с людьми и обстановкой. И я старался установить возможно лучший контакт, увидеть воочию, что делается на местах. За пятнадцать месяцев моего пребывания в Алжире я, помимо собраний и официальных церемоний, происходивших в нашей столице, сто дней провел в разъездах. В Алжире я посещал города и селения, инспектировал войска, корабли, эскадрильи. Четыре раза ездил в Марокко, три раза — в Тунис. Один раз был в Ливии. Совершил большую поездку по Черной Африке, объехав всю ее территорию. Трижды пересек Корсику. Три раза был в Италии, на фронтах действия наших вооруженных сил. Во время высадки союзников в Нормандии отправился в Англию, а оттуда во Францию, в Байё. Некоторое время спустя состоялось первое мое посещение Соединенных Штатов и Канады. Эти поездки вливали в меня бодрость. Как утомляют люди, когда видишь вблизи их честолюбие и интриги, и как они хороши в борьбе за великое дело!

По природной склонности, да и по требованиям долга моя личная жизнь очень проста. Для своей резиденции я выбрал виллу «Оливье», где поселился с женой, приехавшей ко мне, и дочерью Анной, здоровье которой по-прежнему нас тревожило; а вскоре к нам присоединилась вторая дочь, Элизабет, вернувшаяся из Оксфорда, — в Алжире она поступила на службу в отдел обзоров иностранной прессы. Филипп по-прежнему плавал и воевал в Ла-Манше и в Атлантическом океане.

Вечером я старался побыть в одиночестве на своей вилле, поработать над речами, с которыми мне постоянно приходилось выступать. Но зачастую у нас бывали приемы. Навещали нас иностранцы и французы, и нам доставляло удовольствие видеть их за своим столом — правда, меню этих трапез было весьма скромным, так как все мы должны были жить на пайке. Случалось, что мы проводили воскресенья в маленьком домике в Кабилии. Изредка мы получали вести от родных. Моему брату Ксавье удалось найти себе убежище в Нионе, откуда он присылал нам полезные сведения; его дочь Женевьева попала в руки врага вместе с другими руководителями группы «Дефанс де ла Франс» и была отправлена в Равенсбрюк; его старший сын сражался в Италии. Моя сестра, жена Альфреда Кайо, была арестована гестапо, год пробыла в тюрьме Фрэн, а оттуда ее угнали в Германию; ее мужа — старика

шестидесяти семи лет — отправили в Бухенвальд; один из их сыновей, Шарль, офицер егерского полка, пал на поле брани, сражаясь за Францию. Трое остальных сыновей переправились через море и вступили в наши вооруженные силы. Так же поступили и три сына моего брата Жака. А его самого, немощного паралитика, спас от немецкой полиции аббат Пьер и его помощники, которые на руках перенесли его через швейцарскую границу. За моим братом Пьером немцы установили слежку. В 1943 его арестовали и отправили в Эйзенбергский концлагерь. Его жена и пятеро детей, к которым присоединилась дочь расстрелянного участника Сопротивления, пешком перешли через Пиренеи в Испанию, а оттуда пробрались в Марокко. В семействе Вандру братья и сестра моей жены тоже выбрали путь служения правому делу. Во Франции и в Африке все наши родственники и друзья рисковали ради него своей жизнью. Среди многих примеров мужества поднимают мой дух и образы моих близких. Я всегда вспоминаю о них, если бремя мое становится чрезмерно тяжким.

Правда, часть этого бремени падает на моих министров. Прежде наша организация была гораздо меньше и все руководство ею сосредоточивалось в моих руках, а ныне, когда она все разрастается, надо прибегать к распределению власти. Среди национальных комиссаров, разумеется, есть и соперничество и центробежные настроения. Но, в общем, вокруг меня собралась довольно дисциплинированная группа; в ней каждый имеет свою долю власти и свою долю ответственности.

Каждый и действует по-своему. Анри Кэй, на которого возложены обязанности председателя межминистерских комиссий, неизменно проявляет здравый смысл и осторожность — качество и врожденное и благоприобретенное в результате большого опыта, недаром же он в Третьей республике двенадцать раз входил в состав правительства. Рене Массигли — блестящий деятель, изобретательный, искушенный в тонкостях дипломатии; он трудится над восстановлением нашей сети международных отношений, разорванной событиями. Пьер Мендес-Франс, обладающий светлым умом и твердой волей, разрешает, казалось бы, неразрешимые в Алжире вопросы наших финансов. Рене Мейер, наделенный многосторонними способностями, умеет добиться максимальной работы транспорта — железнодорожных линий, шоссейных дорог и портов Северной Африки. Андре Ле Трокер, ворчливый и великодушный, стал первым слугой армии, которой он управляет. Андре Филипу вечно приходится сдерживать поток

своих идей, которые так и брызжут у него, и сдерживать приступы дурного настроения Консультативной ассамблеи. Жану Моннэ нелегко играть на широкой клавиатуре решений и отношений, добиваясь от наших американских союзников своевременного оказания обещанной нам помощи. Миротлюбивый Анри Боннэ старается погасить распри между группами, которые уже оспаривают друг у друга различные технические средства для организации информации. Очень много дела у Франсуа де Мантона, Эмманюэля д'Астье, Рене Капитана и Анри Френэ, в ведении которых находятся департаменты юстиции, внутренних дел, народного просвещения, управление по делам военнопленных, — они должны подготовить мероприятия, которые Франции предстоит завтра осуществить; все они соревнуются между собой в усердии и преисполнены новаторскими устремлениями. Фернан Гренье и Франсуа Бийу, один резкий, другой гибкий, оба способные, деятельные, делят свое внимание между своими постами (у первого — авиация, у второго — государственный комиссариат) и своей партией, которая извне наблюдает за их действиями. Что касается министров, окружавших меня со времени «Свободной Франции» — Жоржа Катру, привыкшего вести большие дела, Рене Плевена, Андре Дьетельма, Адриена Тиксье, — они мои испытанные соратники и уже четыре года в тяжелых условиях, не боясь никаких трудностей, с неизменным рвением ведут свою работу, ведая делами мусульман, вопросами колоний, вопросами промышленного производства и вопросами труда.

Все министры, каково бы ни было их происхождение, взгляды, их личные качества, смело присоединились к Шарлю де Голлю и делили с ним ответственность. Заслуги их бесспорны, тем более что наш административный аппарат сколочен из разрозненных частей и кусочков, но при всех его упущениях люди там тоже самоотверженно трудятся, выполняя свои обязанности. И хотя предстоящее восстановление страны порождает у них избыток планов и проектов будущего, нельзя не отдать должного их уму и горячему усердию в работе. Если и в кабинетах алжирского правительства, и в Консультативной ассамблее, и на наших собраниях люди выдвигают всяческие проекты перестройки Франции и всего мира, свое непосредственное дело каждый выполняет добросовестно и за скромное вознаграждение. Столпами наших учреждений и образцом для других могли служить в комиссариате по иностранным делам такие чиновники, как Юбер Герен, Шовель, Альфан, Парис; в комиссариате внутренних дел —

Шевре; в комиссариате финансов — Грег, Гиндей, Леруа-Болье; в комиссариате колоний — Лоранси; в комиссариате транспорта — Андуз-Фери; в главном казначействе — Постэль-Виней; такие начальники штабов, как Лейе — в комиссариате военных дел; Лемонье — в комиссариате морских дел; Буска — в комиссариате авиации. Надо сказать, что в конечном счете все нити сходились ко мне, и я не мог не знать, насколько наши возможности были ограничены. Но если в политике нужна пружина, которая толкает вперед, то ею как раз и является искусство использовать все возможности.

Заседания Национального комитета проводились теперь в Летнем дворце. Происходили они два раза в неделю. С помощью Луи Жокса я определял их повестку дня. По каждому вопросу Комитет заслушивал доклад соответствующего министра, затем открывались прения. Каждый высказывал свое мнение. В случае необходимости я сам предлагал высказаться тому или иному участнику заседания. Свое мнение я обычно излагал в конце прений. Затем в заключение формулировал решение и, если в этом была нужда, прекращал споры. Решение кабинета сообщалось министерским департаментам. Зачастую эти постановления облекались в форму ордонансов и декретов. В таком случае они предварительно отработывались Рене Кассеном и его юридическим комитетом, затем обсуждались на заседании кабинета и наконец публиковались в «Журналь оффисьель де ла Републик Франсез», который выходил в Алжире в своей традиционной форме.

Вышеуказанным способом были разработаны ордонансы от 10 января, 14 марта, 21 апреля и 19 мая 1944, касавшиеся вопросов организации власти и деятельности властей во время освобождения. Предусматривалось назначение семнадцати региональных комиссаров, наделенных чрезвычайными полномочиями. Они должны были находиться в Лилле, Нанси, Страсбурге, Шалонне, Дижоне, Клермон-Ферране, Лионе, Марселе, Монпелье, Лиможе, Тулузе, Бордо, Пуатье, Ренне, Анже, Руане и Орлеане; так же как префекту департамента Сены, им предписывалось «принять все необходимые меры по обеспечению безопасности французских и союзных армий, по организации управления территорией, восстановлению республиканской законности и удовлетворению нужд населения». Кроме того, в каждом министерстве генеральный секретарь, заранее назначенный из числа высших чиновников, должен будет до прибытия министра обеспечить функционирование соответствующих служб. В коммунах предписывалось

восстановить действовавшие в 1939 муниципальные советы, вместо которых вишистское правительство зачастую назначало делегации по своему усмотрению. А для того, чтобы обеспечить Сопротивлению должную роль в восстановлении порядка, возможность нормального выражения своей воли и даже пресечь неизбежные эксцессы, предусматривалось создание в каждом департаменте комитета освобождения. Этот комитет, составленный из делегатов местных организаций и партий, представленных в Национальном Совете Сопротивления, должен был в вопросах административных высказывать свое мнение префекту, как это делал прежде генеральный совет, и заменять этот последний, пока он не будет восстановлен путем выборов. И, наконец, «национальный комиссар по делам освобожденных территорий» должен был принимать на месте неотложные меры, которые окажутся необходимыми.

В апреле эти функции были возложены на Андре Ле Трокера. Что касается комиссаров республики и префектов на период освобождения, списки их были подготовлены Александром Пароди при содействии Мишеля Дебре и представлены на утверждение правительства. Назначение производилось втайне, каждый получал на руки подлинный текст декрета, облакавшего его полномочиями, и должен был держаться наготове, чтобы появиться на месте как бы из дыма сражения. Двое из них — Вердые и Фуркад — пали в бою; двое — Буйе и Кассу — были тяжело ранены; девять префектов умерли за Францию. Но среди французов перед лицом наших союзников в разгар войны возникла целостная ответственная, независимая государственная власть.

Одновременно должно было возрождаться и правосудие. После стольких перенесенных страной мук освобождение, несомненно, развяжет стихийную жажду возмездия. Ведь десятки тысяч патриотов, мужчин и женщин, были расстреляны, сотни тысяч угнаны в ужасные лагеря уничтожения, из которых вернутся лишь немногие, тысячи активистов подпольных организаций Сопротивления, партизан, бойцов ударных групп враг объявил вне закона и, если захватывал их, уничтожал на месте; ведь оккупанты совершили неисчислимое количество убийств, поджогов, грабежей, всяких зверств, подвергали людей жестоким пыткам — и все это творилось при пособничестве предателей, при непосредственном содействии «министров», чиновников, французской полиции, милиции и шпииков; ведь целые годы в газетах, журналах, пьесах, в публичных выступлениях приспешники вра-

га изрыгали оскорбления против тех, кто сражался за Францию, и восхваляли оккупантов; ведь в кругах «правительственных», административных, финансовых, промышленных, светских столько негодяев издевалось над унижениями и бедствиями нации и выставляли напоказ свое «сотрудничество» с захватчиками — что ж удивительного, если бегство немецких орд окажется сигналом к скорой и кровавой расправе над изменниками? Бесспорно, так и будет. И все же ни одно частное лицо не имеет права карать преступников. Это дело государства. И надо, чтобы государство, осуществляя эту свою обязанность, вершило суд скорый и правый, быстро производило следствие и выносило приговоры, а иначе все захлестнет волна ярости, которая охватит группы населения или отдельных лиц.

И вот Комитет освобождения своим ордонансом от 26 июня 1944, дополненным ордонансом от 26 августа, определил условия, в которых должны будут караться преступления и проступки коллаборационистов. Юридическая основа обвинения существовала в нашем кодексе — статья о пособничестве неприятелю. Но на этот раз обстоятельства являлись исключительными и в некоторых случаях даже смягчающими вину из-за той позиции, которую занимало «правительство» Виши, отдававшее свои приказы. Учитывая это беспрецедентное политическое положение и желая дать судьям возможность не применять во что бы то ни стало обычных санкций за проступки, которые фактически не являлись преступлением, был введен новый вид наказания, а именно — поражение в правах. Оно влекло за собою лишение политических прав, запрещение занимать общественные должности и в качестве максимальной кары — высылку. Таким образом, зная, какого рода проступки и преступления подлежат каре и располагая довольно гибкой шкалой наказаний, трибуналы будут выносить свои решения.

Какие же трибуналы? Само собой разумеется, что наши обычные уголовные и исправительные судебные органы не могут разбирать такие дела. По самому своему назначению они для этого непригодны. Непригодны они для этого и по своему составу, ибо многие судьи вынуждены были присягнуть Петену и выносили приговоры согласно приказам Виши. Тут нужно было нечто новое. И Комитет освобождения уже заранее предписал создать при судах второй инстанции особые «судебные палаты». Назначение на должность председателя Судебной палаты и на должность прокурора должны были производиться министерством юстиции. Четверых присяжных заседателей предстояло выбирать жеребьев-

кой из списка, составленного председателем суда второй инстанции при содействии двух представителей Сопrotивления, назначенных комиссаром республики — он во всех случаях обязан приобщать участников Сопrotивления к деятельности официальных органов. Что касается лиц, состоявших в правительстве Виши или занимавших главные должности, — лиц, на которых падает ответственность за капитуляцию или виновных в коллаборационизме, — их преступления должны рассматриваться в Верховном суде.

Впрочем, судьба одного из них была решена еще в Алжире. Речь идет о Пьере Пюше¹. Он состоял министром внутренних дел в «правительстве» Виши и с такой суровостью преследовал деятелей Сопrotивления, что стал главным карателем. Расставшись со своим «министерством» в 1942, Пюше уехал в Испанию. По его просьбе генерал Жиро, состоявший тогда «гражданским и военным главнокомандующим», разрешил ему приехать в Марокко и вступить в армию при условии, что все это произойдет втайне. Но так как бывший министр демонстративно везде показывался, Жиро приказал держать его под домашним арестом. В дальнейшем, когда Комитет освобождения решил привлечь к суду членов «правительства» Виши, Пьер Пюше был заключен в тюрьму. И тогда встал вопрос: следует ли его судить тотчас же? Правительство единогласно приняло решение начать судебный процесс. С принципиальной точки зрения не было оснований его откладывать. К тому же для пользы государства требовалось поскорее показать пример правосудия. Наступил момент, когда силы Сопrotивления должны были стать существенным элементом национальной обороны. Как раз в это время правительство Лавалея, в которое входил Дарнан в качестве лица, «уполномоченного поддерживать порядок», изо всех сил старалось, вкуче с немцами, разрушить всякий

---

¹ *Пюше Пьер* (1899—1944), французский политический деятель, сторонник идеи сильного государства, член крайне правых организаций, последовательный противник коммунизма и демократии, присоединяется к Французской Народной партии, сторонник перемирия с Германией в 1940, в феврале 1941 принял пост государственного секретаря в Министерстве промышленности, чтобы развивать организованную и национализированную экономику, сотрудничал с оккупационным режимом, ввел жесткие карательные меры против сторонников Сопrotивления, стремился установить во Франции национал-социализм, когда в 1942 союзники высадились в Алжире, Пюше решил, что поражение Германии лишь вопрос времени, в 1943 принял предложение генерала Жиро в Алжире поступить в армию под его командование, 14 августа 1943 привлечен к суду силами Сражающейся Франции, в 1944 приговорен к смертной казни и расстрелян. — *Прим. ред.*

порядок в стране. Необходимо было, чтобы и наши бойцы и их противники без промедления получили доказательство, что преступники должны отвечать за свои действия. Я заявил это с трибуны Консультативной ассамблеи и привел слова Клемансо: «Война! Все для войны! Вершите суд! Пусть страна знает, что ее защитят».

Не имея возможности созвать Верховный суд, Комитет освобождения поручил судить Пюше трибуналу армии. Председателем трибунала был Верен, первый председатель алжирского суда второй инстанции, а судьями — советник Фишер и генералы Шадбек де Лавалад, Коше и Шмидт. Обязанности прокурора исполнял генерал Вейс. Обвиняемый защищался ловко и энергично. Но среди прочих инкриминируемых ему действий имелось два преступления, которые заставили трибунал приговорить виновника к высшей мере наказания. Будучи министром, Пюше разослал префектам циркулярное распоряжение предоставить рейху, в порядке трудовой повинности, то количество рабочих, которое он потребовал. Кроме того, были все основания полагать, что когда в Шатобриане немцы решили расстрелять некоторых заключенных — в виде репрессии за убийство своих солдат, — негодяй Пюше по собственному своему почину направил им список лиц, которых он просил казнить в первую очередь. Неприятель удовлетворил его гнусную просьбу. После освобождения были найдены формальные доказательства этого преступления.

Генерал Жиро, вызванный в суд в качестве свидетеля, говорил об обвиняемом весьма сдержанно. После приговора он явился ко мне и попросил отсрочить казнь. Я, конечно, мог ответить только отказом. Сам Пьер Пюше до конца утверждал, что он действовал лишь в интересах государства. В последнем своем слове на суде он воскликнул, намекая на де Голля: «Пусть тот, на кого Франция возлагает ныне все свои упования, отнимет у меня жизнь, если это поможет ему выполнить свою миссию. Я отдам ему свою жизнь». Встретил он смерть мужественно, сам скомандовал «пли!» солдатам, назначенным для расстрела. В урагане бедствий, потрясавшем Родину, люди, разделившиеся на два лагеря, хотели вести нацию и государство к целям резко различным и путями прямо противоположными. С этого момента установилось, что ответственность как тех, так и других определяется здесь, на земле, не их намерениями, но их действиями, так как дело идет о спасении родины. Какими бы помыслами люди ни руководились, каждому воздается по его делам. Ну а потом? Потом? Пусть Господь Бог рассудит души мертвых. Пусть Франция похоронит их тела.

Но страна, она-то должна жить. Комитет освобождения и старался сделать так, чтобы она могла жить, когда с нее сбросят оковы. Я лично был убежден, что из всего океана финансовых, экономических, социальных проблем, которые тогда немедленно встанут перед нею, практически удастся сделать только то, что заранее будет разработано, подготовлено и решено, а поэтому я сосредоточил значительную часть усилий правительства на будущем предмете его деятельности. Я знал, что нас ждут три смертные опасности: инфляция, нестерпимо низкий уровень заработной платы и оплаты услуг и недостаток продовольствия.

Действительно, из-за выплачивавшейся оккупантам контрибуции на их содержание сумма бумажных денег, находившихся в обращении к весне 1944 втрое превысила сумму, обращавшуюся в 1940, а количество товаров уменьшилось вдвое. Это вызвало огромное повышение реальных цен, бешеную спекуляцию на черном рынке и неслыханные лишения для большинства населения. В то же время под нажимом врага, желавшего заполучить для Германии французских рабочих, заработная плата на фабриках и заводах и оклады жалования служащих были блокированы на основе очень низких тарифов. Зато некоторые коммерсанты, дельцы, посредники получали сказочные барыши. Учитывая и психологический переворот, который должно вызвать освобождение, следовало ожидать, что страну сразу же ожидает катастрофическое обесценение денег, волна социальных требований и голод.

Пустить все на самотек правительство не имело права: это значило бы обречь страну на непоправимые потрясения, ибо под ударом освобождения разразится инфляция, и тогда рухнут все плотины. А попытки блокировать одновременно вклады, банкноты, заработную плату и цены привели бы к взрыву котла. Для таких начинаний понадобились бы тяжелые принудительные меры, которые вряд ли могла бы перенести нация, только что вышедшая из-под гнета; это вызвало бы социальные потрясения, несовместимые с необходимостью оживить производство и поднять страну из руин; рынки тогда опустели бы, а между тем у общественных властей не было бы иных возможностей кормить народ, поскольку все запасы исчезли, а в государственной казне нет валюты для массовых закупок продовольствия за границей, да и торговый флот союзников тогда все еще будет занят перевозками военных грузов. Между двумя крайностями Комитет освобождения принял среднее решение, которое, однако, тоже не было легким.

Обменять банковские билеты, обложить налогом разбогатевших во время войны, конфисковать незаконные прибыли, регламентировать банковские текущие счета, оставив пока в распоряжении вкладчиков только суммы, необходимые для их неотложных нужд, и, воззвав к оптимизму, который породит в стране победа над врагом, выпустить на большую сумму внутренний заем — он поглотит значительную часть имеющихся ликвидных сумм, и таким образом будет уменьшена сумма бумажных денег, находящихся в обращении. Выровнять закупочные цены на сельскохозяйственные продукты первой необходимости при помощи субсидий товаропроизводителям и удерживать таким образом продажные цены на низком уровне. Субсидии вызовут прилив продуктов на рынки. Провести прибавку к заработной плате рабочих и жалованью служащих, прибавку «существенную» — процентов тридцать, — таким образом мы избежим социального кризиса. Но, кроме того, надо уже сейчас обеспечить подкрепление в виде ввоза продовольствия извне. С этой целью правительство весной 1944 образовало на заморских территориях запасы продовольствия на сумму в десять миллиардов (по курсу того времени) и выработало совместно с Вашингтоном «шестимесячный план», предусматривающий первоначальную помощь со стороны американцев.

Такими мерами мы могли предотвратить самое худшее, но даже и после освобождения нации еще долго придется испытывать лишения и жить на пайке. Никакие магические заклинания, никакая деловая ловкость не обратят мгновенно нищету в богатство. При всех чудесах изобретательности и организации понадобится еще много времени, порядка, труда и жертв для того, чтобы восстановить разрушенное и обновить разбитое или износившееся оборудование промышленных предприятий. Да и для всех этих усилий необходимо еще получить содействие трудящихся классов, а иначе все рухнет в пучину беспорядка и демагогии. Надо добиться национализации главных источников энергии: угля, электричества, газа, которые, кстати сказать, только государство и может эксплуатировать как следует; надо предоставить нации право контроля над кредитом, для того чтобы она в своих действиях не зависела от финансовых монополий; надо через фабричные комитеты проложить рабочему классу путь к ассоциации, избавить мужчин и женщин нашей страны от мучительного страха за свою жизнь и свою работу, установив обязательное социальное страхование на случай болезни, безработицы и старости; наконец, благодаря широкой системе пособий надо увеличить рожда-

емость населения во Франции и тем самым вновь открыть для нее живой источник могущества. Вот программа реформ, которую я провозгласил 15 марта 1944 и которую мое правительство действительно осуществило.

В этой части нашей политики мы могли рассчитывать на поддержку со стороны общественного мнения. Ведь в годину бедствий всегда усиливается стремление людей к прогрессу. У многих было такое чувство, что испытания, которые обрушила на нас война, должны привести к широким переменам в условиях существования людей. Если ничего не сделать в этом отношении, то произойдет неизбежное сползание масс к коммунистическому тоталитаризму. И напротив, действуя без промедления, можно спасти душу Франции. К тому же сильной оппозиции привилегированные не посмеют оказать — настолько этот социальный слой скомпрометирован ошибками Виши и так его страшит призрак революции. Что касается участников Сопротивления, они всегда на стороне эволюции; бойцы, вместе подвергавшиеся одинаковой опасности, чувствуют себя братьями.

По тем же самым причинам, которые требуют скорейшего проведения реформ в метрополии, необходимы также изменения в статутах заморских территорий и предоставление прав их населению. Я убедился в этом более чем кто-либо, с тех пор как стал вести войну с помощью людей и ресурсов Французской империи.

Да разве можно сомневаться, что сразу же после того, как затухнет пожар войны, охвативший весь мир, в человеческом океане поднимется глубокая волна — жажда освобождения. То, что уже происходит или намечается в Азии, в Африке, в Австралии, повсюду получит отклик. Ведь если постигшие нас бедствия не разрушили лояльного отношения к нам со стороны народов наших заморских территорий, они все же были свидетелями событий, жестоко подрывающих наш престиж: катастрофа 1940, унижение Виши, попавшего под пяту врага, прибытие американцев, выступивших в роли хозяев после абсурдных боев в ноябре 1942. Правда, во всей Французской Африке коренное население готово было последовать примеру Сражающейся Франции и, видя на своей родной земле начало возрождения французской жизни, от всего сердца хотело участвовать в нем. Вот отсюда и может начаться обновление. Но при обязательном условии, чтобы не держать эти государства и эти территории в том положении, в каком они некогда были. Так как в хорошем деле мешкать не годится, я решил, что мое правительство должно тут взять на себя инициативу.

В декабре 1943 я поддержал генерала Катру, национального комиссара по делам мусульман, когда он внес в Комитет освобождения проект важной для Алжира реформы. До этого население Алжира разделялось на две избирательные курии. В первую входили французы — по происхождению или натурализовавшиеся; по сравнению со второй курией, охватывающей всю массу мусульман, первая имела подавляющее большинство в муниципальных и в генеральных советах. Только она одна и была представлена во французском парламенте. Мы издали декрет, по которому десятки тысяч мусульман из числа «дееспособных» полагалось отнести к первой курии, независимо от их «личного статуса». А все остальные получали право голосовать во второй курии. Наконец, пропорция депутатов, избираемых второй курией в представительные собрания, включая французские палаты, увеличивалась до паритета с первой курией. Это был значительный шаг к равенству в политических и гражданских правах всего населения Алжира.

Конечно, реформа вызвала приглушенную критику как со стороны колонистов, так и со стороны некоторых мусульманских кругов. Но многих арабов и кабиллов словно окрылили надежда и благодарность к Франции, которая, не дожидаясь, когда кончатся ее бедствия, решила улучшить их судьбу и связать ее со своей судьбою. Вместе с тем во всех кругах люди были поражены решительностью и быстротою, с какими правительство приняло эти меры, тогда как прежний режим преграждал им путь в течение стольких лет. 12 декабря 1943 я отправился в Константину в сопровождении генерала Катру и нескольких министров. В Константине на площади Бреш в присутствии бесчисленного множества жителей я обнародовал наши решения. Я видел, как плакал от волнения находившийся близ трибуны доктор Бенджелул и многие мусульмане.

Для утверждения нового курса политики, которая должна привести к Французскому союзу, мы воспользовались и другим поводом; африканской конференцией в Браззавиле. Предложил ее созвать и организовал Рене Плевен, национальный комиссар по делам колоний. По его призыву должны были собраться двадцать генерал-губернаторов и губернаторов; среди них в первую голову — Феликс Эбуэ. На конференции присутствовали председатель Консультативной ассамблеи и человек десять ее делегатов, а кроме того, авторитетные деятели, не занимающие официального положения.

Конференция имела целью обмен мнениями и опытом — она желала установить, на каких конкретных основах может быть постепенно создано французское сообщество, охватывающее все тер-

ритории Черной Африки, взамен существующей системы прямого управления ими. Я отправился в Браззавиль с нарочитой торжественностью. Проехав через Марокко, я прибыл в Дакар, где власти, армия, флот, колонисты и коренное население встретили меня с неопишимым восторгом. А ведь именно в Дакаре три года назад доступ к Сенегалу был мне прегражден пушечными выстрелами. Я посетил Конакри, Абиджан, Ломе, Котону, Дуалу и Либревиль, и во всех этих городах приезд мой вызывал бурные проявления радости, в которой проступала уверенность в победе. В Браззавиле мне был оказан самый сердечный прием, город испытывал гордость по поводу того, что в самые тяжкие годы он послужил убежищем для суверенной Франции. Я остановился в «доме де Голля» — в знак своей великодушной привязанности город построил для меня это жилище в великолепной местности на берегу Конго.

Тридцатого января я открыл конференцию. После речи, в которой Плевен приветствовал меня, я в своем выступлении разъяснил, почему правительство решило созвать эту конференцию. «Не желая преувеличивать, — сказал я, — неотложный характер мотивов, вынуждающих нас спешить с изучением комплекса проблем, связанных с французскими территориями в Африке, мы полагаем, что события, потрясающие ныне весь мир, обязывают нас торопиться».

Воздав должное цивилизаторским усилиям Франции в Черной Африке, я отметил, что еще до войны «выяснилась необходимость развивать ее производительные силы на новых основах — на основах широкого приобщения ее населения к прогрессу и к французскому суверенитету. Насколько же неотложным это становится ныне, когда война, которая была и будет в значительной мере африканской войной, поставила вопрос об условиях человеческого существования и повсюду вызвала напряжение душевных сил человека; теперь ни один народ не может жить только нынешним днем — он смотрит в будущее, он задается вопросом о своей судьбе!» И вот Франция, заявил я, решила повести к новым временам «шестьдесят миллионов человек в союзе с сорока двумя миллионами своих сыновей и дочерей». Почему? «Прежде всего потому, что она — Франция... Затем потому, что в своих заморских землях и в их верности она нашла себе поддержку и плацдарм для своего освобождения... И, наконец, потому, что ныне ее воодушевляет пламенное стремление к обновлению».

Затем конференция приступила к работе. Предложения, которые она подготовила, касались главным образом дел администра-

тивных, социальных и вопросов культуры. Собрание губернаторов, разумеется, не могло разрешить вопросов конституционных, связанных с превращением империи во Французский союз. Однако путь уже был определен, остается лишь следовать по нему. Повелею тем духом, который, если только мы захотим этого, превратит назревшую реформу в национальное дело, имеющее мировое значение. И никто в мире в этом не сомневался – внезапно Браззавиль привлек к себе всеобщее внимание. То, что происходило, совершалось единственно по доброй воле Франции, ибо настала минута, когда она почувствовала, что возрождается ее могущество, оживает ее вера в себя, и сама решила даровать то, что никто еще и не пытался вырвать у нее. Пожав руку Эбуэ, которого мне больше не довелось увидеть (через три месяца он умер, изнуренный чрезмерными своими трудами, так и не дождавшись освобождения), я отправился на самолете в обратный путь. Расставшись со столицей Экваториальной Африки, мы полетели через Банги, Форт-Лами, Зиндер, Ниамей, Гао и возвратились в Алжир, где над кровлей моей резиденции развевался трехцветный стяг. Никто уже не мог сомневаться, что он являлся символом законной власти.

Но то, чего мы достигли фактически, необходимо было выразить в юридических терминах. Пора было правительству принять подобающее ему наименование. Несмотря на ужасающий раскол, я до последней возможности еще лелеял надежду, что это провозглашение может произойти в атмосфере национального единства и что перегруппировка сил в государстве произойдет прежде, чем сами события раз и навсегда разрешат спор. Тем людям, которые, пользуясь бедствиями нации, возомнили себя облеченными верховною властью, я целых четыре года оставлял возможность сказать в один прекрасный день: «Мы совершили ошибку. Вот мы перед вами с той видимостью прав, которую нам дают чисто внешние формы законности, а вместе с нами хотят быть в ваших рядах и те люди, которые не сделали ничего недостойного и до сих пор шли за нами, повинувшись требованиям дисциплины и верности присяге. Неприятель может заставить нас дорого заплатить за этот шаг, но все равно мы отдаем приказ сразиться с ним, уничтожить его всеми средствами и повсюду, где он находится. А потом, если надо, пусть выносят нам приговор политики, правосудие и история! Но сейчас позвольте нам встать рядом с вами в последнем, решающем бою во имя единства и спасения Франции!»

Увы, этот клич не раздался! Как говорится: «Не всяк признается, кто раскаялся». Но ведь со дня на день мы ждали, что армии Освобождения ступят на землю нашей родины. Для Франции и для всего мира стало неотложной необходимостью, чтобы наша власть, такая, какой она сформировалась, утвердила за собою — даже в самом своем наименовании — права, которыми ее облекло избрание народа. Седьмого мая я объявил в Тунисе: «Тем, кто полагает, что после освобождения Франция может возвратиться ко временам феодализма и будет распределена между несколькими правительствами, мы назначаем свидание в самое ближайшее время: в Марселе — на просторах Канебьер, в Лионе — на площади Белькур, в Лилле — на Главной площади, в Бордо — на Кенконс, в Страсбурге — на бульваре Брогли, в Париже — где-нибудь между Триумфальной аркой и собором Парижской Богоматери».

Пятнадцатого мая я выслушал в Консультативной ассамблее единодушное решение, принятое ею по предложению Альберта Газье; решение это оформлено было ордонансом от 3 июня 1944. В тот момент, когда я вылетел на самолете в Англию, откуда через три дня началось освободительное наступление, Национальный комитет освобождения стал Временным правительством Французской республики.

ДИПЛОМАТИЯ

Дипломатия, при всей условности ее форм, признает только реальные факты. Пока мы были всего лишены, нас могли жалеть, но мало нам помогали. А теперь возродилось единство французских сил — это уже было нечто весомое, с этим следовало считаться. Постепенно Франция вновь появляется на мировой сцене. Французы уже не сомневались, что их страна будет спасена, а союзники признавали бесспорным, что когда-нибудь придется вернуть Франции прежнее ее место. И, предвидя это обстоятельство, они в своей политике уделяли нам немало внимания.

К тому же наше содействие с каждым днем становилось для них все более ощутимым. Прежде всего без наших войск битва за Тунис кончилась бы поражением. А вскоре военные операции французов в ключевом секторе Италии привели к победе. Что касается предстоящей борьбы во Франции, правительства и военные штабы учитывали, что в ней примут участие наши внутренние силы, армия, прибывшая из империи, и остатки нашего флота. А как ценны были для союзников наши военно-воздушные базы, расположенные в Африке и на Корсике, какую действенную помощь они оказали им! Да и то, что мы боремся плечом к плечу с союзниками, само по себе имело большое моральное значение, было для них выигрышным обстоятельством. Вот почему Франция, ее интересы, ее чувства играли теперь все более важную роль при обсуждении возникавших вопросов.

И все же, хотя Вашингтон, Лондон и Москва думали о нас, свои официальные отношения с нами они ограничивали самым необходимым. Соединенные Штаты, опасаясь, что в Европе начнется путаница, собирались урегулировать в дальнейшем вопрос о мире прямым соглашением с Советской Россией и отнюдь не намеревались допустить Францию в тесный круг руководящих держав. Уже присутствие в этом кругу Англии зачастую казалось им неуместным, несмотря на то, что Лондон всячески старался ни в чем не перечить Америке. А как мешала бы там Франция со своими принципами и своими руинами! Да, кроме того, она оказалась

бы глашатаем средних и малых наций. Как же тогда удастся добиться от Советов сотрудничества, о котором мечтал Белый дом и ради которого неизбежно пришлось бы пожертвовать независимостью привисленских, придунайских и балканских государств? Что касается Азии и ее рынков, то по американскому плану предусматривалось положить там конец империям европейских государств. В отношении Индии вопрос, по-видимому, уже был решен. В Индонезии Голландия вряд ли может долго продержаться. Но вот как быть с Индокитаем, если Франция оживет и вновь займет место среди великих держав? Итак, охотно констатируя наше возрождение, договариваясь с нами, когда это бывало полезно для дела, Вашингтон старался сколь возможно дольше рассматривать Францию как поле, оставленное под паром, а на правительство де Голля смотреть как на явление случайное, неудобное и в общем не стоящее того, чтобы с ним считались как с настоящей государственной властью.

Англия не позволяла себе такой упрощенной оценки положения. Она знала, что присутствие, сила и влияние Франции будут завтра, так же как это было вчера, необходимы для европейского равновесия. Она никак не могла примириться с отречением от Франции, каким являлся режим Виши, причинивший ей к тому же много зла. И по инстинкту и по соображения политики она желала, чтобы Франция вновь стала ее партнером, таким же покладистым и хорошо знакомым, как прежде. Но к чему ускорять события? Победа теперь уже несомненная, и уже решено, что французские силы будут всемерно помогать союзникам. Что касается урегулирования в дальнейшем ряда вопросов, то, пожалуй, пусть в этом примет участие и Франция, но лишь при условии, что она согласится выступать в качестве величины вспомогательной и подчинится политической игре Соединенных Штатов, которую Англия всецело поддерживает. Но проявит ли генерал де Голль надлежавшую податливость! Это более чем сомнительно. Словом, учитывая все обстоятельства, выгоднее будет, если суверенитет Франции пока что останется несколько расплывчатым. Тем более что, пользуясь этой неопределенностью, можно покончить на Востоке с остатками французской конкуренции.

Советская Россия наблюдала, рассчитывала и остерегалась. Конечно, все склоняло Кремль к желанию возродить Францию, способную помочь ему сдержать германскую стихию и остаться независимым от Соединенных Штатов. Но торопиться не к чему. Сейчас надо победить, добиться, чтобы открылся второй фронт —

от Ла-Манша до Адриатики, — и не занимать политическую позицию, слишком отличную от позиции англосаксов. К тому же, если Франция генерала де Голля примет непосредственное участие в урегулировании европейских дел, согласится ли она, чтобы исчезла независимость Польши, Венгрии, балканских государств и — как знать, — может быть, и независимость Австрии и Чехословакии? И, наконец, какую будет Франция завтра? От ее внутреннего положения будет в значительной мере зависеть ее внешняя политика — в частности, в отношении Советов. Кто поручится, что политика эта не будет враждебной — под воздействием тех самых элементов, которые создали Виши? И наоборот, разве невозможно такое положение, что в Париже придут к власти коммунисты? И в том и в другом случае лучше будет не делать сейчас больших авансов алжирскому правительству. Короче говоря, высказывая нам любезность и сочувствие, Россия, по сути дела, считала, что надо подождать и посмотреть.

В общем, если дипломаты Вашингтона, Лондона и Москвы таили про себя далеко не одинаковые задние мысли, они были согласны в том, что за нами надо числить наше прежнее место в кругу держав, но не спешить с его возвращением. В отношении де Голля следует учесть, что он стал руководителем и символом возрождения Франции. Однако надо немножко сократить его размах — это весьма существенно. Уже тот факт, что де Голль пошел по пути объединения французского народа, который был так расколот, что ему удалось создать прочную и сплоченную власть, казался иностранным экспертам ненормальным и даже скандальным. Пусть под его воздействием Франция выберется из бездны. Но зачем же ей взбираться к вершинам?

Итак, официально с де Голлем обращались уважительно, но без особой готовности помочь ему. Зато неофициально поощряли все, что говорилось, писалось, замышлялось против намерений де Голля. А позднее стали делать все, чтобы Франция повела прежнюю свою, привычную для всех политику, легко поддающуюся давлению извне.

Надо, однако, сказать, что продолжавшаяся неопределенность в дипломатическом положении алжирского правительства мало меня беспокоила. Я чувствовал, что самое главное уже сделано и что, если мы и дальше будем так же упорны, как прежде, формальное признание, которого нам еще надо добиться, рано или поздно придет, так сказать, само собой. Да и совсем не подбает, чтобы наше положение сейчас и в дальнейшем зависело от

чужой воли. Мы уже и теперь достаточно утвердились, чтобы заставить себя слушать, когда это нам понадобится. Будущность Франции в ее собственных руках, а не в руках союзников. Как только рейх будет разгромлен, крупнейшие государства займутся преодолением трудностей, которые встанут перед нами, и ничто не помешает Франции играть ту роль, какую она захочет — лишь бы она захотела. Я был в этом так уверен, что равнодушно смотрел на хмурые мины союзников. Я не скрывал, что, с точки зрения общего нашего дела, сожалею о некоторой сдержанности в их сотрудничестве с нами, но никогда не вставал в позу просителя.

Конечно, гораздо меньше спокойствия проявляли мои сотрудники: в Алжире — Массигли, который постоянно находился в контакте с дипломатическим корпусом и по роду своей профессии страдал из-за недостаточной определенности нашего внешнего положения; в Лондоне — Вьено, который всю жизнь был проповедником франко-английского союза, а теперь печалился, видя уклончивость Англии; в Вашингтоне — Моннэ, которому никак не удавалось завершить переговоры «о помощи и восстановлении», поскольку вопрос о франко-американских отношениях повис в воздухе; или Оппено, который и умом и сердцем болезненно воспринимал отрицательное отношение к нам Соединенных Штатов; в Москве — Гарро, который сравнивал благоприятные для Франции заявления народных комиссаров с их осторожными действиями. Я позволял им при случае проявлять свое раздражение. Я сочувствовал нетерпению, которое испытывали наши делегаты при других союзниках: Дежан — делегат при правительствах, нашедших убежище в Англии; Баэлен, осуществлявший отношения с правительствами Греции и Югославии в Каире; Куаффар — посланник в Чунцине; Бонно — наш представитель в Оттаве; Пешков, а затем Гранден де л'Эпервье — представители в Претории; Кларак и сменивший его Монмайу — в Канберре; Гарро-Домбаль, Леду, Ленсиль, Арвенга, Ро, Кастеран, Лешне — находившиеся в Латинской Америке; Груссе — в Гаване; Милон де Пейон — в Порт-о-Пренсе. Я понимал, каким тяжелым было положение наших делегатов в нейтральных странах: Трюэля — в Испании; дю Шейла — в Португалии; Сент-Ардюэна — в Турции; Бенуа — в Египте; де Во-Сан-Сира — в Швеции; Лёсса — в Швейцарии; Лафоркада — в Ирландии. Однако сам я сознательно занимал позицию главы государства, который готов договориться с другими, если они предложат ему это, но который ничего не хочет просить сегодня, ибо уверен, что завтра он все получит без всяких просьб.

Вот каковы были условия игры. Они хорошо видны в итальянском вопросе: в результате компромисса союзники держали нас в стороне от переговоров, но все же не хотели исключить нас совсем. 27 сентября 1943 представители Англии и Соединенных Штатов принесли Массигли полный текст соглашения о перемирии, который в тот же день должен был быть вручен для подписи маршалу Бадольо. Англосаксонские дипломаты указали — и это было верно, — что в тексте соглашения учтены высказанные нами прежде пожелания. Но они ничего не могли ответить на вопрос французского министра: «Почему вы не привлекли Францию?» Через несколько дней Бадольо объявил войну рейху — по договоренности с Великобританией, Америкой и Россией, причем тут и речи не заходило о нашем одобрении. В то же время мы узнали, что скоро в Москве откроется конференция для обсуждения итальянской проблемы — конференция министров иностранных дел: английского, американского и русского и что нас не приглашают. Когда Корделл Хэлл, направляясь на эту конференцию, проезжал через Алжир, я в беседе с ним не позволил себе выразить ни малейшего неудовольствия, но сказал, что просто так мы не окажем содействия — ни своим именем, ни своими силами. «Мы очень рады за вас, — заметил я, — что вы, в интересах своей страны, установите непосредственный контакт с Советами. Я со своей стороны тоже предполагаю когда-нибудь отправиться в Москву — в интересах Франции». На вопрос государственного секретаря, какова наша позиция в итальянских делах, я ответил: «Я не премину со всей точностью изложить нашу точку зрения, когда получу возможность ознакомиться с точкой зрения других государств».

Тогда Корделл Хэлл сообщил мне, что, вероятно, в Москве будет решено создать межсоюзную комиссию по итальянским делам. «Может быть, — добавил он, — и вы в нее войдете». — «Посмотрим, — заметил я. — Во всяком случае, для того, чтобы решить судьбу итальянского государства, прежде всего нужно отбить у немцев его территорию, а для этого потребует содействие французских вооруженных сил и французских баз. Я знаю, что Эйзенхауэр предполагает просить у нас этого содействия. Мы расположены его оказать. Но для этого, разумеется, надо, чтобы мы вместе с вами и на равных с вами правах решили, как быть с Италией. Мы согласимся ввести в бой наших солдат только ради той цели, с которой будем согласны». Корделл Хэлл понял, что я занимаю совершенно твердую позицию. Понял это и Иден, с которым я увиделся 10 октября. Что касается Богомолова, то он опе-

редил меня — сам сказал, что Средиземноморская комиссия создается по советскому предложению и что его правительство потребует, чтобы нас включили в эту комиссию. Действительно, 16 ноября Массигли принял Макмиллана, Мэрфи и Богомолова. Они сообщили ему, что их правительства имеют намерение создать «Консультативный совет по вопросам Италии». Этот Совет должен представлять на месте интересы всех союзников, предлагать правительствам мероприятия для совместного их осуществления и давать от имени союзников указания военному командованию во всем, что касается политики и управления. Нас просят войти в эту комиссию. Комитет освобождения ответил согласием. 29 ноября я принял Вышинского, который заверил меня, что его правительство желает установить тесное сотрудничество с нами в рамках этой организации. Тогда она начала свою работу; в ее состав вошли: Макмиллан, Массигли, Мэрфи и Вышинский. Вскоре вместо Массигли, поглощенного делами своего министерства, Комитет освобождения назначил Кув де Мюрвиля. Таким образом, мы могли теперь быть в курсе событий, происходивших на Апеннинском полуострове. Мы могли также принимать участие в разработке мер, из которых одни имели целью наказать Италию за ее вину, а другие — дать ей возможность преодолеть постигшие ее бедствия. Таким образом, мы будем в состоянии вести свою политику, весьма важную как для судеб Италии, так и для судеб Франции и всего Запада.

Характер этой политики я изложил графу Сфорца, который однажды вечером пришел в мой кабинет на вилле «Оливье». Этот старый государственный деятель возвращался на родину после двадцатилетнего изгнания. На развалинах фашистского режима, против которого он неустанно боролся, он собирался руководить внешней политикой своей многострадальной родины. Меня порадовали благородные и мужественные взгляды Сфорца на предстоящую задачу. «Вы видите меня сейчас у себя, — сказал он, — это является доказательством моего желания сделать все возможное для установления франко-итальянского сотрудничества — ведь мы с вами дорого заплатились за его отсутствие в прошлом, а оно будет нужно Европе больше, чем когда бы то ни было». Я указал графу Сфорца, что в этом важнейшем вопросе мы с ним единомышленники, но что после всего случившегося для французов невозможно примириться с Италией без всякой компенсации с ее стороны, хотя мы и очень желали бы отнестись к ней весьма бережно.

Ликвидировать привилегии, которыми пользовались в Тунисе итальянские подданные; вернуть Франции кантоны Тенда и Бриг, которые после плебисцита 1860 отошли к Италии, хотя это французские земли; выправить границу в ущельях Ларша, у Мон-Женвер и Мон-Сени, у Пти-Сен-Бернар, для того чтобы не было досадного захвата нашего склона хребта; предоставить Валь д'Аоста право быть тем, чем этот район фактически и является, то есть районом чисто французским по своему духу; потребовать некоторых репараций, в частности, в виде военных и торговых судов, — вот и все преимущества, весьма ограниченные, но вполне определенные, которых я решил добиться для Франции.

С другой стороны, учитывая то обстоятельство, что Югославия перешла в лагерь союзников и теперь войска генерала Михайловича и Тито неустанно сражались на их стороне, было ясно, что Италия не могла сохранить на восточном берегу Адриатического моря свои довоенные владения. Однако мы готовы были помочь ей удержать за собой Триест. Изложив графу Сфорца свое мнение по всем пунктам, касающимся итальянских границ, я добавил: «Что касается ваших колоний, то если Киренаика, где англичане хотят закрепиться, для вас потеряна, а мы сами намереваемся остаться в Феццане, то мы желаем, чтобы вы оставались не только в Сомали, но и в Эритрее и в Триполитании. В отношении последней вам, несомненно, надо найти способ привлечь к себе местные народности; а в Сомали взамен тех прав, какие будут вам предоставлены, вы должны будете признать верховную власть негуса. Но мы считаем справедливым, чтобы у вас были африканские территории. Если вы этого потребуете, мы вас энергично поддержим».

В декабре по просьбе генерала Эйзенхауэра Комитет освобождения направил в Италию первые части французского экспедиционного корпуса. Он постепенно усиливался и, наконец, оказал решающую поддержку союзникам в боях за овладение Римом. По мере того как увеличивалось наше участие в военных действиях, мы громче стали говорить в области политики. Это было просто необходимо. Ведь англосаксы, применяя к Италии систему всяческих уловок и стараясь сохранить власть короля Виктора-Эммануила и маршала Бадольо, ставили тем самым преграды на пути к франко-итальянскому примирению и сами же создавали предпосылки для революции на Апеннинском полуострове.

В 1940 при попустительстве короля Италия объявила Францию войну — как раз в тот момент, когда наша страна пала под натиском немецких полчищ; а ведь именно Франция в кровопро-

литных боях освободила Италию в 1859 и обеспечила ее объединение; в 1917 французская армия помогла остановить у реки Пьявы отступление итальянских войск после разгрома у Капоретто. Король принял и терпел власть Муссолини до тех пор, пока события не смели дуче. Бадольо, воспользовавшись победой Германии, заставил уполномоченных Петена и Вейгана подписать перемирие, в силу которого итальянцы оккупировали часть французской территории и контролировали вооруженные силы нашей империи. Кроме того, именно фашистский режим осыпал премьер-министра — маршала — почестями и дал ему пост главнокомандующего. Как же мог бы такой монарх и такой глава правительства осуществлять сотрудничество своей страны с нашей страной и повести Италию по новому пути? 22 января 1944 Комитет освобождения обо всем этом сообщил в Вашингтон, Лондон и Москву, заявив, что в Италии необходимы перемены как на троне, так и в правительстве.

В марте, в мае и в июне я сам был в Италии, инспектируя наши войска, и заметил в стране, особенно в Неаполе, многие тревожные признаки. Я наблюдал там картину крайней нищеты и видел, какое плачевное действие оказывает на моральное состояние населения контакт с сытыми, хорошо одетыми, хорошо снабжавшимися оккупантами. Как христианин, как латинянин, как европеец, я жестоко страдал, видя бедственное положение великого народа, которого заблуждения сбили с правильного пути, но которому мир обязан очень многим. Быть может, итальянская толпа инстинктивно угадывала мои чувства. Быть может, в дни горьких испытаний она обращала свои надежды к Франции, как это свойственно несчастным странам. Как бы то ни было, лишь только я появлялся на улице, ко мне — к великому моему удивлению — тотчас стекались люди и восторженно приветствовали меня. Наш представитель Кув де Мюрвиль, располагавший широкими и достоверными сведениями, нарисовал мне картину политического положения в Италии, раздираемой противоречивыми течениями, ибо уже тогда чувствовалось, что судьбу страны решит борьба между коммунизмом и влиянием папы. Во время своих поездок в Италию я должен был с некоторым сожалением отказаться от встреч с Умберто¹ и Бадольо.

---

¹ *Умберто II* (1903–1983), король Италии с 9.5.1946, сын Виктора Эммануила III; после референдума, на котором народ высказался за республику, 2.6.1946 отрекся от престола и 14.6.1946 эмигрировал из страны. — *Прим. ред.*

В самом деле, не мог же я примириться с тем, что отец принца все еще носит корону, а маршал Бадольо по-прежнему является главой правительства.

Но в то время как на Западе, на берегах Средиземного моря, мы уже начали собирать плоды долгих усилий, на Востоке нам пришлось испытать большие огорчения. В государствах Леванта усилиями местных политиканов был создан кризис, которым воспользовалась Англия, — там желали, пока еще не поздно, извлечь выгоду из того, что силы Франции ослабли.

На этот раз полем действия стал Ливан. В июле 1943 там произошли выборы. После злосчастных событий, столь подорвавших престиж Франции, новый ливанский парламент, разумеется, проявил безудержный национализм. Англичане, вмешательство которых весьма повлияло на результаты выборов, хотели теперь воспользоваться этим. Возле Бехара эль Хури, избранного президентом республики, и премьер-министра Риادا Сольха маячила теперь фигура Спирса, явного противника Франции, который старался набить себе цену и обещал Ливану при любых обстоятельствах покровительство Англии.

Надо сказать, что действия Спирса в Сирии и в Ливане отвечали общей линии политики, которую Великобритания задумала вести на Востоке в последний период войны. Благодаря победоносным операциям в Африке у англичан освободились многочисленные войска. Часть их отправили сражаться в Италию, а другую расположили по обоим берегам Красного моря. Семьсот тысяч английских солдат оккупировали Египет, Судан, Киренаику, Палестину, Трансиорданию, Ирак и государства Леванта. Кроме того, Лондон создал в Каире «экономический центр», и благодаря кредитным махинациям, монополии в области транспорта, могущественным блокам эта организация держала в своих руках всю внешнюю торговлю арабских стран, то есть фактически всю жизнь населения, определяла мнение видных деятелей и позицию правительства. И, наконец, присутствие в этих странах целой армии специалистов, широко снабжаемых финансовыми средствами, проникновение англичан в высшие круги, воздействие дипломатии и прекрасно организованной пропаганды — все это усиливало влияние Англии; освободившись на Востоке от угроз вражеского вторжения, она рассчитывала утвердиться там в качестве единственного сюзерена.

Мы не в состоянии были противостоять такому натиску. Три батальона сенегальцев, несколько пушек, несколько танков, два

востовых судна, дюжина самолетов — вот и все французские вооруженные силы в Леванте. Правда, к этому надо добавить сирийские и ливанские войска, то есть восемнадцать тысяч хороших солдат под нашим командованием. Но как-то они поведут себя, если в Дамаске и в Бейруте правительства займут в отношении нас недвусмысленно враждебную позицию? К тому же крайняя наша бедность лишала нас возможности предложить что бы то ни было кому бы то ни было. И, конечно, нам было бы не под силу бороться против потока тенденциозной информации, которую в случае чего все англосаксонские агентства распространили бы по всему свету. А главное, самое главное, — на горизонте уже вырисовывалось освобождение Франции, и я не желал ни в коем случае, никакими средствами вести французов, начиная с моих министров, к какой-либо иной цели. В общем, мы были слишком слабы и слишком поглощены своей основной задачей, чтобы пытаться подавить на месте все возможные посягательства на позиции Франции.

Это и произошло в ноябре. В Бейруте по причинам внутреннего порядка, вызвавшим оппозицию в парламенте, правительство оказалось в крайне затруднительном положении. В качестве отвлекающего маневра Риад Сольх¹, председатель Совета министров, и Камил Шамун, министр иностранных дел, выступили с громогласными требованиями по адресу державы, имеющей мандат на Ливан. Наш генеральный делегат в Леванте, посол Жан Эллё, видя приближение кризиса, отправился в Алжир, чтобы уведомить обо всем правительство. 5 ноября он сделал мне доклад в присутствии Катру и Масигли и получил от нас инструкции. Ему предлагалось в бурю сбросить балласт — начать в Бейруте и в Дамаске переговоры в целях передачи местным правительствам некоторых прав экономических и административных, которыми до тех пор располагали французские власти.

В то же время Эллё видел, что в принципе мы разделяем его отношение к делу и считаем, что мандат, который доверен Франции Лигой Наций, может быть сдан ею только будущим международным инстанциям и сделать это может только такое французское правительство, которое уже не будет временной властью. Именно такова была наша позиция, и мы неоднократно знакомили с нею союзников, в частности Англию, и ни разу не получали

---

¹ *Риад Бек Сольх* (1894—1951), первый премьер-министр Ливана с 1943, сторонник независимости страны. — *Прим. ред.*

от нее никакого принципиального возражения. Если юридически независимость Сирии и Ливана имела международное признание, то лишь потому, что мы сами ей даровали эту независимость в силу своего мандата. Но по тем же самым основаниям мы и теперь вынуждены были нести некоторую ответственность за положение в Ливане, вытекающее из состояния войны, охватившей весь мир. Памятуя о трагических бедствиях, переживаемых сейчас человечеством, мы полагали, что правительства Дамаска и Бейрута могут подождать со своими претензиями до конца войны, а тогда будут улажены последние формальности, которые еще ограничивают суверенность этих государств. Несомненно, и Сирия и Ливан подождали бы, если бы Лондон не поощрял их требования и не предложил навязать их нам при поддержке английских войск.

Пока Эллё был в Алжире, ливанский парламент внес поправки в текст конституции страны, выбросив из нее как раз то, что имело отношение к мандату, как будто он был ликвидирован. Когда наш посол, возвращаясь на свой пост, пролетал через Каир, он сообщил в Бейрут ливанскому правительству, что везет предписание французского правительства начать переговоры, и попросил отсрочить провозглашение нового конституционного закона. Но Ливан не посчитался с этим. Возвратившись в Бейрут, Эллё, возмущенный такими провокационными действиями, 12 ноября наложил свое вето на конституцию, распустил парламент и арестовал главу ливанского государства, председателя Совета министров и нескольких министров, а Эмиль Эдде стал временным президентом республики.

Считая вполне оправданными меры, принятые нашим делегатом, и, главное, те чувства, которыми они были продиктованы, Комитет освобождения, однако, пришел к выводу, что Эллё вышел за пределы действий, допустимых в данной ситуации. Тем более, что, не отказываясь в принципе от мандата, мы не собирались нарушать независимость, уже дарованную стране. Поэтому утром 13 ноября, получив сведения о событиях, происшедших накануне в Бейруте, мы приняли решение послать туда генерала Катру и поручили ему восстановить нормальное конституционное положение, не дезавуируя, однако, действий Эллё. Это означало, что Катру, посоветовавшись в Бейруте, прикажет освободить Бехара эль Хури, Рида Сольха и их министров и восстановит президента в его правах. После этого надлежало произвести перемены в составе ливанского правительства и уж в последнюю очередь со-

звать палату депутатов. Что касается нашего делегата, то его присутствие в Ливане больше не имело смысла, поскольку туда направлен был Катру с соответствующими полномочиями. Мы решили через несколько дней вызвать Эллэ в Алжир «на предмет консультации».

Для того чтобы всем было ясно, с какой миссией послан Катру, я лично выступил 16 ноября в Консультативной ассамблее с успокоительной декларацией. «То, что произошло в Ливане, — заявил я, — нисколько не отразится ни на политике, которую Франция проводит там, ни на взятых нами обязательствах, ни на нашем твердом намерении сдерживать их. Мы хотим, чтобы в Ливане установился нормальный конституционный порядок, чтобы мы могли обсуждать с правительством страны наши общие дела и чтобы это обсуждение совершалось в условиях полной независимости, как его, так и нашей». А в заключение я сказал: «Набежавшее облако не омрачит горизонта». На следующий день Катру, проезжая через Каир, увиделся с Кэйзи, английским государственным министром, и сообщил ему, что Хури и Риад Сольх будут скоро выпущены на свободу. 19 ноября, прибыв в Бейрут, он имел беседу с Бехара эль Хури, выслушал горячие заверения президента относительно его дружеских чувств к Франции и сообщил ему, что он скоро будет освобожден из-под стражи и возвратится на свой пост. После этого уже никто не мог сомневаться в нашем добром желании как можно скорее утихомирить страсти и прийти к примирению.

Но английскую политику такой выход не устраивал. Право, можно было подумать, что Лондон нарочно подливает масла в огонь и хочет внушить мысль, будто мы не по собственной воле стараемся уладить столкновение с Ливаном, а благодаря энергичному вмешательству Англии. Не было ли тут еще и желания насолить де Голлю за недавно произведенную перемену в составе Комитета освобождения? Уже 13 ноября Мекинс, заменявший отсутствующего Макмиллана, явился к Массигли и вручил ему «вербальную», но грозную ноту, в которой предъявлялось требование немедленного созыва англо-франко-ливанской конференции для урегулирования инцидента и заявлялось, что, по мнению английского правительства, мы должны отозвать Эллэ. А 19 ноября, когда уже всем было ясно, что путь, избранный нами, есть путь к соглашению, Англия вдруг стала метать громы и молнии. Разумеется, это могло быть сделано только «для галерки» и с намерением унижить Францию.

В этот день Кэйзи прибыл в Бейрут, явился в сопровождении генерала Спирса к генералу Катру и предъявил ему самый настоящий ультиматум, нисколько не думая о союзе, соединявшем нас, и взятых Англией обязательствах, в которых она заявляла о политической своей незаинтересованности в государствах Леванта; позабыв о соглашениях со мною, которые от ее имени подписал Оливер Литтлтон, Англия предъявляла теперь представителю Франции требование согласиться на созыв трехсторонней конференции и в течение тридцати шести часов предоставить свободу президенту и министрам Ливанской республики. В противном случае англичане под предлогом поддержания порядка — а это их вовсе не касалось — собирались объявить страну, как они говорили, на «военном положении», силой захватить власть и послать свои войска для освобождения любыми средствами заключенных, которых охраняли наши солдаты.

«Итак, мы вернулись ко временам Фашоды», — ответил Кэйзи и Спирсу генерал Катру. Правда, была маленькая разница: во времена Фашоды Франция имела возможность дойти до вооруженного конфликта с Англией, а сейчас такая опасность Англии не угрожает. Комитет освобождения предписал генералу Катру отказаться от участия в трехсторонней конференции, освободить, как было условлено, президента Бехара эль Хури и его министров и, если Англия выполнит свою угрозу о захвате ею власти в Ливане, собрать наших чиновников и наши войска в один из портов и перевезти их в Африку. Я беру тогда на себя объяснить Франции и всему миру причины ухода наших людей.

В конце концов в Ливане восстановился своего рода *modus vivendi*. Англичане немножко притихли, генерал Катру вел переговоры с Дамаском и Бейрутом о передаче в ведение того и другого государства учреждений общественного значения, правители продолжали колебаться и торговаться, а против них вели агитацию те, кто метил на их место; «лидеры» соседних арабских стран по тем же самым подспудным причинам выступали с шумными протестами против Франции. В Каире требования исходили от Нахас-паши, которого английский посол навязал королю Фаруку в качестве председателя Совета министров; в Багдаде — от Нури-Саида, возвратившегося к власти только благодаря воздействию английских войск; в Аммане — от эмира Абдуллы, бюджет которого составлялся в Лондоне и армией которого командовали генерал Пик и полковник Глабб, именовавшиеся «Пик-паша» и «Глабб-паша».

В феврале Катру вернулся в Алжир; Комитет освобождения назначил генеральным и полномочным представителем Франции в Леванте генерала Бейне. Эллё туда не вернулся; Кэйзи уехал из Каира, а Шамун — из Бейрута. Спирс сидел на своем месте и подготавливал очередной кризис. Действуя с большим искусством и твердостью, новый представитель Франции выправил положение. Однако стало совершенно ясно, что нельзя постоянно вести подобные схватки, проявляя в них все новые чудеса стратегии. Тем более, что и наши скромные силы, и скорбные страсти французов, и внимание всего мира поглощало теперь нечто большее — военные действия, от которых зависела судьба Европы.

Тут политика даже опережала события: все ее соображения были теперь устремлены к тому, что произойдет вслед за победой. В лагере союзников прежде всего заволновались средние и малые государства. К нам в Алжир долетали только отзвуки дебатов, предметом которых они являлись; ведь их короли и министры пребывали в Лондоне, их дипломаты пытались действовать главным образом в Вашингтоне, а пропаганду свою они вели больше всего в англосаксонских странах. Все же мы знали их достаточно хорошо, чтобы понять их тревоги. Кстати сказать, их беспокойство являлось ясным и печальным доказательством того, что падение Франции и нынешнее намерение трех других великих держав держать ее в стороне завтра тяжело отзовутся на условиях мира, который уже подготавливался.

По правде сказать, Бельгия и Люксембург, имея на Западе добрых соседей, не сомневались, что после освобождения будут восстановлены и прежние их границы и независимость. Им предстояло столкнуться только с проблемами экономического характера. От разоренной Франции и от Англии, которая и сама сильно пострадала, ждать помощи можно было еще не скоро. В ближайшем будущем они рассчитывали на Америку. Поэтому Спаака, Гутта и Беша видели и в Атлантик-Сити, и в Хот-Спрингсе, и в Думбартон-Оксе — словом, на всех конференциях, где складывались планы Соединенных Штатов по вопросам снабжения, восстановления и развития Европы; а Ромре, бельгийского посла при Французском комитете освобождения, интересовали главным образом проекты, касавшиеся конфедерации Западной Европы. Голландцы тоже не ведали политических забот относительно своей метрополии, зато очень беспокоились о судьбе своих владений в Меланезии. Уже тогда Америка оказывала давление на правительство Голландии, а в дальнейшем заставит ее отка-

заться от господствующего положения на Яве, Суматре и Борнео. Из слов голландского посланника Ван-Вийка, а также из докладов, которые посылал нам из Лондона Дежан, видно было, что Ван-Клеффенс с горечью предсказывал, что победа союзников на Тихом океане повлечет за собой ликвидацию Нидерландской империи. А норвежцы уже будто почувствовали, как через нейтральную Швецию и побежденную Финляндию на них давит сокрушительный вес всея Руси. Трюгве Ли уже создавал план Атлантического союза, о котором с нами беседовал норвежский посол в Алжире Хауген. Но больше всего беспокойство проявляли эмигрантские правительства стран Центральной Европы и Балкан. Они предвидели, что вслед за изгнанием немцев на территории их государств появятся советские войска, и испытывали страх за свое будущее.

Конференция, происходившая в Тегеране в декабре 1943, только усилила их опасения. Разумеется, участники конференции — Рузвельт, Сталин и Черчилль — не скупилась на успокоительные декларации и утверждали, что они встретились для обсуждения стратегических вопросов. Однако просочившиеся сведения были отнюдь не утешительными для эмигрантских правительств. Вопреки официальным секретам они вывели самое существенное из того, что происходило в Тегеране. Сталин разговаривал там как человек, имеющий право требовать отчета. Не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки согласно его требованиям. Рузвельт присоединился к нему, чтобы отвергнуть идею Черчилля о широком наступлении западных вооруженных сил через Италию, Югославию и Грецию на Вену, Прагу и Будапешт. С другой стороны, американцы — в согласии с Советами — отвергли, несмотря на настояния англичан, предложение рассмотреть на конференции политические вопросы, касавшиеся Центральной Европы, и, в особенности, вопрос о Польше, куда вот-вот должны были вступить русские армии. Нас, французов, держали в стороне от всех этих дел, и до такой степени, что, когда Черчилль и Рузвельт направлялись в Тегеран, один — в самолете над французскими владениями Северной Африки, а другой — вдоль ее берегов, оба они и не подумали установить с нами связь.

И вот перспективы, так пугавшие монархов и министров придунайских, привисленских и балканских стран, теперь определились яснее. Так, в Греции значительная часть элементов Сопротивления, подпавших под влияние коммунистов, образовала

единую организацию ЭАМ, которая поставила целью вести борьбу против захватчиков и вместе с тем проложить путь революции. ЭЛАС — военная организация этого движения — объединяла многие партизанские отряды, действовавшие в горах Греции, а также глубоко проникала в армейские и военно-морские соединения, стоявшие на Среднем Востоке. Для того чтобы легче было держать связь с солдатами и матросами и сообщаться с внутренними областями страны, премьер-министр Цудерос и большинство министров избрали своей резиденцией Каир. Вскоре туда направился и король Георг II¹; но по его прибытии разразился бурный кризис. В апреле 1944 Цудеросу пришлось выйти в отставку. Заместивший его Венизелос тоже вынужден был оставить свой пост. Папандреу² с большим трудом удалось сформировать правительство. И как раз в это время начались серьезные мятежи в войсковых частях и на кораблях. Для их подавления понадобилось не больше, ни меньше, как кровавое вмешательство английских войск. И хотя представители всех политических течений Греции, собравшиеся вслед за этим в Бейруте, провозгласили лозунг национального единства, вскоре опять начались распри. Было очевидно, что в Греции уход немцев окажется сигналом к гражданской войне.

По-видимому, Соединенные Штаты старались как-то выпутаться из этой неприятной истории. Но Советы оказывали воздействие на греков; англичане же, стремившиеся установить свою гегемонию в восточной части Средиземного моря, не скрывали,

---

¹ Георг II (1890—1947), король Греции с 1922 из династии Глюксбургов, внук короля Георга I, в 1923 свергнут республиканцами и отправлен в изгнание, в ноябре 1935 по итогам народного плебисцита вернулся в страну, передал генералу Иоаннису Метаксасу диктаторские полномочия; в 1941, когда в Грецию вторглись германские войска, бежал на Крит; глава эмигрантского правительства Греции в Лондоне, а затем в Каире; в 1946 вновь провозглашен королем. — *Прим. ред.*

² Папандреу Георгиос (1888—1968) государственный и политический деятель Греции, юрист; в 1917—1920 генерал-губернатор острова Хиос, деятель Либеральной партии; в 1923—1933 неоднократно член правительства; в 1936 арестован по приказу генерала Метаксаса; в апреле 1944 стал премьер-министром греческого эмигрантского правительства в Каире; после заключения возглавил правительство национального единства, которое в 1945 разоружило и распустило Греческую национально-освободительную армию; в 1946—1951 занимал ряд министерских постов; в 1954—1957 председатель Либеральной партии; в ноябре — декабре 1963 и феврале — июле 1965 премьер-министр; в 1965 подал в отставку, в ходе военного переворота в 1967 арестован, но вскоре освобожден. — *Прим. ред.*

что вопросы, касающиеся Греции, относятся к их сфере. Поэтому французское правительство никогда в эти дела не вмешивалось. Однако в интересах Европы было бы лучше, если бы Франция и Англия действовали тут совместно, соединив свои силы и влияние, как это часто бывало в прошлом. И Аргиропуло, представитель Греции при Комитете, вполне был в этом убежден. Этот патриот и политик, которому не давала покоя угроза, нависшая над его страной, был убежден, что, отбросив от себя Францию, Европа рискует пойти по неверному пути, и потому он горько сожалел, что под воздействием извне спустилась непроницаемая завеса между его правительством и правительством Французской республики.

Точно так же действовали наши союзники и в отношении Югославии. В этом сербо-хорвато-словенском королевстве еще и до войны царили жестокие раздоры между различными его народами, а теперь в нем все было перевернуто, все кипело. Итальянцы образовали там хорватское государство, прирезали к нему Далмацию и словенскую провинцию Любляны. Полковник Михайлович вел в сербских горах смелую партизанскую войну; позднее повел войну в интересах коммунистов Иосип Броз Тито. Оккупанты мстили за их выступления неслыханными зверствами, массовым уничтожением людей, нелепыми разрушениями, а между тем Михайлович и Тито стали враждовать друг с другом и превратились в противников. В Лондоне совсем еще юный король Петр II и его неустойчивое правительство не только были бессильны справиться с тягчайшими трудностями внутри страны, но и оказались под властным давлением Англии.

В самом деле, англичане смотрели на Югославию как на главную арену их политики на Средиземном море. Кроме того, Уинстон Черчилль считал эту политику своим кровным делом. Лелея планы широких операций на Балканах, он намеревался обратить Югославию в их плацдарм. С самого же начала действий Михайловича Лондон помогал ему оружием и советами, направил к нему английскую миссию. Позднее премьер-министр делегировал к Тито своего сына Рэндольфа. В конце концов Тито было от дано предпочтение, и правительство Англии послало ему снаряжение и обмундирование для его войск. Михайловича же лишили помощи, всячески поносили его в выступлениях по радио из Лондона, а представитель Форин офис с трибуны лондонской палаты общин даже обвинял его в измене. Мало того, в июне 1944 Черчилль потребовал от несчастного Петра II распустить

кабинет Пурича, в который Михайлович входил в качестве военного министра, и доверить власть Шубашичу, предварительно получившему свои полномочия от Тито. Москва, разумеется, одобряла такой образ действий, а в Вашингтоне югославский посол Фтоич не мог добиться, чтобы Соединенные Штаты оказали поддержку его монарху.

Французский комитет национального освобождения систематически держали в стороне от развития этих событий. Я лишь эпизодически мог устанавливать связь с генералом Михайловичем, который проявлял горячее желание поддерживать отношения со мною. Мы обменивались с ним посланиями. В феврале 1944 я наградил его военным крестом и приказал опубликовать извещение об этом, желая ободрить Михайловича в тот момент, когда почва уходила у него из-под ног. Но ни разу офицеры, которых я пытался посылать к Михайловичу, не смогли пробраться к нему. Что касается Тито, то он никогда не оказывал нам ни малейшего знака внимания. С королем Петром II и его министрами я во время своего пребывания в Англии сохранял сердечные отношения. Дипломатический обмен мнениями и информацией мы вели через Мориса Дежана, нашего представителя при югославском правительстве, и Иовановича, представителя Югославии при Французском комитете. Но ни разу югославское правительство — вероятно, не имевшее свободы действий — не обращалось к нас с просьбой о какой-либо услуге. Что касается Англии, то она не считала себя обязанной хотя бы один-единственный раз посоветоваться с нами. И я твердо решил отдать делу освобождения Франции все силы, какие мы могли сосредоточить, не допуская, чтобы они принимали участие в балканских операциях. Зачем нам было вмешиваться и предлагать военную помощь для политического предприятия, из которого нас исключили?

Если продвижение Советов и деятельность их агентов вызвали у некоторых эмигрантских правительств мучительный страх, то президент Бенеш и его министры подчеркивали, что они нисколько не опасаются за Чехословакию. Вряд ли в глубине души чехи были так уж спокойны. Но они полагали, что бороться против неизбежного бессмысленно и лучше постараться извлечь из него пользу для себя. Кстати сказать, их представитель Черни сам изложил нам такую точку зрения. В декабре 1943 Бенеш отправился в Москву и заключил со Сталиным договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. На обратном пути в Лондон он 2 января остановился в Алжире. Мы приняли главу чехословац-

кого государства самым почтительным образом, памятуя, что среди жестоких превратностей в судьбе Франции он всегда оставался ее другом.

Бенеш информировал меня о своих переговорах в Москве. Он обрисовал Сталина как человека, сдержанного в речах, но твердого в намерениях, имеющего в отношении каждой из европейских проблем свою собственную мысль, скрытую, но вполне определенную. Затем Бенеш разъяснил мне свою политику. «Взгляните на карту, — сказал он. — Русские подходят к Карпатам. Но на Западе союзнические войска еще не готовы к высадке во Франции. Значит, именно Красная Армия освободит мою страну от немцев. И для того, чтобы я мог сформировать нашу администрацию, я должен войти в соглашение со Сталиным. Я и сделал это, да еще на таких условиях, которые не затрагивают независимости Чехословакии. Ведь на основании нашей с ним договоренности русское командование нисколько не будет вмешиваться в наши политические дела».

Перейдя к общему положению страны, президент стал мне доказывать, как он делал это уже не раз, что Чехословакия может возродиться только путем союза с Москвой. Он водил пальцем по карте и восклицал: «Вот Судетская область, которую нам надо отобрать у немцев. Вот Тешин, на который зарятся поляки. Вот Словакия, которую венгры мечтают опять забрать себе, — там монсеньер Тисо уже создал свое сепаратное правительство. А ведь завтра Восточная Германия, Польша и Венгрия будут в руках Советской России. Стоит ей поддержать их претензии — и неизбежно последует расчленение Чехословакии. Как видите, союз с русскими для нас совершенно необходим». Я попробовал было напомнить о возможности обратиться к Западу, но Бенеш отнесся к этому очень скептически. «Рузвельт, — сказал он, — хочет договориться со Сталиным и после победы увезти поскорее свои войска домой. Черчилль очень мало беспокоится о нас. По его мнению, линия обороны Англии — на Рейне и в Альпах. Как только он этого добьется, его уже ничто не будет волновать, кроме Средиземного моря. В отношении нас он готов равняться на позицию Рузвельта, получив за это некоторые преимущества на Востоке. Как мне известно, в Тегеране, с общего согласия, ни слова не было сказано о Чехословакии. Правда, существуете вы, генерал де Голль, строитель твердой и сильной Франции, необходимой для европейского равновесия. Если б вы не появились после поражения, больше не было бы надежды на свободу Европы. Поэтому никто так горячо не желает вам полного успеха, как я.

Но приходится убеждаться в том, что Вашингтон и Лондон не очень-то ему способствуют. Что же будет завтра? Да следует еще вспомнить о том, что французский парламент дал отставку Клемансо, лишь только окончилась война. Когда весть об этом пришла в Прагу, я сидел за работой с великим Масариком. И обоим нам пришла одна и та же мысль: «Это самоотречение Франции!»

Мнение Бенеша о позиции Вашингтона и Лондона в отношении советских стремлений уже подтвердилось в польском вопросе. Чем ближе Красная Армия подходила к Варшаве, тем яснее выступало намерение Москвы оказывать свое влияние на Польшу и изменить ее границы. Уже угадывалось, что Сталин хотел с одной стороны присоединить территории Литвы, Белоруссии и Восточной Галиции, а с другой — расселить поляков до Одера и Нейсе за счет немцев. Но не менее ясно было, что хозяин Кремля намеревается учредить на Висле режим по своему усмотрению и что англосаксы не собираются наложить тут свое вето.

Перед польским правительством в Лондоне встали тяжелые проблемы. Оно не имело материальных возможностей воспротивиться решениям Москвы, зато морально было вооружено той мрачной решимостью, которую века угнетения сообщили польским сердцам. По правде сказать, генерал Сикорский, председатель Совета министров и главнокомандующий, сначала попытался достигнуть соглашения с Советами. В то время когда вермахт находился у ворот Москвы, это соглашение казалось возможным. Большому количеству польских солдат, взятых в плен русскими в 1939, было разрешено отправиться на Средний Восток вместе с их командующим генералом Андерсом, а Сталин принял более умеренный тон в переговорах о границах и будущих отношениях. Теперь же картина была совсем иная, так же как иной была и карта военных действий. И поляков снова охватили неприязнь и страх, которые внушали им русские. Весною 1943 они официально — с некоторой видимостью оснований — обвинили их в том, что три года назад они уничтожили в Катынском лесу десять тысяч военнопленных польских офицеров¹. Сталин в негодовании порвал

---

¹ *Катынь*, урочище в лесу, в 14 км на запад от Смоленска — у Гнездово. В 30-х годах — место массового захоронения жертв сталинских репрессий; здесь весной 1940 органы НКВД уничтожили свыше 4 тыс. польских офицеров, интернированных осенью 1939 на территорию СССР; в период оккупации Смоленской области немецкими войсками здесь также проводились массовые расстрелы советских граждан; в 1989 в Катыни установлен мемориал. — *Прим. ред.*

дипломатические отношения с Польшей. В это время, то есть в июле 1943, генерал Сикорский, возвращаясь из Египта, где он инспектировал войска Андерса, погиб в результате воздушной катастрофы, происшедшей в Гибралтаре. Этот выдающийся человек пользовался достаточно большим престижем, чтобы умирять страсти своих соотечественников, и достаточно большой международной известностью, с которой приходилось считаться. Он был незаменим. Сразу же после его смерти кризис в отношениях между Россией и Польшей принял характер острого конфликта.

Однако новое польское правительство устами своего главы Миколайчика¹ обещало, что после освобождения власть в Варшаве будет учреждена в таком составе, который гарантирует Москве добрососедские отношения. Что касается границ, то он не отвергал заранее никаких проектов, а только заявлял, что этот вопрос может быть разрешен лишь при заключении мирного договора. Миколайчик дал приказ вооруженным силам Сопротивления сотрудничать с Советской Армией. Наконец, он обратился к Соединенным Штатам и Англии, желая покончить с разногласиями и прийти к решению всех вопросов, повисших в воздухе. Но эти миролюбивые настроения не нашли отклика в Кремле. Наоборот, недовольство русских все усиливалось по мере их продвижения. В январе, по случаю вступления своих войск на польскую территорию, Советы опубликовали декларацию, согласно которой так называемая «линия Керзона» должна была стать восточной границей Польши, а состав лондонского правительства полякам полагалось полностью изменить. В то же время заботами русских был сформирован польский армейский корпус, глава которого — Берлинг — не признавал власти законного правительства; а в Галицию вслед за советскими войсками явился образованный в Москве Польский комитет национального освобождения под председательством Осубка-Моравского.

Было очевидно, что поддержка англосаксами польской независимости была весьма шаткой. В январе 1944 Корделл Хэлл дал

---

¹ *Миколайчик Станислав* (1901–1966), польский государственный и политический деятель; в 1930–1935 депутат сейма от Крестьянской партии, в 1940–1943 вице-премьер, а в 1943–1944 премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне; в 1945 после освобождения Польши член Временного правительства национального единства — заместитель премьер-министра и министра земледелия; в 1947 в результате установления социалистического режима; бежал за границу, в США; создал и возглавил Польский национально-демократический комитет. — *Прим. ред.*

уклончивый ответ на просьбу Миколайчика о посредничестве. Рузвельт, которому в этом году предстояло вновь выступить в качестве кандидата на президентских выборах, держался в польском вопросе осторожно, сообразуясь с чувствами поляков, имевшихся среди его избирателей. Но можно было предугадать, что, как только выборы останутся позади, он не захочет связывать руки Сталину. Англичане оказались менее послушными, но было весьма вероятно, что поскольку они равняются на американцев, то в конце концов, по сути дела, уступят, соблюдая, однако, некоторые внешние приличия.

В самом деле, Черчилль и Иден, произнося всякие хорошие слова в защиту независимости Польши, торопили Миколайчика с поездкой в Москву. Посещение состоялось 1 августа — в то самое время, как Советская Армия подошла к Варшаве, а в городе подпольная польская армия под командованием генерала Комаровского¹, именуемого «Буром», начала действия против немцев. После героических боев поляки были раздавлены и обвиняли русских в том, что те не оказали им никакой помощи и даже не разрешили английским самолетам воспользоваться советскими базами, чтобы производить оттуда боевые вылеты для поддержки защитников Польши. За несколько дней до этого польские министры, прибывшие в Москву, слышали от Сталина и Молотова совсем не обнадеживающие ответы на свои просьбы и были уведомлены в том, что между Советским Союзом и Польским комитетом национального освобождения заключено соглашение, которое предоставляло Комитету право управлять освобожденными территориями.

Наше правительство не в состоянии было помешать этому рабощению Польши. Раз мы не действовали совместно с нашими великими союзниками в области дипломатии и не участвовали на равных правах в выработке общих для всех нас стратегических планов, как же могли бы мы добиться от западных держав, чтобы они заняли определенную политическую позицию и приняли определенные решения, которые наверняка спасли бы независимость Польши и в то же время обеспечили бы России ту границу,

---

¹ *Бур-Комаровский Тадеуш* (1895—1966), польский генерал; в 1941—1943 заместитель главнокомандующего, а в 1943—1944 главнокомандующий Армии Крайова; 1 августа 1944 принял решение о начале в Варшаве антифашистского восстания; польское правительство в эмиграции назначило его главнокомандующим; с 1945 в эмиграции. — *Прим. ред.*

какой она требовала. Лично я считал вполне приемлемой идею Сталина компенсировать Польше ту ампутацию, которой ее территория подвергнется на востоке, приобретением ею земель Пруссии и Силезии. Я хотел только, чтобы неизбежная при этом переброска населения производилась с полной гуманностью. Но я считал необходимым воспрепятствовать намерению Сталина установить в Варшаве диктатуру его почитателей. Я думал, что если бы Америка, Англия и Франция перед лицом всего мира пришли совместно к определенным выводам, и если бы они стали действовать согласованно в этом направлении, влияя на советское и польское правительства, и если бы они в дальнейшем предоставили судам Запада доступ в порты Балтийского моря, а русским судам — в порты Северного моря, то в конце концов им удалось бы вернуть свободу благородной и мужественной Польше.

Но перед требованиями Советской России Америка предпочла молчать. Англия искала формулу. Франция в этом вопросе не имела права голоса. Деятельному и достойному послу Польши при Французском комитете освобождения Моравскому, с которым мне не раз приходилось беседовать, генералу Соснковскому¹, который занял после смерти Сикорского пост главнокомандующего и которого я принял в Алжире в декабре, генералу Андерсу, которого я видел с его войсками у горы Кассино, президенту Польской республики Рачкевичу: с которым я обменялся визитами, будучи проездом в Лондоне в июне 1944, министру иностранных дел Ромеру, которого я видел на приеме у президента, я мог только указать, какую мы занимаем позицию, и заверить, что мы всех заставили бы посчитаться с ней, если бы имели к этому возможность.

Однако же был случай, когда мы оказали помощь польскому правительству. Речь идет о значительном золотом запасе, который Государственный банк Польши в сентябре 1939 доверил Французскому банку, а тот в июне 1940 переправил его в Бамако. В марте 1944 Комитет освобождения по настоятельной просьбе правительства Миколайчика решил вернуть полякам их золото. Богомо-

---

¹ *Соснковский Казимир* (1885—1969), польский генерал и политический деятель, связан с Юзефом Пилсудским; в 1920—1924 министр обороны; в 1927—1939 инспектор армии; с сентября 1939 командующий Южным фронтом; в эмиграции политический противник генерала Сикорского и сближения с СССР; в 1943—1948 верховный главнокомандующий. — *Прим. ред.*

дов не преминул обратиться к нам с настойчивыми заявлениями о необходимости отсрочить передачу золота, а в конце концов попросил у меня приема и тогда сказал мне: «Советское правительство заявляет решительный протест против передачи польского золотого запаса эмигрантскому правительству Польши в Лондоне. Ведь завтра оно уже не будет правительством Польши». Я ответил, что пока оно еще является правительством, что оно признано всеми нашими союзниками, включая и Россию, что по его приказу польские войска в настоящее время сражаются в Италии рядом с нашими войсками и что, наконец, я не понимаю, по какому праву Советский Союз вмешивается в дела, касающиеся только Польши и Франции. Богомолов ушел, не скрывая своего неудовольствия.

Итак, несмотря на советы Вашингтона, Лондона и Москвы воздерживаться от сближения с нами, средние и малые государства Европы стремились к этому; хотели быть ближе к нам морально и те, кого отделяла от нас дальность расстояния. Генерал Ванье, представитель Канады, привез нам слова приветия своей родины, являвшейся примером для других в военных усилиях, и повел переговоры относительно экономической помощи, которую Канада нам оказывала, и о той помощи, которую она соглашалась оказывать и в будущем по мере освобождения Франции. Наши союзники — страны Латинской Америки — через своих полномочных представителей указывали, что возвращение Франции прежнего ее международного положения живо затрагивает их чувства и отвечает их интересам. С такими заявлениями выступали, например, в Бразилии — Васко да Кунха, в Перу — Арамбуру, в Эквадоре — Фрейла Ларреа, на Кубе — Суарес Солар. Наконец, искусный, тонкий дипломат, делегат Испании де Сангрониз, хоть он и был единственным представителем нейтральной страны среди делегатов воюющих стран и чувствовал себя связанным довольно туманным статутом, с готовностью занимался урегулированием вопросов, касающихся Марокко, судьбы Танжера, переправки французов, перешедших через Пиренеи, и торгового обмена между Французской Африкой и Иберийским полуостровом. Мы действительно старались установить с испанцами необходимые отношения. Они и сами этого желали. Я рассчитывал, что в ближайшем будущем произойдет возобновление дипломатических отношений между Парижем и Мадридом в условиях, достойных двух великих соседствующих народов.

Но в Алжире наша дипломатическая деятельность сосредоточивалась на отношениях с тремя великими союзными державами.

Теперь мне уже не приходилось во всех случаях самому вести их, как в те времена, когда у нас, собственно говоря, не было министерств, но все же я должен был наблюдать за общим ходом этих дел. Поэтому я постоянно встречался с представителями США, Великобритании и Советской России. Ведь если считалось, что их правительства еще не решили вопроса, кто действительно является главою Франции, они все же направляли к нам своих послов, и те нисколько не скрывали, что они серьезно рассчитывают в недалеком будущем переехать вместе с нами в Париж.

После реорганизации Комитета освобождения, когда я стал единственным его председателем, Вашингтон и Лондон, скрепя сердце, примирились с этим фактом и сделали соответствующее распоряжение. Роберт Мэрфи, носивший неопределенный титул представителя президента Рузвельта, был переведен в Италию. Его заменил Эдвин Уилсон, имевший вполне определенные полномочия представителя своего правительства при нашем Комитете. Отъезд Мэрфи и поведение его преемника вызвали, к счастью, разрядку в наших отношениях с американским посольством. Мэрфи очень мало ценил успехи «голлистов», зато Уилсона они, по-видимому, радовали. Насколько редкими и натянутыми были наши беседы с Мэрфи, настолько же частыми и приятными были визиты Уилсона. Он был выдающимся дипломатом и человеком сердца. Лояльность не позволяла ему осуждать позицию, но она глубоко огорчала его. Своим личным посредничеством он не раз достигал того, что точка зрения одной стороны бывала если не воспринята, то хотя бы понята другой стороной, и при случае он умело предотвращал вспышку, назревавшую то у американцев, то у нас.

Дафф Купер делал то же в наших отношениях с англичанами. До декабря 1943 представителем Великобритании в Алжире был Макмиллан, исполнявший вместе с тем и другие обязанности. Теперь он уезжал в Италию в качестве английского государственного министра. В свое время Черчилль, посылая его в Алжир, полагал, что, хоть и с некоторой сдержанностью, он все же присоединится к политике, проводимой в Северной Африке американцами. Однако Макмиллан понял, что это не самая лучшая линия. У этого человека возвышенной души и светлого ума возникла симпатия к группе французов, желавших видеть Францию свободной от пут. Я замечал, как по мере развития наших отношений рассеивается его предубеждение против нас. И я отвечал ему чувством глубокого уважения. Теперь, когда он должен был уехать, Лондон решил дать ему достойного преемника и вместе с тем нор-

мализовать положение представителя Англии. Даффа Купера назначили послом в Алжир с последующим переводом его в Париж. Это был один из самых любезных и разумных жестов, сделанных правительством его величества в отношении Франции.

Дафф Купер был человеком незаурядным, одаренным. Шла ли речь о политике, истории, литературе, искусстве, науке — он во всем превосходно разбирался и все его интересовало. Но во все свои суждения он вносил какую-то сдержанность, вероятно объяснявшуюся его скромностью, — это качество придавало ему особое обаяние, не позволяло ему навязывать другим свои мнения. Однако у него были твердые убеждения, непоколебимые принципы — об этом свидетельствовал весь его жизненный путь. В годы, когда события требовали, чтобы выдвигали лучших, он мог бы быть на своей родине премьер-министром. Можно думать, что этому помешала одна черта натуры — щепетильность — и одно обстоятельство — наличие Уинстона Черчилля. Но если он не стал премьер-министром в Лондоне, он должен был стать английским послом в Париже. Как истый гуманист, он любил Францию; как истый дипломат, он обсуждал дела с благородным спокойствием; как истый англичанин, служил своему королю чистосердечно. Будучи посредником между Черчиллем и мною, он старался смягчить наши столкновения. Иногда это ему удавалось. Если бы возможно было кому-нибудь из смертных всегда достигать этого, то, конечно, только такому человеку, как Дафф Купер.

С русской стороны мы, как и прежде, имели дело с Богомоловым, который стремился все знать, а своих секретов никому не открывал и вдруг становился жестким, когда формулировал какое-нибудь категорическое мнение своего правительства. Иногда мы встречались с Вышинским, который временно занимался итальянскими делами, но был весьма сведущ в самых разнообразных областях. Он проявлял широту мысли и вдобавок черту, казалось бы, удивительную для бывшего советского прокурора, — приятную жизнерадостность. Однако иной раз внезапно проглядывало, как неумолимы приказы, связывающие его. Как-то раз, когда мы беседовали недалеко от других, так что нас могли слышать, я сказал ему: «С нашей стороны было большой ошибкой, что мы до 1939 не действовали в открытом союзе с вами против Гитлера. Но как вы сами-то виноваты, что заключили с ним договор и позволили ему раздавить нас!» Вышинский выпрямился, побледнел. Сделал такой жест, как будто отметал некую таинственную угро-

зу. «Нет! Нет!» — пробормотал он. — Никогда, никогда этого не следует говорить!»

В общем отношения между Францией и ее союзниками развились вопреки правилу сугубой осторожности, указанному в кодексе дипломатии. Первого января 1944 имело место весьма показательное зрелище. В этот день дипломатический корпус явился с большой помпой на виллу «Оливье» поздравить меня и принести новогодние пожелания, какие принято делать главе правительства. В приемной даже произошел горячий спор между русским и английским послами: кто из них является старейшиной дипломатического корпуса и должен поэтому зачитать традиционный адрес. Дафф Купер взял верх. Но этот торжественный визит и это соперничество были знаком нашего восхождения.

И все же намерения союзных руководителей в отношении Франции держали дипломатов в состоянии хронической напряженности. Рузвельт упорно отрицал право нашего Комитета быть в период освобождения французской государственной властью. Англия позволяло своим дипломатам говорить, что она считает такую позицию Америки чересчур строгой, но тем не менее мирилась с ней. Если бы тут дело шло о терминологии, это нас несколько не волновало бы. Но за этим отказом признать нас французской национальной властью в действительности скрывалось упорное желание президента Соединенных Штатов установить во Франции свой арбитраж. Я чувствовал, что практически могу сделать совершенно бесплодными его попытки посягнуть на нашу независимость. В подходящем случае Рузвельт мог бы в этом убедиться. Однако проволочки, вызванные его упрямством, мешали военному командованию заранее знать, с кем ему надо иметь дело в своих отношениях с французами. А кроме того, до последней минуты между нами и нашими союзниками происходили обострения и всякие неприятности, которых вполне можно было бы избежать.

Ведь Комитет освобождения еще в сентябре 1943 направил в Вашингтон и в Лондон меморандум, точно определяющий те условия, в каких должно было происходить во время битвы за Францию сотрудничество французских властей с вооруженными силами союзников. Там было указано, что в зоне боев военное командование должно обращаться к местным властям и те обязаны предоставлять в его распоряжение средства сообщения, радио, все виды связи и обслуживания. В тылу французское правительство примет все меры для выполнения требований генерала Эй-

зенхауэра. Для обеспечения контакта с вооруженными силами предусматривалось, что вместе с каждой воинской частью будут идти французские офицеры административной связи; что в помощь Эйзенхауэру нами будет прикомандирован генерал, имеющий определенные полномочия и необходимый персонал; что до прибытия правительства на территорию метрополии туда будет отправлен один из членов правительства для принятия необходимых мер. И фактически корпус административной связи уже был сформирован в сентябре 1943, поставлен под команду Эттье де Буаламбера, укомплектован, обучен и переправлен в Англию. В марте 1944 я назначил генерала Кенита и генерала Коше помощниками главнокомандующего союзными войсками: одного — на северном театре военных действий, а другого — на Средиземном море. В тот же день Андре Ле Трокер был назначен национальным комиссаром на освобожденной территории. Намеченные нами меры встретили одобрение союзных штабов. Для их осуществления недоставало только согласия Вашингтонского и Лондонского правительств. А они все не давали ответа на наш меморандум.

Президент из месяца в месяц держал этот документ на своем столе. А тем временем в Соединенных Штатах готовилось некое «союзное военное правительство» (АМГ), которому надлежало взять в свои руки управление Францией. В эту организацию нахлынули всякого рода теоретики, техники, деловые люди, пропагандисты — вчерашние французы, превратившиеся по своему новому подданству в американцев. Ни заявления, которые Моннэ и Оппено считали своим долгом делать в Вашингтоне, ни замечания, которые английское правительство направляло в Соединенные Штаты, ни настойчивые просьбы Эйзенхауэра, с которыми он обращался в Белый дом, не вызывали никакого движения воды. Но так как необходимо было прийти к какому-нибудь заключению, Рузвельт решился наконец дать Эйзенхауэру указания, в силу которых высшая власть во Франции должна принадлежать главнокомандующему. На основании своих прав ему надлежало по собственному усмотрению выбрать французскую власть, а ей — сотрудничать с ним. Вскоре мы узнали, что Эйзенхауэр умолял президента не возлагать на него этой политической ответственности и что англичане не одобряли такой произвольной системы. Но Рузвельт, подправив в мелочах свою инструкцию, оставил в силе ее суть.

По правде сказать, намерения президента напоминали мне грезы Алисы в стране чудес. В Северной Африке, в обстановке ку-

да более благоприятной для намерений Рузвельта, он уже попробовал было провести ту политику, которую задумал осуществить во Франции. Из его попытки ничего не вышло. Мое правительство пользовалось на Корсике, в Алжире, Марокко, Тунисе, Черной Африке независимой властью; люди, на которых Вашингтон рассчитывал, надеясь воспрепятствовать этому, сошли со сцены. Никто уже больше и не вспоминал о соглашении Дарлана — Кларка. Национальный комитет признал его недействительным, а я во всеуслышание заявил с трибуны Консультативной ассамблеи, что в глазах Франции его и не существовало. Однако провал политики Рузвельта в Африке все же не рассеял его иллюзий, о чем я сожалел как с точки зрения его интересов, так и с точки зрения наших отношения. Но я был уверен, что о применении его проекта в метрополии нечего и думать. Союзники не нашли бы во Франции иных министров и иных чиновников, кроме тех, которых я назначил. Не нашли бы они и иных французских войск, кроме тех, которые свои главой признают меня. Без всякого сомнения, я мог бы сказать генералу Эйзенхауэру: действительную силу будет иметь ваша договоренность только с теми людьми, которых я укажу.

Впрочем, Эйзенхауэр и сам так думал. Он заявил об это 30 декабря, когда пришел ко мне перед своей поездкой в Вашингтон, откуда он должен был вылететь в Лондон для приготовлений к высадке союзных войск во Францию. «Меня неблагоприятно настроили в отношении вас, — сказал он. — Теперь я признаю свое мнение ошибочным. В предстоящей битве я буду нуждаться не только в помощи ваших вооруженных сил, но также и в содействии ваших должностных лиц и в моральной поддержке со стороны населения Франции. Словом, мне нужна ваша помощь. Я пришел просить вас об этом». — «В добрый час, — ответил я. — Вы настоящий человек! Ведь вы способны сказать: я был неправ».

Мы заговорили о той неопределенности, в какой все еще пребывал вопрос о необходимом сотрудничестве во Франции между нашими властями и военным командованием. Эйзенхауэр не скрыл от меня, что это его очень беспокоит.

«Но помимо принципов, — сказал он, — есть еще реальные факты. Могу вас заверить, что, какую бы позицию мне ни навязали для внешнего декорума, в действительности я буду признавать во Франции французской властью только вас...» Тогда я указал, что, вероятно, нам представится случай проявить свое единство при решении вопроса, как должен быть освобожден Париж.

«Именно французские войска должны отвоевать столицу Франции, — заметил я. — И для этого нужно только вовремя перебросить в Англию одну французскую дивизию, о чем мы, французы, и просили вас». Эйзенхауэр согласился.

С приближением срока высадки (май — июнь), намеченного штабами, англичане проявили желание вывести политическую проблему из тупика, в котором она оказалась. Черчилль решил взять на себя роль маклера, намеревающегося согласовать претензии Рузвельта и протесты генерала де Голля. Но так как у американцев был подавляющий перевес в силе и в средствах рекламы, усилия премьер-министра вскоре свелись к тому, чтобы заставить меня удовлетворить требования Рузвельта.

В начале января ко мне явился Дафф Купер и сказал: «Вы знаете, что Черчилль заболел, возвращаясь из Тегерана. Его перевезли в Марракеш. Он очень хотел бы увидеться с вами, но по состоянию здоровья не может никуда двинуться. Не согласитесь ли вы навестить его?» Было бы естественно, если бы английский премьер-министр, находясь на французской территории, нанес визит главе французского правительства. Однако из уважения к особе Черчилля и считаясь с обстоятельствами, я отправился к нему и 12 января был у него на завтраке. Он уже почти выздоровел. Мы с ним долго беседовали — в первый раз за полгода. При разговоре присутствовали Дафф Купер, лорд Бивербрук¹ и Гастон Палевский.

Премьер-министр говорил оживленно и горячо, усердно расписывая выгоды, какие мне даст мое согласие с намерением президента. В общем все сводилось к тому, что я должен признать первенство Рузвельта во французских делах — под тем предлогом, что он публично занял определенную позицию, а потому не может от нее отказаться, да, кроме того, взял на себя определенные обязательства в отношении некоторых французских сановников, скомпрометированных сотрудничеством с Виши, и должен эти обязательства выполнить. Перейдя к конкретным фактам, Черчилль посоветовал мне уже сейчас приостановить подготовку процесса над Фланденом, Пейрутоном и Буассоном. «Я ознако-

---

¹ *Бивербрук Уильям Максвелл Эйткен* (1879–1964), лорд, английский политический деятель, крупный предприниматель, создал крупный газетный концерн, член Консервативной партии; в 1918 и 1940–1945 член правительства; возглавлял английскую делегацию на Московском совещании 29 сентября — 1 октября 1941. — *Прим. ред.*

мился с материалами по делу Фландена, — сказал мне Черчилль. — Против него нет ничего серьезного. А раз он находится в Северной Африке, это доказывает, что он порвал с Виши. Что касается Пейрутона, он приехал в Алжир, чтобы занять пост губернатора по приглашению президента Соединенных Штатов. Буассону президент когда-то гарантировал, что он сохранит свое место, а я велел передать ему: «Сражайтесь хорошенько, а об остальном не заботьтесь!» Черчилль назвал прискорбным то обстоятельство, что генералам Жиро и Жоржу пришлось выйти из состава французского правительства. «Ведь первого, — сказал он, — выбрал сам Рузвельт. А второго пригласил сюда я.» Послушать Черчилля, так сразу стало бы ясно (если кто раньше этого не знал), что президент Соединенных Штатов и английский премьер-министр считают Францию своей вотчиной, где они могут распоряжаться как им угодно, а генералом де Голлем они недовольны главным образом из-за того, что он не хочет с этим мириться. Я весьма любезно ответил Черчиллю, что интерес к нашим внутренним делам, который проявляют Черчилль и Рузвельт, является в моих глазах доказательством начавшегося возрождения Франции. И поэтому, не желая их разочаровывать, я не хочу допустить революционных волнений в моей стране, а волнения произойдут неизбежно, если не будет совершенно правосудие. Я не желал зла ни Фландену, ни Пейрутону. Что касается Фландена, я не отрицал его ценных качеств и благих намерений. Не забывал я также, что Пейрутон оказал услугу объединению наших сил, предоставив свою радиостанцию в мое распоряжение, когда я прибыл в Алжир. Но я считаю, что ради интересов нации они оба должны ответить в Верховном суде за свои действия в качестве министров Виши. Назначение Буассона генерал-губернатором зависело только от его начальства. Входят или не входят в состав моего правительства генералы Жиро и Жорж — это уж мое дело. Я буду и впредь следовать по тому пути, которым шел до сих пор, — по пути независимости, так как убежден, что это лучше всего не только для государства и для нации, за которые я несу ответственность, но также и для наших союзников, с которыми я связан.

Для того чтобы разрядить атмосферу, я пригласил Черчилля произвести на другой день вместе со мной смотр гарнизону. Он охотно согласился. Церемония смотра состоялась и вызвала восторг населения Марракеша. Для толпы любопытных, собравшихся тут, да и для любых зрителей в любом другом месте, для всех людей, которые видели бы перед собою эту картину, не ведая ни-

чего о ее изнанке, раз Черчилль и де Голль появились вместе и стоят бок о бок, это значит, что вскоре союзные армии двинутся вместе добиваться победы — а это самое главное. Я сказал это премьер-министру, и мы с ним пришли к выводу, что, в конце концов, толпа зрителей была тут совершенно права.

Но для того, чтобы воздействовать на меня, англичане иной раз прибегали к приемам совсем иного рода. Зимой некоторые английские инстанции, в явном согласии с соответствующими американскими службами, состряпали грязное дело, имеющее целью очернить меня. Началось оно с шумной кампании в печати, которую повели в Соединенных Штатах, стараясь уверить публику, что бывшая организация Сражающаяся Франция и ее глава старались установить во Франции свою диктатуру и уже позволили себе действия, достойные тоталитарной власти. Газеты опубликовали выдуманный от начала до конца текст какой-то дикой присяги, которую якобы принимали добровольцы, вступая в ряды вооруженных сил «Свободной Франции». На наши службы, в особенности на БСРА, посыпались обвинения: утверждали, что мы внедряем правила нашей суровой дисциплины путем жестокого обращения и даже пыток. После такой подготовки вдруг возникло «дело Дюфура». Под именем Дюфура некий агент Интеллидженс Сервис, втайне от нас завербованный во Франции, был в 1942 вывезен англичанами в Великобританию и, явившись в организацию Сражающаяся Франция, заявил о своем желании поступить добровольцем в ее войска. Он выдавал себя за лейтенанта и кавалера ордена Почетного легиона. Вскоре его начальники заметили, что он не является ни тем, ни другим, а просто служит в английской разведке. За незаконное присвоение воинского чина и звания Дюфур был приговорен к тюремному заключению и подписал новое обязательство, уже в качестве рядового, каким он и был в действительности. Но, отбывая наказание в кемберлийском лагере, он в один прекрасный день убежал оттуда при содействии Интеллидженс Сервис и присоединился к своим нанимателям. С точки зрения французов он был дезертир и злоумышленник, используемый иностранной разведкой, которая ему покровительствует. Так как арестовать его на английской территории для нас не представлялось возможным, французское командование в Англии больше года и не думало о нем, как вдруг в сентябре 1943 Пьера Вьено вызвали в Форин офис и сделали ему следующее удивительное сообщение:

«Дюфур подал в английский суд жалобу на жестокое обращение, в котором он обвиняет некоторых французских офицеров и

самого генерала де Голля. В силу принципа полной независимости судебной власти правительство Великобритании не может помешать законному ходу судебного процесса. К тому же генерал де Голль не пользуется в нашей стране правом дипломатической неприкосновенности. Быть может, он захочет приостановить дело путем полюбовного соглашения с Дюфуром? В противном случае он будет привлечен к суду. Мы считаем своим долгом рекомендовать генералу де Голлю обратить серьезное внимание на это дело. Ведь возможный обвинительный приговор будет для прессы, особенно в Соединенных Штатах, предлогом для крайне неприятной кампании по поводу методов и приемов воздействия на подчиненных в войсках Сражающейся Франции». И действительно, в этот самый момент в некоторых американских газетах, сделавших своей специальностью нападки на нас, уже появились злопыхательские намеки.

Я мог безошибочно сказать, откуда идут и чем вызваны эти выпады довольно низкого пошиба. Несомненно, Дюфур, английский агент и французский дезертир, затеял в английских судах процесс против меня лишь по наущению своих хозяев. Что же касается лондонского правительства, то если оно пренебрегает соглашениями со «Свободной Францией», в силу которых французские солдаты, находящиеся в Великобритании, подлежат суду только французских военных трибуналов, если лондонское правительство не признает за де Голлем права дипломатической неприкосновенности, которым пользуется в Англии самый последний из всех секретарей пятидесяти иностранных посольств, если оно пытается запугать де Голля перспективой скандала и клеветы, то все эти махинации имеют политическую подоплеку и придуманы с целью вывести руководителей англосаксов из положения, которое стало уже для них невыносимым. Общественное мнение настойчиво требовало, чтобы они поскорее заняли в отношении де Голля, в отношении его правительства и в отношении Франции позицию, достойную союза с ними, а Белый дом и Даунинг-стрит льстили себя надеждой, что смогут на это ответить: «Мы должны воздержаться до тех пор, пока не будет пролит свет на эту некрасивую историю».

Я решил не церемониться. Так как некоторые офицеры, находящиеся в Англии на службе, поддались запугиваниям Форин офис и доверили защиту этого дела английским юристам, я приказал, чтобы от защитников немедленно отказались. Я запретил своим подчиненным отвечать на какие-либо вопросы, повестки и

вызовы английских судебных органов. Я поручил Вьено уведомить Форин офис, что я вижу цель такой махинации, понимаю, что меня пытаются запачкать, для того чтобы оправдать политическую ошибку, допущенную союзниками; что я расцениваю эту тактику именно так, как она того заслуживает, то есть считаю ее подлостью, и что последствия этих «тайн нью-йоркского или вашингтонского двора» падут, конечно, не на меня, а на тех, кто их сочинил. С тех пор прошло четыре месяца. Лондон давал о себе знать только эпизодическими напоминаниями, на которые мы не отвечали.

Но в марте заговор опять пустили в ход. Надо сказать, что ордонанс о восстановлении во Франции государственной власти был принят 21 марта. Во всем мире газеты подхватили эту сенсацию и заявили — это была чистейшая правда, — что генерал де Голль и его Комитет считают себя правительством Франции и собираются утвердиться там, не спрашивая согласия союзников. Рузвельт, к которому рьяно приставали репортеры, сказал им с раздражением: «Никто, даже сам Французский национальный комитет освобождения, не может знать, что в действительности думает французский народ. Следовательно, для Соединенных Штатов вопрос остается нерешенным». Однако через неделю после того, как ордонанс был подписан, произошло финальное нападение на нас в деле Дюфура. 28 марта Дафф Купер, очевидно не решаясь говорить со мною лично по этому вопросу, который, однако, считался относящимся ко мне, попросил приема у Массигли. Он поручил Массигли передать мне, что английский суд больше не может ждать, правительство Великобритании вынуждено предоставить ему свободу действий и скоро начнется процесс.

Но оказалось, что мы можем дать на это сообщение достойный ответ. В начале 1943 сторонник «Свободной Франции» Стефан Манье, откомандированный в распоряжение английской службы радиовещания в Аккре для проведения французских передач и прекрасно работавший там, возвратился по нашему вызову в Англию. Вследствие какой-то ошибки или по признательному расчету Интеллидженс Сервис арестовала его, как только он прибыл, и для допроса заключила в помещение «Патриотической школы». Но там, в результате ли нервного потрясения или в сильнейшем бредовом припадке тропической малярии, несчастный покончил с собой. И вот, как нарочно, я вдруг получаю письмо от его сына, служившего на флоте в Северной Африке. Молодой моряк просил меня выяснить более чем подозрительные обстоятель-

ства смерти его отца. Он сообщал о своем намерении подать во французский суд жалобу на офицеров Интеллидженс Сервис, находящихся на французской территории, и против членов правительства Великобритании, включая и Уинстона Черчилля, как только они окажутся во Франции. Я поручил Массигли сообщить английскому посольству текст письма нашего истца и передать от меня лично, что «французское правительство не имеет никакой возможности помешать суду делать свое дело, и, к несчастью, можно опасаться, что во всем мире газеты поведут очень неприятную кампанию по поводу методов и приемов допроса в Интеллидженс Сервис, которые покрывает английское правительство». Не знаю почему, но английский суд прекратил дело, и лондонский кабинет, несмотря на принцип разделения властей, как-то ухитрился остановить начавшийся процесс. Впрочем, меня это не касается. С тех пор я уже никогда не слышал о «деле Дюфура».

Вслед за холодным душем последовал теплый душ. 14 и 17 апреля Дафф Купер явился ко мне, чтобы передать сообщение премьер-министра. Черчилль, по словам посла, был крайне огорчен дурным состоянием моих отношений с Рузвельтом. Но он был убежден, что, если я поговорю с президентом, как человек с человеком, отношения эти улучшатся. В частности, наверняка будет разрешен вопрос о признании Комитета освобождения. Черчилль заявлял, что он готов немедленно передать Рузвельту просьбу о моей поездке в Вашингтон и гарантирует мне благоприятный ответ. Я заявил Даффу Куперу, что это приглашение, так же как и прежние приглашения, мало меня привлекает. Если президент Соединенных Штатов действительно желает принять у себя главу французского правительства, ему ничего не стоит попросить де Голля приехать к нему. В этом случае я обязательно предприму поездку в Соединенные Штаты. Но зачем мне просить, хотя бы и через посредничество Черчилля, чтобы президент выразил согласие на мой визит? Как он истолкует мое ходатайство? Ведь Рузвельт открыто заявляет, что властью во Франции может облечь только он. Но мне нечего просить у него. Формальное признание больше не интересует французское правительство. Для него важно только, чтобы его признала французская нация. А это уже достигнуто. Союзники могли в свое время с пользой для дела помочь нам своим признанием. Она так не поступили. А теперь для нас это не имеет значения.

«Что же касается взаимоотношений между французскими властями и военным командованием, — сказал я послу, — вопрос этот

разрешится очень легко, если только командование ничего не станет тут узурпировать. В противном случае во Франции водворится хаос. А хаос этот будет губительным и для военных операций и для политики союзников». В заключение я сказал, что, конечно, когда-нибудь для меня окажется вполне возможной поездка в Вашингтон — но лишь тогда, когда сами события разрешат наш спор; когда на первом освобожденном клочке французской земли будет установлена власть моего правительства; когда американцы докажут, что во Франции они, кроме военных операций, ни во что больше вмешиваться не желают, и когда самым решительным образом будет принят принцип, что Франция едина и неделима. А пока что я могу лишь выразить пожелание, чтобы все это произошло как можно скорее, и надеяться, что тогда обстоятельства позволят мне со спокойной душой отправиться в Соединенные Штаты. Во всяком случае, я признателен Черчиллю за то, что он хлопочет о моей поездке, и заранее приношу ему благодарность за все, что он пожелал бы сделать в этом направлении.

Поскольку я постарался оставить без последствий авансы союзников, мне, по закону качания маятника, следовало ждать теперь неприятных мер воздействия. И в самом деле, 21 апреля мы получили уведомление, что передача шифрованных телеграмм, которыми мы обменивались с нашими дипломатическими и военными представительствами, впредь производиться не будет. Это якобы объяснялось необходимостью держать в глубочайшей тайне происходящую подготовку к высадке. Однако мы не могли не считать оскорблением такую одностороннюю предосторожность, принятую англичанами лишь в отношении французов, чьим вооруженным силам, так же как и английским войскам, вскоре предстояло сыграть важную роль в военных операциях и чья территория должна была стать ареной сражений. И тогда Комитет освобождения запретил своему послу Вьено и своему военному делегату Кенигу разрешать с союзниками какой бы то ни было вопрос до тех пор, пока англичане полагают, что им и без нас известно, какие приказы мы даем и какие донесения нам направляются. Такой абсентеизм очень затруднял работу Эйзенхауэра и его штаба, а напряженность дипломатических отношений усилилась. Разумеется, наши шифрованные сообщения продолжали прибывать по адресу благодаря французским офицерам и чиновникам, совершавшим рейсы между Лондоном и Алжиром.

Кризис дошел до высшей точки, а между тем срок высадки приближался — союзники не могли больше откладывать, они

должны были найти выход. Поэтому я не был удивлен, когда 23 мая Дафф Купер попросил, чтобы я немедленно принял его. С того дня, как мы «в теории» больше уже не могли общаться по коду с Лондоном, я, к великому своему сожалению, вынужден был отказаться от приема английского посла. На этот раз дверь моя была для него открыта, так как он хотел известить меня о «новой ориентации». Он сказал мне, что английское правительство приглашает меня в Лондон для урегулирования вопроса о признании нас и вопроса о нашем административном сотрудничестве во Франции. Посол заявил также, что для его правительства желательно, чтобы я находился в Англии в момент высадки.

Я ответил Даффу Куперу, что очень тронут таким вниманием. В самом деле, я очень хотел находиться в месте отправки десанта в тот момент, когда армии освобождения ринутся в бой, и рассчитывал, что как только будут освобождены первые земли в нашей метрополии, я вступлю на них. Итак, я решил отправиться в Лондон. Но, что касается политического соглашения, мне следовало быть крайне осторожным. Я повторил послу свой прежний ответ — сказал, что совсем не заинтересован в признании нас нашими союзниками. И, между прочим, сообщил, что Комитет освобождения мы тотчас же переименуем в правительство Французской республики, каково бы ни было мнение союзников на этот счет. Что касается условий нашего сотрудничества с военным командованием, то мы уже давно их определили в том меморандуме, на который нам не ответили. Теперь английское правительство, может быть, и расположено подписаться под нашими условиями. Но американское правительство к этому не склонно. Для чего же в таком случае французам и англичанам обсуждать мероприятия, которые, невозможно применить из-за несогласия Рузвельта? Мы, конечно, готовы повести переговоры о практических формах сотрудничества, но надо, чтобы в обсуждении участвовали не две, а три стороны. В заключении я предупредил Даффа Купера, что отправляюсь в Лондон лишь при том условии, что мне будет гарантирована возможность общаться шифром с моим правительством.

26 мая Комитет освобождения выразил свое согласие с той позицией, которую я изложил английскому послу. Было решено, что ни один из министров не будет сопровождать меня — надо было ясно показать, какова цель моей поездки: я вовсе не собираюсь вести переговоры, я хочу присутствовать при начале операций по высадке и, если возможно, посетить французское население в зоне боев. Затем Комитет единогласно утвердил ордонанс, в силу

которого он стал уже и формально «Временным правительством Французской республики». На следующий день я вновь принял Даффа Купера и подтвердил ему свой вчерашний ответ. Он дал мне надлежащее письменное заверение относительно пользования шифром.

Теперь Рузвельт счел за благо попробовать выправить положение, но, опасаясь, как бы эта эволюция не наделала шума, он выбрал довольно окольный путь, чтобы сообщить мне о ней. Он выбрал гонцом адмирала Фенара, возглавлявшего нашу военноморскую миссию в Соединенных Штатах и поддерживающего хорошие отношения лично с хозяином Белого Дома. Адмирал прибыл из Соединенных Штатов 27 мая. Явившись ко мне, он сообщил следующее: «Президент настойчиво просил меня передать вам его приглашение приехать в Вашингтон. Учитывая позицию, которую он до сих пор занимал в этом вопросе, он не может сейчас без ущерба для своего престижа действовать официальным путем, а поэтому прибегает к полуофициальному приглашению. Если вы, тоже неофициально, примете приглашение, обычные посольские инстанции все уладят для вашей поездки и сделают так, что не надо будет опубликовывать, по чьей инициативе — вашей или Рузвельта — она состоялась». Сколь ни была странной процедура, к которой прибег президент, я не мог пренебречь его желанием встретиться со мною, выраженным так определенно, и не учесть того значения, которое, несомненно, могло иметь наше свидание. Итак, я признал, что вскоре мне необходимо будет поехать в Вашингтон. Но излишества чувств и мыслей тут были бы неуместны. Я поручил адмиралу Фенару ответить так, чтобы оттянуть время, сообщить, что приглашение передано и было встречено с благодарностью, но указать, что сейчас невозможно строить твердых планов, поскольку я вылетаю в Лондон, а в заключение сказать, что разговор о поездке следует возобновить позднее.

Демарш президента окончательно просветил меня. Мне стало ясно, что моя долгая борьба с союзниками за независимость Франции приходит к желанной для нас развязке. Разумеется, еще придется преодолеть какое-нибудь последнее препятствие. Но исход борьбы уже не вызывает сомнений. 2 июня приходит послание Черчилля: он срочно вызывает меня в Англию. Любезно предоставляет в мое распоряжение свой личный самолет. На следующий день я выезжаю. Со мною отправились Палевский, Бетуар, Бийотт, Жоффруа, де Курсель, Тейсо. Посадка в Касабланке,

вторая — в Гибралтаре, 4 июня утром мы — в Англии, около Лондона. И сразу же нас захватил поток событий.

Тотчас по прибытии мне передали письмо Черчилля — он приглашал меня приехать к нему в поезд (оригинальная идея), в котором он в ожидании дня и числа расположился где-то около Портсмута. Мы с Пьером Вьено отправились туда. Премьер-министр принял нас. При нем находились министры, в частности Иден и Бевин¹, генералы и среди них Исмей². Был там также маршал Смэте, видимо чувствовавший себя довольно неловко. В самом деле, за несколько месяцев до того он сказал, что, поскольку Франция уж больше не является великой державой, ей ничего не остается, как войти в состав Британского Содружества Наций. Англосаксонская пресса широко разгласила его слова. Всех пригласили к завтраку, и, как только сели за стол, Черчилль бросился в бой.

Прежде всего он поразительно ярко описал широкую операцию, которая вскоре развернется, начиная от берегов Англии, и с удовлетворением констатировал, что начальная ее стадия будет осуществлена по преимуществу английскими средствами. «В частности, — сказал он, — английский флот должен будет сыграть важнейшую роль в переброске войск и защите транспортных судов». Я совершенно искренне выразил премьер-министру свое восхищение такими достижениями. После многих и многих испытаний, которые Англия переносила с необыкновенным мужеством, тем самым спасая Европу, она стала ныне базой наступления на континент и бросает в бой такие большие силы — вот

---

¹ *Бевин Эрнест* (1881—1951), английский политический деятель, один из правых лидеров Лейбористской партии и тред-юнионов, в 1910—1921 руководитель профсоюза докеров, в 1922—1940 генеральный секретарь объединенного профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих, с 1937 председатель Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов, в 1940—1945 министр труда в правительстве Черчилля, в 1945—1951 министр иностранных дел в правительстве Эттли; поддерживал внешнеполитический курс Черчилля, содействовал реализации плана, заключению Брюссельского пакта (1948) и Северо-Атлантического альянса (1949). — *Прим. ред.*

² *Исмей Хейстингс Лайонел* (1887—1965), барон, британский генерал, служил в колониальных войсках, в 1931—1933 военный секретарь вице-короля Индии, в 1933—1936 в Генеральном штабе, в 1938—1940 секретарь Комитета обороны Британской империи, в 1940—1946 начальник штаба при министре обороны, ближайший советник Черчилля по военным вопросам, в особенности во время Второй мировой войны, в 1947 назначен начальником штаба вице-короля Индии, в 1951—1952 государственный секретарь по делам Британского Содружества, в 1952—1957 генеральный секретарь НАТО. — *Прим. ред.*

неопровержимое доказательство правильности мужественной политики, олицетворением которой был Черчилль начиная с самых мрачных для Англии дней. И хотя предстоящие вскоре события будут дорого стоить Франции, она, несмотря на это, гордится, что стоит в боевых рядах и бок о бок с союзниками будет сражаться за освобождение Европы.

В этот исторический момент повеяло духом уважения и дружбы, объединившим всех собравшихся там французов и англичан. А затем мы перешли к делам. «Выработаем соглашение о нашем с вами сотрудничестве во Франции, — сказал мне Черчилль. — А затем вы повезете его в Америку и дадите на рассмотрение президенту. Возможно, что он согласится с ним, и тогда можно будет его применять. Во всяком случае, вы побеседуете с Рузвельтом. Он смягчится и в той или иной форме признает вашу администрацию». Я ответил: «Почему вам кажется, что я обязан просить Рузвельта утвердить мою кандидатуру, чтобы получить власть во Франции? Французское правительство существует. Мне в этом отношении нечего просить ни у Соединенных Штатов, ни у Англии. Это дело решенное, и для всех союзников весьма важно установить систему отношений между французской администрацией и военным командованием. Девять месяцев тому назад мы предложили определенную систему. Поскольку скоро произойдет высадка союзных армий, я понимаю, что вы спешите урегулировать этот вопрос. Мы и сами этого хотим. Но для этого урегулирования необходим представитель Америки. Где же он? Его нет. А без него, сами понимаете, мы ничего в данный момент не можем решить. Впрочем, нужно отметить, что вашингтонское и лондонское правительства, как видно, склонны обойтись и без соглашения с нами. Я, например, только что узнал, что вопреки моим предупреждениям союзные войска и службы, приготовившиеся к высадке, везут с собою якобы французские деньги, изготовленные за границей, — деньги, которые правительство Французской республики ни в коем случае признать не может; а между тем по приказу союзного командования эти деньги должны иметь принудительное хождение на французской территории. Я уже жду, что завтра генерал Эйзенхауэр, по указанию президента Соединенных Штатов и в согласии с вами, объявит, что он берет Францию под свою власть. Как же вы хотите, чтобы мы на такой основе вели с вами переговоры?»

«А вы? — воскликнул Черчилль. — Вы, кажется, хотите, чтобы мы, англичане, заняли позицию, отличную от позиции Соеди-

ненных Штатов?» Затем с горячей страстностью, предназначенной, несомненно, более для слушателей, чем для меня, Черчилль продолжал: «Скоро мы освободим Европу, но мы сможем это сделать лишь потому, что рядом с нами сражаются американцы. Запомните же: всякий раз, как нам надо будет выбирать между Европой и морскими просторами, мы всегда выберем морские просторы. Всякий раз, как мне придется выбирать между вами и Рузвельтом, я всегда выберу Рузвельта». Иден покачал головой — по-видимому, этот выпад не очень его убедил. А лейборист Бевин, министр труда, подошел ко мне и сказал довольно громко, чтобы все его слышали: «Премьер-министр заявил вам, что во всех случаях он всегда будет брать сторону президента Соединенных Штатов. Знайте, что он говорил от своего имени, но отнюдь не от имени английского кабинета».

Затем мы с Черчиллем поехали в ставку генерала Эйзенхауэра. Она находилась поблизости, в густом лесу. В бараке, где стены увешаны картами, главнокомандующий с большой ясностью и самообладанием изложил нам план высадки и сообщил о подготовке к ней. Корабли в состоянии выйти из портов в любую минуту. Самолеты могут подняться в воздух по первому сигналу. Войска уже несколько дней погружены на суда. Огромная машина — отплытие, переправа, высадка первого эшелона, то есть восьми дивизий и военных материалов, — налажена; все продумано до мельчайших деталей. Поддержка операции военными кораблями, авиацией, парашютный десант — ничто не оставлено на волю случая. Я убедился, что в подготовке этого рискованного и очень сложного дела в полной мере проявилась способность англичан к тому, что они называют *planning*¹. Однако главнокомандующий еще должен был назначить день и час, и тут он испытывал сильное беспокойство. В самом деле, все рассчитано так, чтобы высадка произошла между третьим и седьмым июня. После этой даты условия прилива и фазы луны изменятся, и операцию пришлось бы отсрочить приблизительно на месяц. Однако погода стоит очень плохая. Для шаланд, понтонов, шлюпок при таком волнении плыть по морю и подходить к берегу — дело опасное. А ведь надо не позднее завтрашнего дня дать приказ о начале или отсрочке операции. Эйзенхауэр спросил меня: «Что вы об этом думаете?» Я ответил главнокомандующему, что решать тут может только он один, ибо ответственность лежит на нем, что мое мне-

---

¹ Планирование (англ.) — *Прим. ред.*

ние его ни к чему не обязывает и я заранее безоговорочно одобряю все, что он решит. «Скажу вам только, — добавил я, — что на вашем месте я не стал бы откладывать. Падение атмосферного давления грозит меньшими неприятностями, чем отсрочка высадки на несколько недель: усилится моральное напряжение участников операции — может нарушиться тайна».

Когда я уже собрался уходить, Эйзенхауэр в явном смущении протянул мне какой-то документ, отпечатанный на машинке: «Вот, — сказал он, — прокламация, которую я собираюсь выпустить, — воззвание к народам Европы и, в частности, к французскому народу». Я пробежал текст прокламации и заявил Эйзенхауэру, что она меня не удовлетворяет. «Это только проект, — заверил меня главнокомандующий, — я готов изменить его согласно вашим замечаниям». Было условлено, что завтра я сообщу ему конкретно, какие изменения я считаю тут необходимыми. Черчилль отвез меня в свой поезд, где я должен был встретиться со своими. Я не скрывал от него своего беспокойства. Хотя перед нами открылась светлая перспектива битвы, на нее уже легла черная тень коварной политики.

В самом деле, прокламация, составленная для Эйзенхауэра в Вашингтоне, была неприемлема. В ней главнокомандующий сначала обращался к народам Норвегии, Голландии, Бельгии и Люксембурга и говорил как солдат, на которого возложена определенная военная задача и который не имеет никакого отношения к политической судьбе народов. Затем он обращался к французской нации и говорил уже совсем другим тоном. Он предлагал ей «выполнять все его приказы». Он уже решил, что «все должны остаться на местах и выполнять свои обязанности — впредь до особого распоряжения» и что, как только Франция будет освобождена, «французы сами выберут своих представителей и свое правительство». Короче говоря, он делал вид, будто на нем лежит ответственность за нашу страну, между тем как для нее он был всего лишь генералом союзной армии, умелым войсковым командиром, не имеющим, однако, никакого права управлять ею, да к тому же он оказался бы в крайне затруднительном положении, если бы ему действительно пришлось это делать. В его листовке ни слова не было сказано о той французской власти, которая вот уже несколько лет вдохновляла наш народ и руководила его военными усилиями. Она оказала Эйзенхауэру честь, отдав под его командование значительную часть французской армии. Утром 5 июня я на всякий случай послал в главную ставку текст

воззвания в приемлемой для нас редакции. Как я и ожидал, мне ответили, что уже поздно — прокламация уже отпечатана (ее отпечатали неделю назад) и ее вот-вот начнут разбрасывать с самолетов над территорией Франции. В самом деле, в следующую ночь должна была начаться высадка.

В Лондоне, как и прежде, я разместил свое бюро в Карлтон-гарденс, а сам жил в отеле «Коннот». С большим удовольствием я встретился с Чарльзом Пиком, которого Форин офис прикомандировал к нам для связи. Этот дипломат, ставший моим другом, пришел ко мне 5 июня сообщить программу радиопередачи, которая должна была состояться на следующий день утром. Сначала, согласно расписанию, выступят с обращением к своим народам главы государств Западной Европы: норвежский король, голландская королева, великая герцогиня Люксембургская, премьер-министр Бельгии. Затем зачитает свою прокламацию Эйзенхауэр. Под конец выступлю я с воззванием к Франции. Я сказал Чарльзу Пику, что этот спектакль состоится без моего участия. Если я выступаю с речью после главнокомандующего, может показаться, что я одобряю его прокламацию, между тем как я с ней в корне не согласен; к тому же я займу тут место, совсем для меня не подходящее. Если я выступлю по радио, то только отдельно, в другой час, а не в хвосте вереницы ораторов.

В два часа ночи ко мне явился Вьено. Он только что вернулся от Черчилля, который вызывал его для того, чтобы накричать на него, изливая свой гнев против меня. Вслед за Вьено пришел Пик. Я ему заявил, что ораторский конвейер, который пустят в ход нынче утром, обойдется и без меня. Зато я хочу иметь возможность выступить по Би-Би-Си вечером.

После некоторых тайных столкновений, происшедших за кулисами, лондонское радио действительно предоставили в мое распоряжение на тех условиях, которые я поставил. Я выступил отдельно, в шесть часов вечера, и с глубоким волнением сказал французам: «Началась решительная битва... Битва во Франции, конечно, будет битвой за Францию!.. Для сынов Франции, где бы они ни были и кто бы они ни были, простой и священный долг — разить врага всеми средствами, какими они располагают. Выполняйте в точности приказы французского правительства и руководителей, коих оно уполномочило давать распоряжения. Из-за туч, набухших нашей кровью и слезами, уже проглянуло солнце нашего величия!»

Несколько дней я провел в Англии. Вести о боях приходили хорошие. Высадка удалась. Вокруг Байё было теперь предместное

укрепление. Как и предусматривалось, у побережья оборудованы искусственные порты. В операции принимают участие французские вооруженные силы — корабли, эскадрильи самолетов, особые отряды, парашютисты, — и в отношении их всех поступают превосходные донесения от Аржанлье, Валлена, Лежантийома. Леклерк и его дивизия ждут в полном порядке, хоть и с нетерпением, момента, когда им можно будет высадиться в Нормандии. У наших служб, особенно у интендантской, которой с далеких теперь дней «Свободной Франции» руководит интендант Менги, работы по горло; интендантство занято снабжением наших войск — в Англии еще никогда не бывало столь многочисленных французских контингентов; подготавливается также всякая помощь освобожденным территориям. И, наконец, Кениг докладывает мне о действиях наших внутренних сил, которые по его указанию или по собственному почину во многих районах вступили в бой с врагом. Они не дают покоя нескольким крупным немецким частям позади фронта. Кроме того, повсюду проводятся предусмотренные нашими планами разрушения. Правда, немцы впервые использовали против Лондона свои ФАУ-1. Но как ни тяжелы эти бомбардировки, они уже не могут изменить ход сражения.

Однако, если стратегически горизонт кажется светлым, небо дипломатии лишь медленно очищается от туч. Иден пытается их разогнать. Он взял на себя лично — вероятно, по согласованию с английским кабинетом — переговоры о сотрудничестве во Франции, которые до сих пор вел Черчилль. 8 июня Иден в обществе Даффа Купера и Пьера Вьено пришел ко мне пообедать и побеседовать, он настаивал на том, чтобы французское правительство отказалось от своего решения, послало бы Массигли в Лондон и подписало франко-английское соглашение. «Если мы с вами договоримся, — сказал мне Иден, — американцы не смогут оставаться на какой-нибудь сепаратной позиции. Когда вы поедете в Вашингтон, я тоже туда поеду, и Рузвельту придется подписаться под тем, что мы с вами примем». Иден подкрепил свое предложение письмом, адресовав его Вьено. Но мы, французы, держались стойко. Я еще и еще раз ответил англичанам, что в Лондон я прибыл не для того, чтобы вести переговоры. Алжирское правительство, мнение которого я запросил, со мною согласно. Итак, Массигли остается на месте. Вьено отвечает Идену, что, если английский кабинет желает вступить в переговоры по поводу нашего меморандума 1943, он, Вьено, в качестве посла может получать и передавать необходимые сообщения.

В то же время мы не упускали случая подчеркнуть нелепость такого положения, в котором окажутся союзные армии, не имея организованной связи с французской властью и французскими должностными лицами, и мы во всеуслышание заявляли, что не признаем отпечатанных за границей денег, которые союзники собираются распространять во Франции. 10 июня я дал одному информационному агентству короткое интервью, в котором уточнил свой взгляд на положение вещей. Кроме того, я решил, что наши офицеры административной связи, за исключением нескольких информаторов, не будут сопровождать американские и английские штабы, ибо мы не намерены содействовать узурпации. Разумеется, что во враждебно настроенной части американской прессы поднялся вой. Но другая ее часть и большинство английских газет порицали упрямство Рузвельта. В этот момент единодушно и энергично выступили те люди, которые и в печати и по радио всегда поддерживали нас силою своего таланта. В Соединенных Штатах встали на нашу защиту Уолтер Липпман, Эдгар Маурер, Дороти Томпсон, Джеф Парсонс, Эрик Хаукинс, Элен Киркпатрик, Мак Уэйн, Чарльз Коллингвуд, Соня Тамара и другие; в Англии — Гарольд Никольсон, Гарольд Кинг, Бурден, Гларнер, Дерси Силли и многие другие. Все они заявили, что шутки пора бросить.

Такого же мнения держались и правительства, нашедшие убежище в Англии. Освобождение казалось уже недалеким, и они отбрасывали теперь психологию изгнанников. Всех тревожила бесцеремонность, с которой великие державы стремились хозяйничать в их странах и решать судьбу Европы в отсутствие заинтересованных правительств. Мне случалось беседовать с норвежским королем, с голландской королевой, с великой герцогиней Люксембургской и их министрами, обедать с Пьерло, Спааком, Гуттом и их коллегами из бельгийского правительства, обмениваться визитами с президентами Бенешем и Рачкевичем, и я видел, что все они довольны отказом Франции подчиниться намерениям англосаксов присвоить себе чужие права. Между 8 и 20 июня Чехословакия, Польша, Бельгия, Люксембург, Югославия и Норвегия официально признали Временное правительство Французской республики вопреки настойчивым демаршам Америки и Англии, добивавшихся, чтобы они воздержались от признания. Только Голландия заняла выжидательную позицию, полагая, что уступив в этом вопросе желаниям Вашингтона, она получит от него более щедрую компенсацию в Индонезии.

Почти полное единодушие, проявленное в отношении нас европейскими государствами, несомненно, произвело впечатление

на Америку и на Англию. Но окончательно рассеяли мрак сомнений настроения французов, проявившиеся на маленьком клочке французской земли, только что освобожденной в боях.

В самом деле, 13 июня я отправился туда, желая посетить предмостное укрепление. Я уже несколько дней был готов к выезду. Но союзники не спешили предоставить мне такую возможность. Еще накануне, когда я был на обеде в Форин офис в окружении английских министров и когда меня поздравили с тем, что я скоро вступлю на землю своей родины, Идену было вручено за столом письмо Черчилля, в котором он снова возражал против моей поездки. Но посоветовавшись со своими коллегами, сидевшими вокруг него, и, в частности, с Клементом Эттли, Иден сообщил мне, что весь кабинет решил подтвердить распоряжения, сделанные английской стороной. Итак, славный контрминоносец «Комбатант», которым командует капитан 3-го ранга Пату, уже успевший отличиться при операциях высадки, подходит, как было предусмотрено, к Портсмуту и принимает меня на борт. Я беру с собою Вьево, д'Аржанлье, Бетуара, Палевского, Бийотта, Куле, Шевинье, Курселя, Буаламбера, Тейсо. Утром 14 июня мы бросаем якоря как можно ближе к французскому берегу и наконец вступаем на сушу — на границе между коммунами Курсэль и Сент-Мер-Эглиз, пройдя среди солдат канадского полка, который высаживался в этот момент.

Командующий союзными вооруженными силами в предмостном укреплении генерал Монтгомери был предупрежден за час о нашей высадке и любезно предоставил в наше распоряжение автомобили и проводников. Тотчас явился со своим отрядом майор Шандон, французский офицер связи. Немедленно посылаю в Байё двух лиц — Франсуа Куле, которого я тут же назначил комиссаром республики на освобожденной нормандской территории, и полковника де Шевинье, возложив на него руководство этим районом военного округа. Затем я отправился в главную квартиру. Монтгомери принял меня в фургоне, где он работает под портретом Роммеля, которого победил в Эль-Аламейне, но к которому питает большое уважение. У Монтгомери, крупного английского деятеля, осторожность и строгость сочетаются с пламенной энергией и чувством юмора. Его операции идут своим чередом — согласно плану. В южном направлении уже достигли первого объекта. Теперь надо, чтобы на западе американцы овладели Шербуром, а на востоке взяли Кан; для этого требуется, сказал мне генерал Монтгомери, ввести в действие новые воинские час-

ти и бросить сюда больше боевой техники. Слушая его, я убеждался, что под его командованием наступление поведут основательно, но не спеша и без особой отваги. Выразив генералу свое доверие, я откланялся, не желая мешать ему, и направился в Байё.

Куле уже приступил там к исполнению своих обязанностей. Ведь Бурдо де Фонтеней, комиссар республики в Нормандии, не мог выбраться из Руана и выйти из подполья. Когда-то он еще сможет появиться здесь, а я считал необходимым во всяком населенном пункте, из которого бежал неприятель, немедленно учредить местные власти, находящиеся в ведении моего правительства. При въезде в город мне встретился Куле которого сопровождали мэр города Додеман и члены муниципального совета.

Мы проходим пешком по улицам Байё. При виде генерала де Голля жителей словно охватывает оцепенение, а затем вдруг раздаются восторженные крики, многие плачут от радости. Люди выбегают из домов, идут вслед за мною — это шествие движется в атмосфере необычайного волнения. Меня окружают дети. Женщины улыбаются и рыдают. Мужчины протягивают мне руки. И мы идем все вместе, потрясенные, исполненные чувства братской близости, гордясь и радуясь, что надежды нации поднимаются из черной глубины пропасти. В помещении супрефектуры, в том зале, где еще час назад висел портрет маршала Петена, супрефект Роша отдает себя в мое распоряжение — позднее вместо него был назначен Раймон Трибуле. Собираются все должностные лица, чтобы приветствовать меня. Первым я принимаю епископа Пико, в епархию которого входят Байё и Лизье. А на площади уже собрался народ. Я направляюсь туда, хочу обратиться с речью. Морис Шуман возвещает о моем выступлении традиционными словами: «Честь и родина! Говорит генерал де Голль». И тогда, впервые после четырех лет ужасных испытаний, собравшиеся на площади французы услышали главу французского правительства, который говорил, что враг есть враг, что долг французов — сражаться и что Франция тоже одержит победу. В сущности, разве это не было «национальной революцией»?

Затем я поехал в Изиньи, жестоко пострадавшее селение, где еще извлекали из-под обломков трупы погибших. Среди руин жители оказали мне почетный прием. Они собрались перед искалеченными бомбами памятником жертвам Первой войны. Я обратился к ним с речью. Мы были едины сердцем и над дымящимися развалинами возносили к небу нашу веру и нашу надежду. Последним я посетил рыбацкий поселок Гранкам, тоже сильно разрушенный. Дорогой я приветствовал шедшие на фронт или

возвращавшиеся оттуда союзные военные отряды, а также отряды наших внутренних сил. Некоторые из них оказали действенную помощь при высадке. К ночи мы пришли обратно в Курсэль, затем направились к берегу и возвратились на корабль. Лишь через несколько часов мы вышли в открытое море, так как немецкие самолеты и сторожевые миноносцы напали на наши суда, бросившие якорь неподалеку друг от друга, и они получили приказ стоять на месте. Утром 15 июня мы прибыли в Портсмут, и я расстался с «Комбатантом». Накануне, в тот момент, когда мы подходили к берегам Франции, я вручил капитану военный крест, которым наградил его славный корабль. Вскоре после этого контрминоносец «Комбатант» был потоплен врагом.

Доказательство получено: в метрополии, так же как и в империи, французский народ ясно показал, на кого он возлагает обязанность руководить им. 15 июня, во второй половине дня, ко мне в Карлтон-гарденс пришел Иден. Он уже знал все, что произошло в Байё, да и информационные агентства сообщили об этом. По мнению Идена, Рузвельт ждал только моей поездки в Вашингтон, чтобы пересмотреть свои позиции. Выразив сожаление, что французское правительство не согласилось действовать теми методами, каких Лондон советовал нам держаться, Иден предлагал теперь разработать совместно с Вьено проект соглашения, который он сам передаст в Вашингтон, причем рассчитывает, что этот проект будет одновременно подписан французами, англичанами и американцами. Такой путь я счет приемлемым и сказал об этом Идену. Затем я написал Черчиллю, желая пролить целительный бальзам на рану, которую он сам нанес. Черчилль тотчас ответил мне и сообщил, как он скорбит о том, что франко-английское сотрудничество невозможно сейчас установить на иной, лучшей основе, а между тем и во времена благоденствия Франции и в черную ее годину он доказал свою искреннюю дружбу к ней. Он полагает, что мое пребывание в Лондоне даст возможность достигнуть соглашения. «Теперь остается только надеяться, что это была еще не последняя возможность». Свое письмо премьер-министр закончил пожеланием, чтобы мои будущие личные встречи с президентом Рузвельтом позволили Франции установить с Соединенными Штатами «добрые отношения, которые составляют наше наследие». Черчилль заверял, что сам поможет нам в этом деле. 16 июня вечером я вылетел в Алжир и на следующий день прибыл туда.

Тотчас же мне во всех подробностях доложили о счастливых событиях, происшедших в Италии. В тот самый день, когда я от-

правился в Лондон, наступавшие союзные войска одержали крупную победу. В частности, наш экспедиционный корпус, прорвав под Карильяно укрепленные позиции противника, открыл дорогу на Рим. Французы, американцы и англичане вступили в город 5 июня. Военные успехи союзников оказали свое действие: король Виктор-Эммануил передал власть сыну; Бадольо подал в отставку. Бономи сформировал в Салерно новый кабинет. Желая увидеть наши победоносные войска и определить на месте значение этих перемен, я 27 июня выехал в Италию.

Прежде всего — остановка в Неаполе; Кув де Мюрвиль представил мне Прунаса, генерального секретаря итальянского министерства иностранных дел. Этот высокий чиновник передал мне привет от своего правительства, по-прежнему находившегося в Салерно. Я попросил его сообщить Бономи о моем желании установить с ним отношения через посредство Кув де Мюрвиля; председатель совета министров ответил мне письмом, в котором сообщал, что с удовлетворением принимает мое предложение. Затем я инспектировал наши фронтовые войска, беседовал с Жюэном, Вилсоном, Александером и Кларком. Наконец выехал в Рим, остановился там во дворце Фарнезе — в знак того, что Франция вновь вступает во владение прежней своей резиденции.

30 июня — посещение папы. Святейший престол по извечной своей осторожности до сего времени держался чрезвычайно сдержанно в отношении Сражающейся Франции, а затем — алжирского правительства. Монсеньер Валерио Валери, который в 1940 был папским нуцием в Париже, исполнял те же обязанности и в Виши, у Петена; а в Ватикане представителем Петена состоял Леон Берар. И все же мы не переставали оповещать главу апостольской церкви о наших целях и чувствах и, кстати сказать, находили в его окружении действительную симпатию к нам — в частности, со стороны достойного кардинала Тиссерана¹. Мы знали, что для папы были желательны разгром Гитлера и крушение его системы,

---

¹ *Тиссеран Эжен* (1884–1972), кардинал, префект Конгрегации Восточной Церкви, рукоположен в 1907, владел пятью семитскими языками: иврит, сирийский, ассирийский, арабский и эфиопский, ученый, археолог, специалист по восточным древностям, участник Первой мировой войны, ранен, в 1930 духовный советник исторического раздела Конгрегации обрядов, в 1937 архиепископ, а в 1946 епископ, с 1957 папа Римский Пий XII назначил его библиотекарем и архивариусом Святой Римской Церкви; сыграл определенную роль в канонизации Жанны д'Арк в 1920, способствовал улучшению отношений Франции с Ватиканом. — *Прим. ред.*

и мы стремились при первой же возможности установить отношения с ним. 4 июня, когда в Риме еще шел бой, майор де Панафье и лейтенант Вуазар доставили кардиналу Тиссерану письмо, написанное генералом де Голлем папе Пию XII¹. 15 июня папа ответил мне. И вот 30 июня я отправился на аудиенцию, которую он соблагволил назначить мне.

В Ватикане меня прежде всего принял государственный секретарь кардинал Мальоне; тяжело больной, уже обреченный, он пожелал встать с постели, чтобы побеседовать со мной. Из века в век Рим с величавым спокойствием, но с неослабным вниманием взирал на поток людей и событий у подножия его стен; ныне Церковь, бесстрашная и сострадательная, а кроме того весьма осведомленная, наблюдает за приливом и отливом военных событий. Монсеньер Мальоне был уверен, что союзники победят, и его интересовали главным образом последствия войны. В отношении Франции он рассчитывал на исчезновение Виши и заявил, что фактически уже видит в моем лице главу французского правительства. Он надеялся, что смена режима произойдет без серьезных потрясений, особенно для французской Церкви. Я указал кардиналу, что это соответствует намерениям правительства республики, хотя некоторые круги французского духовенства заняли в отношении его такую позицию, что завтра ему нелегко будет договориться с ними. Когда речь зашла о будущем Европы после поражения рейха и возвышения Советов, я сказал, что условием для нового европейского равновесия считаю восстановление внутреннего и внешнего положения Франции. Я прошу Ватикан помочь ей в этом своим огромным влиянием.

Святейший отец принял меня. Встретил он меня благосклонно, говорил очень просто, но за этой простотой чувствуется поразительная сила мышления и отзывчивость. Пий XII обо всем судит с точки зрения, которая возносит его над людьми, их делами и распрями. Но он понимает, как дорого обходятся им эти раздо-

---

¹ *Пий XII* (1876–1958), папа Римский с 1939, согласно принципу, выработанному I Ватиканским собором, в 1950 провозгласил догматическое определение о непогрешимости папы, в энциклике *Humani generis*; он предостерег ученых от увлечения философией, которая подрывала основы католического вероучения; он наметил реформы, которые были потом закреплены в постановлениях II Ватиканского собора (энциклика *Mediator Dei*, энциклика *Mystici Corporis*); в 1940–1950-х годах он устраивал большие публичные аудиенции в Риме и в Кастель Гандольфо. — *Прим. ред.*

ры, и разделяет их страдания. Чувствуется, что сверхъестественное бремя, которое возложено лишь на него одного в целом мире, тяготит его душу, но он неутомимо несет это бремя, твердо уверен в благих целях своей миссии и знает путь к их достижению. Из своих источников информации он знает решительно все о той драме, которая потрясает мир, и много размышляет о ней. Его пронизательная мысль сосредоточивается на возможных последствиях войны, когда в значительной части земного шара столкнутся волны двух идеологий — коммунизма и национализма. Его вдохновенный взгляд открывал ему, что только вера, надежда и христианское милосердие могут преодолеть эту бурю, даже если их надолго затопят грозные валы. По его убеждению, все зависит от политики церкви, от ее действий, от языка, которым она говорит, от того, как ею руководят. Вот почему пастырь католической церкви руководство этой областью деятельности оставляет за собой лично и проявляет в ней ценные качества, которыми наделил его Бог: твердую волю, светлый ум и красноречие. Благочестивый, сострадательный и благоразумный в самом высоком смысле этого слова — вот каким предстал передо мною этот епископ и государь, внушавший мне глубокое уважение.

Мы говорили о народах, принадлежащих к католической церкви, участь которых решалась в этот момент. Папа полагает, что католицизму во Франции на первых порах угрожают только ее собственные неурядицы. Он считает вполне возможным, что, несмотря на все испытания, пережитые нашей страной, она все же опять будет играть большую роль в мире, где растоптано столько моральных ценностей, но ей также грозит опасность вновь стать ареной раздоров, слишком часто подрывавших ее силы. Больше всего он сейчас беспокоился о Германии, которая по многим причинам была ему очень дорога. «Несчастный народ! — твердил он, — сколько ему придется перестрадать!» Он предвидел долгую смуту в Италии, но это не внушало ему особой тревоги. Может быть, он думал, что после разгрома фашизма и падения монархии католическая церковь, пользующаяся большим моральным авторитетом в этой стране, окажется в ней единственной силой, которая обеспечит порядок и единство; такая перспектива ему, по-видимому, приятна, и он хорошо говорит о ней. Слушая его суждения о будущем, я думал, что мне недавно рассказывали очевидцы: вчера днем, едва только кончился бой, огромная толпа в единодушном порыве хлынула на площадь святого Петра и бурно приветствовала папу, словно он был спасенным от врагов повелите-

лем Рима и опорой Италии. Но Святейшего отца тревожило наступление Советов, войска которых уже находились на польской земле, а завтра займут всю Центральную Европу. В беседе он упомянул о том, что происходит в Галиции, где в тылу Красной Армии начались преследования верующих и священников. Он полагал, что христианству предстоит перенести жестокие испытания. Поставить преграду опасности, по его мнению, может только тесный союз европейских государств, вдохновляемых католицизмом: Германии, Франции, Италии, Испании, Бельгии и Португалии. Я догадывался, что создание такого союза — великий план папы Пия XII. Беседа наша кончилась. Он дал мне благословение. Я удалился.

Когда я шел на аудиенцию и теперь, когда возвращался с нее, около Ватикана теснилась толпа римлян, громкими возгласами выражавшая мне свою симпатию. Я побывал в церкви святого Людовика, где меня принял монсеньер Букен, побывал на вилле Медичи, где вскоре должны были вновь расцвести надежды французского искусства, а затем принял нашу колонию. С 1940 она, по причинам вполне понятным, состояла из членов монашеских орденов. Собрались все. Кардинал Тиссеран представил мне каждого. Каковы бы ни были прежние разногласия, ныне у всех нас поднимало дух одинаково радостное волнение. Гордость победы объединяла людей, которых могла разъединить горечь поражения.

Единство французов стало уже очевидным, так бросалось в глаза, что не замечать этого было невозможно, так же как невозможно не видеть на небе солнца в ясный день. Пришлось и президенту Соединенных Штатов признать его. Для того чтобы этот поворот можно было приписать новым событиям, он с усиленной настойчивостью приглашал меня к себе в Вашингтон. Когда я был в Лондоне, опять появился адмирал Фенар. Рузвельт поручил ему сообщить мне даты, которые он считал удобными для моей поездки. 11 июня мне в Карлтон-гарденс нанес визит начальник штаба Эйзенхауэра генерал Беделл Смит, которого послали ко мне его шеф, еще не возвратившийся из Нормандии, и генерал Маршалл, как раз находившийся тогда в Лондоне. Беделл Смит буквально упрасивал меня согласиться на встречу с президентом, так как военному командованию необходимо поскорее узнать, какие решения приняты в вопросе об административном сотрудничестве во Франции. В Алжире такую же настойчивость проявил Селдон Чейпин, временно замещавший посла Уилсона. И, нако-

нец, мне было известно, что наступление союзников на французской территории развернется в августе. Если имелась возможность прийти к какому-нибудь практическому соглашению, то нельзя было терять времени.

Серьезно обсудив этот вопрос с правительством, я решил поехать в Вашингтон. Но точно так же, как это было сделано при моей поездке в Лондон, когда я желал показать, что мы не собираемся ничего просить или вести какие-нибудь переговоры, никто из министров меня не сопровождал. Целью собеседований генерала де Голля и президента Рузвельта будет лишь взаимная информация по мировым проблемам, касающимся обеих сторон. Кроме того, моя поездка в Соединенные Штаты в решающий период войны может быть истолкована как знак признательности Франции за помощь Америки и как доказательство неугасающей дружбы между французским народом и народом этой союзной страны. Если в результате наших бесед в Белом доме правительство Америки решит начать переговоры с французским правительством о взаимоотношениях между союзными войсками и нашей администрацией, пусть оно поведет их так же, как и английское правительство, — через обычные дипломатические каналы. На этой основе государственный департамент и наш посол совместно выработали программу моего пребывания в Соединенных Штатах. Было решено, что в Вашингтоне я буду во всех отношениях гостем президента и правительства Соединенных Штатов, — этого окажется достаточно для опровержения сенсационных сообщений и статей, которые уже старались изобразить дело так, будто я еду в Америку не в качестве приглашенного, а в качестве просителя. С другой стороны, и Канада тоже звала меня к себе, и притом так радушно, что я поручил нашему делегату в Оттаве Габриэлю Бонно обсудить с правительством Меккензи Кинга детали моей поездки в эту дорогую нам и мужественную страну.

Совершив перелет на самолете, который любезно прислал за мною президент Соединенных Штатов, я в сопровождении Чейпина 6 июля, во второй половине дня, прибыл в Вашингтон. Меня сопровождали Бетуар, Палевский, Ранкур, Парис, Бобе и Тейсо. На пороге Белого дома меня встретил, приветливо улыбаясь, Франклин Рузвельт. Рядом с ним был Корделл Хэлл. После чая мы с президентом долго беседовали с глазу на глаз. Такие же беседы мы имели с ним и в последующие два дня. Меня поместили в Блейрхауз, старинное любопытное здание, которое американское правительство обычно отводит для своих гостей. Завтрак в Белом доме,

происходивший в торжественной, но сердечной обстановке, обед у государственного секретаря, обед у военного министра, прием, который я устроил в нашем посольстве — во временной его резиденции, так как здание, в котором помещалось и будет в дальнейшем помещаться французское посольство, для нас еще закрыто, — все эти празднества служили поводом для встреч и бесед с политическими и военными руководителями, соратниками президента.

Вот его ближайшие помощники: Корделл Хэлл, который выполняет свою трудную задачу с большой добросовестностью и душевным благородством; вероятно, его несколько стесняет недостаточное его знакомство с зарубежными странами и вмешательство президента в область его деятельности; Паттерсон и Форрестол, которые на своих министерских постах усвоили психологию хозяев огромных промышленных предприятий — ведь их департаменты (у первого — сухопутная армия и авиация, а у второго — военно-морской флот) за три года чудовищно разрослись и поглощают большую часть ресурсов, дарований и честолюбивых стремлений Америки; Моргентау¹ — большой наш друг и сторонник, ведающий неисчерпаемой государственной казной, которой, однако, этот щепетильный казначей управляет со строжайшей пунктуальностью; генерал Маршалл, неразговорчивый собеседник, но смелый организатор, осуществивший стратегический план, имеющий мировое значение; адмирал Кинг, человек пламенной энергии и воображения; он откровенно гордится тем, что скипетр владыки океанов переходит теперь в руки американского флота; генерал Арнольд, который силой методичности сумел из скопища самолетов, спешно задуманных, сконструированных, опробованных, и из летного состава, быстро набербованного, обученного и пущенного в дело, создать внушительную силу, какую стала военная авиация Соединенных Штатов; адмирал Леги, который, по-видимому, был изумлен ходом событий, дивился моему появлению в Вашингтоне, но примирился с ним;

¹ *Моргентау Генри* (1891—1967), государственный деятель США, член Демократической партии, в 1933 председатель правительственной консультативной комиссии по сельскому хозяйству, председатель Федерального фермерского бюро, заместитель министра финансов, в январе 1934 — июле 1945 министр финансов, в сентябре 1944 предложил программу послевоенной политики в отношении Германии, которая предполагала расчленение и децентрализацию Германии, интернационализацию Рурской области, полную ликвидацию германской тяжелой промышленности и авиации; этот вопрос рассматривался на Второй Квебекской конференции в сентябре 1944. — *Прим. ред.*

Коннели и Сол Блум — председатели двух комиссий по иностранным делам (первый — сенатской комиссии, а второй — комиссии палаты представителей), жаждущие быть во всем осведомленными. Этот штаб представляет собою крепко спаянный отряд, который в силу характера каждого из его членов и яркой личности Рузвельта не приписывает себе блестящих талантов, но, без всякого сомнения, стоит на высоте своих обязанностей.

Конечно, я не преминул посетить могилу Неизвестного солдата в чудесном парке Арлингтон. Я навестил генерала Першинга, который с величавым душевным спокойствием доживает последние свои дни в военном госпитале. Чтобы воздать честь памяти Джорджа Вашингтона, я совершил паломничество в Маунт-Вернон. В Блейр-хаузе я принимал многих видных деятелей и прежде всего Генри Уоллеса, вице-президента Соединенных Штатов, который мечтает о социальной справедливости и хотел бы, чтобы победу мы одержали ради простого человека, и Падилья, министра иностранных дел Мексики, который находился тогда в Вашингтоне. В резиденции наших миссий я встретился с французским дипломатическим персоналом, которым руководил Анри Оппено; затем генерал де Сен-Дидье, адмирал Фенар и полковник Люге представили мне наших офицеров. Перед отъездом из Вашингтона я выступил на пресс-конференции, беседовал со многими из журналистов, собравшихся послушать и расспросить меня. В течение пяти дней, проведенных в столице Соединенных Штатов, я с радостью видел, как растет волна доверия к нам, захватывая цвет американского общества, и я сделал вывод, что оптимизм — хорошее средство завоевать сердца, надо только обладать им.

Президент Рузвельт, несомненно, им обладает. В наших беседах он старался не касаться никаких жгучих вопросов, но широкой кистью рисовал политические цели, которые он надеется достигнуть благодаря победе. Его стремления казались мне грандиозными, но внушали тревогу за судьбы Европы и Франции. Изоляционизм Соединенных Штатов Америки президент считает большой ошибкой, отошедшей теперь в прошлое. Но он бросается из одной крайности в другую и хотел бы установить систему постоянного вмешательства посредством международных законов. Он полагает, что четырехчленная директория — Америка, Советская Россия, Китай и Англия — урегулирует проблемы всего мира. Парламент Объединенных Наций придаст власти «большой четверки» демократический вид. Но для того, чтобы не

отдавать в распоряжение трех из этих держав почти весь шар земной, эта организация, по его мнению, должна будет потребовать, чтобы в различных странах мира были устроены базы американских вооруженных сил, причем некоторые из них необходимо расположить и на французской территории.

Рузвельт рассчитывал вовлечь таким образом СССР в объединение, которое будет сдерживать ее честолюбивые стремления и в рамках которого Америка может собрать свою клиентуру. Он знает, что из четырех великих держав Китая Чан Кайши необходимо его содействие, а Англия из опасения лишиться доминионов должна согласиться с его политикой. Что же касается сонма средних и малых государств, Америка будет иметь возможность воздействовать на них путем оказания им материальной помощи. Наконец, право народов располагать своей судьбой, поддержка, оказанная Вашингтоном, наличие американских баз породят в Африке, в Азии, в Меланезии новые суверенные государства, которые увеличат собою число стран, обязанных Соединенным Штатам. В свете подробных перспектив даже важные вопросы, касающиеся Европы, — а именно участь Германии, судьба привисленских, придунайских и балканских стран, будущее Италии — кажутся ему второстепенными. Ради счастливого их разрешения Рузвельт не согласится пожертвовать гигантскими замыслами, которые он мечтает осуществить.

Рузвельт рисует мне свои планы. Я слушаю его и думаю: «Как это характерно для людей: идеализм прикрывает стремление к могуществу». Президент, впрочем, вовсе не излагает свои мысли, как профессор, развивающий определенные положения, или как политик, разжигающий страсти и корыстные интересы. Он рисует легкими, тонкими штрихами, рисует так хорошо, что трудно решительно возражать этому художнику, этому соблазнителью. Однако я отвечаю ему, что, по моему разумению, такой план может угрожать Западу большими опасностями.

Рузвельт считает Западную Европу величиной второстепенной, а разве этим он не подрывает то дело, которому хочет служить, дело цивилизации? Неужели для того, чтобы привлечь на свою сторону Советы, необходимо будет в ущерб польским, прибалтийским, дунайским, балканским странам дать Советской России преимущества, угрожающие общему равновесию? Кто поручится, что Китай, пройдя через тяжелые испытания, в которых выковывается его национализм, останется таким, каков он есть сейчас? Я первый говорю и думаю, что державы, владеющие

колониями, должны отказаться от прямого управления ими и устанавливать там режим ассоциации, но разве не является истинной, что освободительное движение нельзя направлять против этих держав, иначе оно вызовет в неорганизованных массах ненависть к иностранцам и анархию, опасную для всего мира.

«Нужно возродить Запад, — сказал я президенту Рузвельту. — Если он оправится, весь остальной мир волей-неволей возьмет его за образец. И Западная Европа, несмотря на существующие в ней раздоры, чрезвычайно важна для Запада. Что в нем заменит доблесть, силу, сияние культуры древних народов? Это прежде всего верно в отношении Франции, а ведь из всех великих европейских наций одна она была, есть и всегда будет вашей союзницей. Я знаю, что вы готовитесь оказать ей материальную помощь, драгоценную для нее. Но ей надо также, чтобы восстановилась ее сила в сфере политики, вернулась ее вера в себя, а следовательно, и ее роль. Как же это возможно, если ее держат вне великих, мировых решений, если она потеряет свои африканские и азиатские владения, если война будет завершена таким образом, что внушит ей психологию побежденных?»

Рузвельту, с его глубоким умом, понятны эти соображения. К тому же он питает к Франции, о которой в свое время составил себе представление, поистине нежную любовь. Но именно из-за этой сердечной склонности у него в глубине души таится разочарование и гнев на то, что поражение Франции не так уж сильно потрясло многих французов — в частности, с кем он был знаком лично. Он сказал мне об этом очень просто. Что касается будущего Франции, он мало верит разговорам об обновлении нашего режима. Он с горечью описывал мне, какое тяжелое чувство вызывала у него картина политического развала, которую он наблюдал в нашей стране. «Знаете, я иной раз не мог вспомнить имени того или иного эпизодического главы французского правительства, — сказал мне президент Соединенных Штатов. — Вот теперь вы у нас в гостях, и вы видите, как приветливо вас встречает моя страна. Но усидите ли вы на своем месте, когда трагедия завершится?»

Было бы легко, но и бесполезно напоминать Рузвельту, что сознательная обособленность Америки сыграла немалую роль в нашем упадке духа после Первой мировой войны, а затем и в превратностях судеб нашей страны в начале Второй мировой войны. Я мог бы также указать ему, что его позиция в отношении генерала де Голля и Сражающейся Франции очень способствовала наст-

роениям атлантизма, которых придерживается значительная часть нашей элиты, и эта позиция Рузвельта заранее благоприятствует возврату французской нации к тому самому сумбуру в политике, который он справедливо осуждает.

Слушая американского президента, я окончательно убедился, что в деловых отношениях между двумя государствами логика и чувство значат очень мало в сравнении с реальной силой, что здесь ценится тот, кто может схватить и удержать захваченное; и если Франция хочет занять прежнее свое положение, она должна рассчитывать только на самое себя. Я поделился своей мыслью с Рузвельтом. Он улыбнулся и в заключение нашего разговора заметил: «Мы сделаем все, что сможем. Но кто же лучше самого французского народа может служить Франции? В этом уж никто его заменить не в состоянии».

Беседы наши кончились. Они происходили в кабинете Рузвельта, около стола, загроможденного множеством диковинных вещей: сувенирами, значками, фетишами, которые приносят счастье. Я прощаюсь и ухожу. Президент, которого везут в кресле, немного провожает меня. На галерее открыта дверь. «Вон там мой бассейн. Я в нем плаваю», — говорил Рузвельт, словно бросая вызов своему недугу. Перед отъездом из Вашингтона я попросил передать ему маленькую подводную лодку, чудо механики, которое создали в арсенале Бизерты. Он тепло поблагодарил меня в коротком письме и прислал мне свою фотографию: «Генералу де Голлю, моему другу».

Позднее, однако, некий аноним направил мне фотокопию письма, которое Рузвельт написал через неделю после моего отъезда члену Конгресса Джозефу Кларку Болдуину. Президент туманно упоминает в своем письме о каких-то неведомых мне переговорах Америки, касающихся французского предприятия «Трансатлантическая генеральная компания», и предупреждает адресата, что я об этом ничего не должен знать: пусть будут осторожны, ведь если де Голль окажется в курсе дела, то непременно отстранит директора компании. В этом письме Рузвельт дает также оценку моей особе и нашим с ним беседам. «Я и де Голль, — пишет он, — лишь в общих чертах рассмотрели современные темы. Однако более подробно мы коснулись будущего Франции, ее колоний, обеспечения мира и т.п. Когда речь идет о проблемах будущего, он кажется весьма «сговорчивым», лишь бы с Францией общались как с мировой величиной. Он очень чувствителен ко всему, что касается престижа Франции, но я думаю, что он просто

эгоистичен». Мне так и не придется узнать, считал ли Франклин Рузвельт, что в делах, касающихся Франции, Шарль де Голль был эгоистичен в интересах Франции или в собственных своих интересах.

10 июля я был проездом в Нью-Йорке, очень недолго. Чтобы не давать поводов к народным манифестациям, которые за три месяца до президентских выборов могли показаться направленными против прежней политики президента, решено было, что мне надо поменьше показываться публике. Тем более что губернатор Нью-Йорка Дьюи тоже являлся кандидатом в президенты, советником Рузвельта на выборах. Тем не менее мэр города Фиорелло Лагардиа, исполненный кипучих дружеских чувств к Франции, принял меня с большой помпой в городском ратуше, и возле нее было большое стечение народа. Затем мы с мэром совершили поездку по городу. Я возложил Лотарингский крест на памятник Лафайету. Я посетил наше генеральное консульство, которым руководил Герен де Бомон. Затем я отправился в общество «France for ever»¹, объединяющее большое число французов и американцев, поддерживавших нашу борьбу; Анри Торрес выступал там с приветственным словом, в котором выражал чувства всех членов общества. В Уолл-дорф-Астория собралась французская колония Нью-Йорка и делегаты, прибывшие из других районов. Я приехал к ним. Среди собравшихся французов многие до сих пор относились к генералу де Голлю весьма сдержанно; некоторые даже усердно критиковали его и, более того, — оскорбляли. Но в этот вечер я был встречен необыкновенно тепло — как видно, все разногласия исчезли. Все доказывало, что в великом споре, предметом которого была Франция, победа решительно склонялась на ее сторону.

Мы убедились в этом и в Канаде, где людям так хотелось дать нам доказательство своего единодушия с нами. Прежде всего мы направились в город Квебек, и там я почувствовал, что меня затопляет волна гордости за французов. Но вскоре ее захлестнула волна неутешительной скорби, и обе они нахлынули из далеких времен истории. Затем мы в сопровождении посла генерала Ванье направились в Оттаву. На аэродроме нас встретил премьер-министр Меккензи Кинг. Мне было приятно вновь увидеть этого достойного, сильного и простого человека — главу правительства, который отдал делу служения свободе весь свой авторитет и опыт.

---

¹ Франция навсегда (англ.). — Прим. ред.

Канада пошла за ним, и заслуга ее тем более велика, что население страны состоит из двух народов, сосуществующих, но не смешивающихся, и тем более, что война идет далеко от Канады и ее интересы прямо тут не затронуты.

Под воздействием своего правительства страна теперь развернула мощные военные усилия. Канада выставила многочисленные контингенты, отличающиеся высокими боевыми качествами; дала большие войсковые соединения, экипажи кораблей, включенные в английский флот, эскадрильи самолетов, вошедшие в состав английских военно-воздушных сил. Значительная часть военных материалов союзников производится в Канаде. Даже лаборатории и заводы Канады привлечены к научным исследованиям и практическим опытам, которые вскоре должны были привести к изготовлению атомной бомбы. Мне сделали секретный отчет о выдающихся достижениях французских ученых Пьера Оже¹, Жюля Герона² и Бертрана Гольдсмита³, которые с моего разрешения включились в союзные группы, посвятившие себя

---

¹ *Оже Пьер Виктор* (1899—1993), французский физик, в 1927—1969 работал в Парижском университете, с 1937 профессор, в 1941—1945 работал в США, Канаде, Великобритании, исследовал фотоэлектрический эффект в газах, вызываемый рентгеновскими лучами, и экспериментально подтвердил квантовомеханическую теорию фотоэлектрического эффекта; в 1925 открыл эффект ионизации атома, находящегося в возбужденном состоянии (эффект Оже), в 1938 обнаружил в составе космических лучей широкие атмосферные ливни (ливни Оже), возглавлял Комиссариат по атомной энергии в 1945—1948, директор Департамента естественных наук ЮНЕСКО в 1948—1959, председатель Национального центра космических исследований в 1961—1962, директор Европейской организации космических исследований в 1962—1967. — *Прим. ред.*

² *Герон Жюль* (1907—1990), французский химик, физик, мобилизован в 1939, присоединяется к де Голлю в Лондоне в июне 1940, в 1941 начал работать в группе ученых с Оже и Гольдсмитом; после Квебекских соглашений от 19 августа 1943 они начали работы с атомными реакторами и по добычанию плутония, с 1944 ведут эти работы под эгидой ООН; Герон с 1946 получает должность в Комиссариате по атомной энергии, которая должна была открыть первый экспериментальный реактор в декабре 1948; принимал участие в создании исследовательского центра в Гренобле, участвовал в переговорах Европейского сообщества по атомной энергии, выступал против ядерного оружия массового поражения. — *Прим. ред.*

³ *Гольдсмит Бертран* (1912—2001), французский физик, работал с Марией Кюри, после оккупации Франции арестован, в 1941 освобожден и уезжает в Нью-Йорк, работал в группе ученых, создающей первый атомный реактор, деятель движения Сопротивления, в 1945 выступал за мирный атом, однако участвовал в испытаниях водородной бомбы в алжирской пустыне в 1960, член Комиссариата по атомной энергии. — *Прим. ред.*

этой работе, достойной Апокалипсиса. Но в сравнении с тем, что происходило во время Первой мировой войны, действия Канады носят на этот раз национальный характер. Для государства и для народа такая самостоятельность как бы является новой ступенью развития, что вызывает чувство гордости у министров, депутатов парламента, чиновников и всех граждан. Мне сказал об этом Меккензи Кинг, а затем и его главный коллега Луи Сен-Лоран, причем мне было ясно сказано о намерении Канады по возможности помочь восстановлению Франции.

Во время моего пребывания в Канаде я был гостем графа Этлона, канадского генерал-губернатора, и его супруги принцессы Алисы, тетки короля Георга VI. они принимали меня с незабываемым радушием, приглашали к себе многих видных лиц, для того чтобы представить их мне. Много часов заняли официальные беседы, аудиенции, которые я должен был давать, торжественная церемония у памятника гражданам Оттавы, погибшим в Первую мировую войну, инспекционная поездка к французским летчикам, которые проходили обучение в окрестностях города, обед, устроенный в мою честь канадским правительством, пресс-конференция, речь — все-таки пришлось произнести одну — в ответ на приветствие Сен-Лорана. Я произнес эту речь перед депутатами парламента, перед министрами, высшими должностными лицами и дипломатическим корпусом. Говоря о том, какое должно иметь значение для дела мира, который уже близится, международное сотрудничество, особенно сотрудничество на Западе, я указал, что моя страна тоже хочет внести свой вклад в общую сокровищницу, и закончил свое выступление следующими словами: «Франция убеждена, что рядом с нею и вместе с нею будут все народы, верящие в нее. Она убеждена, что среди них прежде всего будет Канада».

12 июля я прибыл в Монреаль и был взволнован восторженной встречей, которую там оказали мне. После приема в городской ратуше и возложения венков у двух памятников жертвам войны — канадцам и французам — я выступил с речью перед огромной толпой, собравшейся в сквере Доминнон и на прилегающих к нему улицах. Адемар Рейно, мэр города, крикнул своим согражданам: «Покажите генералу де Голлю, что Монреаль — второй французский город в мире!» Никакими словами не описать ту бурю ликования, те шумные приветствия, которые раздавались со всех сторон. Вечером самолет унес нас из Канады. 13 июля мы уже были в Алжире.

И тут я получил текст декларации, опубликованной накануне американским правительством. «Соединенные Штаты, — говорилось в ней, — признают, что Французский комитет национального освобождения имеет право осуществлять административное управление Францией». Тотчас же государственный департамент повел переговоры с Опнено и Альфаном относительно соглашения об административном сотрудничестве на освобожденной территории. Иден и Вьено со своей стороны выработали удовлетворительные условия сотрудничества. В начале августа Алжир, Вашингтон и Лондон пришли к согласию относительно редакции соглашения.

То, что было принято, удивительно походило на то, что мы предлагали год назад. Временное правительство Французской республики — в соглашении было употреблено именно это наименование. Без всяких оговорок указывалось, что только оно одно является государственной властью, что лишь оно одно создает необходимые органы для связи с союзными войсками, что лишь оно одно может предоставлять в распоряжение военного командования службы, которые командование затребует; что во Франции лишь оно одно имеет право выпускать деньги и снабжать ими в обмен на фунты стерлингов и доллары американские и английские войска, находящиеся на французской территории.

Пусть развертывается великая битва за Францию! Пусть союзные армии бок о бок с нашей армией и при содействии наших внутренних сил двинутся из Нормандии на Париж и пойдут по долине Роны, вверх по течению реки! Пусть от Северного до Средиземного моря, от Атлантического океана до Рейна будет освобождена нация, которую за полторы тысячи лет никакие бури, даже та, что бушует ныне, не могли лишить суверенитета и вырвать из ее рук последнее оружие. Мы возвратим Франции независимость, империю и шпагу.

СРАЖЕНИЕ

Как коротка была шпага Франции в тот момент, когда союзники ринулись на штурм Европы! Еще никогда наша страна при столь серьезных обстоятельствах не располагала такими ограниченными вооруженными силами. Людей, боровшихся теперь за освобождение Родины, охватывала грусть, когда они вспоминали о былой силе Франции. Но еще никогда ее армия не обладала такими высокими качествами. Возрождение ее было тем более замечательно, что она поднялась из бездн унижения.

За четырнадцать веков военная мощь стала второй натурой Франции. Хотя наша страна не раз пренебрегала заботами о своей обороне, не ценила своих солдат, проигрывала сражения, тем не менее она все времена представляла как страна, способная на величайшие ратные дела. Превратности ее судьбы в современную эпоху правила этого не изменили. Как ни были мы ослаблены после наполеоновской эпопеи, каким ни было для нас жестоким ударом поражение 1870, мы сохранили психологию и способность к действию, свойственные сильным народам. В 1918 победа была главным образом делом наших рук, мы пришли к ней сами и ввели с собою других. И, разумеется, мы полагали, что наша армия на голову выше всех армий на свете, наш флот один из лучших, наша авиация превосходна, наши генералы самые даровитые.

Не удивительно, что катастрофа 1940 и последовавшее за нею унижение многим показались чудовищным, непоправимым бедствием. Вдруг рухнуло то представление, которое французы имели о самих себе, и исторически сложившееся мнение о них всего мира. И если бы Франция не восстановила свою боеспособность, для нее не было бы никакой возможности восстановить свое достоинство ни в своих собственных глазах, ни в глазах других. И ничто так не помогло ей возродить свое единство и свой престиж, как тот поразительный факт, что она сумела найти в едва собранных под ее власть заморских территориях и в угнетенной метрополии достаточно веры в нее и достаточно воинской доблести, чтобы вновь выковать армию, которая сражалась очень хорошо — честное сло-

во! После Седана и Дюнкерка, капитуляции в Ретонде и капитуляции Виши в Турине, после полной готовности Виши примириться с военным поражением, после порабощения государства — какой поразительный поворот: наши вооруженные силы приняли серьезное участие в завоевании победы, дрались блестяще в то время, когда враг захватил почти всю нашу страну, держал в плену два миллиона французов, когда «законное» правительство с особенным усердием карало борцов за свободу родины.

В Африке имелось достаточно мужчин призывного возраста, так что нам как будто и нетрудно было набрать контингент для формирования действующей армии. Однако возможности наши оказались тут ограниченными. Мы могли взять из коренного населения Алжира, Марокко, Туниса, Черной Африки, Мадагаскара сколько угодно солдат, но число офицеров постоянного состава или резервистов было, наоборот, весьма ограничено. В основном только французы по происхождению составляли эти категории, необходимые для формирования крупных воинских частей. Однако французов в этих владениях насчитывалось всего лишь 1200 тысяч душ. Правда, мобилизовав все призывные годы, вплоть до 1918, мы получили 116 тысяч человек. Это было не мало, если учесть, что многие французы (и притом самые лучшие элементы) были необходимы в областях административной, экономической, поддержания общественного порядка и что много солдат с 1940 находились в немецком плену. Правда, «Свободная Франция» привела 15 тысяч молодых французов; Корсика дала 13 тысяч солдат; 12 тысяч юношей бежали из Франции через Испанию и пробрались к нам; 6 тысяч женщин и девушек вступили в различные наши службы. Правда, призывники спешили встать в ряды армии. И несмотря на все это, для набора командного состава и специалистов мы располагали недостаточными людскими ресурсами.

Надо добавить, что американцы, снабжавшие нас оружием, снаряжением и обмундированием, ставили условием, чтобы мы приняли их собственные правила организации армии. В отношении контингентов в них полагалось щедро выделять людей для всякого рода служб и иметь многочисленные летучие отряды для восполнения потерь. По их правилам, действия боевых частей должны опираться на богато оснащенные тылы. Они соглашались вооружить французские дивизии лишь после проверки, которая должна была показать, что боевым частям приданы соответствующие службы тыла, укомплектованные многочисленным и

квалифицированным людским составом. А наши войска в Африке, привыкшие жить в трудных условиях, считали расточительством выделять столько народу в парки, склады, обозы и мастерские. Из-за этого происходили частые и иной раз неприятные споры между главным штабом союзников и нашим штабом, и все-таки французам приходилось с болью в сердце раздроблять прекрасные полки, чтобы сформировать из них вспомогательные подразделения.

Генерал Жиро первый не желал с этим примириться. Услышав на конференции в Анфе, как Рузвельт обещает, что Соединенные Штаты дадут снаряжение для любого количества воинских частей, которое нам удастся сформировать, он понадеялся, что будет иметь возможность обмундировать и снабдить четырнадцать французских дивизий, и собирался выделить немногочисленные службы тыла. И как же он был огорчен, как возмущался, когда иностранные контролеры, прежде чем распределить долгожданные военные материалы, потребовали, чтобы полностью были укомплектованы вспомогательные службы и, значит, соответственно уменьшены строевые части. А кроме того, нам необходимо было держать на наших африканских территориях хотя бы минимальное количество войск, охраняющих наш суверенитет. И, наконец, две бригады мы зарезервировали для отправки их при первой возможности в Индокитай. Охранные войска и две эти бригады были оснащены французским оружием, и структура их от американской схемы не зависела. Но они поглощали наши кадры, и тем самым уменьшались ресурсы действующей армии.

Что касается меня, то я хоть и чувствовал, как тяжелы требования американцев, ставивших условием для снабжения нас военными материалами подчинение их схемам, но все же я считал, что кампания в Европе, которая предстоит в скором времени, действительно потребует очень крепких вспомогательных войск. Кроме того, я хотел положить конец перебоям в поставке оружия. Став единственным главой правительства, я урегулировал вопрос. На основании сведений о наличном контингенте наших воинских частей, данных об их составе и учитывая условия, на которых союзники согласились снабжать нас оружием и снаряжением, я декретом от 7 января 1944 установил следующий состав сухопутных войск, предназначенных для битвы по Франции: командование армией; командование трех армейских корпусов; шесть пехотных дивизий; четыре бронетанковые дивизии с необходимыми службами и пополнениями. Из предусмотренных этой

программой войск одну пехотную дивизию и одну бронетанковую мы не могли полностью сформировать в нужный срок. Зато крупным нашим частям нам удалось придать три марокканские группы, два полка парашютистов и десантные команды. Огромную работу провел главный штаб под руководством генерала Лейе, чтобы при всех нехватках и перебоях создать образцовые воинские части, которые Франция смогла ввести в бой в Италии, а затем перевезла их в метрополию, чтобы бросить против Германии и Австрии.

Наш флот проявил не меньше энергии. Он был поглощен техникой, которая является жизнью и страстью моряков, это отвлекало их от мучительных мыслей о недавних бедах; постепенно флот восстанавливался и уже принимал участие в морских сражениях. Адмирал Лемонье, назначенный в июле 1943 начальником главного штаба, проявил в этой реорганизации свои большие способности и — при всей своей дипломатической деликатности — упорную волю. 14 октября 1943 Комитет национальной обороны утвердил план вооружения, предложенный Лемонье. Планом предусматривалось, что к весне следующего года будут приведены в состояние боевой готовности следующие корабли: два линкора — «Ришелье» и «Лоррэн»; девять крейсеров — «Глуар», «Жорж Лейг», «Монкальм», «Эмиль Бертен», «Жанна д'Арк», «Дюгей-Труэн», «Дюкен», «Сюффрен», «Турвиль»; четыре легких крейсера — «Фантаск», «Мален», «Террибль», «Триумфан»; три вспомогательных крейсера — «Кап де пальм», «Керси», «Барфлер»; две авиаматки — «Беарн», «Диксмюд»; четырнадцать миноносцев; восемнадцать подводных лодок; восемьдесят малых судов: конвойные, нефтеналивные, сторожевые, тральщики, охотники за подводными лодками.

По плану требовалось оснастить корабли новейшими орудиями и произвести необходимый ремонт, который, однако, полуразрушенный Бизертский арсенал и арсенал в Касабланке с его ограниченными возможностями и Дакарский арсенал, еще находившийся в зачаточном состоянии, не могли полностью осуществить; но союзнические базы в Бруклине и на Бермудских островах любезно взяли его на себя. И таким образом программа могла быть выполнена. Предусмотренное число кораблей было даже превышено: не возвратили некогда захваченные итальянцами миноносцы «Тигр» и «Тромб», подводную лодку «Бронзо», получившую прежнее наименование «Нарвал»; четыре фрегата нам уступили англичане; часть конвойных миноносцев дали американцы,

и первый из них — «Сенегалэ» — был торжественно передан нашему флоту президентом Рузвельтом. Было также сформировано шесть эскадрилий гидропланов, состоящих из «сундерландов» и «велингтонов», и французские самолеты вновь появились в Атлантике. Наконец, флот дал для участия в боях два бронетанковых полка, один дивизион тяжелой полевой артиллерии, десантные отряды; а двадцать две береговые батареи и семь зенитных баржей, обслуживаемых моряками, помогли обороне африканских и корсиканских портов.

Согласно плану, предложенному генералом Буска и утвержденному 22 октября Комитетом национальной обороны, наша авиация должна была в 1944 состоять из тридцати авиагрупп: семь авиагрупп (четыре истребительных и три бомбардировочных) имели свои базы в Англии; двадцать одна авиагруппа действовала в районе Средиземного моря, в том числе восемь истребительных групп, четыре бомбардировочных, шесть групп для береговой обороны, одна разведывательная группа и две группы транспортной авиации; две истребительные авиагруппы сражались в России. В Алжире, Марокко и Тунисе французских самолетов в сущности не осталось после боев с американцами, и вот вчерашние противники великодушно обязались поставить самолеты нашим эскадрильям, базировавшимся в Северной Африке; англичане и русские оснастили техникой наши авиагруппы, находившиеся на их территориях. Буска со свойственной ему методичностью и авторитетностью осуществлял командование французской авиацией, сразу же получившей новые самолеты и немедленно включенной в союзные военно-воздушные силы, правила и приемы которых им еще надо было усвоить; но более чем когда-либо наши летчики рвались в бой.

В общем, мы были в состоянии выставить действующую армию численностью в 230 тысяч человек, охранные войска для заморских территорий в количестве 150 тысяч солдат; флот водоизмещением 320 тысяч тонн (50 тысяч моряков), грузовые суда и пароходы водоизмещением 1200 тысяч тонн, причем две трети судов могли иметь французский экипаж, авиацию в количестве 500 боевых самолетов с летным и обслуживающим составом в 30 тысяч человек. Большую часть военного снаряжения нам должны были предоставить союзники на основе соглашений о ленд-лизе, причем в компенсацию с нашей стороны засчитывались услуги, которые мы оказывали союзникам предоставлением портов, транспорта, коммуникаций, средств связи, разного рода оборудования, рабочей силы и т.д. На моральное состояние наших армий благотворно

действовало радостное сознание, что восстановился самый смысл их существования, что они освобождены от принесенной ими присяги и всяческих заклинаний, которые значительную часть солдат сковывали или сбивали с толку. Надо было видеть, с каким горячим усердием наши сухопутные войска и морские экипажи осваивали новейшую технику, какой восторг вызывал в частях, назначаемых на фронт, приказ о выступлении. За этот период я проинспектировал каждый полк, каждый корабль, каждую эскадрилью самолетов. Во взгляде каждого бойца я читал гордость за свое оружие. Живуча у французов военная жилка!

Это доказали и маки. До конца 1942 отрядов маки насчитывалось немного и действия их были не особенно эффективны. Но затем выросла надежда, а с нею увеличилось число тех, кто хотел сражаться. Кроме того, обязательная «трудовая повинность», с помощью которой на несколько месяцев мобилизовали полмиллиона юношей, главным образом рабочих, для использования в Германии, а также роспуск «армии перемирия» побудили многих несогласных уйти в подполье. Увеличилось количество более или менее значительных групп Сопротивления, и они повели партизанскую войну, которая играла первостепенную роль в изматывании неприятеля, а позднее и в развернувшейся битве за Францию.

Условия, в которых эти автономные отряды формировались, жили и сражались, разумеется, были очень разнообразны и зависели от характера местности, где они оперировали, и от имевшегося у них оружия, и тогда естественные барьеры Франции вновь получили то важное значение, какое они имели, когда кельты, а затем галлы и вслед за ними франки повсеместно в больших и малых боях защищали свою страну от захватчиков — германцев, римлян, сарацин. Центральные массив, Альпы, Пиренеи, Юра, Вогезы, Арденнские леса, внутренние районы Бретани больше всего привлекали отряды партизан. Кстати сказать, именно там самолеты союзников находили наиболее удобные места, куда они могли доставлять агентов разведки или сбрасывать на парашютах людей и контейнеры. В стороне от морских берегов, от больших центров, от главных коммуникаций оккупанты стояли не так плотно и полицейский надзор был мене строг. Старые, изрытые ущельями лесистые горы Оверни, Лимузена, Севена и Ланмезана; высокие плато альпийских кражей в Савойе и в Дофине; уединенные уголки в лесных чащах и среди уступов вогезско-юрско-лангрско-морванской возвышенности; крутые склоны французских и бельгийских Арденн; ланды, густые заросли, овраги и берега озер служили

партизанам убежищем во время долгих дней выжидания, плацдармом для нападения на врага и тыловыми позициями для отхода после схватки. Кто же это говорил о «кроткой Франции»?

В маки объединялось обычно по несколько десятков человек — максимальное количество людей, которое могло группироваться в одном месте, учитывая размеры тайников и трудности снабжения. Пробраться в них можно было только с помощью запутанной «веревочки», ибо в защиту их принималось множество предосторожностей. Если человек вступал в отряд, то уже бесповоротно. Жить приходилось в землянках, в шалашах, в пещерах, иной раз в каком-нибудь сарае, в разрушенной ферме, в лесной сторожке. Надо было переносить тяжелые лишения — голод, холод, дожди, а главное — не знать ни минуты покоя, всегда держаться начеку и в любую минуту быть готовым перебраться в другое место. Насколько то было возможно, партизан предупреждала об опасности или указывала им удобные случаи для выступления своя сеть сочувствующих, которая охватывала всю округу — даже жандармские посты, даже административные учреждения. Соседние фермы и деревни снабжали маленькое войско съестными припасами. Дети, девушки, старики служили отряду связными и ординарцами, не привлекая внимания врага. Угрюмо, молчаливо французское крестьянство помогало этим храбрым парням. Захватчики мстили расстрелами гражданского населения, хватая тех, кого они подозревали в «сообщничестве» с партизанами, угоняли в Германию местных деятелей, сжигали целые деревни.

Устроить засаду у дороги, по которой проходит немецкий обоз, пустить под откос поезд, который везет немецких солдат или военные материалы, напасть на зазевавшийся патруль или на плохо охраняемый пост, поджечь машины, собранные в автомобильном парке врага, взорвать цистерну с бензином или склад снарядов — таковы были диверсии, которыми в основном занимались партизаны до того дня, когда высадка во Францию союзных войск открыла им более широкое поле деятельности. Если отряд принимал решение сделать вылазку, ее надо было тщательно подготовить, поскольку людей и оружия имелось мало, операцию следовало провести быстро, так как ее успех зависел от внезапности нападения, а лишь только она завершена, нужно было немедленно отойти и скрыться, ибо тотчас же враг посылал целые полчища и они устраивали заграждения на дорогах, «прочесывали» окрестности. Укрывшись от карателей, партизаны, еще не передохнув, подводили итог операции. Как они торжествовали, ког-

да под их пулями падали солдаты вермахта, когда пылали немецкие грузовики, опрокидывались вагоны, когда на их глазах охваченные паникой немцы обращались в бегство, бросая оружие, и оно доставалось партизанам. Но, увы, как часто неприятель окружал партизанский отряд! Тогда шел бой не на жизнь, а на смерть. Уцелевших французов, если им не удавалось скрыться, убивали на месте или же, устроив комедию суда, расстреливали тут же у дороги. Одни умирали стоя, другие – простершись на земле, если раны не давали им встать, но казнимые смотрели немецким убийцам в лицо, и у каждого последний возглас был: «Да здравствует Франция!» Позднее могильная плита, поставленная на месте казни, будет напоминать о том, что они умерли здесь. Лотарингский крест, вырезанный на камне, скажет, почему и как они умерли.

Но в значительной части страны условия местности таковы, что партизанскому отряду невозможно было надежно укрыться. Тогда отряд разделялся на очень маленькие группы или же участники Сопrotивления жили в подполье поодиночке. Их снабжали фальшивыми документами (ведь организация Сопrotивления имела своих людей в министерствах, в префектуре, в мэриях, в комиссариатах) и пристраивали на работу – кого на рубку леса, кого в каменоломни, кого на ремонт шоссечных дорог; ночевали они в изолированных фермах или же старались затеряться в больших городах. Зачастую «прикрытие» им обеспечивали заводы, стройки, конторы; партизаны пользовались им, выжидая удобного момента для диверсии, а совершив ее, исчезали. Эти рассеянные повсюду борцы не могли действовать в широких масштабах, но зато они все больше давали о себе знать. Немцы уже не решались ходить в одиночку – их убивали; под ногами оккупантов рвались гранаты, шашки тола выводили из строя немецкие автомобили. В Париже, на севере Франции, в Лионе и в других промышленных районах мелкий саботаж на производстве стал явлением постоянным – до такой степени, что нам пришлось создать специальную службу охраны от диверсий на тех предприятиях, которые в ближайшем будущем могли понадобиться для наших армий.

Разумеется, невозможно ныне точно установить контингент всех этих элементов, никому не представлявших штатных ведомостей и списков. В начале 1943, когда создавалась тайная армия, мы определяли ее численность приблизительно в 40 тысяч человек; да тысяч тридцать французов и француженок входили в сеть организаций Сопrotивления, объединяемых шестьюдесятью группами. Через год в партизанских отрядах было по меньшей ме-

ре 100 тысяч человек. А когда началась битва за Францию, число их превысило 200 тысяч. Фактическая численность контингентов бойцов внутренних сил находилась в прямой зависимости от вооружения, которое им давали. Если случалось, что группа получала все необходимое ей оружие, в нее тотчас же вливались добровольцы. И наоборот, командиру слабо оснащенного отряда приходилось отказывать борцам, желавшим вступить в его ряды. Конечно, снабжение организаций Сопротивления оружием было одной из важнейших забот правительства.

В самой Франции возможности эти были очень слабы. Разумеется, в 1940 некоторые командиры припрятали оружие. Но почти все тайные склады были обнаружены врагом или выданы ему самим Виши, и партизаны располагали лишь небольшим количеством французского оружия. Нам, правда, удавалось посылать им оружие из Северной Африки, но мало — у нас у самих его почти не было, да и базы, с которых вылетали наши самолеты, были слишком далеки от Франции. Что касается оружия, которое партизаны отбирали у немцев, то количество его стало значительным только во время больших боев летом 1944.

Итак, хозяевами столько необходимого оружия были союзники. Но несмотря на мои настойчивые и частые заявления, они соглашались посылать во Францию свои специализированные самолеты и сбрасывать на ее территорию винтовки, автоматы, пистолеты, гранаты, пулеметы, мортиры только при условии полного знания всех обстоятельств. Ведь несмотря на все предосторожности, половина военных материалов, сбрасывавшихся на парашютах, попадала в руки врага.

К тому же, если секретные американские и особенно секретные английские службы постепенно поняли, чего можно ждать от французского Сопротивления, командование союзных войск очень не скоро сумело оценить, как действенна эта форма войны, совершенно новая для штабов, подготовленных только для руководства теми сражениями, которые ведутся по всем правилам. До самого конца войны так и не был преодолен жестокий разрыв между требованиями, а иной раз и отчаянными мольбами партизан и тем, что им направляли. В общем нашим подпольным отрядам все же было предоставлено более полумиллиона винтовок, пистолетов и других видов оружия индивидуального употребления и 4 тысячи орудий коллективного применения; четыре пятых военных материалов получено было от наших союзников.

Партизанские отряды, поддерживавшие их организации Сопротивления, помогающая им пропаганда — все это требовало денежных средств. Правительство старалось доставить их в денежных знаках, которые могли иметь хождение во Франции и не возбуждали бы подозрения. Сначала мы использовали все свои запасы билетов Французского банка, хранившиеся в Англии, в Африке и на Антильских островах. Затем стали посылать «боны освобождения», выпущенные правительством в Алжире и с его гарантией. Наша делегация в Париже принимала при расчетах эти боны и тайком обменивала на деньги в кредитных учреждениях или у частных лиц; в разгар борьбы, в момент самой крайней нужды в деньгах, бывали случаи, что руководители групп прибегали к реквизиции денежных фондов, но государство потом возместило эти изъятия. В общем между организациями Сопротивления официально было распределено более пятнадцати миллиардов — сумма, по нынешнему курсу равняющаяся ста миллиардам. Конечно, бывали тут неизбежные в таких делах злоупотребления, но в общем три четверти расходов, согласно докладу казначейства, были должным образом оправданы.

Откуда же брались руководители внутренних сил? Почти всегда они сами становились во главе отряда, когда бойцы признавали, что эти люди достойны и способны руководить ими. Большинство из них оправдало это доверие. Кое-кто был повинен в совершении действий, достойных осуждения, но это было исключение. Если вспомнить, при каких обстоятельствах они занимали свой пост, если учесть, что командный состав в массе своей не так-то быстро отрекся от Виши и не сразу возглавил боевые группы, надо признать, что эти новые руководители, посвятившие себя труднейшей и опаснейшей задаче, хорошо послужили родине. Впрочем, как только была оккупирована бывшая «свободная» зона, распущена «армия перемирия» и поколебалась вера в маршала Петена и в законность его власти, многие кадровые офицеры и унтер-офицеры под воздействие ОРА¹ и ее главы — генерала Ревера² — перешли в маки.

¹ ОРА — Organisation de Resistance de l'Armee — организация Сопротивления армии, включавшая командные кадры. — *Прим. ред.*

² Ревер Жорж Мари Жозеф (1891—1974), французский генерал, в 1940—1941 командир 7-го Североафриканского подразделения, в 1941—1942 Руководитель Штаба главнокомандующего, в 1943—1944 главнокомандующий вооруженных сил Сопротивления, в 1944—1945 военный комендант Парижа, с 1952 в отставке. — *Прим. ред.*

Пока подпольные силы действовали стихийно, в зависимости от случая, и выступали отдельными, не связанными друг с другом отрядами, не могло быть и речи о внедрении в них иерархии и структуры регулярной армии. Нельзя было посылать им из Алжира или из Лондона задания, точно указывая, где и в каком месте они должны быть выполнены. Однако предоставить их самим себе, не связывая их с центральной властью, было бы крайне рискованно. Они могли бы докатиться до анархии «лесных братьев» либо подпасть под преобладающее влияние коммунистов. В самом деле, коммунисты представляли собою основное ядро, а зачастую и командный состав в движении «Фран-тирер э партизан», составлявшим почти треть всех подпольных сил. Если бы де Голль не держал все вооруженные отряды в своем подчинении, эта их часть стояла бы особняком и ею распорядилась бы не государственная власть, а те, кто стремился бы захватить власть. Кроме того, другие элементы, не зная, к кому им примкнуть, тоже имели бы тяготение к этой организации и она подмяла бы их под себя. Кстати сказать, как раз в это время коммунисты усиленно старались завладеть Национальным Советом Сопротивления, заставить его занять в отношении Алжира позицию своего рода правительства внутри страны и объединить подпольные группы при содействии «Комитета действия», в котором сами они играли господствующую роль.

И вот мы создали во Франции систему, которая, не стесняя инициативы подпольных сил и их разделения на группировки, связывала их с французским командованием и давала им почувствовать эту связь в действии. Для каждого административного района и для некоторых департаментов правительство назначило «военного делегата», выделенного лично мною. Он устанавливал контакт с вооруженными группами своей области, координировал их действия, связывал с нашим центром посредством радиостанции, которой он располагал, передавал им наши инструкции, а нам сообщал их просьбы, регулировал с нашими службами воздушные операции по доставке им на парашютах оружия. Отряды партизан имели теперь инспекторов: для всей территории Франции был назначен Мишель Бро, для южной зоны – Жорж Ребате, для северной зоны – Андре Брозан-Фавро. Когда враг арестовал генерала Делестрэна, его заместителя генерала Демаза и его помощника полковника Гастальдо, мы назначили начальником штаба тайной армии полковника Дежюсье. Кроме того, я назначил «национального военного делегата», то есть штабного офице-

ра, являвшегося представителем командования для всех боевых элементов: партизанского подполья, разведывательной сети, бригад по организации саботажа, и он же был моим представителем в Национальном Совете Сопротивления. Эту обязанность, требовавшую большой гибкости и твердости, один за другим несли: Луи Манжен, полковник Эли, Морис Буржес-Монури¹, Жак Шабан-Дельмас².

В некоторых районах с благоприятными для этого условиями наши внутренние силы все возрастали, в частях же врага замечались признаки панического страха; в таких местах становились возможными объединенные операции, и тогда кто-либо из начальников подпольных боевых групп, независимо от того, является ли он кадровым офицером, брал на себя командование всеми или частью наших боевых сил в данном секторе. Такими командирами были: в Верхней Савойе – майор Валетт д'Озья, в Эне – полковник Роман-Пети, в Бретани – генерал Одибер; полковники: Гийодо – в Иль и Вилене, Морис – в Морбиане, Гарси, Годен, Генгуэн – в Оверни и Лимузене, Андре Мальро – в Коррезе, Ло, Дордони, Раванель – в Верхней Гаронне, Помье – в Пиринеях, Аделин – в Жироне, Гранваль – в Лотарингии, Шеванс-Бертэн – в Провансе. Роль, а также де Маргёрит – в Париже, Шомель – в Турени; генерал Бертран – в Беррии и т.д.

Но с момента высадки союзников во Франции нужно было добиться, чтобы эти разрозненные элементы содействовали операциям союзных войск, и, следовательно, военное командование должно было давать им определенные задания и предоставлять им средства для их выполнения. В отношении разрушений, кото-

---

¹ *Буржес-Монури Морис Жан-Мари* (1914–1993), выпускник Политехнического института, кадровый офицер, участник Сопротивления. Член Социалистической партии в 1946–1958, неоднократно министр в правительстве Четвертой Республики (министр труда, финансов, промышленности и военный министр). – *Прим. ред.*

² *Шабан-Дельмас Жак* (1915–2000), юрист, в 1941 атташе в Министерстве промышленности, в 1943 член военной делегации Временного Правительства Французской республики, в 1944 ответственный за военную координацию на территории метрополии, главный инспектор по армии, в 1945 инспектор финансов, в 1945–1946 генеральный секретарь Министерства информации, в 1946 главный инспектор финансов, генеральный директор Акционерного общества SAEMICO (1970–1995), председатель общественной республиканской группы, министр труда в 1954–1955, в 1956–1957 государственный министр, министр обороны в 1957–1958, в 1958–1969, 1978–1981 и в 1986–1988, в 1988–1997 председатель Комитета содействия Европе. – *Прим. ред.*

рые должны были сковывать передвижения неприятеля, у нас имелся общий план, выработанный нами уже давно при участии специалистов, компетентных в каждой из интересующих нас отраслей. Так, например, существовал «Зеленый план», предложенный руководителями «Сопrotивления на железных дорогах» — Арди, Арманом и другими; имелся «Лиловый план», составленный при содействии участников Сопrotивления работниками связи — в частности, с помощью Дебомарше: он касался повреждения телеграфной и телефонной связи, особенно подземных кабелей; был «Черепаший план», по которому предусматривалось перерезать дороги в самых важных местах, — главным исполнителем его был Ронденэ; был и «Голубой план», в котором намечались меры по захвату электростанций. Но, с другой стороны, необходимо было, чтобы действия местных подпольных групп в нужный момент приобрели общенациональное значение — стали бы выступлением всей страны и приняли достаточно устойчивый характер, могли бы стать элементом стратегии союзников. Надо было, чтобы отряды тайной армии слились с другими нашими войсками в единую французскую армию.

Вот почему в марте 1944 я создал Французские внутренние силы, в которые в обязательном порядке должны были войти все подпольные вооруженные группы, причем предписывалось, чтобы они по мере возможности были организованы в воинские подразделения, соответствующие нашему уставу: взводы, роты, батальоны, полки. Решено было, что офицеры, командующие этими подразделениями, временно будут носить звания, соответствующие контингенту, который находится в них под началом. Разумеется, мы предвидели, что по части количества нашивок на берете и на рукаве этот приказ во многих случаях вызовет большие преувеличения, в которых позднее придется разбираться аттестационным комиссиям. Но я считал, что, подчиняя эти войска нашим традиционным правилам — к чему, кстати сказать, они и сами стремились, — я в конечном счете послужу делу единения французов. В апреле я назначил генерала Кенига командующим внутренними силами и послал его в Англию, в помощь Эйзенхауэру. Из Англии ему удобнее всего было направлять действия сил Сопrotивления, так чтобы они способствовали общему стратегическому плану, сообщаться с нашими внутренними войсками всеми возможными способами, доставлять им оружие и оказывать всякую иную поддержку. Кениг, кроме того, принял под свое командование инородные группы под наименованиями «Альянс»,

«Букмейстер», «Уор офис» и т.д., которые союзники до тех пор непосредственно использовали на нашей территории.

Как же Франции следовало употребить вооруженные силы, которые ей удалось воссоздать? Дуализм в правительстве еще некоторое время мешал нам принять определенные решения. Но так был лишь после тунисской кампании и перед итальянской кампанией, то есть в период относительного затишья. Кроме того, оказалось, что в общем-то взгляды Жиро в этом отношении сходились с моими. Но осенью 1943 открылась перспектива наступления на континенте. В этом время я стал единственным председателем Комитета. Когда надо было действовать, я уже мог принимать решения, но в узких пределах и, признаюсь, в условиях, тягостных для меня, ибо в союзной коалиции силы Франции не были главными.

Мысли мои о том, как нам надо вести войну, определились еще в 1940 году. Пусть наша армия, восстановленная в Африке, вступит в метрополию, сражается вместе с силами тайных отрядов за свободу родины, примет участие во вторжении в рейх и в ходе борьбы обеспечит нас желанным залогом, для того чтобы конечное урегулирование вопроса не могло произойти без нашего участия. Для этого требовалось, чтобы военные действия союзников устремлены были на нашу территорию, чтобы в них предусматривалась не только высадка на севере Франции, но и высадка на юге страны, причем мы должны широко участвовать в этой операции. А до тех пор хорошо было, что западные войска ведут кампанию в Италии, — хорошо потому, что они изматывают немцев и к тому же освобождают морские пути; и, конечно, наши войска, наш флот, наша авиация должны быть включены в эти боевые действия.

Однако стратегические планы союзников все еще были неопределенными. В сентябре 1943 союзники решили приняться за Италию. Но в отношении дальнейших действий у них не было согласия. Соединенные Штаты теперь чувствовали себя способными повести битву в Европе, пройдя кратчайшим путем, то есть через Францию. Вступить на землю Нормандии, а оттуда двинуться на Париж; произвести высадку в Провансе и подняться вверх по долине Роны — таковы были и намерения. Они хотели сочетать обе эти операции. Вслед за тем союзные армии, соединившись между Швейцарией и Северным морем, перейдут Рейн. Американцы считали итальянскую кампанию побочным делом, которое не должно отвлекать внимание от главной задачи.

Англичане — и прежде всего Черчилль — смотрели на положение иначе. По их мнению, американцы планировали нападение на врага там, где это сделать всего труднее, — хотели схватить быка за рога. Гораздо лучше было бы нацелиться на уязвимые места, разить зверя в его мягкое подбрюшье. Вместо того чтобы объектом своих действий прямо назвать Германию и, пройдя через Францию, достигнуть ее, по мнению англичан, надо было двинуться через Италию и Балканы в придунайские страны Европы. Великое усилие союзников должно поэтому состоять в следующем: продвинуться вперед по Итальянскому полуострову, помимо того сделать высадку в Греции и Югославии, добиться вступления в войну Турции, а затем войти в Австрию, в Чехию, в Венгрию.

Разумеется, этот стратегический план соответствовал политике Лондона, который стремился установить преобладание Англии на Средиземном море и прежде всего боялся, как бы вместо немцев там не оказались русские. Нам было известно, что англичане всячески отстаивали свой план на Тегеранской и Каирской конференциях, в посланиях премьер-министра Англии президенту Рузвельту и в созданном в Вашингтоне англосаксонском органе — Объединенном комитете начальников штабов.

Но как бы ни старались наши союзники держать нас в стороне от их совещаний, у нас теперь имелись довольно значительные вооруженные силы и нас уже нельзя было сбросить со счета. Хотя мне и казались заманчивыми некоторые моменты в концепции Черчилля, я не мог с нею согласиться. С точки зрения военных действий операция, которую предлагалось повести от берегов Средиземного моря в направлении Центральной Европы, была слишком рискованной. Допустим, что удастся быстро разбить войска врага, занявшие Италию (хотя не было никаких оснований ожидать тут скорой развязки), но ведь после этого требовалось еще преодолеть огромную преграду — Альпы. Если можно было произвести высадку в Далмации, то как потом выбраться из югославских гор? Греция, конечно, более доступна, да дальше, к северу, какие препятствия представляют собою сложные массивы Балкан! А ведь американские и британские армии созданы главным образом для действий на равнинах при усиленной поддержке военной техники, и жить они привыкли без особых лишений благодаря регулярному снабжению. Я плохо представлял себе, как они будут продвигаться по гористым местам Балканского полуострова, где нет удобных портов, которые служили бы союзникам морскими базами, где мало дорог, да и те в плохом состоянии, где поезда ходят редко и медленно, а между тем придется ведь иметь дело с

немцами, которые ловко успеют использовать заграждения, созданные самой природой. Нет! Искать решения вопроса надо было во Франции, где территория благоприятствовала быстрым операциям, где воздушные и морские базы находились близко, а отряды Сопротивления, действующие в тылу врага, оказались бы при наступлении союзных войск крупнейшим козырем.

Итак, во имя интересов Франции я считал себя обязанным, насколько это для меня было возможно, сопротивляться плану англичан. Неужели можно было позволить державам Запада направить свои войска, минуя нашу страну, в то время как она поработана неприятелем? Неужели нашу страну освободят издалека и косвенным образом и она не увидит, как на ее земле наши солдаты и их союзники одержат спасительную победу? Можно ли допустить, чтобы последняя ее армия двинулась на Прагу, в то время как Париж, Лион, Страсбург еще надолго останутся в руках неприятеля? Если мы не дадим возможности нашим вооруженным силам, выкованным на заморских территориях, сражаться и побеждать в метрополии, разве не упустим мы тогда случая упрочить узы, объединяющие Французский союз? И, наконец, в условиях замешательства, которое появится в стране после отступления немцев и крушения Виши, какой режим возникнет из хаоса, если наша армия будет находиться в Австрии или в Венгрии и не сможет слиться с внутренними силами? Англию и Соединенные Штаты выбор стратегического плана интересовал сточки зрения их политики, но для Франции от этого выбора зависела вся ее судьба.

Случилось так, что довольно рано взяла верх американская точка зрения относительно высадки на севере Франции. В декабре 1943 наши англосаксонские союзники, которых сильно торопили русские, решили выполнить эту грандиозную операцию, получившую наименование «Оверлорд». Мы, конечно, одобрили это намерение. Но высадка на юге страны, хотя она и была решена в принципе и заранее окрещена именем «Энвил», все еще вызывала много споров. Черчилль не отказывался от мысли перенести в Италию и на Балканы все военные действия союзников на юге Европы. Он добился того, что генерал Мейтлэнд Уилсон¹ был назна-

---

¹ Уилсон Генри Мейтлэнд, барон (с 1946), участник англо-бурской и Первой мировой войн, в 1939 командующий Британскими войсками в Египте, командующий Британской экспедицией в Греции в 1941, главнокомандующий на Ближнем Востоке в 1943—1944, верховный главнокомандующий силами союзников в Средиземноморье в 1944—1945, в 1945—1947 глава Британской миссии в Вашингтоне. — *Прим. ред.*

чен главнокомандующим средиземноморского театра. Александер уже стоял во главе армий, находившихся в Италии. Черчилль настаивал, чтобы им предоставили как можно больше американских и французских дивизий и специальных десантных судов. Если не будет противодействия с нашей стороны, то по настоянию премьер-министра на южном театре войны может быть применен английский план.

Но как нам вмешаться? Учитывая нашу ставку в игре, а также силы, которые мы могли выставить в этот период войны, было бы естественно привлечь нас к выработке принципиальных решений союзной коалиции. Пусть глава французского правительства принимает участие в конференциях, где президент Соединенных Штатов и английский премьер-министр обсуждают планы ведения войны; пусть французское командование выделит своего представителя — например, генерала Жиро — в союзный Генеральный штаб, где выработывались планы военных действий. Тогда мы были бы в состоянии отстаивать свою точку зрения и влиять на принимаемые решения. Тогда союзные стратегические планы и мы считали бы своими планами наравне с теми двумя державами, которые их утвердили. И если бы в этом случае выполнение операции высадки на севере Франции было поручено американскому генералу, а на юге — английскому генералу, мы бы с грустью вспомнили о нашем прошлом, но не испытали бы тревоги за настоящее и будущее страны. Но ангlosаксы никогда не соглашались обращаться с нами как с настоящими союзниками. Никогда они не советовались с нами как правительство с правительством. По соображениям политики или потому, что это было для них удобно, они соглашались использовать французские вооруженные силы для задач, которые они сами же им назначали, но использовали их с таким видом, словно наши войска принадлежали союзникам, — только на том основании, что они поставляли нам вооружение.

С такой философией я не мог примириться. Я считал, что содействие, которое Франция во всех отношениях оказывала коалиции, гораздо более ценно, чем то военное имущество, которым ее снабжали. Поскольку союзники не привлекали ее к обсуждению своих планов, я считал, что поступаю правильно всякий раз, когда мне приходилось действовать независимо от них, на свой страх и риск. Дело не обходилось без столкновений. Но с этим надо было примириться, ибо впоследствии все убедились, что, защищая интересы Франции, мы вместе с тем действовали ко всеобщей пользе.

В декабре представился случай показать, что в условиях сложившейся обстановки мы оставляем за собою свободу действий. В это время начались операции в Италии. Там уже находились три французские дивизии. Откровенно говоря, третью из этих дивизий — 4-ю марокканскую — союзники не очень спешили переправить на Апеннинский полуостров. Они предпочитали, чтобы мы ограничились посылкой подкрепления, выделив с этой целью несколько батальонов для войск генерала Жюэна. Мне пришлось вмешаться — я не хотел, чтобы 4-я марокканская дивизия была раздроблена, нужно было отправить ее всю целиком. Так мы и сделали, и можно было только порадоваться этому, когда она показала себя на поле битвы. А тем временем союзное командование изменило свой взгляд и предложило генералу Жиро направить в Италию четвертую крупную часть. Национальный комитет обороны решил удовлетворить просьбу союзников и выбрал для отправки 1-ю свободную французскую дивизию. И вдруг мы узнаем, что она не будет отправлена, а вместо нее, по приказу генерала Эйзенхауэра, назначена к отправке 9-я колониальная дивизия. Я тотчас же приказал уведомить Эйзенхауэра, что 9-я дивизия не состоит в его распоряжении и что она останется в Северной Африке. Тогда Эйзенхауэр сослался, с одной стороны, на какую-то неведомую нам договоренность его с генералом Жиро, а с другой — на условия соглашения, заключенного на конференции в Анфе между Жиро и Рузвельтом, согласно которому французские войска, вооруженные американцами, должны находиться в полном распоряжении американского командования. Такие аргументы лишь утвердили меня в моей позиции. Я подтвердил свое решение. Затем я уведомил Эдвина Уилсона и Гарольда Макмиллана, что мы предлагаем урегулировать между тремя правительствами вопрос об условиях, при которых французские вооруженные силы могут быть использованы союзным командованием наряду с американскими и английскими войсками.

Произошло некоторое замешательство. Союзный главный штаб заявил протест, утверждая, что наш способ действия вредит военным операциям. Посольства же объявили, что вопрос этот не касается Вашингтонского и Лондонского правительств и должен быть урегулирован между генералом Эйзенхауэром и Комитетом освобождения. А поскольку наши войска не двигались из Северной Африки, тогда как они были нужны в Италии, пришлось с нами объясниться. 27 декабря, как мы и предполагали с самого начала, собралась под моим председательством

конференция, в которой приняли участие Уильсон, Макмиллан и генерал Беделл Смит — он заменял находившегося в отлучке Эйзенхауэра. Моими ассистентами были Рене Массигли и генерал Жиро.

Я уведомил участников конференции, что 1-я дивизия — именно первая, а никакая другая — поступит в распоряжение главнокомандующего союзными войсками тотчас же, как только должным образом к нам обратятся с просьбой об ее отправке. Разумеется, что никакие французские вооруженные силы не могут быть использованы ни на одном театре военных действий без разрешения французского правительства. Затем я отметил, что происшедший инцидент побудил нас уточнить условия, на которых французское правительство намерено осуществлять сотрудничество его вооруженных сил с силами союзников.

«Мы, конечно, хотим этого сотрудничества, — сказал я, — но надо, чтобы нам были известны его условия. Ведь мы отстранены от выработки ваших планов. На всякий случай мы заготовили проект соглашения, имеющий целью исправить плачевное положение вещей, организовать сотрудничество трех правительств в общем руководстве войною и сотрудничество трех командований в области стратегии. Если мы заключим соглашение, все пойдет прекрасно. Если не заключим, то французское правительство поставит свои вооруженные силы под союзное командование только на тех условиях, какие оно само определит, оставляя за собой право изъять свои войска целиком или частично, если сочтет, что этого требуют национальные интересы».

И добавил: «В настоящее время союзное командование получает в итальянской кампании содействие нашей армии, нашего флота, нашей авиации, а мы все еще не знаем, для чего и как они там используются. Важнейшее значение для нас имеют предстоящие операции по высадке войск во Франции. Настало время сказать, что мы не сможем посылать подкрепления нашим войскам в Италию и даже оставить в Италии те войска, которые уже посланы туда, если американское и английское правительства не дадут нам гарантий, что операция «Энвил» будет осуществлена, что в ней примут участие все французские вооруженные силы, действующие сейчас в Италии, а также войска, имеющиеся у нас в Северной Африке, и что одна французская дивизия будет вовремя переброшена в Англию, для того чтобы она могла участвовать в операции «Оверлорд» и освободить Париж. Если эти гарантии будут даны, но в дальнейшем окажутся нарушенными, то

французские войска вновь поступят в распоряжение французского правительства».

На следующий день Массигли в письменном виде представил Уилсону и Макмиллану наши предложения и условия. Он получил от них ответ, в котором сообщалось, что наш проект передан на рассмотрение их правительствам, а пока что нам даются те гарантии, которых мы просили в отношении французской кампании. И тогда мы возобновили переброску наших войск в Италию.

С этого времени союзное командование не забывало информировать нас о своих планах, спрашивать наше мнение, надлежащими путями направлять нам просьбы о присылке подкреплений. В Алжире установилось вполне удовлетворительное сотрудничество между Генеральными штабами. Я со своей стороны принимал многих американских и английских военных руководителей. Так, я принял генерала Эйзенхауэра, маршала воздушных сил Теддера, генерала Беделла Смита перед их отъездом в Англию, где им предстояло подготовить операцию «Оверлорд», а затем бросить войска на ее осуществление; генерала Мейтлэнда Уилсона — когда он прибыл занять свой пост главнокомандующего вооруженными силами на Средиземном море, а затем еще несколько раз; адмирала сэра Эндрю Каннингэма; адмирала Хьюитта, на которого возложены были операции по транспорту, эскорту, защите и высадке войск, которых потребует осуществление плана «Энвил»; генерала Дулитла¹, командующего стратегическими военно-воздушными силами на средиземноморском военном театре; генералов Деверса, Геммела, Рокса; маршала военно-воздушных сил Слессора и других. Во время инспекционных поездок в Италию мне с полным доверием сообщали свои планы и осведомлялись о точке зрения французского правительства командующий союзными силами генерал Александер, командующий 5-й американской армией генерал Кларк (этой армии был передан французский экспедиционный корпус), командующий 8-й английской армией генерал Лииз², ко-

---

¹ Дулитла Джеймс (1896—1993), американский генерал авиации, участник Второй мировой войны, сражался в Битве за Англию, в воздушном сражении с Японией после нападения на Пёрл-Харбор, герой войны. — *Прим. ред.*

² Лииз Оливер (1884—1978), британский генерал, участник Первой мировой войны, сражался на Западном фронте во Франции, в 1940 командирован к генералу Гроту, сражался в Битве за Францию, после эвакуации Дюнкерка защищал Дувр, сражался в Северной Африке против корпуса Роммеля, сражался в военной компании в Сицилии против Кессельринга в 1943, главнокомандующий союзнических сил в Юго-Восточной Азии. — *Прим. ред.*

мандующий авиацией генерал Икер¹. Все они осведомляли меня о своих намерениях и знакомились с французской точкой зрения.

Позиция этих военных деятелей, несомненно, отвечала интересам общего дела, но в своих отношениях с де Голлем им пришлось преодолеть чувство удивления, кстати сказать, вполне понятное. Склонных к конформизму английских и американских генералов не мог не удивлять глава государства, не имеющий ни конституции, ни избирателей, ни столицы, но говорящий от имени Франции; офицер, у которого так мало звездочек и приказания которого министры, генералы, адмиралы, губернаторы и послы его страны считают для себя непререкаемыми; француз, которого приговорили к смерти «законное» правительство и поносили многие вишистские сановники, с которым сражалась часть французский войск, затем склонившая перед ним знамена. Должен сказать, что они обнаружили понимание вещей и увидели Францию там, где она была. Я же отвечал этим выдающимся деятелям, верным слугам своего отечества и нашего общего дела, этим прямотдушным людям и отважным солдатам, чувством глубокого уважения и дружбы.

Надо отметить, что организация, с которой они имели дело в своих сношениях с нами, облегчала наши контакты. С тех пор как французское правительство имело лишь одного главу, оно ни с кем не делилось своим правом принимать решения и обязанностью нести за них ответственность. Наша структура командования была чрезвычайно простой и четкой. Опираясь на закон об организации нации во время войны, я в качестве главы государства имел звание главы вооруженных сил, а как председатель правительства обязан был руководить национальной обороной. Я занимался непосредственно вопросами использования наших вооруженных сил, а следовательно, и вопросами стратегического сотрудничества с нашими союзниками. В рамках общего плана, который я определял, военный министр, министр авиации должны были формировать армии, управлять ими и улаживать с американскими и английскими службами вопрос о поставках нам оружия. Наконец, назначенные мною военные руководители осу-

---

¹ *Икер Эйр* (1896—1987), американский генерал, в 1919—1921 служил на Филиппинских островах, в 1935 участвовал в военных действиях на Гуаме и Гавайях, декабре 1942 принял командование 8-м подразделением британских ВВС, в 1944 главнокомандующий ВВС союзников на Средиземноморском театре военных действий, в 1945 представитель командующего ВВС США, с 1947 в отставке. — *Прим. ред.*

ществляли на той или иной территории командование нашими вооруженными силами, входящими в систему союзников. Точно такие же функции и на тех же основаниях выполняли Рузвельт, Черчилль и Сталин — разница была, увы, в значительном перевесе их боевых средств над нашими.

Для того чтобы иметь помощников в выполнении моей задачи, я создал главный штаб национальной обороны и в главе его поставил генерала Бетуара, назначив его заместителем капитана 1-го ранга Баржо и полковника авиации де Ранкура. На обязанности Бетуара лежала подготовка материалов для принятия решений, уведомление о них заинтересованных лиц и контроль за их выполнением. Кроме того, он обеспечивал контакты с высшими военными учреждениями союзников, держал связь с главнокомандующим — сначала с Эйзенхауэром, а затем с Уилсоном, и в его ведении находились миссии наших сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил за рубежом. Не говоря уже о жестких требованиях, которые я сам предъявил к нему, обязанности его были довольно трудны как в силу их сложности, так и потому, что ему приходилось задевать самолюбие правительств и главных штабов союзных войск, министров и высоких французских инстанций, а также и отдельных лиц. Но надо сказать, Бетура превосходно справлялся с делом.

Добываясь для Франции своего рода повышения в ранге в рядах коалиции, мы знали, что личные качества наших генералов, командующих крупными частями, сыграют тут большую роль. И как раз наши военачальники были хороши. Определить на месте положение неприятеля, условия местности, способы действия, сочетать различные виды оружия, увлечь войска — вот что должны уметь делать командиры дивизий. И в этом искусстве отличились — каждый на свой лад — генералы Доди, де Монсабер, Севез, Леклерк де Отклок, дю Вижье, де Вернежуль, Гийом, Броссе, Маньян. Генералы Пойдэно и Шайе превосходно умели использовать артиллерию — орудия всех калибров. Генерал Дромар, возглавлявший инженерно-саперные войска, несомненно, мог бы обеспечить нашим солдатам проход через любые препятствия и, в конечном счете, переправу через Рейн. Во главе армейского корпуса должен стоять человек, обладающий широким кругозором и дальновидностью, умеющий слить в единый удар различные и разновременные действия крупных сил. Генералы Анри Мартэн и де Лармина, первые наши командующие корпусами, блестяще доказали свои дарования. Надо, впрочем, сказать, что

сами обстоятельства окрыляли их, да и в силах у них не было недостатка. Как счастливы полководцы, когда они чувствуют, что их ждет победа!

На море, по той причине, что враг уже не мог ввести в бой значительные силы, война состояла в действиях отдельных наших боевых единиц, распределенных на огромных пространствах для охоты за подводными лодками, для уничтожения рейдеров, для защиты от вражеских самолетов, сопровождения транспортов и обороны наших баз. Таким образом, боевые действия вели наши военные корабли, вкрапленные в систему союзников. Французские адмиралы, имевшие равные права со своими английскими и американскими коллегами, сумели оказать действенную помощь в этой борьбе на море, в которой то и дело нападают врасплох, как в карточной игре, когда не хватает козырей. Но наши моряки сумели поддержать честь французского флота. Лемонье сделал это как руководитель всех наших морских сил, а во главе отдельных соединений отличились д'Аржанлье, Коллине, Номи, Обуано, Ронарк, Барт, Лонго, Миссов, Батте и другие.

Наша авиация в силу обстоятельств должна была включить свои эскадрильи в большие группы истребительной авиации, авиации непосредственной поддержки и бомбардировочной авиации союзников. Генерал Буска, возглавлявший наши военно-воздушные силы в целом, генералы Валлен, Жерардо, Монрелэ, Лешер и другие командиры отдельных частей показали себя достойными руководителями французской воздушной армии, горячо стремившейся восстановить свою славу. Возглавляя совершенно новую силу, еще не имеющую своих доктрин, они умели с высоким искусством использовать военную технику и поднимать боевой дух своих людей.

В первом ряду военачальников в этот период возрождения наших вооруженных сил были генералы Жюэн и Делаттр де Тассиньи¹.

---

¹ *Делаттр де Тассиньи Жан Жозе Мари Габриэль* (1889–1952), французский генерал, участник Первой мировой войны, в 1924–1925 офицер Генерального штаба в Рифской войне в Северной Африке, в 1940 сражался в Южной Франции, участник движения Сопротивления, в 1943 присоединяется к Сражающейся Франции в Северной Африке, в 1944 главнокомандующий всех французских вооруженных сил в Северной Африке, в 1945 во главе 1-й французской армии входит в Южную Германию, представитель Франции в Контрольном Совете Союзников, в 1947 вице-президент Высшего военного совета, в 1948 главный инспектор французской армии, в 1950 французский военный комиссар в Индокитае. — *Прим. ред.*

Им выпала честь поочередно командовать единственной армией, которую Франция могла ввести в бой. У них оказалось много общих черт. Они были одного возраста, получили одинаковое образование, одновременно вступили на военное поприще и одинаково быстро продвигались по службе; оба, не замарав своей части, избежали ловушек, поставленных им поражением 1940, а затем режимом Виши, и теперь по очереди уступали один другому важный пост командующего армией, для которого они были созданы и о котором оба всегда мечтали. Впрочем, они были люди великодушные и, несмотря на свое соревнование, по достоинству ценили друг друга. Но какие же они были разные по своей натуре!

Жюэн, сосредоточенный, всегда ровный, замкнутый, целиком отдавшийся делу, был обязан своим авторитетом не только внешнему блеску, сколько глубоким достоинствам и привлекал людей больше впечатлением солидности, которое он производил, нежели обаятельностью; прокладывая себе дорогу, он не пренебрегал иной раз хитростью, но никогда не прибегал к недостойным уловкам. Делаттр, темпераментный, подвижный, умел видеть далеко и смотреть во все стороны: он импонировал силой своего ума и вызывал к себе любовь, так как щедро отдавал людям свою душу. К поставленной цели он шел внезапными, неожиданными, хотя зачастую рассчитанными рывками.

В общем оба они были мастерами своего дела. Жюэн для каждой операции заранее создавал твердый маневренный план действий. В расчетах своих он руководствовался данными разведки, а иной раз и собственной интуицией, которую в дальнейшем всегда подтверждали факты. Осью его планов всегда бывала одна единственная идея, такая ясная, четкая, что она всегда была понятна его соратникам, такая правильная, что ему не случалось менять своих намерений в ходе борьбы, продуманная так основательно, что в конечном счете неприятелю приходилось подчиниться этому плану. Успехи его иногда обходились дорого, но это не вызывало осуждения, и, как ни была велика в них его заслуга, они казались вполне естественными.

Делаттр при всяком новом положении прежде всего искал удобного случая. А пока он не находил этого случая, он пробовал одно, другое, искал ощупью, мучился, терзался нетерпением, которое выражалось в резких выходках. Но вдруг, открыв, где, когда и каким образом может возникнуть искомое событие, он, для того чтобы его вызвать и использовать, пускал в ход все богатые ресурсы своего таланта и необычайной энергии, требовал от тех, ко-

го он вел за собой, беспредельных усилий, но зато умел внушить им уверенность в успехе.

Так же как делали это Лармина, Леклерк и Кениг в самую черную годину Франции и располагая слабыми силами, Жюэн и Делаттр, лишь только забрезжила заря, развернули борьбу в более широких, но — увь! — все еще ограниченных масштабах и восстановили честь французского военного командования — в глазах французской нации, в глазах союзников и в глазах врага.

Наш экспедиционный корпус в Италии вступил в дело в декабре 1943; если ему дали место в боевых рядах, то, конечно, для трудной задачи. В этот момент силы союзников, которыми командовал Александер, находились между Неаполем и Римом, войдя в соприкосновение с группой фельдмаршала Кессельринга¹, состоявшей из 10-й и 14-й немецких армий; линия фронта тянулась из-за устья Гарильяно, то есть от Средиземного моря до устья Рапидо, впадающей в Адриатическое море, и проходила через Монте-Кассино. Немцы, у которых тут оказались умелые и энергичные командиры, занимали вдоль всей линии фронта прочно укрепленную позицию, позади которой у них имелись еще две укрепленные линии — «Густав» и «Гитлер»; там везде были хорошие войска, мощные орудия, хорошо укрытая полевая артиллерия, минные поля. В начале зимы зона действия французов была на южных склонах Аbruццских гор, на подступах к Аквафундата, среди заснеженных, голых горных кряжей со скалистыми вершинами и глинистыми склонами, где приходилось ползти по грязи, утопать в тумане, бороться с резким холодным ветром. Наши войска, приданные 5-й американской армии, стояли на правом фланге, соединяя ее с 8-й английской армией.

Объектом союзников был Рим. Чтобы подойти к нему, генерал Кларк, командующий 5-й армией, хотел выйти на равнину Лири, где удобно было продвигаться его бронетанковым частям, но доступ туда был закрыт природным заграждением — кряжем Кассино. И вот как раз на этом кряже, то есть там, где немцы укреплялись лучше всего, Кларк и решил форсировать неприятельские

---

¹ *Кессельринг Альберт* (1885–1960), немецкий военачальник, участник Первой мировой войны, с 1933 глава Административного управления Имперского министерства авиации, участвовал в Гражданской войне в Испании 1936–1937, воевал в Польской компании (1939) и в Битве за Францию (1940), в Битве за Англию (1940), сражался против СССР в 1941, руководил военными действиями в Средиземноморье и Италии, планировал военные операции в Северной Африке, военный преступник. — *Прим. ред.*

позиции. Правда, он рассчитывал на свою мощную артиллерию и еще более на свою авиацию, которая могла, как он надеялся, подавить всякое сопротивление. Французский экспедиционный корпус получил задание прорвать укрепленную линию неприятеля к северу от знаменитого монастыря и помочь союзникам овладеть этими позициями.

Всю вторую половину декабря с величайшим трудом продвигалась 2-я марокканская дивизия, которая вступила в действие первой из наших крупных воинских частей. Пробираясь через горы, достигающие 2400 метров высоты, в снегу или под дождем, ведя бои с врагом, который дрался с ожесточением, дивизия, которой командовал Доди, пядь за пядью овладела массивами Кастельнуово, Пантано, Менарде. Южнее наши союзники подошли к Монте-Кассино. Однако им не удалось овладеть этим районом. На севере английская армия оставалась на своих позициях. В январе Кларк решил нанести решительный удар совместными усилиями. Началось наступление по всему фронту. В то же время в Анцио высадился корпус союзных войск, желая обойти неприятеля. До середины марта шли кровопролитные бои, которые, однако, не привели к решительному исходу.

Не подлежит сомнению, что Французский экспедиционный корпус, не жалевший своих сил, перенес много испытаний и имел на своем счету немалые успехи. В начале января командование корпусом принял генерал Жюэн. Рядом с дивизией Доди на линию фронта вышли 3-я североафриканская дивизия генерала де Монсабера и марокканские войска генерала Гийома. В дальнейшем к ним присоединили 4-ю марокканскую дивизию, которой командовал Севез. Кроме того, французскому сектору придали итальянскую дивизию генерала Утиле. Наступление началось 12 января. За три недели французы проникли в неприятельскую зону на глубину двадцати километров, захватили по фронту первую линию немецких позиций, прорвали потом вторую линию, взяли в плен 1200 человек, причем операции происходили на участке чрезвычайно гористом, а враг направил против наших частей более трети тех сил, которые он выдвинул против 5-й армии. Дело увенчалось (тут можно употребить это слово) взятием Бельведере, являвшегося ключевым пунктом линии «Густав». В боях за овладение этой позицией, которая несколько раз переходила из рук в руки, 4-й тунисский стрелковый полк совершил один из самых блестящих военных подвигов, но понес большие потери. В частности, были убиты в сражении командир полка полковник

Ру и девять капитанов из двадцати четырех. Однако на левом фланге в руках неприятеля оставался Монте-Кассино, несмотря на ужасающие бомбардировки с воздуха и неоднократные мужественные атаки американцев, индийцев, новозеландцев. На правом фланге у 8-й армии не замечалось значительных успехов. В таких условиях Жюэну пришлось приостановить свое продвижение.

И все же оно создало у французов впечатление победы. Враг не переставал отступать перед ними. Они чувствовали, что во главе их стоит командующий с ясным умом и твердой волей, планы которого осуществляются в точности: комбинированные действия различных войсковых соединений, связь между войсками различного рода оружия не оставляла желать ничего лучшего. Наконец наши убедились, что в операциях в горных местностях, требующих от войск огромного напряжения сил и маневренной способности, никто в лагере союзников с ними не может сравниться. Впрочем, и сами союзники во всеуслышание заявляли об этом. С каким благородством и великодушием король Георг VI, генералы Эйзенхауэр, Уилсон, Александер и Кларк выразили генералу Жюэну и его войскам признательность за их заслуги!

В начале марта, когда я инспектировал наши войска на итальянском фронте и проезжал мимо тех природных крепостей, которые они взяли, я, так же как и все, кто там был, испытывал чувство гордости за наших солдат. Но для меня стало очевидно, что нового усилия можно потребовать от них лишь в рамках более широкой стратегии. И первым в этом был убежден Жюэн. Он уже делал об этом настойчивые представления союзному командованию, а вскоре предложил ему новый тактический план.

Жюэн считал, что для овладения Римом необходимы одновременные согласованные действия всех союзных сил и прежде всего определение главного удара, которому все должно быть подчинено. Удар нужно нанести на участке, ведущем к объекту, то есть в полосе южнее Аbruцских гор. Следовательно, необходимо сократить растянутую линию фронта 5-й армии, для того чтобы она могла собрать сильный кулак у Гарильяно, тогда как 8-я армия вытянет свой фронт к югу, а части, находящиеся на левом ее фланге, поведут операции в направлении Кассино и Лири. Тогда в зоне генерала Кларка будет всего два сектора: на севере — горы Аурунчи, на юге — равнина, прилегающая к морю. Командующий Французским экспедиционным корпусом предлагал взять на себя наступление на горы Аурунчи, в то время как американцы будут продвигаться на левом его фланге по менее гористой местности.

Прежде чем встретиться с нашими, я решил побеседовать с Александром и отправился в его ставку, находившуюся в Казерте. Я считал, что этот человек светлого ума и положительного характера вполне подходит для роли командующего союзными вооруженными силами — роли весьма сложной, так как он должен был управлять английской армией, американской армией, частью французской армии, корпусом польской армии, итальянскими контингентами, бразильской дивизией, руководить своими щепетильными подчиненными и приводить их к взаимному согласию. Он должен был договариваться со штабами морских вооруженных сил различных государств и их военной авиацией, терпеливо сносить указания, запросы и требования объяснений со стороны Вашингтона и Лондона и быть при этом обязанным вести фронтальное наступление между двумя морями, что крайне ограничивало возможность маневра. Генерал Александр искусно лавировал между всяческими трудностями, не теряя при этом ясности мысли, вежливости и оптимизма. Он поделился со мною своими планами. Я выслушал его, не позволив себе вмешиваться в его оперативный план. По-моему, правительства должны предоставлять полную свободу мысли командованию, несущему ответственность за исход кампании. Но услышав от Александра, что он предполагает внести изменения в свою стратегию — и как раз в том смысле, как это рекомендовал Жюэн, — я выразил ему свое удовлетворение.

Оказалось, что и Кларк склонен к такому решению. Я был в его фургоне, где он жил и работал. Кларк произвел на меня очень хорошее впечатление. И не только потому, что он говорил ясно и четко то, что хотел сказать, но и потому, что, занимая высокий командный пост, оставался простым и скромным человеком. В этом его немалая заслуга, тем более что он первый из американских генералов получил командование армией на западном театре военных действий. Америка ждет от него успехов — для его соотечественников это вопрос самолюбия; так же как и Александр, Кларк питал к Жюэну глубочайшее уважение и отзывался о французских войсках с горячей, и несомненно, искренней похвалой. Такое же мнение о них высказывал и генерал Андерс, командующий польским корпусом, который занимал соседний с нами сектор и, воодушевляемый своими надеждами, совершал чудеса храбрости. Итальянский генерал Утиле и его дивизия оказывали весьма ценное содействие нашим солдатам и делали это от всего сердца. В Алжире генерал Маскангера, прибывший со своей дивизией из

Бразилии, которая вскоре затем была переброшена в Италию, заявил, что он хочет взять для себя за образец французских генералов. Право, такие слова могут смягчить боль многих ран!

В скором времени Уилсон уведомил меня о решении, принятом генералом Александером: наступление должно возобновиться в мае — по плану, переложенному Жюэном. Тотчас мы послали подкрепление экспедиционному корпусу, направив в Италию 1-ю свободную французскую дивизию, дополнительные части марокканских войск, несколько артиллерийских дивизионов, спаренные части и танки. Командование армейского корпуса, получив необходимое пополнение, стало теперь командованием армии. Теперь в Северной Африке, поскольку 2-я бронетанковая дивизия была отправлена в Англию, оставались лишь следующие крупные войсковые части: 1-я и 5-я бронетанковые дивизии и 9-я колониальная дивизия, заканчивавшая свою подготовку. Мы, следовательно, ввели в действие на полуострове более половины наших боевых сил. Довольно! Когда генерал Уилсон старался увлечь меня перспективой усиления военных действий на обоих берегах Адриатики и выразил пожелание, чтобы мы дали ему возможность использовать не только те французские войска, которые уже находились в Италии, но и другие, находившиеся в резерве, я ответил, что мы вовсе не это ставили для них основной целью и что французское правительство намерено и те и другие войсковые соединения употребить для операции «Энвил». «А до тех пор, — сказал я Уилсону, — наша армия в Италии, насчитывающая 120 тысяч человек, то есть более четверти всего количества бойцов, примет участие в ближайшем наступлении, и, надеюсь, ее роль будет решающей».

Так оно и вышло. Наступление началось в ночь с 1 на 12 мая. Французский экспедиционный корпус повел атаку на горы Аурунчи. Это хаотическое нагромождение высот, казалось, исключало всякую возможность быстрого продвижения. Но именно поэтому французское командование и развернуло там военные действия. В самом деле, у врага были все основания полагать, что ему надо держать оборону главным образом не в самих горах, но на северных или южных склонах, ибо они не отличаются крутизной и к тому же там проходят две дороги к Риму — с одной стороны дорога № 6, а с другой — № 7. Значит, мы застигнем врага врасплох, если наиболее сильную атаку поведем в самом трудном секторе. Необычайный маневр, предпринятый генералом Жюэном в этом секторе, ошеломил противника. По самому высокому

гребню, где меньше всего было хоженных троп и откуда немцы уж никак не ожидали вторжения, французы быстро двинулись вперед, обходя справа и слева оборонительные сооружения противника, и одну за другой прорвали насквозь все три линии его позиций, причем так стремительно, что немцы не успели опомниться и ни одну из трех линий не отбили. Чтобы использовать все преимущества неожиданного нападения, чреватого, конечно, и большими опасностями, командующий экспедиционным корпусом отдал приказ захватить врасплох глухой ночью, без предварительной артиллерийской подготовки склоны горы Маджо — огромного вала, прикрывавшего всю систему немецких оборонительных позиций.

Правда, экспедиционный корпус состоял из первоклассных войсковых частей, приспособленных для горных походов. В частности, 4-я дивизия и марокканские войска способны были пройти где угодно, и генералу Жюэну это было прекрасно известно. И вот он доверил соединенным силам этой дивизии и марокканских войск под командованием Севеза важное задание: как можно быстрее переправиться через высоты на этом участке и, обойдя с юга немецкое расположение, двинуться к намеченному объекту — массиву Петрелла, близ Пико, в тылу врага. Превосходный по своим боевым качествам полк 2-й марокканской дивизии — 8-й стрелковый под командой полковника Молля — должен был пробить брешь в обороне противника, с ходу овладев высотой Маджо. Со своей стороны 1-я свободная французская дивизия, обойдя с севера гористый массив, примкнет левым флангом к 8-й армии и поможет ей выйти на равнину Лири. И, наконец, перед 3-й североафриканской и 2-й марокканской дивизиями была поставлена трудная задача овладеть немецкими оборонительными сооружениями в самих горах Аурунчи.

Как живая машина, в которой каждый винтик — мыслящий человек, стремящийся к одной-единственной цели, французская армия в Италии в точности выполнила приказ своего командующего. 17 мая, когда я снова приехал на полуостров в сопровождении военного министра Андре Дьетельма и генералов Делаттра и Бетуара, я сам убедился в этом на месте. После тяжких годин унижения и душевных страданий какую великолепную картину представляли собою войска Монсабера и Доди, наступавшие в сторону Эсперия и Сан-Олива, войска Севеза и Гийома, уже находившиеся на подступах к Пико, артиллерийские батареи Пуадэно, не отстававшие от пехоты, которая карабкалась по скло-

нам, и саперы Дромара, ухитрившиеся накануне штурма совершить чудо — построить в непосредственной близости от неприятеля, но неслышно и невидимо для него мосты через Гарильяно, а теперь и днем и ночью не покладая рук работавшие над тем, чтобы наши колонны могли безопасно пройти по дорогам, которые немцами были заминированы и перерезаны. Обозы наши двигались в образцовом порядке, наши парки и мастерские обслуживали боевые соединения безотказно и без проволочек. В наших подвижных полевых госпиталях, несмотря на большой наплыв раненых — французов и немцев, состояние медицинской службы, самоотверженная работа наших сестер милосердия и фельдшерниц, сопровождающих санитарные машины, коими ведали мадам Катру и мадам дю Люар, были на высоте задачи. И каждый во время похода, на любом посту, каковы бы ни были потери и изнурительные мытарства, был готов к новым испытаниям и имел бодрый вид, свойственный французу, когда дела его идут так, как он хочет.

Двадцатого мая все немецкие позиции были нами прорваны на глубину в три десятка километров, и французы уже перевалили через Пико. На левом фланге 2-й американский корпус захватил Фонди и двигался к Понтенским болотам. На правом фланге англичане и поляки захватили: одни — Сан-Анджело, а другие — Монте-Кассино; но в том секторе, где неприятель больше всего сосредоточил оборонительных сооружений, они еще вели бои и вынуждены были остановиться перед линией Атина — Понтекорво. Прежде чем позать лавры успеха, переписать поименно пять тысяч немецких солдат, захваченных в плен, сосчитать трофейные орудия и всякие военные материалы, отбитые у неприятеля, Французскому экспедиционному корпусу пришлось принять участие в новых боях и повести наступление по линии Понтекорво — Пико, а на левом фланге помочь генералу Лизу захватить новый участок в направлении Рима. 4 июня наши первые подразделения проникли туда. 5 июня колонны американских, английских, французских войск уже проходили по улицам столицы.

Немецкий писатель Рудольф Бёмлер, сам воевавший в Италии, дал в своей книге «Монте-Кассино» историю боев 10-й немецкой армии. Его книга получила одобрение фельдмаршала Кессельринга. Описав блестящие успехи Французского экспедиционного корпуса в зимних сражениях, в частности — при овладении Бельведере, автор вспоминает, как было озабочено высшее немецкое командование, получив сообщение, что фран-

дузы ушли их этого сектора — и никто не знал, в каком направлении. А ведь немцы предвидели, что союзные армии сделают новую попытку завладеть Римом. «Но только наступление противника, — пишет Рудольф Бёмлер, — могло открыть, где нам грозит наибольшая опасность. А самым точным ее показателем всегда бывало местонахождение Французского экспедиционного корпуса... Куда же он двинулся? Где он? Там, где появился Жюэн, Александер, несомненно, затевал что-то серьезное». И Кессельринг знал это лучше всех. «Боле всего забот доставляло мне то, — говорил фельдмаршал, — что я не знал, в каком направлении поведет наступление Французский экспедиционный корпус, в составе каких частей и где думает укрепляться... От этого зависели окончательные мои решения...» Рудольф Бёмлер добавляет: «Опасения фельдмаршала имели основания. Ведь именно Жюэн разбил левый фланг 10-й армии и открыл союзникам дорогу на Рим. Несколько месяцев кряду его экспедиционный корпус вел упорные бои и взломал наконец ворота, которые вели в Вечный город».

Воинская доблесть, честь оружия, бранные подвиги солдат — без них страна не может ни устоять против врага, ни воспрянуть после поражения. Испокон веков наша нация в изобилии отдавала на службу родине сокровища своего мужества. Но для этого нужно, чтобы ее душа, ее воля, ее действия — то есть ее политика — были национальными. О, если бы во главе Франции между двумя войнами стояла способная государственная власть, если бы перед лицом честолюбивых замыслов Гитлера ею действительно управляли, если бы армия, заслонявшая ее от врага, имела должное оснащение и командование, совсем иначе ложилась бы наша судьба! Даже после поражения, постигшего нас в мае 1940, нам все еще была бы обеспечена значительная роль, ибо у нас оставались африканские владения, оставался флот, оставалась часть армии, — лишь бы только наш режим способствовал значительности этой роли, а руководители стремились бы к ней. Но после стольких капитуляций Франция должна была подниматься к свету из мрака глубокой пропасти, и для нее все зависело от усилий ее солдат. После Керена, Бир-Хашейма, Феццана, Туниса слава, добытая нашими войсками в Италии, возвращала Франции надежду на возрождение. Прибыв в Лондон накануне большого десанта, я получил отчет об операциях наших войск в Италии и передал его командующему: «Французская армия внесла значительный вклад в дело великой победы, одержанной в Риме. Так оно и должно бы-

ло случиться! Это ваша заслуга, генерал Жюэн. Вы и подчиненные вам войска достойны своей родины!»

В то время как 2-я и 4-я дивизии и марокканские части остановились близ Рима для перегруппировки, Жюэн бросил в своем секторе на преследование неприятеля корпус под командой генерала Лармина. Этот корпус, сформированный из дивизий Броссе и де Мансабера, усиленный танками и артиллерией, двигался в направлении озеро Больсена — Радикофани — перевал Орча — Сиена. В каждом из этих пунктов происходили тяжелые бои, в которых пало много отважных солдат, и вместе с ними погибли полковник Лиран-Шампрозэ и капитан 2-го ранга Амьё д'Инвиль — из них первый командовал артиллерией, а второй — полком морской пехоты 1-й свободной французской дивизии. И все же Лармина расправился как следует с немецкими арьергардами. Надо сказать, что союзная авиация господствовала в воздухе и громила колонны неприятеля. Ничто так хорошо не давало представления о поражении немцев, как груды железного лома, вздымавшиеся вдоль дорог.

А тут еще французы овладели островом Эльбой при поддержке специальных кораблей, которые дали им англичане, и несколько американских истребительных и бомбардировочных эскадрилий. Операцию эту генерал Жиро предложил сразу же после освобождения Корсики. Но союзники были тогда поглощены военными действиями в Анцио, и он не мог убедить их в целесообразности своего плана. Теперь же они сами попросили нас захватить остров. Я дал согласие. Нападение повели под командованием генерала Анри Мартэна 9-я колониальная дивизия, ударный батальон и десантники — все эти части стояли в Африке и должны были войти в армию Делаттра при предстоящей в скором времени высадке союзных войск на юге Франции.

В ночь с 16 на 17 июня генерал Мартен маленькими группами высадил ударные отряд майора Гамбиеза, и они в течение нескольких минут овладели семью батареями немцев. Затем дивизия Маньяна ступила на берег в бухте Кампо. 18 июня, после тяжелых боев в Маринади-Кампо, Порто-Лонгоне, Портоферрайо, наши войска заняли весь остров, уничтожив немецкий гарнизон, которым командовал генерал Галь; они захватили 2300 пленных, завладели 60 пушками и большим военным имуществом. Генерал Делаттр, немедленно прибывший на место действия, в тот же вечер сообщил мне по телеграфу из «домика Наполеона» о результатах, подчеркнув, что эта победа была достигнута в годовщину моего призыва 1940.

Занятие острова можно было считать хорошим началом той большой операции, о которой я мечтал тогда, обращаясь с возмущением и имея в виду высадку на побережье Прованса. Но все зависело от конечных решений союзников. Ведь могут же они под впечатлением размаха побед, достигнутых в Италии, в последнюю минуту отказаться от операции «Энвил» в пользу совсем другого плана — закрепления успехов на полуострове! Во время моей поездки, предпринятой в конце июня, после возвращения из Лондона и Байё, я обнаружил, что командование действительно очень хотело продолжать кампанию с помощью тех сил, которые находились на месте, и даже расширить ее при поддержке новых подкреплений. Такое желание было вполне естественно для них. Я же, учитывая мою ответственность перед французской нацией, не мог согласиться с такой точкой зрения.

Тем временем американцы, которые вели ожесточенные бои в Нормандии, требовали скорейшей высадки в Провансе. Маршалл и Эйзенхауэр настаивали, чтобы это произошло в августе месяце. Для большей верности я со своей стороны довел до сведения генералов Уилсона и Александера, что французское правительство особо просит их в надлежащее время перегруппировать предоставленные в их распоряжение французские вооруженные силы, с тем чтобы они самое позднее в августе месяце были переброшены во Францию. Я не возражал против того, чтобы наши войска, занятые преследованием противника, продолжали начатые операции в течение еще нескольких недель. Но они никоим образом не должны быть заняты в боях после 25 июля, равно как и не должны переходить долину Арно. Нашим армиям в Италии, а также нашим силам, находившимся наготове в Африке, я отдал приказ, определяющий их будущую цель. Генерала Жюэна — как ни грустно ему было покидать свой пост и как ни больно было мне лишать его этого поста — я назначил начальником Генерального штаба национальной обороны: на должность, особо важную во время проведения активных операций, серьезной реорганизации армии и в обстановке трений с союзниками, которые неизбежно возникнут при освобождении страны. Вплоть до того дня, когда я отошел от власти, Жюэн находился при мне как один из лучших помощников и преданнейших военных советников, каких когда-либо имел глава Франции.

Наконец дата высадки на юге была намечена на 15 августа. Как мы и хотели, всем французским сухопутным, военно-морским и военно-воздушным силам, находившимся в районе Сре-

диземного моря, предстояло участвовать в этой операции. А до этого некоторые наши части оставались на итальянском полуострове. Продолжая продвижение во главе дивизий Монсабера и Додди, а также марокканских частей, генерал де Лармина 3 июля овладел Сиеной, приняв, однако, все необходимые меры, чтобы не разрушить этого чудесного города. 22 июля наши войска под непосредственным командованием Дюэна, который хотел сам руководить последними боями в Италии, захватили Кастельфьорентино близ Флоренции и долины Арно, где противник после этого долго будет собираться с силами. Затем, препоручив свой сектор заботам союзников, наши поспешили сесть на суда, которые должны были высадить их во Франции.

Ехать им предстояло по морю, где господствовал западный флот. Правда, еще в сентябре 1943, после перемирия в Сиракузах, державы оси лишились почти всего итальянского флота, уже немало пострадавшего от налетов Эндрю Каннингэма. С другой стороны, весной 1944 англичанами были уничтожены «Шарнгорст» и «Тирпиц», последние быстроходные корабли германского флота. И тем не менее у противника оставалось еще немало подводных лодок, рейдеров, донных сторожевых судов, которые, действуя совместно с авиацией, продолжали наносить караванам наших судов тяжелые потери. Поэтому необходимо было сначала очистить моря от противника, а потом уже выпустить армады, которые повезут войска для высадки.

В соответствии с этим в Атлантике, в Северном море, в Северном Ледовитом океане французские крейсеры, миноносцы, подводные лодки, фрегаты, корветы, морские охотники, дозорные сторожевые суда, конвойные суда, отправляясь из портов Великобритании под командой адмирала д'Аржанлье, принимали участие в обширном плане наступательных и оборонительных операций, проводившихся союзниками. Во время операции «Оверлорд» все наши корабли, базировавшиеся в Англии — 40 малых военных судов и 50 пароходов и грузовых судов, — участвовали в эскортировании и перевозке сухопутных войск, а также в обстреле врага при высадке генерала Эйзенхауэра. В этой операции принимали участие крейсера «Жорж Лейг» и «Монкальм» под командованием адмирала Жожара; остановившись у Пор-ан-Бессен, они подвергли чрезвычайно эффективному обстрелу побережье, а затем поддерживали высадку войск. На старый броненосец «Курбе», который в течение четырех лет стоял в качестве понтона на рейде в Портсмуте, в этих чрезвычайных обстоятельствах был

направлен немногочисленный экипаж во главе с хорошим командиром Витцелем, который под огнем противника подвел броненосец к французскому берегу и посадил его там на мель; в результате образовался своеобразный мол и был создан искусственный порт Арроманш. И наконец морская пехота под командованием капитан-лейтенанта Киффе сошла на берег в Уинстреаме вместе с первыми отрядами союзников.

В южной части Атлантики французский флот в ожидании операции «Энвил» усиленно поддерживал действия западных держав. Семь наших крейсеров, разделенных на два отряда под командованием соответственно адмиралов Лонго и Барта, к которым вскоре присоединились два крейсера адмирала Жожара, несли между Дикаром и Наталем службу по перехвату немецких судов, «осуществлявших блокады». Одно из судов противника — «Портланд» — было потоплено «Жоржем Лейгомпом». Вдоль всего западного побережья Африки, да и вообще на этих широтах военно-морские силы и морская авиация под командованием адмирала Коллинэ вели операции против подводных лодок, рейдеров и авиации противника.

В Средиземном море отряд легких французских крейсеров под командой капитана 1-го ранга Сала, которого впоследствии заменил Лансело, вместе с многочисленными английскими и американскими судами оказывал поддержку армиям союзников в Италии. Так, в сентябре 1943 «Фантаск» и «Террибль» принимали участие в высадке войск под Салерно. В январе 1944 «Фантаск» и «Малэн» помогали при операции в Анцио, обстреляв с близкого расстояния немецкие подкрепления, шедшие по Аппиевой дороге. Затем, выйдя в Адриатическое море, этот отряд атаковал корабли, которые противник провел ночью вдоль итальянского побережья, чтобы подбросить продовольствие своим войскам, лишенным сухопутного подвоза благодаря действиям союзной авиации. 1 марта в районе Пола наши легкие крейсера пустили ко дну пять судов противника, в том числе один миноносец. 19 марта они потопили пять судов далеко в море. В июне в северной части Адриатики они уничтожили еще четыре судна. В этот период все караваны дружественных нам держав, плававшие на широте Англии и Нормандии или направлявшиеся в Италию, на Корсику, в Северную Африку, имели в своем эскорте французские суда. Мы потеряли миноносец «Комбатант», подводную лодку «Проте», вестовое судно «Ардан», тральщик «Мари Мад», танкер «Нивоз», морской охотник № 5 и несколько грузовых судов.

Наконец, в Тихом океане великолепный «Ришелье» под командой Мервейе дю Виньо присоединился к кораблям линейного флота. В апреле под Мабаном, в мае под Сурабаей он активно поддерживал действия союзных авианосцев. Словом, французский флот всюду проявил себя наилучшим образом.

Если господство на море и позволило предпринять наступление на континент, то лишь благодаря тому, что оно сочеталось с преобладанием в воздухе. И в тех и в других операциях французы принимали активное участие, хотя и не играли решающей роли. Семнадцать наших авиагрупп поддерживали сухопутные войска в Италии. Семь авиагрупп участвовали в битве за Францию; две из них летали на дальние бомбардировки, имевшие целью вывод из строя германской промышленности. Две истребительные авиагруппы с честью участвовали в ожесточенной борьбе, которую выигрывала Россия. Несколько авиагрупп прикрывали наземные базы на побережье Северной Африки и караваны судов в море. Их славные дела и подвиги были подобны искрам, разжигавшим пожар «великой битвы».

Сражение за Францию сливается в единой целое. Боевой дух, вдохновляющий наши регулярные войска, растет и в наших внутренних силах. Эти последние задолго до начала высадки уже не только участвуют в стычках, но и ведут серьезные бои по всей форме. К донесениям об операциях сухопутных войск, лота и авиации присоединяются теперь ежедневные отчеты об активности маки и подполья. Вполне естественно, что пожар охватывает прежде всего Центральный массив, Лимухен и Альпы.

Десятого сентября 1943 под Дуршем в Авероне разворачивается сражение, явившееся своеобразным сигналом. Целая рота немцев отступила под натиском наших, оставив на поле боя своего капитана и десять солдат. Правда, в Ла-Бори победоносные партизаны были в свою очередь истреблены и их командир, лейтенант де Рокморель, убит противником. Но в других местах Аверона и Канталя разворачиваются бои, в которых преимущество остается на нашей стороне. В Сен-Ферреоле, в Террасоне происходят ожесточенные схватки, в ходе которых оккупанты теряют несколько сот людей, — это предшественники большой операции, которая будет проведена одновременно с высадкой. В Пюи-де-Дом после нескольких удачно предпринятых вылазок полковник Гарси собрал три тысячи человек на позиции Муше и 2 июня начал бои, в которых немцы оказались в явно невыгодном положении. Непрерывающиеся схватки в Лимузене, Керси, Перигоре наносят противнику серьезные потери.

В Верхней Савойе разворачиваются все более напряженные бои. Уже в июне 1943 итальянцам, которые оккупировали этот департамент, пришлось довольно тяжело в Дан-де-Ланфон, а в следующем месяце — в Клузе. Пришедшие к ним на смену немцы в течение зимы подвергались неоднократным атакам. В феврале 500 французов, к которым присоединилось 60 испанцев, заняли позицию на плато Глиер. Командовал ими лейтенант Морель. После смерти Мореля его заместил капитан Анжо, который в свою очередь пал на поле боя. Противник, который на протяжении марта не раз предпринимал против них вылазки, оканчивавшиеся неудачей, решил пустить в ход крупные силы. Он бросает против них три батальона, две горные батареи, тяжелые мортиры, прибегнув при этом к омерзительной помощи отрядов французской милиции и жандармерии. Итак, семь тысяч человек при поддержке пикирующих бомбардировщиков выступают на штурм плато Глиер. После тринадцати дней боев немцам наконец удается захватить его. При этом они потеряли 600 своих солдат и все же не смогли уничтожить защитников, две трети которых сумели уйти от преследователей.

В департаменте Эн идут непрерывные бои. Отряды внутренних сил, дисциплинированные, возглавляемые опытными командирами, являются здесь хозяевами положения. Они доказывают это 11 ноября, в день славного юбилея, сумев за одни сутки занять Ойоннак. Вступив в город, полковник Роман-Пети проводит смотр войскам перед памятником погибшим, а затем бойцы проходят через город, встречаемые растроганным населением. Чтобы уничтожить маки в Эне, немцы в начале 1944 проводят серьезные операции, которые обходятся им в несколько сот солдат. В апреле они предпринимают новые попытки, за которые расплачиваются еще более дорогой ценой. В июне наши начинают повсюду наступательные действия и захватывают в плен четыреста немцев.

В департаменте Дром, через который проходит большая транспортная магистраль Лион — Марсель, а также пути на Гренобль и на Бариянсон, маки полковника Друо действуют главным образом на железнодорожных путях. В декабре взлетает на воздух поезд с немецким отпускниками в Порт-ле-Валанс; вагоны, частью остановившиеся, частью опрокинувшиеся, подвергаются пулеметному обстрелу, в результате чего наши убивают и ранят 200 солдат. Через несколько дней в Вершени сходит с рельсов воинский эшелон и падает в Дрому. В марте в ущелье Донзер партиза-

ны останавливают и подвергают обстрелу военный обоз, после чего на месте стычки остается триста убитых и раненых. Некоторое время спустя вооруженная группа, подвергшаяся нападению близ Седерона, сражается до последнего человека. Однако в Дроме все уже готово к тому, чтобы перерезать железнодорожные коммуникации противника, когда начнется великое сражение.

В департаменте Изер наши внутренние силы намереваются начать обширные операции, как только загремят бои. Их подготовительные действия немало стоят противнику. Так, в Гренобле 14 ноября силы Сопrotивления взорвали артиллерийский парк, где немцы хранили боеприпасы, горючее и перевозочные средства. Немцы арестовали 300 заложников. На требование освободить этих людей они ответили отказом, и тогда в порядке санкции взрывами была уничтожена казарма в Боне, где было расположено несколько батарей вермахта; при этом 220 немцев было убито и 550 ранено. В то же время бойцы Сопrotивления под началом майора Ле Рея, выполняя указание генерала Делестрэна и приказ полковника Декура, командовавшего нашими силами в Изере, пробираются в массив Веркор и окапываются там. Разведывательные отряды противника не могут даже близко подойти к Веркору.

Таковы, пожалуй, наиболее значительные операции, проведенные силами Сопrotивления за этот период — во всяком случае, наиболее значительные из тех, о которых говорится в донесениях. Однако в это время делалось и многое другое, не столь значительное и не так бросающееся в глаза. Достаточно перелистать короткие рапорты, в которых место действия указывается цифрами, приказы и сообщения передаются зашифрованными фразами, бойцы обозначаются разными диковинными прозвищами, — чтобы понять, насколько действительна эта внутренняя война. И противник подтверждает это, прибегая к жесточайшим репрессиям. Еще прежде, чем союзные армии ступили на нашу землю, немец уже потерял у нас тысячи своих солдат. Он окружен атмосферой неуверенности, которая влияет на моральное состояние войск и дезориентирует командиров. К тому же местные власти и французская полиция — то ли потому, что они искренне сочувствуют Сопrotивлению, то ли потому, что боятся санкций, которые могут обрушиться на «коллаборационистов», — не столько способствуют, сколько препятствуют репрессиям.

Добавим к этому, что немцы, даже когда они не получают пулю в спину и не взлетают на воздух от гранат подпольщиков, живут в ощущении, что за ними всюду зорко следят. Ничто из действий

окупантов не ускользает от наших подпольщиков. Недаром генерал Беделл Смит в своем донесении написал: «За май из Франции в Лондон поступило 700 сообщений по телеграфу и 3000 письменных рапортов». И в самом деле, в тот день, когда началось сражение, мы точно знали о расположении немецких войск, об их базах, складах, аэродромах, командных постах; личный состав их войск и материальная часть были точно учтены, оборонительные сооружения сфотографированы, минные поля отмечены. Между штабом Кенига и подпольем существовала хорошо налаженная радиосвязь, позволявшая немедленно отвечать на запросы и посылать донесения. Благодаря всему комплексу сведений, полученных от французского Сопротивления, союзники видели насквозь игру противника и могли наверняка наносить ему удары.

Известие о высадке явилось для маки сигналом к повсеместным действиям. Я заранее это предусмотрел и еще 16 мая передал внутренним силам приказ в форме так называемого «плана Каймана», указав те цели, которых они должны попытаться достичь. Однако командование союзников не без опасения относилось к расширению партизанских действий. Кроме того, оно предвидело длительные бои. А потому оно хотело, чтобы силы Сопротивления не торопились и активизировались лишь на подступах к боям за предмостное укрепление. В своем обращении к французским патриотам по радио 6 июня генерал Эйзенхауэр просит их держаться выжидательной тактики. Правда, я в тот же день призываю их, наоборот, сражаться всеми имеющимися в их распоряжении средствами сообразно с приказами французского командования, но поставка оружия зависит от главного штаба союзников и вначале производится в весьма ограниченных размерах. «Объединенный штаб» заинтересован ведь прежде всего в разрушении железных дорог, магистралей, средств связи, что он считает делом первостепенной важности.

Железнодорожные объекты поделены между авиацией и силами Сопротивления. Эти последние берут на себя наиболее удаленные районы — Лион, Дижон, Ду, Восток, Центр, Юго-Запад, где в июне и в июле сошло с рельсов 600 поездов. Кроме того, наши берут на себя организацию саботажа на всех железных дорогах, в результате чего выведено из строя 1800 паровозов и свыше 6 тысяч вагонов. В результате умело проведенных разрушительных работ 6 июня и в последующие дни были повреждены подземные телеграфные кабели, которыми пользовался враг для связи между Нормандией и районом Парижа. Проволочную же связь

вообще без конца перерезали. Можно представить себе, какую сумятицу вносят в немецкий лагерь подобные нарушения связи и перебои с транспортом, тем более что в этот самый момент в ряде департаментов начинаются вооруженные выступления, которые оказывают значительное влияние на ход операций. В результате всего этого верховное командование вынуждено было признать ценность услуг, оказываемых партизанами, и оказало им помощь, не слишком щедрую, но все же достаточно эффективную.

Зато по отношению к Бретани союзники придерживаются отнюдь не выжидательной тактики. Генерал Эйзенхауэр хочет, чтобы Армориканский полуостров был очищен от немецких полчищ прежде, чем он двинет свои армии к Сене. А в Бретани полно партизан, особенно в департаментах Кот-дю-Нор и Морбиан, где местность крайне благоприятствует их действиям. Итак, решено было дать оружие бретонцам и послать туда 1-й парашютный полк, стоявший в Англии наготове под командованием полковника Бургуэна. Накануне высадки и в течение последующих дней в расположения наших внутренних сил упало с неба немало контейнеров и целых групп парашютистов. И сопротивление тотчас разгорелось. Тридцать тысяч человек включаются в кампанию: одни объединены в войсковые единицы, другие мелкими боевыми группами выполняют отдельные задания. Однако немцы засекли в Сен-Марселе, близ Мальтруа, одну из баз, где наши получали вооружение, прибывавшее их Англии, и 18 июня напали на нее. Ее защищали морбианский батальон, несколько отрядов парашютистов под командой майора Ле Гаррека, а также рота под командой генерала в отставке де Ламорлей, которую он сам сформировал в Генгане. После боя, продолжавшегося несколько часов, противнику удалось занять территорию базы, усеянную трупами. Однако уцелевшие защитники все же сумели уйти от преследователей.

Известие о боях в Сен-Марселе окончательно всколыхнуло всю Бретань. Оккупантов блокируют в городских центрах и портах. Они дерутся отчаянно и не щадят никого. Но бретонцы не дают им передышки и атакуют из всюду. И подобно дрожжам, вызывающим брожение в тесте, действует в Бретани полковник Бургуэн и его люди. В 1-м парашютном полку из 45 офицеров насчитывается 23 убитых. Когда танки Паттона, прорвавшись сквозь брешь в Авранше, вступили в начале августа в Бретань, они обнаружили повсюду наших, которые успели уже похоронить 1800 немецких трупов и взять в плен 3 тысячи немцев. Позже,

когда началась кампания по ликвидации гарнизонов, партизаны служили прекрасными гидами для американских танков и сопровождали пехоту. Противник сопротивляется только в портах Сен-Мало, Бресте, Лориане, где он заранее организовал оборону. Это обходится ему недешево: несколько тысяч убитых, около 50 тысяч пленных, а также значительное количество потерянной техники. Уничтожено четыре немецкие дивизии.

На другом конце страны в районе Веркора бои являют такие же доказательства эффективности французского Сопротивления с военной точки зрения. В первые дни июня в этом горном массиве обосновалось 3 тысячи человек. Поскольку местность здесь чрезвычайно пересеченная и осуществлять оборону можно лишь отдельными группами, как это и делают партизаны, а жители Альп настроены весьма решительно, удалось убедить союзное командование оказать им существенную помощь оружием: им сбрасывают на парашютах 1500 контейнеров. Из Англии в Веркор выезжает миссия в составе американских, английских и французских офицеров для поддержания связи между гарнизоном и главным командованием. К партизанам прибывает несколько инструкторов и специалистов из Алжира. По согласованию с союзной авиацией в центре массива устраивают посадочную площадку для приема отрядов регулярных войск, для подвоза довольствия и боеприпасов и эвакуации раненых.

Четырнадцатого июля противник переходит в наступление. Десять дней длится атака, значительные силы брошены в бой. С самолетов ведется пулеметный обстрел защитников, а редкие населенные пункты подвергаются бомбежке. Поскольку немецкие истребители все эти дни контролируют воздух, авиация союзников отказывается вылетать на том основании, что из-за дальности расстояния якобы невозможно обеспечить транспортным самолетам и бомбардировщикам должную поддержку истребителей. Больше того: посадочная площадка, которую защитники устраивали в расчете на прибытие подкрепления, попадает в руки противника, который высаживает там на планерах несколько отборных отрядов. И тем не менее партизаны, сражаясь с удивительным упорством, вплоть до 24 июля сдерживают напор атакующих. А в этот день немцы занимают Веркор. Они держали там почти целую дивизию и потеряли несколько тысяч человек. Рассвирепев, они приканчивают раненых и убивают жителей окрестных деревень. В Вассье они уничтожили все население городка. Половина альпийских стрелков, действовав-

ших в Веркоре, отдала жизнь за Францию, другой половине удалось отступить.

Об этих боях стало широко известно всему миру. Естественно, радио Алжира, Лондона и Нью-Йорка уделило им немало внимания. В середине июля уже сорок департаментов были охвачены восстанием. Департаменты Центрального массива, Лимузена, Альп, равно как и департаменты Верхняя Гаронна, Дордонь, Дром и Юра, а также департаменты Бретани находились в руках маки, принадлежащих к тайной армии или к «Фран-ти-рер э партизан», к ОРА или к партизанским отрядам. Префекты так или иначе вступают в связь с Сопротивлением, открыто появляются «префекты освобождения». Муниципалитеты 1940 возобновляют свою деятельность — там, где их заново созывают. На груди людей, на стенах, на флагах, украшающих общественные здания, появляется Лотарингский крест. Что касается немцев, то их окруженные, истрепанные, отрезанные друг от друга гарнизоны живут в состоянии непрестанной тревоги. Немцев-одиночек либо убивают, либо берут в плен. А колонны противника и шагу не могут сделать, чтобы не вступить в стычку с нашими. Противник отвечает на это массовыми убийствами и поджогами, как например, в Орадур-сюр-Глане, Тюле, Сердоне и т.д. И вот, в то время как в Нормандии немцам приходится вести все более тяжелые бои, в большей части Франции положение их становится и вовсе отчаянным.

В конце июля французские внутренние силы сковывают восемь дивизий противника — ни одну из них нельзя высвободить и отправить для подкрепления на фронт. 1-я пехотная дивизия и 5-я парашютная дивизия застряли в Бретани, 175-я дивизия — в Анжу и Турени, 116-я бронетанковая дивизия — в районе Парижа, так называемая дивизия «Остлегион» — в Центральном массиве, 181-я дивизия — в Тулузе, 172 дивизия — в Бордо и примерно целая дивизия из состава армии, находящейся в Провансе, охраняет долину Роны. Больше того: три бронетанковые дивизии, которые немецкое командование срочно вызывает в Нормандию, чтобы через сорок восемь часов бросить их в бой, прибывают туда с большим опозданием. 17-я бронетанковая дивизия, которую наши войска перехватывают между Бордо и Пуатье, теряет десять дней, прежде чем ее колоннам удается пробиться. 2-я бронетанковая дивизия СС, так называемая «Рейх», вышедшая из Монтобана 6 июня, вынуждена отказаться от передвижения по железной дороге, поскольку все пути выведены из строя; отдельные ее

части застревают в Тарне, Ло, Коррезе, Верхнем Вьенне, и только 18 июня, измотанная, понеся большие потери, она прибывает наконец в Алансон. 11-я бронетанковая дивизия, которой понадобилось всего восемь дней на то, чтобы по железной дороге переправиться с русского фронта к французской границе, тратит двадцать три дня, чтобы пересечь Францию и из Страсбурга попасть в Кан. А какой урон — материальный и моральный — понесли немецкие части от бесконечных бед, приключавшихся с обозами, от нарушения связи и снабжения!

Все это заставляло предполагать, что арьергарды противника, обязанностью которых была оборона средиземноморского побережья, едва ли устоят, как только французы и американцы высадятся в Провансе. Мне сообщил об этом приехавший из Франции в начале августа наш военный делегат на Юго-Востоке полковник Анри Зеллер. Он утверждает, что стоит нашим войскам занять Тулон и Марсель и они быстро сумеют преодолеть линии обороны, которые противник создаст на Роне, поскольку район Альп и Центрального массива находится в руках наших внутренних сил. Зеллер сообщил это генералам Пэтчу и Делаттру, к которым я его направил. Эти последние соответственно меняют намеченные ранее темпы своего продвижения. Развитие событий подтверждает правильность предположения Зеллера. Лион командование предполагало занять лишь после двухмесячных боев, а он оказался в наших руках через семнадцать дней после высадки.

Тот подъем, который во Франции и Африке побуждает французов братья за оружие, неизбежно сказывается и на положении в Индокитае. В Сайгоне и Ханое, где все еще ждут внезапного мощного удара со стороны оккупантов, теперь — как и всюду — уже не сомневаются в конечной победе союзников. Не только появляются признаки крушения Германии, но и Япония начинает сдавать свои позиции. Мало того, что еще летом 1943 дальнейшее продвижение японского флота и японских армий было в целом приостановлено, — теперь уже инициатива перешла в руки союзников: адмирал Нимиц¹ захватывает остров за островом в цент-

---

¹ *Нимиц Честер* (1885–1966), американский адмирал, взял на себя командование после нападения японцев на Пёрл-Харбор, организовал воздушное нападение на Японию генерала Дулиттла, перехватил японскую шифровку о планах нападения на атолл Мидуэй, в июне 1942 произвел перелом войне с Японией, которая с этого периода перешла к обороне, подписал акт о капитуляции Японии, в 1945 главнокомандующий морскими силами США на Тихом океане. — *Прим.ред.*

ральной части Тихого океана, генерал Макартур¹ продвигается в направлении Филиппин, лорд Маунтбэттен с помощью войск Чан Кай-ши высаживается в Бирме.

Вот почему кое-кто из представителей французских властей в Индокитае начинает потихоньку поворачиваться в сторону алжирского правительства. Об этом заявляет прибывший из Сайгона директор банка Франсуа; начальник политической канцелярии генерал-губернатор де Буазанже предпринимает осторожные шаги, чтобы связаться с генералом Пешковым, нашим послом в Чундине; командующий войсками генерал Мордан вступает в секретные переговоры с полковником Тютанжем, начальником разведывательной службы, находящимся по нашему поручению в Юньнани.

Я считаю, что неотложной задачей должно быть приобщение наших войск к военным операциям на Дальнем Востоке. Мысль, что можно сохранить прежние владения Франции, придерживаясь до конца по отношению к японцам доброжелательной пассивности, представляется мне возмутительной и нелепой. Я несколько не сомневался в том, что при создавшемся стратегическом положении, когда Индокитаем оказался в центре расположения противника, этот последний, всюду теснимый, вынужденный отступать, неизбежно постарается избавить себя от риска вести на полуострове лишние бои. Да разве, терпя неудачи на близлежащих полях сражений, он может мириться с пребыванием среди своих войск французской армии численностью в 50 тысяч человек, тем более когда фикция нейтралитета Франции рухнула вместе с Виши? Словом, все заставляет думать, что наступит день и японцы захотят ликвидировать французские войска и французскую администрацию, даже если предположить, что при наличии новых унизительных гарантий они могли бы оставить в неприкосновенности какую-то часть наших войск и какие-то крохи нашей власти, то уж никак нельзя пред-

---

¹ *Макартур Дуглас* (1880—1964), американский генерал, участвовал в Первой мировой войне, в 1930—1935 начальник штаба американской армии, в 1935—1937 военный советник на Филиппинах, в 1936—1937 главнокомандующий филиппинской армией, в 1941 командующий американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, в 1942—1951 верховный командующий союзными войсками в юго-западной части Тихого океана, в 1945—1951 командующий оккупационными войсками в Японии, в 1950—1951 главнокомандующий вооруженными силами США в войне в Корее, в 1951 после неудач американских войск в Корее смещен со всех командных постов. — *Прим. ред.*

ставить себе, чтобы государства и народы, входящие в федерацию, с одной стороны, и союзники, с другой стороны, согласились на восстановление французского господства в том районе, где мы не принимали никакого участия в мировой схватке.

Следовательно, перед нами вставала задача подготовить на полуострове вооруженное сопротивление противнику, чтобы он не мог без боя завладеть нашими постами, изгнать из страны наших представителей и окончательно растоптать наше достоинство. Надо послать на Дальний Восток войска, которые могли бы вступить на территорию Индокитая, как только представится возможность. В своем письме от 29 февраля 1944 генералу Мордану я постарался укрепить его в добрых намерениях и уточнил, чего ждет от него и от его солдат правительство в той чрезвычайно трудной ситуации, в какой он оказался. Некоторое время спустя я назначил генерала Блезо командующим войсками, предназначенными для Дальнего Востока. Но поскольку эти войска могли начать операции лишь из Индии, Бирмы или Китая, для их отправки требовалось согласие союзников. А Вашингтон, Лондон и Чунцин не торопились с ответом. Тем не менее мы добились разрешения английского правительства и лорда Маунтбэттена, главнокомандующего в районе Индийского океана, на то, чтобы генерал Блезо прибыл в Дели и там вел подготовку к дальнейшим действиям. Вместе с генералом отбывает эшелон с нашими войсками. Это первый шаг к цели. Но в глубине души мы прекрасно знаем, что проблема Индокитая, как и все будущее Франции, будет решаться в Париже.

И вот 15 августа части 1-й французской армии и 6-го американского корпуса высаживаются на побережье Прованса. Первоначально всеми этими войсками командует генерал Пэтч. Делаттр возглавляет наши войска. Я одобряю план операций. После высадки американцы пойдут на Гренобль, придерживаясь «дороги Наполеона»; французы займут Тулон и Марсель и двинутся вверх по течению Роны. Вечером, под прикрытием сильнейшей бомбардировки с моря и с воздуха, первые американские части вступили на французскую землю между Кавалер и Ле Трейя. Высадка парашютистов в Карнуле, Люке и Мюи, а также наших африканских десантных команд в Рейоле и в Лаванду произошла, как и предполагалось, ночью, а днем приступили к высадке три американские дивизии. 16 августа началось наступление на Тулон дивизий Броссе, де Монсабера, дю Вижье, высадившихся в Рейоле, в Кавалере, в Сен-Тропезе, в Сен-Максими, в то время как американцы подступают к Драгиньяну.

В больших операциях обычно бывает так, что постепенно накапливаются усилия, а затем в какую-то минуту происходит бросок, объединяющий в едином порыве различные разрозненные части. Известия, в изобилии поступающие 18 августа со всех участков битвы, показывают, какую роль играют повсюду французы, свидетельствуют о согласованности действий наших сил.

В Провансе Делаттр, видя растерянность, охватившую 19-ю немецкую армию, решил воспользоваться своим преимуществом. По его приказу части Лармина и Мансабера заканчивают окружение Тулона, а отдельные наши отряды уже направляются в Марсель. В этот день был окончательно прорван немецкий фронт в Нормандии. Особенно отличается при этом дивизия Леклерка, ведущая бои с 11 августа. Дорога на Париж открыта. В столице полиция и партизаны начинают стрелять по захватчикам. Из всех районов поступают донесения о том, что бойцы Сопротивления вступают в схватки с врагом. Как мы и хотели, битва союзников за Францию становится также «битвой Франции». Французы ведут «общий бой за свою общую родину».

Политика, дипломатия, оружие вместе подготовили это единство. Теперь необходимо объединить нацию, как только она выберется из водоворота. Я выезжаю из Алжира в Париж.

ПАРИЖ

Париж свыше четырех лет был укором свободному миру. И вдруг он становится магнитом. Пока скованный и оглушенный гигант, казалось, спал, все как-то мирилось с его отсутствием. Но лишь только немецкий фронт был прорван в Нормандии, французская столица сразу очутилась в центре стратегических замыслов, в самом сердце политики. Планы главнокомандующих, расчеты правительств, маневры честолюбцев, взволнованные чувства людей — все сосредоточилось на этом городе. Париж возвращался к жизни. Сколь много могло теперь измениться!

Прежде всего Париж, если этому не помешают, решит вопрос о том, какая будет власть во Франции. Все убеждены, что если де Голль по прибытии в столицу не будет поставлен перед свершившимся фактом, народ выскажется за то, чтобы он остался у власти. А потому все те, кто — будь то в стране или за ее пределами — питает надежду помешать такому исходу или по крайней мере сделать успех неполным или спорным, постараются — независимо от того, к какому лагерю они принадлежат, — в последнюю минуту воспользоваться освобождением и создать такую ситуацию, которая поставит меня в затруднительное положение, а возможно, даже и парализует. Но нация сделала свой выбор, и волна общественных чувств сметет эти попытки.

Одна из них была предпринята Шьером Лавалем. В те августовские дни, когда мне сообщали о решающих успехах, достигнутых в Нормандии, о высадке в Провансе, о боях, которые ведет силы внутреннего Сопротивления, о назревающем восстании в Париже, я узнал и об интриге, замышляемой человеком, запятнавшим себя коллаборационизмом. Его замысел заключался в том, чтобы создать в Париже «национальную» ассамблею 1940 и на ее основе создать так называемое «правительство единения», которое на правах законного органа встретило бы в Париже союзников и де Голля. Таким образом почва была бы выбита из-под ног генерала. Конечно, ему было бы предоставлено место в исполнительном органе, а в случае необходимости он был бы даже

поставлен во главе исполнительной власти. Но, развенчав его морально и лишив поддержки народа, от него скоро отделались бы с помощью проверенных средств: воздаяния никому не нужных почестей, все возрастающей обструкции со стороны партий и, наконец, всеобщей оппозиции под тем предлогом, будто, с одной стороны, он не в состоянии управлять страной, а с другой — метит в диктаторы. Что же до самого Лаваля, то, обеспечив приход к власти парламентариев — услуга, о которой эти последние, конечно, не забыли бы, хотя и были бы обязаны вынести ему принципиальное осуждение, — он отошел бы в сторонку, пока все не забудется и обстоятельства не изменятся в его пользу.

Но чтобы провести такой план в жизнь, необходима была помощь со стороны самых разнородных элементов. И прежде всего требовалось участие какого-то видного деятеля, достаточно авторитетного для парламента, деятеля, известного своей оппозицией политике Петена, достаточно уважаемого за границей, иначе это трудно было бы выдать за реставрацию республиканского режима. Вполне подходящим для этой цели казался Эррио. Оставалось только уговорить его. Приходилось учитывать также то, что новая власть должна быть признана союзниками после того, как они вступят в Париж. А кроме того, надо, чтобы согласились и немцы, так как ведь их войска еще находятся в столице. И, наконец, надо получить согласие маршала, иначе оккупанты не дадут разрешения, союзники не признают такого правительства, парламентарии откажутся явиться, ну а что касается Сопротивления, то оно в любом случае с возмущением откажется признать подобную власть.

В начале августа у Лаваля могло создаться впечатление, что он получит необходимую поддержку. Через Анфьера, друга Эррио, связанного со службами Аллена Даллеса в Берне и помогавшего американцам поддерживать контакт с председателем палаты, он выяснил, что Вашингтон отнесется благосклонно к плану, который позволит опередить или устранить де Голля. У немцев проект главы «правительства» встретил не менее благосклонное отношение. Абец¹, Риббентроп и прочие, естественно, решили, что будет

---

¹ *Абец Отто* (1903—1958), немецкий дипломат, военный, участник Мюнхенской конференции 1938, с июня 1940 представитель Имперского министерства иностранных дел при начальнике военной администрации во Франции, поддерживал связи с правительством Виши, в 1944 контролировал проведение антиеврейских акций во Франции, осужден как военный преступник. — *Прим. ред.*

куда лучше, если после освобождения Франции в Париже окажется исполнительная власть, замаранная вишистским клеймом, а не правительство без страха и упрека. И вот, с согласия оккупантов, Лаваль едет в Марэвиль, где содержится Эррио, и уговаривает последнего отправиться вместе в Париж, чтобы созвать там парламент 1940. Петен дает понять, что он тоже готов прибыть туда.

Должен сказать, что, несмотря на поддержку, которую, казалось бы, со всех сторон получил Лаваль, эта затея представлялась мне уже тогда отчаянным и бесперспективным шагом. Ведь если бы его попытка удалась, мне пришлось бы покориться. Но ничто, даже нажим со стороны союзников, не могло бы заставить меня признать ассамблею 1940 органом, имеющим право выступать от имени Франции. Кроме того, зная о тех силах, какие Сопротивление намеревалось привести в действие по всей стране и вызвать к жизни в Париже, я не сомневался, что затея Лавалья будет удушена в зародыше. Уже 14 июля в пригородах столицы начались внушительные демонстрации. В этот день в разных местах было поднято трехцветное знамя, люди пели «Марсельезу», ходили в улицам с криками: «Да здравствует де Голль!» А в Сантэ политические заключенные, договорившись через стены камер, вывесили во всех окнах, невзирая на возможность жесточайших репрессий, флажки, прогнали тюремщиков и на весь квартал распевали патриотические песни. 10 августа железнодорожники прекратили работу. 15 августа началась забастовка полицейских. 18 августа должны были забастовать работники почты и телеграфа. С минуты на минуту могли поступить вести о том, что начались уличные бои, и иллюзиям парламентариев неминуемо пришел бы конец.

Однако другой план — тот, с помощью которого определенные политические элементы, участвовавшие в Сопротивлении, намеревались прийти к власти, — имел, как мне представлялось, больше шансов на успех. Я знал, что эти люди хотят воспользоваться всеобщим возбуждением, возможно, даже состоянием анархии, которое вызовет борьба в столице, и попытаются захватить рычаги управления, прежде чем я успею их взять. Речь идет, конечно, о намерениях коммунистов. Если бы им удалось возглавить восстание и, следовательно, забрать в свои руки Париж, им ничего бы не стоило создать правительство де-факто, где они играли бы главенствующую роль.

Они намеревались извлечь выгоду из неразберихи, сопутствующей боям, привлечь на свою сторону Национальный Совет Со-

противления, многие члены которого (не считая тех, кто был непосредственно подчинен им) могли прельститься обещанием власти; воспользоваться симпатиями, которые испытывали к ним многие люди, принадлежащие к разным слоям населения, в связи с теми преследованиями, каким они подвергались, теми потерями, какие они понесли, и тем мужеством, какое они проявили; они могли использовать тревогу, вызванную в народе отсутствием какой-либо реальной общественной силы, и, наконец, ведя двойную игру, афишируя свою приверженность генералу де Голлю, стать во главе восстания наподобие своеобразной Коммуны, которая провозгласит республику, восстановит порядок, возродит правосудие и, в довершение всего, будет петь только «Марсельезу» и вывешивать только трехцветные флаги. По прибытии в столицу я обнаружил бы там то «народное» правительство, оно украсило бы мое чело лавровым венком, предложило бы занять место, заранее отведенное мне в его составе, и ловушка была бы захлопнута. Ну а дальше игроки повели бы игру, чередуя дерзость с осторожностью, проникая, под прикрытием чистки, во все звенья государственного аппарата, обрабатывая общественное мнение с помощью ловкого распространения нужных сведений и постепенно избавляясь от своих первоначальных союзников, пока наконец не будет установлена так называемая диктатура пролетариата.

То, что такого рода политические проекты возникнут по мере расширения боев, казалось мне неизбежным. То, что восстание в столице для кое-кого будет связано с попыткой учредить власть III Интернационала, было мне давно известно. И тем не менее я считал, что силы Франции должны с оружием в руках проявить себя в Париже до того, как туда вступят союзники, чтобы сам народ способствовал разгрому оккупантов, чтобы освобождение столицы носило характер военной и одновременно общенациональной операции. Вот почему я решил идти на риск и всячески поощрять восстание, не возражая против участия в нем любых элементов, способных его вызвать. Надо сказать, я чувствовал в себе достаточно сил, чтобы направить дело к благоприятному исходу. Заранее приняв соответствующие меры, подготовив своевременно вступление в город крупной французской части, я намеревался прибыть туда и сам, чтобы принять на себя энтузиазм освобожденного Парижа.

Правительство сделало все необходимое, чтобы командование регулярными войсками, находившимися в Париже, было поруче-

но преданным людям. Уже в июле Шарль Люизе¹, префект Корсики, был назначен префектом полиции. После двух неудачных попыток ему наконец удалось 17 августа проникнуть в Париж, что было очень кстати, поскольку полиция как раз захватила префектуру и ему надо было приступить к исполнению своих обязанностей. А генерал Ари должен был в соответствующий момент стать во главе республиканской гвардии (которую Виши именовало парижской), полка пожарной охраны Парижа, национальной гвардии и жандармерии, — все эти части, несомненно, с восторгом встретят руководителя, назначенного де Голлем.

Но вследствие создавшихся обстоятельств иначе обстояло дело в партизанских отрядах, возникавших в разных кварталах. Они, естественно, находились под командой начальников, которых сами выбрали из своей среды, — при этом коммунисты старались, действуя порою прямо, а порою под прикрытием «Фрон националь», чтобы это были их люди. При назначении на более высокие посты «партия» оказывала давление через Национальный Совет Сопротивления. Военными вопросами ведал назначенный Советом комитет действия, так называемый «КОМАК», состоявший из трех членов, в число которых входили Крижель-Вальримон и Вийон². Звание начальника штаба внутренних сил Сопротивления было указанным выше путем возложено на Мальрэ-Жуэнвиля, после того как немцы арестовали полковника

---

¹ *Люизе Шарль* (1903–1947), французский генерл, в 1923–1933 служил в Марокко, в 1939 военный атташе в Танжере, комендант международной зоны, присоединяется в силам генерала де Голля, в 1940–1941 готовит поддержку для «Свободной Франции» в Северной Африке, восстанавливает связи с французской частью Марокко, поддерживает связи с Лондном, шпион Сопротивления в Виши, участник высадки союзников в Северной Африке в 1942, приговорен к смерти военным судом Виши, в 1943 от имени Французского комитета национального освобождения воссоздает администрацию на освобожденной Корсике; сопровождает министра внутренних дел в поездке в освобожденной Нормандии, в 1944 отправляется в Париж и начинает работу в префектуре полиции, в 1947 губернатор Французской Экваториальной Африки. — *Прим. ред.*

² *Вийон Пьер* (наст. имя *Роже Гинзбург*) (1901–1981), французский политический деятель, член Коммунистической партии, участник Второй мировой войны, редактор газеты «Юманите», которая была запрещена в 1939 после подписания советско-германского договора, французские коммунисты только после 1941 начали активную борьбу против оккупации, в 1942 Вийон создал «национальный фронт», который вошел в Национальный Совет Сопротивления, перед высадкой союзников Вийон пытался поднять восстание против немцев. — *Прим. ред.*

Дежюсьё. Роль-Танги был назначен командующим вооруженными силами Иль-де-Франса. Словом, если судить по этим назначениям, казалось, что руководство сражающимися находится в руках коммунистов.

Но это были лишь звания, отнюдь не означавшие того, что принято под ними подразумевать. По сути дела, люди, носившие их, никоим образом не осуществляли руководства операциями. Вместо того чтобы отдавать приказы и проверять их выполнение в соответствии с военными нормами, они будут действовать с помощью воззваний или индивидуальных актов, которые всегда имеют ограниченный характер. И в само деле, партизаны, численность которых достигнет самое большее 25 тысяч вооруженных людей, представляли собой отдельные группы, и каждая из них действовала не столько сообразно указаниям сверху, сколько сообразно местным условиям, не выходя за пределы своего квартала, где у нее были укрытия. К тому же, полковник де Маргерит, чрезвычайно опытный офицер, возглавлял внутренние вооруженные силы Парижа и предместий. А генералы Ревер и Блок-Дассо¹ были соответственно советниками «КОМАК'а» и «Фрон националь». И, наконец, Шабан-Дельмас, военный делегат правительства, прибывший в Париж 16 августа, предварительно получив в Лондоне инструкции от генерала Кенига, был в центре всего. Ловкий и проницательный, он один имел возможность поддерживать связь с границей, он был в курсе всех предложений и намерений, и порою ему приходилось вести долгие и мало приятные переговоры, чтобы удержать Совет и комитеты от тех или иных шагов. Кроме всего прочего, генерал де Голль и его правительство имели в Париже своего представителя.

Эту функцию выполнял Александр Пароди. 15 августа в интересах укрепления его авторитета я назначил его министром-делегатом на еще не освобожденных территориях. Поскольку он выступал от моего имени, к его словам прислушивались. А в силу своих высоких моральных качеств — добросовестности, полной незаинтересованности, абсолютной честности — он сразу стал над все этой игрою страстей. Кроме того, немало прослужив на госу-

---

¹ *Блок-Дассо Марсель* (1892—1986), военный инженер и авиастроитель, в 1918 создал свой первый самолет, в 1940 выступил против перемирия, арестован правительством Виши, участник движения Сопротивления, узник Бухенвальда; по окончании войны, с 1949, работал над созданием самолетов, которыми до сих пор оснащена французская армия. — *Прим. ред.*

дарственной службе, он отличался еще и опытом, что придавало ему немалый престиж в условиях царившей вокруг неразберихи. Политика, которую он проводил, соответствовала его характеру: он охотно уступал в мелочах, но с мягким упорством отстаивал главное. Признавая требования идеологии и претензии отдельных лиц, он старался не допустить неприятных последствий, чтобы по прибытии в Париж я не оказался в условиях, когда в игре уже сделаны все крупные ставки. Надо сказать, что Жорж Бидо, председатель Национального Совета Сопротивления, согласовывал свои действия с Пароди и помогал избегать худшего, умело сочетая со своей стороны тактику смелых высказываний с осторожностью поступков. Что касается административных органов, то все они признавали авторитет моего представителя и тех, кого я назначил для руководства теми или иными ведомствами. Таким образом, Пароди без малейших затруднений в нужную минуту вступит в Матиньон¹, генеральные секретари водворятся в министерствах; Люизе, префект полиции, вступит во владение площадью Бюсьер, а Флюре, префект департамента Сена, сядет в кресло, которое прежде занимал Буффе. Правительственный аппарат, созданный заранее еще в Алжире, тотчас расставит свои вежи по Парижу, как раньше он расставил их во владениях Франции.

Восемнадцатого августа во второй половине дня я вылетел из Алжира на моем обычном самолете, который вел Мармье. Генерал Жюэн и часть сопровождавших меня лиц следовали за мной на «летающей крепости», которую американцы усиленно нам рекомендовали на том основании, что-де экипаж хорошо знает трассу и местность, куда предстоит лететь. Первый этап — Касабланка. Я намеревался вылететь оттуда в ту же ночь, чтобы на следующий день высадиться в Мопертюи, близ Сен-Ло. Но в механизмах «летающей крепости» по дороге произошли неполадки, которые необходимо было устранить. Кроме того, миссии союзников, ссылаясь на существование проходов и на правила воздушного передвижения, настаивали на том, чтобы мы сделали посадку в Гибралтаре, прежде чем лететь вдоль берегов Испании и Франции. Это означало день задержки.

Девятнадцатого я вылетел из Касабланки. Значительные толпы народа выстроились вдоль улиц, по которым я проезжал к аэродрому. Лица у всех были напряженные: люди явно догадыва-

---

¹ Резиденция правительства. — *Прим. ред*

лись о цели моего путешествия, хотя она и держалась в секрете. Ни приветствий, ни возгласов «Браво!», но все шапки сняты, все машут руками, смотрят не отрывая глаз. Это пылкое и в то же время молчаливое приветствие было для меня как бы доказательством той поддержки, которую толпа готова оказать мне в решающий момент. Я был взволнован. Генеральный резидент, сидевший рядом, был волнован не меньше меня. «Какая участь уготована вам!» — сказал мне Габриэль Пюо.

В Гибралтаре, пока мы обедали у губернатора, явились офицеры союзников и заявили, что «летающая крепость» не может вылететь, да и на моем самолете «Локхид» небезопасно появиться без эскорта в небе Нормандии, поскольку он никак не вооружен; словом, самое благоразумное — отложить мой отъезд. Не подвергая сомнению искренность побуждений, которые заставили их дать мне такой совет, я, однако, почел за благо ему не следовать. В намеченный час я вылетел на борту моего самолета. Вскоре вылетела и «летающая крепость». В воскресенье, 20 августа, около 8 часов я приземлился в Мопертюи.

Меня встречал Кениг, а также Куле, комиссар республики в Нормандии, и офицер, присланный Эйзенхауэром. Прежде всего я поехал в штаб главнокомандующего союзными войсками. По дороге Кениг обрисовал мне положение в Париже, о котором он знал из сообщений Пароди, Шабан-Дельмаса, Люизе и из донесений, привезенных нарочными. Таким образом я узнал, что полиция, бастовавшая уже три дня на заре 19 августа заняла префектуру и открыла огонь по немцам; что почти всюду партизанские отряды делают то же самое; что здания министерств находятся в руках отрядов, сформированных нашей делегацией; что силы Сопротивления — порой не без боя — занимают мэрии в городе и предместьях, как это было, например, в Мотрей и позже в Нейи; что противник, занятый эвакуацией своих учреждений, до сих пор не оказывал серьезного сопротивления, но что колонны его войск должны скоро пройти через Париж, а потому можно в любую минуту ждать репрессий. Что же до политического положения, то Лаваль, как видно, ничего не сумел достичь, а в Виши со дня на день ждали увоза маршала немцами.

Эйзенхауэр, выслушав мои поздравления по поводу блестящих успехов союзных войск, обрисовал мне обстановку. 3-я армия Паттона, преследуя, во главе армейской группировки Брэдли, противника, двумя колоннами перейдет через Сену. Одна из этих колонн, продвигаясь севернее Парижа, подойдет к Манту.

Другая, продвигаясь южнее Парижа, достигнет Мелёна. В тылу Паттона генерал Ходжес, командующий 1-й американской армией, произведет перегруппировку сил, закончивших очистку от неприятеля района Орны. Левее Брэдли армейская группировка Монтгомери, тесня упорно сопротивляющихся немцев, медленно продвигается к Руану. Но справа — пусто, и Эйзенхауэр решил воспользоваться этим и двинуть Паттона в Лотарингию: пусть забирается подальше, насколько позволит подвоз горючего. Наконец, с юга подойдут армии Делаттра и Пэтча и вольются в общий ансамбль. План главнокомандующего показался мне вполне логичным, за исключением одного обстоятельства, которое меня крайне беспокоило: никто не шел на Париж.

Я высказал Эйзенхауэру свое удивление и тревогу по этому поводу.

«С точки зрения стратегической, — сказал я, — мне не совсем понятно, почему вы, переправившись через Сену в Мелёне, Манте, Руане — словом, в нескольких местах, не собираетесь переправляться через нее в Париж. К тому же это центр всех коммуникаций, которые впоследствии вам понадобятся и которые важно как можно скорее восстановить. Если бы речь шла о любом другом месте, а не о столице Франции, вам было бы не обязательно считаться с моим мнением, так как, естественно, всеми операциями руководите вы. Но в участи Парижа существенно заинтересовано французское правительство. Поэтому я вынужден вмешаться и просить вас направить туда войска. Само собой разумеется, что в первую очередь туда должна быть направлена 2-я французская бронетанковая дивизия».

Эйзенхауэр не сумел скрыть своего замешательства. У меня было такое ощущение, что в глубине души он разделял мою точку зрения и с радостью послал бы Леклерка в Париж, но по причинам не только стратегического порядка пока не мог этого сделать. Словом, он объяснил мне это промедление тем обстоятельством, что сражение в столице может привести к серьезным разрушениям и к большим жертвам среди населения. Однако он ничего не мог мне возразить, когда я заметил, что тактика выжидания была бы вполне оправданной, если бы в Париже ничего не происходило, но сейчас она не может считаться приемлемой, коль скоро патриоты уже сражаются там с противником и это может привести к возникновению всякого рода волнений. Он сказал мне только что «силы Сопротивления слишком рано завязали бои». — «Почему слишком рано? — спросил я. — Ведь ваши

войска уже подошли к Сене». В итоге беседы главнокомандующий заверил меня, что скоро даст приказ о наступлении на Париж, хотя он еще и не может назвать точной даты, и что операцию эту будет проводить дивизия Леклерка. Я принял к сведению его обещание, добавив, однако, что считаю это делом общенационального значения, а потому, если главнокомандующий союзными войсками будет слишком медлить, готов сам направить в Париж 2-ю бронетанковую дивизию.

Неопределенность заверений Эйзенхауэра навела меня на мысль, что у военного командования в известной мере связаны руки политическими происками Лавалля, на которые благосклонно смотрел Рузвельт и для успеха которых необходимо было уберечь Париж от потрясений. Этим планам Соппротивление, несомненно, положило конец, начав бои. Но должно было пройти еще какое-то время, прежде чем Вашингтон согласится это признать. Мои догадки подтвердились, когда я узнал, что дивизия Леклерка, дотоле находившаяся при армии Паттона, три дня назад была придана армии Ходжеса, поставлена в непосредственную зависимость от генерала Джероу, командующего 5-м американским корпусом, и содержится под Аржантаном, точно бояться, как бы она сама не двинулась к Эйфелевой башне. Кроме того, я выяснил, что знаменитое соглашение о взаимоотношениях союзных войск и французской администрации, хотя оно было заключено уже несколько недель назад между Алжиром, Вашингтоном и Лондоном, до сих пор не подписано Кенигом и Эйзенхауэром, так как последний еще не получил на это полномочий. Чем еще можно было объяснить эту задержку, как не великими интригами, которые удерживали Белый дом от принятия решения? Когда Жюэн прибыл в ставку главнокомандующего, он пришел в результате своих наблюдений к тем же выводам, что и я.

В момент наиболее блистательных успехов союзных армий, когда американские войска проявляли доблесть, заслуживающую всяческой похвалы, такое явное упрямство политических деятелей Вашингтона чрезвычайно огорчало меня. Но награда была недалеко. Огромная волна всеобщего энтузиазма и волнения подхватила меня, когда я вступил в Шербур, и через Кутанс, Авранш, Фужер пронесла до Ренна. Среди развалин разрушенных городов и стертых с лица земли деревень жители собирались на моем пути, бурно проявляя свои чувства. Во всех уцелевших окнах были вывешены флаги и знамена. Сохранившиеся колокола звонили вовсю. Улицы, изрытые воронками, украсились цветами и сразу

приняли праздничный вид. Мэры произносили прочувствованные речи, заканчивавшиеся рыданиями. Затем я говорил несколько слов, но это были не слова жалости, в которой никто не нуждался, а слова надежды и гордости, которые заканчивались «Марсельезой» — ее пела со мной вся толпа. Контраст между пылкостью душ и царящим вокруг опустошением поистине хватал за сердце! Но довольно об этом! Франция должна жить, раз она умеет переносить страдания!

Вечером в сопровождении Андре Ле Трокера, министра-делегата на освобожденных территориях, генералов Жюэна и Кенига, а также Гастона Палевского я прибыл в префектуру Ренна. Виктор Ле Горжé, комиссар республики в Бретани, Бернар Корню-Жантий, префект департамента Иль и Вилен, генерал Аллар, командующий военным округом, представили мне своих подчиненных. Административная жизнь неуклонно возрождалась. Так же как и традиция. Я направился в ратушу, где мэр города Ив Миллон, окруженный членами муниципалитета, своими соратниками по движению Сопротивления и видными горожанами, попросил меня вновь открыть золотую книгу столицы Бретани, чтобы связать цепь времен. Под дождем, в наступающих сумерках я выступил перед толпой, собравшейся возле здания ратуши.

На следующий день, 21 августа, посыпались новости из Парижа. Я узнал, в частности, об окончательном крахе попытки Лавалья. Эдуард Эррио, предупрежденный представителями Сопротивления, почувствовал, что надвигается буря, и, видя растерянность вишистских министров, высших парижских чиновников и немецкого посла, не дал уговорить себя и отказался созвать т.н. «национальную ассамблею». Кроме того, встречи с парламентариями, в частности с Анатолем де Монзи, показали ему, что эти последние, находясь под впечатлением трагических и столь близко их касающихся событий, как убийство Жоржа Мандела, Жана Зей, Мориса Сарро милицией Дарнана, а также расстрел Филиппа Анрио группой Сопротивления, отнюдь не жаждали собираться в чреватой опасностями атмосфере Парижа. В свою очередь маршал, тщательно взвесив все, понял, что такой путь ни к чему не приведет и отказался прибыть в столицу. И, наконец, Питлер, раздраженный этой интригой, указывавшей на то, что уже строятся планы в расчете на его крах, решил положить этому конец, предписал перевести Лавалья вместе с его «правительством» в Нанси и отдал приказ, чтобы Петен — добровольно или насильно — последовал за ними. Что же до председателя палаты, то

его вернули в Марэвиль. И так, 18 августа Лаваль, Эррио и Абец в последний раз встретились за прощальным завтраком во дворце Матиньон. 20 августа маршал был увезен немцами из Виши.

Так канула в лету последняя комбинация Лавала. До самого конца он вел борьбу, которая — этого не могла скрыть вся его ловкость — была преступной. Склонный по натуре, да и приученный режимом рассматривать все с низменной точки зрения, Лаваль считал, что, как бы ни обернулись дела, важно быть у власти; что при наличии известной изворотливости можно выйти из любого положения, что нет такого события, которое нельзя было бы обратить себе на пользу, и нет таких людей, которых нельзя было бы сделать послушным орудием в своих руках. В разразившейся над Францией катастрофе он увидел не только бедствие для своей страны, но и возможность схватить бразды правления и применить в широком масштабе свое умение идти на сговор с кем угодно. Но победоносная Германия была не тем партнером, с которым можно о чем-либо договориться. Для того, чтобы поле деятельности все же открылось перед Пьером Лавалем, надо было принять как должное все бедствия Франции. И он их принял. Он решил, что можно извлечь выгоду и из самого страшного, пойти даже на порабощение страны, на сговор с захватчиками, козырнуть ужасающими репрессиями. Во имя проведения своей политики он пожертвовал честью страны, независимостью государства, национальной гордостью. И вдруг все это возродилось и стало во весь голос заявлять о себе по мере того, как слабел враг.

Лаваль сделал свою ставку. И проиграл. У него достало мужества признать, что он несет ответственность за случившееся. В своем правительстве, применяя для поддержания того, что невозможно было поддержать, всю присущую ему хитрость и все упрямство, он, конечно, пытался служить своей стране. Не будем лишать его этого! В годину бедствий даже те немногочисленные французы, которые избрали для себя путь грязи, не отреклись от родины. Это было свидетельством уважения, оказанного Франции теми ее сынами, «которые столько нагрешили». К тому же это оставляло лазейку для помилования.

Ликвидация Виши совпала с развертыванием боев в столице. Донесения, поступившие во время моего кратковременного пребывания в Ренне, лишь усиливали мое желание поскорее увидеть конец кризиса. Правда, немецкое командование — по причинам, пока еще неясным, — казалось, не хотело доводить дело до крайностей. Но эта пассивность могла неожиданно смениться жесто-

чайшими репрессиями. Кроме того, мне было невыносимо сознавать, что враг может пробыть в городе хотя бы один лишний день, когда под рукой есть силы, чтобы его оттуда изгнать. И, наконец, я вовсе не хотел, чтобы в результате волнений в столице возникла анархия. Из доклада Пьера Минэ, ведавшего снабжением Парижа, явствовало, что положение с продовольствием в городе критическое. Столица, на протяжении нескольких недель отрезанная от всей страны, была фактически обречена на голод. Минэ сообщал, что в некоторых местах начали громить последние склады продовольствия и магазины и что, если полиция не приступит к исполнению своих обязанностей, следует ожидать самых серьезных беспорядков. Тем не менее и в этот день, который уже подходил к концу, союзное командование не дало генералу Леклерку приказа начать наступление.

Из Ренна я написал генералу Эйзенхауэру; я сообщил ему о том, что мне стало известно о положении в Париже, и просил поскорее двинуть на город французские и союзные войска, указав, к каким серьезным последствиям — даже в плане военных операций — может привести возникновение беспорядков в столице. 22 августа Кениг вручил ему мое письмо с соответствующими добавлениями от себя, затем вернулся в Лондон, откуда ему легче было поддерживать связь с Сопrotивлением, чем из нашего передвижного лагеря. Жюэн со своей стороны поехал к генералу Паттону, который преследовал немцев на главном направлении. Я сам тоже выехал из Ренна, предварительно удостоверившись, что комиссар республики, реквизировав грузовики и мобилизовав шоферов, может приступить к отправке продовольствия в Париж. Через Алансон, взволнованный, весь расцвеченный флагами, я сначала направился в Лаваль.

По прибытии в префектуру, где меня встретил комиссар республики Мишель Дебре¹, я принял офицера с письмом от генерала Леклерка. Последний сообщал мне, что он до сих пор не получил указаний относительно предстоящей ему миссии и что он по

---

¹ *Дебре Мишель* (1912–1996), французский государственный деятель, в 1938 член правительства Рейно, участник Второй мировой войны, в 1940 арестован правительством Виши, бежал в свободную Южную зону, в 1943 присоединяется к Национальному Совету Сопrotивления Жана Мулэна, в 1945–1946 член правительства де Голля, в 1948 противник конституции Четвертой республики, в 1958 министр юстиции, премьер-министр до 1962, министр финансов в 1966–1968, в 1969 – 1973 министр национальной обороны. — *Прим. ред.*

собственной инициативе послал для связи с Парижем авангард под командованием майора Гильбона. Я поспешил одобрить его действия, не преминув упомянуть, что Эйзенхауэр обещал мне двинуть его на Париж, что Кениг именно для этой цели находится при главнокомандующем, что туда выехал и Жюэн и, наконец, что я рассчитываю завтра видеть его самого, Леклерка, чтобы лично дать ему соответствующие инструкции. Я узнал вскоре, что в ту самую минуту, когда я писал Леклерку, генерал Джероу отчитывал его за то, что он направил отряд в Париж, и предписал ему немедленно отозвать обратно майора Гильбона.

И вот, наконец, через несколько часов после того, как он прочел мое письмо, генерал Эйзенхауэр отдал приказ направить на Париж 2-ю бронетанковую дивизию. Надо сказать, что сведения, которые почти непрерывно поступали из столицы — в частности, те, что сообщали генералу Брэдли¹ Кокто и доктор Моно, — подтверждали правильность моего вмешательства. А кроме того, Генеральный штаб уже знал, чем кончилась попытка Лавалья. Всю эту ночь, в течение которой Леклерк готовился к выступлению, я получал в префектуре Ле-Мана донесения, говорившие о том, что в Париже события разворачиваются со стремительной быстротой.

Я узнал таким образом, что 20 августа утром ратуша была занята отрядом французской полиции под командой Ролан-Прэи Лео Амона. Префект департамента Сены Флоре готовился приступить к исполнению своих обязанностей. Но меня уведомили также, что Пароди и Шабан-Дельмас, с одной стороны, и большинство Совета Сопротивления, с другой, предупрежденные американскими и английскими агентами о том, что пройдет немало времени — говорили даже, будто не одна неделя, — прежде чем союзные войска вступят в столицу, зная, сколь плохо вооружены партизаны по сравнению с 20 тысячами солдат, 80 танками, 60 пушками, 60 самолетами, которыми располагает немецкий гарнизон, и желая спасти мосты через Сену, об уничтожении которых распорядился Гитлер, а также избежать от гибели политических за-

---

¹ *Брэдли Омар Нелсон* (1893—1981), американский генерал армии, участник Второй мировой войны, в 1943 помощник главнокомандующего союзными силами в Северной Африке: в Тунисской и Сицилийской операциях командовал 2-м корпусом, в 1944 — 1-й американской армией в Нормандской операции, с 1944 командующий 12-й группой армий в Европе, в 1947—1949 начальник штаба армии США, в 1949—1953 председатель Объединённого комитета начальников штабов и Военного комитета НАТО, с 1953 в отставке. — *Прим. ред.*

ключенных и военнопленных, решили согласиться на предложение Нордлинга, генерального консула Швеции, и через его посредство заключить перемирие с генералом фон Хольтицем¹, командующим немецкими войсками в Париже и пригородах.

Эта новость, должен признаться, произвела на меня весьма неприятное впечатление, тем более, что военная обстановка в ту минуту, когда я узнал о заключении перемирия, отнюдь не вынуждала к такой мере, поскольку генерал Леклерк уже двинулся к столице. Однако 23 августа утром, выезжая из Ле-Мана, я узнал, что перемирие было встречено в штыки большинством бойцов Сопротивления и соблюдалось лишь частично: правда, на этом выиграли Пароди и Ролан-Прэ, которых немцы задержали на Сен-Жерменском бульваре и отпустили на свободу после того, как их принял сам Хольтиц. Кроме того, мне сообщили, что вечером 21 августа возобновились бои, что префектуры, министерства, мэрии по-прежнему находятся в наших руках, что парижане повсюду воздвигают баррикады и что немецкий генерал, продолжая решительно оборонять свои опорные пункты, не приступает, однако, к репрессиям. Чем была вызвана такая деликатность — боязнью завтрашнего дня, желанием уберечь Париж или договоренностью с союзниками, агенты которых проникли даже в его Генеральный штаб, после того как гестапо покинуло столицу? Я не мог этого понять, но я был убежден, что помощь в любом случае подоспеет вовремя.

В этом никто не сомневался на всем пути моего следования 23 августа. Проезжая между двумя рядами трепещущих на ветру знамен, под которыми стояли люди и кричали: «Да здравствует де Голль!» — я чувствовал, как меня подхватывает волна радости. В Фертэ-Бернаре, в Ножан-ле-Ротру, в Шартре, как и во всех городах и деревнях, через которые я проезжал, мне приходилось останавливаться, принимать дань уважения всех этих людей и выступать перед ними от имени возрожденной Франции. Во второй половине дня, обогнав колонны 2-й бронетанковой дивизии, я прибыл в замок Рамбуйе. В дороге я получил записку от генерала Леклерка, который сообщал, что встретится со мной в городе. Я немедленно вызвал его к себе.

---

¹ Хольтиц Дитрих Луго Герман фон (1894—1966), немецкий генерал, участник Первой мировой войны, Польской (1939) и Французской (1940) кампаний, в 1941 переведен на советско-германский фронт, в 1944 командующий LXXXIV армейским корпусом во Франции в Битве за Францию, осужден как военный преступник, в 1947 освобожден, вернулся в Германию. — *Прим.ред.*

План атаки у него был готов. основная масса его дивизии, выступившая из Аржантана, подойдет, правда, лишь к ночи, но передовые ее части уже вышли на линию Атис-Монс — Палезо — Туссю-ле-Нобль — Трапп и вступили в соприкосновение с хорошо окопавшимся, исполненным решимости противником. Надо было прорвать эту линию обороны. Главный удар падал на долю группировки Бийота, которая должна была двигаться по дороге из Орлеана в Париж через Антони; группировка Ланглада пойдет через Туссю-ле-Нобль и Кламар, в то время как отряд под командованием Морель-Двиля будет прикрывать ее со стороны Версаля. Что же до группировки Дио, временно выведенной в резерв, то она будет продвигаться следом за Бийотом. Операция начнется завтра на рассвете. Я одобрил план и предложил Леклерку по вступлении в Париж устроить свой командный пункт на Монпарнассском вокзале. Там я и встречаюсь с ним, чтобы договориться о дальнейшем. И вот, глядя на этого молодого командира, уже загоревшегося пламенем предстоящей битвы, увидевшего, какие возможности проявить свою доблесть предоставляет ему это необычайное стечение обстоятельств, я сказал: «Вам везет!» И подумал, что на войне от удач генералов зависит честь правительства.

Доктор Фавро, выехавший утром из Парижа, к вечеру прибыл в Рамбуйе. Он привез мне донесение от Люизе. Если верить префекту полиции, бойцы Сопrotивления стали хозяевами на улицах Парижа. Немцы оказались запертыми в своих опорных пунктах, откуда они лишь время от времени осмеливаются совершать рейд на бронемашинах. И как бы в подтверждение этого лондонское радио вечером сообщило, что Париж освобожден силами внутреннего Сопrotивления. На следующий день король Георг VI направил мне поздравительную телеграмму, которая была тотчас опубликована. Однако и эта информация и телеграмма были, конечно, преждевременны. А сделано это было, несомненно, для того, чтобы заставить американцев отказаться от своих задних мыслей, которых не одобряли англичане. Несоответствие между тоном искреннего удовлетворения, каким Би-Би-Си сообщало о событиях в Париже, и весьма сдержанным, даже несколько колючим тоном «Голоса Америки» дало мне понять, что на этот раз между Лондоном и Вашингтоном нет полного единодушия относительно Франции.

Я отослал обратно в Париж мужественного Фавро, вручив ему ответ для Люизе. И совершенно недвусмысленно заявил о своем намерении по вступлении в город ехать не в ратушу, где заседали

Совет Сопротивления и Парижский комитет освобождения, а в «центр». В моем понимании это означало военное министерство, которое только и могло быть центром управления и французского командования. Это отнюдь не означало, что я не установлю контакта с руководителями парижского восстания. Но я хотел дать понять, что государство после всех потрясений, которые не смогли ни уничтожить его, ни поставить на колени, возвращается просто к себе, в свои владения. Читая газеты «Комбат», «Дефанс де ла Франс», «Фран-тирер», «Фрон националь», Юманите», «Либерасьон», «Попюлер», которые политические элементы Сопротивления вот уже два дня как начали издавать в Париже вместо газет, выпускавшихся коллаборационистами, я ощущал радость от духа борьбы, которым они были проникнуты, и в то время еще больше укреплялся в решимости принять лишь ту власть, какую наделит меня глас толпы.

Именно это я и сказал Александру де Сен-Фаль, который явился ко мне с целой делегацией и о чьем влиянии в деловых кругах мне было хорошо известно. Он прибыл в сопровождении Жана Лорана, директора Индокитайского банка, Рольфа Нордлинга, брата генерального консула Швеции, и австрийского барона Пох-Пастора, офицера германской армии, адъютанта Хольтица и агента союзников. Все четверо выехали из Парижа ночью 22 августа, чтобы добиться от американского командования скорейшего введения в столицу регулярных войск. Узнав от Эйзенхауэра что Леклерк уже находится в пути, они явились представиться мне. Сенешаль порекомендовал мне по вступлении в Париж немедленно созвать «национальную» ассамблею, чтобы получить вотум доверия парламента, который предал бы моему правительству законный характер. Я наотрез отказался. В то же время состав, да и само появление такой делегации давали мне основание сделать любопытные выводы относительно умонастроения немецкого командования в Париже. Четыре «посланца» были снабжены двумя пропусками: один был подписан Пароди, а другой — генералом фон Хольтицем. Проезжая через вражеские заставы, они слышали, как солдаты бурчали: «Измена!»

Двадцать четвертого вечером основная масса 2-й бронетанковой дивизии после серьезных боев подошла к самому Парижу: Бийот и Дио завладели тюрьмой Фрэн и Круа-де-Берни, а Ланглад занял Севрский мост. Отряд, возглавляемый капитаном Дронном, достиг ратуши. Весь следующий день происходило уничтожение последних точек сопротивления врага и подавление

последних опорных пунктов. Леклерк направил группировку Биота через заставу Жантйи, мимо Люксембургского дворца, ратуши, Лувра — к отелю «Мерис», командному пункту генерала фон Хольгица. Группировка Дио вошла в город через Орлеанскую заставу и двумя колоннами направилась к укрепленным блокгаузам Высшей военной школы и Бурбонского дворца; колонна Нуаре прошла по внешним бульварам до виадука Отей, и затем вверх по Сене, а колонна Рувиллуа двинулась через Монпарнас, а затем мимо Дворца инвалидов. Площадью Звезды и отелем «Мажестик» занялась группировка Лангледа. Все три группировки встретились на площади Согласия. Американцы, продвигаясь правее Леклерка, направили часть своей 4-й дивизии к площади Италии и Аустерлицкому вокзалу.

Двадцать пятого августа все произошло, как было намечено. Я для себя тоже заранее решил, что буду делать в освобожденной столице. Моя роль заключалась в том, чтобы объединить души в едином национальном порыве и в то же время немедленно показать всем лик и авторитет государства. Шагая по террасе Рамбуе и получая ежечасно сообщения о продвижении 2-й бронетанковой дивизии, я думал о том, скольких несчастий мы могли бы избежать, если бы в свое время в нашем распоряжении была механизированная армия, состоящая из семи таких частей. И размышляя о причинах, которые привели к тому, что у нас не было такой армии и мы оказались беспомощными, иными словами, размышляя о несостоятельности наших властей, я преисполнялся еще большей решимости не допустить, чтобы меня вот так же связали по рукам и ногам. Моя миссия представлялась мне предельно ясной. Садясь в машину, чтобы ехать в Париж, я чувствовал, как волнение сжимает мне горло, но я был спокоен.

Сколько народу ожидает моего приезда! Сколько флагов на всех домах — снизу доверху! Начиная с Лонжюмо толпа все возрастает. У Бур-ла-Рен — целое столпотворение. У Орлеанской заставы, где еще постреливают, это уже волнующееся людское море. На Орлеанском проспекте темно от народа. Все ожидают, что я направлюсь в ратушу. Но, свернув на проспект Мен, почти пустой по сравнению с Орлеанским, я около четырех часов пополудни подъезжаю к Монпарнасскому вокзалу.

Генерал Леклерк только что прибыл туда. Он сообщает мне о капитуляции генерала фон Хольгица. Этот последний после соответствующих переговоров через Нордлинга лично сдался майору де Лагори, начальнику штаба Бийота. Затем в сопровождении

майора он отправился в префектуру и подписал там вместе с Леклерком соглашение, по которому немецкие опорные пункты в Париже должны были прекратить сопротивление. Надо сказать, что многие из них уже были захвачены в течение дня, а остальным немецкий генерал отдал письменное предписание, обязывавшее защитников сложить оружие и признать себя военнопленными. Офицеры из штаба Хольтица в сопровождении французских офицеров отправляются объявить об этом немецким войскам. Тут я увидел моего сына, лейтенанта морской пехоты при 2-м бронеполке, — он направлялся в Бурбонский дворец вместе с немецким майором, чтобы принять капитуляцию гарнизона. Бои в Париже завершаются вполне благополучно. Наши войска одержали полную победу, и город при этом не пострадал, а население не понесло потерь.

Я поздравляю Леклерка. Какой он сделал шаг на пути к славе! Я поздравляю также Роль-Танги, которого вижу с ним рядом. Ведь это внутренние силы Сопротивления сумели за предшествующие дни изгнать врага с наших улиц, опустошили его ряды и деморализовали солдат противника, блокировали его подразделения, окружив со всех сторон эти укрепленные островки. Кроме того, с самого утра группы партизан — ах, как плохо они были вооружены! — доблестно помогают регулярным войскам в очистке гнезд сопротивления немцев. Больше того, они своими силами ликвидировали укрепленный пункт в Клиньянкурской казарме. И тем не менее, прочитав текст капитуляции, врученный мне Леклерком, я неодобрительно отнесся к тому, что под нажимом Роль-Танги он вписал туда фразу, по которой выходит, что немецкое командование сдалось Роль-Танги и ему. «Во-первых, — заявил я, — это не точно. Во-вторых, вы в этой операции были офицером старшим по чину, а следовательно, только вы и отвечаете за нее. И главное: требование, побудившее вас согласиться на такую редакцию текста, подсказано неприемлемой тенденцией». Я дал Леклерку прочесть прокламацию, выпущенную утром Национальным советом Сопротивления, который выступал от имени «французской нации», ни словом не упоминая о правительстве или генерале де Голле. Леклерк сразу все понял. Я от всего сердца расцеловал моего славного соратника.

Покинув Монпарнасский вокзал, я направился к военному министерству; мне предшествовал маленький авангард под командой полковника де Шевинье. Кортёж получился очень скромный. Четыре машины: моя, машина Ле Трокера, машина Жюэна

и броневтомобиль. Мы намеревались проехать по бульвару Инвалидов до улицы Сен-Доминик. Но близ улицы Сен-Франсуа-Ксавье мы попали под обстрел — огонь вели из окружающих домов; мы решили свернуть и поехали дальше по улицам Вано и Бургонь. В пять часов мы прибыли на место.

И тотчас мною овладело ощущение, что здесь, среди этих почтенных стен, все осталось как прежде. Гигантские события всколыхнули мир. Наша армия была уничтожена. Франция чуть не погибла. Но в военном министерстве внешне все оставалось неизменным. Во дворе взвод республиканской гвардии, как бывало, салютует нам. Вестибюль, лестница, декоративные доспехи — все такое же, как раньше. А вот и часовые, которые и тогда стояли у входа. Я вхожу в «канцелярию министра», которую мы с Полем Рейно покинули вместе в ночь на 10 июня 1940 года. Ни один стул, ни один ковер, ни одна портьера не тронуты. На столе, на том же месте, стоит телефон, а рядом с кнопками звонков значатся все те же фамилии. Вот сейчас мне скажут, что так обстоит дело и в других зданиях, куда победоносно вступает Республика. Все на месте — не хватает только Государства. И мне надлежит водворить его сюда. Потому-то я и здесь.

Является Люизе, чтобы дать мне отчет, затем Пароди. Оба сияют от счастья и в то же время озабочены и вконец измучены — ведь неделю они не знали ни сна, ни отдыха. Перед ними прежде всего стоят две проблемы: восстановление общественного порядка и снабжение. Они описывают мне раздражение, которое вызвало у Совета Сопротивления и Парижского комитета освобождения известие, что я поехал сначала не к ним. Я вновь объясняю причины министру-делегату и префекту полиции. Вот теперь, выйдя отсюда, я направляюсь в ратушу, но прежде загляну в префектуру, чтобы приветствовать парижскую полицию. Мы вырабатываем план этих встреч. Затем я намечаю маршрут завтрашнего шествия, который вызывает у Пароди и Люизе восторг и в то же время тревогу. После их ухода мне приносят депешу от генерала Кенига. Он не мог сопровождать меня в этот великий день. Дело в том, что утром Эйзенхауэр попросил его прибыть для подписания соглашения, регулирующего взаимоотношения между нашей администрацией и командованием союзников. Наконец-то! Лучше поздно, чем никогда.

В семь часов вечера провожу смотр парижской полиции во дворе префектуры. Глядишь на этих солдат, которые вынуждены были служить при оккупантах, а сейчас ликуют от счастья и гор-

дости, и понимаешь, что, подав сигнал к боям и первыми вступив в схватку с противником, полицейские как бы брали реванш за долгие годы унижения. Да кроме того, нельзя же было упустить такую возможность повысить свой престиж и популярность. Я сказал им это. По рядам прокатилось «ура». И вот пешком, в сопровождении Пароди, Ле Трокера, Жюэна и Люизе, с трудом пробираясь сквозь толпу, которая обступила нас со всех сторон, оглушая приветственными криками, я добираюсь до ратуши. Перед зданием отряд внутренних сил Сопротивления под командой майора Ле Перка безукоризненно отдает установленные почести.

У подножия лестницы генерала де Голля приветствуют Жорж Бидо, Андре Толлэ и Марсель Флюре. На ступеньках стоят бойцы Сопротивления и салютуют со слезами на глазах. Под гром приветствий меня выводят на середину зала первого этажа. Здесь собрались члены Национального Совета Сопротивления и Парижского комитета освобождения. Вокруг теснятся их соратники, у многих на рукаве опознавательный знак внутренних сил Сопротивления — в том виде, как он был установлен правительственным декретом. У всех Лотарингский крест. Окидывая взглядом это собрание восторженных дружелюбных, интересных людей, я чувствую, что мы сразу признали друг друга, что всех нас, участников одной великой борьбы, связывает неразрывная нить и что если присутствующих и разделяет разница мнений, заставляющая их держаться настороже, а также разыгравшееся честолюбие, то достаточно мне встретиться с массой, чтобы наше единство восторжествовало над всем остальным. Надо сказать, что, несмотря на усталость, отражающуюся на лицах, несмотря на нервное возбуждение, вызванное пережитыми опасностями и минувшими событиями, я не вижу ни одного жеста, не слышу ни единого слова, которые выходили бы за рамки достойного. Какой замечательной получилась эта встреча, о которой мы так долго мечтали и за которую заплатили столькими усилиями, страданиями, смертями!

Чувства уже сказали свое слово. Теперь настал черед политики. И она тоже высказалась благородно. Жорж Марран, заместивший Андре Толлэ, в самых изысканных выражениях приветствует меня от имени нового парижского муниципалитета. Затем Жорж Бидо обращается ко мне с прочувствованной речью. В своем импровизированном ответе я говорю о «священном волнении, которое захлестнуло нас всех — мужчин и женщин — в эти минуты, далеко выходящие по своей значимости за пределы нашей бедной жизни». Я заявляю, что «Париж был освобожден самим населени-

ем с помощью армии и при поддержке всей Франции». Я не забываю упомянуть, что этим успехом мы обязаны также «французским войскам, которые в эту минуту продвигаются по долине Роны», а также вооруженным силам наших союзников. И, наконец, я призываю нацию выполнить свой долг участия в войне и установить необходимое для этого национальное единство.

Я захожу в канцелярию префекта департамента Сена. Марсель Флоре представляет мне главных чиновников своей администрации. Видя, что я направляюсь к выходу, Жорж Бидо останавливает меня восклицанием: «Генерал! Вокруг вас сейчас Национальный Совет Сопротивления и Парижский комитет освобождения. Мы просим вас торжественно провозгласить республику перед собравшимися». Я ответил ему: «Республика никогда не прекращала своего существования. Олицетворением ее были поочередно «Свободная Франция», Сражающаяся Франция, Французский комитет национального освобождения. Режим Виши всегда был и остается нулем и фикцией. Сам я являюсь председателем кабинета министров республики. Почему же я должен ее провозглашать?» И, подойдя к окну, я жестом приветствовал толпу, навонявшую площадь и своими криками подтвердившую, что она не требует от меня ничего иного. Вслед за тем я вернулся на улицу Сен-Доминик.

Вечером Леклерк дал мне отчет о боях, происходивших в Париже. Теперь уже все опорные пункты немцев сдались. Последними прекратили огонь так называемый «блок Люксембурга», который включал Люксембургский дворец, Горную школу и лицей Монтеня, а также блок площади Республики, занимавший казарму принца Евгения и центральную телефонную станцию на улице Архивов. Наши войска за этот день взяли в плен 14 800 человек. Погибло 3200 немцев, не считая тех — а таких было по крайней мере тысяча, — которых партизаны уничтожили в течение предшествующих дней. Потери, понесенные 2-й бронетанковой дивизией, составляют 28 офицеров и 600 солдат. Что же до внутренних сил Сопротивления, то, по подсчетам профессора Валери-Радо, возглавившего в Париже службу здравоохранения, бои, которые вели эти силы в течение последних шести дней, обошлись им в 2500 человек. Кроме того, погибло свыше тысячи гражданских лиц.

Леклерк довел до моего сведения, что к северу от Парижа все еще ощущается нажим со стороны противника. В Сен-Дени, в Ла-Вийетт солдаты отказались сложить оружие, заявив, что они не подчиняются Хольтицу. Часть 47-й немецкой дивизии готовит-

ся занять Ле-Бурже и Монморанси, очевидно для того, чтобы прикрыть отступление войск, с боями отходящих на север. Противник в некоторых местах все еще находится на подступах к столице. Генерал Джероу, командующий 5-м американским корпусом, которому по-прежнему придана 2-я бронетанковая дивизия, дал генералу Леклерку указание вступить в соприкосновение с противником и атаковать позиции немцев.

И тем не менее я больше чем когда-либо исполнен решимости проследовать завтра по маршруту площадь Звезды – собор Парижской Богоматери, чтобы встретиться с народом, и я хочу, чтобы 2-я бронетанковая дивизия приняла участие в церемонии. Устройство такого шествия, конечно, связано с известным риском, но на это стоит пойти. К тому же мне кажется чрезвычайно маловероятным, чтобы немецкие арьергарды вдруг превратились в авангарды и направились к центру Парижа в то время, как весь его гарнизон взят в плен. Но на всякий случай не мешает принять известные меры предосторожности.

Я договариваюсь с Леклерком о том, что тактическая группа, возглавляемая Румянцевым, завтра будет направлена для прикрытия Ле Бурже, она соберет вокруг себя разрозненные отряды внутренних сил, действующие в этом районе. Остальную часть дивизии решено на время шествия разделить на три группы, которые будут стоять наготове соответственно у Триумфальной арки на Рон-Пуэн – на Елисейских полях и перед собором, чтобы в случае необходимости их можно было направить в нужное место. Сам Леклерк, находясь среди моего окружения, будет поддерживать постоянную связь с этими группами. Поскольку командование союзников не сочло нужным установить со мной какую-либо связь, уполномочил Леклерка довести до сведения союзников о принятом мною плане действий. К тому же у командования имеются все необходимые средства, чтобы в случае необходимости подкрепить ту или иную часть французской дивизии. В случае если союзники дадут Леклерку указания, идущие вразрез с моими, он должен ответить, что будет поступать сообразно с приказом генерала де Голля.

Наступило утро субботы, 26 августа. Оно не внесло никаких изменений в мои планы. Мне, конечно, стало известно, что Джероу потребовал, чтобы Леклерк и его войска не принимали участия в шествии. Американский генерал прислал даже офицера, чтобы предупредить об этом меня лично. Нечего и говорить, что я не обратил внимания на эти предупреждения, но про себя поду-

мал, что такая позиция, занятая в такой день и в таком месте — конечно, в соответствии с инструкциями, полученными сверху, — говорит о полном непонимании того, что происходит. Должен признать, что, кроме этой попытки — бесплодной и неприятной, — наши союзники никак больше не вмешивались в дела столицы. Генерал Кениг, приступивший к выполнению обязанностей военного губернатора — на этот пост я назначил его еще 21 августа, — префект Сены, префект полиции не могут указать ни одного случая вмешательства в их права. В Париже нет ни одной американской части, а солдаты, которые накануне прошли через город в районе площади Италии и Лионского вокзала, тут же покинули столицу. Если не считать репортеров и фотографов, то союзники вообще не будут принимать никакого участия в намечаемом шествии. На всем пути его следования будут лишь француженки и французы.

Зато их будет много. Уже накануне вечером радио, работу которого усиленно стараются наладить Жан Гиньбер, Пьер Крэнесс и их помощники, начинает объявлять о готовящейся церемонии.

В течение утра мне непрерывно сообщают о том, что со всех концов города и из пригородов к центру Парижа, где бездействует метро, где нет ни автобусов, ни автомобилей, стекаются бесчисленные толпы пешеходов. В три часа дня я подъезжаю к Триумфальной арке. Около могилы Неизвестного солдата стоят Пароди и Ле Трокер, члены правительства, Бидо и Национальный Совет Сопротивления, Толлэ и Парижский комитет освобождения, генералы Жюэн, Кениг, Леклерк, Валлен, Блок-Дассо, адмирал Д'Аржанлье, префекты Флюре и Люизе, представитель военных властей Шабан-Дельмас, множество командиров и бойцов внутренних сил. Я приветствую полк территории Чад, выстроившийся в боевом порядке перед Триумфальной аркой; офицеры и солдаты, стоя на своих танках, смотря, как я прохожу мимо, направляясь к площади Звезды, — это все равно как сон наяву. Я разжигаю вечный огонь¹. После 14 июня 1940 никто не мог этого сделать, ибо вокруг были захватчики. Затем я выхожу из-под сени арки. Присутствующие расступаются. Передо мной — Елисейские поля!

Но это не поля, а море! Огромные толпы стоят по обе стороны проспекта. Пожалуй, здесь миллиона два душ. На крышах тоже черно от народа. У всех окон сгрудились люди — лица вперемеж-

---

¹ На могиле Неизвестного солдата. — *Прим. ред.*

ку со знаменами. Человеческими гроздьями увешаны лестницы, антенны, фонари. Насколько хватает глаз, повсюду вокруг живое море, колышущееся под солнцем, осененное трехцветными знаменами.

Я иду пешком. Сегодня предстоит не смотр войскам, когда сверкает оружие и звучат фанфары. Сегодня надо вернуть народу его облик, чтобы он, видя собственную радость и доказательства своей свободы, вновь обрел себя, — тому народу, который вчера был придавлен поражением и разрознен рабством. Поскольку каждый и за тех, кто находится сейчас здесь, в сердце своем хранит Шарля де Голля как прибежище от бед и символ надежды, надо, чтобы все эти люди увидели его — такого знакомого, родного человека, и национальное единство воссияет тогда еще более ярким светом. Правда, некоторые Генеральные штабы весьма озабочены: а вдруг прорвутся вражеские танки или налетит эскадрилья самолетов и сбросит бомбы или подвергнет собравшихся пулеметному обстрелу — ведь это может привести к большим жертвам, посеять панику. Но я в этот вечер верю в удачу Франции. Правда, служба порядка опасается, что не сумеет сдержать напор толпы. Я же думаю, что люди будут вести себя дисциплинированно. Правда, к сопровождающему меня кортежу достойных лиц незаконно примешиваются статисты со стороны. Но на них никто не смотрит. Правда и то, что ни моя внешность, ни мои жесты и позы, ни мои вкусы, наконец, не предназначены для того, чтобы угождать собравшимся. Но я уверен, что собравшиеся и не ждут этого от меня.

И вот я иду, взволнованный и в то же время спокойный, среди толпы, чье ликование невозможно описать, — иду сопровождаемый громом голосов, выкрикивающих мое имя, стараясь охватить взглядом каждую волну этого человеческого прилива, чтобы вобрать в себя все эти лица, то и дело поднимаю и опускаю руки, отвечая на приветствия. Это минута, когда происходит чудо, когда пробуждается национальное сознание, когда Франция делает один из тех жестов, что озаряют своим светом нашу многовековую историю. В этом единении, когда мысли всех становятся одной общей мыслью, когда у всех один порыв, один крик, — стираются различия. Люди как индивидуальности перестают существовать. Все это множество Французов, мимо которых я прохожу на площади Звезды, на Рон-Пуэне, на площади Согласия, перед ратушей, на паперти собора, — если бы они знали, как они все похожи! Вы, дети с бедными лицами, трепещущие и громко выражающие свою радость; вы, женщины, перенесшие столько горя, а сейчас расточающие

мне приветственные крики и улыбки; вы, мужчины, исполненные давно забытой гордости, выкрикивающие мне благодарность; вы, старики, оказывающие мне честь своими слезами, — ах, как вы все похожи друг на друга! А я среди этой бури — я чувствую, что на меня возложена миссия, намного превышающая то, что я заслужил, — миссия быть орудием судьбы.

Но нет такой радости, которую ничто бы не омрачило, даже если идешь путем победы. К счастливым мыслям, теснящимся в моем мозгу, примешивается немало забот. Я прекрасно знаю, что вся Франция хочет лишь свободы. Жажда возрождения, вспыхнувшая вчера в Ренне и в Марселе, а сегодня переполняющая Париж, проявится завтра в Лионе, Руане, Лилле, Дижоне, Страсбурге, Бордо. Для того, у кого есть глаза и уши, не может быть сомнений, что страна хочет подняться с колен. Но война продолжается. И надо еще ее выиграть. Какою же ценой в конечном счете придется заплатить за это? Какие разрушения добавятся к нашим разрушениям? Какие новые потери понесут наши солдаты? Какие моральные и физические страдания придется еще вынести французским военнопленным? Сколько французов, депортированных на чужбину, — самых отважных, больше всех пострадавших, больше всех заслуживших похвалу, вернется назад? И, наконец, в каком состоянии окажется весь наш народ и каков будет мир, в котором ему предстоит жить?

Правда, вокруг себя я вижу необычайные проявления единства. Следовательно, можно надеяться, что к концу боев нация преодолеет раздражающие ее противоречия; что французы, познав друг друга, захотят остаться едиными, чтобы возродить могущество своей страны; что, выбрав для себя цель и найдя руководителя, они создадут институты, которые поведут их к этой цели. Но я не могу, однако, игнорировать упорство коммунистов, озлобление многих видных деятелей, которые не простят мне того, что я знаю об их ошибках, не могу игнорировать агитационный зуд, вновь раздражающий партии. Шагая во главе кортежа, я даже сейчас чувствую, что меня эскортирует не только преданность, но и честолюбие. Из-под волн народного доверия то и дело показываются рифы политики.

С каждым шагом, который я делаю, ступаю по самым проплавленным местам мира, мне кажется, что слава прошлого как бы присоединяется к славе сегодняшнего дня. Под Триумфальной аркой в нашу честь весело вспыхивает пламя. Перед нами открывается сияющий проспект, по которому победоносная армия шла двадцать пять лет тому назад. Клемансо, которому я отдаю

честь, проходя мимо его памятника, кажется, готов сорваться со своего пьедестала и присоединится к нам. Каштаны на Елисейских полях, о которых мечтал пленный Орленок и которые на протяжении стольких десятилетий были свидетелями удач и роста престижа французов, сейчас предстают радостными шеренгами перед взорами тысяч зрителей. Тюильри, свидетель величия страны при двух императорах и двух королях; площадь Согласия и площадь Карусель, где разливался во всю ширь революционный энтузиазм и проходили смотры победоносных полков; улицы и мосты, которым выигранные битвы дали имена; на другом берегу Сены — Дворец инвалидов, сверкающий купол которого напоминает о великолепии короля-солнца; гробница Тюренна, Наполеона, Фоша; Институт Франции, через который прошло столько блестящих умов, — все они благосклонно взирают сейчас на обтекающий их человеческий поток. Затем к празднику приобщается Лувр, через который прошла длинная вереница королей, создавших Францию; вот на своих постаментах статуи Жанны д'Арк и Генриха IV; вот дворец Людовика Святого (вчера как раз был его праздник) и, наконец, собор Парижской Богоматери, где молится Париж, и Ситэ — его колыбель. История, которой дышат эти камни и эти площади, словно улыбается нам.

Но в то же время она нас предупреждает. Ведь это самое Ситэ было когда-то Лютецией, наводненной легионами Цезаря, а потом стало Парижем, который лишь молитва Женевьевы спасла от огня и меча Аттилы. Людовик Святой, всеми покинутый крестonosец, погиб в песках Африки. У заставы Сент-Онорэ Жанну д'Арк не пропустили в город, который она вернула Франции. Совсем недалеко отсюда Генрих IV пал жертвой фанатической ненависти. Восстание Лиги против Генриха III, кровавая резня в Варфоломеевскую ночь, заговор Фронды, бурный водоворот 10 августа обагрили кровью стену Лувра. На площади Согласия упали головы короля и королевы Франции. Тюильри был свидетелем крушения дряхлой монархии, отъезда в изгнание Карла X и Луи Филиппа, отчаяние императрицы, а потом был обращен в пепел, как и старая ратуша. А какое гибельное смятение царило совсем недавно в Бурбонском дворце! Четырежды на памяти двух поколений Елисейские поля были осквернены захватчиком, который торжественным маршем проходил по ним под звуки ненавистных фанфар. Сегодня вечером Париж, озаренный величием прошлого Франции, одновременно извлекает урок из ее тяжелых дней.

Около половины пятого, как и было намечено, я вступлю под своды собора Парижской Богоматери. Только что на улице Риволи я сел в машину и после короткой остановки у подъезда ратуши прибыл на площадь перед папертью. Кардинал-епископ не встречает меня у входа. И не потому, что не хочет. Новые власти просили его воздержаться от этого. Дело в том, что монсеньер Сюар четыре месяца тому назад счел необходимым устроить торжественную встречу маршалу Петену, проезжавшему через оккупированный немцами Париж, а в прошлом месяце по указанию Виши служил панихиду по Филиппу Анрио. А потому многих бойцов Сопrotивления возмутило, если бы этот же самый священнослужитель теперь вводил в собор генерала де Голля. Я лично, зная, что церковь считает себя обязанной принимать «установившийся порядок», не сомневаясь в том, что вера и милосердие занимают в душе кардинала главное место, не позволяя ему задумываться над временной сущностью тех или иных явлений, — я лично охотно пренебрег бы этим. Но многие еще так возбуждены после недавних боев, что, желая избежать каких-либо актов, неприятных для монсеньера Сюара, я решил согласиться с моим окружением, попросившим кардинала сидеть в архиепископстве и не показываться во время церемонии. То, что затем произошло, лишь подтвердило, что эта мера была правильной.

Не успел я выйти из машины, как раздались выстрелы. И началась пальба. Все, у кого было оружие, принялись стрелять куда попало. На всякий случай целят в крыши. Бойцы Сопrotивления стреляют во все стороны. Я вижу даже, как солдаты 2-й бронетанковой дивизии, стоя у портала, решают пулями башенки собора. Мне сразу подумалось, что здесь, должно быть, произошел один из тех случаев массового психоза, когда какой-то нечаянный или преднамеренный выстрел вызывает среди взвинченных солдат беспорядочную пальбу. Нельзя допустить, чтобы этот водоворот захватил и меня. И так, я вхожу в собор. Так как нет электричества, орган безмолвствует. С улицы доносятся выстрелы. Я иду по проходу, и присутствующие, склонившись над молитвенниками, оглашают своды приветствиям. Я сажусь; позади меня садятся два моих министра — Ле Трокер и Пароди. Каноники стоят на своих местах. Преподобный отец Бро, подойдя ко мне, передает приветствие кардинала, а также его сожаление по поводу происшедшего. Я прошу заверить его преосвященство в моем уважении к делам религии, передать ему о моем желании добиться примирения всей нации и о моем намерении вскоре принять его.

Под сводами собора раздаются слова религиозного гимна. Пели ли когда-нибудь его с большим пылом! А пальба все не прекращается. Несколько молодцов, засевших на верхних галереях, ведут стрельбу. Ни одной пули не прожужжало мимо меня. Но от выстрелов, направленных вверх, со свода сыплется штукатурка, пули отскакивают рикошетом, падают вниз. Многие ранены. Полицейские, которых префект посылает на самых верх здания, обнаруживают там несколько вооруженных людей; эти последние утверждают, что они-де открыли огонь по противнику. И хотя священнослужители, официальные лица, присутствующие держатся безупречно, я прекращаю церемонию. Вокруг собора перестрелка прекратилась. Но когда я вышел, мне сообщили, что точно такие же события в этот самый час произошли в таких удаленных отсюда местах, как площадь Звезды, Рон-Пуэн и ратуша. Имеются пострадавшие — почти все в результате давки.

Кто начал стрельбу? Никакое расследование на смогло этого установить. Предположение, что с крыш стреляли немецкие солдаты или милиция Виши, кажется маловероятным. Несмотря на все розыски, ни одного такого человека задержать не удалось. К тому же трудно поверить, чтобы противник стрелял по печным трубам, а не метил в меня — чего, казалось бы, проще: ведь я ехал в открытой машине! Можно, если угодно, считать чистой случайностью то, что перестрелка началась одновременно в нескольких пунктах Парижа. Но у меня лично такое ощущение, что все это было подстроено политиками, которые хотели, воспользовавшись смятением толпы, оправдать необходимость существования революционной власти и принятия чрезвычайных мер. С помощью нескольких выстрелов, сделанных в указанный час в воздух, — возможно, даже не ожидая, что за этим может последовать перестрелка, — они хотели создать впечатление, что где-то еще притаилась угроза, что организации Сопротивления должны остаться вооруженными и быть начеку, что «КОМАК», Парижский комитет освобождения, а также квартальные комитеты освобождения должны взять на себя функции полиции, правосудия, заняться проведением чистки и таким образом оградить народ от опасных заговоров.

Я же прежде всего намерен восстановить порядок. Противник, кстати, напоминает, что война признает только свои законы. В полночь его самолеты бомбят столицу: разрушено 500 домов, возникает пожар в винных рядах Центрального рынка, убито и ранено около тысячи человек. Воскресенье 27 августа явилось для

населения столицы днем сравнительной передышки; я имел возможность вместе с тысячами бойцов Сопrotивления присутствовать на службе, которую служит их священник Брюкберже, затем, забившись в угол машины, чтобы не слишком бросаться в глаза, я объехал город, чтобы увидеть лица людей и ознакомиться с общим положением вещей. В это же самое время 2-я бронетанковая дивизия на протяжении всего дня, с утра и до вечера, ведет тяжелейшие бои. Ценой значительных потерь группировке Дио удается завладеть аэродромом Ле-Бурже, а группировка Ланглеа берет с бою Стен, Пьерфит, Монманьи.

Подобно тому как луч прожектора внезапно выхватывает из темноты монумент, так освобождение Парижа, осуществленное самими французами, равно как и доказательство народного доверия к де Голлю, рассеивает тени, еще заволакивавшие жизнь нашей нации; так или иначе, будь то в результате этого или вследствие чистого совпадения, но происходит какой-то сдвиг и исчезают многие препятствия, еще стоявшие на пути. 28 августа приносит мне целую серию приятных новостей.

Во-первых, я узнаю, что после занятия Гонеса нашими войсками немцы стали отступать из северного предместья, что означает конец битвы за Париж. Затем Жюэн приносит мне донесения, поступившие из 1-й армии и подтверждающие капитуляцию гарнизонов противника: 22 августа в Тулоне и 23-го в Марселе; при этом сообщается, что наши силы с разных концов долины Роны быстро продвигаются к Лиону, в то время как американцы, следуя по «дороге Наполеона», расчищенной партизанами, уже достигли Гренобля. Кроме того, из отчетов наших делегатов, находящихся к югу от Луары: Бенувиля в Центральном массиве и генерала Пфистера на юго-западе, — я узнаю о том, что немцы отступают и там: одни части пытаются уйти в Бургундию, чтобы избежать окружения, а другие стягиваются в укрепленных районах на побережье Атлантики; и те и другие отступают с боями, так как внутренние силы непрерывно атакуют их колонны и совершают налеты на расположения их войск. Буржэс-Монури, наш делегат на юго-востоке, сообщает, что партизаны являются хозяевами положения в Альпах, в департаментах Эн, Дром, Ардеш, Канталь, Пюи-де-Дом, а это, естественно, ускоряет продвижение войск генералов Пэтча и Делаттра. Наконец, на востоке и на севере страны ширится активность наших сил, а то время как в Арденах, в Эно, в Брабанте бельгийские отряды Сопrotивления тоже ведут неутомимую партизанскую войну. Можно предполагать,

что противник, отброшенный к Сене, преследуемый вдоль Роны, атакуемый повсеместно на нашей земле, соберется с силами лишь у самой границы рейха. Это значит, что наша страна, каковы бы ни были нанесенные ей раны, получит довольно скоро возможность возродиться как нация.

При условии — что ею будут управлять, а это исключает существование какой-либо власти параллельно с моей. Железо накалилось. Я кую его. Утром 28 августа я вызываю к себе двадцать главных руководителей парижских партизан, чтобы познакомиться с ними, поздравить их и поставить в известность о том, что я намерен влить внутренние силы в ряды регулярной армии. Затем входят генеральные секретари, которые ясно дают понять, что ждут указаний только от меня и моих министров. Затем я принимаю членов Бюро Национального Совета Сопротивления. Эти люди находятся во власти двух чувств, которые я воспринимаю по-разному. Они гордятся тем, что совершили, — и тут я всецело на их стороне. А кое-кто питает тайные замыслы относительно руководства государством — и с этим я не могу примириться. Хотя народная демонстрация 26 августа окончательно выявила приоритет генерала де Голля, есть люди, которые еще лелеют план создания автономной власти, существующей параллельно с ним и не зависящей от него, намереваясь превратить Национальный Совет Сопротивления в постоянный орган, контролирующий действия правительства, поручить «КОМАК'у» руководство военными силами Сопротивления, выделив из рядов последних так называемую «патриотическую» милицию, которая будет действовать от имени «народа» в определенном смысле этого слова. Больше того, Совет уже принял «программу Национального Совета Сопротивления», где перечислены мероприятия, которые следует осуществить во всех областях, — программа эта предназначалась для того, чтобы непрерывно размахивать ею перед носом исполнительного органа.

Признавая и высоко оценивая ту роль, которую мои собеседники сыграли в борьбе, я нисколько, однако, не скрываю моих намерений относительно них. С той минуты, как Париж вырван из рук противника, Национальный Совет Сопротивления вписывается в славную летопись истории освобождения, но не имеет больше никаких оснований для существования в качестве действенного органа. Всю ответственность за дальнейшее принимает на себя правительство. Я, конечно, включу в его состав того или иного из членов Совета. Но в таком случае этим последним при-

дется отказаться от всякой солидарности с каким-либо органом, кроме кабинета министров. Зато я предполагаю влить Совет в Консультативную ассамблею, которая прибудет из Алжира и должна быть расширена. Что касается внутренних сил, то они являются частью французской армии. По мере выхода их из подполья военное министерство будет брать на учет личный состав и оружие партизан. «КОМАК» должен прекратить свое существование. Общественный порядок будет поддерживаться полицией и жандармерией, которым в случае необходимости придут на помощь гарнизонные войска. Милиция больше не нужна. Она должна быть распущена. Я зачитываю моим собеседникам подписанный мною приказ о включении внутренних сил в регулярные войска; в соответствии с этим на генерала Кенига, военного губернатора, возлагается ответственность за проведение необходимых мероприятий в Париже.

Выслушав высказывания членов Бюро, — одни из них покоряются, другие страстно возражают, — я заканчиваю совещание. Вывод, к которому я пришел, заставляет меня предполагать, что кое-кто еще попытается сыграть на недопонимании или недоговоренности, чтобы сохранить в своем распоряжении как можно больше вооруженных людей, что придется еще прибегнуть к официальным мерам, преодолеть трения, обеспечить выполнение приказов, прежде чем, наконец, установится власть правительства. Я хочу, чтобы путь к этому был освобожден как можно скорее.

И этому отныне будут способствовать американцы. Генерал Эйзенхауэр наносит мне визит. Мы поздравляем друг друга со счастливым окончанием событий в Париже. Я не скрываю от него, однако, что мне была крайне неприятна позиция, занятая Джероу в тот момент, когда я, вступив в свою собственную столицу, хочу овладеть положением. Я довожу до сведения главнокомандующего, что по причинам, связанным с моральным состоянием населения, и, следовательно, в интересах установления настоящего порядка я еще на несколько дней оставлю в своем ведении 2-ю бронетанковую дивизию. Эйзенхауэр говорит, что намерен обосноваться со своей ставкой в Версале. Я одобряю его решение: мне кажется правильным, что он не хочет оставаться в Париже, и разумным, что он решил устроиться вблизи от города. Мы прощаемся, и от имени французского правительства я выражаю этому великодушному и умному военачальнику союзников наше уважение, доверие и признательность. Вскоре после этого американцы, ни с кем не посоветовавшись, опубликовали

коммунике, согласно которому военное командование, в соответствии с достигнутой договоренностью, якобы передало французской администрации свои полномочия. Естественно, что никаких полномочий союзники не передавали, поскольку нельзя передать то, чем никогда не обладал и не пользовался. Но честолюбие президента, должно быть, предъявляло тут свои требования, тем более что в Соединенных Штатах начинается предвыборная кампания и что через полтора месяца всеобщее голосование будет решать судьбу Франклина Рузвельта.

С наступлением вечера я узнаю о последнем поступке маршала как «главы государства». Жюэн приносит мне письмо от адмирала Офана, бывшего министра Виши. К письму приложен меморандум, в котором адмирал ставит меня в известность о миссии, полученной им от маршала и формулированной в двух секретных документах. Первым из этих документов является так называемый «конституционный» акт от 27 сентября 1943, уполномочивающий коллегия из семи членов выполнять обязанности «главы государства» в случае, если маршал сам не сможет их выполнять. Второй, датированный 11 августа 1944, уполномочивает адмирала Офана «в случае необходимости вступить от имени маршала в контакт с генералом де Голлем, чтобы в момент освобождения территории страны избрать такой курс для французской политики, который помешал бы возникновению гражданской войны и примирил между собой все народы доброй воли». Если Офан не сможет с ним связаться, маршал «доверяет ему поступать так, как он сочтет наиболее целесообразным для интересов родины». Но только, добавляет он, «при условии, что будет соблюден принцип законности, носителем которого я являюсь».

В своем письме адмирал сообщал мне, что 20 августа, узнав, что немцы увезли маршала, он тотчас попытался созвать «коллегию». Но двое из указанных ее членов — Вейган и Бутилье — оказались арестованными и содержатся в Германии; еще один Леон Нозль, посол Франции, уже четыре года находящийся в рядах Сопротивления, — официально отказался принять участие в подобной комбинации; еще двое других — Порше, вице-председатель Государственного совета, и Гидель, ректор Парижского университета, — просто не приехали. Видя, что никто не явился, кроме него и Кау, генерального прокурора кассационного суда, Офан решил, что «коллегия» отжила свой век, не успев родиться, и что отныне он является «главным душеприказчиком законных полномочий маршала». Он просит меня их принять.

Этот демарш ничуть не удивил меня. Насколько мне известно, уже в начале августа маршал, с минуты на минуту ожидавший, что немцы заставят его уехать в Германию, вступил в контакт с руководителями Сопrotивления. Анри Ингран, комиссар республики в Клермон-Ферране, довел до моего сведения, что 14 августа его посетил, по поручению маршала, капитан Олиоль. Маршал сообщал о готовности поручить свою особу охране внутренних сил и одновременно заявить о своем отказе от власти. Ингран ответил, что, если маршал сдастся ему, внутренние силы обеспечат его безопасность. Но Петен не довел до конца своего плана: по всей вероятности, ему помешали меры, принятые немцами, которые усилили наблюдение за ним перед отправкой в Бельфор и Зигмаринген. И вот теперь доверенное лицо маршала уведомляет меня, что хочет вести со мной официальные переговоры.

Какой конец! Какое признание! Так, значит, в момент крушения Виши Филипп Петен повернулся к Шарлю де Голлю. Вот чем кончилась эта отвратительная серия капитуляций, приведшая к тому, что под предлогом «спасения имущества» было принято рабство. Как неизмерима глубина падения, если к подобной политике прибегает на склоне лет военачальник, некогда покрывший себя славой! Читая документы, которые мне вручили от его имени, я чувствую, как лишний раз подтверждается то, в чем я был всегда уверен, и одновременно душу мне сжимает несказанная грусть. Господин маршал! Вы когда-то покрыли такой славой наше оружие, вы в свое время были моим начальником и служили мне примером — и к чему вы пришли?

Ну а что я могу ответить на это письмо? В данном случае чувства отступают перед государственными соображениями. Маршал говорит о гражданской войне. Если он подразумевает под этим резкое столкновение между двумя частями французского народа, то ничего подобного и не намечается. Дело в том, что ни один из его сторонников не выступает против моей власти. На освобожденной территории нет ни одного департамента, ни одного города, ни одной коммуны, ни одного чиновника, ни одного солдата, даже ни одного частного лица, которые пытались бы противостоят де Голлю из преданности Петену. Что касается репрессивных мер, которые отдельные отряды Сопrotивления могли бы учинить по отношению к людям, подвергавшим их преследованиям в угоду противнику, то тут должны вмешаться соответствующие органы, не забывая, однако, о соблюдении справедливости. Здесь ни о чем нельзя договориться заранее.

А главное — основание, на которое ссылается Петен, предлагая вступить со мной в соглашение, как раз и делает такое соглашение невозможным. Правительство республики начисто отказывает ему в праве именовать себя носителем законной власти не только потому, что он в свое время принял отречение обезумевшего от страха парламента, но и потому, что он согласился отдать в рабство Францию, официально сотрудничал с захватчиками, приказывал сражаться против французских солдат и солдат союзников, боровшихся за освобождение, и в то же время не было такого дня, когда бы он разрешил стрелять по немцам. Больше того, ни в своем письме Офану, ни в прощальном слове, адресованном французам, Петен нигде не осуждает «перемирия», не призывает: «Вперед на врага!» Так вот: орган, утративший свою независимость, не может считаться законным французским правительством. Мы, французы, на протяжении истории пережили немало бед, теряли провинции, платили репарации, но никогда государство наше не мирилось с иностранным владычеством. Даже король из Бурже¹, даже монархия, реставрированная в 1814 и в 1815, или правительство и ассамблея, заседавшие в Версале в 1871 году, не шли на поводу у иностранцев. Если Франция признает власть, которая надеет на нее ярмо, она лишится будущего.

Призыв, идущий из глубин истории, инстинкт патриота своей страны побуждает меня принять в свои руки сокровище, которое осталось нам в наследство, — обеспечение французского суверенитета. Это я являюсь носителем законности. И в качестве такого могу призвать народ к войне и к единению, установить порядок, закон, справедливость, потребовать, чтобы за границей уважали права Франции. Здесь я не отступлю ни на шаг и не пойду ни на какие компромиссы. Я признаю побуждения, которые заставили маршала написать это послание; не сомневаюсь я и в том, насколько важно с моральной точки зрения для будущего нации то, что Петен в конечном счете обратился именно к де Голлю, и тем не менее я могу ответить маршалу лишь молчанием.

К тому же сейчас, ночью, наступившей после столь бурного дня, вокруг воцарилась наконец тишина. Настало время подвести итоги тому, что сделано, и представить себе дальнейшее. Сегодня единство одержало верх. Зародившееся в Бразавиле, выросшее в Алжире, оно расцвело полным цветом в Париже. И Франция, которая, казалось, была обречена на бедствия, на отчаяние и на раз-

---

¹ Карл VII (1422—1461), король Франции. — *Прим. ред.*

доры, сейчас имеет все возможности дойти в едином строю до конца нынешней драмы и наравне с другими выйти из нее победоносной, вернув себе свои земли, свое место, свои достоинства. Можно надеяться, что французы, перегруппировавшись сейчас, надолго останутся в таком состоянии и, пока не дойдут до ближайшей цели, не распадутся на разделяющие их категории, которые — ввиду разницы своих идеалов — неизменно препятствуют национальной сплоченности.

Измерив стоящие передо мной задачи, я должен оценить и свои силы. Моя роль состоит в том, чтобы заставить разнородные элементы нации служить единой цели, ведущей к спасению страны, и я обязан — каковы бы ни были мои недостатки — играть эту роль до тех пор, пока будет продолжаться кризис, а затем — если пожелает страна — и до тех пор, пока не будут созданы достойные ее институты, соответствующие нашей эпохе и вооруженные тяжелым опытом пережитого, а тогда уж передать им руководство страной.

Я знаю, что по мере того, как будет отдаляться опасность, все группировки, все школы, все ареопаги постепенно возникнут на мое пути — ожившие и враждебные. Нет такого догматического течения или бунтарства, такого олицетворения бездеятельности или претенциозности, такого безразличия или интереса, которые сначала тайно, а потом и явно не выступили бы против моего начинания, имеющего целью сплотить французов вокруг Франции и создать сильное и справедливое государство. Если говорит о человеческих привязанностях, то уделом мне будет одиночество. Но каким могучим рычагом для того, чтобы поднять такую ношу, является поддержка народа! Это могучее доверие, это простое дружелюбие, свидетельство которых я вижу на каждом шагу, — вот что будет меня поддерживать.

И призыв мой мало-помалу был услышан. Медленно, трудно создавалось единство. А теперь народ и его руководитель, помогая друг другу, вступили на путь спасения.

ДОКУМЕНТЫ

Публикуемые ниже документы отобраны из числа тех, которые я составлял, получал или о которых знал, как председатель Французского национального комитета, председатель Французского комитета национального освобождения, глава Временного правительства Французской республики и верховный глава армии в 1942–1944.

Тексты нот, писем, декреты публиковались в свое время в «Журналь оффисьель».

ИНТЕРМЕДИЯ

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С ПОСЛОМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ЛОНДОНЕ ВАЙНАНТОМ 21 МАЯ 1942

(Записана канцелярией генерала де Голля)

Беседа начинается с обсуждения политического положения Германии, каким его можно представить по недавней речи Геринга. Посол и генерал одинаково считают, что из слов маршала Геринга следует вывод, что моральное состояние немецкого народа поколеблено.

Вайнант говорит с генералом о войне в России и спрашивает, как велики, по его мнению, потери немцев с начала германо-русского конфликта.

Генерал высказывает соображения, из которых следует, что по крайней мере 1300 тысяч немцев уже нашли свою смерть в России. Потери немцев во время войны 1914—1918 дошли до 2 миллионов убитыми. Немцы могут потерять еще 700 тысяч человек, прежде чем будет поколеблена мощь их армии.

Посол Соединенных Штатов просит генерала де Голля поделиться своими соображениями о втором фронте, который должен открыться на Западе.

«Этот фронт, — заявляет генерал де Голль, — должен быть создан как можно скорее».

Вайнант: Не могли бы вы указать наиболее подходящий момент для проведения этой операции?

Генерал: Как только немцы зайдут в глубь России. Как бы ни были важны ведущиеся в настоящее время боевые действия, они носят предварительный характер. Большие сражения начнутся, вероятно, через месяц; Германия будет полностью вовлечена в войну с Россией только после июля. Таким образом, операция высадки во Франции может быть начата не ранее августа. Это и есть наиболее близкая дата.

Вайнант: Каким образом, по-вашему мнению, следует провести высадку?

Генерал: Было бы хорошо сначала высадить на протяженном фронте большое число передовых подразделений. Спротивление, оказанное этим подразделениям, поможет союзному командованию определить наиболее благоприятные места для высадки крупных частей, о чем немцы не будут знать с уверенностью. Затем следует произвести настоящую высадку. Эту вторую операцию следует провести при поддержке весьма значительных воздушных сил. Зона высадки должна находиться между мысом Гри-Нэ и Котангеном. Но располагаете ли вы в настоящее время достаточными силами для такой операции?

Вайнант: Сколько потребовалось бы дивизий?

Генерал: Немцы имеют сейчас во Франции от 25 до 27 дивизий. Они могут собрать в Германии еще около 15. Следовательно, союзные войска в начале операции будут иметь против себя около 40 дивизий. В этих условиях надо иметь по крайней мере 50 дивизий, 6 или 7 из которых должны быть танковыми. Превосходство авиации должно быть подавляющим.

Вайнант: Не думаете ли вы, что немцы могут снять с русского фронта значительные силы?

Генерал: Если немцы углубятся в Россию, они смогут снять с русского фронта только несколько дивизий. Но ведь их надо переправить на Западный фронт. Вот тут-то авиация сможет сыграть большую роль, разрушая пути сообщения.

Во время войны во Франции французский штаб переправлял с востока на запад около 20 дивизий. Хотя войска перебрасывались на короткое расстояние, эта операция была крайне затруднена действиями немецкой авиации. В данном же случае немецкий штаб будет вынужден перебрасывать войска на очень большие расстояния под огнем союзной авиации, несравненно более мощной, чем немецкая авиация в начале кампании. Кроме того, силы французского Сопротивления, действующие под лозунгом Свободной Франции, окажут эффективную помощь в разрушении железнодорожных путей.

Вайнант: Может быть, немецкий штаб использует только дорожный транспорт?

Генерал: Это мне кажется маловероятным. Перемещение на значительные расстояния современных крупных частей невозможно без использования железных дорог. К тому же неизвестно, располагают ли немцы в настоящее время необходимыми средствами дорожного транспорта. И, наконец, передвигающиеся по дорогам колонны войск и военной техники стали бы великолепной мишенью для авиации.

Вайнант: На всякий случай следовало бы предусмотреть возможность нового Дюнкерка. Как это отразилось бы на моральном состоянии французского населения?

Генерал: Общественное мнение не отнеслось бы строго к неудаче американцев или англичан. Французы сделали свой выбор. Почти все они желают победы союзникам. Но, конечно, за временной неудачей сразу же должно последовать новое усилие.

Вайнант: Как отнеслись бы французы к высадке?

Генерал: Как только начнется высадка, большое число французов присоединится к союзникам и окажет им помощь. Если страна убедится в том, что операция серьезна, неизбежно произойдет своего рода национальное объединение, в результате которого возникнет правительство. Оно сможет с помощью Объединенных Наций сформировать французские воинские части.

Вайнант: Считаете ли вы, что войну можно выиграть в этом году?

Генерал: Это зависит от того, какие средства вы готовы ввести в дело. Очевидно, в этом году вы не сможете развернуть максимальных усилий, что станет возможным только через год или два. Но я убежден, что если бы Объединенные Нации, располагающие достаточными силами, произвели теперь успешную высадку, война могла бы закончиться до конца этого года.

Вайнант: Но если на Западе откроется второй фронт, а война все же не закончится осенью, считаете ли вы, что возможно удачное возобновление военных действий будущей весной?

Генерал: Конечно! Но, если второй фронт откроется осенью, немцы, может быть, и не захотят продолжать войну. Они хорошие стратеги, лучшие в мире. Увидев, что дело проиграно, они отказались бы от дальнейшей борьбы и тем или иным способом попытались бы устранить Гитлера. Было бы создано нечто вроде правительства Брюнинга, и немцы запросили бы мира.

Во всяком случае, нельзя допустить, чтобы русские вели войну одни. Если они выиграют ее, то станут хозяевами Европы, что обойдется дорого не только европейцам, но и Соединенным Штатам. Если же русские проиграют войну, то по окончании этой войны начнется новая — война между Германией и Соединенными Штатами, которые в таком случае будут лишены помощи России, Франции и Англии.

Вайнант одобряет эту точку зрения.

«Эта война, — говорит генерал, — не является единой войной. Против Германии ведет войну Россия, ведет войну Франция, ве-

дет войну Англия. А теперь в войну вступили Соединенные Штаты. Все пошло бы гораздо лучше сразу же, сегодня же, если бы велась одна общая война».

Вайнант также полагает, что между союзниками нет полного единства взглядов.

В заключение беседы посол Соединенных Штатов хвалит Тиксье как человека искреннего. Тиксье, добавляет он, должен продолжать свое дело, и он добьется успеха.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИКСЬЕ, ДЕЛЕГАТУ СРЯЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ В ВАШИНГТОНЕ

Лондон, 3 июня 1942

1 июня имел длительную и плодотворную беседу с Иденом и Вайнантом.

Встреча состоялась по инициативе Идена. Мы все высказали свое откровенное мнение о позиции Сражающейся Франции по отношению к ее союзникам и особенно к правительству Соединенных Штатов. Были рассмотрены условия, затрудняющие отношения между нами и Вашингтоном. Я убежден, что Вайнант действовал по инструкциям государственного департамента.

Я сделал три вывода из этих переговоров:

1) Корделл Хэлл и Сэмнер Уэллс начинают понимать, что их отношение к нам не выдерживает больше критики как с точки зрения мирового общественного мнения, особенно американского, так и со стороны других союзников;

2) английское правительство прекрасно осведомлено о том, что во Франции осуществляется национальное объединение вокруг нас и что снова ввести Францию в войну можем только мы. Правительство Соединенных Штатов также отдает себе в этом отчет, хотя это ему и не по вкусу. К тому же оно убедилось в нашей сплоченности после провала разных интриг против нас, которые оно поощряло и провоцировало среди французов в Америке и даже на некоторых присоединившихся территориях;

3) английское правительство добивается разрядки.

Вайнант говорил о полезности непосредственного объяснения между мной и Корделлом Хэллом. Он считал, что такое

объяснение стало бы возможным, если бы я поехал в Соединенные Штаты. В этой связи он не упомянул имени президента Рузвельта и не уточнял — должен ли я сам просить об этой поездке или буду приглашен. Вот почему я принял его совет сдержанно. В действительности же я убежден в том, что, если наступит разрядка, мне было бы полезно поехать в Соединенные Штаты, но только в том случае, если для этого будут созданы нужные условия и если инициатива будет исходить от меня. В общем мы должны твердо держаться своей позиции. Мы не претендуем на положение политических представителей французского народа, но мы хотим быть выразителями его неизменных интересов. Мы также хотим объединить его в войне на стороне союзников. Мы требуем, чтобы нам помогли в этом наши союзники.

С дружеским приветом.

ТЕЛЕГРАММА ПОЛКОВНИКА ПЕШКОВА, ДЕЛЕГАТА СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ В ЮЖНО-АФРИКАНСКОМ СОЮЗЕ, ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Претория, 23 июня 1942

По получении ваших телеграмм я попросил английского верховного комиссара устроить мне встречу с генералами Платтом и Стеджесом... С губернатором Аннэ ведутся переговоры, которые могут привести к сотрудничеству обеих сторон...

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПОЛКОВНИКУ ПЕШКОВУ, В ПРЕТОРИЮ

Лондон, 26 июня 1942

Получил вашу телеграмму от 23 июня.

Она меня не удивила, потому что некоторые иностранные группы вынашивают какие-то темные планы в отношении Мадагаскара. Однако мы не имеем оснований брать под сомнение обязательства, принятые на себя английским правительством. В соответствии с этими обязательствами Французский национальный комитет должен играть надлежащую роль в управлении

Мадагаскаром, французской колонией. Вам поручается отправиться в Диего-Суарес, и я не допускаю, чтобы вам отказали в содействии.

Что касается сделки с губернатором Виши, на которую намекали в разговоре с вами генералы Платт и Стёджес, то возможность такой сделки зависит от того, сочтет ли ее Лаваль приемлемой для себя, а если Лаваль, значит и Гитлер...

Вот почему Сражающаяся Франция будет считать такое соглашение неприемлемым. Единственное возможное решение состоит в присоединении к Сражающейся Франции.

ТЕЛЕГРАММА ДЕЛЕГАТА СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ РОЖЕ ГАРРО НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Куйбышев, 27 июня 1942

19 июня у меня состоялась встреча с генералом Панфиловым, мотивированная моею предстоящей поездкой в Москву.

Напомнив генералу о том, что Молотов подтвердил в Лондоне согласие своего правительства принять в России силы «Свободной Франции», я попросил его указать мне, какие трудности технического характера препятствуют приему здесь дивизиона истребительной авиации... В объяснениях генерала Панфилова чувствовалось некоторое замешательство... и, несмотря на его доброжелательные заверения, у меня создалось впечатление, что он уклоняется от прямого ответа, желая выиграть время.

Чехи ведут дискуссию по тому же вопросу с начала года и получают такие же путанные и сдержанные ответы. Я уже не говорю о поляках, которые, выбившись из сил, отказались от всякой надежды послать свои войска на Восточный фронт... Причину этих оттяжек надо искать в неприязненном отношении советских властей к проникновению иностранцев, даже союзных или сочувствующих, в тот герметически закрытый мир, каким является СССР.

Однако Вышинский, которому я сообщил 24 июня о моей беседе с генералом Панфиловым, вновь официально заверил меня в том, что «все трудности технического характера, с которыми приходилось считаться, будут устранены».

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИКСЬЕ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 1 июля 1942

29 июня я встретился с Иденом по его просьбе. В результате нашей беседы выяснилось, что правительство Соединенных Штатов собирается теперь занять новую позицию в отношении Французского национального комитета.

В связи с развертыванием войны, с изменяющейся позицией режима Виши, все более и более явно становящегося на путь сотрудничества с немцами, в условиях давления общественного мнения в Америке и во всем мире, растущей поддержки, которую нам оказывает Россия, после недавнего выступления Черчилля в Вашингтоне и особенно в связи с тем неоспоримым фактом, что широкие массы французов стали присоединяться к нашему делу, правительство Соединенных Штатов собирается установить в отношениях с нами соответствующий *modus vivendi*.

Когда это произойдет, то есть когда объединение французского Сопротивления вокруг нас и наше право им руководить не будут больше оспариваться, я смогу переместить свою основную деятельность в чисто военную область. Я мог бы посвятить ее проведению возможных операций наших вооруженных сил на французской территории, совместно с армиями союзников, и созданию французской армии по мере освобождения страны.

Необходимы два условия для того, чтобы мы могли сделать все нужное в предвидении такой возможности. Сначала я должен буду сочетать первые действия наших небольших вооруженных сил с действиями наших союзников.

Затем Соединенные Штаты должны предусмотреть своевременное создание запасов вооружения и снаряжения в точно определенных размерах, предназначенных для формирования новых частей во Франции, и подготовиться к перевозке этих запасов во Францию. Задача создания новых частей должна быть тоже заранее и тщательно продумана американцами и нами самими.

Как только картина отношений между нами и правительством Вашингтона прояснится с точки зрения нашей общей позиции, я попрошу вас изложить вышеприведенные пункты соответствующим представителям американских властей. Вы можете привлечь к этому делу и Шевинье. Представление должно быть сдержанным, но достаточно отчетливым.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С ВАЙНАНТОМ 30 ИЮНЯ 1942

(Записана Рене Плевеном)

30 июня генерал де Голль пригласил на обед Вайнанта, посла Соединенных Штатов. На обеде присутствовал Плевен. Беседа была дружественной. Вайнант сказал, что он горячо желает, чтобы была найдена возможность непосредственного использования союзниками военных способностей генерала де Голля. Он спросил у генерала, как, по его мнению, можно этого достичь. Генерал ответил следующее:

«Я французский генерал. Если союзники мне предложат взять на себя военную роль в нашей коалиции, то я не откажусь. Но это для меня не простое предложение.

Будучи в прошлом году в Африке и на Востоке, я пришел к выводу, что со стратегической точки зрения крайне необходимо освободить государства Леванта из-под контроля Виши. Хотя участие в такой операции для сил Свободной Франции было крайне тягостным, я все же убедил английское верховное командование в том, что эта операция была для союзников стратегической необходимостью на Ближнем Востоке. События подтвердили, что я указал правильный путь. Но я не вижу, чтобы из этого были сделаны нужные выводы.

Так, в мае этого года, когда я понял, какие серьезные военные события готовились в Африке, английское правительство помещало мне выехать из Великобритании. В результате я был лишен возможности непосредственно участвовать в подготовке к ливийской операции.

Когда генерал Маршалл приехал в Лондон, я направил ему письмо с предложением встретиться где и когда он захочет. В день своего отъезда из Англии генерал Маршалл ответил мне, что не имеет возможности встретиться со мной.

В настоящее время английский и американский генеральные штабы разрабатывают планы операций на французских территориях, может быть, даже в самой Франции. Эти операции, естественно, будут иметь решающее значение для исхода войны и особенно интересуют французов. Однако со мной никто не консультировался по поводу этих планов. У меня даже создалось определенное впечатление, что имеется тенденция систематически отстранять Сражающуюся Францию не только от подготовки операций, но даже и от участия в них.

Эти факты свидетельствуют о том, что у союзников нет большого желания использовать то, что вы называете моими военными способностями.

...В действительности произойдет следующее: поскольку в лагере союзников не будет настоящей французской армии, вы, вероятно, не допустите, чтобы французские власти непосредственно участвовали в проведении операций. Именно поэтому я прилагаю столько стараний, чтобы собрать все силы, способные сражаться, и именно поэтому я не могу оправдать заключение перемирия, так как оно помешало боеспособным еще силам в империи — флоту, некоторому числу генералов и хорошо подготовленным штабам — удержать Францию в войне. Даже теперь, при весьма ограниченных силах, она все же смогла бы сыграть очень важную роль.

Я прилагаю все старания, чтобы создать во Франции военную организацию, которая могла бы выступить в тот самый день, когда на территории Франции начнутся военные действия. Она, разумеется, это сделает, слившись с силами «Свободной Франции» под моим командованием и при условии, что союзники выполняют свое моральное обязательство и снабдят нас оружием».

Все эти мысли были высказаны не в виде одного монолога, а явились ответом на вопросы и замечания Вайнанта, который все снова и снова говорил о своем желании найти такую формулу, которая позволила бы генералу послужить своим опытом и военными знаниями делу союзников, и особенно американским вооруженным силам.

Вайнант полностью согласился с мнением генерала о необходимости сгруппировать в единую французскую армию под командованием генерала де Голля существующие в настоящее время французские войска и те части, которые присоединятся к ним с начала военных действий во Франции...

Но, по мнению Вайнанта, генерал, возглавив французские войска, в то же время должен стать своего рода техническим советником американского командования.

Генерал ответил, что он не возражает против такой формулы, но думает, что против нее могут быть возражения со стороны союзников.

Вайнант сказал также, что, по его мнению, генерал Маршалл и генерал де Голль сошлись бы очень хорошо друг с другом.

Посол выразил большую симпатию к генералу. Он повторил несколько раз, что приложит все усилия, чтобы в Соединенных Штатах по-настоящему поняли генерала. Он отметил с удовле-

творением, что в последние дни появились некоторые признаки, дающие основания надеяться на разрядку в отношениях между государственным департаментом и «Свободной Францией».

Генерал заметил, что между Соединенными Штатами и нами всегда существовало только одно разногласие, но зато фундаментальное. Свободные французы считают, что в интересах самой Франции и ее союзников Франция и ее владения должны принять участие в войне, объединившись для этой цели. Создается впечатление, что политика государственного департамента направлена к тому, чтобы удержать Францию и французские владения в состоянии нейтралитета и расчленения. Генерал уточнил, что нас мало интересует формула соглашения с правительством Соединенных Штатов. Мы требуем, чтобы были ясно признаны два момента: первый – внутреннее и внешнее Сопротивление французов тождественны; второй – не может быть нескольких Сражающихся Франций, а только одна, подчиненная единому руководству.

ТЕЛЕГРАММА ПОЛКОВНИКА ШЕВИНЬЕ, НАЧАЛЬНИКА ВОЕННОЙ МИССИИ СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ, НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 1 июля 1942

29 июня я встретился с заместителем военного министра Макклоем. Беседа продолжалась около часа и была исключительно сердечной...

После того, как мы уже обсудили некоторые текущие вопросы и я собрался уходить, он снова усадил меня, заявив, что хочет обменяться со мной некоторыми соображениями. Вот что он сказал мне:

«Находящаяся в Англии американская армия предназначена для высадки во Франции. Придет время, и она окажется в непосредственном контакте с дружественным французским населением, которое, вероятно, выделит новые массы французов для участия в войне. Желательно, чтобы к генералу Эйзенхауэру был прикомандирован для совместной работы в качестве его помощника французский офицер высокого ранга, обладающий необходимыми качествами. Вначале он принял бы участие в разработке общего стратегического плана, а затем занялся бы вопросами организации будущих французских частей».

Макклой спросил меня: «Знаете ли вы в составе «Свободной Франции» офицера, отвечающего этим требованиям?» Я сказал: «Только генерал де Голль может дать ответ на этот вопрос. Но я уверен, что он найдет человека, о котором вы говорите». Затем Макклой интересовался сведениями о ведущих военных руководителях «Свободной Франции».

Озабоченность Макклоя проблемами французской армии представилась мне чем-то новым...

Вы знаете, что Макклой фактически выполняет обязанности военного министра. Сам министр настолько стар, что уже никого не принимает.

У меня создалось впечатление, что в последнее время военные меньше опасаются неприятностей со стороны государственного департамента за сношения со «Свободной Францией». Как радио, так и морское министерство получили указания о необходимости пойти нам навстречу.

ТЕЛЕГРАММА РОЖЕ ГАРРО НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Куйбышев, 2 июля 1942

Отделение штаба в Куйбышеве только что сообщило мне, что все недоразумения, связанные с составом воздушной эскадрильи, улажены и что проект соглашения будет мне безотлагательно передан...

ТЕЛЕГРАММА АДРИЕНА ТИКСЬЕ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 8 июля 1942

Вернувшись из Лондона, я стал свидетелем неистовых попыток разложить «Свободную Францию» при помощи кампаний прессы, путем распространения сведений о происходящих якобы раздорах внутри «Свободной Франции» и инсинуаций об ошибочности политики генерала де Голля и Национального комитета по отношению к англичанам и Соединенным Штатам. Появились планы разделения военной и гражданской деятельности «Свободной Франции» и даже создания нового движения сопротивляющихся французов, но анти-

голлистского характера. Кампания оказала свое действие в официальных кругах, во французской колонии, среди наших американских друзей и даже в самой французской делегации.

Вместе с преданным друзьям я выдержал эту бурю и настойчиво защищал политику Национального комитета, как она была изложена мне в Лондоне генералом де Голлем и национальным комиссаром по иностранным делам... Я старался внушить, что в основных принципах мы не уступим.

В течение мая я часто встречался с официальными лицами, выступал во французской колонии и в прессе. Мне приходилось напоминать, временами сурово, некоторым французам об их ответственности. Я ясно дал понять некоторым руководителям французских ассоциаций и учреждений, некоторым членам и сотрудникам делегации, что какое-либо противодействие, колебания или недомолвки недопустимы, что нужно или подчиниться, или уйти. Как и во времена событий, связанных с островом Сен-Пьер, этот новый серьезный кризис выявил подлинные качества людей. Некоторые сотрудники, считая, что все потеряно, тайно предлагали свои услуги иностранным службам или сообщали им, что не согласны с политикой Национального комитета.

Мне кажется, что теперь положение выправилось. Официальные сношения стали более доступными, пресса более благожелательна, французская колония снова сплачивается вокруг общества «France for ever» («Франция навсегда»), чтобы с блеском отпраздновать 14 Июля.

Несколько непримиримых антиголлистских групп и отдельных лиц продолжают свое несогласие, но в последнее время их активность стала весьма скромной...

КОММЮНИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА США, ОПУБЛИКОВАННОЕ В ВАШИНГТОНЕ 9 ИЮЛЯ 1942

(Перевод*)

Введение

Президент Соединенных Штатов в своем письме администрации по осуществлению ленд-лиза от 11 ноября 1941 заявил, что

---

*Слово «перевод» здесь и далее означает, что документ приводится автором в переводе с английского языка на французский. В этом издании перевод осуществлен с французского текста. — *Прим. ред.*

оборона тех французских территорий, которые находятся под контролем сил «Свободной Франции», имеет жизненно важное значение для обороны Соединенных Штатов. В духе этого письма президента и в соответствии с политикой правительства Соединенных Штатов — политикой предоставления помощи всем народам, оказывающим сопротивление агрессии стран оси, с тем чтобы поддержать и сохранить свою свободу, — правительство Соединенных Штатов и Французский национальный комитет в Лондоне осуществляли тесное сотрудничество в тех областях, где подобное сотрудничество может содействовать военным целям.

Чтобы сделать это сотрудничество более эффективным для ведения войны, правительство США назначило адмирала Старка и генерала Болта в качестве своих представителей для консультации с Французским национальным комитетом в Лондоне по всем вопросам, касающимся ведения войны. Генералу де Голлю был передан меморандум по этому вопросу, текст которого прилагается.

Генерал де Голль с удовлетворением ознакомился с этим меморандумом, он очень доволен его условиями и горячо приветствует решение правительства США о назначении адмирала Старка и генерала Болта представителями Соединенных Штатов для консультации с Французским национальным комитетом.

Меморандум

1. Правительство Соединенных Штатов подчиняет все другие вопросы одной высшей цели, заключающейся в обеспечении успеха в войне и в доведении ее до победного конца.

Французский национальный комитет преследует ту же цель и проводит активные военные мероприятия для сохранения французской территории за французским народом.

2. Правительство Соединенных Штатов признает вклад генерала де Голля и усилия Французского национального комитета в деле поддержания духа французских традиций и институтов и считает, что военным целям, необходимым для эффективного ведения войны и, следовательно, для осуществления наших общих целей, будет наилучшим образом способствовать оказание Французскому национальному комитету, являющемуся символом французского Сопротивления, вообще державам оси всяческой военной помощи и поддержки.

Правительство Соединенных Штатов целиком и полностью разделяет точку зрения английского правительства, которая, как известно, является также и точкой зрения Французского нацио-

нального комитета, относительно того, что судьбы и политическая организация Франции должны в конечном итоге быть определены свободным изъявлением воли французского народа в условиях, которые обеспечат ему свободу выражения своих желаний, не подвергаясь влиянию какой-либо формы принуждения.

3. Преследуя достижение общей военной цели, правительство Соединенных Штатов будет по-прежнему поддерживать сношения с местными властями «Свободной Франции» на их соответствующих территориях, если они осуществляют эффективный контроль. Сознавая необходимость координировать вопросы, связанные с совместным ведением войны, через посредство Французского национального комитета в Лондоне. Существенной частью политики, проводимой правительством Соединенных Штатов в области военного сотрудничества, является оказание помощи военными и военно-морскими силами «Свободной Франции» в соответствии с заявлением президента от 11 ноября 1941 относительно того, что оборона французских территорий, находящихся под контролем сил «Свободной Франции», является жизненно важной для обороны Соединенных Штатов.

В соответствии с вышеизложенным правительство Соединенных Штатов готово назначить своих представителей в Лондоне для целей консультации.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИКСЬЕ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 10 июля 1942

Соглашение, заключенное с правительством Соединенных Штатов, мне кажется удовлетворительным во многих отношениях:

1) оно создало положительную основу для наших отношений с Вашингтоном;

2) оно содержит некоторые полезные положения с точки зрения нашей национальной позиции;

3) оно позволяет Французскому национальному комитету сосредоточить в своих руках вопросы, касающиеся ведения войны;

4) оно дает возможность приступить к созданию совместно с Соединенными Штатами надежной военной организации, предназначенной для ведения эвентуальной войны на территории Франции.

Я считаю, что за этим непременно последует и остальное, то есть представительство перед союзниками высших и неизменных интересов Франции при условии, если, исходя из достигнутого, создадим у правительства и общественного мнения Соединенных Штатов впечатление, что мы всегда начеку, когда затронуты наши интересы.

Я должен сказать вам, что нам пришлось обсуждать это дело в Лондоне, потому что, по понятным для вас причинам, Черчилль и Иден хотели выступить в роли маклеров. С другой стороны, государственный департамент и Форин офис просили меня лично соблюдать абсолютную секретность, настолько они опасались прессы и реакции американского общественного мнения. Но навязанный нам порядок ведения переговоров ни в коем случае не может обязать кого бы то ни было, и особенно меня, держать вас в стороне от этого дела.

Наоборот, я хотел бы сказать, что ваши действия в Вашингтоне во многом определили благожелательное отношение американского правительства. Выражаю вам свое полное доверие.

С дружеским приветом.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КАТРУ, ГЛАВНОГО ПОЛНОМОЧНОГО ДЕЛЕГАТА В ЛЕВАНТЕ, ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Бейрут, 10 июля 1942

Отвечаю на ваше указание относительно войск (которые понадобятся для возможной высадки во Франции).

Могу предоставить войска, которые вы у меня просите, в количестве, совместимом с текущими потребностями театра военных действий. Думаю, что смогу отправить их начиная с 10 августа при условии предупреждения за две недели.

ЗАЯВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, ОПУБЛИКОВАННОЕ В ЛОНДОНЕ 13 ИЮЛЯ 1942 (Перевод)

Французский национальный комитет предложил, чтобы свободное французское движение было известно в будущем

как «Франс комбатант» (Сражающаяся Франция). Правительство его величества в Соединенном Королевстве приняло это предложение, насколько оно его касается, и согласилось с Национальным комитетом о нижеследующих определениях:

Сражающаяся Франция («Франс комбатант»).

Союз французских граждан, где бы они ни находились, и французских территорий, которые объединяются вместе, чтобы сотрудничать с Объединенными Нациями в войне против общих врагов. Символ сопротивления державам оси всех французских граждан, которые не принимают капитуляции и которые всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, и где бы они ни находились, вносят свой вклад в дело освобождения Франции путем достижения общей победы Объединенных Наций.

Французский национальный комитет.

Руководящий орган Сражающейся Франции; организует участие в войне французских граждан и территории, которые сотрудничают с Объединенными Нациями в войне против общих врагов, представляет их интересы перед правительством его величества в Соединенном Королевстве.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИКСЬЕ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 18 июля 1942

Учитывая изменения обстановки в Вашингтоне в лучшую для нас сторону, вам и Шевинье теперь следует в переговорах с американскими государственными деятелями всячески подчеркивать нашу точку зрения относительно роли Сражающейся Франции в общих усилиях союзников.

1. Мы считаем, что в настоящее время основное внимание должно быть уделено решительным наступательным операциям, особенно на западе Европы. Все вопросы внешней и внутренней политики должны отойти для всех на второй план.

2. Сражающаяся Франция может сыграть важную роль в этих военных операциях. Ее роль будет состоять не только в том, что наши скромные вооруженные силы с самого начала выступают совместно с вооруженными силами союзников, но также и в руководстве точно определенными операциями в

тылу врага, к чему наши группы готовились во Франции. В дальнейшем, по мере освобождения территории, мы намерены провести мобилизацию и восстановить французскую армию. В то же время мы задаемся целью вызвать к жизни повсюду во Франции и в империи большое национальное движение общественного мнения, которое могло бы в разгар войны создать для врага серьезные затруднения и привести режим Виши к крушению.

Но в Вашингтоне и Лондоне должны понять, насколько все это важно и какую ответственность возлагает на нас перед Францией. Вот почему мы можем и хотим приступить к осуществлению этого плана только при известных условиях.

3. Эти условия таковы:

а) генерал де Голль должен принимать непосредственное участие в разработке межсоюзных планов операций на Западе;

б) Сражающаяся Франция должна незамедлительно получить от своих союзников значительные материальные средства, чтобы мы были в состоянии подготовить участие французов в военных действиях и в вооруженном восстании во Франции... Эти средства должны быть предоставлены на том условии, чтобы мы распоряжались ими сами, а не по усмотрению бесчисленных союзных разведывательных служб.

4. Все это зависит от правительств и командований. Я готов начать переговоры об этом с правительствами и с командованием союзников, лишь бы переговоры были откровенными. Если союзники собираются вести с нами переговоры об этом серьезном деле через второстепенных лиц, смотрящих на нас свысока, или если они попытаются использовать в своих целях источники боевого духа Франции и тем самым бесцельно расточить его и породить смятение и замешательство, я не присоединюсь к этой затее и сниму с себя всякую ответственность перед страной. Настаивайте формально на этом пункте.

5. Вы можете добавить без всяких обиняков, что я преисполнен решимости добиться выполнения этих условий, тем более что мое доверие к стратегической проницательности и умению союзников несколько уменьшилось. Не следует наносить ненужных обид, но и не нужно утаивать наши мысли и чувства, потому что время уходит, а ставка настолько велика для Франции, что мы должны говорить откровенно...

**ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АНТОНИ ИДЕНУ,
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ**

Лондон, 18 июля 1942

Дорогой господин Иден!

Я уже имел честь говорить вашему превосходительству, что, по моему мнению, сотрудничество английской и французской секретных служб не является вполне удовлетворительным. Службы Сражающейся Франции располагают большими оперативными и разведывательными возможностями во Франции и Французской империи. Но при существующих условиях эти возможности не могут быть использованы в полную меру.

Главная цель Сражающейся Франции заключается в том, чтобы подготовить во Франции и империи сопротивление неприятелю и противодействие Виши, собрать на национальной территории силы, способные активно содействовать будущим операциям союзников на французской территории, и, наконец, подготовить мобилизацию страны по мере ее освобождения.

Во Франции и в империи имеются все нужные для этого звенья, но организовать их действия и направлять их можно только при условии, что наши секретные службы будут иметь свободные руки и располагать нужными средствами.

Я не стану отрицать, что английские секретные службы часто помогали нашим службам и взамен пользовались их услугами. Но мы считаем, что помощь, оказываемая нам английскими службами в настоящее время, не отвечает важности поставленной цели и, кроме того, она затруднена случаями вмешательства и проволочками, усложняющими наши задачи.

С другой стороны, имеющиеся в нашем распоряжении материальные средства совершенно недостаточны. В частности, прямое воздушное и морское сообщение с Францией и с Северной Африкой используется французскими службами крайне редко и к тому же подвергается различным ограничениям. По нашему мнению, эти условия могли бы быть значительно улучшены.

Силы Сражающейся Франции располагают в этом отношении некоторыми возможностями в самой Англии (лоцманы,

стороженные суда, подводные лодки и т.д.). Они легко могут быть использованы. Мы неоднократно ставили вопрос об их использовании, но по непонятным для нас причинам английские власти противились этому.

Если правительство его величества окажет более широкую поддержку Сражающейся Франции в отношении деятельности секретных служб, я полагаю, это при настоящей ситуации облегчит Франции задачу оказания материальной и моральной помощи общему делу союзников. Смею надеяться, что эта точка зрения будет поддержана вашим превосходительством.

Искренне ваш.

ТЕЛЕГРАММА АДРИЕНА ТИКСЬЕ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЬЮ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 21 июля 1942

1. Сегодня сообщил Сэмнеру Уэллесу содержание вашей телеграммы от 18 июля относительно участия Сражающейся Франции в военных усилиях союзников на Западе.

Выслушав весьма внимательно мое сообщение, Сэмнер Уэллес задал мне следующие два вопроса:

Сообщил ли генерал де Голль о своих взглядах английскому правительству? Если да, то какой ответ он получил? Я не мог ответить на этот вопрос.

Считает ли генерал де Голль, что с американской стороны адмирал Старк и генерал Эйзенхауэр недостаточно авторитетны для обсуждения с ними его идей? Я ответил, что решения, связанные с вашими предложениями, зависят не от Эйзенхауэра и Старка, а от английского и американского правительств и высшего межсоюзного командования.

2. Сэмнер Уэллес заявил, что ваше сообщение его живо заинтересовало и он намерен лично заняться этим делом, и сам проведет необходимые совещания. Он вызовет меня через несколько дней, чтобы сообщить ответ.

3. Заканчивая беседу, он отметил, насколько правильными оказались ваши концепции современной войны.

4. Завтра Шевинье увидится по этому же делу с заместителем военного министра Макклоем.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА 23 ИЮЛЯ 1942

(Записана канцелярией генерала де Голля)

Присутствовали:

генерал Маршалл, начальник генерального штаба американской армии,

адмирал Кинг, главнокомандующий американскими военноморскими силами,

генерал-лейтенант Эйзенхауэр, главнокомандующий сухопутными силами США в Европе,

и три других генерала.

После нескольких приветственных слов по случаю приезда генерал де Голль попросил извинения, что не говорит по-английски. Переводчиком будет капитан Куле.

От имени всех присутствующих генерал Маршалл заявляет, что рад познакомиться с генералом и восхищен доблестью, недавно продемонстрированной вооруженными силами Франции.

Генерал де Голль благодарит.

Следует довольно продолжительное молчание.

Генерал де Голль прерывает это молчание и говорит: «Если это вас интересует, я могу дать некоторые пояснения о нашем военном положении».

Американцы отвечают, что «это их весьма интересует».

Генерал де Голль перечисляет вооруженные силы, которыми мы располагаем: в Египте — две легкие дивизии, в Экваториальной Африке — 20 тысяч человек, в том числе около 3 тысяч французов; в Леванте — 6 тысяч французов и 20 тысяч туземцев, добившихся значительных успехов за последний год.

Затем генерал переходит к вооруженным силам, расположенным в районе Тихого океана, и к частям, дислоцированным в Великобритании.

Вооружение всех наших войск состоит в общем из французского оружия довоенного образца. Нам дали грузовики и несколько броневиков, но мы не получили ни одной пушки, ни одного станкового пулемета, ни одного ручного пулемета, никакого обычного оружия — ни от англичан, ни от американцев.

Затем генерал перечисляет наши морские и воздушные силы.

Он добавляет, что под нашим непосредственным контролем находится вся Свободная Французская Африка. В государствах

Леванта наша власть осуществляется в форме мандата. В Сирии и Ливане генерал Катру встречает затруднения со стороны англичан, однако, можно сказать, что в общем он является хозяином положения.

Генерал де Голль настоятельно подчеркивает наличие наших сил во Франции. Речь идет не только о моральном влиянии, которое мы оказываем на общественное мнение в обеих зонах, но и о имеющихся там наших боевых группах.

Мы располагаем во Франции широкой сетью разведывательных служб, которая действует настолько хорошо, что практически почти все сведения о неприятеле на французской территории союзники получают от нас.

В нашем расположении имеются также боевые группы, действия которых распространяются на используемые неприятелем пути сообщения, склады, промышленные центры. Эти группы предпринимают неожиданные налеты. Они готовы к более серьезным действиям в те сроки и в тех пунктах, которые будут им указаны. Но действия крупного масштаба на французской территории могут быть предприняты ими только в том случае, если эти действия совпадут с выступлением извне.

Генерал Маршалл заявляет, что он и его коллеги, особенно адмирал Кинг, хорошо знакомы с положением французских вооруженных сил в районе Тихого океана, но им не были известны сведения, сообщенные генералом о других театрах военных действий и о Франции. (Действительно, для них все это оказалось настоящим откровением.)

Адмирал Кинг добавляет: «Я надеюсь, что генерал де Голль удовлетворен соглашением о коммуникациях в районе Тихого океана».

Генерал де Голль отвечает, что, в том что касается наших островов в Тихом океане и других французских территорий, чувство ответственности и моральные обязательства требуют от нас неусыпной бдительности в стремлении сохранить суверенитет Франции.

Адмирал Кинг заверяет, что генерал де Голль может быть уверен в самом горячем желании американцев уважать французский суверенитет. Соглашения, заключенные со «Свободной Францией» относительно Тихого океана, идентичны с теми, которые были заключены с английскими, австралийскими и новозеландскими властями относительно контролируемых ими территорий.

Последовало довольно длительное молчание.

Генерал де Голль говорит: «Если это вас интересует, я мог бы высказаться относительно открытия второго фронта».

«Это нас очень интересует», — отвечают американцы.

Тогда генерал де Голль указывает, что с точки зрения союзной стратегии открытие второго фронта на Западе является настоятельной необходимостью. Как француз, он присоединяется к этому мнению. Генерал уточняет, где и как, по его мнению, должна быть предпринята эта огромная по масштабам операция. Однако в случае открытия второго фронта во Франции судьба французского народа будет затронута настолько серьезно, что участие его сил в боевых действиях потребует подписания союзниками некоторых условий.

Генерал Маршалл и адмирал Кинг заявляют, что в этом отношении они согласны с генералом де Голлем.

Генерал де Голль напоминает, что накануне адмиралу Старку была передана нота об участии Франции в открытии второго фронта.

Генерал советует генералу Маршаллу и адмиралу Кингу обратить внимание на эту ноту. Ни тот ни другой еще не ознакомились с ней. Но они оба уверяют, что немедленно это сделают. Генерал Эйзенхауэр, напротив, заявляет, что он знаком с французскими предложениями.

Снова молчание.

Генерал встает и заявляет, что был очень рад познакомиться с генералом Маршаллом и адмиралом Кингом. Затем он уходит, закончив на этом полчасовую «беседу».

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ КАТРУ, В БЕЙ-РУТ, И АДМИРАЛУ Д'АРЖАНЛЬЁ, В НУМЕА, ЧЛЕНАМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА, ВЫПОЛНЯЮЩИМ СПЕЦИАЛЬНУЮ МИССИЮ

Лондон, 28 июля 1942

Я ввел в Национальный комитет Андре Филипа. Вы знаете, какую роль он сыграл во Франции в качестве руководителя группы «Либерасьон», Филип стал национальным комиссаром по внутренним делам, иными словами, внутренним действиям во Франции.

Жак Сустель, доцент, бывший слушатель Высшей педагогической школы в Париже, прекрасно проявивший себя в качестве нашего представителя в Мексике, а здесь выполнявший функции директора службы осведомления, стал национальным комиссаром информации.

Дьетельм, главный инспектор финансов, стал национальным комиссаром финансов. За Плевеном сохраняются функции комиссара по делам колоний, экономики и торгового флота.

Я хотел бы информировать вас об этих перемещениях в составе Национального комитета.

Назначение Филипа укрепит Комитет в глазах наших многочисленных друзей во Франции, а также за границей. Я надеюсь, что приезд из Франции нескольких других руководящих деятелей Сопrotивления позволит нам в ближайшее время расширить состав Национального комитета, в полной мере сохраняя за ним положение руководящего органа Сражающейся Франции как внутри страны, так и вне ее, не преследующего при этом каких-либо партийных интересов и стремящегося к одной цели — освободить страну силой оружия.

С дружеским приветом.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С УИНСТОНОМ ЧЕРЧИЛЛЕМ

29 июля 1942

(Записана канцелярией генерала де Голля)

«Итак, — сказал Черчилль, — вы отправляетесь в Африку и страны Леванта!»

«Я не возражаю, — ответил генерал, — против поездки в страны Леванта. Спирс что-то там суетится и создает для нас трудности».

«Спирс, — продолжает Черчилль, — имеет много врагов, но у него есть и друг: это премьер-министр. Когда вы будете там, по-видимому с ним. Я телеграфирую ему и порекомендую выслушать вас. Говорят, — добавляет Черчилль, — что государства Леванта в действительности лишены независимости и население этим недоволено».

«В Сирии и Ливане, — возражает генерал, — оно довольно не в меньшей мере, чем в Ираке, Палестине или Египте».

Затем разговор переходит к положению на Мадагаскаре.

«Мы не участвовали в операции вместе с вами, — указывает Черчилль, — потому что не хотели путать два понятия: примирения и силы. Это не имело успеха в Дакаре».

«Мы вошли бы в Дакар, — замечает генерал де Голль, — если бы англичане не пропустили в Гибралтар крейсеры Дарлана».

Черчилль не оспаривает этого замечания.

«Что касается Мадагаскара, — продолжает генерал, — то дело было бы давным-давно закончено, если бы вы позволили нам высадиться в Маюнге, когда проводили операцию в Диего-Суарес. Мы пошли бы на Тананариве, и вопрос был бы решен. Вместо этого вы теряли время на переговоры с представителем Виши».

«Да, он злобен, этот губернатор!» — говорит Черчилль.

«Вы удивляетесь этому? — спрашивает генерал. — Когда вы ведете переговоры с представителем Виши, вы ведете их с Гитлером. А Гитлер злобен».

Затем разговор переходит к возможности открытия второго фронта. Сказанное не подлежит оглашению.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИКСЕ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 31 июля 1942

Видел генерала Маршалла и адмирала Кинга во время их недавнего пребывания здесь. Я ознакомил их с нашим военным положением, которое, как мне показалось, было им совершенно неизвестно, а также с нашими возможностями и планами военных действий во Франции в рамках эвентуальных операций союзников. Я перечислил им условия, на которых мы окажем поддержку, — о них я вам сообщал. Мне кажется, что Маршалл и Кинг заинтересовались моим сообщением. Однако они не выразили своего отношения и произвели на меня впечатление достойных людей, расположенных к нам, но еще не принявших определенного решения и обеспокоенных сложностью того огромного и нового для Соединенных Штатов события, которое называется мировой войной.

Такое же впечатление произвел на меня и Эйзенхауэр. Что касается Старка и Болта, то хотя они и расположены к нам, но еще

не получили инструкций от своего правительства и не знают, на каких основах и в каких пределах должны устанавливать отношения с нами.

С другой стороны, я только что принял посла Филипса по его просьбе. Он сказал, что является доверенным лицом Доновена, и наговорил много хороших слов, от которых, однако, я не жду ничего определенного.

В общем я считаю, что нерешительность американских гражданских и военных руководителей во всем, что касается нас, зависит главным образом от их общей неуверенности во всем, что относится к ведению войны.

Водворение адмирала Леги в Белом доме, несомненно, не поможет положить конец этому замешательству и не прольет свет в этом мраке.

Короче говоря, стремясь принять большее участие в межсоюзнических делах, мы не должны допускать, чтобы Франция была вовлечена в необдуманные и поспешные начинания, за которые ей пришлось бы снова дорого заплатить. Напоминаю, что инструкции, данные в телеграмме от 18 июля, обязательны и должны быть выполнены безотлагательно.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКВАТОРИАЛЬНОЙ АФРИКИ ФЕЛИКСУ ЭБУЭ, В БРАЗЗАВИЛЬ

Лондон, 1 августа 1942

По предложению национального комиссара по делам колоний и с большим удовлетворением только что подписал три ваших проекта декретов: о режиме труда, измененном статуте туземцев и о создании общин местного населения.

Я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы сказать вам, как я высоко ценю и одобряю принципы туземной политики, проводимые вами во Французской Экваториальной Африке и выраженные в декретах, принимаемых по вашей инициативе. Благодаря вам и вашим сотрудникам, государственным чиновникам всех рангов, подданные и лица, находящиеся под покровительством Франции, не будут испытывать, несмотря на войну, никакой задержки в своем развитии и развитии их статуса, что отвечает традиционной политике Франции.

ТЕЛЕГРАММА МОРИСА ДЕЖАНА, НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИССАРА ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ДЕЛАМ, ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В КАИР

Лондон, 7 августа 1942

Вчера утром Бенеш пригласил меня к себе.

В начале беседы он сообщил, что считает Французский национальный комитет во главе с генералом де Голлем подлинным правительством Франции и что в связи с этим он хочет сделать мне два сообщения.

Первое касалось недавнего обмена письмами между Иденом и Масариком, из которого следовало, что при окончательном установлении границ Чехословакии после войны никакие изменения этих границ, происшедшие в 1938 году и позже, не будут учитываться.

Эта формулировка не так четка, как формулировка Советского правительства. Однако в ней заключено основное. Бенеш сообщил, что она явилась результатом годичных переговоров, главные этапы которых он мне описал.

Второе сообщение касалось недавнего демарша Бенеша перед Советским правительством по поводу Французского национального комитета. Бенеш передал в Москву, что, учитывая развитие ситуации во Франции, укрепление Национального комитета, а также перспективу открытия второго фронта, следовало бы в международном плане предоставить возможно большую власть комитету, возглавляемому генералом де Голлем. Стало необходимым признать комитет в качестве французского правительства. Бенеш внушал Советскому правительству мысль, чтобы оно выступило в этом смысле так же, как оно в прошлом году выступило в пользу правительства Чехословакии.

Московское правительство ответило, что в принципе оно соглашается с Бенешем. Оно расположено сделать это, как только найдет своевременным. В настоящее время оно настоятельно нуждается в военной помощи Великобритании и Соединенных Штатов и поэтому не хотело вынуждать их заняться данным вопросом. По мнению Советского правительства этот вопрос может быть разрешен при открытии второго фронта.

Бенеш прочел мне выдержку из речи, которую он должен произнести в субботу по радио:

«Характер отношений Чехословацкого правительства с Национальным комитетом Сражающейся Франции, единственно пра-

вомочным выступать от имени Франции, позволяет нам утверждать, что Франция завтра займет по отношению к нашей стране то положение, которое сегодня занимает Великобритания».

Я заверил, что вы сами и Национальный комитет, несомненно, согласитесь с этим текстом...

Я не преминул ему сказать, что немедленно пошлю вам донесение о содержании нашего разговора.

ТЕЛЕГРАММА НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА РОЖЕ ГАРРО, В МОСКВУ

Лондон, 8 августа 1942

21 июля текущего года мы передали английскому правительству, представителю Соединенных Штатов при Национальном комитете адмиралу Старку и Богомолу ноту, содержание которой в основном следующее:

«В случае если бы союзники открыли второй фронт на Западе, французская помощь приобрела бы, конечно, большое значение. Генерал де Голль и Французский национальный комитет исполнены решимости обеспечить эту помощь в возможно более широких пределах.

Они знают, какие трудности представляет оказание этой помощи и с каким риском она связана для французского народа в настоящих условиях. Они готовы взять на себя эту ответственность при соблюдении следующих условий:

1) участие в операциях всех наличных сил «Свободной Франции»;

2) включение в общий план разрушительных действий, неотступного преследования неприятеля, производимых отдельными партизанскими группами, а также действий разведывательной сети во Франции. С настоящего момента необходимо усиленное снабжение боевыми техническими средствами для ускорения подготовки военной помощи со стороны Франции;

3) создание запасов оружия для постепенного вооружения личного состава французских войск, которые Национальный комитет намерен мобилизовать на освобожденных территориях, чтобы воссоздать французскую армию и ввести ее в бой;

4) французское командование должно быть участником планов и решений, касающихся действий союзников на Западе».

К этой ноте был приложен список сил «Свободной Франции», которые можно использовать теперь, а также тех, которые могут быть сформированы постепенно по мере освобождения территорий. Помимо этого был приложен список вооружения и снабжения, испрашиваемых для этой цели у союзников.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ ПЛЕВЕНУ И МОРИСУ ДЕЖАНУ, В ЛОНДОН

Каир, 9 августа 1942

7 августа прибыл благополучно в Каир. Моими попутчиками были Гарриман и группа русских, возвращающихся в Москву. Видел здесь Черчилля, завтракал с ним и генералом Аланом Бруком у Майлса Лэмпсона. Впечатление таково: скучные разглагольствования, военные планы, разговоры о нажиме русских на англичан и американцев, чем мотивируется появление плана поездки Черчилля и Гарримана в Москву. Я изложил им свои взгляды относительно ведения войны и необходимости открытия второго фронта.

Видел 2-ю французскую легкую дивизию, наши разведывательные отряды и танки. Хорошее впечатление, особенно от отрядов и танков. В понедельник увижу дивизию Кенига и парашютистов, позже — флот, канал и отряд «Эльзас». Во вторник отправлюсь в Бейрут.

Генерал Катру прибыл сюда 8 августа в хорошем настроении. В нашей делегации все в порядке, и она успешно работает.

8 августа я совещался с Кэйзи по его просьбе. Он показался мне симпатичным, но довольно поверхностно информированным человеком. Он сразу же заговорил о выборах в Сирии. Я ответил, что вопрос о выборах в Сирии и Ливане касается только Франции как мандатария, а также сирийского и ливанского правительств. Я сказал, что доброе согласие между английским правительством и Национальным комитетом требует выполнения условий наших соглашений о Сирии и Ливане, а также выполнения торжественного обещания английского правительства, что оно не будет преследовать никаких политических интересов в Сирии и тем более в Ливане...

Я добавил, что исходя из нашего опыта и в условиях лежащей на нас ответственности перед государствами Леванта, мы счита-

ем совершенно неприемлемым предложение о проведении выборов в то время, когда неприятель стоит у ворот Александрии. В заключении я заявил, что Французский национальный комитет решил не проводить выборов в этом году и что правительства Дамаска и Бейрута с этим согласились. Кэйзи ни на чем не настаивал.

Я выразил сожаление, что англичане вмешиваются в дела Леванта вопреки соглашению Литтлтона с де Голлем. На это Кэйзи ответил, что английское правительство ни в коем случае не хотело подрывать позицию Франции, но он полагает, что его правительство несет какую-то высшую ответственность за положение на Востоке. Я возразил, что ответственность, лежащая на Франции как мандатарии в Леванте, не может быть разделена с другой державой. Я перечислил некоторые факты, касающиеся Спирса, и заявил, что действия этого представителя Великобритании могут подвергнуть опасности порядок в Леванте и испортить франко-английские отношения.

Затем мы вместе позавтракали.

7 августа я виделся с маршалом Смэтсом, который был здесь проездом. Мы сразу же почувствовали взаимную симпатию. Признавая ошибки союзников, особенно англичан, он все же с оптимизмом ожидает развития событий. Смэтс заявил, что отказом от перемирия мы утвердили будущее Франции и спасли Африку, рассеяв капитулянтские настроения на территориях к северу от экватора. Он говорил о Пешкове, которого очень уважает, что сам настаивал на поездке Пешкова в Диего-Суарес. Позиция англичан в мадагаскарском вопросе, по его мнению, определена военными, тогда как правительство Лондона и его собственное не собираются вторгаться на территорию Мадагаскара. Он говорил со мною также о стратегических проблемах, о чем я не могу написать в этой телеграмме.

В нашей делегации в Каире я встретился 8 августа со славными людьми, обеспокоенными существующей ситуацией, но преисполненными лучшими намерениями. В общем настроение и больших и малых дало мне почувствовать, насколько утвердилось и упрочилось наше положение на Востоке со времени моего прошлогогоднего пребывания.

Пришло время воспользоваться этим, чтобы внести ясность в наши отношения с союзниками, повсеместно укрепить и централизовать власть, сделать дальнейшие шаги в смысле нашего участия в общем руководстве военными операциями.

Передайте содержание этой телеграммы Национальному комитету...

С дружеским приветом.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ ПЛЕВЕНУ И МОРИСУ ДЕЖАНУ, В ЛОНДОН

Каир, 11 августа 1942

Сегодня снова виделся с Кэйзи. На этот раз он ни слова не сказал о выборах. Таким образом, этот вопрос улажен для текущего года. Естественно, мы хотели бы, чтобы военная ситуация позволила установить в Сирии и Ливане, как только это станет возможным, представительный режим, но этот вопрос касается только Франции и заинтересованных государств. Мы не будем проводить выборы, когда немцы продвигаются к Кавказу, когда они почти подошли к дельте Нила и когда арестовывают Ганди и Неру.

Как я и предвидел, поворот штурвала, произведенный нами в этом отношении, вызвал вчера бурю у англичан, что лишний раз доказывает, что они питают какие-то задние мысли. Черчилль метал громы и молнии и клялся, что он защитит Спирса. Вся эта буря теперь улеглась. Я продолжил сегодня ту же линию, напав на Кэйзи в вопросах зернового бюро и железной дороги Хайфа – Триполи. Я сказал Кэйзи, что ознакомлюсь на месте с этими вопросами и что мы сохраняем за собой право принимать все меры, которые сочтем необходимыми в интересах населения в том, что касается зернового бюро, и в интересах железнодорожной компании, Ливана и Франции в том, что касается железной дороги.

Видел сегодня Окинлека и Теддера. Встреча была очень сердечной и полезной.

Сегодня утром принял парад отличных частей дивизии Кенига.

Завтра отправляемся в Бейрут. Черчилль и Гарриман уезжают в Москву.

Передайте содержание этой телеграммы Национальному комитету.

С дружеским приветом.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ ПЛЕВЕНУ И МОРИСУ ДЕЖАНУ, В ЛОНДОН

Бейрут, 13 августа 1942

Отвечаю на телеграмму Мориса Дежана от 7 августа.

1. Что касается будущих границ Чехословакии, то мы должны занять благоприятную позицию в отношении целостности Чехословакии в том виде, в каком она существовала до Мюнхена. Однако нужно сформулировать это в таких выражениях, которые позволят нам в дальнейшем иметь некоторую свободу действий в вопросе о судьбе судетского меньшинства в Чехословакии и о судьбе словаков и Тешина. Наконец, в нашем заявлении при всем том нужно более четко оттенить чехословацкие интересы, чем это сделано в английском заявлении.

Я прошу срочно представить мне текст заявления, в котором будут учтены вышеизложенные моменты. Как только этот текст будет составлен, мы сможем его опубликовать одновременно в Бейруте, где я нахожусь, в Браззавиле и в Лондоне. Предварительно вы должны показать текст Бенешу, чтобы узнать его мнение.

2. Прошу передать от моего имени Бенешу, что мы высоко оценили относящуюся к нам часть его выступления по радио.

3. Что касается подказанной им Советскому правительству мысли о признании Москвой Национального комитета в качестве правительства Франции, то против нее мы не можем возражать. Однако мне кажется, что это еще преждевременно по причинам, которые я не раз излагал и вам лично, и вашим коллегам по Национальному комитету. Во всяком случае, вы можете засвидетельствовать Бенешу, что мы чрезвычайно высоко ценим его намерение.

ТЕЛЕГРАММА МОРИСА ДЕЖАНА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В БЕЙРУТ

Лондон, 13 августа 1942

1. Гарро имел 8 августа продолжительную беседу с заместителем комиссара иностранных дел СССР Деканозовым.

Выразив свое сочувствие Сражающейся Франции, заместитель комиссара указал, что французский народ не должен ждать помощи извне, чтобы начать активную борьбу против поработителя.

В качестве примера он указал на Югославию. Всеобщее вооруженное восстание во Франции, продолжал заместитель комиссара, явилось бы сигналом к восстанию во всей поращенной Европе и ускорило бы желаемое вмешательство английских и американских войск.

Гарро ответил, что положение во Франции значительно отличается от положения в Югославии, особенно потому, что в Виши существует правительство, преданное врагу, но в то же время признаваемое некоторыми союзниками в качестве французского правительства. Он также выдвинул другие доводы, которые легко себе представить.

Позиция собеседника привела Гарро к мысли, что в связи с отсутствием общего наступления союзных сил на Западе подвергающееся чудовищному натиску немецких армий Советское правительство горячо желало бы восстания в пораженных странах.

2. С этой информацией следовало бы, быть может, сопоставить некоторые сведения, полученные мною из других источников. Судя по этим сведениям, Советское правительство, учитывая, что до зимы союзники не смогут предпринять достаточно серьезные военные действия на континенте, которые могли бы облегчить положение на русском фронте, сообщило в начале августа в Лондон и Вашингтон, что следует снабдить СССР ресурсами (продовольствием и вооружением) для продолжения борьбы. В таких условиях была решена поездка Черчилля и американских представителей.

3. Во время беседы с Гарро заместитель комиссара дал понять, не предсказывая, однако, отношения руководящих кругов, что предстоящий приезд в Москву генерала де Голля, «который пользуется большой популярностью в СССР», был бы, несомненно, желателен.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ УИНСТОНУ ЧЕРЧИЛЛЮ, В ЛОНДОН

Бейрут, 14 августа 1942

С самого начала пребывания во французских подмандатных государствах Леванта я с сожалением убедился, что соглашения, заключенные между английским правительством и Национальным комитетом относительно Сирии и Ливана, здесь нарушаются.

При заключении соглашений Литтлтона — де Голля в июле 1941 и обмене нотами между Французским национальным комитетом и Форин офисом в октябре 1941 учитывались обязательства Великобритании не преследовать никакой политической цели в государ-

ствах Леванта и не посягать в этом районе на позиции Франции, а также признавать французский мандат вплоть до решения Лиги Наций, единственно правомочной его отменить.

Я должен вам сказать, что, как мне кажется, многие проявления политики Великобритании в Сирии и Ливане не соответствуют этим принципам.

Постоянное вмешательство представителей английского правительства в дела внутренней и административной политики государств Леванта и даже в отношении между этими государствами и мандатарием несовместимы ни с отказом Англии от политических интересов в Сирии и Ливане, ни с должным уважением позиции Франции, ни с мандатным режимом.

Кроме того, я считаю, что такое вмешательство и вызываемая им реакция побуждают население всего арабского Востока думать, что серьезные расхождения нарушают здесь доброе согласие между Англией и Сражающейся Францией, являющимися между тем союзниками.

Такое положение в конечном счете может сыграть лишь на руку нашим врагам.

Я должен сообщить вам, что посягательства на права Франции, как и на права правительств государств Леванта, глубоко задевают всех французов, а также народы Сирии и Ливана. Тем более что мы всеми силами, нередко в условиях тяжелой моральной обстановки, поддерживали военные действия английского сухопутного, военно-морского и военно-воздушного командования, предоставив все наши силы в распоряжение английского командования для участия в сражениях в Ливии и Египте.

Я вынужден просить вас возобновить действие заключенных нами соглашений относительно государств Леванта, чтобы таким образом обеспечить наше военное сотрудничество и продемонстрировать всему Востоку существование согласия между Великобританией и Францией. Не говоря уже о других причинах, мне это кажется необходимым, чтобы лучше соединить наши силы в тяжелое время войны, которую мы ведем сообща.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ ПЛЕВЕНУ, В ЛОНДОН

Бейрут, 14 августа 1942

В результате ознакомления с положением на месте я счел своим долгом отправить английскому премьер-министру через

Майлса Лэмпсона телеграмму, текст которой посылаю и прошу довести до сведения Национального комитета. С другой стороны, вы можете вместе с Дежаном сделать заявление Идену в порядке разъяснения и уточнения моей телеграммы; используйте все известные вам факты об английских посягательствах в Сирии и Ливане. Эти посягательства, как я убедился на месте, уже оказывают серьезное влияние на местную политическую атмосферу.

Укажите Идену, что личные качества Спирса, несомненно, способствовали осложнению обстановки, но оно не может быть приписано только неправильному образу действий посланника Великобритании в Бейруте; осложнения вызваны политикой самого английского правительства.

ТЕЛЕГРАММА МОРИСА ДЕЖАНА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В БЕЙРУТ

Лондон, 16 августа 1942

Со времени заключения соглашения от 9 июля создалось впечатление, что государственный департамент отстывает...

Подлинную причину такого отношения следует искать в подготовке планов, касающихся Северной Африки.

Эти планы основываются на представлении, что усилия американской дипломатии в этом районе уже принесли свои плоды и что почва для прибытия американских освободителей подготовлена. Даются обещания, что местных руководителей в случае их присоединения будут считать «новыми местными властями Французской империи».

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ ПЛЕВЕНУ И МОРИСУ ДЕЖАНУ, В ЛОНДОН

Бейрут, 16 августа 1942

Меня посетил генеральный консул Соединенных Штатов Гвинеи. Мы долго беседовали о создавшемся здесь положении в результате английской политики вмешательства и интриг Спирса. Генеральный консул Соединенных Штатов разделяет наше мнение по этому вопросу. Не без тревоги он думает о воз-

можных последствиях такого положения, которые в самый разгар войны угрожают как самой стране, так и отношениям между союзниками. В самых резких выражениях он говорил о тенденциях и методах английской политики в Дамаске и особенно в Бейруте.

Я сказал, что мы не отказываемся от нашего соглашения с государствами Леванта, но мандат находится в силе до тех пор, пока Лига Наций не освободит нас от него и пока существуют франко-сирийский и франко-ливанский договоры. Я добавил, что по причинам, которые подсказывает здравый смысл, и в согласии с государствами Леванта мы не хотим сейчас проводить выборы, и, следовательно, они не состоятся.

Прочем, Гвини был уже в курсе дела. Он ответил, что за последнюю неделю не раз информировал свое правительство о подлинном характере действий англичан и что его телеграммы и заинтересовали и удивили Вашингтон, который, несомненно, получал совсем другие сведения от английской дипломатии. Я ознакомил его с моей телеграммой Черчиллю.

Перед уходом американский генеральный консул заявил, что его правительство в скором времени предпримет меры, чтобы ввести англичан в границы их прав и обязательств. М. Дежану следовало бы поговорить об этом со Старком, а кому-нибудь другому с Богомоловым, настойчиво указав им, как я указал Гвинну, что, по нашему мнению, чаша переполнена и мы ждем, что положение будет исправлено незамедлительно...

ПИСЬМО ЖОРЖА МАНДЕЛЯ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ

Из тюрьмы в Пуртале, 20 августа 1942

Дорогой коллега прошлых лет!

Я могу только одобрить ваш анализ всех возможностей, и я рад, что полностью разделяю ваше мнение о политических последствиях так называемого «успеха».

С 17 июня 1940 наша несчастная страна была отдана в руки правителей, которые все, в той или иной степени, стали слугами врага. Всеми способами возвращая Францию к участию в войне, нужно с самого начала, одним росчерком пера отменить все принятые этими правителями политические решения и восстановить республику. Но я опасаясь, что применение закона

Тревенёка* может таить много неожиданностей. Как бы не пришлось, по крайней мере вначале, выйти за рамки законности. Я считаю необходимым сделать все возможное, чтобы этого избежать. Впрочем, я уполномочил нашего друга изложить вам план, имеющий двойное преимущество: успех его гарантирован, и он отвечает чаяниям и желаниям огромного большинства французов.

Поверьте, я совершенно лишен авторского самолюбия. И я никогда не увлекался вопросами метода или процедуры; каково бы ни было значение первого политического акта, который обусловит создание Временного правительства освобождения, я заранее согласен с вашим суждением. Самое важное состоит в том, чтобы вы были руководителем, бесспорным главой этого правительства и имели свободу действий.

У вас не было соперников, когда для спасения чести Франции вы решили продолжать борьбу вместе с союзниками; нельзя допустить, чтобы вам пришлось мириться с соперничеством теперь, когда приближается час освобождения.

Что касается меня, то я страдал, жестоко страдал от преследований, но только потому, что они мешали мне помочь вам. У меня только одно стремление — наверстать потерянное время. Поэтому я спешу принять ваше предложение установить между нами непосредственную связь без чьего бы то ни было вмешательства (конечно, необходимо сделать оговорку относительно препятствий, могущих возникнуть в связи с моим теперешним положением).

Я ставлю только одно условие: всегда иметь право сообщать вам без обиняков мое мнение и мои соображения, все соображения, на которых оно будет основано. Но зато — и в этом будьте уверены, — как только вы примете решение, никто так настойчиво не будет отстаивать вашу точку зрения, как я.

Мне кажется, что в результате тесного сотрудничества должно возникнуть единство действий, которое одно может ускорить освобождение и национальное возрождение.

Примите, мой дорогой коллега, выражение чувств самой глубокой преданности.

---

*Закон, принятый в 1872 по предложению французского политического деятеля Тревенёка, по которому, в случае если бы Национальное собрание перестало существовать, генеральные советы могли заменить его делегатами из своей среды. — *Прим. ред.*

ТЕЛЕГРАММА УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В БЕЙРУТ (Перевод)

Каур, 23 августа 1942

К сожалению, не могу согласиться с вашим мнением, что наши представители незаконно вмешиваются в дела государств Леванта. Сирия и Ливан представляют собой часть основного театра военных действий, и чуть ли не каждое событие в этой зоне прямо или косвенно затрагивает наши военные интересы. Именно по этой причине осуществляются взаимные консультации между нашими представителями и французскими властями и установлены связи с сирийскими и ливанскими властями, при которых аккредитован посланник его величества.

Мы не преследуем какой-либо политической цели в странах Леванта и совершенно не стремимся подорвать там позиции Франции. Мы полностью признаем, что инициатива в политической области должна принадлежать французским властям. Наша главная забота в этой области состоит в том, чтобы оградить себя от опасности проведения такой политики, которая могла бы угрожать нашей военной безопасности или затруднять ведение войны. Вот почему мы хотели бы, чтобы с нами заранее и в полной мере консультировались по всем серьезным политическим вопросам.

Мы озабочены также и тем, чтобы эффективно осуществлялось получившее нашу гарантию заявление генерала Катру от 9 июня 1941, в котором провозглашалась независимость Сирии и Ливана и содержалось обещание отмены мандата.

Мы приняли на себя определенные обязательства перед лицом Сирии, Ливана, а также всего арабского мира. За исключением этих обязательств, нас интересуют только те дела Леванта, которые имеют непосредственное отношение к нашим военным потребностям, а также к локальным английским интересам коммерческого или иного характера.

Ни одно из перечисленных выше действий не противоречит ни форме, ни духу соглашений генерала де Голля с Оливером Литтлтоном, ни духу писем, которыми в свое время обменялись Форин офис и Французский национальный комитет.

Что касается мандата, то вполне допустимо считать, что в настоящее время он не может быть отменен по техническим соображениям.

Все же в своей речи в палате общин 9 сентября 1941 я уточнил, что «Свободная Франция» не может пользоваться в Сирии теми же правами, какими там пользовался режим Виши; к тому же и вы сами, извещая Лигу Наций о принятии вами на себя ответственности за мандат, заявляли, что независимость и суверенитет Сирии и Ливана не подвергаются никаким другим ограничениям, кроме тех, которые вызываются потребностями ведения войны.

Я признаю необходимым самое тесное сотрудничество и единство взглядов между нашими представителями в Леванте и искренне убежден, что они могут быть достигнуты при наличии доброй воли у обеих сторон. Наша высшая цель — поражение врага; вы можете быть уверены в том, что все действия наших представителей в Сирии и Ливане направлены к достижению именно этой цели.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ ПЛЕВЕНУ И МОРИСУ ДЕЖАНУ, В ЛОНДОН

Бейрут, 24 августа 1942

Только что вернулся из насыщенной впечатлениями поездки в Дамаск, Сайду, Пальмиру, Дейр-эз-Зор, Алеппо, Хаму, Хомс, Латакию. Повсюду проявлялся искренний и исключительный энтузиазм по отношению к Франции.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ УИНСТОНУ ЧЕРЧИЛЛЮ, В КАИР

Бейрут, 24 августа 1942

Дорогой премьер-министр!

Со всем вниманием ознакомился с вашей телеграммой от 23 августа, в которой разъясняется политика Великобритании в подмандатных Франции государствах Леванта.

Мне остается лишь сожалеть, что я не могу согласиться с вашей концепцией, из которой следует, что политическое вмешательство английских представителей в дела этих государств якобы совместимо с обязательством правительства Великобритании считаться с правами Франции в этих странах и с продолжающим-

ся действием ее мандата. Помимо этого, происходящие случаи вмешательства противоречат, по моему мнению, режиму независимости, который Сражающаяся Франция установила в Сирии и Ливане в силу и в рамках мандата и в соответствии с франко-американским договором от 1924, и не могут быть оправданы фактом пребывания английских войск на территории этих государств.

Соглашения Литтлтона — де Голля, которые нами выполняются со всей добросовестностью, регулировали как вопрос о безопасности английских войск в Леванте, так и вопрос о нашем сотрудничестве на Востоке. Впрочем, английские и французские военные власти поддерживали очень хорошие отношения как во время боев в Ливии и в Египте, так и при защите Сирии и Ливана. Учитывая это, я согласился оставить французские вооруженные силы в Леванте под руководством английского командования, хотя в настоящий момент численность английских войск уступает численности французских.

Между тем соглашение Литтлтона — де Голля предусматривало при такой ситуации передачу военного руководства силами союзников в этих государствах французскому командованию.

Возникшее в Сирии и Ливане известное франко-английское соперничество, порожденное присутствием двух сил и непрерывным вмешательством английских представителей, несомненно, вредит военным усилиям Объединенных Наций и особенно совместным действиям Франции и Великобритании, союзникам с давних пор; оно не может не оказать отрицательного влияния на арабский Восток и на общественное мнение французской нации.

Настоятельно прошу вас пересмотреть этот крайне важный для Сражающейся Франции вопрос. Я готов обсудить его с Кэйзи во время моего пребывания здесь, если он найдет возможным посетить меня.

Искренне ваш.

ТЕЛЕГРАММА ПОЛКОВНИКА ПЕШКОВА НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Претория, 25 августа 1942

Во время продолжительной беседы со мной генерал Смэтс выразил свое удовлетворение встречей с генералом де Голлем, который произвел на него большое впечатление.

Он заявил, что считает генерала де Голля одним из ведущих военных деятелей. Генерал Смэтс надеется, что скоро положение на Мадагаскаре изменится и с полумерами будет покончено.

Он думает, что генерал Стёджес (который руководит военными действиями на острове) совершенно не сочувствует нашему делу. Мне кажется, что Смэтс хотел бы, чтобы остров был полностью оккупирован союзными войсками и управлялся свободными французами во время войны...

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ ПЛЕВЕНУ И МОРИСУ ДЕЖАНУ, В ЛОНДОН

Бейрут, 27 августа 1942

Основываясь на многих признаках, я пришел к выводу, что Соединенные Штаты решили высадить войска на территории Французской Северной Африки.

Эта операция будет осуществлена во взаимодействии с начинающимся наступлением англичан в Египте.

С другой стороны, англичане сами хотели бы использовать успехи американцев под Касабланкой, чтобы проникнуть в наши колонии в Западной Африке.

Американцы воображают, что теперешние власти Виши будут придерживаться пассивной позиции. Но они сумели все же обеспечить себе помощь, использовав добрые чувства наших сторонников, особенно в Марокко. Американцы внушили им, что действуют в согласии с нами, и под этим предлогом перехватывают все связи наших служб с нашими друзьями. Англичане тоже вступили в эту игру, хотя и с меньшими иллюзиями...

В случае надобности маршал Петен, несомненно, отдаст приказ выступить в Африке против союзников, ссылаясь на агрессию с их стороны. Армия, флот и авиация, конечно, подчинятся приказу. Кроме того, могут вмешаться немцы под тем предлогом, что они помогают Франции в защите ее империи.

Лаваль воздержится от объявления войны союзникам, чтобы сохранить возможности шантажа и не доводить французское население до крайнего возмущения. Он рассчитывает на то, что его услужливость будет вознаграждена некоторыми уступками в отношении военнопленных, поставками продовольствия; он надеется также получить поддержку, чтобы отвести притязания итальянцев.

Я думаю, что во всем этом и следует искать объяснение нынешнего отношения Вашингтона к нам.

Американцы сначала думали, что они смогут в этом году открыть второй фронт во Франции.

Нуждаясь в нас, они вступили на путь, определенный их меморандумом. Теперь их план изменился, и отсюда прежняя сдержанность по отношению к Национальному комитету...

Передайте это Национальному комитету.

ТЕЛЕГРАММА ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ КЭЙЗИ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В БЕЙРУТ (Перевод)

Каир, 29 августа 1942

У меня создалось впечатление, что франко-английские отношения в Сирии и Ливане достигли критической точки. Каковы бы ни были причины этого, я считаю, что самое главное теперь заключается в том, чтобы исходя из высших интересов наших стран, возможно скорее установить отношения, необходимые для продолжения войны. Я хотел бы надеяться, что это станет возможным в результате откровенной дискуссии между нами, и с этой целью приглашаю вас встретиться со мной в Каире в удобное для вас время. Я занят здесь важными делами, которые — я уверен, что вы поймете это, — не позволяют мне покинуть Каир в настоящее время.

Если встреча не состоится, я буду вынужден доложить премьер-министру о существующем положении, как оно мне представляется. Я был бы очень признателен за срочный ответ на эту телеграмму.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ КЭЙЗИ, В КАИР

Бейрут, 30 августа 1942

Вместе с вами я считаю, что в интересах общего дела продолжение войны крайне важно и неотложно построить франко-английские отношения на удовлетворительных основах.

Как я уже имел честь сообщить вам и как я писал Уинстону Черчиллю, причиной серьезного ухудшения наших отношений

явилось вмешательство Великобритании в отношения между Сражающейся Францией и подмандатными государствами Леванта, а также во внутренние дела Сирии и Ливана. Это привело и к ослаблению позиции Франции в этих странах, и к посягательствам на их независимость, которая была признана за ними Сражающейся Францией в силу и в рамках мандата. Вы, конечно, понимаете, что Французский комитет обязан воспротивиться нарушению своих прав и посягательствам на независимость этих государств. Французский национальный комитет всегда готов проводить с правительством его величества консультацию с целью достижения гармонии французской и английской политики на всем Востоке.

Что касается нашего военного сотрудничества на этом театре военных действий, мы считаем, что его условия были урегулированы нашими соглашениями, заключенными в прошлом году. Мы настаиваем, чтобы условия этих соглашений строго соблюдались.

В письме от 24 августа премьер-министру Великобритании я указывал, что готов обсудить этот вопрос с вами в Бейруте, поскольку во время двух визитов, которые я имел удовольствие нанести вам в Каире, нам не удалось согласовать наши точки зрения. Я вынужден задержаться здесь для принятия мер, которых требует обстановка, и я был бы глубоко огорчен, если бы вы не смогли найти время для обсуждения со мной этого важного дела.

ТЕЛЕГРАММА УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В БЕЙРУТ (Перевод)

Лондон, 31 августа 1942

Получил ваш ответ на мое письмо от 23 августа. Не считаю полезным продолжать подобный обмен мнениями относительно ситуации, которую я считаю серьезной, как и вы сами.

Очень важно — таково мое мнение — обсудить с вами эти вопросы как можно скорее, следовательно, я должен просить вас ускорить возвращение в Великобританию. Прошу сообщить, когда следует ожидать вас.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ УИНСТОНУ ЧЕРЧИЛЛЮ, В ЛОНДОН

Бейрут, 1 сентября 1942

Благодарю за приглашение приехать в Англию, которое вы со-
благоволители мне сделать, для обсуждения с вами серьезного во-
проса о франко-английских отношениях на Востоке. Я, конечно,
предприму эту поездку при первой же возможности. Но сейчас
обстановка не позволяет мне покинуть Бейрут.

Однако, как я уже писал вам, я готов хоть сегодня начать пере-
говоры с Кэйзи. Надеюсь, вы поймете, что сохранение независи-
мого положения Франции в Сирии и Ливане является для меня и
для Французского национального комитета долгом первойшей
важности и необходимости.

ТЕЛЕГРАММА РОЖЕ ГАРРО НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Москва, 1 сентября 1942

Тогда как проживающие в России французские коммунисты
до сих пор избегали какой-либо связи с делегацией Сражающей-
ся Франции, Андре Марти посетил меня 15 августа и после этого
нанес мне еще два визита.

Андре Марти приехал в Москву по поручению Французской
коммунистической партии накануне подписания германо-совет-
ского пакта, который, как он мне доверительно сообщил, непри-
ятно поразил и дезориентировал его. Марти оставался в России в
течение трех лет, где он был членом Центрального комитета Ко-
минтерна и единственным авторитетным представителем Фран-
цузской коммунистической партии, с которой он, вероятно, не
имел никакого контакта. По словам Марти, он не имел никаких
сведений о Франции, кроме тех, которые сообщались советской
печатью и радио. Это утверждение мне показалось искренним,
так как мой посетитель поспешно набросился на все информаци-
онные документы, которые я смог ему показать. С плохо скрытой
горечью он дал понять, что члены Коминтерна полностью изоли-
рованы в Уфе и томятся от досадного бездействия.

Он горячо восхвалял генерала де Голля, взгляды которого от-
носительно моторизации наших вооруженных сил он в качестве

вице-председателя комиссии по делам армии палаты депутатов якобы поддерживал, насколько было в его силах. В этом у него были разногласия с его коллегой Морисом Торезом, который, подобно генералу пацифисту Бино, сомневался в эффективности бронетанковых дивизий.

Андре Марти согласен перейти в мое полное распоряжение для оказания помощи в деле развертывания нашей пропаганды в СССР. Но в связи с тем, что его возможности очень ограничены в этой области, Марти хотел бы тайно вернуться со своей женой во Францию, чтобы участвовать там в организации Сопротивления.

Он спросил меня, не согласится ли Французский национальный комитет помочь ему вернуться в страну. Буду признателен, если вы дадите мне возможность ответить ему.

Нет сомнения в том, что Марти мог встречаться со мной только с согласия Политбюро. Этот демарш свидетельствует, по-видимому, о существенной эволюции Французской коммунистической партии, которая следует указаниям Кремля в смысле объединения всех сил французского Сопротивления вокруг генерала де Голля и Национального комитета.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ЭБУЭ И ГЕНЕРАЛУ ЛЕКЛЕРКУ, В БРАЗЗАВИЛЬ

Бейрут, 1 сентября 1942

Получив письменное обещание американцев предоставить восемь самолетов «Локхид» для наших авиалиний, разрешаю использовать аэродром Пуэнт-Нуар для военных самолетов Соединенных Штатов.

За вами, конечно, сохраняется командование и контроль на аэродроме...

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ ПЛЕВЕНУ И МОРИСУ ДЕЖАНУ, В ЛОНДОН

Бейрут, 4 сентября 1942

Президент Наккаш и президент Тадж-эд-дин просили о встрече со мной. Я принял их, одного — третьего дня, другого — сегодня. В длительных беседах были глубоко затронуты многие во-

просы. Хотя в этих широтах и долготах я и воздерживаюсь от иллюзий, все же общее впечатление осталось хорошим. Оба моих собеседника выразили удовлетворяющие нас чувства и дали определенные обещания.

Что касается внутренних дел, то оба президента обязались сделать все, чтобы зерновое бюро наладило снабжение населения и уравнило свой бюджет. Оба президента собираются подготовить выборы, и, разумеется, в своих собственных интересах. Но они не спешат с этим и терпеливо ждут срока, который, как я считаю, наступит будущей весной, если позволит военное положение и англичане прекратят свое вмешательство. Президенты утверждают — и мне кажется, что это так и есть, — что население относится неодобрительно к политическим схваткам и высказалось бы за независимость, за беспристрастность правительственной деятельности, за союз с Францией, за наше присутствие.

Что касается внешних дел, они оба явно настроены против интриг Англии и недавно откровенно выразили это. Их позиция определяется искренним стремлением к общественному благу, подлинной симпатией к нам и желанием получить нашу поддержку. Свое воздействие оказывают также яркие проявления преданности Франции со стороны Леванта, имевшие место в разных частях страны по случаю моего приезда. Нет сомнения, что новую Францию здесь высоко ценят. Мы можем гордиться этим.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В БЕЙРУТ

Браззавиль, 6 сентября 1942

Отвечаю на ваше предписание — подготовить вооруженные силы для возможных военных действий на Нигере.

Первый бросок: Зиндер. Остановка здесь должна быть использована для пополнения запасов продовольствия. Дальнейшее продвижение к Ниамею будет зависеть от сопротивления Зиндера и от общей ситуации. Но я понимаю ваше желание и сделаю все возможное.

Я приказываю создать в Мусоро запасы бензина и продовольствия и произвести некоторые передвижения вспомогательных войск, которые не привлекут внимания.

ТЕЛЕГРАММА РЕНЕ ПЛЕВЕНА И МОРИСА ДЕЖАНА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В БЕЙРУТ

Лондон, 8 сентября 1942

Иден принял нас в понедельник вечером, после заседания Совета министров, на котором рассматривался вопрос об отношениях между Сражающейся Францией и английским правительством.

Прежде всего Иден заверил в своей симпатии к Сражающейся Франции и к нашей стране. Он напомнил, что всегда старался помочь нам и постоянно стремился установить основанные на доверии отношения между Национальным комитетом и правительством его величества.

«К моменту отъезда генерала, — сказал он, — отношения были превосходными. Мы думали, что отсутствие генерала де Голля не будет длительным, и рассчитывали после его возвращения возобновить сотрудничество с ним.

Генерал уехал в Сирию. Он выразил недовольство действиями англичан в Леванте и полон подозрений в отношении нас. Он убежден, что мы хотим вытеснить вас из Сирии, хотя мы далеки от такого намерения и не раз торжественно заявляли, что не проводим в Сирии никакой другой политики, кроме той, которая была сформулирована открыто...

В весьма дружественной телеграмме премьер-министр просил генерала от имени правительства Великобритании ускорить свое возвращение для обсуждения спорных вопросов. Однако генерал предпочел остаться в Сирии.

С другой стороны, он счел возможным вмешивать американцев в это дело. Создалось впечатление, что он пробовал восстановить американское правительство против нас, но наши отношения с Америкой достаточно прочны и такие приемы не могут нам повредить; а вам они, конечно, пользы не принесут. (Это замечание было сделано особенно раздраженным тоном.)

Должен вам сказать, что положение серьезно. Позиция генерала ставит под удар отношения между английским правительством и Комитетом...»

Затем Морис Дежан заметил, что, даже отвлекаясь от этого, надо признать, что в свете событий на Мадагаскаре генерал имеет все основания тревожиться за Левант. 13 мая министер-

ство иностранных дел Великобритании дало нам определенные обещания. Однако эти обещания даже не начали выполнять. А между тем речь идет о подлинно французской земле, и недопустимо, чтобы нас оттуда устранили.

Рене Плевен благодарит Идена за выраженные им чувства по отношению к Сражающейся Франции... Он напоминает, что именно в Леванте все считают генерала де Голля борцом за франко-английское сотрудничество... В Сирии французы раздражены непрерывным посягательством английских властей на чужие права. Даже генерал Катру, миролюбие которого широко известно, раздражен всем этим до последней степени. Совсем недавно английская миссия некстати вмешалась в валютные вопросы, которые находятся в исключительном ведении французских властей. Англичане проникли в зерновое бюро... Что касается обращения к американцам, Плевен заявляет, что оно вполне естественно. К тому же американцы имеют на месте своих наблюдателей. Разногласия между французами и англичанами происходят на их глазах.

Иден сухо отвечает, что если мы одобряем такие методы, то трудно будет поладить друг с другом, хотя, впрочем, все это дело ему кажется второстепенным.

Дежан замечает, что, если, по мнению английского правительства, дела Сирии представляют лишь второстепенный интерес, непонятно в таком случае, почему оно просит генерала де Голля прервать ответственную инспекционную поездку для обсуждения этих дел. Положение могло бы быть совсем иным, если бы переговоры, к которым стремится Черчилль, имели более общий характер и касались бы, в частности, назревающих событий в Северной и Западной Французской Африке.

Плевен высказывается в том же смысле. Дежан несколько раз возвращается к этому вопросу.

Далее в ходе беседы Иден употребил такие выражения, как «сотрудничество подходит к концу», «существо вещей развивается в другом направлении»... Он не отрицал, что назревают важные события, но, вероятно, считал, что при данном положении вещей вопрос о нашем участии в них не ставится...

Беседа продолжалась час с четвертью, сначала в очень напряженной атмосфере, которая к концу несколько разрядилась.

**ТЕЛЕГРАММА МОРИСА ДЕЖАНА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ-
ЛЮ, В БЕЙРУТ**

Лондон, 10 сентября 1942

Вчера Иден пригласил меня к себе вместе с Плевеном. В присутствии Стрэнга Иден сказал нам в основном следующее: «Под строжайшем секретом я должен сделать вам сообщение, которое позавчера я сделать не мог. Мы готовимся начать новые операции на Мадагаскаре, чтобы обеспечить наш контроль над всем островом...

— Английское правительство намеревалось, — продолжал Иден, заглядывая в лежащие перед ним письменные инструкции, — предложить Французскому национальному комитету незамедлительно взять на себя управление Мадагаскаром...

К сожалению, дела в Сирии осложнили положение. Генерал де Голль, по-видимому, ставит под подозрение нашу добрую волю и наши намерения в отношении Сирии. От имени английского правительства могу вас заверить в том, что эти подозрения совершенно безосновательны, так как Великобритания не собирается посягать на права Франции в Сирии.

Надеюсь, вы поймете, что, пока создавшееся в Леванте положение не прояснится, мы не можем осуществить наше намерение передать управление Мадагаскаром Французскому национальному комитету. Но, поскольку правительство Великобритании не проводит в странах Леванта никакой другой политики, кроме той, о которой оно уже заявило во всеулышание, мы убеждены, что в этом вопросе может быть достигнута ясность.

Если генерал де Голль теперь же возвратится в Лондон, о чем его дружески просил премьер-министр, мы сможем сразу же обсудить с ним возможности осуществления вашего намерения передать управление Мадагаскаром Французскому национальному комитету...» В отличие от беседы 7 сентября Иден сделал это сообщение в любезном тоне, с явно выраженным желанием прийти к согласию.

Отвечая на наши вопросы, Иден разъяснил, что и речи нет о каком-то торге, что согласие генерала возвратиться в Лондон еще не предвещает того, какой будет дан ответ на его жалобы, сформулированные в результате его поездки в Сирию, что речь не идет о какой-то сделке, связанной с отказом от наших интересов в Леванте в обмен на получение права управлять Мадагаскаром.

В этих условиях мне и Плевену представляется существенно важным, чтобы вы как можно скорее дали согласие на переговоры, о которых просит английское правительство.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ ПЛЕВЕНУ И МОРИСУ ДЕЖАНУ, В ЛОНДОН

Бейрут, 12 сентября 1942

Уэнделл Уилки прибыл 10 сентября утром и отбыл 11 сентября. Катру встретил его на аэродроме. Нашими войсками были оказаны почести. Американский гимн. Марсельеза.

Затем Уэнделл Уилки проехал прямо в нашу резиденцию, где я его принял; здесь он и остановился...

Во время длительной беседы, состоявшейся по его просьбе, он задал мне множество вопросов по поручению, как он сказал, президента Рузвельта.

Впечатление хорошее, особенно учитывая личные качества Уилки, его манеры славного и пылкого малого... Тем не менее он избегал говорить о том, что Соединенные Штаты собираются сделать для нас. Касаясь отношения Вашингтона к французским делам, он сказал:

«Существуют два способа преодолеть препятствие. Или идут напрямик и пробивают его, или стараются обойти с флангов».

Он уверял, что в данном случае дело не в личном его убеждении, а в том, что ему было официально поручено мне сказать.

В ответ на его вопросы мне пришлось со всей откровенностью разъяснить ему нашу общую позицию и наше положение здесь...

Уилки заверил меня, что хорошо понимает наше положение, что мы пользуемся большими симпатиями союзников и особенно в Америке. Он хотел бы, чтобы мы сохранили и умножили эти симпатии и не преувеличивали бы нашей непримиримости. Говоря о нашем стремлении представлять французские интересы, он просил меня привести пример вмешательства Соединенных Штатов. Я сослался на пример Мартиники. Мы считали бы нормальным, чтобы в этом деле Соединенные Штаты советовались с нами. Я добавил, что наша точка зрения остается неизменной во всех случаях, когда действия союзников будут затрагивать интересы какой-либо французской территории. Уилки спросил меня, не думаю ли я,

что Соединенные Штаты имеют политические виды на какую-нибудь часть нашей империи. Я ответил, что не думаю этого, но считаю, что очень важно не создавать даже видимости подобной заинтересованности. У французского народа должно сложиться твердое убеждение, что его интересы эффективно представлены и представлены нами, что мы боремся за них вместе с нашими союзниками.

Уилки говорил о тех французских эмигрантах, которые работают без нас или даже против нас. Я ответил, что из каждых 100 французов, избежавших порабощения, 98 находятся в наших войсках, учреждениях и комитетах, целиком поглощены своим делом и, следовательно, не очень шумливы; 2 из 100 находятся вне Сражающейся Франции и занимаются интригами и происками, чем они и занимались всю свою жизнь. Если бы эти люди объединились в боевые части, освобождали территории, оказывали бы реальное влияние на Францию, тогда мы могли бы вступить с ними в переговоры. Но они представляют лишь самих себя. Поэтому мы не обращаем внимания на их суетню. Но, к сожалению, союзники часто прислушиваются к ним, когда хотят противопоставить их нам.

Что касается нашего союза с Англией, я сказал Уэнделлу Уилки, что он посетил меня в момент, когда появились серьезные затруднения в этом отношении. Во всяком случае, я хотел, чтобы он знал, что мы в основном желали бы сохранить английский союз и доказали это всему миру. Я считал, что сохранение союза было также основным пунктом английской политики. Но англичанам очень трудно согласовать их локальную политику с политикой общей. Это ясно выявилось на Востоке.

Уэнделл Уилки дал понять, что Черчилль и Гарриман вернулись из своей поездки в Москву неудовлетворенными. Они оказались перед загадочным Сталиным, его маска осталась для них непроницаемой. У меня создалось впечатление, что Уэнделл Уилки направляется в Москву, чтобы попытаться получше разобраться во всем. Но, кажется, Сталин не спешит впустить его в Россию, в ожидании Уэнделл Уилки топчется на месте.

Заканчивая беседу, я сказал Уилки, что настоящая война с точки зрения затрат материальных средств является, по-моему, в основном войной Соединенных Штатов. Поэтому Америка несет особую моральную ответственность перед миром. Теперь добро борется со злом. И нужно чистосердечно помогать тем, кто сражается за доброе дело.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ ПЛЕВЕНУ И МОРИСУ ДЕЖАНУ, В ЛОНДОН

Бейрут, 12 сентября 1942

Ознакомился с вашими отчетами о беседах с Иденом. Прошу передать Идену от моего имени следующее сообщение.

«Я поставлен в известность о беседах, происходивших 7 и 9 сентября между вашим превосходительством, с одной стороны, и господами Плевеном и Дежаном — с другой.

Я пришел к заключению, что английское правительство, так же как и Французский национальный комитет, желает урегулирования франко-английских отношений на Востоке на удовлетворительных основах в соответствии с нашими соглашениями по этому вопросу и с правами Франции в Сирии и Ливане.

С другой стороны, я принял к сведению, что английское правительство, учитывая новое положение на Мадагаскаре, намерено выполнить взятые им на себя 13 мая перед Национальным комитетом обязательства относительно острова.

Наконец, меня не могло не тронуть пожелание, выраженное вашим превосходительством, которое явилось подтверждением полученного мною раньше послания премьер-министра, о желательности моего возвращения в Лондон для обсуждения этого вопроса с английским правительством.

Как и вы, я надеюсь, что наши переговоры приведут к еще более тесному сотрудничеству в войне против общего врага.

Получив любезное приглашение премьер-министра и вашего превосходительства, я намерен возвратиться в самом скором времени».

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ ПЛЕВЕНУ И МОРИСУ ДЕЖАНУ, В ЛОНДОН

Бейрут, 12 сентября 1942

Сегодня отправил вам текст моего сообщения Идену.

Я не уверен, что настойчивое желание английского правительства видеть меня в Лондоне было вызвано только намерением уладить дела Леванта и урегулировать вопрос о Мадагаскаре.

Здесь кроется какой-то далеко идущий замысел. Наши союзники хотят, чтобы я был возле них не для консультаций, а скорее для того, чтобы контролировать меня. Однако я не думаю, что добрые намерения, выраженные Иденом относительно Леванта и Мадагаскара, были простым маневром.

Так как дело идет о главном вопросе, я не считаю возможным отказаться от возвращения в Лондон для его обсуждения. Однако я выеду только после того, как совершу поездку по Свободной Французской Африке. 14 сентября собираюсь посетить Форт-Лами, затем Дуалу, Либревиль, Пуэнт-Нуар, Браззавиль.

ТЕКСТ ФРАНКО-СОВЕТСКОГО СОГЛАШЕНИЯ ОТ 28 СЕНТЯБРЯ 1942

Французский национальный комитет довел до сведения советского правительства о своем желании именовать отныне «Сражающейся Францией» движение французов, где бы они не находились, не признающих капитуляции перед гитлеровской Германией и борющихся против нее за освобождение Франции. Советское правительство пошло навстречу этому пожеланию Французского национального комитета, как выражающему волю французских патриотов содействовать всеми доступными средствами совместной победе над гитлеровской Германией и над ее сообщниками в Европе. Советское правительство согласилось с Французским национальным комитетом о нижеследующих определениях:

1. «Франс комбатант» (Сражающаяся Франция) является совокупностью французских граждан и территорий, которые не признают капитуляции и которые всеми имеющимися в их распоряжении средствами способствуют, где бы они ни находились, освобождению Франции через совместную победу союзников над гитлеровской Германией и над всеми ее сообщниками в Европе.

2. Французский национальный комитет является руководящим органом Сражающейся Франции и единственным органом, обладающим правом организовывать участие в войне французских граждан и французских территорий и представлять их интересы при правительстве Союза Советских Социалистических Республик, особенно в той мере, в которой эти интересы затрагиваются ведением войны.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ МОНСЕНЬЕРУ ШРАМЕКУ, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Лондон, 29 сентября 1942

Господин председатель!

Имею честь довести до сведения чехословацкого правительства, что Французский национальный комитет, уверенный в том, что выражает чувства французской нации, союзника и друга Чехословакии, убежденный в том, что нынешний мировой кризис может только способствовать углублению дружбы и союза между французской и чехословацкой нациями, объединенными общей участью и переживающими период общих страданий и общих надежд, верный традиционной политике Франции, заявляет, что вопреки прискорбным событиям и недоразумениям в прошлом одна из основных целей политики Национального комитета состоит в достижении того, чтобы франко-чехословацкий союз вышел из тяжелых испытаний нынешнего всеобщего кризиса упроченным для будущего.

В соответствии с этим Французский национальный комитет отвергает соглашения, подписанные в Мюнхене 29 сентября 1938, и торжественно заявляет, что считает эти соглашения недействительными, так же как и все акты, совершенные во исполнение названных соглашений или явившиеся их следствием.

Не признавая никаких территориальных изменений в Чехословакии, происшедших в 1938 или позже, Французский национальный комитет обязуется сделать все зависящее от него, чтобы Чехословацкая Республика в своих досентябрьских границах 1938 получила полную и действительную гарантию в отношении ее военной и экономической безопасности, территориальной целостности и политического единства.

Примите, господин председатель Совета министров, уверения в моем глубоком уважении.

ПИСЬМО МОНСЕНЬЕРА ШРАМЕКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Лондон, 29 сентября 1942

Господин генерал!

В письме от 29 сентября 1942 вы сообщили мне, что Французский национальный комитет, уверенный в том, что выража-

ет чувства французской нации, союзника и друга Чехословакии, убежденный в том, что нынешний мировой кризис может только способствовать углублению дружбы и союза между чехословацкой и французской нациями, объединенными общей участью и переживающими период общих страданий и общих надежд, верный традиционной политике Франции, заявляет, что вопреки прискорбным событиям и недоразумениям в прошлом, одна из основных целей политики Национального комитета состоит в достижении того, чтобы франко-чехословацкий союз вышел из тяжелых испытаний нынешнего всеобщего кризиса упроченным для будущего.

Вы заявляете, что в соответствии с этим Французский национальный комитет отвергает соглашение, подписанное в Мюнхене 29 сентября 1938, и торжественно заявляет, что считает эти соглашения недействительными, как и все акты, совершенные во исполнение названных соглашений или явившиеся их следствием. Вы указываете также на тот факт, что Французский национальный комитет, не признавая никаких территориальных изменений в Чехословакии, происшедших в 1938 или позже, обязуется сделать все зависящее от него, чтобы Чехословацкая Республика в своих досентябрьских границах 1938 получила полную и действительную гарантию в отношении своей военной и экономической безопасности, территориальной целостности и политического единства.

От имени правительства Чехословацкой Республики я благодарю вас за это сообщение, так же как и за обязательства, принятые на себя Французским национальным комитетом в отношении Чехословакии, значение которых мы по достоинству оценили.

Чехословацкое правительство никогда не переставало считать французский народ союзником и другом чехословацкого народа и убеждено, что переживаемые нами тяжелые испытания приведут к укреплению этого союза и дружбы для великого блага обеих наших стран и всех наций и друзей мира.

Имею честь довести до вашего сведения, что правительство Чехословацкой Республики обязуется со своей стороны сделать все возможное, чтобы Франция вновь обрела свое могущество, независимость и целостность территорий метрополии и заморских владений, получила полную и действительную гарантию в отношении своей военной безопасности и

территориальной целостности и заняла в мире то место, на которое ей дают право великое прошлое и достоинство ее народа.

Примите, генерал, уверения в моем высоком уважении.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТ-
РУ, В БЕЙРУТ; ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ЭБУЭ И ГЕНЕРА-
ЛУ ЛЕКЛЕРКУ, В БРАЗЗАВИЛЬ; ГУБЕРНАТОРУ КУРНАРИ,
В ДУАЛУ**

Лондон, 5 октября 1942

29 сентября я вместе с Плевеном имел продолжительное свидание с Черчиллем и Иденом, которое прошло в очень неприятной атмосфере.

Английские министры, особенно Черчилль, вели беседу в раздраженном тоне, что вызвало с нашей стороны резкие ответы.

Что касается существа вопроса о Мадагаскаре и Сирии, беседа проходила так, будто английское правительство отказывалось изменить политику, проводимую его агентами в Бейруте и Дамаске, и откладывало исполнение своих обещаний относительно Тананариве.

Однако после этих вспышек, которые, видимо, вызвали некоторое беспокойство и у самих представителей английского правительства, они предложили нам начать переговоры по двум вопросам обычным дипломатическим путем. Мы приняли это предложение. Переговоры начались, но у меня сложилось впечатление, что англичане стараются выиграть время. Самопроизвольное, автоматическое водворение «Свободной Франции» на Мадагаскаре могло бы создать прецедент, который весьма затруднит наши действия, особенно если учитывать американские и даже английские планы относительно Северной и Западной Африки.

В то же время англичане могут попытаться произвести маневр изнутри, путем отождествления имеющихся затруднений с моей персоной. Наступил момент, когда стало необходимо, чтобы все французы, примкнувшие к Сражающейся Франции, проявили решимость и единодушие и сплотились вокруг Национального комитета.

Прошу вас урегулировать на месте отношения с английскими властями, доведя до их сведения следующее:

Во-первых, наша сплоченность надежна и, что бы ни случилось, в ней не появится трещины.

Во-вторых, абсолютно необходимо, чтобы англичане выполнили свои обязательства относительно Мадагаскара; в противном случае наше сотрудничество, даже локальное, станет невозможным.

В-третьих, справедливое возбуждение начинает охватывать наших людей, а также, как теперь стало известно, и общественное мнение во Франции.

В-четвертых, хотя мы соглашаемся и сами предложили провести переговоры между Национальным комитетом и английским правительством для координирования французской и английской политики на всем Среднем Востоке, мы не можем допустить вмешательства в дела нашего мандата в Сирии и Ливане.

Я высоко ценю работу наших радиостанций в Браззавиле, Дуале и Бейруте. Прошу вас немедленно ориентировать их работу в следующих направлениях:

1) не вызывая никаких расхождений между нами и англичанами, настаивать на том положении, которое англичане сами признали в согласии с нами, что управление Мадагаскаром обеспечивается Национальным комитетом;

2) ни одно французское должностное лицо или французский военнослужащий не имеет права по французским законам подчиняться какой бы то ни было иностранной власти. Единственным органом, имеющим право руководить администрацией и французскими вооруженными силами или контролировать их действия, является Французский национальный комитет.

Подтвердите получение этой телеграммы.

С дружеским приветом.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИКСЬЕ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 15 октября 1942

В ответ на ваш запрос посылаю указания, которые позволяют вам определить нашу позицию относительно присоединения Шарля Валлена.

1. Политические взгляды Шарля Валлена до июньской катастрофы 1940 не должны приниматься во внимание. Долг каждого француза – сражаться за Францию. А мы, мы не имеем права отказывать ему в этой возможности, раз уж он действует искренне.

2. Присоединение Валлена к режиму Виши – другое дело. Я сам поставил перед ним этот вопрос. Валлен, как и многие другие французы у нас и за границей, был обманут маршалом. В конце концов он понял это и решил встать в наши ряды без всяких оговорок и условий. Будучи пехотным офицером запаса, он настоятельно просил меня о разрешении служить, на что я дал согласие. Кроме того, он публично заявил, что был введен в заблуждение и осуждает режим Виши. Это вызвало во Франции значительный и благоприятный отзвук.

3. Добавлю, что члены «Круа де Фе» («Боевые кресты») были потрясены присоединением к нам Валлена – оно отражает эволюцию большей и лучшей части их организации. Петен теряет одну из своих главных опор. Этим нельзя пренебрегать.

4. Факторы, которыми мы руководствуемся и будем руководствоваться в отношении лиц, служивших Виши, следующие:

Люди, сотрудничающие с захватчиком, занимающие командные посты, подсудны военным трибуналам за сношения с врагом. Это особенно применимо ко всем членам правительства Петена.

Чиновники или военные, служившие Виши, используются нами по мере их присоединения, за исключением случаев, когда их позиция или личные действия имели предательский характер по отношению к национальной обороне или, что то же самое, по отношению к нам.

В отношении общественных деятелей применяются те же условия, учитывая, что в данном случае своевременность присоединения к нам имеет, конечно, значение при решении вопроса. В принципе мы намерены использовать их в армии.

5. Обращаю внимание на то обстоятельство, что настроения, возникшие в Соединенных Штатах среди французов и некоторых американцев в связи с присоединением Валлена, не имеют ничего общего с впечатлением, произведенным во Франции. Это лишний раз показывает, насколько различны реакции, с одной стороны, у людей, которые, находясь во Франции, сохраняют прежнее умонастроение, с другой – у французской массы, которая чувствует и рассуждает по-иному. Андре Филип даст вам точные сведения об этом деле. Разумеется, мы обязаны прежде всего считаться с чувствами и мнением французского народа в массе, к каким бы преходящим затруднениям за границей это ни привело.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЖАНУ МУЛЭНУ, ВО ФРАНЦИЮ

Лондон, 22 октября 1942

Дорогой друг!

Одновременное пребывание в Лондоне Бернара и Шарве* позволило установить взаимопонимание между обоими движениями Сопротивления и определить условия их деятельности под руководством Национального комитета.

Жаль, что вас не было здесь. Но принятые решения, я думаю, облегчат выполнение порученной вам миссии.

Вы должны возглавить комитет координации, в котором будут представлены три главных движения Сопротивления: «Комба», «Фран-тирёр», «Либерасьон». Кроме того, как представитель Национального комитета в неоккупированной зоне, вы будете осуществлять те политические контакты, какие сочтете уместными и нужными. Используйте для этой цели некоторых наших агентов, которые непосредственно вам подчинены.

Всем организациям Сопротивления, помимо трех основных движений, объединенных комитетом координации, следует предложить присоединять своих сторонников к одному из этих движений и вводить свои боевые отряды в части организуемой тайной армии. Следует избегать дробления на многочисленные маленькие группы, которые будут только мешать друг другу, соперничать между собой и создавать путаницу.

Еще раз заверяю вас в том, что вы пользуетесь моим полным доверием, и шлю вам дружеский привет.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ДЕЛЕСТ- РЭНУ, ВО ФРАНЦИЮ

Лондон, 22 октября 1942

Генерал!

Мне говорили о вас... Я был в вас уверен! просим вас обеспечить организацию и принять командование над тем, что является для нас самым важным.

---

*Бернар — псевдоним Эмманюэля д'Астье; Шарве — псевдоним Анри Френэ. — *Прим. ред.*

Как никто, вы обладаете необходимыми качествами для этого дела. Час пробил!

Обнимаю вас, генерал!

Мы воссоздадим французскую армию!

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПИСЬМА ЛЕОНА БЛЮМА КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Октябрь, 1942

Не разделяя чрезмерного оптимизма некоторой части общественного мнения, я считаю, что следует представить положение, которое может реально возникнуть еще до наступления зимы.

Нацистская Германия рухнет в военном, политическом и экономическом отношении. Оккупированная зона начинает подниматься в результате высадки англичан и американцев или даже независимо от этого. Немецкие оккупационные войска оттянуты или изгнаны, или уничтожены... Что же произойдет во Франции после или даже в самый момент освобождения? Какой режим и какая власть будут во Франции?

Я хочу предложить для рассмотрения несколько исходных данных, на мой взгляд неоспоримых:

1. Правительство и вся система Виши исчезают *ipso facto**. Вероятно, они не разложатся сами собой. Во всяком случае, от них ничего не должно остаться. Не имеет значения, если двойная игра Петена, который старается обезопасить себя на случай любого исхода войны, породила в некоторых кругах одураченных и обманутых. Перемирие, сдача Индокитая японцам, коллаборационизм Лавалья не могут быть ни забыты, ни прощены. Передача конституционных и законодательных полномочий национальной ассамблеи Виши недействительна, так как она основывается на сомнительном согласии. Следовательно, все мероприятия, проведенные в силу передачи полномочий, являются недействительными. Поэтому следует все начать заново.

2. Начать надо с того, чтобы незамедлительно сформировать действительно новое правительство. Счет надо будет вести не на дни, а на часы. Всякая неуверенность, промедление повлекут за собой серьезные беспорядки, затяжные кровопролитные репрессии, которые со своей стороны я хочу предупредить; могут произойти даже потрясения более грозного характера.

---

*ipso facto — в силу факта (лат.). — *Прим. ред.*

3. Задачи, поставленные перед этим правительством, и его полномочия будут преходящими. В освобожденной Франции принцип национального суверенитета будет восстановлен автоматически. Франция сама, суверенно определит форму и образ правления. Об этом надо сказать с самого начала твердо и определенно.

4. Временное правительство может быть сформировано только вокруг одного человека, вокруг одного имени — генерала де Голля. Он первый поднял волю Франции к сопротивлению и продолжает быть ее выразителем. Поэтому он будет необходимым человеком, даже единственной фигурой в тот момент, когда идея сопротивления и самый факт освобождения породят связь между французами. Только он может добиться добровольной дисциплины в этом священном союзе. Такова очевидная действительность, и я считаюсь с ней... Мне известно, что в отношении генерала де Голля существуют определенные опасения и даже недоверие; распускаются слухи о его прежних политических связях, о его теперешнем окружении; я знаю, что распространено глубокое отвращение ко всякой власти, имеющей вид единоличной власти военного типа. Я не разделяю подобных опасений. Но, не ссылаясь на свое личное доверие, я повторяю, что принцип национального суверенитета должен быть с самого начала провозглашен без каких бы то ни было ограничений и недомолвок. Я хочу добавить к этому, что переходное правительство Франции, возникающее между развалинами диктатур и восстанавливающимися демократиями, ни в коем случае не должно изолироваться, исключить себя из всеобщего движения в мире. Наконец, я утверждаю, что ни это правительство, ни сама Франция не смогут на протяжении долгих месяцев существовать — в самом точном смысле этого слова — без непрестанной помощи и поддержки англосаксонских демократий. Этой совокупности гарантий будет достаточно.

ИЗ ПИСЬМА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЕНАТА ЖЮЛЯ ЖАН-НЕНЭ КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Октябрь, 1942

К Временному правительству.

Бесчестию, которым покрыл себя режим Виши, придет конец в тот день, когда силы Сражающейся Франции и союзники приступят к освобождению французской территории.

Режим Виши претендовал решить задачу укрепления власти, но он подавлял гражданские свободы, заткнул рот Франции, установив ее абсолютизмом и бюрократией спекулянтов; само слово «республика» было упразднено.

Режим Виши повинен в заключении перемирия, которое было подписано якобы в условиях, не нарушавших чести и достоинства страны. Стоявшие у власти трусы и предатели тотчас же преступили его, а затем бесстыдно извратили. Они стали слугами врага, помогая ему в грабежах, угоне населения, убийствах. Истерзанная в своей плоти, в своей мысли, в своем историческом достоинии Франция с нетерпением ожидает момента, когда она сможет сказать свое слово и начать действовать. И только надежда на то, что этот час придет, дает ей силы выносить все это. Непрестанное и восторженное развитие голлизма, присоединение к нему отважной молодежи говорит о силе его воздействия.

Подавленное вначале его влияние приведет в дальнейшем к взрыву с неистовой силой. Появится риск, что дух репрессалий возьмет верх, открывая простор для смутьянов, грабителей, для анархии. Появится опасность настоящей гражданской войны. Гитлер в своей обреченности захочет увлечь Францию на путь распада и гибели. Лаваль попытается удержаться при помощи своих полицейских и иных войск. Несмотря на разочарование, которое, как говорят, эти войска могут ему принести, все же страну постигнут страшные потрясения, и ей будет нанесен огромный ущерб.

Нужен план действий, который может ослабить этот риск и был бы применим при различных обстоятельствах.

Отправным пунктом этого плана, естественно, должна быть восторженная встреча освободителей по их прибытии, овации, выражающие признательность им и веру в них, немедленное объединение их сил и внутренних сил Сопротивления, общее стремление быстрее изгнать недостоинных правителей и дать Франции новых.

Может ли быть создано новое правительство без нарушения республиканской законности?

В день «Д»* никакой новой конституции не появится. Поручение национальной ассамблеи от 10 июля 1940 обнародовать новую конституцию не будет выполнено.

Национальная ассамблея, как мандатарий, имеет право взять обратно данный ею мандат. Но тогда останется в силе конституционный акт № 3, по которому обе палаты могут собраться толь-

---

*День «Д» — условное обозначение начала десантных операций союзников, то есть открытия второго фронта на Западе — *Прим. ред.*

ко по приглашению главы государства. Таким образом, ассамблеи будут иметь право, но не будут располагать возможностью им воспользоваться.

Обойти? Созвать палаты? Но это явится нарушением законности. К тому же такой шаг был бы и неэффективным, так как созыв ассамблеи (для чего может понадобиться предварительный созыв сената и палаты) и ее деятельность не смогут быть осуществлены так быстро, как этого потребует создавшееся положение. Больше того, нет уверенности, что полемика в палатах будет одобрена страной; срок нормального мандата депутатов и трети сенаторов истек три года назад; программа, на основе которой выбирались те и другие, не имеет ничего общего с нынешним положением. Наконец, нельзя забывать, что в Виши 569 парламентариев (при 80 голосовавших против и 18 воздержавшихся) отреклись от конституции 1875. Итак, остается один выход: Рубикон.

Ввиду того, что национальный суверенитет ни юридически, ни практически не может быть поддержан существующим парламентом, сама нация должна взять эту задачу на себя.

К тому же повсюду (в Лондоне, Алжире и Нью-Йорке, как и здесь) говорится о том, что, как только Франция будет освобождена, сам народ определит свою политическую судьбу и путем свободных выборов учредит общественные институты и назначит руководителей по своему выбору.

Выборы станут возможными лишь по истечении некоторого срока, может быть, через несколько месяцев; придется ждать, пока будет установлен хотя бы минимальный порядок, вернутся военнопленные и будут составлены списки избирателей.

С этим все согласны, как и с тем, что придется прибегнуть к формированию переходного правительства, задача которого — подготовить выборы и управлять страной, пока они не будут проведены.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С МОРТОНОМ, НАЧАЛЬНИКОМ КАНЦЕЛЯРИИ УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ, 23 ОКТЯБРЯ 1942

Майор Мортон посетил генерала де Голля, чтобы передать поздравления премьер-министра в связи с недавними подвигами, совершенными экипажем подводной лодки «Жюнон» в Северном море, и успехами французских войск на египетском фронте. Он сообщил о тяжелых потерях, которые только что понесли эти войска: около 700 человек убитыми и ранеными.

«Премьер-министр только что говорил мне о вас, — сказал майор Мортон, — он выражал восхищение вами лично и тем делом, которое вы осуществили за два с половиной года».

Генерал де Голль просит майора Мортонна по возвращении передать Черчиллю поздравления с большими успехами, достигнутыми английскими войсками в Египте, и заверяет, что испытывает не меньшее восхищение премьер-министром и теми делами, которые он совершил за время пребывания у власти.

Майор Мортон говорит генералу де Голлю, что, просматривая на днях протоколы английского военного кабинета за последние два с половиной года, он заметил, что до дакарского дела английское правительство всегда точно следовало советам генерала де Голля, когда дело касалось отношений с Францией. Затем положение изменилось, и Мортон спрашивает генерала, чем он объясняет это.

Генерал де Голль признает, что действительно до дакарского дела считались с его мнением, за исключением, подчеркивает он, дела Мерс-эль-Кебира. Эту оговорку майор Мортон принимает. Что касается последующего, то генерал находит две причины для такой перемены: одна — основная, другая — непосредственная.

После Дакара английское правительство изменило свою политику. Оно сблизилось с Виши и с тех пор вступает с ним в сделки.

Другая причина — Сирия. Начиная с июня 1941, Франция и Великобритания схватились там, где они всегда были в состоянии конфликта.

Таковы две причины, которые, по мнению генерала де Голля, подвергли серьезному испытанию доброе согласие между Французским национальным комитетом и английским правительством.

Майор Мортон высказывает сожаление, что отношения не основываются на доверии, и выражает пожелание, чтобы с обеих сторон были приложены все усилия, способные изменить существующее положение.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПРЕЗИДЕНТУ ФРАНКЛИНУ РУЗВЕЛЬТУ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 26 октября 1942

Господин президент!

Андре Филип передаст вам это письмо. Он изложит условия, существовавшие во Франции к моменту его отъезда. К информации

Филипа о развитии и сплоченности групп французского Сопротивления и о состоянии умов в стране хочу добавить следующее:

Вы следили за моральной и политической эволюцией Франции начиная с 1918, Вы знаете, что Франция вынесла основную тяжесть последней войны и вышла из нее истощенной. Она глубоко почувствовала, что появившееся в результате этого состояние относительной неполноценности подвергает ее серьезной опасности. Страна убедилась в необходимости сотрудничать с союзниками, чтобы компенсировать свою неполноценность и создать равновесие сил.

Вам известно, в каком состоянии находилась Франция, когда она так нуждалась в этом сотрудничестве. Ее одолевали сомнения в реальности поддержки, которую она могла бы получить против противника прошлых дней и противника в будущем. Эти сомнения и породили политику колебания и непостоянства и негодную стратегию, которые и предопределили наше поражение. Ошибки в области внутренней политики, разногласия и злоупотребления, мешавшие деятельности наших институтов, — все это только побочные причины, существующие наряду с указанным основным фактом.

Франция глубоко переживает чувство унижения, которому она подверглась, и несправедливости судьбы, которые она испытала. Вот почему Франция хочет вновь занять свое место в бою, и в ожидании этого момента она не должна испытывать чувство заброшенности и отрешенности. Она должна почувствовать, что является одной из тех стран, усилия которых приведут к победе. Это важно, когда война идет, и особенно будет важно после войны.

Если Франция, освобожденная в результате победы демократий, почувствует себя побежденной нацией, то можно серьезно опасаться, что ее горечь, ее унижение и ее раздоры толкнут страну не к демократиям, а к другим влияниям. Вы знаете каким. Это опасность не воображаемая: ведь социальная структура нашей страны будет расшатана испытанными ею лишениями и ограблением ее богатств. Ненависть к «немцу», сильная сейчас перед присутствующим немцем-победителем, ослабнет, когда побежденный немец не будет на глазах. Мы уже наблюдали это после 1918. Во всяком случае, какому бы влиянию ни подверглась Франция, оказавшись в условиях революционной ситуации, реконструкция в Европе и даже послевоенное устройство мира вследствие этого могли бы принять неправильное направление. Победа должна примирить Францию с самой собою и с ее друзь-

ями, а это невозможно, если Франция не будет участвовать в достижении победы.

Вот почему, если военные силы Сражающейся Франции будут увеличены только на несколько батальонов приверженцев партии свободы или даже будут подкреплены присоединением части Французской империи, все же возможности Сражающейся Франции окажутся ничтожными в условиях большой задачи: включить в войну всю Францию в целом.

Вы скажете мне: «Почему вы ставите такую цель? На чем основано ваше право делать это!»

В момент вишистского перемирия я, в сущности, оказался участником невиданных событий. Входя в состав последнего законного и независимого правительства Третьей республики, я во всеуслышание заявил, что хочу поддержать участие Франции в войне. Правительство, овладевшее властью в обстановке царивших в стране отчаяния и паники, приказало: «Прекратите сражение!» Во Франции и за ее пределами депутаты и сенаторы, представители правительства, председатели ассамблей покорились или хранили молчание. Если бы президент республики, если бы парламент и его руководители призвали страну продолжать борьбу, я даже не подумал бы обращаться к стране или говорить от ее имени. Политические деятели, высшие военные руководители могли, при определенных условиях, свободно говорить и действовать, например, в Северной Африке. Но они ни разу не высказали ни своего убеждения в возможности продолжить войну, ни верности своему мандату, который давал им возможность это сделать. Произошло банкротство элиты — таков неоспоримый факт. Французский народ по-своему уже пришел к такому выводу. Но как бы то ни было, я был одинок. Следовало ли мне молчать?

Вот почему я предпринял шаги, казавшиеся мне необходимыми для того, чтобы Франция не прекращала борьбы, для того, чтобы призвать всех французов во Франции и вне ее продолжать битву. Нужно ли говорить, что я сам и мои соратники никогда не выдавали себя за правительство Франции? никоим образом. Мы считали себя временной властью, ответственной перед будущим национальным представительством и применяющей законы Третьей республики.

Я никогда не был политическим деятелем. Всю жизнь я был поглощен своей специальностью. Перед войной я пытался заинтересовать моими идеями политических деятелей, я это делал с единственной целью: в интересах страны склонить их к осуществ-

лению одного чисто военного плана. В момент заключения вишистского перемирия я обратился к стране прежде всего с военным призывом. Но, так как на наш призыв отвечало все больше и больше людей, так как все больше и больше территорий присоединялось к Сражающейся Франции и так как нам все чаще приходилось принимать решения в качестве определенной организации, мы увидели, что на нас ложится более значительная ответственность. Мы увидели, что во Франции возникает что-то вроде мистики, центром которой являемся мы и которая постепенно охватывает все элементы Сопrotивления. Таким образом, силой обстоятельств мы сделали духовной сущностью французов. Такова действительность, и она породила серьезные обязанности для нас; уклониться от них было бы преступлением против страны. В этом случае мы не оправдали бы надежд, возлагаемых на нас французским народом.

Нам говорят, что мы не должны заниматься политикой. Если под этим подразумевается, что нам не надлежит принимать участие в междоусобной борьбе, столь характерной для прошлого, или навязывать стране какие-либо институты, то мы не нуждаемся в таких советах, так как такие притязания противоречат нашему собственному принципу. Но мы не отступаем перед словом «политика», когда дело идет о сплочении в войне не каких-нибудь нескольких воинских частей, но всего французского народа, когда с нашими союзниками обсуждаются жизненные интересы Франции, — в то самое время, как мы защищаем эти интересы от врага. Кто же, кроме нас, мог бы представлять эти интересы? Или, может быть, хотят, чтобы Франция оставалась немой во всем, что касается ее дел? Или, может быть, хотят, чтобы ее дела обсуждались с Объединенными Нациями людьми Виши в той мере и форме, которые Гитлер сочтет подходящими? С нашей стороны нет и речи о недоверии к союзникам, но нами руководят и над всем доминируют следующие три факта: только французы, и одни они, могут определять свои интересы, они одни могут быть судьями в этих делах; французский народ, конечно, убежден, что мы говорим за него с союзниками, так же как мы сражаемся за него рядом с союзниками; в своем несчастье французы особенно чувствительны к судьбам своей империи. Даже видимость нарушения кем-либо из союзников их прав в этой области используется врагом и режимом Виши с целью задеть национальные чувства французов.

Раз такие беспрецедентные в нашей истории обстоятельства возложили на нас большую задачу, есть ли основание говорить,

что мы собираемся навязать Франции личную власть, как об этом поговаривает кое-кто за границей? Если бы питали такие низкие чувства и стремились обманным путем лишить французский народ его свободы в будущем, мы тем самым продемонстрировали бы полное незнание своего собственного народа. Французский народ по самой своей природе не приемлет личной власти. Навязать ему ее никогда не было просто. Но на другой день после гнусного опыта Петена, создавшего при содействии немцев режим личной власти и угнетения французов, после тяжелых лет оккупации абсурдно воображать, будто во Франции можно ввести и осуществлять личную власть. Тот, кто попытался бы совершить такой шаг, возбудил бы против себя единодушное негодование, каковы бы ни были его заслуги в прошлом.

Но никто во Франции и не приписывает нам стремления к диктатуре. Я мог бы сослаться не только на таких людей, как Жуо, председатель Всеобщей конфедерации труда, как Эдуард Эррио, руководитель партии радикалов, Леон Блюм, лидер социалистической партии, но даже на руководителей коммунистической партии, которые предоставили себя в наше распоряжение и заявили, что мы можем рассчитывать на них в наших действиях, цели которых они безоговорочно одобряют. Даже наши противники не только из числа людей Виши, но и всякие Дорио и Дза никогда не обвиняли нас в стремлении к диктатуре. Они упрекают нас в том, что мы якобы являемся наемниками на содержании демократий. Но они никогда не упрекали нас в желании установить во Франции несовместимую с демократией власть личности.

Я позволю себе сказать вам, господин президент, что в этой войне, безмерные масштабы которой требуют сотрудничества и союза между всеми теми, кто борется против общих врагов, мудрость и справедливость предписывают, чтобы Сражающейся Франции была оказана большая реальная помощь. Но независимо от моральной и материальной поддержки, которую союзники могут нам оказать, мы, не упрощая признать нас в качестве правительства Франции, все же считаем необходимым, чтобы к нам обращались каждый раз, когда дело пойдет о жизненных интересах Франции, или ее участии в войне, или об управлении французскими территориями, которые не могли сразу присоединиться к нам и которые по мере развертывания войны постепенно получают возможность вновь участвовать в военных усилиях.

Ваше имя и ваша личность имеют во Франции огромный и неоспоримый авторитет. Франция знает, что может рассчитывать на

вашу дружбу. Но кто же в вашем диалоге с ней может быть вашим собеседником? Может быть, Франция прошлых лет? Но самые представительные ее деятели хотят смешаться с нами. Не Франция ли Виши? Может быть, вы думаете, что ее руководители когда-нибудь смогут взяться за оружие, перейдя на нашу сторону? Увы, я этого не думаю. Но, даже допуская, что это было возможно в прошлом, теперь надо исключить такую возможность, ибо они сотрудничают с Гитлером. При ваших диалогах с ними всегда присутствует этот третий. Может быть, это Франция завтрашнего дня? Но где и какой будет она, эта Франция, коль скоро ее руководители не будут названы свободно избранной ассамблеей. Тем временем не следует ли дать французской нации доказательство того, что она не покинута лагерем союзников и, несмотря ни на что, представлена в нем такой, какая она есть, представлена нами в политическом, военном и территориальном отношении?

Мне рассказывали, что окружающие вас лица опасаются, что признанием нашего существования вы можете помешать участию в войне некоторым деятелям, особенно военным, которые в настоящее время зависят от правительства Виши. Неужели вы думаете, что игнорируя сражающихся французов и оставляя их в одиночестве и без поддержки, вы сможете привлечь кого-либо к участию в войне? С другой стороны, какая опасность появилась бы для Франции, если бы ее союзники спровоцировали разъединение страны, поощряя образование враждебных друг другу ее частей, одних — нейтрализованных с согласия самих союзников, других — борющихся в одиночку за ту же родину! Наконец, разве не показали более чем двухлетние испытания, что все, что отделяется от Виши, либо присоединяется к Сражающейся Франции, либо обрекается на мелочное существование в качестве изолированных одиночек. Французский народ в своем крайне тяжелом положении имеет лишь один выбор — сражаться или капитулировать. Для него борьба олицетворяется Сражающейся Францией, и он инстинктивно стремится к сплочению вокруг тех, в ком он видит символ своих стремлений. В этом и надо искать объяснение того факта, что, несмотря на невероятные трудности, в которых более двух лет живет и борется Сражающаяся Франция, она укрепила и сплотила свои ряды.

Несмотря на капитуляцию и перемирие, Франция сохраняет в мире мощь, которой нельзя пренебрегать. Вопрос идет о том, каким образом Франция снова вступит в войну в лагере Объединенных Наций, преисполненная заботы сохранить свое достоинство

и свое единство. Среди проблем войны эта проблема является одной из самых важных. Вот почему я прошу вас согласиться с нашей идеей необходимости обсуждения отношений между Соединенными Штатами и Сражающейся Францией. Какова бы ни была форма обсуждения, я не думаю, что существует другой способ искренне подойти к решению задачи, которая, как я глубоко убежден, должна быть разрешена в интересах священного дела, за торжество которого мы боремся.

Прошу вас, господин президент, принять уверения в моем высоком уважении*.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С МАРШАЛОМ СМЭТСОМ, ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ ЮЖНО-АФРИКАНСКОГО СОЮЗА, 30 ОКТЯБРЯ 1942

(Записана канцелярией генерала де Голля)

Генерал де Голль поздравляет маршала Смэтса с успешной поездкой в Лондон.

Маршал Смэтс напоминает генералу де Голлю о письме, которое он написал ему из Южной Африки, советуя вернуться в Лондон и снова встретиться с Черчиллем. Он счастлив, что генерал де Голль возобновил этот контакт, он знает, что ведутся переговоры.

Генерал де Голль отвечает, что он действительно возобновил контакт с Черчиллем, но этот контакт не привел к удовлетворительным результатам. Переговоры ведутся по двум главным вопросам: о Сирии и Мадагаскаре.

Маршал Смэтс заявляет, что он не знаком с проблемой Леванта. Но зато он очень хорошо осведомлен относительно положения на Мадагаскаре. Он всегда рекомендовал английскому правительству передать гражданское управление островом Французскому национальному комитету, а английским военным властям взять на себя военный контроль. Он думает, что сейчас рассматривается подобный план. Маршал Смэтс заявляет, что он всегда был защитником того дела, которое воплощает генерал де Голль. Все прежние государственные деятели Франции исчезли с политической арены. Генерал де Голль и Французский национальный комитет представляют единственную организацию, с

---

*Это письмо осталось без ответа. — Прим. ред.

которой союзники могут обсуждать дела Франции. Выбора нет. Во время недавних переговоров с Черчиллем и его коллегами из военного кабинета маршал Смэтс настойчиво отстаивал эту точку зрения. Впрочем, сказал он, это мнение разделяется всеми.

Возвращаясь к вопросу о Мадагаскаре, генерал де Голль говорит, что надеется в конечном счете прийти к согласию. В первое время представители английской армии на Мадагаскаре и некоторые политические чиновники думали, что смогут поладить с властями Виши, а если это не удастся, создать свою администрацию. Опыт показал, однако, что эти планы оказались неосуществимыми.

Маршал Смэтс замечает, что, в самом деле, англичане сначала не хотели договориться с Аннэ. Лично маршал всегда противился такому методу и был заранее уверен в его отрицательных результатах, так как генерал-губернатор Аннэ назначен Виши именно для оказания противодействия англичанам. Но когда англичане, учтя провал своих планов, решили перейти к военным действиям, они тем самым, и в этом маршал Смэтс убежден, пришли к выводу о необходимости передать гражданское управление островом Французскому национальному комитету с оговоркой о сохранении за собой военного контроля.

Генерал де Голль допускает, что военное командование в настоящее время должно быть вверено англичанам, так как французские военные власти пока не в состоянии обеспечить защиту острова имеющимися у них силами. Но, как только Франция будет располагать достаточным количеством войск, военное командование должно перейти к французам. Маршал Смэтс, продолжает генерал де Голль, сейчас сказал, что Мадагаскар занимает важное стратегическое положение в Индийском океане и поэтому англичане заинтересованы в осуществлении там своего военного контроля. Но генерал де Голль считает нужным заметить маршалу Смэтсу, что этот остров является французским владением и поэтому французы не меньше заинтересованы в обеспечении его защиты.

Маршал Смэтс отвечает, что очень хорошо понимает эту точку зрения и думает со своей стороны, что в будущем ничто не должно помешать осуществлению такой формулы. Нет оснований, добавляет он, чтобы Французский национальный комитет и английское правительство не достигли соглашения по этому вопросу, как и по другим, потому что англичане совершенно не помышляют о Мадагаскаре и о других французских владениях. Что касается Южной Африки, то единственный вопрос, который ее занимает, — это возможно быстрое установление торговых отношений с Мадагаскаром.

Генерал де Голль спрашивает маршала Смэтса, думает ли он, что намеченные торговые соглашения будут заключены непосредственно между Французским национальным комитетом и южноафриканским правительством или же последнее предоставит английскому правительству руководить заключением этих соглашений. Маршал Смэтс не видит препятствий к заключению прямого соглашения между Французским национальным комитетом и его правительством.

Маршал Смэтс спрашивает генерала де Голля, существуют ли какие-нибудь противоречия между американским правительством и Французским национальным комитетом.

— Определенно выраженных противоречий не существует, — отвечает генерал де Голль. Но политика, проводимая американским правительством в течение двух с половиной лет в отношении Виши, мешала установить удовлетворительные отношения между американским правительством и Французским национальным комитетом. Во всяком случае, генерал де Голль надеется, что эти трудности постепенно исчезнут.

Генерал де Голль спрашивает маршала Смэтса, каково его мнение о войне в Египте.

Маршал настроен оптимистически. Он видел генерала Александера в Каире и считает, что если англичане будут продолжать оказывать такой же сильный нажим, как в настоящее время, им удастся в конце концов поставить немцев с их малыми запасами бензина и боеприпасов в затруднительное положение.

Маршал Смэтс продолжает думать, что для союзников существенно важно привлечь всю Северную Африку к участию в войне, причем такая операция должна произойти к концу года. Он полагает, что Французскому национальному комитету должно быть официально предложено взять на себя управление всеми этими территориями.

«Мы находимся на противоположных концах Африки, — сказал он генералу де Голлю, — и мы должны протянуть друг другу руки над этим континентом, чтобы работать совместно».

Маршал Смэтс все же спрашивает генерала де Голля, располагает ли он необходимыми людьми для управления Северной Африкой.

Генерал де Голль отвечает, что в числе других он имеет генерала Катру, человека большого масштаба, специалиста по этим районам.

Заканчивая беседу, маршал Смэтс просит генерала де Голля не придавать слишком большого значения внезапным переменам в настроении Черчилля.

«Я знаю Черчилля очень давно, — сказал он. — Впервые мы встретились — он был еще почти ребенком, — когда мы взяли его в плен во время англо-бурской войны. В нем заложено очень хорошее начало».

ТЕЛЕГРАММА АДРИЕНА ТИКСЬЕ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 4 ноября 1942

1. Корделл Хэлл принял меня и Филипа сегодня утром в присутствии Атертона. Поблагодарив Корделла Хэлла за постоянно выражаемое им сочувствие французскому народу, Филип кратко рассказал ему о происхождении французского внутреннего Сопротивления, о его внешней ориентации, о его объединении вокруг генерала де Голля, о враждебном отношении Сопротивления не только к захватчику, но и к режиму Виши. Филип старался подчеркнуть, что старые политические партии рухнули, а те их деятели, которые продолжали участвовать в Сопротивлении, также присоединились к генералу де Голлю, что после освобождения новая французская демократическая республика будет управляться лидерами из молодого поколения.

2. Корделл Хэлл тепло поблагодарил Филипа за его визит, выразил радость в связи с сообщениями о расширении внутреннего Сопротивления и о его подлинно демократических принципах. Он заверил, что никогда не отчаивался относительно будущего французского народа, который, как он убежден, покажет себя достойным своего великого прошлого.

3. Никакой дискуссии не завязалось, Корделл Хэлл знает, что мы в скором времени увидим президента, и руководитель государственного департамента ожидает результата этого свидания.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С ИДЕНОМ 6 НОЯБРЯ 1942

(Записана канцелярией генерала де Голля)

Присутствовал Стрэнг.

Иден предлагает генералу де Голлю опубликовать коммюнике о направлении генерала Лежантийома на Мадагаскар для руко-

водства администрацией в Тананариве от имени Французского национального комитета.

Генерал де Голль отвечает, что, по его мнению, было бы лучше сначала заключить соглашения о Мадагаскаре, а затем опубликовать коммюнике. Для обеих сторон было бы досадно, что после официального назначения генерала Лежантийома пройдет еще много времени, пока будет заключено соглашение.

Обращаясь к Стрэнгу, Иден говорит, что он предпочитает предложение генерала де Голля и просит Стрэнга увидеться немедленно с Плевеном, чтобы ускорить ход переговоров.

Генерал де Голль обращает внимание Идена на то, что в момент, когда Французский национальный комитет готовится взять на себя ответственность перед лицом Франции и всего мира за управление Мадагаскаром, ему совершенно не известно, что происходит на острове. Комитет не получает никаких сведений ни об административном, ни об экономическом, ни о военном положении на острове.

Иден снова обращается к Стрэнгу и говорит ему, что желательно держать Французский национальный комитет в курсе дела и что следует просить военное ведомство предоставлять Комитету все сведения, которыми оно располагает.

Перед уходом генерал де Голль поздравляет Идена с великолепными успехами, достигнутыми английскими войсками в Египте во время сражения при Эль-Аламейне.

ТРАГЕДИЯ

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КАТРУ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Бейрут, 28 октября 1942

Наступление на Химеймат, предписанное 8-й армии, было проведено 23 и 24 октября силами Иностранного легиона... Легиону удалось прорваться в расположение неприятельских позиций, но он был отброшен контратакой танков... Генерал Кениг реорганизует легион, который сохранил свой боевой дух и не желает оставаться на месте. Наши потери чувствительны. Среди убитых полковник Амилаквари. Среди раненых майор де Боллардьер.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КАТРУ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Бейрут, 7 ноября 1942

4 ноября 8-я армия начала преследование неприятеля в южном секторе.

Механизированная колонна полковника Реми прочесывает край впадины Катарра.

1-ю легкую дивизию, которая двигалась до сих пор в первых рядах, обогнали другие части, и теперь она продвигается во втором эшелоне.

2-я легкая дивизия продвигается в схватках. Сохраняется высокий боевой дух...

ТЕЛЕГРАММА НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА ГЛАВНОМУ И ПОЛНОМОЧНОМУ ДЕЛЕГАТУ В ЛЕВАНТЕ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ; ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ СВОБОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКИ ГЕНЕРАЛУ ЛЕКЛЕРКУ; ВЕРХОВНОМУ КОМИССАРУ В РАЙОНЕ ТИХОГО ОКЕАНА АДМИРАЛУ Д'АРЖАНЛЬЁ; ДЕЛЕГАТАМ СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ ПРИ СОЮЗНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВАХ

Лондон, 8 ноября 1942

1. В беседе, которую Черчилль имел сегодня с генералом де Голлем, он выразил последнему свое сожаление, что не мог заранее сообщить об операциях, которые только что были проведены в Северной Африке. Причина заключается в том, что эти операции, предложенные американцами, были осуществлены в основном под американским руководством и американскими войсками, в то время как английская помощь вначале ограничилась действиями флота и авиации. В дальнейшем предусмотрено, что крупные английские части присоединятся к американцам. Несколько месяцев назад, сообщая Черчиллю о своем стратегическом плане, президент Рузвельт подчеркнул свое желание, чтобы сражающиеся французы не были посвящены в этот секретный план. Премьер-министр не мог сделать ничего другого, как дать обещание на этот счет.

2. Американцы рассчитывали, что имени генерала Жиро будет достаточно, чтобы к ним присоединились войска Северной Африки и прекратили сопротивление. Еще слишком рано говорить о том, был ли их расчет верен.

3. Генерал Жиро, продолжал премьер-министр, выполняет в данное время чисто военную задачу. Английское правительство надеется избежать разногласий между французами, желающими продолжать борьбу вместе с союзниками, и считает, что не следует вмешиваться в вопросы личного характера, которые должны быть урегулированы самими французами. Но есть пункт, которого с твердостью придерживается английское правительство; оно признает только за генералом де Голлем и Французским национальным комитетом право организации и объединения всех французов, желающих помочь делу Объединенных Наций. Поэтому английское правительство намерено и далее оказывать свою поддержку Сражающейся Франции. Премьер-министр говорил об этом с особой теплотой, проявляя исключительное расположение к генералу де Голлю.

4. Генерал де Голль ответил премьер-министру, что его постоянной целью было вовлечь в борьбу на стороне союзников возможно большее число французов и французских территорий; что Сражающаяся Франция хотела только собрать всех желающих снова участвовать в боевых действиях; что вопрос имен и лиц не имел значения и он заботился лишь об интересах родины. Полагая, что союзники не питают никаких притязаний на французские территории в Северной Африке, он желает, чтобы союзным войскам, прибывшим туда для освобождения французов, оказывался наилучший прием.

Именно в этом смысле генерал будет говорить сегодня вечером в своем выступлении по лондонскому радио.

5. Дошедшие сюда сведения о событиях в Северной Африке, хотя еще не позволяют сделать окончательных выводов, все же доказывают, что степень успеха предпринятых действий не соответствовала надеждам американцев. По полученным сведениям, высадившиеся войска получают помощь главным образом от голлистских элементов.

6. Английское правительство и Национальный комитет немедленно опубликуют общее коммюнике о том, что управление Мадагаскаром передается Сражающейся Франции и что генерал Лежантийом назначен верховным комиссаром, на которого возлагается как гражданская власть, так и командование войсками в колонии.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 8 НОЯБРЯ 1942 ГЕНЕРАЛОМ ДЕ ГОЛЛЕМ В ЛОНДОНЕ ПО РАДИО

Союзники Франции решили вовлечь Французскую Северную Африку в освободительную войну. Они приступили к высадке громадных сил, стремясь превратить наш Алжир, наше Марокко и наш Тунис в исходные базы для освобождения Франции. Наши американские союзники возглавляют осуществление этого плана.

Момент выбран хорошо. Английские союзники с помощью французских войск в настоящий момент изгнали из Египта немцев и итальянцев и вступают в Киренаику. С другой стороны, наши русские союзники окончательно сломали большое наступление врага на Волге и на Кавказе. Наконец, весь французский народ, сплотившись в Сопротивлении, ждет случая, чтобы подняться как один человек.

Сражающаяся Франция, которая уже включила в священную войну часть империи, всегда надеялась и всегда хотела, чтобы вся остальная ее часть сделала то же самое. Вся остальная часть! Это

особенно относится к Французской Северной Африке, где когда-то нас осеняли знамена славы и где теперь имеются такие силы!

Французские командиры, солдаты, моряки, летчики, чиновники, французские колонисты в Северной Африке, подымайтесь! Помогайте нашим союзникам! Без всяких оговорок присоединяйтесь к ним. Борющаяся Франция закликает вас. Не думайте ни об именах, ни о формулах. Только одно имеет значение: спасение родины! Сражающиеся французы заранее одобряют, принимают и приветствуют всех, кто имеет мужество снова подняться вопреки врагу и предательству. Отнеситесь с презрением к призывам предателей, которые хотят вас убедить, будто союзники намерены захватить для себя нашу империю.

За дело! Настала великая минута! Настал час благоразумия и мужества! Повсюду враг колеблется и теряет силу. Французы Северной Африки! С вашей помощью мы снова вступим в дело от одного конца Средиземного моря до другого, и победа будет одержана благодаря Франции!

ТЕЛЕГРАММА НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА АДРИЕНУ ТИКСЬЕ, ДЕЛЕГАТУ В ВАШИНГТОНЕ

Лондон, 10 ноября 1942

1. После свидания с генералом де Голлем адмирал Старк посетил этой ночью Черчилля и выразил ему свое личное сожаление по поводу отсутствия согласованности в действиях всех французских патриотов, желающих бороться за освобождение, и особенно по поводу отсутствия согласованности между генералом де Голлем и генералом Жиро. По мнению адмирала Старка, необходимо всячески облегчить генералу де Голлю отправку делегатов в Алжир.

2. Черчилль заметил адмиралу Старку, что необходимая помощь должна быть оказана американским командованием, так как оно руководит операциями; на это адмирал Старк ответил Черчиллю, что если бы премьер-министр телеграфировал непосредственно президенту Рузвельту, президент последовал бы его совету. Премьер-министр возразил, что он не хочет проявлять никакой инициативы без согласия генерала де Голля.

3. Поставленный в известность о вышесказанном, генерал де Голль написал премьер-министру следующее письмо:

10 ноября 1942

«Дорогой премьер-министр!

Прошу вашего содействия в деле отправки Французским национальным комитетом информационной миссии, которая будет состоять при французах Северной Африки.

Главное усилие Французского национального комитета полностью направлено на осуществление объединения Франции и империи в войне на стороне союзников.

В связи с этим мы считаем необходимым, чтобы Французская Северная Африка стала частью того политического и военного целого, которое включает в себя, в частности, территории империи, уже участвующие в войне, и французское Сопротивление.

Вот почему я спешу направить представителей в Северную Африку, чтобы изложить эту точку зрения французам, и генералу Жиро в особенности.

Эта миссия тем более необходима, что генерал Жиро, быть может, недостаточно информирован о подлинном положении дел в национальном и международном плане.

Я бы хотел, чтобы в состав этой миссии вошли следующие лица:

Рене Плевен, национальный комиссар по иностранным делам и по делам колоний;

подполковник Бийотт, начальник моей канцелярии;

Бернар и Шарве, недавно прибывшие из Франции, соответственно возглавляющие организации Сопротивления "Либерасьон" и "Комба".

Искренне ваш».

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЛАВНОМУ И ПОЛНОМОЧНОМУ ДЕЛЕГАТУ В ЛЕВАНТЕ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ; ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ СВОБОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКИ ЭБУЭ; КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ В СВОБОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКЕ ГЕНЕРАЛУ ЛЕКЛЕРКУ; ВЕРХОВНОМУ КОМИССАРУ В РАЙОНЕ ТИХОГО ОКЕАНА АДМИРАЛУ Д'АРЖАНЛЬЁ; ДЕЛЕГАТАМ СРЯЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ ПРИ СОЮЗНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВАХ

Лондон, 10 ноября 1942

Американцы держатся за Жиро, полагая, что одно его имя заставит пасть стены Иерихона. Жиро не связался со мной... В ре-

зультате ни одна войсковая часть не присоединилась к нему. Хотя я и очень ценю военные качества Жиро, я все же считаю его мало подготовленным для выполнения той сложной задачи, которую он хочет взять на себя. Тем более что он согласился принять свои полномочия от американцев, что неприемлемо для французов, будь они вишистами или голлистами. Заключение: мы занимаем в настоящее время выжидательную позицию в отношении генерала Жиро.

КОММЮНИКЕ, ОПУБЛИКОВАННОЕ СОВМЕСТНО С АНГЛИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И ФРАНЦУЗСКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ ОТНОСИТЕЛЬНО МАДАГАСКАРА

11 ноября 1942

В настоящее время ведутся переговоры между английским правительством и Французским национальным комитетом о решениях, которые необходимо принять относительно Мадагаскара.

Французский национальный комитет назначил генерала Лежантийома верховным комиссаром на Мадагаскаре. Дивизионный генерал Лежантийом в ближайшее время приступит к исполнению своих обязанностей.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ, В БЕЙРУТ

Лондон, 11 ноября 1942

Во Французской Северной Африке создано крайне запутанное положение.

Вопреки надеждам американцев к Жиро никто не присоединился; это объясняется тем, что он прибыл в обозе американцев в полном одиночестве, а также тем, что его обвиняют в измене маршалу, которому он 4 мая письменно обещал повиноваться. Что касается Дарлана, то он ведет свою собственную игру. Он сдался в плен в Алжире, потом оказывал разные услуги американцам. Именно он вел переговоры с американцами о перемирии для города Алжира. Именно он, будучи в плену, отдал приказ о прекращении военных действий во всей Северной Африке, которому,

впрочем, еще не все подчинились. Что касается флота, он, кажется, и сейчас находится в Тулоне, хотя немцы могут появиться там с минуты на минуту. Ногес также ведет свою игру и хочет остаться в Марокко со своими войсками, сохранить Марокко для Франции, позволяя в то же время американцам пользоваться портами и аэродромами. Намерения американцев относительно Марокко и Туниса вызывают беспокойство. Что касается Буассона, то он связан с Ногесом и рассчитывает использовать его игру.

Все это некрасиво. Я думаю, что через некоторое время все это будет извергнуто и мы окажемся единственно чистоплотной и эффективной организацией... В этих условиях я предпочитаю не посылать Жиро телеграмму, о которой вы меня просите. Она может быть плохо истолкована.

Наконец, если нет из ряда вон выходящих обстоятельств, я прошу вас немедленно приехать в Лондон для совещания со мной и с Национальным комитетом. Но я убедительно прошу вас не принимать возможных предложений, исходящих из чуждой нам среды, и не проезжать через Алжир. Это может все испортить. наилучшие пожелания.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С АДМИРАЛОМ СТАРКОМ 12 НОЯБРЯ 1942

(Записана канцелярией генерала де Голля)

Генерал де Голль благодарит адмирала Старка за оказанное им содействие в отправке французской делегации в Алжир. Делегации поручено связаться на месте с французами, осветить им создавшееся положение с позиций Национального комитета и затем доложить обо всем генералу де Голлю.

Затем генерал просит адмирала Старка дать ему разъяснения по некоторым важным вопросам.

С точки зрения стратегии, хотя генерал и одобряет полностью намерения союзников, и особенно Соединенных Штатов, сделать Французскую Северную Африку исходной базой, он в то же время принимает во внимание не только военную сторону вопроса, но и то, что эта операция находит глубокие отклики во французском общественном мнении. А французское общественное мнение является основным элементом союзной стратегии, и генерал де Голль озабочен им больше, чем всем другим. Генерал де Голль имеет основание думать, судя по последним донесени-

ям, что общественное мнение серьезно встревожено происходящими событиями.

Адмирал Старк разделяет эту точку зрения и прекрасно понимает, какие моральные и политические последствия может иметь операция в Северной Африке в ее существующем виде. Он заявляет, что очень озабочен этим.

Генерал де Голль различает две последовательные фазы в мерах, принятых союзниками в отношении Северной Африки.

В первой фазе американское командование привело с собой одного французского генерала, которому поручили как верховное командование французскими войсками, так и гражданское управление территориями. Затем, во второй фазе больше не упоминалось об этом французском генерале и американское командование вступило в сделку с адмиралом Дарланом.

Генерал де Голль хотел бы получить разъяснения о позиции, которую заняли американские власти по отношению к Дарлану.

Адмирал Старк заявляет, что, к сожалению, не располагает точными сведениями по этому вопросу. По его словам, американские власти рассчитывали сначала извлечь пользу из факта присутствия генерала Жиро. Затем адмирал Старк не без некоторого удивления узнал из прессы, что американские власти ведут переговоры с адмиралом Дарланом. Но Старк не уверен, что они предполагают признавать его власть в течение продолжительного времени.

По мнению генерала Старка, верно только одно. Все, что делалось до сих пор, имело временный характер, и вопрос об управлении Северной Африкой остается открытым. С этой точки зрения адмирал Старк одобряет отправление в Алжир делегации Французского национального комитета.

Генерал де Голль сообщает адмиралу Старку свое мнение об этом деле в целом. Он считает, что фаза с участием Жиро не была удачной.

Он недоволен тем, что генерал Жиро написал известное письмо маршалу Петену и после этого был вынужден нарушить свой долг чести.

Он недоволен тем, что генерал Жиро не вошел в контакт с Французским национальным комитетом и действовал в одиночку.

Французское общественное мнение отнеслось неодобрительно к тому факту, что генерал Жиро получил командование из рук иностранной державы. По этому поводу генерал де Голль говорил адмиралу Старку, что Французский национальный комитет осу-

шествляет чисто французскую власть, которую ему вручили французы.

В общем генерал де Голль считает, что генерал Жиро представляет большую силу, но неразумно ее растратил.

Что касается фазы с участием Дарлана, то генерал де Голль хотел бы получить от адмирала Старка разъяснения, как только тот сможет их дать.

Адмирал Старк согласен с генералом в том, что общее положение крайне запутанно. С чисто военной точки зрения генерал де Голль воздает должное способу проведения операции.

Перед окончанием беседы генерал напоминает адмиралу Старку, что Свободная Французская Африка имеет общую границу с Ливией. На этом фронте силы «Свободной Франции» уже предприняли налеты на Феццан и заняли оазис Куфра. Французские силы готовы в данный момент к новому наступлению из Чада на Феццан. Начало этого наступления зависит только от французского командования. На всякий случай генерал де Голль ставит об этом в известность адмирала Старка.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЛАВНОМУ И
ПОЛНОМОЧНОМУ ДЕЛЕГАТУ В ЛЕВАНТЕ ГЕНЕРАЛУ
КАТРУ; ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ СВОБОДНОЙ ФРАН-
ЦУЗСКОЙ АФРИКИ ЭБУЭ; ВЕРХОВНОМУ КОМИССАРУ
В РАЙОНЕ ТИХОГО ОКЕАНА АДМИРАЛУ Д'АРЖАНЛЬЕ;
ДЕЛЕГАТАМ СРЯЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ ПРИ СОЮЗ-
НЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВАХ**

Лондон, 12 ноября 1942

Всеобщее возбуждение, вызванное действиями американцев во Французской Северной Африке, и слухи, распускаемые повсюду по этому поводу, особенно в Вашингтоне, не должны помешать нам ясно во всем разобраться. Вот каковы, насколько мне известно, основные данные, характеризующие это дело.

Перед высадкой американцы подготовили почву, установили нужные им связи, отстранив Сражающуюся Францию от подготовки к операции. Местные голлисты помогли американцам, полагая, что они были заодно с нами. Некоторые представители местных властей установили отношения с американцами, полагая, что это может пригодиться впоследствии.

Для воздействия на армию и отвлечения ее от сопротивления, а также для создания французской власти, которую они там держали бы в своих руках, американцы выпустили на сцену генерала Жиро. В то же время они договаривались с Дарланом, находившимся в тот момент в Алжире.

На деле же войска и флот в Африке повсюду оказывали сопротивление американцам. В Марокко сопротивление было даже ожесточенным. Жиро не оказал никакого влияния на ход событий. С одной стороны, он был поставлен в неловкое положение письмом, написанным им в свое время маршалу, в котором давал честное слово повиноваться ему, а с другой стороны, он был далек от нас, не поддерживал с нами никакой связи. Наконец, все течения общественного мнения считают крайне досадным то обстоятельство, что Жиро находится у власти с соизволения американцев.

Вот тогда-то на сцене и появился Дарлан. Став для начала пленником американцев, он договорился с ними о сдаче Алжира. Затем отдает приказ о прекращении военных действий, объявив, что осуществляет власть в Северной Африке от имени маршала, что все руководящие лица остаются на местах и что все войска должны сохранять нейтралитет. Американцы стремятся быстрее покончить со всем этим и в то же время надеются, что Дарлан когда-нибудь активно станет на их сторону. Поэтому они склонны теперь считать такое решение удовлетворительным. К тому же средиземноморский флот остался в Тулоне, под боком у немцев. Поэтому американцы решили не пренебрегать Дарланом, считая, что в случае необходимости он сможет помешать флоту перейти к немцам.

Все происходит так, как будто в Северной Африке возникает что-то вроде нового режима Виши, зависящего от Соединенных Штатов.

Естественно, моей главной заботой было не унижить и не запачкать нас участием в этом деле. Нас скрытно поддерживает английское правительство, которому поведение американцев внушает беспокойство. Что касается русских, то они вне себя от действий Вашингтона. С другой стороны, все наши организации Сопротивления во Франции дали мне знать, что французский народ не потерпит политической комбинации с участием Жиро или Дарлана, которая может дезориентировать и сбить с пути патриотов и тем самым бросить их в объятия коммунистов.

Я убежден, что после того, как схлынет эта река грязи, мы окажемся единственной подлинно французской и действенной организацией.

Прошу ориентировать вашу пропаганду, особенно по радио и в форме возможных заявлений, с учетом изложенного выше и вести ее в подобающей, сдержанной форме.

ТЕЛЕГРАММА АНДРЕ ФИЛИПА, НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИССАРА, НАХОДЯЩЕГОСЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ, ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 12 ноября 1942

Сегодня вместе с Тиксье я был принят Сэмнером Уэллесом. Беседа с самого начала очень сердечная, продолжалась час.

1. Я спросил Сэмнера Уэллеса, смогу ли я увидеть президента Рузвельта, указав ему, что в ближайшее время я должен вернуться в Лондон; Сэмнер Уэллес обещал мне переговорить с президентом...

2. Я выразил радость по поводу освобождения Французской Северной Африки при содействии наших американских, а также английских союзников и от имени Сражающейся Франции пожелал, чтобы военные операции выполнялись быстро и успешно.

3. Затем я поднял вопрос о полномочиях, предоставленных генералом Эйзенхауэром генералу Жиро, на которого возлагается обязанность не только сформировать французскую армию, но и управлять освобожденными территориями под контролем американских властей. Управление же этими территориями неразрывно связано с необходимостью принимать решения относительно важных политических вопросов, таких, как пересмотр статуса евреев, статуса местного населения и т. д. ...Я спросил у Сэмнера Уэллеса, правда ли, что правительство Соединенных Штатов намерено дать эти политические права французскому генералу, который не получил никаких полномочий от французских властей и целиком зависит от американских военных властей.

4. Я выразил беспокойство французов, сражающихся на стороне союзников, по поводу того, что американские военные власти сохраняют в Северной Африке власти, назначенные Виши. Я напомнил, что тысячи французов, противников режима Виши, которые хотят сражаться на стороне союзников, еще не освобождены из тюрем и концентрационных лагерей. Желая показать, какая еще царит исключительная путаница, я процитировал Сэмнеру Уэллесу призыв префекта Алжира к населению, который кончается словами: «Да здравствует маршал!» Я спросил

Сэмнера Уэллеса, неужели американский флаг будет прикрывать агентов Виши, бросивших в тюрьму и на истязания французопатриотов.

5. Я объяснил Сэмнеру Уэллесу, что жизненные интересы Франции и союзников настоятельно требуют единства французского Сопротивления. Это единство должно быть осуществлено в рядах Сражающейся Франции, которая заслуживает права на существование, имея свою организацию и свои территории, свою армию, участвующую в войне вот уже более двух лет. Сражающаяся Франция готова принять генерала Жиро, который получит в этом случае полномочия от французской власти.

Я напомнил, что к «Свободной Франции» примкнули организации французского внутреннего Сопротивления, которые являются единственно подлинным выражением сопротивляющейся Франции и единственно уполномочены говорить от имени французского народа. Я также напомнил, что организации признали главой генерала де Голля в результате продолжительных переговоров, завершившихся соглашением, которое содержит необходимые демократические гарантии. Жиро должен убедиться, что все французы, участвующие в Сопротивлении во Франции, возложили свою надежду на генерала де Голля; что Сопротивление может быть скомпрометировано или даже уничтожено, если союзники отстранят его от руководства освобожденными французскими территориями и будут проводить политику насаждения местных властей независимо от «Свободной Франции» и что разочарование французам будет еще более ужасным, если они увидят, что американцы сотрудничают с приверженцами Виши. Тогда они неизбежно бросятся к коммунистам.

6. Я выразил надежду, что американское правительство не будет чинить никаких препятствий, а, наоборот, будет благоприятствовать всеми силами осуществлению единства французского Сопротивления вокруг Сражающейся Франции. Для этой цели необходимо незамедлительно установить непосредственные контакты между представителями генерала де Голля и Французского национального комитета и генералом Жиро. Я просил, чтобы государственный департамент способствовал отправке в ближайшее время делегации «Свободной Франции» в Алжир в составе представителей Французского национального комитета и руководителей крупных организаций Сопротивления, находящихся в настоящее время в Лондоне.

7. Привожу краткое содержание ответа Сэмнера Уэллеса:

а) американское правительство начало операцию во Французской Северной Африке всего лишь четыре дня назад и, естественно, посвятило это короткое время исключительно решению срочных военных проблем. Вот почему оно не могло заняться такими вопросами, как освобождение политических заключенных.

По этой же причине местные власти были оставлены при исполнении своих обязанностей. А к разрешению вопроса о политических заключенных можно будет приступить не раньше, чем позволит военная обстановка;

б) генералу Жиро поручено прежде всего провести реформирование французской армии в Северной Африке под контролем командующего американской армией. Трудно представить, чтобы военная деятельность генерала Жиро находилась под руководством другой власти, например власти Французского национального комитета;

в) американское правительство вполне отдает себе отчет в необходимости обеспечить единство французского Сопротивления и не собирается чинить в этом отношении никаких препятствий. Отправление делегации Сражающейся Франции к генералу Жиро будет зависеть от согласия американских военных властей. Во всяком случае, Сэмнер Уэллес представит этот вопрос на рассмотрение президента Рузвельта и завтра даст нам ответ.

ТЕЛЕГРАММА АДРИЕНА ТИКСЬЕ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 14 ноября 1942

1. Сегодня утром Андре Филип простился с Корделлом Хэллом. В начале беседы Хэлл подробно обрисовал отношения между правительством Соединенных Штатов и правительством Виши за последние два года. Он сказал, что дело было совсем не в симпатии к правительству Виши; это была тактика, которая позволяла избежать вступления французского флота в войну против союзников, позволяла собирать информацию и особенно давала возможность подготовить во Французской Северной Африке военные операции, которые и были предприняты там в последние дни.

2. Филип выразил радость по поводу освобождения Северной Африки и поздравил правительство с прекрасной подготовкой

операции с военной точки зрения. Однако он выразил также и беспокойство, которое испытывают все французские патриоты по поводу того, что с согласия американцев создается французская власть, возглавляемая Дарланом.

Если эта странная комбинация, позволяющая оставить у власти людей Виши, будет продолжаться длительное время, французский народ станет рассматривать ее как измену, внутреннее Соппротивление будет разбито и перед французскими патриотами не останется иного выбора, как только между коммунизмом и национализмом с его ксенофобией.

3. Корделл Хэлл утверждал, что он не получил никакого официального подтверждения со стороны американского военного командования во Французской Северной Африке относительно власти, осуществляемой Дарланом, Ногесом и Шателем; что единственным источником его информации была печать; что если американское военное командование позволило установить такую власть, то подобное решение, по его мнению, было продиктовано соображениями чисто военного характера и что, во всяком случае, правительство Соединенных Штатов не приняло никакого политического решения на этот счет.

4. Тогда я выступил и определил самым точным образом статус Сражающейся Франции:

а) люди, которые сражаются по призыву генерала де Голля в течение двух лет на стороне союзников, твердо решили осуществить единство внутреннего и внешнего Соппротивления в рамках Сражающейся Франции, ряды которой открыты для всех французов-патриотов, искренне желающих бороться против общего врага;

б) Сражающаяся Франция считается с военной и политической действительностью. Она знает, что американское военное командование может быть вынуждено использовать для выполнения неотложных задач даже людей, не внушающих никакого политического доверия;

в) однако, как бы решительно ни стремилась Сражающаяся Франция раздвинуть свои рамки, она не может без ущерба для своего морального единства, столь необходимого для эффективных действий, открыть свои ряды для тех, кто руководил изменниками. Сохранение у власти в Северной Африке нового режима Виши, основанного изменником, безусловно, будет иметь для Франции и французского народа тяжелые последствия в моральном, политическом и военном отношениях.

5. Корделл Хэлл повторил, что никакого решения политического характера относительно Французской Северной Африки не было принято, что в настоящее время преобладают военные соображения, что все французы-патриоты должны участвовать в борьбе и что наше движение должно сыграть славную роль в восстановлении независимости Франции и традиционных французских свобод, всегда вызывавших симпатию американского народа к французскому народу.

6. Я ответил ему, что в этом отношении «Свободная Франция» заняла совершенно ясную позицию и правительство Соединенных Штатов было поставлено в известность о том, что «Свободная Франция» боролась не только за освобождение территории, но также за восстановление свобод французского народа, и мы надеемся, что все гражданские и военные руководители, призванные участвовать в Соппротивлении, открыто присоединятся к этой позиции.

7. Заканчивая беседу, Корделл Хэлл попросил Филипа передать сердечный привет генералу де Голлю.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЛЕК-ЛЕРКУ, В БРАЗЗАВИЛЬ

Лондон, 14 ноября 1942

В соответствии с моим личным секретным предписанием от 22 сентября 1942 необходимо, чтобы в ходе наступления в Южной Ливии французы прежде всего заняли Феццан с возможным продвижением к Триполи или к Габесу, учитывая операции союзников в Триполитании.

В проведении этой операции вы подчиняетесь только мне. Однако вы должны действовать согласованно с генералом Александером, главнокомандующим на средневосточном театре военных действий, чтобы по достижении Феццана вы могли получать все более и более значительную поддержку с воздуха.

Я рассчитываю начать ваше наступление на Феццан в тот момент, когда наши союзники достигнут Сиртского залива.

Я обращаюсь к начальнику имперского главного штаба с просьбой дать необходимые указания генералу Александеру для координации ваших действий с действиями 8-й армии и, возможно, с силами генерала Эйзенхауэра.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С УИНСТОНОМ ЧЕРЧИЛЛЕМ 16 НОЯБРЯ 1942

(Записана канцелярией генерала де Голля)

Беседа начинается в 12 час. 30 мин.

Присутствует Иден.

Черчилль внешне озабочен, но в довольно хорошем настроении. Иден кажется обеспокоенным.

Премьер-министр говорит генералу, что он прекрасно понимает его чувства и разделяет их. Однако он обращает внимание на тот факт, что в настоящее время происходит сражение и что прежде всего надо изгнать неприятеля из Туниса. Союзные военные власти должны были принять в Северной Африке соответствующие практические меры в интересах достижения этой цели, а также для того, чтобы обеспечить себе поддержку французских войск. «Что касается позиции английского правительства, — добавляет Черчилль, — то она остается прежней, и все обязательства, взятые по отношению к вам, остаются в силе. Меры, принятые генералом Эйзенхауэром, — сугубо временные и ни в чем не затрагивают будущего». В качестве доказательства Черчилль ссылается на телеграмму, только что посланную им Рузвельту. В телеграмме, в основном, говорится следующее:

«1. Я получил ваш ответ и сделал вывод, что меры, принятые генералом Эйзенхауэром, имеют исключительно утилитарный и временный характер.

2. Я согласен, чтобы Эйзенхауэр принимал меры, которые, по его мнению, способствуют успеху военной операции, с той оговоркой, о которой сказано в параграфе 1».

Генерал де Голль говорит премьер-министру, что он принимает к сведению точку зрения английского правительства, но хочет ознакомить премьер-министра со своей.

«Теперь не XVIII век, — заявляет он, — когда Фридрих подкупал придворных венского двора, чтобы захватить Силезию, не эпоха Возрождения, когда пользовались услугами полицейских стражников Милана или наемных убийц Флоренции. Но их еще никогда не делали правителями освобожденных народов. Мы ведем войну кровью и душой народов. Вот телеграммы, которые я получаю из Франции. Они показывают, что Франция находится в оцепенении. Подумайте о возможности неисчислимых последствий, если Франция придет к выводу, что освобождение в том ви-

де, как его понимают союзники, это Дарлан. Вы можете одержать военную победу, но морально вы проиграете и будет только один победитель — Сталин».

Черчилль повторяет, что происходящие события никак не предрешают будущего.

Генерал де Голль замечает, что, во всяком случае, он считает своим долгом довести до сведения Франции, что не признает этих комбинаций. Для этой цели Национальный комитет заготовил коммюнике. Он просит английское правительство разрешить использовать Би-Би-Си для его распространения.

Черчилль отвечает, что он прекрасно понимает беспокойство генерала и сам на его месте стремился бы открыто изложить свою позицию, однако с этим следовало бы немного подождать. Во всяком случае, генерал де Голль волен обнародовать свое коммюнике через Би-Би-Си, когда найдет нужным. Сам же Черчилль телеграфирует Рузвельту, что при существующих обстоятельствах нет ничего плохого в том, если генералу де Голлю будет дана возможность изложить свою позицию.

Генерал де Голль говорит, что в передачах по радио допускается жульничество, которому надо положить конец, жульничество, при помощи которого пытаются отождествлять Дарлана со сражающимися французами. Так, американское радио обращения адмирала Дарлана предваряет девизом «Честь и Родина», а Би-Би-Си участвует в этом жульничестве, ретранслируя программу американского радио. Обращаясь к Идену, генерал де Голль заявляет, что не понимает, как английское радио может быть соучастником такой недобросовестности.

Генерал и Черчилль собираются пойти к столу. Иден, который не участвует в завтраке, отводит в сторону генерала и говорит о том, как ему неприятно и как его беспокоит все это дело.

«Оно не чисто, — отвечает генерал де Голль, — и мне жаль, что вы несколько запачканы им».

Волнение и беспокойство приглашенных, особенно дам, во время завтрака многое говорит о чувствах всех присутствующих. Даже г-же Черчилль не удастся разрядить атмосферу.

Затем Черчилль уводит генерала де Голля в свой кабинет, где они остаются вдвоем.

Черчилль заявляет, что положение генерала превосходно. Дарлан не имеет будущего. «Вы сама честь, — говорит он генералу. — Вы прямой путь. Вы останетесь единственным. Не сталкивайтесь с американцами. Это бесполезно, и вы ничего не выиграете. Запа-

ситесь терпением, и они придут к вам сами, потому что другой альтернативы нет».

Затем Черчилль высказывает свое возмущение Дарланом. «Не нахожу слов, — говорит он, — чтобы выразить свое отвращение».

Генерал де Голль удивлен тем, что английское правительство идет на поводу у американцев. «Я не понимаю вас, — сказал он Черчиллю. — Вы с первого дня ведете войну. Можно даже сказать, что вы персонально олицетворяете эту войну. Ваши войска победили в Ливии. А вы, вы идете на поводу у Соединенных Штатов, в то время как ни один американский солдат еще ни разу не видел немецкого солдата. Вам должно принадлежать моральное руководство в этой войне. Общественное мнение в Европе будет за вас».

Черчилль отвечает генералу де Голлю, что он уже вступил на этот путь, когда недавно в своей речи в Гилдхолле воздал должное генералу и патриотам, которые легионами следуют за ним во Франции, тогда как — и он дал это понять — Жиро прославился только своими побегами*.

Генерал де Голль отвечает, что он признателен премьер-министру за это деликатное различие и полагает, что премьер-министр открывает перед ним перспективу нового положения первостепенного значения, которое он должен принять без промедления.

Генерал добавляет, что американцы находятся сейчас в самом разгаре торга с людьми Виши, которые меняют маску в соответствии с обстоятельствами. Да, все, что делается вокруг Виши — все направлено против Англии. Чем дольше Англия будет терпеть игру американцев, тем сильнее риск, что повсюду появятся такие силы, которые в конце концов обернутся против нее самой.

Черчилль просит генерала поддерживать с ним тесный контакт и приходить к нему так часто, как он захочет, даже ежедневно, если де Голль этого пожелает.

Во время беседы премьер-министр был настроен оптимистически и уверял, что английская политика по отношению к Франции основана на поддержании связи с Национальным комитетом. Он выразил убеждение, что Сражающаяся Франция выйдет из нынешней драматической ситуации более сильной и более необходимой, чем когда бы то ни было.

---

*Очевидно, имеется в виду побег генерала Жиро из немецкого плена в апреле 1942 в неоккупированную зону Франции. — *Прим. ред.*

КОММЮНИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА, ОПУБЛИКОВАННОЕ 16 НОЯБРЯ 1942

Генерал де Голль и Французский национальный комитет заявляют, что они не принимают никакого участия в переговорах, которые ведутся в Северной Африке с представителями Виши, и не берут на себя никакой ответственности за них. Если эти переговоры приведут к решениям, результатом которых будет закрепление режима Виши в Северной Африке, то эти решения не будут приняты Сражающейся Францией. Союз всех французских заморских территорий в борьбе за освобождение возможен только в условиях, совместимых с волей и достоинством французского народа.

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ, ПЕРЕДАННАЯ 21 НОЯБРЯ 1942 РАДИОСТАНЦИЯМИ БРАЗЗАВИЛЯ, БЕЙРУТА, ДУАЛЫ

(Би-Би-Си не передавало этой речи)

Французский народ предвидел, что несмотря на прибытие союзников, ликвидация Виши в Северной Африке произойдет без задержек и неожиданных осложнений.

Но в глубине своего заточения французский народ испытывает величайшее изумление, узнав, какие произошли задержки и какой характер приняли осложнения. Народ — пленник своей темницы — хочет знать, что же происходит.

Значительная французская территория занята союзными войсками при восторженном согласии всего населения. Народ спрашивает себя: останутся ли режим и дух Виши нетронутыми или нет, останутся ли на своих местах крупные феодалы Виши или нет, сможет ли эта часть французской империи присоединиться к той другой ее части, которая вновь вступила в войну, считая ее делом чести, или она не сможет это сделать; не будет ли освобождение нации, начинающееся с освобождения империи, обесчещено кучкой людей нечестных, замаскировавшихся применительно к обстоятельствам и готовых совершить новое клятвопреступление. Было бы тяжело для нас и опасно для дела, если бы, поставив эти вопросы, мы не знали, как их решить.

Конечно, Франция хорошо узнала, что в сумятице, порожденной этой мировой войной, даже самые благонамеренные деятели

могут совершать ошибки. Но она признала также, что объединение всех ее союзников было искренним и что священный идеал, за который страдает и гибнет столько мужчин и женщин в лагере свободы, отвергли бесчестие и предательство и сама Франция их проклинает.

Конечно, Франция знает, как долго режим угнетения в Алжире, Марокко и Тунисе подавлял проявление свободного общественного мнения. Но она знает также, что, как только пошатнутся колонны храма идола, ничто больше не сможет заглушить во Французской Северной Африке выражения национальной воли, так же как и в других местах.

Конечно, Франция учитывает, с какими трудностями связано военное сотрудничество территорий, составляющих ее империю, территорий, столь различных и так долго изолированных друг от друга. Франция учитывает также, с какими трудностями связаны совместные действия вооруженных сил, которыми она уже располагает, с теми силами, которые предстоит собрать во всех частях света. Франция знает, что для объединения всех ее сил и всех государств, находящихся под ее покровительством, существуют испытанные способы: справедливые законы и договоры, заключенные республикой. Она знает, что ее солдаты, сражающиеся в Тунисе, Ливии, на территории Чад, в Тихом океане, не какие-то безымянные солдаты, а воины Франции.

Родина не устояла под ударами врага и заговора изменников, но самое драгоценное достояние — национальная независимость и национальное достоинство — все же было спасено. Ценой каких испытаний? Один бог знает! Узнавшая об этом Франция увидела, как вспыхнуло из самых недр народной души пламя надежды и веры в свое величие и свою свободу. Это священное пламя подняло в стране, придавленной пятой врага и его сообщников, великое французское Соппротивление. Это пламя души народа ведет нас к объединению наших территорий и наших сил. Вокруг этого пламени вся империя объединится со всей нацией, чтобы бороться и победить вместе со всеми союзниками Франции. Только славная победа позволит нам одним ударом покончить с нашими несчастьями, нашими разногласиями, нашими слезами.

Общая борьба за общую родину!

ПОСЛАНИЕ ИЗ ФРАНЦИИ, АДРЕСОВАННОЕ СОЮЗНЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ ОТ ИМЕНИ:

а) трех движений Сопротивления: «Либерасьон», «Комба», «Фран-тирёр»;

б) французского рабочего движения, возглавляемого Всеобщей конфедерацией труда и христианскими профсоюзами;

в) Комитета социалистического действия, состоящего из бывших членов социалистической партии французской секции рабочего интернационала;

г) лиц, представляющих следующие партии или бывшие партии, а именно: партию радикалов, народную демократическую партию, республиканскую федерацию.

Из Франции, 20 ноября 1942

Мы шлем наши горячие поздравления американскому и английскому правительствам в связи с их операциями по освобождению Французской Северной Африки.

Мы всем сердцем со сражающимися и ждем с нетерпением того дня, когда сможем снова вступить в борьбу с оружием в руках.

Мы приветствуем с признательностью генерала Жиро и всех французов, присоединившихся к генералу де Голлю, бесспорному руководителю Сопротивления, который ведет за собою всю страну.

Ни в коем случае мы не допустим, чтобы присоединение лиц, виновных в военной и политической измене, расценивалось как прощение за совершенные преступления. Мы настоятельно просим, чтобы судьбы освобожденной Северной Африки были как можно скорее переданы в руки генерала де Голля.

ТЕЛЕГРАММА АДРИЕНА ТИКСЬЕ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 20 ноября 1942

1. Президент Рузвельт принял меня и Андре Филипа в пятницу в 11 час. 30 мин. в присутствии Сэмнера Уэллеса. Беседа, рассчитанная на четверть часа, продолжалась три четверти часа. Президент откровенно разъяснил нам свою политику во Французской Северной Африке, а мы со своей стороны изложили ему политику Сражающейся Франции. Филип сделает вам подроб-

ный отчет о беседе. Тем временем посылаю вам резюме, по необходимости очень схематическое.

2. Президент указал, что уже давно думал о полезности встречи с генералом де Голлем, и просил Филипа передать генералу де Голлю, что охотно примет его, если последний приедет в Соединенные Штаты. Президент сказал, что, если даже речь не идет о подписании или заключении соглашения, личные и откровенные беседы более полезны, чем коммюнике для прессы или публичные декларации. Филип ответил, что он передаст генералу де Голлю слова президента.

3. Филип заявил, что признание Соединенными Штатами власти Виши во главе с Дарланом породило среди сражающихся французов и участников Сопротивления во Франции и за ее пределами возмущение и негодование. Со всех концов земного шара притекают протесты свободных французов и их друзей. Организации французского внутреннего Сопротивления просили генерала де Голля сообщить президенту Рузвельту об испытываемом ими горестном удивлении.

Филип также остановился на положении в Северной Африке. После перемирия большое число военных, а также деятелей гражданской администрации прибыло в Северную Африку в надежде организовать там сопротивление. Псевдосопротивленческие декларации Вейгана побудили их свободно высказывать свое мнение, вместо того чтобы по примеру метрополии основать тайные организации. Когда Вейган был смещен, быстро раскрытых деятелей Сопротивления устранили с их постов, как это произошло с генералом Делаттр де Тассиньи; некоторые были даже арестованы. Через полгода после смещения Вейгана администрация и армия уже были подчинены подлинно террористическому режиму. Вот почему американской армии теперь приходится иметь дело только с преданными Виши должностными лицами и военными руководителями. Массы и мелкие чиновники осмелятся открыто выразить свои подлинные взгляды лишь после устранения полицейского режима.

Французы понимают, что такое неотложная военная необходимость. Они по достоинству оценили публичное заявление президента Рузвельта о том, что Дарлан будет использован временно и только как крайнее средство в связи с военными обстоятельствами. Тем не менее они испытывали беспокойство и хотели бы знать, как долго будет использоваться это «крайнее средство». Откажутся ли от него после того, как немцы и итальянцы будут изгнаны из Туниса?

4. Президент не ответил прямо на вопрос Филипа. Он оправдывал свою позицию ссылкой на румынскую поговорку, которая гласит, что можно пойти и с самим дьяволом, лишь бы перейти мост. «Я воспользуюсь Дарланом, пока он будет нужен. Я буду использовать его со дня на день, не загадывая о будущем. Он должен повиноваться, иначе будет сокрушен. Я только что приказал Дарлану освободить политических заключенных из тюрем и концентрационных лагерей и отменить расистские законы. Он повиновался».

5. Филип особо указал на опасность длительного признания режима Дарлана, так как это может деморализовать и сломить французское внутреннее Сопротивление. Он напомнил, что организации Сопротивления и французы, признающие главой генерала де Голля, никак не могут понять, почему его держали в стороне от того, что происходило во Французской Северной Африке, в то время как правительство Соединенных Штатов сотрудничало с лидером изменников. Филип с твердостью говорил, что объединение французского внутреннего Сопротивления может быть достигнуто только в рамках Сражающейся Франции, под руководством генерала де Голля. Теперь, когда освобождена французская земля, единое и представительное руководство этим французским движением Сопротивления должно обосноваться в Алжире и ему должно быть поручено гражданское управление в Северной Африке, и этому не должна помешать никакая неотложная военная необходимость.

6. Президент заявил, что он рад тому, что возрастает число свободных французов, сражающихся против держав оси вместе с генералом де Голлем, генералом Жиро, генералом Барре в Тунисе и т. д... Он убежден, что и другие французы, и другие территории вступят в борьбу. Неважно, к кому присоединится в Дакаре губернатор Буассон — к генералу де Голлю или к адмиралу Дарлану. Он, президент, стал бы сотрудничать даже с другим дьяволом, именуемым Лавалем, если бы это сотрудничество привело к сдаче Парижа союзникам. Как главнокомандующий американской армией, президент ведет войну и преисполнен заботы о том, чтобы выиграть ее. Еще не наступило время ни для того, чтобы сформировать французское правительство, хотя бы временное, ни для того, чтобы выбирать между военными руководителями, желающими участвовать в борьбе против «держав оси». В довольно пространном отступлении президент напомнил, что тринадцать американских колоний, сражаясь за независимость против АНГ-

лии, не имели никакой центральной власти, исключая одного военного руководителя, каким был Вашингтон.

7. Филип заметил, что настоящая ситуация не имеет ничего общего с положением тринадцати американских колоний, а существование единого французского Сопротивления под единым руководством, которое может быть осуществлено только генералом де Голлем, отвечает интересам союзников. Такова неотложная необходимость. Продолжительное сотрудничество правительства Соединенных Штатов с вишистскими предателями, обращенными в новую веру лишь в последнюю минуту, подвергнет народ Франции престижу и влиянию Соединенных Штатов и их президента.

8. Тиксье попросил у президента позволения выяснить со всей откровенностью некоторые насущные вопросы, связанные с политикой правительства Соединенных Штатов во Французской Северной Африке. Прежде всего вопрос о Дарлане, которого «Свободная Франция» никогда не признает и власть которого должна прийти к концу в возможно близкий срок. Затем положение генерала Жиро, которого «Свободная Франция» приняла бы в свои ряды, но, поскольку он полагал, что должен получить свое назначение от Дарлана, создалось крайне трудное положение. Тем не менее соглашение с генералом Жиро будет, вероятно, возможным, как только он выйдет из подчинения Дарлану в Северной Африке. Наконец, самый главный вопрос — вопрос об осуществлении единства французского Сопротивления в рамках «Свободной Франции» и о возможном перемещении объединенного и представительного центра Сопротивления в Северную Африку, в Алжир. Собирается ли президент содействовать стремлению «Свободной Франции» к единству и к обоснованию на французской земле руководства Сопротивления, которое может быть возглавлено только одним человеком — генералом де Голлем.

9. Не отвечая прямо на поставленные вопросы, президент сказал, что Французская Северная Африка находится в состоянии военной оккупации американцами и англичанами и что власть, как гражданская, так и военная, должна принадлежать генералу, главнокомандующему американской и английской армиями, под контролем президента, верховного главнокомандующего вооруженными силами Соединенных Штатов. Такой режим военной оккупации не окончится с победой в Тунисе, потому что Французская Северная Африка станет исходной военной базой для операций на юге Франции, Италии и на Балканах. Президент по-

ка еще не может сказать, какой будет режим гражданского управления, но возможно, что власть будет поручена американскому верховному комиссару, который будет сотрудничать с французскими местными властями. Возможно также, что понадобятся резиденты в Тунисе и Марокко. Несомненно, появится необходимость в установлении связи с мэрами и руководителями округов.

10. Филип спрашивает, будут ли оставлены местные власти, назначенные Виши, или же будут призваны законные власти, назначенные до перемирия республиканскими инстанциями. Президент отвечает, что американские власти будут специально обдумывать каждый случай, учитывая местные условия.

11. Президент напоминает, что в 1917—1918 американская армия вступала во Франции в контакт с местными властями той зоны фронта, которую она занимала, и это сотрудничество было превосходным. Филип отвечает, что тогда была только одна французская власть, и снова задает вопрос о том, правда ли, что президент намерен на освобожденных территориях французской метрополии дать право американским военным властям выбирать между властями, существовавшими здесь до заключения перемирия, и властями, назначенными Виши. Снова президент отвечает, что в каждом случае решение будет зависеть от местных условий. Тогда Филип с негодованием заявляет, что никогда французы не согласятся, чтобы французские освобожденные территории, находящиеся за пределами военной зоны, управлялись американскими властями: французы сами будут управлять собой; Франция не колония, американская армия никогда не заставит их подчиниться власти изменников; никакое иностранное покровительство этим изменникам не помешает торжеству справедливости.

12. Президент настаивает на том, что французы должны довериться американскому правительству, действия которого направлены к одной цели: выиграть войну, восстановить Францию и ее независимость. В решающий момент вооруженное выступление французов может оказать сильную поддержку американской и английской армиям. однако это выступление не может быть решающим, так как французы не имеют оружия.

13. Филип и Тиксье один за другим настоятельно просят президента подумать о последствиях его политики, которая может посеять недоверие и обескуражить французский народ, если правительство Соединенных Штатов не положит конец всякому сотрудничеству с вишистскими изменниками. Если французский народ почувствует, что союзники его обманывают, то движение

Сопrotивления распадается и французы устремятся — одни к сотрудничеству с нацизмом, другие к крайнему национализму с его ксенофобией, третьи к Советской России, так как коммунизм покажется им единственным спасением.

14. Заканчивая беседу, президент повторил, что хотел бы обсудить все эти вопросы с генералом де Голлем.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИКСЬЕ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 21 ноября 1942

Я ознакомился с содержанием дипломатических переговоров, которые вы и Шевинье вели с Макклоем. Констатирую, что Макклой сам выложил на стол все, что относится к Сражающейся Франции и к повороту дела в Северной Африке. Вот ответ, который я прошу вас передать всем лицам, выступающим от имени правительства Соединенных Штатов.

Для Соединенных Штатов существовали два разных способа подготовки и проведения с политической точки зрения операции в Северной Африке.

Соединенные Штаты могли с самого начала открыто поддерживать Сражающуюся Францию. Тогда они потеряли бы возможность содержать посольство и консульства в Виши. Но они могли бы тем самым нанести смертельный удар Виши в самой Франции и придать французскому Сопrotивлению новую силу, чего не могла дать английская поддержка.

В Северной Африке поддержка Сражающейся Франции со стороны Соединенных Штатов заключалась бы в том, чтобы помочь нам здесь вызвать к жизни и организовать то, что называют «голлизмом». До конца 1940 в Марокко, Тунисе и Алжире имелись расположенные к этому значительные и влиятельные элементы. Генералу де Голлю нетрудно было бы объединить их скрытно, если бы он имел для этого материальные возможности. Нарушив все торговые сношения Северной Африки с внешним миром, можно было создать во всей стране, особенно среди местного населения и колонистов, стремление к освобождению в интересах налаживания деловой жизни и упорядочения снабжения. Таким образом, в нужный момент была бы подготовлена многообразная, организованная и — что очень важно — не запятнанная

ничем надежная поддержка. Затем с приходом союзников, к которым присоединились бы, по крайней мере во втором эшелоне, войска, суда и эскадрильи Сражающейся Франции, произошла бы без особых трудностей замена Виши Сражающейся Францией в Рабате, Алжире и Тунисе.

Соединенные Штаты приняли противоположное решение. Они относились к Виши с почтением, видя в Петене и его людях подлинную Францию, и, наоборот, осыпали генерала де Голля грубыми окриками и наносили ему публичные оскорбления. Стремясь получить осведомительные данные в Северной Африке, они обманом и хитростью добивались содействия разрозненных и беззащитных несчастных голлистов и доходили при этом до того, что подсылали к ним своих агентов, действовавших от имени генерала де Голля. Они, как, впрочем, и англичане, старались всеми силами помешать Сражающейся Франции поддерживать связь в стране со своими сторонниками. Они не пропускали даже донесения генералу де Голлю, направленные ему через союзников. Исключения делались разве что для писем от родных. В то же время Соединенные Штаты открыто льстили таким военным руководителям, как Вейган и его соучастники, хотя на них лежала ответственность за перемирие; в этих людях они непременно хотели видеть возможных героев французского освобождения. Наконец, они снабжали Северную Африку сахаром, чаем, горючим в таких размерах, что режим Виши в общем был довольно хорошо обеспечен.

Что касается англичан, то их отношение к Сражающейся Франции было хотя и менее сдержанным, чем отношение Соединенных Штатов, но всегда отличалось неуверенностью и подозрительностью. Дакарское дело послужило им предлогом. Это верно, что мысль об урегулировании вопроса о Дакаре была выдвинута генералом де Голлем летом 1940 г. Но сама по себе эта мысль не была плоха. Неудачным было ее осуществление. Адмиралтейство совершило недопустимую ошибку, пропустив через Гибралтар флот и подкрепления, посланные Виши в Дакар. Вместе с тем в момент боевых действий английская бригада, предназначенная для захвата Дакара силой, в случае если бы убеждения голлистов не привели к желаемому результату, не высадила на берег ни одного человека. При чем же здесь генерал де Голь? Но вся английская политика в отношении Франции с тех пор испытывала влияние этой неудачи. Англичане сразу же после Дакара сняли блокаду с колоний Виши, тогда как этой блокады было до-

статочно для того, чтобы с течением времени склонить колониальные власти к присоединению. По этой же причине англичане после перемирия, заключенного в Сен-Жан д'Акр, допустили и даже способствовали, несмотря на формальный протест генерала де Голля, перемещению в Северную Африку сирийской армии. Между тем эти войска после своего поражения профессионально были в деморализованном состоянии. Теперь сирийские войска образуют ядро армии в Марокко.

Правда, эта политика умиротворения объяснялась опасениями американцев и, в меньшей степени, англичан, что Виши могут направить свой флот против англосаксов. Но спрашивается: каким способом лучше помешать выступлению флота — путем поддержания посольства при Виши, или стремлением оживить во французском народе и в самом флоте дух национальной войны? Интересно отметить, что когда англосаксы, в том числе и американцы, встречались с боевыми судами Виши, последние сражались основательно, несмотря на двухлетнее пребывание адмирала Леги рядом с Парк-отелем*.

Как бы там ни было, американцы предприняли операцию в Северной Африке на основе, которую можно назвать вишистской. Эта основа была подготовлена привычной кликой, которая инспирировала и информировала американцев относительно французских дел. Голлистов там, конечно, не было. Правда, вначале было испробовано нечто среднее в виде Жиро. Но Жиро производит в наше время впечатление выходца с того света; он лишился всякого уважения и, разумеется, провалился. Вот тогда на сцене появился Дарлан.

Дарлан тщательно подготовил свой ход. Маловероятно, что Петен не был в курсе дела. Все произошло так, что Дарлан внезапно оказался для американцев нужнейшим человеком и в виде ответной услуги принял власть в Северной Африке от имени маршала. Таким образом, Виши сохранило свое положение в Алжире, а создававшаяся ситуация позволила бы Дарлану сразу же повернуть назад, в случае если бы военные операции в Тунисе приняли плохой оборот для союзников. В случае победы фигура Дарлана стала бы позором для освобождающейся Франции. Он вернулся бы во Францию во главе единственной практически существующей французской армии и, таким образом, мог бы сохранить режим Виши. «Маршал, мы с вами!» Петен же с Лавалем, с одной стороны, и Дарланом — с другой, имел бы пропуск в каждый ла-

---

*Резиденция Петена в Виши. — Прим. ред.

герь. Я боюсь, что такая комбинация не кажется неприятной некоторым американским деятелям, делающим ставку на «новую Европу», антисоветскую и даже антианглийскую.

Подобные комбинации могут показаться выгодными для американцев. Но на деле такие комбинации могут привести к тому, что демократии морально проиграют войну. Я не разделяю мнения президента Рузвельта, который говорит, что в таких случаях речь идет о необходимости избегать кровопролития, — мнения, которое подразумевает, что для этой цели все средства хороши. Что касается меня, то я никогда не пойду на такие отвратительные авантюры.

Я сумею сохранить в неприкосновенности честь Франции.

С дружеским приветом.

ТЕЛЕГРАММА АДРИЕНА ТИКСЬЕ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 22 ноября 1942

Мы с Андре Филипом виделись сегодня во второй половине дня с Сэмнером Уэллесом. Беседа была весьма сердечной и продолжалась полчаса. Филип просил разъяснений по поводу возможного визита генерала де Голля, характера и наиболее удобной даты этого визита. Сэмнер Уэллес ответил, что, так как президент будет занят с 15 декабря по 8 января в связи с возобновлением заседаний конгресса, визит должен состояться до или после этого срока. На вопрос Тиксье, как следует определить характер этого визита, он ответил: «В военное время не бывает официальных приглашений; достаточно указать, что президент выразил большое желание встретиться с генералом де Голлем для беседы о текущих событиях».

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЛЕК- ЛЕРКУ, В БРАЗЗАВИЛЬ

Лондон, 22 ноября 1942

По последним сведениям, передовые английские подразделения остановлены в Аджедабье. Если не случится ничего непредвиденного, 8-я английская армия не сможет развернуть военные действия по ту сторону Эль-Агейлы до 15 декабря.

В Тунисе части 1-й английской армии и французские североафриканские войска пришли в соприкосновение с неприятельскими отрядами, прикрывающими Тунис и Бизерту. С другой стороны, союзные войска, по-видимому, достигли района Кеф. Но основные силы 1-й армии, видимо, еще долгое время не будут в состоянии вести смелое наступление в Тунисе, особенно в южной его части.

Следовательно, вам, вероятно, не придется действовать согласованно с 1-й английской армией. Во всяком случае, направление ваших действий не может быть определено до вашего выхода к Феццану.

В этих условиях:

1) я информирую генерала Андерсона, командующего 1-й армией, о ходе выполнения вашей операции;

2) в нужный момент я дам вам приказ о развертывании операции, начиная с Тибести; приказ будет дан на основании сведений, которыми я буду тогда располагать, о положении двух союзных армий и указанной вами даты возможного начала атаки;

3) после согласования с союзным командованием я вам дам в нужный момент второй приказ, определяющий при выходе на исходный рубеж у Феццана, направление вашего главного продвижения:

или на Эль-Агейлу,
или на Ситру или Мисурату,
или на Триполи,
или на Габес;

4) я приму меры, чтобы при выходе к Феццану вы имели необходимую поддержку с воздуха.

ТЕЛЕГРАММА НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА АДРИЕНУ ТИКСЬЕ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 24 ноября 1942

Сегодня во второй половине дня генерал де Голль виделся с адмиралом Старком и сообщил ему, что охотно принимает приглашение президента Рузвельта. Генерал сказал, что, исходя из сроков, предложенных Сэмнером Уэллесом, он предпочел бы отправиться в Вашингтон до 15 декабря; для него чем раньше, тем лучше. Адмирал Старк взял на себя техническую сторону органи-

зации поездки. Генерал просит вас в настоящий момент сохранить в тайне этот визит.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА, КОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ В СВОБОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКЕ, ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Браззавиль, 24 ноября 1942

Господин генерал!

В час, когда близится победа и предатели меняют лагерь, вы останетесь для нас олицетворением борьбы за честь и свободу Франции. Следуя за вами, мы вернемся в страну с высоко поднятой головой. Тогда французская нация сможет вымести весь мусор.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С УИНСТОНОМ ЧЕРЧИЛЛЕМ 24 НОЯБРЯ 1942

(Записана канцелярией генерала де Голля)

С Черчиллем были Иден, майор Мортон и переводчик. На столе перед ним лежали объемистые досье, что заставило генерала де Голля подумать, что Черчилль готовится к беседе по вопросам, требующим справок.

Генерал сказал премьер-министру, что не собирается злоупотреблять его временем и хочет лишь сообщить содержание телеграммы, полученной от Андре Филипа после его беседы с президентом Рузвельтом.

В беседе с Филипом Рузвельт сказал, что он был бы рад прийти в ближайшее время генерала де Голля в Вашингтоне.

«Как Вы думаете поступить?» — спрашивает Черчилль.

Генерал де Голль отвечает, что он принял приглашение президента и полагает, что в результате обмена мнениями между Рузвельтом и им президент будет лучше информирован о вопросах, в которых, может быть, недостаточно осведомлен.

«Очень хорошо», — отвечает Черчилль.

Генерал де Голль знакомит премьер-министра с основными положениями доклада Филипа. Политика президента, как он

сам ее излагает, сводится к следующему: хоть с самим дьяволом, лишь бы перейти мост, а затем навязать власть американцев, используя в случае необходимости власти, оставшиеся на месте.

Черчилль воздерживается от комментариев. Он только замечает, что позиция американцев действительно такова и что они несут ответственность за положение, создавшееся в Северной Африке.

Генерал де Голль уже собирается уходить, когда Черчилль ворчливо замечает, что один из депутатов оппозиции прочел накануне в палате общин текст речи адмирала Дарлана, которая была произнесена во время наступления англичан на Мадагаскар в мае этого года. Это тот самый текст, который был приложен к ноте, переданной на днях Французским национальным комитетом английскому правительству.

Генерал де Голль отвечает, что он не знал об этом инциденте, так как не вмешивается в дела палаты общин, а речь Дарлана на которую ссылается премьер-министр, в свое время была широко опубликована в печати.

По поводу речи генерала де Голля, которая не была передана Би-Би-Си, премьер-министр заявляет, что, так как затронутые в ней проблемы могут поставить на карту жизни американских и английских солдат, он счел нужным телеграфировать президенту Рузвельту, чтобы получить его согласие. Ответ еще не получен.

Генерал де Голль говорит премьер-министру, что на английской земле радио ему неподвластно, с чем приходится считаться, и он не имеет возможности свободно пользоваться им.

Во время беседы ее участники с английской стороны все время испытывали явное замешательство.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИК-СЬЕ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 25 ноября 1942

Я встретился вчера с адмиралом Старком и говорил с ним по поводу приглашения, которое вы мне передали от имени президента Рузвельта. Старк уже был извещен Вашингтоном. Я сказал Старку, что охотно принимаю приглашение и отправлюсь, как

только представится возможность. Он ответил, что немедленно займется подготовкой транспорта для поездки.

Я намерен поехать сначала в Вашингтон на три или четыре дня, затем в Нью-Йорк на такой же срок...

На обратном пути из Соединенных Штатов мне хотелось бы провести несколько дней в Канаде.

С дружеским приветом.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С АДМИРАЛОМ СТАРКОМ 26 НОЯБРЯ 1942

(Записана канцелярией генерала де Голля)

Генерал де Голль хочет, чтобы адмирал Старк знал, что, несмотря на все существующие трудности и разногласия по некоторым вопросам, он сам и все французы учтывают замечательные усилия Соединенных Штатов и высоко оценивают военные достижения и выражают полное доверие президенту Рузвельту и американскому народу в отношении продолжения начатых военных действий.

Адмирал Старк заявляет, что он тронут словами генерала де Голля и хочет, с согласия последнего, немедленно их передать президенту.

Затем генерал де Голль говорит, что, если военные по своему обыкновению, а также по обязанности придают главное значение в ведении войны ее техническому аспекту, то государственные деятели, обладающие более широким кругозором и наделенные более высокой ответственностью, должны учитывать и другие элементы стратегии, в особенности моральные и политические факторы. Что касается Франции, генерал должен констатировать — и об этом не может не знать адмирал Старк, — что недавние события в Северной Африке встревожили и привели в замешательство всех французов, как в метрополии, так и за ее границами. Было бы несчастьем для всех, если бы эта тревога породила у французов чувство разочарования или даже враждебности по отношению к американскому народу.

Адмирал Старк со своей стороны полагает, что в ближайшие месяцы могут возникнуть известные трения между американским правительством и Французским национальным комитетом при определении методов действия, но невозможно допустить, чтобы обе стороны в конце концов не пришли к согласию, ибо они пре-

следуют одну и ту же цель. Кроме того, он заявляет, что генерал де Голль найдет в лице президента Рузвельта одного из самых верных друзей Франции за границей. Адмирал Старк знает Франклина Рузвельта на протяжении тридцати лет и свидетельствует о его неизменном чувстве любви к Франции.

Генерал де Голль на это отвечает, что среди бед, претерпеваемых ныне Францией, есть одна, которая часто ускользает от внимания лучших друзей нашей родины, хотя ее не назовешь самой легкой. Некоторые деятели, связавшие свое имя с победой 1918 г. и которых Франция и друзья Франции на протяжении двадцати лет привыкли уважать и почитать, не оказались на высоте положения в современных условиях. Вот уже два года прошло с тех пор, как в борьбе с тяжелыми испытаниями родилась новая Франция, во всем отличающаяся от прежней и чуждая ее прежним руководителям. А между тем многие иностранцы, друзья нашей родины, отождествляют таких руководителей с Францией и хотят, чтобы эти люди прошлого сохранили свое положение в настоящем или снова появились на политической сцене. Конечно, людям, уважающим традиции, например военным, таким, как адмирал Старк или генерал де Голль, иногда бывает трудно понять столь неожиданное развитие событий, а тем более примириться с ним. Это и заставляет генерала де Голля сделать самые серьезные выводы и привлечь к ним внимание лучших друзей нашей страны.

Адмирал Старк благодарит генерала де Голля за сообщение, значение которого он понимает и о котором незамедлительно доложит своему правительству.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ГЕНЕРАЛОМ ДЕ ГОЛЛЕМ ПО РАДИО В ЛОНДОНЕ 27 НОЯБРЯ 1942

Флот Тулона, флот Франции, перестал существовать.

В момент, когда неприятель уже готовился захватить корабли, в сердцах экипажей и их руководителей пробудился дух национального достоинства. В это мгновение перед руководителями, офицерами, матросами как бы разорвалось ужасное покрывало лжи, которое после июня 1940 застилало их взоры. В это мгновение они осознали, по какому постыдному пути их ведут.

Не видя иного выхода, французские моряки собственными руками уничтожили французский флот, желая по крайней мере

спасти родину от величайшего позора — захвата флота неприятелем.

Франция услышала залпы пушек Тулона, оглушительные взрывы, отчаянную ружейную стрельбу, последнее сопротивление. Дрожь боли, сожаления, гнева потрясла всю страну.

Пусть это несчастье, умножившее ее беды, послужит возвышению Франции и ее объединению — да, ее объединению — в единомышленном стремлении уничтожить в результате победы над врагом все ужасные последствия катастрофы и политики отречения.

Победить! Другого пути нет и никогда не было!

ТЕЛЕГРАММА ЛЮДОВИКА ШАНСЕЛЯ, ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ, ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Найроби, 28 ноября 1942

Сдача Джибути неминуема. Возрастает число гражданских и военных лиц, переходящих границу, чтобы присоединиться к нам.

Подполковник Апперт сообщает, что в скором времени ожидается прибытие генерала Дюпона. Будет доставлена большая часть артиллерии.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЛЕКЛЕРКУ, В БРАЗЗАВИЛЬ

Лондон, 28 ноября 1942

I. Даю вам общий исполнительный приказ о проведении операции у Феццана. Начиная со 2 декабря вы можете действовать по собственной инициативе с учетом указаний генерала Александра. Последний, находясь в контакте с Андерсоном, получил директивы главнокомандующего союзными войсками о том, чтобы снабжать вас информацией и обеспечить необходимой поддержкой с воздуха.

II. Принимая решения, вы должны иметь в виду:

1) что неприятель может попытаться усилить свои войска в Феццане для прикрытия своего южного фланга;

2) что неприятель будет в состоянии оказать своему гарнизону в Фецане такую сильную воздушную поддержку, что 8-я английская армия не сможет вести сухопутные и воздушные операции большого масштаба в районе Эль-Агейлы.

III. Я полагаюсь на Вас и Ваши войска.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ- ЛЮ, В ЛОНДОН

Браззавиль, 28 ноября 1942

1. Я получил от английского командования в Каире следующую телеграмму:

«Необходимо, чтобы каждая часть, вступающая в Триполитанию, обращалась к населению с идентичным воззванием. Это воззвание здесь уже заготовлено, и, если вы не находите в этом ничего для вас неприемлемого, копии будут высланы вам как командующему французскими сражающимися силами для распространения в момент вступления ваших войск в занимаемые районы.

Крайне желательно, чтобы по крайней мере два военных чиновника из английской администрации по делам оккупированных территорий были приданы вам для сопровождения ваших войск. Они будут осуществлять гражданское управление на занимаемых вами территориях до того момента, когда будет произведено окончательное объединение всей Триполитании под управлением английских военных властей. После телеграфного подтверждения вашего согласия мы направим этих чиновников в Форт-Лами. Экономическая политика Лондона допускает в Триполитании обращение исключительно итальянских лир и специальных бумажных знаков английской военной администрации. Поэтому следует запретить вашим войскам пользоваться франками и другой валютой. Мы готовы оказать вам всяческое содействие, чтобы вы могли справиться с создавшимся положением, и будем признательны, если вы нам сообщите по телеграфу:

а) приблизительные размеры ваших потребностей в деньгах на время операций в Триполитании;

б) размер имеющейся в вашем распоряжении суммы в лирах и специальных знаках».

2. Каир просит срочного ответа.

Подобные приемы не могут радовать. Я не отвечаю, ссылаясь на то, что только вы можете урегулировать этот вопрос, относящийся к международной политике.

3. Сообщаю вам, что мои военные чиновники и вспомогательный туземный персонал могут прекрасно управлять занимаемыми нами территориями от имени Франции без помощи англичан.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИКСЬЕ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 29 ноября 1942

Адмирал Старк передал мне сегодня утром послание из Вашингтона, в котором президент Рузвельт просит отложить мой приезд на время после 9 января...

Какова бы ни была настоящая причина, заставившая президента отложить нашу встречу, я полагаю, что эта отсрочка в общем выгодна...

Дело обстоит так. Вчера по просьбе Черчилля я имел с ним длительную беседу. У меня сложилось впечатление, что английское правительство, внешне относясь к нам с большой теплотой, по существу, поддерживает нас довольно вяло. Это лишний довод в пользу отсрочки моей поездки. Сейчас в Вашингтоне я мог бы оказаться перед Рузвельтом, который, сговорившись с Черчиллем, начал бы восхвалять планы «комитета координации французских дел», заседающего в Вашингтоне с участием Буллита и Галифакса, куда мы были бы приглашены наряду с Дарланом, Робером, Годфруа и т. д... и где также присутствовал бы Алексис Леже. В этих условиях мне пришлось бы или отказаться, то есть дать повод американскому, а может быть, даже и английскому правительству говорить, что мы препятствуем объединению империи, или согласиться, то есть лишиться во мнении французов самого ценного, что у нас есть. Поэтому предпочтительнее выгадать время и предоставить событиям идти своим чередом.

Во всяком случае, дальнейшее пребывание Филипа в Соединенных Штатах в настоящее время не имеет больше смысла. Я прошу Филипа срочно вернуться в Лондон.

С дружеским приветом.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЛЮДОВИКУ ШАН-СЕЛЮ, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СРЯЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ, В НАЙРОБИ

Лондон, 30 ноября 1942

Разъясните властям, войскам и населению Французского Со-мали, какие меры будут применены в случае присоединения.

1. Управлять колонией будет назначенный мною губернатор.

2. Личный состав администрации и сотрудники коммуналь-ных учреждений останутся при исполнении своих обязанностей. Их можно будет постепенно переводить на равнозначные посты в других частях империи.

3. Войска вместе с вооружением будут переброшены сначала в Сирию или на Мадагаскар, за исключением одного батальона, одной батареи и обслуживающих подразделений, которые временно останутся на месте и будут заменены вновь прибывающи-ми французскими частями.

4. По прибытии в Сирию или на Мадагаскар французские офицеры могут обращаться к местному французскому командо-ванию с просьбами о новом назначении. Такие просьбы повсеме-стно будут приниматься во внимание.

5. Все повышения в чинах, произведенные до присоединения, будут утверждаться заново.

КОММЮНИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА

Лондон, 30 ноября 1942

Французский контрминоносец «Леопард» под командованием капитана 2-го ранга Ришара прибыл 28 ноября на рейд Сен-Дени, столицы французской колонии Реюньон.

Как только стало известно о прибытии «Леопарда», жители, администрация и войска во всех городах и населенных пунктах острова немедленно присоединились к Сражающейся Франции. Незначительное сопротивление оказала только одна батарея в Пуэнт-де-Гале.

Губернатор Обер с несколькими подразделениями отошел в горы; капитан 2-го ранга Ришар вступил с ним в переговоры. Тог-

да, стремясь к умиротворению, Обер отказался от сопротивления. Таким образом, остров Реюньон полностью присоединился к Сражающейся Франции. Неподдельный патриотический энтузиазм царит во всей колонии.

Капагорри, главный администратор колоний, уполномочен генералом де Голлем обеспечить управление островом.

Вопреки более ранним сообщениям, исходящим из малоосведомленных источников, ни одна английская или южноафриканская часть не принимала участия в этих событиях.

Генерал де Голль отправил следующую телеграмму главному администратору Капагорри, которому поручено управление островом: «Присоединение Реюньона к Сражающейся Франции — это поддержка для угнетенной врагом родины и пример для империи. Прошу вас выразить от моего имени и от имени Французского национального комитета полное доверие всем вашим сотрудникам — гражданским и военным, — а также населению старой и верной французской колонии Реюньон. Да здравствует неделимая империя! Да здравствует Франция!»

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЛЕК- ЛЕРКУ, В БРАЗЗАВИЛЬ

Лондон, 1 декабря 1942

Форин офис просил моего разрешения послать к вам двух английских политических чиновников для управления Фежданом, в случае если вы им овладеете. С другой стороны, генерал Александер, насколько мне известно, направляет вам текст воззвания от своего имени, предназначенного для жителей Феждана и других частей Триполитании.

Я отвечаю английскому правительству, что ваша операция в Феждане предпринята с французской территории, французскими войсками, под руководством французов. Поэтому французскому командованию, и только ему одному, надлежит обеспечить управление неприятельскими территориями, которыми оно намеревается овладеть. Присутствие английских политических чиновников, направленных для этой цели, не соответствует нашим намерениям, и я прошу английское правительство или не посылать их вообще, или вернуть из района Чад, если они уже прибыли туда.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЛЕК- ЛЕРКУ, В БРАЗЗАВИЛЬ

Лондон, 2 декабря 1942

Я получил вашу телеграмму от 28 ноября по поводу английских предложений относительно Феццана. Вчера я направил вам телеграмму по тому же вопросу.

Феццан должен стать долей Франции в битве за Африку. Феццан — это географическая связь южного Туниса с территорией Чад. Вы должны безоговорочно отклонить всякое английское вмешательство в этом районе, в какой бы форме оно ни предпринималось: политической, административной, финансовой и т. д.

На всякое английское требование, касающееся Феццана, вы и впредь должны отвечать, что эти вопросы находятся в ведении генерала де Голля и Национального комитета.

С дружеским приветом

ТЕЛЕГРАММА ЖАН-ШАРЛЯ КАПАГОРРИ, ГУБЕРНА- ТОРА РЕЮНЬОНА, НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Сен-Дени, 4 декабря 1942

Политическая обстановка улучшается с каждым днем. Основная масса населения стихийно присоединилась к нам, и лишь отдельные лица выражают недовольство. Но я надеюсь, что скоро присоединятся и они. Наши моряки не понесли никаких потерь. Две женщины стали жертвами стрельбы береговой батареи. Во время стычки убит один штатский. И, наконец, я скорблю о смерти Раймона Декюжи, начальника служб коммунального хозяйства, железной дороги и порта, присоединившегося к Сражающейся Франции; он был убит по дороге к береговой батарее, куда направлялся, чтобы прекратить огонь против нас.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЛАВНОМУ И ПОЛНОМОЧНОМУ ДЕЛЕГАТУ В ЛЕВАНТЕ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ; ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ СВОБОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКИ ЭБУЭ; КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЕННЫМИ СИЛАМИ В СВОБОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКЕ ГЕНЕРАЛУ ЛЕКЛЕРКУ; ВЕРХОВНОМУ КОМИССАРУ В РАЙОНЕ ТИХОГО ОКЕАНА АДМИРАЛУ Д'АРЖАНЛЬЁ; ДЕЛЕГАТАМ СРЯЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ ПРИ СОЮЗНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВАХ

Лондон, 5 декабря 1942

Считал бы необходимым информировать вас о моих намерениях в условиях очень трудной и очень тягостной для всех французов ситуации, возникшей в результате чудовищной сделки Дарлана с американцами. В публичных выступлениях, в частных беседах вы обязаны придерживаться следующей линии:

1) мы всегда хотели и теперь хотим, более чем когда бы то ни было, объединения империи в общем военном усилии. Мы хорошо знаем, что этому препятствуют раздоры и смятения, порожденные годами режима Виши в Северной и Западной Африке. Но мы верим, что эти препятствия могут и должны быть преодолены;

2) первым необходимым условием является удаление нескольких лиц, которые символизируют собой капитуляцию, коллаборационизм и узурпацию. Речь идет прежде всего о Дарлане. Я имею в виду также Буассона. Если мы будем общаться с ними, то потеряем всякое доверие во Франции, за границей и даже среди наших сторонников. Но мы вовсе не собираемся исключать из своих рядов таких людей, как Жиро, Жюэн, Барре и др. Они могли ошибиться, но они не совершили никакого преступления. Мы готовы договориться с ними;

3) если Дарлан и Буассон будут устранены, мы могли бы незамедлительно вступить в контакт с властями Северной и Западной Африки. Для начала мы предложили бы совместно организовать такую систему взаимодействия, при которой наши усилия военного, экономического и морального характера совпали бы с их собственными. Совместные действия осуществлялись бы в следующих двух областях: поражать неприятеля, где только возможно; поддерживать суверенитет Франции на всех наших территориях и в отношении кого бы то ни было. Такое взаимодействие могло бы быть установлено путем взаимных визитов и через постоянных

делегатов связи между Лондоном, Алжиром, Бейрутом, Дакаром, Бразавилем, Рабатом и Форт-Лами;

4) я думаю, что объединение усилий в войне позволило бы вскоре определить наши общие цели во всех областях. Я полагаю также, что боевой дух тех, кто сейчас отмалчивается, все же поможет им встать в наши ряды. Наконец, я думаю, что скоро всем станет ясна необходимость создания общего руководящего органа как для направления военных усилий империи и Сопrotивления во Франции, так и для осуществления связей со всеми союзниками. Единственно, этот руководящий орган должен быть более широким по своему составу, чем наш теперешний Национальный комитет;

5) я был бы рад получить ваши соображения по всем этим, а также и по другим вопросам, которые вы сочтете нужным мне представить.

ТЕЛЕГРАММА ЛЮДОВИКА ШАНСЕЛЯ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Найроби, 7 декабря 1942

Подполковник Рейналь из гарнизона Джибути прибыл в Диредаву, в Эфиопию, с 40 офицерами и 1500 солдатами. Он сразу же послал телеграмму, в которой выражает чувство верности и преданности своему бывшему начальнику, генералу Лежантийому... в настоящее время национальному комиссару по военным делам и верховному комиссару Мадагаскара.

ТЕЛЕГРАММА АДРИЕНА ТИКСЬЕ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 8 декабря 1942

1. Сегодня утром адмирал д'Аржанлье в течение часа в моем присутствии беседовал с Корделлом Хэллом, который осветил общее положение в Северной Африке и, в частности, разъяснил ему, что использование Дарлана было вызвано непредвиденными обстоятельствами чисто военного характера, за которые государственный департамент не несет никакой ответственности.

2. Адмирал д'Аржанлье со своей стороны пошлет нам на следующий неделе подробный отчет о беседе. Лично я хочу отметить несколько моментов, представляющих интерес с точки зрения ориентации нашей политики:

а) позиция государственного департамента, в сущности, не меняется. Нельзя сказать, когда придет конец изворотам с Дарланом. Все зависит от развития военной ситуации, которая сейчас принимает критический оборот не только из-за тяжелых боев под Бизертой и Тунисом, но и из-за опасений насчет позиции Испании, в нейтралитете которой совершенно нет уверенности;

б) государственный секретарь всячески выражал свое восхищение генералом де Голлем и Национальным комитетом за их вклад в дело общей борьбы против держав оси;

в) он признал, что существуют трения между друзьями и союзниками, но американское правительство совершенно определенно считает, что эти трения, сколь бы серьезны они ни были, никогда не приведут к разрыву.

3. Было видно, что государственный секретарь хотел придать беседе непринужденный характер, чтобы способствовать разрядке в отношениях между правительством Соединенных Штатов и Сражающейся Францией.

Я полагаю, что и с нашей стороны также следует добиваться необходимой разрядки.

КОММЮНИКЕ О ПОЛОЖЕНИИ В МАДАГАСКАРЕ, ОПУБЛИКОВАННОЕ СОВМЕСТНО С АНГЛИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И НАЦИОНАЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ

14 декабря 1942

Переговоры между английским правительством и Национальным комитетом о Мадагаскаре завершились заключением соглашения, которое было подписано сегодня, 14 декабря, Иденом и генералом де Голлем.

В силу этого соглашения временный военный режим, установленный английскими властями после оккупации острова Мадагаскара, придет к концу, как только генерал Лежантьиом прибудет в это французское владение. Одновременно предусмотрены все необходимые меры для восстановления на острове под влас-

тью верховного комиссара, назначенного Национальным комитетом, французского суверенитета.

Верховный комиссар незамедлительно приступит к реорганизации французских вооруженных сил на подвластных ему территориях, чтобы они могли принимать участие в защите острова и в случае необходимости — в операциях на театрах войны против общего врага.

Одновременно на командуемого английскими войсками на Мадагаскаре будет возложена задача защиты территории от нападений извне. Заключенное соглашение определяет во всех деталях полномочия командуемого английскими войсками.

Условлено, что все вопросы, которые не могут быть решены на месте верховным комиссаром и командуемым английскими войсками, будут решаться по соглашению между английским правительством и Французским национальным комитетом.

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПО ЛОНДОНСКОМУ РАДИО 14 ДЕКАБРЯ 1942

Соглашение, которое я только что подписал с Иденом, восстанавливает на Мадагаскаре французский суверенитет и устраняет тем самым последствия столь прискорбных недавних событий. Таким образом, наша большая и прекрасная африканская колония сможет в свою очередь развернуть значительную военную и экономическую активность на службе Франции.

Все знают, что Мадагаскар и вся империя в целом всей душой хотели продолжать войну в июне 1940 после поражения метрополии, если бы не преступная политика, запрещавшая им бороться с врагом и, наоборот, приказывавшая воевать с нашими союзниками.

На Мадагаскаре, как и в других местах, Сражающаяся Франция исправит положение и восстановит законы республики, цементирующие единство империи.

Вместе с Национальным комитетом я питаю полное доверие к высокому авторитету и большому опыту верховного комиссара Франции генерала Лежантийома.

В связи с заключением этого соглашения я хочу отметить ту исключительную лояльность, которую только что снова проявила Англия, наша добрая старая союзница. Французский народ, перенесший столько испытаний, с удовлетворением констатирует, что

английское правительство уважает суверенитет Франции в ее империи и, несмотря ни на что, выполняет свои обязательства с самой благородной добросовестностью. Полностью осуществлены положения коммюнике, опубликованного 13 мая этого года английским правительством об управлении островом, и заявления Французского национального комитета от 13 июля по тому же вопросу.

Франция не может не ценить это новое свидетельство нашего союза.

ПРЕДПИСАНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ Д'АСТЬЕ ДЕ ЛА ВИЖЕРИ

Лондон, 18 декабря 1942

Корпусному генералу авиации д'Астье де ла Вижери надлежит отправиться во Французскую Северную Африку (Алжир, Марокко, Тунис) для того, чтобы:

- а) изучить положение в Северной Африке со всех точек зрения;
- б) информировать о положении непосредственно и лично генерала де Голля;
- в) при возможности подготовить для генерала де Голля предложения как общего, так и частного характера о мерах, необходимых для создания военного союза французских заморских территорий, который был бы связан с национальным Соппротивлением и действовал бы совместно со всеми союзниками.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЭЙ- ЗЕНХАУЭРУ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СОЮЗНЫМИ ВОЙСКАМИ В АЛЖИРЕ

Лондон, 18 декабря 1942

С вашего согласия генерал д'Астье де ла Вижери отправляется во Французскую Северную Африку. Я поручил ему информироваться самому и информировать меня. Необходимо, чтобы он имел возможность устанавливать нужные контакты.

Пользуюсь удобным случаем, чтобы выразить вам искренние поздравления с блестящей победой, которую вы одержали, и горячо пожелать победы в развертывающейся великой битве.

**ТЕЛЕГРАММА АДРИЕНА ТИКСЬЕ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ-
ЛЮ, В ЛОНДОН**

Вашингтон, 18 декабря 1942

Уэллес вызвал меня сегодня вечером и просил передать, что президент Рузвельт охотно примет вас 10 января для продолжительной беседы.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИКСЬЕ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 19 декабря 1942

Получил вашу телеграмму от 18 декабря.

Прошу вас передать Сэмнеру Уэллесу, что 9 декабря я рассчитываю быть в Вашингтоне в полном распоряжении президента.

КОМЕДИЯ

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО, В АЛЖИР

Лондон, 25 декабря 1942

Покушение в Алжире является одновременно и симптомом и предупреждением.

Оно является симптомом отчаяния, в которое трагедия Франции ввергла умы и души французов.

Оно служит предупреждением о последствиях, к которым может привести отсутствие национальной власти в момент величайшего кризиса в нашей истории.

Национальная власть необходима теперь, как никогда.

Я предлагаю вам, генерал, встретиться со мной как можно скорее на французской территории – в Алжире или на территории Чад – для обсуждения мер, которые помогли бы объединить под временной центральной властью все французские силы во Франции и вне ее и все французские территории, способные бороться за освобождение Франции и ее спасение.

КОММЮНИКЕ ШТАБ-КВАРТИРЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СВОБОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКИ

Браззавиль, 25 декабря 1942

В течение двух дней французские войска территории Чад ведут бои с неприятелем у Фецана. Моторизованный отряд неприятеля обращен в бегство нашими передовыми частями.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЖИРО ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Алжир, 29 декабря 1942

Получил вашу телеграмму, за которую благодарю. Полностью разделяю ваше мнение о необходимости объединения всех французов в войне за освобождение Франции. Однако совершенное недавно убийство вызвало большие волнения в гражданских и военных кругах Северной Африки. Поэтому в настоящий момент обстановка для нашей личной встречи неблагоприятна. Так как военные события в Северной Африке развиваются быстро, то для вас было бы предпочтительнее послать ко мне компетентного представителя для налаживания сотрудничества между французскими вооруженными силами, сражающимися в настоящее время с общим врагом.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА, КОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ В СВОБОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКЕ, ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Штаб-квартира, 30 декабря 1942

Авиагруппа «Бретань» бомбардировала аэродром в Себха. Во время бомбардировки на аэродроме находилось много самолетов. Был замечен большой пожар. Все наши самолеты вернулись на свою базу.

К югу от Феццана наши моторизованные части продолжают продвижение.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛАРМИНА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Каир, 31 декабря 1942

Вчера я имел весьма сердечную беседу с генералом Александром Он выразил желание удовлетворить наши пожелания.

1. Он считает, что сражение в Северной Африке будет длительным и мы успеем собрать дивизию полного двухбригадного состава с приданной ей артиллерией.

2. В настоящее время он дает возможность сосредоточить наши силы в районе Тобрука для совместной военной подготовки и просит нас ускорить формирование недостающих частей, то есть главным образом артиллерии 2-й бригады.

3. Он твердо обещал включить нас, как только представится случай, в боевые действия совместно с французскими войсками Северной Африки. Он сделает это и в том случае, если дивизия еще не будет к тому моменту комплектована полностью.

ТЕЛЕГРАММА ЛЮДОВИКА ШАНСЕЛЯ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Харрар, 31 декабря 1942

Соглашение о присоединении Французского Сомали к Сражающейся Франции было подписано 29 декабря в 10 часов на вокзале Диредавы генералом Фаукесом, генералом Дюпоном и мною. Все внутренние группы и часть фронтовых войск уже присоединились к вооруженным силам подполковников Апперта и Рейналя. Тексты соглашений направлены вам. Генералы Дюпон и Трюффер завтра по своему желанию покинут Джибути и будут гостями англичан до тех пор, пока сами не придут к окончательному решению относительно мест своего назначения. Девять человек, известных своей враждебностью, будут интернированы. Я войду в Джибути завтра в 9 часов вместе с подполковниками Аппертом и Рейналем, войска которых прибудут к 11 часам. Я передам в среду от вашего имени управление Французским Сомали губернатору Бейрделлю.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО, В АЛЖИР

Лондон, 1 января 1943

Получил ваш ответ и рад первому обмену мнениями,¹ состоящему между нами. Однако я ни в коем случае не думаю, что объединение всей империи и всех наличных французских вооруженных сил и сил сопротивления во Франции должно откладываться. Я уверен, что вы придерживаетесь такого же мнения о необходимости срочного объединения, чтобы освобождение нашей страны

произошло в условиях, отвечающих ее интересам и ее достоинству. Я убежден в том, что только центральная французская временная власть, учрежденная на основе национального единства, достигнутого в интересах ведения войны, способна обеспечить должное руководство усилиями французов, поддержать суверенитет Франции и достойно представлять ее за границей. Я думаю, в частности, что только такая власть может положить конец нынешним затруднениям во Французской Северной и Западной Африке.

Таким образом, я должен возобновить предложение, которое я вам уже сделал, о встрече со мной для обсуждения возможностей достижения этой цели.

Я понимаю всю сложность положения в Алжире. Мы могли бы без затруднений встретиться в Форт-Лами, либо в Браззавиле, либо в Бейруте — по вашему выбору.

С доверием жду вашего ответа.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ, ОПУБЛИКОВАННОЕ 2 ЯНВАРЯ 1943

Внутренняя смута во Французской Северной и Западной Африке продолжает нарастать.

Ее причина состоит в том, что французская власть здесь после крушения Виши не имеет прочной основы, так как огромная сила национального энтузиазма и опыта, которой обладает Сражающаяся Франция и благодаря которой большая часть империи уже участвует в войне, и официально не представлена на этих французских территориях.

Последствия этой смуты таковы: прежде всего сложилось положение, которое затрудняет и будет затруднять операции союзных армий; затем в самый решительный момент Франция оказалась лишенной сильного козыря, каким было бы объединение ее обширной империи, ведущей войну, с сопротивлением в метрополии; наконец — и это, быть может, самое важное — оцепенение французского народа, потрясенного странной участью той части ее империи, которая только что была освобождена.

Исправить положение может только установление во Французской Северной и Западной Африке, как и на всех других заморских территориях, центральной временной власти, основой которой будет национальное единство, источником вдохновения —

боевой освободительный дух, а законами — законы республики, пока нация не изменит своей воли. Такова традиция французской демократии. Так, в 1870 после крушения империи деятели национальной обороны временно взяли от имени Республики в свои руки власть для руководства военными действиями всей нации.

25 декабря с согласия Национального комитета и Совета обороны империи я предложил генералу Жиро безотлагательно встретиться со мной на французской территории и обсудить возможности достижения этой цели. Я думаю, что предложение Франции, так же как и общее военное положение, не допускают никаких отсрочек.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЛЮДОВИКУ ШАНСЕЛЮ, В ДЖИБУТИ

Лондон, 3 января 1943

Я хотел бы сказать вам, насколько лично я и Национальный комитет были удовлетворены вашими решительными и умелыми действиями при выполнении трудной миссии. Ваши действия были особенно важны для дела присоединения к Сражающейся Франции Французского Сомали и для сохранения французского суверенитета в этой колонии. Я рассчитываю, что в переговорах, которые должны начаться с правительством негуса и английскими властями, вы добьетесь удовлетворительного урегулирования на время войны внешних отношений колонии и сохранения прав и влияния Франции в Эфиопии. Сегодня я вас наградил недавно учрежденной медалью французского Сопrotивления: вы первый пожалованы ею.

С дружеским приветом.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЖИРО ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Алжир, 5 января 1943

Только что получил вашу телеграмму от 1 января. Предлагаю назначить нашу встречу в Алжире на конец января. До этого срока я, к сожалению, занят неотложными делами и выполнением

ранее взятых обязательств. Не имею свободного времени до конца месяца.

Как я уже просил вас в моей последней телеграмме, снова предлагаю созвать совещание наших военных экспертов. Желательно сделать это как можно скорее.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО, В АЛЖИР

Лондон, 7 января 1943

Сожалею, что ваши обязательства вынуждают вас отложить до конца января встречу, которую я предлагал назначить на 25 декабря. Должен сказать со всей откровенностью, что вместе с Французским национальным комитетом я придерживаюсь другого мнения относительно срочной необходимости достижения единства империи и объединения ее усилий с усилиями национального Сопrotивления. Можно опасаться, что всякая задержка вызовет разочарование французского народа и повредит нашей стране. С другой стороны, нет уверенности, что позже, в условиях переживаемых нами стремительных событий, психологически представится другая возможность встретиться. Вашу просьбу об установлении военной связи между нами я учту, несмотря на тот факт, что генералу д'Астье де ла Вижери, посланному мной в Алжир 19 декабря, почти тотчас же было предложено выехать оттуда. Прошу сообщить, на каких основаниях и условиях, по вашему мнению, может быть установлена такая связь. Наконец, я полагаю, что не следует поддерживать нашу связь путем передачи незашифрованных текстов через иностранные органы. Я готов послать вам с офицером код, чтобы мы могли связываться шифром с Лондоном, Алжиром и Браззавилем.

ТЕЛЕГРАММА АДРИЕНА ТИКСЬЕ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 6 января 1943

Позиция Национального комитета, определенная в заявлении генерала де Голля от 2 января, стала объектом все более и более многочисленных и резких критических выступлений. Радио от-

носятся к нам особенно критически... Провинциальная пресса публикует передовые статьи, в трех случаях против одного неблагоприятные для нашей позиции. Нас даже упрекают в стремлении подорвать авторитет генерала Эйзенхауэра и подвергнуть опасности американскую экспедицию в результате вызванных нами там внутренних волнений. Нас упрекают в том, что мы являемся причиной английского давления на Вашингтон и сеем раздор между союзниками...

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Штаб-квартира, 7 января 1943

После трехдневных боев войска полковника Ингольда захватили 4 января ключевую позицию Умэль-Аранеба. Позиция была сильно укреплена неприятелем. Мы взяли 200 пленных, среди которых десять офицеров. Захвачено десять пушек, двадцать пулеметов, мортиры и автоматическое оружие.

РАПОРТ АНДРЕ БЕЙАРДЕЛЛЯ, ГУБЕРНАТОРА ФРАНЦУЗСКОГО СОМАЛИ, НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Джибути, 8 января 1943

Вслед за высадкой союзных войск и после событий во Французской Северной Африке почти все гражданское население Джибути и часть войск заняли определенную позицию в пользу союзников. Около 1600 солдат под командой подполковников Рейналя и Аннетона... перешли границу Британского Сомали... в ночь с 27 на 28 ноября; кроме того, поодиночке перешли границу 150 военных и около 30 гражданских лиц. Сдача солдат и других лиц усилила возбуждение в стране.

Начались официозные переговоры между представителями Сражающейся Франции и властями Джибути. Они не имели успеха из-за обструкции ближайших советников губернатора, руководимых начальником 2-го бюро майором Антуаном... Английский генерал Фаукес, командующий английскими войсками в этом районе, отправился 18 декабря в Джибути в сопровождении Гоп-

кинсона и с согласия представителей Сражающейся Франции. Это посредничество также не имело успеха, и по тем же причинам.

В этих условиях в 6 часов вечера 26 декабря французские свободные войска перешли границу возле Элизабет, гарнизон которого немедленно присоединился к Сражающейся Франции. Тотчас же начался ремонт железной дороги, выведенной из строя более двух лет назад властями Французского Сомали... В это же время моторизованный отряд присоединился к гарнизону Уа, в 40 километрах от Джибути по абиссинской дороге. Утром 27 декабря... были заняты два передовых укрепления, гарнизон которых присоединился к нам. Делегат Французского национального комитета Шансель обосновался в Элизабет. 28 декабря генерал Дюпон попросил о встрече с генералом Фаукесом и с представителем Французского национального комитета.

Тем временем большая часть гарнизона Джибути выразила желание присоединиться к Сражающейся Франции. После обмена телеграммами была назначена конференция в Шебеле... Эта конференция открылась в 18 час. 30 мин.; в ней приняли участие с одной стороны — Шансель, делегат Французского национального комитета, подполковник Рейналь, подполковник Апперт и с другой стороны — генерал Дюпон, губернатор Французского Сомали. На конференции присутствовали генерал-майор Фаукес, а также Гопкинсон.

Протокол о присоединении Французского Сомали к Сражающейся Франции был представлен генералу Дюпону, который его тут же подписал без всякой дискуссии. Вступление в Джибути делегата Французского национального комитета в сопровождении подполковников Рейналя и Апперта было назначено на 29 декабря. В 9 час. 15 мин. автомотриса доставила их на вокзал Джибути. Они были встречены на вокзале начальником канцелярии губернатора и многочисленными гражданами, которые их приветствовали и поднесли цветы. Тотчас же произошла передача власти. Первые части Свободных французских сил прибыли в город в 10 час. Чиновники, командиры отдельных частей и руководители учреждений были приняты делегатом Национального комитета в 18 час. в правительственном дворце.

30 декабря в 10 час. Бейарделль, губернатор Французского Сомали, прибыл на самолете и в торжественной обстановке во дворце губернатора принял гражданские и военные власти колонии, так же как и видных деятелей города.

1 января генерал Лежантйом в сопровождении генерала Уильяма Платта, главнокомандующего английскими войсками в

Восточной Африке, прибыл в Джибути и принял парад всех войск гарнизона.

Присоединение Французского Сомали произошло без малейшего инцидента и без единого выстрела. За исключением единичных руководителей учреждений, в настоящее время почти все чиновники и гражданские лица искренне присоединились к Сражающейся Франции.

Благодаря мерам, принятым службами английского интендантства, обеспечено снабжение населения в таких размерах, о которых оно уже забыло на протяжении последних тридцати месяцев. В совершенно пустынном еще неделю назад порту появились признаки жизни. Туземцы, изгнанные из своих деревень прежними властями, обращаются с просьбой о возвращении в колонию.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Штаб-квартира, 9 января 1943

Гатрун капитулировал 6 января. Мы захватили 177 офицеров и солдат и значительное количество оружия, которое еще не подсчитано. Гатрункой позицией овладела группа кочевников-мехаристов* из Тибести, преодолевшая под командой капитана Саразака сотни километров расстояния в рекордное время... Авиагруппа «Бретань» полностью разрушила авиационный ангар, мастерские и склад боеприпасов.

ТЕЛЕГРАММА АДРИЕНА ТИКСЬЕ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 11 января 1943

По приглашению Сэмнера Уэллеса я виделся с ним, сегодня утром. Он дал мне прочесть записку, адресованную ему Рузвельтом. Содержание записки примерно следующее: «Я приму с удовольствием генерала де Голля, если он приедет в Соединенные Штаты в конце января. Через несколько дней я смогу определить более точную дату».

---

*Арабская кавалерия на верблюдах. — Прим. ред.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Штаб-квартира, 12 января 1943

Феццан занят. Войска полковника Ингольда взяли Мурзук, религиозную столицу, и Себха, главный военный центр. Гарнизоны взяты в плен почти в полном составе. Наши передовые части значительно продвинулись по направлению к северу...

Полковник Деланж вступил в обязанности военного губернатора Феццана.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЛЕКЛЕРКУ, В ФЕЦЦАН

Лондон, 16 января 1943

Получил Вашу телеграмму о дальнейших операциях после занятия Феццана. Наиболее желательно развертывание действий по направлению к Триполи. Но для этого нужно, чтобы 8-я английская армия перешла в наступление на неприятельские позиции к востоку от Мисураты.

Во всяком случае, желательно, чтобы вы направили, как только будет возможно, отряд к Шату и Гадамесу, чтобы занять эти пункты и войти западнее в дружественный контакт с французскими сахарскими частями Северной Африки...

Я обращаюсь к начальнику имперского штаба с просьбой о том, чтобы 8-я армия снабжала вас горючим.

ТЕЛЕГРАММА УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

(Перевод)

Марокко, 16 января 1943

Я был бы рад, если бы вы прибыли сюда с первым же самолетом, который мы предоставим, так как я имею возможность устроить вашу встречу с генералом Жиро в условиях полной секретности и с наилучшими перспективами.

Было бы желательно, чтобы вы прибыли вместе с Катру, так как Жиро захочет иметь кого-либо, вероятно, Бержере. Переговоры, однако, происходили бы между двумя французскими главами, пока не было бы найдено удобным поступить иначе. Жиро будет здесь в воскресенье, и я надеюсь, что погода позволит вам прибыть в понедельник.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ УИНСТОНУ ЧЕРЧИЛЛЮ, В АНФУ

Лондон, 17 января 1943

Ваше послание, переданное мне сегодня в полдень Иденом, является для меня довольно неожиданным.

Как вам известно, после рождества я несколько раз телеграфировал Жиро, чтобы поторопить его встретиться со мной. Хотя с рождества обстановка изменилась в направлении, которое делает сейчас достижение соглашения менее легким, я охотно встретился бы с Жиро на французской территории, где и как только он этого пожелает, сохраняя в полной мере желаемую секретность. Я сейчас же посылаю к нему офицера для установления прямой связи между нами. Я в высшей степени ценю чувства, которыми проникнуто ваше послание, и горячо благодарю вас за это. Однако позвольте мне сказать, что атмосфера весьма высокого союзного ареопага вокруг переговоров Жиро с де Голлем и, с другой стороны, неожиданные условия, в которых мне предлагаются эти переговоры, по моему мнению, не способствуют наилучшим образом достижению эффективного соглашения. Простые и прямые переговоры между французскими руководителями были бы, я считаю, наиболее подходящими для подготовки действительно полезного соглашения.

Я хотел бы снова заверить вас, что Французский национальный комитет ни в чем не отделяет высших интересов Франции от интересов ведения войны и Объединенных Наций. Именно по этой причине необходимо, по моему мнению, быстрое и полное исправление внутреннего положения в Северной Африке в интересах развертывания максимальных усилий для ведения войны и для успешного воплощения наших принципов.

Я вновь телеграфирую Жиро, чтобы возобновить мое предложение о немедленной встрече, на которое до сих пор я не получил никакого ясного ответа.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО, В АЛЖИР

Лондон, 17 января 1943

Помните, что я по-прежнему готов встретиться с вами на французской территории, среди французов, где и когда вы пожелаете.

Я направляю к вам полковника Бийотта и майора Пеабона с шифром для установления связи между нами.

ТЕЛЕГРАММА УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОНЕ (Перевод)

Анфа, 19 января 1943

Я уполномочен заявить вам, что направленное вам приглашение прибыть сюда исходило от президента Соединенных Штатов Америки, а также от меня.

Я не говорил еще о вашем отказе генералу Жиро, который прибыл сюда в сопровождении только двух штабных офицеров и ожидает здесь. Последствия этого отказа, если вы будете упорствовать, будут, по моему мнению, крайне серьезными для движения Сражающаяся Франция. Прежде всего должна быть достигнута договоренность о Северной Африке. Мы были бы рады, если бы вы приняли участие в этих консультациях, которые в противном случае должны быть проведены в ваше отсутствие.

Эти соглашения, когда они будут заключены, получат поддержку со стороны Великобритании и Соединенных Штатов.

Ваш отказ прибыть на предложенную встречу будет, по моему мнению, осужден общественным мнением.

Конечно, не может быть и речи о том, чтобы пригласить вас посетить в ближайшем будущем Соединенные Штаты, если вы сейчас отвергнете приглашение президента.

Моя попытка помочь устранению трудностей, которые существуют между вашим движением и Соединенными Штатами, определенно потерпит неудачу в результате вашего отказа, и я, конечно, не смогу возобновить свои усилия в этом направлении, пока вы останетесь руководителем движения.

Дверь не закрыта. Если вы со всем знанием дела отвергнете эту единственную возможность, то это не сможет не привести к крайне тяжелым последствиям для движения Сражающаяся Франция.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ УИНСТОНУ ЧЕРЧИЛЛЮ, В АНФУ

Лондон, 20 января 1943

На основании вашего второго послания у меня создается впечатление, что целью вашего там присутствия и присутствия президента Рузвельта является достижение некоторых соглашений с генералом Жиро относительно Французской Северной Африки. Вы любезно предлагаете мне принять участие в соответствующих обсуждениях, добавляя, однако, что соглашения будут, возможно, заключены без моего участия.

До сих пор всякое союзническое предприятие в Северной Африке решалось, подготавливалось и выполнялось без всякого официального участия Сражающейся Франции, причем я не имел возможности располагать какими-либо средствами для получения прямой и объективной информации о событиях. Однако вам известна весьма серьезная ответственность, которую я сам и Французский национальный комитет несем в этой войне перед нашей страной, защищая интересы Франции.

Решения, принятые без участия Сражающейся Франции в отношении Северной Африки и Французской Западной Африки и с другой стороны сохранение в этих областях власти, исходящей из Виши, привели к созданию такой внутренней обстановки, которая, кажется, не вполне удовлетворяет союзников, и я могу вас заверить, что она никоим образом не удовлетворяет и Францию.

Сейчас президент Рузвельт и вы вдруг просите меня принять участие в переговорах, ни программа, ни условия которых мне не известны и в которых вы неожиданно призываете меня обсуждать с вами проблемы, связывающие во всех отношениях будущее Французской империи и Франции.

Однако, несмотря на эти вопросы формы, сколь бы важными они не были, общая военная ситуация и состояние, в котором временно находится Франция, не позволяют мне отказаться от встречи с президентом Соединенных Штатов Америки и с пре-

мьер-министром его величества. Меня будут сопровождать генерал Катру и адмирал д'Аржанлье.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Штаб-квартира, 24 января 1943

В результате ожесточенных боев моторизованные войска подполковника Дио 20 января овладели сильно укрепленной неприятельской позицией, прикрывающей Мизду. Захвачено значительное военное имущество. 21 января наши войска заняли Мизду, основательно укрепленный центр неприятельского сопротивления, преграждавший доступ с юга к Джебель-Нефусе, который был охвачен с севера английской 8-й армией. В этих боях особенно отличился капитан Троядек. Неприятель отступает в беспорядке, оставляя на месте убитых, раненых и значительное военное имущество.

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ И ГЕНЕРАЛА ЖИРО, 26 ЯНВАРЯ 1943

По окончании первых переговоров во Французской Северной Африке генерал де Голль и генерал Жиро делают следующее совместное заявление:

«Мы увиделись. Мы беседовали. Мы констатировали наше полное согласие относительно преследуемой нами цели — освобождения Франции и торжества свобод человека путем полного поражения неприятеля.

Эта цель будет достигнута в результате объединения в войне всех французов, сражающихся бок о бок со всеми их союзниками».

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Штаб-квартира, 26 января 1943

Пробившись через Джебель-Нефусу, отряд Сражающейся Франции под командой капитана Фаррэ 25 января достиг Триполи. Отряд установил связь с английским командованием

через тридцать дней после того, как он покинул территорию Чад...

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ СВОБОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКИ ЭБУЭ; КОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ В СВОБОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКЕ ГЕНЕРАЛУ ЛЕКЛЕРКУ; ВЕРХОВНОМУ КОМИССАРУ В РАЙОНЕ ТИХОГО ОКЕАНА АДМИРАЛУ Д'АРЖАНЛЬЕ; ДЕЛЕГАТАМ СРЯЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ ПРИ ИНОСТРАННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВАХ

Лондон, 28 января 1943

Резюмирую впечатления о переговорах в Касабланке и скромный итог достижений.

Мои беседы, а также беседы Катру и д'Аржанлье с Жиро были сердечными. Но они показали, что достигнуть реального объединения весьма трудно. Жиро не соглашается изменить существующий в северной Африке строй, который является строем Виши. Он намерен оставить на своих местах Ногеса, Буассона, Пейрутона, Берже. Впрочем, фактически Жиро не располагает реальной властью, хотя пользуется некоторым влиянием в войсках. В то же время Жиро предложил, чтобы Сражающаяся Франция подчинялась ему. К чему это привело бы нас? Мы растворились бы в плохой местной африканской системе и перестали существовать. Французские массы не согласились бы с этим. К тому же дело Франции оказалось бы в полной зависимости от американцев, как и сам Жиро.

Я предложил Жиро войти в состав Сражающейся Франции в качестве главнокомандующего всеми вооруженными силами. Он не принял этого предложения. Окружение Жиро хочет заставить его играть политическую роль. В то же время он является пленником крупных феодалов Виши. Они оказывают ему почести и используют его как удобную ширму, позволяющую им сохранять свои должности, свою власть и продолжать свою линию атлантизма.

За неимением лучших возможностей мы договорились с Жиро установить взаимные связи с точки зрения военной, экономической и др. Мы надеемся, что таким путем постепенно будет происходить сближение, тем более что общественное мнение

Французской Северной Африки все более и более склоняется в нашу пользу.

Мои беседы с Рузвельтом прошли хорошо. У меня сложилось впечатление, что он наконец понял, что такое Сражающаяся Франция. Это может иметь большие последствия в дальнейшем. Вместе с тем Рузвельт и Черчилль как будто убедились в том, что генерал Жиро по своей природе и по своим качествам пригоден только для военного командования.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Штаб-квартира, 29 января 1943

Продолжая наступление, войска территории Чад 26 января овладели на границе Туниса пунктами Дердж и Гадамес, захватив много пленных. В наши руки попало значительное военное имущество.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО, В АЛЖИР

Лондон, 2 февраля 1943

Генерал Катру в скором времени покинет Лондон и направится в Бейрут. Я хочу, чтобы он задержался на два-три дня в Алжире перед возвращением на свой пост в Сирии. Он сможет тогда увидеться с вами и рассказать о миссии, которую Французский национальный комитет рассчитывает отправить в Северную Африку, как мы об этом договорились в Касабланке.

Я предполагаю назначить генерала Катру руководителем этой миссии, как только он завершит некоторые важные дела в Леванте. Мы не хотели бы, чтобы переезд генерала Катру в Алжир вызвал скороспелые и искажающие дело отклики североафриканской и иностранной прессы и радио. Мы просим вас предупредить появление таких комментариев, исходящих из Французской Северной Африки.

Буду вам признателен, если вы срочно сообщите мне о своем согласии с этими предложениями.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЛЕК-
ДЕРКУ, В ЛИВИЮ**

Лондон, 2 февраля 1943

Отвечаю на ваш доклад.

Одобряю принятые вами с согласия Монтгомери меры относительно вашего участия в предстоящих операциях.

В особенности одобряю преобразования двух рот, разведывательной и боевой, соответственно в пулеметный эскадрон и в танковую роту. В то же время я направляю на Восток для срочного включения в ваши войска танковую роту из Кано, танковую роту из Великобритании и две танковые роты из Джибути. Из всего этого вы сможете позже сформировать два танковых батальона по три боевых роты в каждом.

Как я вам уже говорил, ваше участие в тунисском сражении не должно откладываться из-за формирования новых частей. Нужно составить план дальнейших действий. Я надеюсь, что настанет день, когда в вашем распоряжении будет моторизованная дивизия, в которую для начала войдут разведывательный полк с бронев автомобилями и самоходными пушками, танковая полубригада, моторизованная пехотная полубригада и артиллерийский полк с тракторной тягой, состоящей из двух дивизионов.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИК-
СЬЕ, В ВАШИНГТОН**

Лондон, 3 февраля 1943

Отвечаю на ваши телеграммы относительно экипажей судов, прибывших из Северной Африки.

Конечно, следует принять заявление всех французских моряков и военнослужащих из Северной или Западной Африки об их переходе к нам. Если встретятся какие-нибудь затруднения со стороны представителей Алжира, достаточно им ответить, что генерал де Голль разрешает такие переходы в другую часть.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Штаб-квартира, 4 февраля 1943

2 февраля меня посетил в Гадамесе генерал Делэ.

На чужой земле, завоеванной французским оружием, состоялся волнующий парад, в котором приняли участие войска Сражающейся Франции и войска южноалжирской территории. Установившиеся между офицерами и бойцами сердечные отношения лишней раз показали, что французское единство будет восстановлено, как только исчезнут главные виновники капитуляции и коллаборационизма.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИКСЬЕ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 9 февраля 1943

Прошу передать от меня адмиралу Роберу следующее послание:

«Зная о наших усилиях сохранить французский суверенитет на Антильских островах, я полагаю, что для нас настало время договориться, как совместить продолжение вашей деятельности с необходимостью образования центрального органа, власть которого будет распространена на всю империю и существование которого необходимо для обеспечения участия Франции в войне.

Генерал Катру только что отбыл в Алжир, чтобы продолжить переговоры по этому поводу с генералом Жиро. Буду рад, если вы примете в удобное для вас время посла Эллё, которого я вызову с этой целью из Леванта; он информирует вас о нашем положении».

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КАТРУ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Каир, 18 февраля 1943

Я встречался в Алжире с людьми разных положений... Беседовал с друзьями и противниками... В результате всех этих бесед выявились следующие факты:

1. Жиро не является тем мужем, преисполненным решимости, который у одних порождает надежды, а у других опасения. Он разочаровал тех, кто верил в него. Ждали революционера, а встретили человека, выгадывающего время, и каждый подумал: трактир все тот же, только вывеска изменилась.

2. В результате сторонники Жиро разочарованы и огорчены. Они упрекают его в том, что он не обновил гражданский и военный персонал и не только не взял под защиту военных руководителей, способствовавших его возвышению, но, более того, пошел на уступки армии, объявившей их презренными изменниками. Они рассказали мне о своем разочаровании и предложили свои услуги. Такое же разочарование постигло и «республиканцев», которые называют себя голлистами, впрочем, не столько по признакам боевого духа Сражающейся Франции, сколько по приверженности к демократическим принципам, верность которым она сохраняет.

Евреи поддакивают им и с нетерпением ожидают возобновления действия декрета Кремье*; они умножили свои демарши перед англичанами и американцами... Мусульмане... укоряют Жиро за его безразличие как к политическим требованиям элиты, так и к нищете масс. Лучшие из них отказались следовать за теми, кто помышлял призвать американцев; они ожидают много от Сражающейся Франции...

3. Этим элементам, находящимся фактически или потенциально под нашим влиянием, противостоит клиентура Виши без направляющего остова... Однако в этой среде оппортунизм является всеобщим правилом, особенно среди колонистов. Здесь начинают понимать, что игра подходит к концу и союзники побеждают. Они примирились с мобилизацией хотя и без особого рвения, но и без препирательств, и многие в душе уже присоединились к нам.

4. Каков же вывод? Повсюду высказываются пожелания, чтобы французы объединились; внушительен итог сил, ставших враждебными Виши, и тех, которые стремятся порвать с Виши. Все это позволяет сделать вывод, что Алжир может быть взят в руки, если там будет достигнута перегруппировка политических сил.

Добиться этого без Жиро невозможно, раз он занимает свое место. Надо его направлять... к выполнению этой цели, что мне

---

*Декрет о предоставлении евреям Алжира прав французского гражданства, изданный в 1870 по предложению министра юстиции Кремье. — Прим. ред.

представляется возможным со временем, если действовать терпеливо и если я буду около него.

ИНСТРУКЦИЯ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЖАНУ МУЛЭНУ (Создание Национального совета Сопротивления)

Лондон, 21 февраля 1943

1. Делегат генерала де Голля в неоккупированной зоне Жан Мулэн становится единственным постоянным представителем генерала де Голля и Национального комитета на всей территории метрополии.

2. Он может под свою ответственность временно передавать некоторые свои полномочия избранным им лицам, которые ответственны перед ним.

3. В самом ближайшем времени должен быть создан Совет Сопротивления, единый для всей территории метрополии, под председательством Жана Мулэна, представителя генерала де Голля.

4. В Совете Сопротивления должны быть представлены организации Сопротивления, политические организации и рабочие профсоюзы, участвующие в сопротивлении врагу. Объединение должно быть произведено на основе следующих принципов:

против немцев, их союзников и пособников, всеми способами, и особенно с оружием в руках;

против всех диктатур, особенно против диктатуры Виши, какой бы облик она ни приняла;

за свободу;

вместе с де Голлем в бой, который он ведет за освобождение территории и за восстановление прав французского народа.

5. Совет Сопротивления издает директивы в соответствии с инструкциями генерала де Голля и Национального комитета.

6. Для того чтобы Совет Сопротивления имел необходимый престиж и действовал эффективно, его члены должны быть облечены доверием представляемых ими групп и правом принимать решения... от имени своих избирателей.

7. Совет Сопротивления образует эмбрион национального представительства, политического совета генерала де Голля по его прибытии во Францию. К тому времени состав Совета Сопротивления будет расширен за счет введения дополнительных представительных элементов...

8. Совет Сопротивления может, если найдет полезным, создать при себе постоянную комиссию в составе пяти членов под председательством также представителя генерала де Голля и Национального комитета и заместителя по его выбору.

9. Представитель генерала де Голля, председатель Совета Сопротивления, служит естественным посредником между Советом Сопротивления, с одной стороны, и штабом вооруженных сил внутреннего фронта, центром исследований и службой информации — с другой.

МЕМОРАНДУМ ФРАНЦУЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА ГЕНЕРАЛУ ЖИРО, В АЛЖИР

Лондон, 23 февраля 1943

Перед тем как в Северной Африке начнет функционировать миссия Национального комитета, комитет считает необходимым разъяснить свои намерения относительно объединения Французской империи с французскими вооруженными силами в войне, которую Франция ведет начиная с 3 сентября 1939 против держав оси.

I. Национальный комитет с удовлетворением отмечает, что во время встречи в Анфе генерал де Голль и генерал Жиро констатировали, что они оба стремятся к одной цели: освобождению Франции и восстановлению свобод человека путем полного разгрома врага.

Но, чтобы Франция могла как в плане национальном, так и международном извлечь пользу из своих военных усилий и в будущем из участия в победе Объединенных Наций, необходимо объединение всех борющихся сил как внутри страны, так и за ее пределами, что предполагает единство, основанное на одном и том же законодательстве и руководстве всеми ее усилиями одним и тем же органом.

II. Французский национальный комитет, всецело озабоченный не личным соперничеством, которого не должно быть и которого нет, а объединением народа и Французской империи в войне на стороне своих союзников, а также достижением целей, к которым стремится французская нация, преисполнен решимости приложить все усилия, чтобы исправить существующее досадное положение и найти средства к достижению объединения. Для этого необходимы некоторые условия:

а) прежде всего так называемое «перемирие», заключенное вопреки воле Франции псевдоправительством, возбудившим против себя все французское Сопротивление, должно официально признаваться во Французской Северной и Западной Африке недействительным и не связывающим нацию. На признании этой истины основываются усилия нации в войне. Долг по отношению к стране требует и всегда требовал борьбы против врага на стороне союзников и признания политической и моральной невозможности оставить на главных руководящих постах людей, которые несут большую личную ответственность за капитуляцию и сотрудничество с врагом;

б) ...на всех французских территориях по мере их освобождения должны быть восстановлены основные свободы, за исключением только тех ограничений, которые были вызваны состоянием войны. Речь идет о свободе мысли, ассоциаций, профсоюзов, равенстве всех граждан перед законом, гарантии от какого-либо произвола, в том что касается правосудия и полиции. Разумеется, должно быть проведено немедленное освобождение всех граждан, задержанных в нарушение этих свобод...

в) пока враг оккупирует часть территории и пока более миллиона французов находятся в плену, стремление к осуществлению каких-либо политических целей и особенно изменение основных институтов и законов Франции, существовавших до 16 июня 1940 г., поставит под удар объединение граждан и военные усилия нации.

Из этого следует, что превращение республики во «Французское государство» и меры, именуемые законодательными, но внесенные нацистской или фашистской идеологией и навязанные властью, узурпировавшей свои права, должны признаваться недействительными. Республиканская законность должна быть восстановлена...

г) не должно быть никакого сомнения в том, что после освобождения всякая французская власть будет стремиться обеспечить свободное волеизъявление народа через всеобщее голосование для избрания национального представительства, которое единственно имеет права выработать конституцию Франции, создать ее правительство и, наконец, выносить суждения об актах, предпринятых всяким органом, осуществлявшим временное управление делами нации.

III. В предвидении полного освобождения территории... как только будет образована временная центральная власть, в которой найдут свое отражение и представительство различные мнe-

ния и различные виды деятельности, будет полезно учредить при этой власти совещательный совет французского Сопротивления. Этот совет мог бы быть сформирован, например, из уполномоченных, выделенных организациями Сопротивления в метрополи и боевыми элементами, членов парламента, непричастных к капитуляции и сотрудничеству с врагом, выборных представителей освобожденных территорий империи, экономических, профсоюзных, университетских групп, существующих в империи, и ассоциаций французских граждан за границей. Задача совета — стать подлинным выразителем общественного мнения французов, в той мере, в какой оно может быть услышано в существующих условиях.

IV. При всех условиях Французский национальный комитет считает необходимым в высших интересах страны немедленно установить по возможности широкое сотрудничество с Северной и Западной Африкой для совместного решения некоторых военных проблем, если только на этих территориях получают свое осуществление намерения, проявленные в Анфе.

ТЕЛЕГРАММА МОРСКОЙ СЛУЖБЫ

Гринок (Шотландия), 23 февраля 1943

102 члена экипажа французского пакетбота «Эридан», прибывшего из Северной Африки, просят срочно передать генералу де Голлю следующее послание:

«Мы, 102 члена экипажа пакетбота «Эридан», выражаем свое восхищение вашей стойкой защитой Франции и ее свобод. Мы просим оказать нам честь и разрешить поднять ваш незапятнанный и безупречный флаг на нашей фок-мачте. Будучи уверены в своей судьбе под вашей высокой властью, мы все восклицаем: «Да здравствует де Голль! Да здравствует Франция!»

Моряки подписали торжественное заявление, составленное в следующих выражениях:

«Мы, нижеподписавшиеся офицеры и матросы французского пакетбота «Эридан», находящегося в настоящее время на рейде Гринока, торжественно заявляем, что:

1) мы признаем единственно законной французской властью только Французский национальный комитет под председательством генерала де Голля;

2) мы просим, чтобы наш пакетбот со всем экипажем был немедленно передан на службу Объединенных Наций под флагом Сражающейся Франции;

3) мы не можем больше служить власти, которую не признаем».

Я предлагаю сообщить об этом заявлении местным властям. Как только вы издадите приказ, на судне будет поднят знак Лотарингского креста.

Экипаж состоит из 154 человек, включая 17 из состава АМВС*. Только вахтенные офицеры еще не подписали этого заявления.

ТЕЛЕГРАММА МОРСКОЙ СЛУЖБЫ

Гринок (Шотландия), 24 февраля 1943

101 член экипажа французского судна «Груа», прибывшего из Северной Африки, приветствуют генерала де Голля и подписали ходатайство о присоединении их к Сражающейся Франции.

Весь экипаж «Груа», включая команду АМВС, состоит из 140 человек.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ, В БЕЙРУТ

Лондон, 25 февраля 1943

В ближайшее время я намерен отправиться в Африку, чтобы встретиться с нашими войсками и посетить территории, за которые мы несем ответственность. Я рассчитываю прибыть в Каир к 8 марта, пробыть два дня в Сирии, затем отправиться к Лармина и Леклерку. Желательно, чтобы вы меня сопровождали. Затем я буду в Браззавиле, на Мадагаскаре и вернусь через Джибути. Эйзенхауэр сообщил о своем желании встретиться со мной во время моей поездки. Я ответил, что был бы рад этому, и предложил встретиться в Триполи. Он со своей стороны пред-

*Речь идет об отряде морской пехоты, приданном команде торгового судна организацией «Военное снаряжение торговых судов» (АМВС). — *Прим. ред.*

лагает Алжир. Но я не собираюсь в Алжир, кто бы меня там не принимал. Тем более что пропаганда Жиро и американцев не преминет использовать мое пребывание в Алжире как доказательство того, что мы одобряем существующий там строй, тогда как, наоборот, мы не признаем его. Я буду вам признателен, если вы предупредите Мармье о моем маршруте, чтобы он приготовил для меня самолет. Конечно, все это надо держать в строгой тайне.

ТЕЛЕГРАММА АДРИЕНА ТИКСЬЕ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 25 февраля 1943

Уэллес в особо конфиденциальном письме от 22 февраля сообщил вам, что президент был бы рад принять вас в Вашингтоне в первой или второй половине апреля.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АДРИЕНУ ТИКСЬЕ, В ВАШИНГТОН

Лондон, 27 февраля 1943

Получил вашу телеграмму от 25 февраля... Можете сообщить Уэллесу:

1. Я предоставляю себя в распоряжение президента для встречи с ним в Вашингтоне в апреле, в назначенную им дату.
2. Лично я буду рад этой встрече.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Штаб-квартира, 27 февраля 1943

Наши войска продвигаются по тунисской территории... в районе Татауина. Непрерывные бои с отступающими немецкими бронетанковыми частями... Мощные налеты неприятельской авиации... Большой подъем боевого духа.

ПИСЬМО ЧАРЛЬЗА ПИКА, ПРЕДСТАВИТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПРИ НАЦИОНАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ, АДРЕСОВАННОЕ РЕНЕ МАССИГЛИ, НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИССАРУ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

(Перевод)

Лондон, 3 марта 1943

Господин национальный комиссар!

Как вам известно, генерал де Голль пригласил меня вчера и просил сообщить ему ответ правительства его величества на его просьбу, переданную через меня, о предоставлении самолета до Каира для посещения Бейрута, свободных французских войск в Триполитании и территорий свободной Французской Африки.

Я передал министру иностранных дел правительства его величества ходатайство генерала де Голля и имею честь сообщить вам, что оно было учтено и тщательно изучено правительством его величества.

Мне поручено передать, что, по мнению правительства его величества, настоящий момент избран не совсем удачно для такого большого путешествия. При существующем состоянии французских дел главная забота правительства его величества состоит в том, чтобы добиться как можно скорее соглашения между Французским национальным комитетом и администрацией генерала Жиро. Правительство его величества радо отметить, что миссия Сражающейся Франции находится в настоящее время на пути в Алжир и что возглавляющий ее генерал Катру скоро прибудет на место.

Правительство считает более разумным, чтобы поездка генерала де Голля не предпринималась, пока не будут урегулированы отношения между Французским национальным комитетом и администрацией Алжира, и до тех пор, пока генерал Катру сам не обоснуется в Алжире и его миссия не достигнет определенных результатов. Правительство его величества не одобряет посещения генералом де Голлем государств Леванта при настоящих обстоятельствах, тем более что приближаются выборы.

Я уже указывал генералу де Голлю, что правительство его величества не считает это путешествие в настоящее время совместным с общими интересами Объединенных Наций. Правительство сожалеет, что не может в настоящее время предоставить просимые генералом де Голлем транспортные средства.

Имею честь, господин национальный комиссар, быть вашим покорным слугой.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ, В БЕЙРУТ

Лондон, 10 марта 1943

Моя поездка в Триполитанию и Свободную Африку в настоящее время откладывается по разным причинам, особенно из-за противодействия английского правительства. Оно, вероятно, опасается, как бы мое пребывание в Триполи или на территории озера Чад не вызвало волнений во Французской Северной Африке или инцидентов с Жиро. Английское правительство боится также, как бы я не попал случайно в Алжир, что ребячески наивно. Но начинает вырисовываться план другой поездки. Пока что я вынужден отложить намеченное посещение наших войск и наших территорий. Нетрудно представить, как это меня печалит и огорчает. Однако обстановка требует терпения.

В момент, когда вы приступаете в Северной Африке к серьезным переговорам от имени Национального комитета, я хочу разъяснить мои подлинные намерения. Я даже прошу вас довести их до сведения генерала Жиро и всех, кто способен работать в пользу объединения в духе доброй воли и высокого сознания.

Я безгранично желаю, чтобы объединение империи произошло как можно скорее. Этого объединения требует положение Франции относительно врага. С другой стороны, существующее раздробление империи на две части может иметь катастрофические последствия для интересов Франции и ее положения относительно союзников. Когда речь идет об условиях объединения, прежде всего надо учитывать состояние умов в метрополии. Именно поэтому никогда и ни в какой форме мы не сможем объединиться с Дарланом или пойти на сделку с режимом Виши. Страна увидела у нас определенную концепцию, и она оказывает нам доверие не только сегодня, но верит и в наше будущее. Мы не имеем права сами лишать ее этой веры и этой надежды. Кроме того, формальное, лишенное искренности объединение было бы неуместно, ибо оно способствовало бы перемещению конфликта внутрь союза и быстро привело бы к общему параличу. Короче говоря, необходимо определить основу объединения, и мы ее изложили в меморандуме Французского национального комитета.

Конечно, прискорбно, что в самый разгар войны и в самое бедственное время мы вынуждены выдвигать условия политического характера. Но у нас нет другого выхода, так как причина существующего разъединения заключается не только в противоположности мнений относительно жизненной необходимости бороться, но также в отношении к идеологии Виши. Не наша вина, что Франция переживает политический и моральный кризис, даже революцию, в то самое время, когда ей приходится воевать.

У нас нет никакого намерения поставить самого генерала Жиро в затруднительное положение. Мы только хотим, чтобы как можно скорее он начал действовать с нами заодно. Мы не собираемся упрекать кого-либо, разве только тех, кто не чувствует себя обязанным выполнить свой военный долг, или тех, кто действительно олицетворяет капитуляцию и коллаборационизм; мы не собираемся выдавать себя в Северной Африке не за то, чем мы являемся на самом деле. Как никогда, мы убеждены в своей правоте. Мы пользуемся горячим одобрением почти всей массы французов и даже значительной части населения Северной и Западной Африки. До тех пор, пока не произойдет объединения, мы хотим оставаться тем, чем мы являемся сейчас, — организацией Сражающейся Франции.

Я отдаю себе отчет в том, что вам придется маневрировать. В принципе я воздержусь от вмешательства в ваши маневры. В то же время я считаю необходимым, чтобы персонально я не был вовлечен в эти переговоры, пойдет ли речь о людях или о делах. Вы, конечно, согласитесь со мной. Прошу полагаться на надежность моей дружбы и моего доверия.

ТЕЛЕГРАММА ЛЕОНА МАШАЛЛА, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (ВРЕМЕННОГО) МИССИИ СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ, ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Алжир, 13 марта 1943

После двухнедельного пребывания в Алжире я пришел к выводу, что положение в Северной Африке одновременно и ухудшилось и улучшилось, чего в момент моего отъезда не представляли себе в Лондоне. Ухудшилось положение в том смысле, что некоторые элементы... упорно продолжают оставаться вишистами... Улучшилось — в том, что выявилось заметное изменение настроен-

ний в нашу пользу. Сегодня общая ситуация уже не та, как ее описывал Капитан. Теперь можно сказать, что мы представляем собой не просто деятельное меньшинство — отныне с нами большинство общественного мнения...

Эта перемена объясняется тем, что люди, подвергавшиеся в течение месяцев непрерывному воздействию пропаганды, приходят в себя от отравления и начинают разбираться и понимать, что такое в действительности Сражающаяся Франция; с другой стороны, нынешние руководители являют собою зрелище такой посредственности и такой беспомощности, что недовольство начинает охватывать все круги. Все больше и больше людей возлагает свои надежды на генерала де Голля, чтобы положить конец существующему положению. Авторитет генерала Жиро с каждым днем истощается. Большинство чиновников его администрации все чаще обращается к нам с призывами объединиться... В некоторых официальных кругах нам делают авансы, в частности генерал-губернатор Алжира... Было бы, конечно, неразумно считать, что Сражающаяся Франция уже сейчас одержала верх в Северной Африке. Нам противостоят определенные очаги сопротивления, уничтожить которые будет не легко. Но даже при самой скромной оценке нашей деятельности можно сказать: наше движение стало в Северной Африке фактором первостепенного значения, мы завоевываем признание даже тех, кто менее всего расположен к нам. В этих условиях приезд нашей миссии вызывает здесь известное потрясение... и предстоящее прибытие генерала Катру приобретает характер большого события. Некоторые ожидают его с беспокойством, а большинство — с нетерпением и надеждой. Все сходятся на том, что представитель Национального комитета призван сыграть здесь в ближайшие недели роль, которая может оказаться решающей... Я хочу выразить мое полное убеждение в том, что, сочетая осторожность с твердостью, мы должны прийти в Северной Африке к торжеству принципов, которыми руководствовались с июня 1940, и восстановить единство...

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ЖИРО ГЕНЕРАЛУ КАТРУ

Алжир, 15 марта 1943

Генерал!

Я считал необходимым изложить вчера публично принципы, которые определяют мои действия. Таким образом, между нами

не остается никаких недомолвок. Я уже в Анфе выразил генералу де Голлю желание прийти к согласию. Теперь настал момент объединения всех французов доброй воли.

Я готов принять генерала де Голля, чтобы определить конкретную форму этого союза. Прошу вас сообщить ему об этом. Примите, генерал, уверения, в моих сердечных чувствах.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ, В БЕЙРУТ И АЛЖИР

Лондон, 16 марта 1943

Буду признателен, если вы сообщите генералу Жиро, что я с радостью получил его послание. Рассчитываю отправиться в Алжир после того, как вы сами туда придете.

С дружеским приветом.

КОММЮНИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА

Лондон, 16 марта 1943

По поводу заявлений генерала Жиро в Алжире от 14 марта генерал де Голль сказал:

«Мы с удовлетворением констатируем, что эти заявления во многих отношениях означают приближение к концепции Сражающейся Франции в том виде, как она была принята в июне 1940, а затем вновь выражена в меморандуме Национального комитета от 23 февраля сего года. Многочисленные факты, дошедшие до нас из Франции, доказывают, что эта концепция горячо одобряется подавляющим большинством угнетенной нации.

Национальный комитет надеется, что заявления генерала Жиро теперь будут без замедления претворены в дела в Алжире, Касабланке и Дакаре.

Во всяком случае, я повторяю сегодня, как мы неоднократно это говорили начиная с 25 декабря прошлого года, что мы готовы в любой момент обсудить как французы с французами условия и форму эффективного объединения империи, которого настоятельно требуют как интересы Франции, так и военная обстановка».

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ,
В БЕЙРУТ И АЛЖИР**

Лондон, 20 марта 1943

Вот мои впечатления о новой фазе событий, открытой последней речью Жиро, с которой он выступил в прошлое воскресенье, и приглашением приехать в Алжир.

В условиях растущего давления общественного мнения в Северной Африке... он признал необходимым предпринять, но уже в иной форме, маневр Касабланки. На этот раз речь идет о том, чтобы переокрасить Жиро под демократа, а нас самих припереть к стенке. Я никак не одобряю ни этого намерения, ни такого метода. Конечно, я хочу поехать в Алжир, но сделаю это только после того, как разберусь во всем до конца.

Прежде всего необходимо, чтобы генерал Жиро ответил на меморандум Национального комитета в неофициальной форме. Нужно также, чтобы было уточнено, продолжает ли он занимать ту же позицию, что и в Анфе, и если это так, то я не вижу выхода. Наконец, я хочу иметь в Северной Африке полную свободу действий и передвижения. Таковы три момента, которые я прошу вас выяснить по прибытии в Алжир. Хочу добавить, что давление, которое мы испытываем из-за границы, порождает у меня недоверие к истинным мотивам поддержки, оказываемой сейчас Жиро извне.

Наши организации движения Сопротивления во Франции только что с волнующей ясностью подтвердили мне о своем присоединении к нам. В интересах как настоящего, так и будущего нации объединение с Жиро очень желательно, но, конечно, не любой ценой. Я принял свое решение.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЛЕОНУ МАР-
ШАЛЛУ, В АЛЖИР**

Лондон, 21 марта 1943

Прошу вручить генералу Жиро следующее послание:

«Я получил от г-на Софи, мэра Кайенны и председателя комитета по присоединению к Сражающейся Франции, три телеграммы от 17 и 18 марта; в них сообщается о присоединении этой колонии по требованию населения к Сражающейся Франции.

Софи просил меня направить туда губернатора, прислать инструкции и санкционировать принятые им временные меры.

Считаю необходимым уведомить вас о том, что Французский национальный комитет назначил главного администратора колоний Берто на пост губернатора.

Кроме того, я направляю туда полковника де Шевинье из Вашингтона.

Я только что узнал, что, получив сообщение из других источников, вы с своей стороны направляете в Кайенну полковника Лебея. Я предлагаю, чтобы во избежание всяких инцидентов оба офицера договорились изучить сообща обстановку на месте и дать совместный отчет».

ТЕЛЕГРАММА АДРИЕНА ТИКСЬЕ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В АЛЖИР

Вашингтон, 23 марта 1943

Я просил Сэмнера Уэллеса информировать меня об отношении правительства Соединенных Штатов к вопросу о присоединении Гвианы. Сэмнер Уэллес сообщил, что, когда мэр Кайенны Софи послал идентичные телеграммы генералу де Голлю и Жиро, командующий войсками полковник Ванег отстранил губернатора Вебера и примкнул к Жиро. Возникли мятежи.

Я заметил Сэмнеру Уэллесу, что командующий войсками не имеет никакого права представлять население колонии. Это право принадлежит выборному мэру Кайенны. Сэмнер Уэллес ответил, что Софи был избран несколько лет назад и что это теперь не дает ему никакого основания представлять население. Я ответил Сэмнеру Уэллесу, что если исходить из его слов, то английский парламент не может представлять английское население, так как он был избран еще до войны.

Оставив за собой право вернуться в дальнейшем к вопросу о французской власти, я спросил Сэмнера Уэллеса, почему государственный департамент отказался предоставить самолет полковнику Шевинье. Сэмнер Уэллес заявил, что вопрос о самолете находится в исключительном ведении военного министерства.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ,
В АЛЖИР**

Лондон, 24 марта 1943

Получил ваши первые донесения. Хотя я по-прежнему хотел бы поехать в ближайшем будущем в Алжир, я все же твердо придерживаюсь условий, изложенных в моей телеграмме от 20 марта, а именно: точный ответ генерала Жиро на меморандум Национального комитета; исчерпывающее разъяснение, как генерал Жиро представляет наше объединение с ним; получение гарантии, что я буду пользоваться в Северной Африке возможностью выступать с речами и полной свободой действий. Все это является вопросом взаимной доброй воли. Если я поеду в Северную Африку, то, конечно, для того, чтобы объединить французов, а не только для того, чтобы нанести визит генералу Жиро. Прежде чем назначить дату отъезда, я буду ждать вашего сообщения с необходимыми разъяснениями генерала Жиро по этим трем моментам.

По просьбе американцев я имел вчера продолжительное свидание с монсеньером Спеллманом. Он держится так, как будто хочет создать впечатление, что действует по инструкции президента Рузвельта. Он прибыл из Алжира, где видел Эйзенхауэра, Мэрфи и Жиро. Монсеньер Спеллман признал, что его правительство совершило ошибки в Северной Африке и особенно неправильно действовало в отношении Сражающейся Франции. Как мне показалось, его уполномочили дать мне понять, что в Вашингтоне надеются, что мое пребывание в Алжире позволит создать новое положение в Северной Африке. Я ответил, что это было также нашим намерением, но иностранное вмешательство принесло много бед; одна из них только что произошла по вине государственного департамента: речь идет о Гвиане. В такой обстановке, обостренной радиопередачами и сообщениями тенденциозной прессы, никакое сближение пока еще не возможно.

В разговоре со Спеллманом я подчеркивал, что объединение французов осуществлено в самой Франции и что мы не согласимся с тем, чтобы в Северной Африке сооружали с помощью иностранных держав такое здание, которое Франция заранее отвергает. Что дело обстоит именно так, об этом говорят многочисленные свидетельства авторитетных лиц.

Во-первых, прибывший три дня назад генерал Бейнэ немедленно присоединился к нам, заявив, что другого правильного решения нет.

Во-вторых, вот телеграмма, присланная мне из Испании только что прибывшими туда Кув де Мюрвилем и Леруа-Болье, главными инспекторами финансов, первый из которых всего три недели назад был заместителем директора фондового управления в Виши.

«Кув де Мюрвиль и Леруа-Болье направляются в Алжир, где их опыт, как они считают, будет наиболее полезен. Но прежде они хотят поехать в Лондон для встречи с генералом де Голлем. Если это окажется невозможным, они просят генерала де Голля согласиться принять их в Алжире, когда он туда прибудет. Они считают необходимым объединение Франции во главе с генералом де Голлем».

Третье свидетельство – телеграмма, направленная мне лично Бланком (под этим псевдонимом скрывается имя руководителя очень значительной организации Сопротивления – ОСМ*), который только что приехал из Парижа в Мадрид.

«В беседе с посланником Соединенных Штатов в Мадриде Бланк просил его от имени движения французского Сопротивления обеих зон сообщить в Вашингтон о том, что американская политика во Французской Северной Африке вызвала изумление и негодование во Франции. Он настаивал на необходимости скорейшего объединения действий французских войск под военным руководством генералов, не имеющих никаких связей с Виши, и под политическим руководством генерала де Голля. Этого требует французский народ».

Во Франции Бланк был в контакте с Жиро и через него был связан тогда с Соединенными Штатами, так как Жиро дал формальное обещание подчиниться власти генерала де Голля и Французского национального комитета.

В общем, я по-прежнему полон решимости осуществить объединение империи, действуя с наибольшей объективностью в примирительном духе. Я не хочу умалить роли генерала Жиро, к которому испытываю, несмотря на его досадный уход, большое уважение и даже привязанность. Но все должно делаться так, как того хочет нация. Проверяется наша прямота и наше постоянст-

---

*Organisation civile et militaire (ОСМ) – «Военно-гражданская организация». – *Прим. ред.*

во. Нас треплют бури, и их неистовство еще не истощилось. Но я убежден, что мы добьемся успеха.

Прошу верить моим дружеским чувствам.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ЛАРМИНА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Из Ливии, 26 марта 1943

Французское население южнотунисских центров, особенно Меденина, Джербы и Зарзиса, все чаще обращается к нам с просьбами о присоединении к «Свободной Франции»...

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КАТРУ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ- ЛЮ, В ЛОНДОН

Алжир, 28 марта 1943

Я попросил сегодня у Жиро разъяснений относительно трех моментов, изложенных в ваших телеграммах от 20 и 24 марта.

Ответ на меморандум Национального комитета готовится. Он скоро будет мне передан.

Жиро по-прежнему остается приверженцем идеи временной центральной власти, как он об этом сказал в Анфе. Однако он подчеркнул, что если этот триумвират или в случае необходимости дуумвират должен иметь главу, которым будет он сам, он не допустит неравенства прерогатив между его членами. Последние будут обсуждать дела при полном равенстве, без разграничения обязанностей, и будут заменять друг друга. В конечном счете образуется совет равных, в котором он будет председателем.

Понимая, что первенство, которое Жиро отстаивал для себя самого, имеет в основном формальный характер, я лично от себя предложил ему рассмотреть следующую схему:

а) генерал де Голль будет председателем исполнительного и законодательного органа империи, который независимо от того, назовут ли его Национальным комитетом или нет, должен быть образован согласно принципам существующего Французского национального комитета. Выбор его членов будет производиться по соглашению между генералом де Голлем и генералом Жиро;

б) Жиро явится как бы конституционным главой Сражающейся Франции в чине генерал-лейтенанта республики. Он будет командовать вооруженными силами, обнародовать законы, представлять временную власть Франции перед союзниками;

в) будет создан совещательный совет в составе руководителей колоний и территорий, находящихся под протекторатом или под мандатом.

Отношение Жиро к такому плану организации власти не было отрицательным. Он считал только нужным оговорить, что, какова бы ни была принятая система, власть должна быть военной, без каких-либо политических тенденций; он высказался против какого-либо предрешения формы будущих институтов страны.

Так как эта оговорка отражала его предубеждение против Национального комитета в Лондоне, которому он ставит в упрек проведение определенной политической линии, я воспользовался этим случаем, чтобы разъяснить Жиро, что Национальный комитет просто занял позицию преданности принципам демократии, военным целям союзников и принципам республиканской законности, к которым Жиро сам присоединился.

Далее я разъяснил ему, что Национальный комитет был признан союзными державами в качестве единственного органа, представляющего интересы Франции.

Я буду признателен, если вы телеграфируете о ваших замечаниях по поводу моих сообщений и передадите мне инструкции.

Я хотел бы получить их как можно скорее, так как достижение единства мне представляется крайне необходимым, учитывая существующие обстоятельства как местного характера, так и общего.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ, В АЛЖИР

Лондон, 31 марта 1943

С удивлением прочел вашу телеграмму от 28 марта. Даже отвлекаясь от нашего общего идеала и нашей солидарности, допуская даже, что мы могли бы сделать некоторые уступки оппортунизму, даже проходя мимо того факта, что предложения, сделанные вами Жиро и с которыми вы меня заранее не ознакомили, не соответствуют телеграммам, в которых я вам изложил позицию Национального комитета и мою собственную, — даже

при всем этом я не могу постигнуть существа вашей системы. Эта система поставит империю и самую Францию под личную власть человека, который не имеет для этого никаких данных. Кроме того, личность генерала Жиро, его взгляды и мнения по решающим вопросам и занятая им с ноября позиция породили во Франции почти всеобщее недоверие к нему.

Нет ничего более неприятного и, я сказал бы, более мучительного, чем расхождение между вашей позицией и моей в этих исключительных обстоятельствах.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЛАВНОМУ И ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ В ЛЕВАНТЕ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ; ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ СВОБОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКИ ЭБУЭ; КОМАНДУЮЩЕМУ СИЛАМИ СВОБОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКИ ГЕНЕРАЛУ ЛЕКЛЕРКУ; ВЕРХОВНОМУ КОМИССАРУ В РАЙОНЕ ТИХОГО ОКЕАНА АДМИРАЛУ Д'АРЖАНЛЬЕ; ВЕРХОВНОМУ КОМИССАРУ НА МАДАГАСКАРЕ ГЕНЕРАЛУ ЛЕЖАНТИЙОМУ; ДЕЛЕГАТАМ СРЯЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ ПРИ ИНОСТРАННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВАХ

Лондон, 2 апреля 1943

Сообщаю для вашего сведения данные о недавних операциях сил Свободной Франции в Тунисе. Эти силы состоят из колонны Леклерка, прибывшей из района территории Чад, и моторизованной колонны полковника Реми, прибывшей с Востока. Дивизия Лармина продолжает находиться в резерве 8-й армии.

В начале марта колонна Реми прикрывала с флангов силы союзников, действовавших в районе Меденина. 6 марта во время немецкого наступления на Меденин эта колонна участвовала в большом бою против сильного отряда броневтанков, танков, артиллерии с тракторной тягой и автотрисы. Колонне удалось остановить врага, который понес серьезные потери.

Колонна Леклерка, действовавшая отдельно к западу от Матмата, была атакована 10 марта у Ксар-Гилане бронированными частями, поддержанными артиллерией. Колонна заставила неприятеля отступить, оставив на месте 14 танков и грузовики...

Затем эти две колонны, соединенные в одну группу под командованием генерала Леклерка, получили задание защищать с

флангов и прикрывать английский армейский корпус, действующий в северной части плоскогорья Дахар.

23 марта... соединение в результате внезапной атаки овладело центральной частью горного массива Джебель-Маджель, захватив при этом несколько сот пленных...

24 марта, во второй половине дня, немцы после сильной артиллерийской подготовки начали контратаку на Джебель-Маджель, которая закончилась неудачей. Они оставили на поле боя много убитых. Нами взято около сотни пленных.

ТЕЛЕГРАММА МАЙОРА ЛЯПОРТА, ОФИЦЕРА СВЯЗИ СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ ПРИ ГЕНЕРАЛЕ МАКАРТУРЕ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ СОЮЗНЫМИ СИЛАМИ В РАЙОНЕ ТИХОГО ОКЕАНА

(Передана французским верховным комиссаром в Нумеа, 3 апреля 1943)

Сообщаю резюме конфиденциальной беседы, которую я имел в четверг 1 апреля с генералом Макартуром. В основном генерал сказал мне следующее:

«Ляпорт, как американец и как солдат, я стыжусь того, как некоторые деятели моей страны обращались с вашим главой, генералом де Голлем. Долго не забудется низость, которой отмечены прискорбные события во Французской Северной Африке. Я очень далек от всего этого, но не могу не сказать вам, что лично не одобряю отношения Рузвельта и Черчилля к генералу де Голлю. Передайте ему о моем расположении и восхищении его позицией в происходящих событиях. Передайте от моего имени, чтоб он отстаивал свой идеал, идеал республиканской Франции и не уступал Жиро, который сначала пошел на компромисс с Виши, а затем перешел на сторону американцев. Только один идеал достоин этого слова — тот, на котором основано движение «Свободной Франции».

Жиро может сейчас с точки зрения материальной оказать союзникам более значительную помощь, чем генерал де Голль, но последний обладает громадным престижем. Это результат проявленных им за два с половиной года порядочности, честности и энергии. Английское и американское правительства хотят, чтобы он уступил дорогу Жиро, но они не должны забывать, что де Голлю сочувствует большинство американского и английского наро-

дов и они будут протестовать против подобного предательства. Пусть же генерал де Голль продолжает отстаивать свою точку зрения против всех и вся!

...Передайте ему, что я желаю ему полного успеха в его сопротивлении всякому соглашению, которое направлено к тому, чтобы ослабить его или поставить в подчиненное положение. Его, как и меня самого, поддерживает общественное мнение не только на французских территориях, но и в Соединенных Штатах и в Великобритании. От всей души я молю бога, чтобы генерал добился своего. Как бы мало ни значило мое одобрение, пусть он примет его как одобрение друга и поклонника Франции, который верит в рыцарство настоящих французов и уверен в том, что ваша страна, очистившись от деградировавших элементов, возродится еще более великой и более сильной. Это произойдет под руководством того, кто в страшные дни поражения поднял знамя нации».

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЭЙ-ЗЕНХАУЭРУ, В АЛЖИР

Лондон, 8 апреля 1943

В момент, когда под вашим верховным командованием начинается великая и трудная битва, я хочу сказать вам: пусть горячие пожелания французского народа сопутствуют вам и руководимым вами доблестным союзным армиям. Эти пожелания французов порождены их стремлением к единству, которое даст им возможность умножить свои усилия в ведущейся нами совместно войне.

Я хочу заверить вас, что Франция ныне счастлива и горда тем, что ее вооруженные силы участвуют на севере и юге, бок о бок со своими американскими и английскими товарищами, в битве, которая освободит от врага ее африканскую империю.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ВЕРХОВНОМУ КОМИССАРУ, В НУМЕА

Лондон, 9 апреля 1943

Прошу майора Ляпорта передать от моего имени генералу Макартуру, что мне стало известно его мнение обо мне, которое он высказал 1 апреля. Я был глубоко тронут и ободрен этими

словами великого военного деятеля и великого человека, которым я восхищаюсь. Что бы там ни произошло, американский народ является самым искренним и лучшим другом французского народа. Тягостные превратности настоящего момента никак не могут повлиять на это мое чувство. Сражающаяся Франция сделает все, что в ее силах. Но она никогда не согласится сдать свои позиции, никогда не откажется от служения родине. Со своей стороны я также выражаю самые горячие и дружеские пожелания генералу Макартуру в его настоящей и будущей деятельности.

ТЕЛЕГРАММА ДЕЛЕГАЦИИ СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ В ВАШИНГТОНЕ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Вашингтон, 14 апреля 1943

Все американские корреспонденты прислали отчеты из Сфакса о манифестациях, которые произошли в момент вступления войск Сражающейся Франции. В своих отчетах они особенно выделяют возгласы «Да здравствует де Голль!» Некоторые из них сообщают, что Монтгомери был холодно принят населением, что побудило его вывести на парад войска Сражающейся Франции.

«Нью-Йорк таймс» озаглавила свое сообщение: «Бомбардировки Сфакса охладили расположение его населения к Монтгомери, но его жест по отношению к сражающимся французам снова воодушевил город».

«Нью-Йорк геральд трибюн» в передовой статье, озаглавленной «Где наша сила?», пишет: «Возник самый неописуемый энтузиазм, когда развевавшийся на грузовике пропыленный трехцветный лоскут возвестил о прибытии сражающихся французов... Казалось, сами корреспонденты, описывающие эту сцену, были ошеломлены такой неожиданностью...»

Когда ощущаешь энтузиазм, с которым люди всех партий Франции откликнулись на призыв де Голля... когда видишь слезы радости населения освобожденных городов Туниса, их овации и их цветы, нужно ли еще спрашивать себя: где находятся силы, могущие принести победу нашему делу?»

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ЛАРМИНА ГЕНЕРАЛУ
ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН**

Из Туниса, 14 апреля 1943

Население и муниципалитеты Сфакса и Габеса заявляют о своей преданности Свободной Франции. Ожидается, что население Суса поступит также... Солдаты и молодые офицеры из армии Жиро просят о зачислении их добровольцами к нам... это движение может принять большие размеры.

**КОММЮНИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
КОМИТЕТА**

Лондон, 16 апреля 1943

Национальный комитет собрался 15 апреля под председательством генерала де Голля. Комитет утвердил текст ноты по поводу меморандума, который генерал Жиро передал ему через генерала Катру в ответ на меморандум Национального комитета от 23 февраля.

Комитет с удовлетворением констатировал, что в настоящее время по некоторым основным пунктам может быть достигнуто соглашение, в то время как многие важные вопросы еще требуют выяснения.

Генерал Катру, глава миссии Сражающейся Франции в Северной Африке, в ближайшее время вернется в Алжир.

Поскольку единство империи в войне является настоящей и неотложной общенациональной необходимостью, Национальный комитет по-прежнему считает необходимым, чтобы генерал де Голль имел возможность поехать в Алжир в сопровождении нескольких национальных комиссаров. Национальный комитет убежден, более чем когда бы то ни было, что объединение империи должно быть осуществлено как можно скорее в соответствии с принципами, на которых основывались действия Сражающейся Франции начиная с 18 июня 1940.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КАТРУ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ- ЛЮ, В ЛОНДОН

Алжир, 20 апреля 1943

1. Утром 19 апреля во время встречи с генералом Жиро я ему зачитал, прокомментировал и вручил ноту Национального комитета, привел нужные доводы и сослался на различные факты, взывая к его патриотизму. Кроме того, я сообщил ему все то, что вы поручили мне передать на словах.

2. По существу ноты Жиро заявил, что мы не можем и не должны выступать как правительство. Я ответил, что это возражение нам известно и мы знаем, откуда оно идет, но на основании накопленного опыта мы убеждены, что представительный орган был бы одобрен, если бы мы имели достаточно силы и воли его создать и если бы, заботясь больше о существе, чем о внешней стороне дела, мы нашли для него соответствующий лозунг и форму. Относительно основного различия между политической властью и военным командованием Жиро побил меня моим же доводом, который я выдвинул, ссылаясь на конституцию и на закон об организации во время войны, гласящий, что президент республики должен быть главой вооруженных сил. Однако не составило никакого труда доказать ему, что глава государства является только верховным главою армии, но не осуществляет эффективного командования. Он не настаивал.

3. Мысль о дуумвирате вызвала сначала отрицательную реакцию со стороны Жиро. Но потом он умерил свои возражения, когда я рассказал о настроениях французов и о выраженной ими воле. При этом я сослался на сведения, поступившие из Франции и собранные мною в Лондоне. Он, конечно, оспаривал достоверность моей арифметики, основываясь на своих собственных сведениях. Тем не менее я отстаивал свою точку зрения и, проанализировав позиции различных течений общественного мнения, сделал вывод, что четыре пятых французов, стремившихся к освобождению и свободе, высказались за вас, тогда как буржуазные консерваторы и высшие чины армии стояли за него. Я добавил, что если французы почти единогласно выдвигали требование объединить действия двух генералов, то большинство их не допускало, чтобы вы оказались во втором ряду, и что самая большая уступка, на которую вы могли бы со-

гласиться, это режим паритета между вами и Жиро. Затем я снова согласился на обстановку во Франции, ранее подробно обрисованную мною, и объяснил генералу Жиро, что, если мы окажемся неспособными объединиться, а ответственность за это ему пришлось бы взять на себя, это породило бы неизбежное разочарование и усилило бы кризис общественного мнения. Казалось, он поколебался и начал обсуждать со мной организационные вопросы дуумвирата, проявляя при этом явную неприязнь к вопросу о строгом распределении функций между дуумвирами...

Я ответил, что дело идет о распределении только в принципе, потому что ни тот, ни другой не будет обладать правами верховной власти в вопросах, о которых идет речь, потому что все дела будут обсуждаться и решаться на заседании правительственного органа. В конце концов генерал Жиро попросил меня подождать несколько дней, на что я согласился, обратив его внимание на необходимость прийти без промедления к соглашению в принципе. Эта беседа, происходившая без свидетелей, не оставила у меня неблагоприятного впечатления, однако я далек от уверенности, что после обсуждений и консультаций со своими советниками он согласился с нашими доводами.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КАТРУ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Алжир, 27 апреля 1943

Сегодня генерал Жиро зачитал мне предварительный набросок его письма к вам, а также черновик ответа на ноту, которую я привез из Лондона. Сегодня эти документы будут вручены мне официально.

Они слишком велики, чтобы их можно было зашифровать, не рискуя допустить ошибки, и я посылаю их вам с курьером моей канцелярии. Вот вкратце то, что вытекает из этих документов и из продолжительной дискуссии с генералом Жиро.

1. Жиро соглашается на создание совещательного совета или комитета, имеющего право принимать коллективные решения и возглавляемого двумя председателями; но он продолжает ссылаться на английскую правительственную систему и представляет себе этот комитет чем-то вроде военного комитета, существу-

щего внутри более широкого по составу органа, в котором участвовали бы также главы территорий.

Я долго разъяснял нелогичность и неконституционность предлагаемой им системы. В ответ он приводил довольно слабые аргументы, но продолжал отстаивать свою точку зрения. Однако мне представляется возможным заставить его отказаться от нее.

2. Жиро распустил «Легион бывших фронтовиков». Что же касается удаления лиц, сотрудничавших с врагом, он отказывается включить в эту категорию Пейрутона, Ногеса и Буассона. Обсуждение этого вопроса должно быть продолжено.

3. Признавая тот факт, что совмещение функций члена правительства с функциями главнокомандующего противоречит французским законам, Жиро ссылается — исключительно в своих личных интересах — на существующие особые обстоятельства. Речь идет, по-моему, не столько об особых обстоятельствах, сколько об удовлетворении самолюбия. Несомненно, генералу будет тяжело расстаться со званием главнокомандующего. Я пробовал убедить его в том, что в качестве члена правительства, уполномоченного руководить департаментами национальной обороны, он получит все возможности для организации и подготовки вооруженных сил. Я также сказал, что когда эти силы будут переправлены в Европу, он сможет взять на себя эффективное командование со званием главнокомандующего и в таком случае на этот период ему придется обязательно отказаться от функции члена правительства. Генерал Жиро остался при своем мнении.

4. Как бы там ни было, я считаю бесполезным и небезвредным продолжение обмена нотами, который увековечивает разлад.

Так как уже достигнуто согласие в вопросах характера власти, образа правления, двойного председательствования, я считаю, что этот результат следует санкционировать во время вашей встречи с Жиро, когда будут решаться спорные вопросы. В этом Жиро согласен со мной и предлагает вам встретиться после 5 мая либо в Марракеше, либо в Бискре.

Я дал согласие на встречу в Марракеше при условии, что там не появится Ногес. Это условие было принято. Для встречи подходят и Бискра, и, может быть, Буссаада, которые я также рекомендовал.

**ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА КАТРУ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В
ЛОНДОН**

Алжир, 27 апреля 1943

Генерал!

Направляю вам документы, переданные мне Жиро. Как вы увидите, они составлены в примирительном духе и тоне. Нерешенные вопросы в них менее ясно выражены, чем в моей беседе с ним.

Я считаю, что главное достигнуто, поскольку обеспечена эффективная власть. Остается убедить Жиро отказаться от своей идеи создания расширенного и федеративного совета. Можно найти компромиссное решение вопроса о совмещении функций. И, наконец, можно обсудить вопрос об исключении тех или иных лиц.

Я надеюсь, что вы дадите согласие на встречу с Жиро. Лично я считаю, что от встречи отказаться нельзя, и она должна состояться.

Объединение стоит жертв. Поэтому я думаю, что следует согласиться на проведение переговоров вне Алжира, а сюда вы вернетесь вместе с Жиро, после того как соглашение будет заключено.

Вы поступите весьма удачно, если пригласите на эту встречу лиц, желательных для Жиро, то есть Массигли, меня и Бийотта. Это содействовало бы успеху переговоров. Если вы воспользуетесь этим случаем, то перед страной откроются самые благоприятные перспективы. Поэтому прошу отнестись с доверием к моим предложениям.

Прошу верить моей преданности вам.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КАТРУ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Алжир, 27 апреля 1943

Во время весьма откровенного разговора генерал-губернатор Пейрутон... подтвердил мне, что он готов, как только будет заключено соглашение, оставить занимаемый им в настоящее время пост и просить об использовании соответственно его чину во французской армии.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ, В АЛЖИР

Лондон, 28 апреля 1943

Получил вашу телеграмму от 27 апреля.

Не могу понять, к чему Жиро затягивать дело, которое заранее предрешено в сознании громадного большинства французов, даже в Северной Африке. С другой стороны, я не согласен на встречу тайком ни в Марракеше, ни в Бискре, ни в другом месте. Я намерен поехать в Алжир открыто, в полной мере сохраняя свое достоинство. Прошу вас обратить внимание Жиро на всю неуместность его тактики. Французская нация по достоинству оценит его поведение с того момента, когда я предложил ему встретиться, то есть с 25 декабря 1942 г. С другой стороны, я вправе задать вопрос, как же расценить полученное мною от Жиро 15 марта этого года приглашение приехать в Алжир?

Я жду от него ответа — положительного или отрицательного, но ясного и точного — до 3 мая.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ, В АЛЖИР

Лондон, 1 мая 1943

Учитывая ход событий на Мартинике, прошу вас передать от моего имени генералу Жиро, что если и в данном случае его администрация примет односторонние меры, как это, к сожалению, имело место в Гвиане, то это может привести к досадным последствиям.

Во всяком случае, перед американцами мы должны выступать единым фронтом. Поэтому, как только представится возможность, следует направить в Фор-де-Франс общую миссию. Я назначил для этой цели полковника Шевинье и капитана 1-го ранга Каабнье, которые находятся в настоящее время в Вашингтоне. Хорошо, если бы Жиро тоже назначил своих представителей, и они поехали в составе общей миссии. Обращаю ваше внимание на крайнюю важность и срочность этого дела.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ,
В АЛЖИР**

Лондон, 2 мая 1943

1. 1-я дивизия французских Свободных сил генерала де Лармина и моторизованная бригада генерала Леклерка передаются с 1 мая в непосредственное подчинение генерала де Голля по причине удаленности этих крупных частей от Свободной Французской Африки и Леванта.

2. В административном отношении дивизия де Лармина перестает подчиняться главнокомандующему Свободных французских сил на Среднем Востоке.

Моторизованная бригада Леклерка перестает быть в распоряжении верховного командования французских сил в Свободной Французской Африке.

Указанные дивизия и бригада переходят в непосредственное ведение национального комиссариата по военным делам.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ,
В АЛЖИР**

Лондон, 2 мая 1943

Получил ваше письмо от 27 апреля и доставленные Оффруа документы от Жиро.

Как и вы, я думаю, что дискуссии в порядке обмена нотами в настоящее время бесполезны. Теперь все дело в доброй воле. А я еще не убедился в доброй воле Жиро и его импрессарио. Его предложение о встрече со мной в песках Бискры или в здании американского аэродрома в Марракеше свидетельствует, по-моему, о том, что наши партнеры не хотят действовать начистоту.

Если бы я проявил слабость и дал свое согласие, в какое положение попали бы мы тогда? Мы оказались бы полностью изолированными, без средств передвижения, без связи, в то время как наши собеседники имели бы все эти преимущества. Они могли бы продержать нас там сколько угодно под предлогом затянувшегося обсуждения, о чем тенденциозно информированное радио и англо-саксонская пресса могли бы сообщить все, что им заблагорассудится. Если бы это наскучило нам до смерти и мы согласились на пред-

ложенные нам компромиссные решения, то оказались бы в беспомощном и унижительном положении. А наш отказ был бы истолкован как доказательство непримиримости, и в результате мы вернулись бы в Англию несолоно хлебавши. Не забудьте, что все это дело происходит никак не между нами и Жиро, который сам по себе есть нечто, а между нами и правительством Соединенных Штатов.

Неужели можно вообразить, что я соглашусь связать каким-либо обязательством будущее страны и, говоря прямо, создать правительство, не посоветовавшись сначала с нашим Национальным комитетом, а затем со всеми людьми, мнение которых мне необходимо знать хотя бы для того, чтобы получить согласие на их избрание. Это может быть сделано только в Алжире. Мы не феодалы, обменивающиеся за обеденным столом своими вотчинами. Мы французы, желающие объединить империю. На мне лежит личная ответственность перед Францией, и я сознаю размеры этой ответственности.

Наконец, разве мы забыли, что 15 марта Жиро делал вид, что открыто приглашает меня приехать в Алжир? Какова причина такого желания: может быть, он боится общественного мнения? Но почему он должен его бояться, если он искренен и действует без задних мыслей?

Получив вашу телеграмму от 27 апреля, Национальный комитет обсуждал 29 апреля этот вопрос и пришел к заключению, что мы должны ехать в Алжир. Что касается меня, ни в какое другое место я не поеду. Об этом я предупредил Буска, который посетил меня 1 мая, чтобы выяснить мои настроения. Кроме того, 30 апреля я виделся с Черчиллем по его просьбе и сказал ему то же самое.

Прошу сообщить Жиро о моем окончательном решении. Если он действительно хочет объединения, то нет никаких оснований препятствовать моей поездке в Алжир.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Тунис, 3 мая 1943

Полковник Гарбэ прислал мне донесение: «Все унтер-офицеры и солдаты 4-го полка спаги в Сфаксе требуют перехода к нам. По настоятельной просьбе полковника я должен сегодня вечером выступить с небольшой речью, чтобы успокоить солдат его полка.

Но, если объединение Жиро — де Голль не осуществится в ближайшее время, полк разбежится».

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КЕНИГА, ВРЕМЕННО КОМАНДУЮЩЕГО СОЕДИНЕНИЕМ ДЕ ЛАРМИНА, ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Тунис, 4 мая 1943

30 апреля я видел в Сфаксе Гарбэ и одного офицера, специально посланного полковником Ванеком. Этот офицер недавно принял командование 7-м полком африканских стрелков... Ванек изъявляет желание перейти под ваше командование вместе со своим истребительным противотанковым полком (имеющим около 80 самоходных орудий, 50 из них 76-мм). Полк сформирован из молодых французов. Кроме того, Ванек предлагает использовать его авторитет среди молодежи в лагере, чтобы присоединить этих молодых людей к вам.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КАТРУ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Алжир, 5 мая 1943

Генерал Жиро сообщил мне, что он согласен совместно обсудить и разрешить вопросы о Мартинике. Он назначил адмирала Баттэ и первого секретаря посольства Бейана для сотрудничества с двумя представителями Французского национального комитета в деле управления колонией...

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО, В АЛЖИР

Лондон, 6 мая 1943

Дорогой генерал!

Я с радостью получил ваше письмо и приложенную к нему ноту от 27 апреля. Это письмо и ноту я довел до сведения Нацио-

нального комитета, который с большим интересом изучил содержащиеся в них приложения.

Мы констатировали, что, по существу, излагаемая вами точка зрения представляет собой новое и заметное приближение к концепции, содержащейся в меморандуме Национального комитета от 23 февраля и в ноте от 15 апреля. Вы, конечно, знаете, что именно эту концепцию Сражающаяся Франция всегда провозглашала и осуществляла на протяжении почти трех лет; она остается верна ей и теперь.

1. Что касается центральной власти, которая должна теперь распространить свои временные полномочия на всю империю и на все французские сражающиеся и сопротивляющиеся силы как вне, так и внутри национальной территории, мы считаем, что верховные комиссары, генеральные резиденты, губернаторы, а также фактический главнокомандующий или главнокомандующие не могут входить в состав центральной власти, от которой они должны получать приказы и инструкции... Таков неизменный и традиционный принцип организации французской государственной власти.

Следуя этому же принципу, осуществление прав военной власти на национальной территории по мере ее освобождения — прав, определенных законами осадного положения, — может рассматриваться лишь в силу и в рамках подчинения этой военной власти, как бы высоко она не стояла, центральной власти. С другой стороны, недопустимо, чтобы французское военное командование было ответственно за поддержание общественного порядка на французской территории перед иностранным командованием или правительством. В известных случаях некоторые национальные военные силы подчиняются в стратегическом или тактическом отношении союзному командованию, но поддержание общественного порядка является делом суверенным, и оно ни при каких условиях не должно зависеть от иностранных властей, за исключением тех случаев, когда нация оказывалась лишенной своей независимости. Такая утеря независимости могла оказаться чудовищным результатом поражения и заключения перемирия с врагом, но такая возможность не должна быть допущена Францией в отношениях с ее союзниками.

Хотя верховные комиссары, генеральные резиденты и губернаторы в принципе не должны входить в состав центральной власти. Тем не менее было бы целесообразно и полезно, чтобы они

консультировались по вопросам, относящимся к тем территориям, которые доверены их управлению. Полезным органом такой консультации может быть совещательный совет империи в составе этих высших должностных лиц и некоторых других деятелей, обладающих общепризнанной компетенцией. Однако следует учесть, что созыв губернаторов территорий французской империи, разбросанных в пяти частях света, практически крайне затруднителен.

2. Так как центральная временная власть имеет целью предпринять все возможные меры для использования всех сил и ресурсов империи и нации и быть наиболее широким представительством всей нации перед иностранными державами, Национальному комитету после достижения единства необходимо прибегнуть к учреждению Национального совещательного совета, предназначенного представлять при центральной власти французское общественное мнение в той степени, в какой Совет может выражать это мнение, до того момента, как вся нация будет призвана высказаться на всеобщих выборах. Совет не может рассматриваться как выражение национального суверенитета, носителем которого является сама нация и по ее поручению Ассамблея, которая будет избрана нацией. Но заключения Национального совещательного совета могут содействовать центральной власти в определении общего настроения и оказать полезную помощь во внешних сношениях...

Чтобы Национальный совещательный совет был в состоянии выполнить свою роль, он должен состоять главным образом из членов, ранее или в настоящее время публично облеченных доверием определенных категорий своих сограждан желательно при помощи выборов.

Находящиеся в настоящий момент на свободе генеральные и муниципальные советники, представители организаций Сопротивления во Франции, члены парламента, не подчинившиеся власти врага и не дискредитировавшие себя сотрудничеством с ним, члены коммерческих палат и палат земледелия, свободных профсоюзов, финансовые делегации*, представители университетов и

---

*Финансовые делегации были созданы в 1898 в качестве специальных органов самоуправления в Алжире. Вначале они лишь утверждали бюджет Алжира, но в дальнейшем стали оказывать значительное влияние на всю внутреннюю жизнь Алжира. В составе финансовых делегаций много французских колонистов. — *Прим. ред.*

т.д. будут иметь право на условиях, которые следует уточнить, выбирать членов Национального совещательного совета. Центральная власть и Национальный совещательный совет прекратят свое существование, как только будут иметь избранных ими самими представителей и смогут создать правительство по своему выбору.

3. Национальный комитет желает скорейшего создания в Алжире центральной власти, общей для всей империи и поддерживающей связь с внутренним национальным сопротивлением. Мы уверены, что такова воля огромного большинства наших сограждан в существующих условиях национального и международного характера. Мы нисколько не сомневаемся, что в конечном итоге таково и ваше желание. Вот почему я готов немедленно отправиться в Алжир совместно с несколькими национальными комиссарами для того, чтобы разрешить между французами эту важную французскую проблему.

По убеждению Национального комитета, встреча может состояться только в Алжире.

В нашем письме от 27 апреля вы предложили мне вести переговоры о единстве в Бискре или Марракеше. Я должен откровенно признаться, что, по-моему, конференция такого ограниченного по необходимости состава и проходящая в столь изолированном месте не отвечает нужным условиям. Я лично не считаю себя вправе принимать столь важные решения, не имея возможности оценить положение в Северной Африке и совещаться с теми, кто мне необходим. С другой стороны, предшествующий опыт заставляет меня учесть серьезные неудобства для Сражающейся Франции, состоящие в том, что ее глава будет лишен собственных средств передвижения и связи и тем самым будет отрезан от Национального комитета и его органов, в то время как иностранное радио и пресса смогут распространять без его ведома «информацию» о переговорах, за которые он несет перед страной и империей самую серьезную ответственность.

Мне не безызвестно, что вы опасаетесь, как бы приезд генерала де Голля в Алжир не вызвал в столице империи большое волнение среди общественного мнения. Если такое волнение будет в интересах Сражающейся Франции, я не сомневаюсь, что вы порадуетесь ему, так же как и я бы порадовался всем выражениям доверия и уважения к генералу Жиро. Однако, разделяя ваше желание, чтобы великое дело объединения империи обсуждалось в обстановке порядка и достойным образом, я решил принять все меры к предотвращению неуместных демонстраций со стороны

тех лиц в Алжире, которые морально зависят от Сражающейся Франции. Что касается других, то я убежден, что местные власти располагают необходимыми средствами, чтобы заставить их придерживаться такой же позиции.

Примите, дорогой генерал, выражения моих наилучших чувств.

ПОСЛАНИЕ ЭРРИО, ЗАКЛЮЧЕННОГО В ЭВО

(Послание передано генералу де Голлю в Лондон 12 мая 1943
Пьером Вьено)

Эво, 23 апреля 1943

Я готов в любой момент войти в состав правительства, возглавляемого генералом де Голлем, в котором я вижу единственного человека, способного объединить громадное большинство французов для восстановления Франции.

На мой взгляд, генерал Жиро не обладает политическими качествами, он только военачальник.

А впрочем, я горячо надеюсь, что между этими двумя людьми будет достигнуто согласие. Но, по-видимому, достижение соглашения затруднено из-за таких серьезных ошибок, как приглашение Пейрутона на официальный пост.

ПОСЛАНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ НАЦИОНАЛЬНОМУ СОВЕТУ СОПРОТИВЛЕНИЯ, ПО СЛУЧАЮ ЕГО СОЗДАНИЯ

Лондон, 10 мая 1943

В этой войне, когда решается судьба родины, создание Совета Сопротивления, основного органа борющейся Франции, является событием большой важности.

Единство целей и чувств, уже давно установившееся между основной массой нации, сражающейся на своей территории, и теми из ее сыновей, которые сражаются вне ее, отныне нашло свое выражение в единстве действий.

Именно об этом-то и идет речь. Французы могут завоевать свое освобождение и свою победу только при одном непременно-

ном условии — при условии объединения нации для достижения этих целей. Все зависит от этого — и наше сегодня, и наше величественное завтра, и, может быть, даже наша независимость. Все, что порождает распыление сил, разобщение действий, все, что способствует созданию обособленных союзов, в любой области, где французы вкладывают все свои силы в общую борьбу, — все это подвергает опасности одновременно и крепость наших ударов, наносимых врагу, и сплоченность нации.

Вот почему важно, чтобы сопротивление на национальной территории стало единым, сплоченным, организованным и концентрированным целым. Это достигнуто благодаря созданию Совета Сопротивления, который является составной частью Сражающейся Франции и тем самым воплощает совокупность всех сил, действующих внутри страны против врага и его сторонников.

Но страшное потрясение, постигшее нашу страну, потрясение политическое, экономическое, социальное, моральное — результат катастрофы поражения, измены, узурпации власти. Оно придет к своему концу лишь тогда, когда немецкие и итальянские войска будут разгромлены союзными войсками. Это потрясение порождено глубокими причинами, и оно будет иметь далеко идущие последствия. Настоящая война подобна большой революции для всех наций и особенно для Франции.

Прежде всего необходимо, чтобы процесс освобождения произошел в условиях порядка и завершился достижением независимости нации: это значит, что оно должно быть подготовлено заранее таким образом, чтобы сразу же было осуществлено управление нацией в соответствии с ее желанием в предвидении момента, когда она сможет нормальным путем выразить свою волю на всеобщих выборах.

С этой точки зрения Совет Сопротивления уже теперь должен оказывать помощь Национальному комитету в подготовке мероприятий, которые могут быть осуществлены по мере освобождения страны. С другой стороны, в момент самого освобождения Совет должен стать как бы первоначальным выразителем желаний и чувств всех тех, кто участвовал в борьбе внутри страны. Таким образом он сможет оказать Национальному комитету нужную поддержку... помощь в выполнении им его долга перед страной и в защите прав и интересов Франции перед иностранными державами.

В конечном счете, дело идет о том, выйдем ли мы из хаоса обновленными, чтобы помочь родине вернуть ее величие, ее выдающуюся роль, соответствующую ее гению, и в то же время обеспечить всем ее детям безопасность, свободу, достойный труд и достойную жизнь. Именно Совет Сопротивления, действующий в самом горниле, где в скорби и боях выковывается новая Франция, должен предпринять все необходимое для того, чтобы вооружить нацию пониманием происходящего и направлять ее руководителей в выборе пути, который приведет страну к достойному будущему.

Такова большая и мужественная задача Совета Сопротивления. Ее значение исключительно. Совет справится с нею, преодолет все трудности, поставив перед собой единственную цель — служить Франции. Он будет постоянно вдохновляться братским единством нации, которое сегодня одно дает ей возможность бороться со своими бедствиями, а завтра поможет ей построить свой дом заново и обновить основы своего существования.

ПОСЛАНИЕ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ ОТ ЖАНА МУЛЭНА, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА СОПРОТИВЛЕНИЯ

Париж, 15 мая 1943

Все организации и партии Сопротивления северной и южной зоны накануне отъезда в Алжир генерала де Голля вновь заверяют его, так же как и Французский национальный комитет, в своей верности провозглашенным ими принципам, отступление от которых было бы осуждено французским общественным мнением.

Они считают необходимым решительно заявить, что намеченная встреча должна состояться открыто в резиденции алжирского генерал-губернаторства в условиях полной гласности и среди французов.

Кроме того, они заявляют:

1) что политические проблемы не должны быть исключены при переговорах;

2) что французский народ никогда не допустит подчинения генерала де Голля генералу Жиро и требует быстрее учреждения в Алжире Временного правительства под председательством

генерала де Голля, причем генерал Жиро должен быть военным руководителем;

3) что генерал де Голль останется для всех единственным руководителем французского Сопротивления, каков бы ни был исход переговоров.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ЖИРО ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛОНДОН

Алжир, 17 мая 1943

Генерал!

Благодарю вас за ваше письмо от 6 мая, полученное в ответ на мое письмо и мой меморандум от 27 апреля.

Этот новый обмен мнениями убеждает меня в том, что наши предварительные дискуссии закончены и настал час действовать и принять на себя общую ответственность. Время не ждет, среди других вопросов неотложным является вопрос о скорейшем объединении всех французских вооруженных сил в единую победоносную армию.

Я предлагаю, чтобы мы перешли к действиям, направленным к немедленному осуществлению объединения империи. Мы располагаем возможностями быстро достичь этой цели.

Необходимо немедленно образовать центральный исполнительный комитет и в то же время подтвердить главные основы его деятельности. Ответственность за деятельность Комитета должна быть коллективной, а срок его полномочий — ограниченным. Таким образом, мы будем действовать в соответствии с традицией и законами республики.

Если мы придем к согласию в этом, исполнительный комитет тотчас же соберется в Алжире.

Образование исполнительного комитета

Комитет является центральной властью. Он осуществляет общее управление и берет на свою ответственность все дела, которые в настоящее время выполнялись Национальным комитетом и гражданским и военным главнокомандующим в Алжире. Он будет обсуждать все другие вопросы, относительно которых мы обменивались мнениями, и основываться на нотах, которыми мы обменялись. В частности, он организует Национальный совещательный совет и Совет Сопротивления, назначает комиссаров, определяет их функции и т.д...

Ответственность исполнительного комитета должна быть коллективной. Все основные решения будут обсуждаться и приниматься сообща членами исполнительного комитета. Согласно предложению генерала Катру, вы и я поочередно будем осуществлять председательствование; наша ответственность будет сочетаться с коллективной ответственностью исполнительного комитета; мы будем подписывать совместно с соответствующим комиссаром или комиссарами постановления и ордонансы, которые будут обсуждаться и приниматься всем комитетом.

Продолжительность деятельности исполнительного комитета должна быть ограничена. Мы убеждены, что в условиях настоящей ситуации наша деятельность отвечает желаниям французского народа. Тем не менее мы не можем игнорировать того факта, что наша власть появилась в результате конкретно сложившейся обстановки. Мы не представляем собою и не можем представлять правительство Франции.

С того момента, когда исполнительный комитет начнет выполнять свои функции, он должен торжественно объявить французскому народу, что передаст свои полномочия Временному правительству, которое будет создано во Франции после освобождения страны на основании закона от 15 февраля 1872. Применение этого закона предусмотрено на тот случай, когда законодательные ассамблеи прекращают свое существование, — именно это и имеет место в настоящее время; этот закон может быть применен путем обращения — с согласия Национального совещательного совета и юридического совета к выборным лицам с учетом изменений, происшедших в результате действий врага или развития обстановки во Франции.

Если я правильно изложил сущность взглядов на этот предмет, выраженных Национальным комитетом и мною лично, то прошу дать мне ваше согласие по этим пунктам, что весьма важно для дела нашего объединения. В то же время мы можем быстро договориться о составе комитета. Он первоначально будет состоять из двух предложенных вами членов и двух членов, предложенных мной, что составит в общем шесть первых членов исполнительного комитета. Предлагаю оставить три вакантных места, чтобы исполнительный комитет мог в дальнейшем их заместить.

Примите уверения, генерал, в моих лучших чувствах.

ТЕЛЕГРАММА МОРСКОЙ СЛУЖБЫ

Французская морская база в Гриноке, 19 мая 1943

Командир судна «Меония» капитан 3-го ранга Литзельман, его штаб и экипаж просят вас передать генералу де Голлю следующее послание.

«Командир, 53 офицера и члена экипажа французского судна «Меония», выразившие желание служить Сражающейся Франции, восхищены вашей стойкой защитой родины в борьбе с ее угнетателями. Они просят оказать им честь и позволить поднять флаг Лотарингского креста, символа Сражающейся Франции. Да здравствует Франция! Да здравствует генерал де Голль!»

СЕКРЕТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ДЕЛЕСТРЭНУ, КОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ВНУТРЕННЕГО ФРОНТА

Лондон, 21 мая 1943

Настоящая инструкция имеет целью определить функции командующего вооруженными силами внутреннего фронта:

I. В течение настоящего периода, предшествующего высадке союзных войск.

II. В момент операций по освобождению.

1. Настоящий период

В настоящий период командующий вооруженными силами внутреннего фронта подготавливает их к выполнению задачи, которая возлагается на них при проведении операций по освобождению территории.

1) Ближайшие действия.

Принцип необходимости ближайших действий признается.

Эти действия предпринимаются, как правило, по инициативе движений Сопротивления и их местных организаций; они ведутся при небольшом количестве бойцов, сгруппированных в партизанские отряды и мелкие военные подразделения.

Командующий вооруженными силами внутреннего фронта вмешивается в их действия только с ведома комитета координации движения Сопротивления и для того, чтобы определить в соответствии с инструкциями, которые он может получить от генерала де Голля:

крупные объекты нападения;
зоны ближайших действий, в которых следует развернуть основные действия;

технические условия, которые должны быть соблюдены в период подготовки операций по освобождению.

2) Подготовка вооруженных сил внутреннего фронта к выполнению операций по освобождению.

В настоящий период, когда структура вооруженных сил внутреннего фронта еще точно не определена, командующий выполняет в отношении всех ее составных частей функции генерального инспектора, с тем чтобы в момент высадки принять командование этими силами.

В этом звании соответственно инструкциям, получаемым от генерала де Голля:

он планирует использование вооруженных сил внутреннего фронта в зависимости от возможностей их пополнения на местах и от операций, которые можно осуществить;

он согласует план использования вооруженных сил внутреннего фронта с планом вооружения и мобилизации;

он проверяет введение в действие системы командования, которая осуществляется комитетом координации, и назначает командующих военными округами и районами округов...;

он осуществляет путем инспекции контроль за подготовкой операций по освобождению;

он информирует комитет координации о результатах инспекции; комитет оказывает командующему содействие в его сношениях с различными организациями;

он осуществляет соответствующие меры для набора добровольцев в день «Д», всюду, где это позволит ослабление немецкого контроля.

2. В момент высадки союзников и в дальнейшем

В момент проведения операций по высадке командующий вооруженными силами внутреннего фронта получает все права и выполняет все функции командующего армией. Он осуществляет эффективное командование всеми войсковыми соединениями, входящими в состав вооруженных сил внутреннего фронта, и всеми партизанскими отрядами. Он обеспечивает координацию действий военных подразделений с действиями регулярных войск.

Комитет координации прикомандировывает к нему одного из своих членов, которого генерал держит в курсе получаемых им инструкций и издаваемых им приказов.

**ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО,
В АЛЖИР**

Лондон, 25 мая 1943

Дорогой генерал!

Я имел удовольствие получить ваше письмо от 17 мая и благодарю за него.

Национальный комитет полагает вместе с вами, что предварительное обсуждение должно быть закончено и что необходимо безотлагательно создать в Алжире орган общей центральной власти. Мы с вами поочередно будем осуществлять председательствование.

Мы полностью согласны с вами в том, что ответственность этого органа должна быть коллективной и что продолжительность его функций была бы ограничена таким сроком, когда, исходя из общего смысла закона от 15 февраля 1872, можно было бы обеспечить временное национальное представительство и создать правительство.

Что касается состава самого органа, который должен отныне осуществлять общую центральную власть, и других вопросов, требующих выяснения, то, разумеется мы их обсудим в Алжире: мы с вами, а также два лица, предложенные вами, и два лица, предложенные Национальным комитетом.

Рассчитываю прибыть в Алжир в конце этой недели; радуюсь тому, что скоро буду сотрудничать с вами в служении Франции.

Примите, дорогой генерал, уверения в моих лучших чувствах и искренней преданности.

АЛЖИР

ТЕЛЕГРАММА МИССИИ СРЯЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ В АЛЖИРЕ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Алжир, 30 мая 1943

В 11 час. 30 мин. генерал де Голль прибыл на аэродром Буфарик на самолете «Локхид», который носит название Париж. Самолет вели полковник де Мармье и майор Морле. При выходе из самолета де Голля встретили генерал Жиро, генерал Катру, многочисленные чиновники и военные; в частности, генерал Девэнк, начальник штаба Жиро, генерал Севез, представитель генерала Жюэна, полковник Линарэ, Гонон, генеральный секретарь алжирского генерал-губернаторства и т.д. Среди встречавших были также Макмиллан и Мэрфи. Присутствовали начальники служб миссии Сражающейся Франции. Присутствовала большая группа английских и американских корреспондентов, диктор агентства «Франция — Африка» Брэ и его сотрудники, представители «Радио-Франс» и т.д.

Улыбающийся де Голль не скрывает своей радости, оказавшись на французской земле. Пожав руку генералу Жиро, он произвел смотр роте, которая взяла на караул, после чего направился приветствовать встречавших. Его сопровождали Массигли и Филип, полковник Бийотт, капитаны Тейссо и Шарль Ру. Среди членов миссии находились прибывшие накануне Шуман и Клозон.

На автомобилях генералы де Голль, Жиро, Катру и другие направлялись завтракать в Алжир. Хотя место прибытия держалось в секрете, автомобили привлекли внимание населения деревень по пути в Алжир и многочисленные жители приветствовали проезжавшего де Голля.

В городе Алжире официально еще не объявлено о прибытии генерала де Голля.

КОММЮНИКЕ КАНЦЕЛЯРИИ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ

Алжир, 30 мая 1943

Генерал авиации Вийемен, бывший главнокомандующий французскими военно-воздушными силами, направил генералу де Голлю письмо следующего содержания:

Мыс Матифу, 26 мая 1943

Генерал!

Имею честь просить вас использовать меня в частях боевой авиации.

Я хотел бы принять, в соответствующем чине, командование одной из воинских частей Сражающейся Франции.

Примите, генерал, выражение моей полной преданности.

30 мая генерал де Голль принял генерала авиации Вийемена.

Во время этой волнующей встречи глава Сражающейся Франции поблагодарил бывшего главнокомандующего французскими военно-воздушными силами за проявленный им благородный пример и тут же назначил его в чине подполковника в авиационную группу «Бретань», находящуюся в настоящее время в Тунисе.

**ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ВЕЙСА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ,
В АЛЖИР**

Алжир, 31 мая 1943

Генерал!

Наконец-то вы в Алжире, где мы ждем вас в течение двух с половиной лет. Я думаю, что нет необходимости говорить о том, что я полностью в вашем распоряжении и жду ваших приказаний.

Примите, генерал, уверения в моей полной преданности.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЧЛЕНАМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА, В ЛОНДОН

Алжир, 31 мая 1943

Первое совещание состоялось сегодня утром. С одной стороны присутствовали Жиро, Моннэ и генерал Жорж. С другой — я сам, Катру, Массигли, Филип.

Я занял следующую позицию: мы хотим единства и немедленного создания общего Национального комитета, если только будет решено, что Ногес, Буассон, Пейрутон, Бержере... немедленно уйдут в отставку.

Жиро и Жорж категорически возражают. Моннэ виляет.

Со стороны общественности — отношение хорошее; со стороны Жиро и его окружения — посредственное. Жиро сообщил мне, что Эйзенхауэр пригласил его в Соединенные Штаты. Эйзенхауэр требует, чтобы Французские свободные войска покинули Тунис.

С дружеским приветом.

ТЕЛЕГРАММА СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ДЕЛЕГАЦИИ СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ, В АЛЖИР

Вашингтон, 31 мая 1943

Вся американская пресса помещает на первых полосах информацию о прибытии де Голля в Алжир и под крупными заголовками сообщает о предстоящих переговорах об объединении французов. В большинстве газет появился переданный по радио снимок де Голля, пожимающего руку Жиро в момент встречи на аэродроме. Корреспонденты единодушны в описании энтузиазма, вызванного в Алжире присутствием главы Сражающейся Франции, и обращают внимание на народные манифестации и на тот факт, что в петлицах многих манифестантов появились лотарингские кресты. Как сообщает корреспондент Ассошиэтед Пресс, среди участников манифестаций он видел даже жандармов и солдат. Корреспондент «Нью-Йорк таймс», как и представители других газет, подчеркивает, что де Голль будет оказывать значительное влияние на дела Французской Северной Африки, и отмечает, что в честь Жиро никогда не бывало таких народных демонстраций, какие были в честь де Голля.

По радио также передаются пространные отчеты о прибытии де Голля в Алжир, в которых особо отмечается, что на первом заседании Комитета имел место оживленный обмен мнениями по поводу того, что среди лидеров Франции, борющихся за ее освобождение, не должно быть коллаборационистов и пораженцев.

Все газеты воспроизводят заявления де Голля на пресс-конференции в Алжире.

ТЕЛЕГРАММА НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИССАРА ИНФОРМАЦИИ ДЕЛЕГАЦИИ СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ, В АЛЖИР

Лондон, 31 мая 1943

1. Сегодня столбцы английских газет посвящены сообщениям о прибытии генерала де Голля в Алжир и описанию восторженной встречи. Сообщения публикуются под крупными «шапками».

2. На пресс-конференции в английском министерстве информации представитель министерства заявил сегодня утром, что прибытие генерала Жоржа было встречено английским правительством с удовлетворением. Говорят, что он придает «элемент стабильности» новой французской власти.

3. Три большие статьи в «Таймс», «Манчестер гардиан» и «Ивнинг стандарт» посвящены французскому Сопротивлению... Газеты признают, что генерал де Голль и французский национальный комитет представляют наилучшим образом внутреннее Сопротивление и являются единственной связью между ним и создаваемой центральной властью.

4. Газеты воздерживаются, по-видимому преднамеренно, от описания манифестаций в Алжире, происходивших в воскресенье во второй половине дня. Тем не менее манифестации произвели здесь глубокое впечатление. Мы предоставили журналистам возможность прослушать радиорепортаж из Алжира, который дает прекрасное представление о теплоте встречи и энтузиазме населения.

5. Заявления генерала де Голля публикуются без комментариев. Однако не присоединившиеся к нам круги едко комментируют его фразу: «Французы должны служить только Франции» — и стараются представить эту фразу как выражение антисоюзнических настроений...

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЧЛЕНАМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА, В ЛОНДОН

Алжир, 1 июня 1943

Сообщаю некоторые данные об установке переговоров относительно объединения.

...Создалось общее впечатление организованного давления на общественное мнение. Газеты и радио полностью удушены. Со-

брания запрещены. Передвижение по стране практически невозможно. Повсюду конспирация. Проконсулы, генералы, адмиралы каждый окружен своими людьми и не имеет связей с внешним миром. Никакой реальной власти нигде. Показанная видимость, которой никто не верит...

Вчера утром состоялось подготовительное заседание. Присутствовали: де Голль, Жиро, Катру, Жорж, Массигли, Филип, Моннэ. Я ставлю вопрос об отставках. Категорический и резкий отказ со стороны Жиро. В результате Комитет не был сформирован. Еще раз виделся с Жиро без свидетелей во второй половине дня. Ничего не выходит. Нет сомнения в его глубокой враждебности.

Армия расшатана. Тысячи индивидуальных присоединений к нам. Солдаты бегут, чтобы присоединиться к Лармина. Из воинских частей мне телеграфируют о желании перейти в мое распоряжение.

Прессу и радио следует ориентировать в том числе, что главным препятствием к объединению является отказ удалить некоторых неприемлемых лиц.

КОММЮНИКЕ КАНЦЕЛЯРИИ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ

Алжир, 1 июня 1943

Генерал-губернатор Алжира Марсель Пейрутон только что прислал генералу де Голлю следующее письмо:

«Генерал!

Учитывая, что искреннее объединение всех французов является единственным средством добиться победы, которая возродит наше величие, и стремясь облегчить это объединение, я передаю в ваше распоряжение мой пост генерал-губернатора Алжира. Поступая так, я не собираюсь покинуть моих алжирских друзей, французов и мусульман, которые в своих недавних выступлениях выразили мне единодушное доверие.

Мой жест вдохновлен бескорыстным стремлением к объединению всех французов, решивших изгнать захватчика и освободить родину.

Я прошу вас, как председателя исполнительного комитета, поддержать перед военными властями мою просьбу о зачислении на военную службу в качестве капитана колониальной пехоты.

Примите, генерал, уверения в моем глубоком уважении».

Генерал де Голль направил Марселю Пейрутону следующий ответ:

Алжир, 1 июня 1943

«Господин посол!

Получил ваше письмо от 1 июня, в котором вы сообщаете, что передаете в мое распоряжение пост генерал-губернатора Алжира и выражаете желание служить в рядах армии.

Я уверен, что в условиях страшных испытаний, переживаемых нашей родиной, французы оценят, как оценил я сам, ваш бескорыстный шаг.

Прошу передать ваши функции генеральному секретарю Алжира и считать себя в распоряжении главнокомандующего войсками в Леванте в качестве капитана колониальной пехоты.

Примите, господин посол, уверения в моем особом уважении».

ТЕЛЕГРАММА ДЕЛЕГАЦИИ СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ДЕЛЕГАЦИИ СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ, В АЛЖИР

Вашингтон, 2 июня 1943

Пресса публикует на первых полосах и под крупными заголовками сообщения об отставке Пейрутона и согласии де Голля оставить на службе во французских Сражающихся силах. «Нью-Йорк таймс» публикует это сообщение жирным шрифтом на первой полосе под огромным заголовком: «После отставки Пейрутона де Голль приобретает власть во Французской Северной Африке».

...Миддлтон телеграфирует газете «Нью-Йорк таймс» из Алжира: «Эта удивительная перемена свидетельствует о том, что де Голль контролирует политическое положение в Алжире... Исчезают последние следы власти Жиро... Де Голль одерживает политическую победу. Значение этого события велико не только потому, что Пейрутон ушел, но также потому, что он вручил свою отставку де Голлю. Совершенно очевидно, что де Голль в результате сорока восьми часов энергичных действий овладел обстановкой и фактически держит в своих руках политические судьбы Французской Северной Африки... Де Голль приступает

теперь к еще более трудной борьбе: к убеждению союзников в том, что надо уважать французский суверенитет во всей Северной Африке и империи».

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖЮЭНУ, В ТУНИС

Алжир, 2 июня 1943

Дорогой Жюэн!*

Я хотел бы повидать тебя. В ближайшее время намереваюсь отправиться в Тунис. Но прежде я должен по возможности уладить здесь много важных дел. Поэтому прошу тебя приехать в Алжир.

Мне известно, что ты сделал с самого начала кампании в Тунисе. Прими мои поздравления. Знай, что ты пользуешься моим уважением и дружбой, и верь в мои самые сердечные чувства.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ЖЮЭНА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Тунис, 3 июня 1943

Дорогой де Голль!

Твоя записка, переданная Лафоном, бесконечно тронула меня. Я рассчитываю вернуться в Алжир в воскресенье или понедельник, после выполнения данного мне поручения, чтобы передать инструкции Масту.

Я охотно встретился бы с тобой в конце недели, если Жиро разрешит мне уехать из Туниса на сутки. С этим трудным человеком никогда не знаешь, как будет. Он всегда боится, как бы не запутали его дела. От души желаю быстрой развязки в Алжире в смысле достижения объединения, которого мы так жаждем... К тебе питают доверие. Для тебя здесь не должно быть непреодолимых препятствий.

До скорого свидания. Сердечно преданный тебе.

---

*Генерал Жюэн и генерал де Голль — выпускники одного курса Сен-Сирского военного училища. — *Прим. ред.*

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ЖИРО ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ*Алжир, 2 июня 1943*

Генерал!

Третьего дня во время предварительного заседания, на котором мы должны были учредить исполнительный комитет, предусмотренный в наших предыдущих письмах, вы поставили вопрос об удалении из Французской Африки некоторых высших чиновников и генералов.

В эту ночь генерал-губернатор Алжира подал каждому из нас заявление об отставке. Не посоветовавшись со мной и еще до того, как был учрежден исполнительный комитет, вы сочли возможным предписать Пейрутону, чтобы он передал свои функции генеральному секретарю, и мобилизовать его в колониальную пехоту Леванта.

Такой образ действий вызывает удивление.

С самого начала важно не допускать между нами никакой недоговоренности. Франция и наши союзники ждут. В спор надо внести полную ясность. Здесь сталкиваются две доктрины. Они кажутся, по правде говоря, противоположными. Моя политическая позиция была определена в моей речи от 14 марта.

Что же касается вашей позиции, то подпольные газеты, выходящие во Франции под вашим покровительством, а также заявления по радио и публичные выступления некоторых лиц из вашего ближайшего окружения свидетельствуют о вашем намерении учредить во Франции после освобождения тоталитарную политическую систему; всенародное волеизъявление предусматривается лишь спустя долгое время.

Эти заявления предвещают даже массовые репрессии во Франции. По выражению некоторых ваших сотрудников, «Франция должна подвергаться такой чистке, какой ни одна страна никогда не знала».

Организация, руководимая полковником Пасси, усвоила методы гестапо.

Не меньшее беспокойство вызывает ваша внешняя политика. Приписываемые вам высказывания относительно англичан, ваш отказ нанести визит генералу Эйзенхауэру по прибытии в Алжир свидетельствуют об определенном маневре, который содействует подготовке вашей революции, но вредит делу спасения страны.

Я не присоединяюсь к такому образу действий. Они равноценны установлению во Франции режима, скопированного с нацизма, опирающегося на эсэсовцев и против которого борются все Объединенные Нации.

Франция этого не хочет.

Поэтому, прежде чем начинать обсуждение, я прошу вас публично дезавуировать эти планы и удалить их авторов, которые ни в коем случае не должны быть использованы в исполнительном комитете или на любом другом административном посту.

Прошу вас принять уверения в моем высоком уважении.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЧЛЕНАМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА, В ЛОНДОН

Алжир, 3 июня 1943

...Жиро только что возложил функции полицейской власти в Алжире на Мюзелье.

Жиро вызвал сюда туземные кавалерийские отряды из Марокко. Он издал приказ задерживать всех солдат Сражающейся Франции в Северной Африке, получивших увольнение. Он только что написал мне письмо с требованием сделать публичное заявление о том, что я обязуюсь не устанавливать во Франции фашистский режим!..

Трагикомедия в полном разгаре. Но это может плохо кончиться.

ДЕКЛАРАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Алжир, 3 июня 1943

Генералы де Голль и Жиро в качестве председателей, генерал Жорж, генерал Катру, гг. Массигли, Моннэ, Филип в качестве членов образуют Французский комитет национального освобождения, который будет впоследствии пополнен другими членами.

Сформированный таким образом Комитет является центральной французской властью.

Комитет руководит военными усилиями французов во всех их формах и повсюду. В соответствии с этим он осуществляет французский суверенитет на всех территориях, находящихся вне власти врага. Он обеспечивает руководство всеми интересами Франции и их защиту во всем мире. Он берет на себя власть над всеми территориями и над сухопутными, морскими и воздушными силами, находящимися до настоящего времени в ведении либо Французского национального комитета, либо в ведении военного командования и гражданской администрации. Комитет безотлагательно примет все необходимые меры для осуществления слияния всех административных учреждений, зависящих от этих двух органов.

Согласно письмам, которыми обменялись генералы Жиро и де Голль, Комитет передаст свои полномочия Временному правительству, которое будет сформировано в соответствии с законами республики, как только освобождение территории метрополии позволит это сделать, и самое позднее — после полного освобождения Франции.

В тесном сотрудничестве со всеми союзниками Комитет будет продолжать совместную борьбу в целях полного освобождения французских территорий и территорий союзников до победы над всеми враждебными державами.

Комитет торжественно обязуется восстановить все французские свободы, законы республики и республиканский режим, полностью уничтожив режим произвола и личной власти, навязанный в настоящее время стране.

Комитет служит французскому народу, военные усилия, сопротивление и испытания которого, равно как и необходимое обновление страны, требуют объединения всех национальных сил.

Комитет призывает всех французов следовать за ним, для того чтобы Франция обрела в борьбе и победе свою свободу, свое величие и свое традиционное место среди великих союзных держав.

ОРДОНАНС ОТ 3 ИЮНЯ 1943 ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Генерал де Голль и генерал Жиро, учитывая, что в результате оккупации французской территории врагом осуществление суве-

ренитета французского народа, являющегося основой всякой законной власти, прекратилось;

учитывая, что Французский национальный комитет и гражданский и военный главнокомандующий решили объединить свои действия, чтобы обеспечить руководство военными усилиями французов, защиту всех интересов Франции и управление делами территорий и вооруженных сил, подведомственных до сего времени соответствующим властям,

постановляют:

Ст. 1. Учредить единую французскую центральную власть, которая будет иметь наименование Французского комитета национального освобождения.

Ст. 2. Французский комитет национального освобождения руководит военными усилиями французов во всех их формах и повсеместно.

Ст. 3 Французский комитет национального освобождения осуществляет французский суверенитет на всех территориях, находящихся вне власти врага; обеспечивает руководство всеми интересами Франции и их защиту во всем мире; берет на себя власть над всеми территориями, над всеми сухопутными, морскими и воздушными силами, находившимися до настоящего момента в ведении либо Французского национального комитета, либо гражданского и военного главнокомандующего.

Комитет заключает договоры и соглашения с иностранными державами. Оба председателя аккредитовывают дипломатических представителей при иностранных державах, а иностранных представителей — при себе.

Ст. 4. В соответствии с предварительным обменом документами между Французским национальным комитетом и гражданским и военным главнокомандующим и, в частности, в соответствии с письмом генерала Жиро от 17 мая и ответом генерала де Голля от 25 мая Французский комитет национального освобождения будет осуществлять свои функции до того момента, когда освобождение территории метрополии позволит избрать в соответствии с законами республики Временное правительство, которому Комитет передаст свои полномочия. Этот момент наступит самое позднее после полного освобождения территории страны.

Ст. 5. Определить декретами организацию и деятельность Французского комитета национального освобождения.

Ст. 6. Настоящий ордонанс выполнять как закон.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЧЛЕНАМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА, В ЛОНДОН

Алжир, 4 июня 1943

Только что учрежденный правительственный комитет не полностью удовлетворяет нас. Но говоря по совести, я считаю, что мы не имели права оказываться от такого комитета. Все видят в нем лишь переходный этап.

Состав комитета будет непрерывно расширяться в условиях, которые сделают его более авторитетным. Задача состоит в том, чтобы обновить кадры и пронизать все новым духом. Я убежден, что нам это удастся.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКЛАДА ЖАНА МУЛЭНА НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Париж, 4 июня 1943

... Не без трудностей мне удалось сформировать и собрать Совет Сопротивления. Трудности принципиальные, трудности персональные, трудности материальные.

Прежде всего мне пришлось преодолеть серьезное сопротивление некоторых организаций северной зоны какому бы то ни было сотрудничеству со старыми партиями. Обычно организации как в южной, так и в северной зоне противились с самого начала подобным контактам, и это особенно давало себя знать в ОСМ (Военно-гражданская организация), в «Сё де ля резистанс» («Те, кто за сопротивление»), в «Сё де ля либерасьон» («Те, кто за освобождение») и, в некоторой степени, в «Комба» («Сражение»).

После целого ряда дискуссий, когда я старался доказать, что мы заинтересованы — по соображениям внутривнутриполитическим и еще более — внешнеполитическим — в вовлечении в организованное Сопротивление здоровых элементов старых политических и профсоюзных организаций, я наконец добился присоединения восьми организаций, с отговоркой, что их представители составят исполнительный орган Совета.

Пришлось улаживать довольно серьезное разногласие с представителями профсоюзов. ВКТ (Всеобщая конфедерация труда) просила предоставить ей два места в Совете, чтобы, как говорили ее представители, был слышен голос рабочих и служащих. Я вы-

нужден был решительно придерживаться принципа — от каждой организации представитель. Всякое другое решение повлекло бы за собой всякого рода злоупотребления. ВКТ является юридическим лицом и как таковое правомочно представлять все аспекты своей деятельности. Увеличение числа представителей в данном случае неизбежно побудило бы некоторые политические организации требовать пропорционального представительства и его «дозировки», что является неприемлемым. Наконец, ОСМ, требовавшая одного места для Конфедерации работников умственного труда, имела бы также право настаивать, чтобы последняя была представлена. Свои требования могли бы выдвинуть и христианские профсоюзы. Вопрос осложнялся и тем, что ко всем этим затруднениям прибавлялось еще соперничество первого и второго деятелей, каждый из которых непременно хотел войти в Совет. Соглашение было достигнуто после переговоров с «Либерасьон» на следующих основаниях: первый был введен как представитель от ВКТ и второй — от «Либерасьон».

Что касается старых политических организаций, то сначала у меня были затруднения с коммунистической партией по вопросу о Временном правительстве, от чего зависело присоединение этой партии к Совету. Должен сказать, что затруднения были быстро устранены и Центральный Комитет коммунистической партии подписался под всеми пунктами представленной ему программы. Что касается радикалов, то, не имея возможности связаться с Эррио, я просил недавно созданную группу действия радикалов выделить представителя. Я сообщал вам в предыдущем письме, кто он. Его активное участие в Сопротивлении принесло ему немало неприятностей; он был даже заключен на несколько месяцев в тюрьму Фрэн. Он имеет то преимущество, что может быть одновременно представителем радикал-социалистов и франкомасонов. Последние поручили ему представлять себя. Были трудности, связанные с представительством «Республиканской федерации»*. Луи Марэн, конечно, согласен и обещал более месяца назад, что войдет сам или выделит своего представителя. Но только накануне собрания я узнал, что представлять Луи Марэна будет Дебю-Бридель.

Как было трудно собрать 17 членов комитета — ведь они или разыскиваются полицией и гестапо, или находятся под их надзо-

---

*Французская буржуазная партия. После войны прекратила свое существование. — *Прим. ред.*

ром. С удовлетворением сообщаю, что все члены присутствовали на заседании и, что особенно следует подчеркнуть, заседание проходило в достойной атмосфере патриотического единства.

Вот как проходило заседание.

Поблагодарив всех членов комитета за то, что они откликнулись на призыв генерала де Голля, я счел своим долгом коротко напомнить о задачах Сражающейся Франции в том виде, как они изложены ее главой:

- 1) вести войну;
- 2) предоставить французскому народу возможность выразить свое мнение;
- 3) восстановить республиканские свободы в государстве, которое не откажется от социальной справедливости и в то же время осознает свое величие;
- 4) добиваться вместе с союзниками восстановления действенного международного сотрудничества в плане экономическом и духовном в послевоенном мире, когда Франция восстановит свой престиж.

Попутно я указал, что если, как писал и говорил генерал де Голль, демократический порядок допускал существование организованных партий, то наличие в составе Совета представителей старых политических партий не должно рассматриваться как официальное согласие на восстановление названных партий в том виде, в каком они существовали до перемирия.

Я настаивал на том, что, наоборот, нужно всеми силами стремиться к созданию широких идеологических союзов, способных обеспечить прочность и стабильность французской общественной жизни.

После этого вступления я прочел послание генерала, которое прибыло как нельзя более кстати и было выслушано всеми присутствующими с волнением.

Затем представитель народных демократов зачитал текст уже доставленной вам резолюции, которую мы выработали сообща. После обмена мнениями резолюция была принята единогласно.

В заключение Совет решил посвятить всю свою деятельность созданию на территории страны прочного союза организаций, представленных в Совете Сопротивления.

Я хотел бы отметить, что все участники, как и выделившие их организации, отнеслись с максимальной серьезностью к этому заседанию и признали его важное значение.

Некоторые организации, питавшие все же какие-то предубеждения против Совета, теперь как будто поняли, какое большое значение он может иметь.

ТЕЛЕГРАММА ДЕЛЕГАЦИИ СРЯЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ В АЛЖИРЕ ЧЛЕНАМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА, В ЛОНДОН

Алжир, 8 июня 1943

На заседаниях 3 и 7 июня Французский комитет национально-освобождения определил функции некоторых комиссариатов.

Список комиссариатов в настоящий момент таков:

государственный комиссариат координации мусульманских дел — генерал Катру,
государственный комиссариат — генерал Жорж,
иностранных дел — Рене Массигли,
вооружения и снабжения — Жан Моннэ,
колоний — Рене Плевен,
коммуникаций и торгового флота — Рене Мейер,
информации — Анри Боннэ,
внутренних дел — Андре Филип,
юстиции, народного просвещения, здравоохранения — д-р Абади,
финансов — Кув де Мюрвиль,
производства, торговли — Андре Дьстельм,
труда и социального обеспечения — Адриен Тиксье.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЧЛЕНАМ ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Алжир, 9 июня 1943

Сегодня исполнилось восемь дней с того момента, как мы осуществили в интересах руководства военными усилиями французов так называемое объединение и учредили Французский комитет национального освобождения, считая, что этот комитет заменит французское правительство.

Но все говорит о том, что «единства» не существует и что в действительности правительства нет.

Больше того, мы видим, что гражданские и военные дела находятся в состоянии анархии, которую используют разные одер-

жимые, или интриганы, или приверженцы Виши, или даже агенты врага для проведения саботажа и создания в любой момент атмосферы «путча».

Самый незначительный вопрос, который может быть решен и исчерпан в несколько мгновений, порождает у нас нескончаемые и неприятные дискуссии.

В результате мы даже не приступили к разрешению вопроса о полномочиях правительства и военного командования, логическое решение которого, отвечающее интересам нации, напрашивается само собой.

С другой стороны, союзники действуют в отношении нас таким образом, что можно усомниться, признают ли они за нашим «Комитетом» право представлять интересы Франции и осуществлять необходимую власть.

Такое положение несовместимо с ответственностью перед страной, которая, как я полагаю, лежит на мне в связи с доверием, оказанным мне большим числом французов.

Я нарушил бы свой долг, если бы в сложившихся условиях продолжал участвовать в работе Французского комитета национального освобождения. Учитывая это, прошу больше не считать меня ни членом Комитета, ни председателем его.

ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕЛЕСТРЭНА, КОМАНДУЮЩЕГО ТАЙНОЙ АРМИЕЙ, НАЦИОНАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, В ЛОНДОН

Из Франции, 10 июня 1943

Имею честь направить вам в порядке отчета текст инструкции (№ 5), которую в соответствии с указаниями генерала де Голля я только что дал тайной армии относительно ее задач и ее организации.

«Тайная армия представляет собой французскую внутреннюю армию добровольцев, главная задача которой сражаться за освобождение нашей земли от немецкого ига... Вторая задача тайной армии — помогать генералу де Голлю в поддержании порядка в момент освобождения и в учреждении во Франции демократического строя, отвечающего чаяниям французского народа.

Тайная армия — армия добровольцев, все члены которой считают себя связанными определенным обязательством. Только ус-

ловия подполья мешают им подписать акт о добровольном вступлении в вооруженные силы Сражающейся Франции. Возникшая вначале как группа военизированных подразделений организаций движения Сопротивления, эта армия ныне принимает в свои ряды всех французов независимо от политических воззрений и убеждений, воодушевленных единым патриотическим чувством, единым стремлением сражаться и признающих своим руководителем генерала де Голля.

Командование и организация

Тайной армией руководит на всей территории командующий, назначенный декретом генерала де Голля; он располагает штабом и службами, существование которых нельзя разглашать. В тайную армию входят:

1) технические войска (железные дороги, связь и т.д.) и партизанские группы, имеющие свой собственный командный состав и находящиеся в непосредственном подчинении главнокомандующего или командиров, назначенных главнокомандующим в обеих зонах;

2) территориальные войска: постоянные подразделения, расположенные поблизости от объектов их действий, и подвижные партизанские отряды. Территориальные части находятся в ведении командиров тайной армии в районах, департаментах, кантонах. Они состоят из отделений, взводов и рот... Партизанские маки, где производится ускоренное военное обучение для выполнения специальных заданий, подчиняются непосредственно командующему тайной армией.

Главная задача тайной армии в настоящее время

Задача тайной армии в настоящее время – вести партизанскую войну, которая станет максимально интенсивной с момента высадки союзных войск на нашей территории. К тому моменту (день «Д») тайная армия должна иметь.

В первом эшелоне – 50 тысяч солдат (десантные войска), расположенных поблизости от объектов своих действий, четко нацеленных на эти объекты и располагающих всем необходимым для этого (штабы, материально-технические средства связи, различные склады, посадочные площадки, береговая защита).

Во втором эшелоне: а) 150 тысяч добровольцев, представляющих собой костяк будущей мобилизованной армии; б) технические войска, подготовленные для использования специальной материальной части, которая будет им доставлена в нужное время.

Положение в настоящее время

Подготовительная работа уже в значительной степени выполнена: имеется план действий, произведен подбор ответственных лиц и т.д. ...Еще не хватает значительной части вооружения. Наши союзники уже увеличили поставки оружия и согласны присылать еще больше, но при условии, что это вооружение не будет использовано для развязывания гражданской войны, а только для того, чтобы «выставить» немцев из пределов Франции. Члены тайной армии, каковы бы ни были их нетерпение и беспокойство, которые я понимаю и разделяю, обязаны полностью воздерживаться от какой-либо политической деятельности, которая может привести к сокращению или даже полному прекращению этих поставок оружия и материальной части. Дело идет прежде всего о Франции и о том, чтобы сражаться за ее освобождение.

В Бир-Хашейме, Феццане, Тунисе французские солдаты уже восстановили честь своих знамен. Скоро придет и наш черед».

ТЕЛЕГРАММА ДЕЛЕГАЦИИ СРЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ В КАНАДЕ ДЕЛЕГАЦИИ СРЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ, В АЛЖИР

Оттава, 11 июня 1943

По словам одного высокопоставленного чиновника министерства иностранных дел, это министерство якобы получило от ряда канадских послов — назывались послы в Куйбышеве и Рио-де-Жанейро — донесения, в которых сообщается «об эмоциональной и неразумной реакции американских дипломатов, как только речь заходит о Сражающейся Франции и о генерале де Голле».

Канадский посол в России якобы сообщил своему правительству, что он затрудняется поддерживать хорошие отношения с Роже Гарро, опасаясь значительного ухудшения отношений с членами американского посольства.

По мнению вышеупомянутого чиновника, отношение американских дипломатов к Сражающейся Франции во всем мире определяется особыми инструкциями.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ КАССЕНУ
И ЖАКУ СУСТЕЛЮ, В ЛОНДОН**

Алжир, 12 июня 1943

Как и следовало ожидать, мы переживаем здесь полный кризис. Основная причина его — непрекращающаяся двойственность в отношениях между Жиро и нами... Ближайшая причина — военный вопрос; Жиро хочет сохранить все свои полномочия, мы же стремимся к одновременному обновлению и системы и самой армии.

Общественное мнение ожидает развязки, оно глубоко взволновано и почти единодушно настроено в нашу пользу; нарастает тревога в армии, где есть большое стремление к освежению... Присоединения к войскам Лармина продолжают, несмотря на их удаленность. Около 7 или 8 тысяч французов уже присоединились к ним или уже на пути к присоединению.

Макмиллан, с которым я часто встречаюсь, кажется, понял теперь реальное положение вещей. Мэрфи держится как-то неопределенно, и его трудно понять.

...Прошу Кассена, Сустеля, д'Аржанльё, Лжантийома, д'Астье де ла Вижери и Валлена образовать совет для ведения дел под председательством Кассена.

**ТЕЛЕГРАММА ДЕЛЕГАЦИИ СРЯЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ
В ЛОНДОНЕ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР**

Лондон, 14 июня 1943

Следуя, очевидно, определенным указаниям, английская пресса, и в том числе «Франс», принимает резкий, иногда угрожающий тон, что значительно отличается от прежнего ее отношения.

Она сожалеет о «непримиримости и нетерпимости» генерала де Голля и обвиняет его в диктаторских замыслах...

В явно инспирированной статье «Манчестер гардиан» предостерегает своих читателей от заблуждения, что якобы имеются две политики по отношению к Франции: политика Вашингтона и политика Лондона. В действительности же, пишет эта газета, есть только одна, общая политика...

Многие комментарии заканчиваются завуалированной угрозой вмешательства союзников.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО

Алжир, 15 июня 1943

Генерал!

В письме от 9 июня я просил вас и других членов Комитета узкого состава не считать меня больше ни председателем, ни членом Комитета в его существующем виде.

Я убедился в невозможности разрешать в этом органе проблемы, возникающие в связи с необходимостью приступить к правительственной деятельности.

Но присутствие в Алжире всех членов Комитета, являющегося правительственным органом, за исключением лишь одного (Анри Боннэ), впервые делает возможным созыв Комитета в полном составе.

Я предлагаю созвать его сегодня же в 15 часов в лицее Фромантэн, чтобы устранить трудности, парализующие центральную власть.

В случае вашего согласия с этим предложением, я был бы признателен вам, если вы подпишете вместе со мной прилагаемое приглашение, адресованное всем комиссарам.

Прошу, генерал, принять заверения в моих лучших чувствах.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ КАССЕНУ И ЖАКУ СУСТЕЛЮ, В ЛОНДОН

Алжир, 15 июня 1943

Мы по-прежнему на мертвой точке.

Однако прибытие Плевена, Дьетельма и Тиксье позволяет созвать пленарное заседание Комитета. Что касается меня, я готов на это, потому что мое письмо об отставке относилось к Комитету семи, а не к пленарному Комитету, с которым я хочу попытаться сработать. Все дело в том, согласится ли на это Жиро и его сторонники.

Если они будут с этим согласны, Комитет постарается разрешить на пленарном заседании военный вопрос. Если же они не согласятся или если Комитет окажется таким же бессильным, как и Комитет семи, останется только констатировать несостоятельность всей системы. Тогда я сделаю публичное заявление о том, что Сражающаяся Франция продолжает существовать, постараюсь уехать в Браззавиль и буду ждать там дальнейших событий.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ДЕЛЕГАЦИЯМ СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ, В ВАШИНГТОН, ЛОНДОН, МОСКВУ

Алжир, 17 июня 1943

Несколько дней продолжаются переговоры по двум основным вопросам: реорганизации верховного командования и деятельности Комитета национального освобождения.

Коротко расскажу о существе дискуссии, чтобы вы могли лучше ориентировать свою деятельность...

Генерал де Голль требует отделить главное командование от комиссариата национальной обороны. Этому комиссариату должны быть поручены организация и управление армией... Генерал Жиро возражает против такого разделения и намерен осуществлять верховное командование армией и одновременно занимать пост военного комиссара, сохраняя в то же время пост сопредседателя Комитета национального освобождения.

Несмотря на продолжительные дискуссии, Комитету семи не удалось разрешить этот вопрос. С другой стороны, многочисленные попытки Жана Моннэ и генерала Катру найти компромиссное решение не дали результата.

Вот почему генерал де Голль решил не участвовать больше в бесперспективной деятельности Комитета семи и потребовал, чтобы принципиальный вопрос об организации главного командования был передан на обсуждение пленарного заседания Комитета национального освобождения, которое должно быть созвано в самом срочном порядке.

Генерал де Голль считает, что, если при обсуждении не будет достигнуто согласие, Комитет должен вынести решение большинством голосов.

Но генерал Жиро возражает против вмешательства Комитета национального освобождения, так как считает, что вопрос о главном военном командовании и организации армии может решаться только военными представителями.

Такая позиция противоречит французским традициям и статье 2 постановления от 3 июня, которая гласит, что Комитет национального освобождения руководит военными усилиями французов во всех их формах и повсеместно.

Итог таков: генерал де Голль отстаивает принцип главенства правительства над военным командованием и требует осуществ-

ления демократической и практически осуществимой процедуры нормальной деятельности Комитета национального освобождения. Он полагает, что одной из самых важных и срочных задач новой французской центральной власти является организация армии освобождения...

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ КАССЕНУ И ЖАКУ СУСТЕЛЮ, В ЛОНДОН

Алжир, 19 июня 1943

Сегодня утром Эйзенхауэр попросил меня приехать к нему вместе с Жиро. В основном он заявил, что, как главнокомандующий, учитывая военные операции, происходящие в настоящее время, он настоятельно просит не вносить никаких изменений в существующую военную систему в Северной Африке.

Он уточнил, что Жиро должен оставаться главнокомандующим с сохранением прежних личных и абсолютных полномочий как в отношении военных операций, так и в отношении организации и управления вооруженными силами.

Кроме того, он занимался шантажом, используя вопрос о вооружении.

Я был вынужден поставить этот вопрос в плане независимости Франции. Я сказал Эйзенхауэру, что передам дело в Комитет, но сам лично не соглашусь участвовать в правительстве, которое терпело бы иностранное вмешательство, настолько явно выраженное, настолько противоречащее единству внутренних и внешних сил Франции, настолько вредное для нашей военной мощи.

Прошу вас предупредить об этом от моего имени наших губернаторов территорий, командиров наших войск в Великобритании и в других местах и наших представителей за границей, чтобы все они знали истинную причину возможного кризиса.

В этом случае наше радио в Браззавиле должно будет вести передачу ясно и отчетливо, потому что здешняя цензура ничего не будет пропускать.

Кроме того прошу Сустеля использовать в случае кризиса все средства для информации общественного мнения во Франции и за границей.

МЕМОРАНДУМ АМЕРИКАНСКОЙ ШТАБ-КВАРТИРЫ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ФРАНЦУЗСКОМУ КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

(Перевод)

20 июня 1943

В связи с тем, что французские власти обратились к союзному командованию с запросом по поводу его отношения к французским военным властям, главнокомандующий союзными войсками предложил встретиться с генералами Жиро и де Голлем. На заседании, состоявшемся 19 июня, главнокомандующий союзными войсками довел до сведения генералов Жиро и де Голля следующее:

Сохранение существующего командования французскими вооруженными силами во Французской Северной Африке и Французской Западной Африке жизненно необходимо, так как в настоящее время разворачиваются серьезные военные операции, в ходе которых фактор времени становится жизненно важным и решающим фактором.

Главнокомандующий союзными войсками продемонстрировал исключительную заинтересованность в ведении военных операций с баз, расположенных во Французской Северной Африке и Французской Западной Африке; он озабочен также вопросами безопасности крупных вооруженных сил, находящихся под его командованием, ответственность за которые была доверена ему союзными правительствами. Настоятельно необходимо, чтобы происходящая теперь подготовка обеспечила наиболее рациональное участие французской армии в военных действиях союзников и чтобы базы, с которых союзные армии будут проводить операции, находились в полной безопасности.

Опыт, приобретенный главнокомандующим за последние шесть месяцев, показал, что в период происходящих сейчас или проектируемых в будущем операций на этом театре следует иметь дело только с одним ответственным руководителем французских вооруженных сил во Французской Северной Африке и Французской Западной Африке как в интересах проведения операций, так и по другим причинам.

Главнокомандующий союзными войсками несет ответственность за оказание французским вооруженным силам материальной помощи и за их перевооружение с учетом их потребности в целом. Он намерен добиться эффективного осуществления пере-

вооружения и выражает удовлетворение соглашениями, заключенными между существующими в настоящее время французским командованием и союзным командованием, между их штабами; эти соглашения уже учтены в оперативных планах.

Соображения военного характера со всей очевидностью требуют, чтобы соглашения с союзными военными командованиями оставались в силе до тех пор, пока не будут заключены новые удовлетворительные соглашения.

Ввиду вышеуказанных соображений главнокомандующий союзными силами считает, что для успеха союзных операций на современном этапе очень важно оставить существующее положение без изменения, пока районы Французской Северной Африки и Французской Западной Африки продолжают оставаться необходимыми базами, откуда уже планируются новые военные операции.

Исходя из этого и учитывая условия, связанные с продолжением военных операций, главнокомандующий союзными вооруженными силами считает, что существует только один выход: дать ему, главнокомандующему, заверения в том, что на этом театре никаких значительных изменений в составе командования французскими силами не произойдет. Всякое такое изменение могло бы повлечь за собой новые проявления неуверенности и сомнения, препятствующие осуществлению общесоюзных планов, в которых Франции отведена весьма значительная роль.

Было бы серьезной ошибкой отвергнуть или изменить состав командования или организации, которая так эффективно сотрудничала с союзниками на протяжении последних шести месяцев и которая внесла значительный вклад в нашу большую победу в Тунисе.

Поэтому главнокомандующий союзными вооруженными силами просит сделать заверения в том, что французский главнокомандующий будет продолжать осуществлять эффективное командование французскими вооруженными силами и что в его компетенцию входит размещение войск, содействие союзным силам в создании благоприятных условий для использования портов, а также содействия в перевозках и организации снабжения и что он будет отдавать распоряжения о назначениях или отставках высшего командного состава.

Главнокомандующий союзными силами в полной мере оценивает и разделяет желание Французского комитета национального освобождения реорганизовать и укрепить новыми пополнениями свои вооруженные силы.

Современное положение во Французской Северной Африке и Французской Западной Африке характеризуется тем, что там над всем преобладают военные заботы. Безопасность и спокойствие имеют здесь первостепенное значение. Если военные усилия потерпят неудачу, то все другие факторы, которые в условиях нормальных отношений играют большую роль, не будут иметь никакого значения или самое минимальное.

Главкомандующий союзными силами обращает внимание на заверения, данные американским и английским правительствами, что они гарантируют уважение и защиту суверенитета Франции во Французской Северной Африке и Французской Западной Африке.

ТЕЛЕГРАММА ДЕЛЕГАЦИИ СРЯЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ КОМИССАРУ ИНФОРМАЦИИ, В АЛЖИР

Вашингтон, 22 июня 1943

Американская пресса заявляет: «Жиро получил неожиданную поддержку».

Линдлей сообщает из Вашингтона: «Жиро заявил американским и английским властям, что, если требование де Голля о назначении его военным министром будет одобрено Комитетом, он подаст в отставку как командующий французскими вооруженными силами. Генерал Эйзенхауэр и его политические советники Макмиллан и Мэрфи уведомили Жиро, что они не хотят его отставки».

Кампания против де Голля в печати и по радио принимает невиданный размах. Юнайтед Пресс передает из Лондона, что, если де Голль уйдет, это будет самым лучшим вкладом, который он может внести в военные усилия союзников. Некоторые комментаторы, обращаясь по радио из Лондона к Соединенным Штатам, предлагают союзникам взять под опеку французские колонии до конца войны.

Элен Ломбард пишет: «Сталин дал 100 миллионов франков де Голлю на его пропаганду и печать».

Скриппс Говард заявляет под крупными заголовками: «Союзникам все это надоело, и они собираются сами управлять французскими колониями».

**ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА АНРИ ОППЕНО, ДЕЛЕГАТА
ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВО-
БОЖДЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ, КОМИССАРУ
ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ, В АЛЖИР**

Вашингтон, 22 июня 1943

Некоторые газетные сообщения и комментарии радио инспирированы статьей Константина Броуна. Кампания дискредитации генерала де Голля в глазах американского общественного мнения развертывается вот уже несколько дней во все возрастающих масштабах. В хронике Кингсбери-Смита сообщается «из достоверного источника», что голлистские круги в Лондоне пользуются методами гестапо, стремясь помешать своим сторонникам присоединиться к генералу Жиро, в результате чего произошло много самоубийств и несколько «исчезновений».

**ТЕЛЕГРАММА ПЬЕРА ВЬЕНО, ДЕЛЕГАТА ФРАНЦУЗ-
СКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕ-
НИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ, КОМИССАРУ ПО ИНОСТ-
РАННЫМ ДЕЛАМ, В АЛЖИР**

Лондон, 22 июня 1943

Вся пресса сообщает о «вмешательстве союзников в Алжире...» Алжирский корреспондент газеты «Таймс» сообщает, что вмешательство американцев «сопровождалось взрывом шумихи, если говорить на языке дипломатической деликатности... Это унизило одинаково как сторонников де Голля, так и сторонников Жиро... Почему после заверений союзников, что французам дадут возможность самим улаживать свои дела, имело место такое оскорбительное выступление в субботу утром?»

«Однако, — добавляет «Таймс» в тоне неуверенности и оправдания, — надо учесть требования военного времени, а также возбуждение среди молодых французов, выражающих свое мнение таким способом, который должен быть им запрещен во время войны...»

«Дейли миррор», коротко откликнувшись на события, пишет, что в случае разделения на два лагеря «станет необходимой союзническая оккупация в интересах поддержания мира и охраны наших линий снабжения».

Александр Клиффорд в «Дейли мейл» замечает, «что речь идет не о борьбе за власть или о соперничестве в получении чинов и должностей, а о значительном расхождении в способе ведения французских дел в военное время и после войны». Клиффорд подчеркивает огромную популярность генерала де Голля во французских общественных кругах... «Во всяком случае, — пишет он, — принцип, который восторжествует сейчас, станет руководящим во французских делах во время войны и неизбежно будет оказывать свое влияние после нее».

ТЕЛЕГРАММА ПЬЕРА ВЬЕНО КОМИССАРУ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ, В АЛЖИР

Лондон, 23 июня 1943

Сегодня я был принят Иденом.

Я беседовал с ним о признании английским правительством Французского комитета национального освобождения и о том впечатлении, которое не могли не произвести во Франции критические статьи английской печати о положении в Алжире.

Разумеется, я говорил с ним не от имени той или другой стороны, слияние которых произошло в Алжире, а от имени Комитета национального освобождения в целом.

Относительно признания Иден заявил мне, что он был согласен с премьер-министром в том, что признание не могло произойти ранее известного времени, так как английское правительство желало получить возможность судить, «как будут развиваться события».

Я ответил, что Виши не преминет извлечь из этой задержки аргумент для опасной пропаганды.

Он возразил, что английское правительство не могло действовать иначе после того, что произошло в Алжире со времени создания Комитета. Он утверждал, что английское правительство было разочаровано возрождением французских разногласий, тогда как у Черчилля и у него самого «сложилось такое хорошее впечатление» после их пребывания в Алжире.

Я заметил ему, что Комитету недавно пришлось претерпеть грубое американское вмешательство. Иден не выразил одобрения действий американцев, но пытался оправдать это вмешательство,

сославшись «на всякие неловкие акты, совершенные против Америки». Однако он признал, что Америка упрекала нас за ошибки, которые она сама совершила по отношению к нам. Он добавил, «что положение было особенно щекотливым и что следовало бы выждать некоторое время...»

Касаясь формулы признания Комитета, я указал ему на ее опасность, так как, согласно этой формуле, за Комитетом национального освобождения признается лишь ограниченная власть в империи, о чем мне было сообщено Пиком. В этих условиях правительство Виши могло бы утверждать, что сами союзники скрыто рассматривают Виши как законную власть во Франции. Казалось, он был поражен этим замечанием.

Затем я обратил внимание Идена на впечатление, произведенное во Франции недавней кампанией английской печати, целью которой было заставить английскую общественность одобрить открытое вмешательство во внутренние дела Франции... Иден не пытался отрицать, что пресса была ориентирована. Он только просил меня «не раздувать дела». Но его замешательство было явным.

ТЕЛЕГРАММА ФИЛИППА БОДЭ, ЧЛЕНА ДЕЛЕГАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ, КОМИССАРУ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ, В АЛЖИР

Вашингтон, 24 июня 1943

Сегодня утром я беседовал с Данном, который занимается в государственном департаменте делами Франции.

Обменявшись личными впечатлениями, довольно пессимистическими, о нынешнем положении в Северной Африке и о недавнем вмешательстве генерала Эйзенхауэра, мы приступили к существу вопроса.

В то время как я с большей сдержанностью говорил о реакции французского народа на американское вмешательство в наши дела, Данн все время сводил проблему к военным усилиям союзников.

«Разве вы считаете столь важным, — спросил я его, — устранение генерала де Голля от всякого участия в командовании французскими войсками в Северной Африке?»

Ответ, удивительный по резкости, был приблизительно следующий: «Английское и американское правительства считают, что никакое сотрудничество, в какой бы то ни было области, невозможно с человеком, антианглийские и антиамериканские чувства которого так явно выражены».

Беседа закончилась в напряженной атмосфере, несмотря на заметные усилия Данна смягчить впечатление от такого безапелляционного утверждения.

Прощаясь, Данн в упор сказал мне: «Почему генерал де Голль не хочет понять, что ему остается только принять командование танковой дивизией? Этот шаг сделал бы его не только самым большим героем Франции, но также человеком, больше всех способствовавшим обеспечению в будущем необходимого сотрудничества между Францией и англосаксонскими странами, задача которого будет состоять в обеспечении мира во всем мире».

После этого тягостного разговора у меня осталось впечатление, что достигнутый компромисс не удовлетворяет американское правительство, потому что он открывает двери бесчисленным трудностям, которые послужат новыми предлогами для критики американским общественным мнением политики правительства. Я все более и более убеждаюсь, что здесь желают полного отстранения генерала де Голля, отстранения, которое неминуемо приведет к установлению опеки над французскими интересами.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ КАССЕНУ И ЖАКУ СУСТЕЛЮ, В ЛОНДОН

Алжир, 23 июня 1943

Военный вопрос в настоящее время стал неразрешимым из-за упорства Жиро, которого ободрило открытое вмешательство Эйзенхауэра и которому помогает полная неспособность Комитета принять какое-нибудь определенное решение. Остаются два выхода: разрыв или статус-кво.

Учитывая происходящие повсюду благоприятные перемены, особенно в армии, а также международную обстановку и неминуемость больших англо-американских военных операций, я решил, что наименее плохим выходом будет статус-кво.

Комитет решил ничего не решать.

Обе армии остаются разделенными. Но все же создан постоянный военный комитет: генерал де Голль — генерал Жиро со своими начальниками штабов; цель комитета — попытаться разрешить общие вопросы, как будто бы подготовить слияние.

Ведь эта проблема дает о себе знать.

Можно ожидать, что открытое признание факта сосуществования двух армий ускорит внутреннее расстройство войск Жиро. Мы несколько не способствуем этому расстройству, но оно стихийно назревает из-за усиливающегося морального разрыва между массами военных и командованием...

ТЕЛЕГРАММА ПОЛКОВНИКА ШЕВИНЬЕ ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Вашингтон, 26 июня 1943

Военнослужащие, бежавшие с фашистских Антильских островов и сформировавшие отряд на острове Доминика, прибыли в Нью-Йорк. Этот отряд состоит из 957 рядовых под командованием майора Сарра, среди них 625 новобранцев, мобилизованных для антильского батальона, 238 военных моряков и 94 матроса с судов торгового флота...

При высадке матросы прошли через смешанную комиссию, состоящую из представителей миссии Сражающейся Франции и представителей миссии генерала Жиро...

Каждого матроса спрашивали, хочет ли он быть зачислен в военно-морские силы генерала де Голля или генерала Жиро. При этом опросе присутствовало около пятидесяти американцев из морского и гражданских ведомств...

Из 238 матросов 182 выразили желание служить в военном флоте Сражающейся Франции... Из 94 матросов торгового флота 78 просили зачислить их во флот Сражающейся Франции.

Это соотношение — 80 из 100 в пользу Сражающейся Франции — произвело огромное впечатление на находившихся там американцев.

...Присутствовавшие при опросе моряков 625 новобранцев, предназначенных для антильского батальона, все направились на сборный пункт Сражающейся Франции в Фор-Диз.

Ни один из них не выразил желания служить в войсках генерала Жиро...

ТЕЛЕГРАММА ДЕЛЕГАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ КОМИССАРУ ИНФОРМАЦИИ, В АЛЖИР

Вашингтон, 25 июня 1943

«Нью-Йорк геральд трибюн» посвящает свою передовую статью отношениям между де Голлем и союзниками. В статье говорится: «злополучным следствием недавно сложившейся тяжелой обстановки является не неопределенность принятого решения, а расширение бреши, которая, кажется, открылась между генералом де Голлем и его движением, с одной стороны, и Великобританией и Соединенными Штатами — с другой. Степень ущерба будет, очевидно, зависеть от того суждения, которое вынесет французский народ о генерале. Если французы считают, что де Голль был достойным представителем нации в годы ее несчастий, им будет трудно понять, почему государственные деятели Англии и Америки думали иначе... Всегда, когда генерал занимал принципиальную позицию, начиная со времени его призыва к французскому народу три года назад и до сих пор, включая нынешний спор относительно французской армии, он всегда оказывался до такой степени прав, что даже как-то озадачивал этим... Таково было суждение большинства французов, имевших возможность выразить свое мнение... и благодаря этому генерал де Голль, несмотря на враждебность американцев и холодное отношение англичан, все же добился доминирующего положения. Это восхождение только что было остановлено прямым вмешательством союзников. Пока еще невозможно высказать какое-либо определенное суждение относительно последнего события. Этому мешает туманное прошлое отношений между де Голлем и союзниками и не менее туманное будущее. Все зависит от реакции той Франции, которая станет когда-нибудь независимой и узнает историю дней трагической зависимости. Тогда реакция Франции будет иметь большое значение для Европы и для всего послевоенного мира».

ПИСЬМО АЛЬБЕРА ДАРНАЛЯ, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ГВИАНЫ, ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Кайенна, 28 июня 1943

Господин председатель!

В июле 1940 Вы получили наши телеграммы, в которых мы протестовали против заключения перемирия. Позже мне была передана ваша телеграмма с предложением ждать указаний.

Эти указания до меня не дошли, а ответы на вопросы, с которыми я обратился к губернатору Британской Гвианы, были настолько уклончивы, что я не мог вовлечь моих соотечественников в действия, участвуя в которых они рисковали быть уничтоженными военными силами Мартиники.

Но я должен рассказать о фактах, которые заставили нас обратиться к вам.

Так называемая военная цензура, которой мы подвергаемся и сейчас, осталась такой же политической цензурой, какой она была при правительстве Виши; до сегодняшнего дня она мешала передать это наше сообщение.

В январе 1943 случай свел меня с капитаном Фреше. Мы установили, что можем прийти к согласию. Через неделю мы снова встретились, и капитан Фреше согласился рискнуть вместе со мной.

Врач-капитан Ле Гофф, ожидавший только случая, присоединился к нам; потом настала очередь капитана жандармерии Тейера и инспектора службы водоснабжения и лесного хозяйства Газоно. Наш комитет был пополнен моим другом колонистом Леоном Маршенэ...

Начиная с 11 марта все было готово. Население было склонно действовать. Но на Марони имелось сторожевое судно, от которого можно было ожидать всего. Была угроза со стороны Мартиники.

...16 марта нетерпеливая толпа устроила манифестацию перед дворцом губернатора, а до того прошла перед американским консульством, которое, хотя и было поставлено обо всем в известность, все же держало все двери на запоре.

17 марта по инициативе Будино в мэрии состоялось собрание именитых граждан. Участники собрания еще не успели сформулировать свою программу, как губернатор Вебер объявил нам о своем присоединении к Жиро.

Это вызвало резкие протесты 60 почетных лиц, собравшихся в мэрии...

Благодаря искусным мерам капитана Фреше войска не могли вмешаться. Не будучи в состоянии что-нибудь предпринять, губернатор согласился уйти в отставку.

Быстро был сформирован временный комитет.

Кого избрать председателем?.. Матис, начальник регистратуры, предлагает мэра... Его и выбрали, так как он никому не внушал подозрений.

...Дальнейшее вам известно из наших депеш. Но мы, вероятно, действовали неумело, так как интриги американского консула, который упорно отказывался отправлять вам мои письма, возымели свое действие. Вслед за полковником Лебелем, приехавшим из Вашингтона, прибыл Рапени, который опередил губернатора Берто, рекомендованного нашим соотечественником Эбуэ.

...Американцы хотят сделать из нашей Французской Гвианы то, что они сделали из голландской. Наш нынешний губернатор, чтобы ничего не замечать, отправляется то в Парамарибо, то в Беллен, то в Рио-де-Жанейро и скоро будет даже в Нью-Йорке. Во время его отсутствия генеральному секретарю запрещено переписываться с Алжиром и Вашингтоном.

...Не время больше распространяться, надо исправлять положение и готовить лучшее будущее.

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ КОМИССАРУ ИНФОРМАЦИИ, В АЛЖИР

Вашингтон, 29 июня 1943

Американская пресса сообщает, что Жиро приглашен в Белый дом... Печать подчеркивает, что генерал приглашен в качестве военного деятеля, а не как председатель алжирского комитета.

Комментируя эту новость, корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» заявляет, что этот визит «свидетельствует о желании властей усилить Жиро по сравнению с де Голлем...»

Газетные заголовки таковы: «Поездка Жиро – это удар по де Голлю», «Грубый окрик американцев в адрес де Голля» и т.д.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АНРИ ОППЕНО, ПОСЛУ ФРАНЦИИ В ВАШИНГТОНЕ

Алжир, 3 июля 1943

На сегодняшнем заседании Комитет национального освобождения назначил вас чрезвычайным делегатом на Антильских островах.

Вы будете располагать на месте неограниченными полномочиями для выполнения этой миссии.

Дополнительные инструкции направлены вам комиссаром по делам колоний.

С дружеским приветом.

ТЕЛЕГРАММА ЖАНА МАССИПА, ДЕЛЕГАТА СРАЖАЮЩЕЙСЯ ФРАНЦИИ НА АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ, КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Сент-Люси, 4 июля 1943

Депутат Мартиники Сэвр прислал мне следующее сообщение для Французского комитета национального освобождения:

«Официально объявлено о присоединении. Мартиника с неописуемым энтузиазмом празднует свое слияние со Сражающейся Францией. Прошу вас принять все необходимые меры для замены местных властей».

ТЕЛЕГРАММА ФИЛИППА БОДЭ, ФРАНЦУЗСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ, КОМИССАРУ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ, В АЛЖИР

Вашингтон, 8 июля 1943

Всячески желая подчеркнуть, что они не признали Французский комитет национального освобождения и что, следовательно, генерал Жиро прибыл сюда не в качестве сопредседателя и не в качестве члена Комитета, американские власти включили в программу его визита некоторые мероприятия, политическое значение которых обязывает меня информировать вас о них.

Главные последствия этих решений таковы: представление генералу членов миссии имело место не в помещении миссии, как это было вначале предусмотрено и что было бы естественно, а в Блэй-хауз, где помещен генерал Жиро.

Обед у Корделла Хэлла отменен.

Были высказаны возражения против какого-либо участия генерала Жиро в англо-французских и франко-американских манифестациях 14 июля в Нью-Йорке, и в частности в массовой церемонии в Сити-Холл.

Американские власти также просили генерала, чтобы он проводил свою пресс-конференцию в военном министерстве и при открытии ее заявил, что будет отвечать исключительно на вопросы военного характера.

...Ни я, ни Оппено, хотя наш статут как-никак приравнен к статуту Мэрфи в Алжире, не были приглашены ни на один из приемов, ни на одну из встреч, которые устраивались американскими официальными лицами в честь генерала Жиро. В частности, мы не были приглашены на обед в Белый дом...

Текст этой телеграммы составлен совместно с Оппено.

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ КОМИССАРУ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ, В АЛЖИР

Вашингтон, 8 июля 1943

Американская позиция казалась бы только странной, если бы не сопровождалась следующими, и по правде говоря, вызывающими беспокойство обстоятельствами:

1) вчера по указанию государственного департамента агентство Юнайтед Пресс вновь развернуло в связи с прибытием генерала Жиро злопыхательскую кампанию против генерала де Голля по поводу так называемого смягчения отношения к нему, которого требовали представители Сражающейся Франции;

2) официозные журналисты, такие, как Гарольд Каллендер, снова получили указания всячески подчеркивать, что американское правительство вынуждено ограничивать французский суверенитет до момента освобождения Франции с целью обеспечить успешное проведение боевых операций;

3) американское правительство внезапно дало делу Мартиники такое направление, что стало ясным его намерение держать в твердых руках французские Антильские острова;

4) после заседания Объединенного комитета начальников штабов, на котором сегодня утром присутствовал генерал Жиро, создается впечатление, что американское правительство примет решение об отправке необходимого снаряжения для нашей армии лишь в том случае, если получит гарантии, что претензии Комитета освобождения в отношении суверенитета примут более гибкий характер.

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ КОМИССАРУ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ, В АЛЖИР

Вашингтон, 9 июля 1943

... Вот выдержка из заявления, которое генерал Жиро приготовил вчера вечером и должен был огласить на своей пресс-конференции:

«Я присутствую здесь также и в качестве представителя французского единства, которого я, как сопредседатель французского комитета национального освобождения, всегда добивался в полном соответствии с чаяниями нашей страны. Французский комитет национального освобождения обязался отказаться, согласно французским конституционным законам, от своих функций, как только страна будет в состоянии выражать свободно свою волю». Хотя этот текст не имел особого значения, военное министерство признало его слишком сильным и в последний момент исключило из заявления Жиро...

При открытии конференции один высший американский офицер зачитал журналистам следующее уведомление: «Так как генерал Жиро находится здесь с военной миссией, эта конференция проводится под покровительством военного министерства... Вследствие этого присутствующих журналистов просят задавать только такие вопросы, которые имеют отношение к военным делам...»

ПОСЛАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА СОПРОТИВЛЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Франция, 9 июля 1943

Национальный совет Сопротивления выражает доверие Комитету национального освобождения и призывает покончить раз и навсегда с пережитками Виши и неукоснительно сохранять верность основным принципам, соблюдения которых требуют все силы Сопротивления уже в течение трех лет, принципам, ясно определенным генералом де Голлем в его манифесте в мае 1942. Он напомнил тогда, что идеал Сражающейся Франции определяется ее тремя стремлениями:

- 1) освободить родину от ига врага и его соучастников;
- 2) дать слово французскому народу, который полон решимости восстановить без промедления свободную деятельность институтов республики;
- 3) осуществить обновление страны в моральном, политическом, экономическом, социальном и военном отношениях.

В заключение Национальный совет Сопротивления обращается к Комитету национального освобождения с призывом оказать ему всю возможную помощь в той беспощадной борьбе, которую он ведет против депортации и уничтожения молодежи и лучших людей Франции, в борьбе, исход которой решит судьбу родины.

ТЕЛЕГРАММА ПОЛКОВНИКА ШЕВИНЬЕ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Вашингтон, 12 июля 1943

Вместе с генералом Бетуаром я был приглашен на обед, данный Белым домом в честь генерала Жиро.

Чтобы подчеркнуть, что генерал Жиро был принят только как военный руководитель, ни Оппено, ни Бодэ не были приглашены.

...В своей довольно продолжительной речи президент сообщил о высадке в Сицилии, а затем говорил о сотрудничестве американских войск с войсками генерала Жиро (в прошлом и будущем). Последний отвечал очень кратко. Ни в тосте президента,

ни в ответе генерала Жиро совершенно не упоминалось ни о генерале де Голле, ни о Комитете освобождения, ни о французском единстве...

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ В АЛЖИРЕ 14 ИЮЛЯ 1943

Итак, после трех лет неслыханных испытаний французский народ снова выходит на арену. Выходит всей массой, сплоченный, ликующий под своим собственным знаменем. Но на этот раз он выступает единым. И единство, которое с таким блеском демонстрирует сегодня столица империи, завтра будет продемонстрировано всеми нашими городами и селениями, как только они будут вырваны из рук врага и его прислужников.

Да, наш народ объединился. Он сделал это прежде всего в интересах продолжения войны. Конечно, мы пошатнулись под мощным напором немецкой техники, плохо подготовленные к страшному удару, который обрушился на нас в момент, когда мы были почти одни, на территории, лишенной естественной безопасности, когда нас предали в момент последнего напряжения сил те, кто использовал катастрофу, усугублял наше отчаяние, желая обескровить нас и удушить наши свободы.

И что же? Вопреки всем и вся существовал суверенитет воюющей Франции, существовали французы на всех полях сражений, существовали сражающиеся французские территории, раздавались голоса французов, свободно выражающие волю нации. Вопреки всем и вся существовала Сражающаяся Франция. Когда же огонь войны перекинулся на землю нашей Северной Африки, то там оказалась французская армия, чтобы славно послужить авангардом союзников в Тунисе. Нашлись французские силы для участия в сражениях, начиная от Сирии и берегов озера Чад; нашлись французские суда для участия в исполинской борьбе за линии коммуникаций на всех морях, французские эскадрильи для нападений на врага во всех воздушных пространствах. Вопреки всем и вся сегодня существует объединенная Французская империя, ресурсы и энергия которой служат родине. Наши армии, снабженные оружием, так же как мы сами в 1914—1918 снабжали оружием по-братски и без всяких условий доблестные армии — американскую, русскую, бельгийскую, греческую, румынскую, польскую, чехословацкую, — будут непрерывно усиливать свое участие в общей борьбе. Когда будут подведены итоги наших уси-

лий и наших потерь, начиная с 3 сентября 1939 и кончая последним днем этой войны, и когда с этим будут сопоставлены ужасные условия, в которых мы оказались, тогда станет ясна глубина измены, которая свела на нет столько порывов и вызвала столько жертв, и тогда все увидят, что и эти порывы и эти жертвы стали свидетельством выдающейся заслуги Франции.

Я говорю — Франции! Потому что возрождение нашей великой нации ведет начало от самого глубокого национального инстинкта. Существуют на свете умы, которые считали возможным рассматривать действия французских армий независимо от чувств и воли, рожденных в самых глубинах нашего народа; они воображали, что наши солдаты, наши моряки, наши летчики в отличие от всех солдат, моряков и летчиков вселенной пошли бы в бой, не интересуясь причинами, ради которых они шли навстречу смерти, ради которых они приносили себя в жертву. Эти «теоретики», воображавшие себя реалистами, способны считать, что для французов, и только для одних французов, военные усилия нации могут существовать вне национальной политики и национальной морали. Мы заявляем этим реалистам, что они не знают реальности! Массы французских граждан, которые так или иначе участвуют в войне на протяжении последних четырех лет или последних восьми месяцев, делают это по призыву Франции, для достижения целей Франции, в согласии с желаниями Франции. Всякая система, которая строилась бы на иных основах, выродилась бы в авантюру или же проявила бы свою полную беспомощность. Но Франция, та Франция, которая рискует своей жизнью, своим величием и своей независимостью, не примирится в таком серьезном деле ни с авантюрой, ни с беспомощностью.

Она не примирится с ними особенно потому, что нация начала на своей территории ту же борьбу, которую за пределами страны ведут ее замечательные союзники, штурмующие Европу с востока и с запада. Как ни тяжела эта борьба Франции, мы все же можем сказать, что еще никогда французское Сопротивление столько не сделало и в то же время столько не претерпело. Никогда на нашей земле не были столь многочисленны и столь успешны смелые выступления героических боевых групп наших организаций, никогда открытое или тайное противодействие всем требованиям захватчика или его сторонников не было лучше и эффективнее организовано, чем это сделано теперь под руководством нашего Совета Сопротивления, который действует в самой Франции в братском согласии с нами. Никогда до этого воору-

женное восстание, имеющее целью в нужный момент оказать весьма значительную помощь союзным армиям, не подготовлялось с такой методичностью и решимостью. Но и потери никогда не были столь тяжелыми. В результате совместных действий врага и находящихся у него в услужении предателей десятками тысяч исчисляются храбрецы, отдавшие за Францию свою жизнь на плахах и виселицах; сотни и сотни тысяч наших рабочих, крестьян, буржуа были депортированы; миллионам и миллионам наших детей, женщин, мужчин навязан режим голода и террора. Пусть же не слишком задерживается освобождение этого народа, протягивающего руки к своим друзьям, авангардом которых он был еще вчера и будет завтра! Пусть как можно скорее французские вооруженные силы будут готовы участвовать в освобождении! Пусть при всяких обстоятельствах будет сохранено достоинство Франции.

Да, наш народ объединился для войны. Но еще раньше он объединился в интересах национального возрождения. Только недалекие люди могут воображать, что после того, как было пролито столько крови и слез, перенесено столько унижений, что после всего этого наша страна согласится восстановить режим прошлого, прекративший свое существование, после того, как капитулировали его армии, либо сохранить строй угнетения и доносов, который был порожден катастрофой поражения. Эти недалекие люди, повторяю, хорошо сделают, если освободятся от этих заблуждений: Франция не спящая принцесса, которую тихо разбудит гений освобождения. Франция — истерзанная узница, которая под ударами палачей в своем узилище поняла причины своих несчастий и по достоинству оценила гнусность своих тиранов. Освобожденная Франция не вернется на путь, ведущий к пропасти, и не захочет остаться на дороге, ведущей к рабству. Франция уже избрала новый путь.

Она намерена отныне стать свободной и признать только тот суверенитет, который непосредственно и без каких либо преград осуществляется ею самою, короче говоря, она хочет вверить себя великому свету подлинной демократии. Эта Франция потребует, чтобы все те, кому она это поручит, выполняли последовательно, энергично и с достоинством ее волю, по мере того как она будет ее изъяслять. Она потребует, чтобы ее правители управляли, чиновники не использовали во зло свои обязанности, солдаты занимались только ее защитой, судьи судили справедливо, ее дипломаты ничего так не опасались бы, как неумелой

защиты интересов родины. Четвертая Французская республика потребует, чтобы служили ей, а не она служила кому бы то ни было. Она положит конец всем привилегированным коалициям, преследующим цели наживы, коалициям, которые довели ее до опасного положения, способствовали проникновению иностранных интересов во все области ее жизни, принизили уровень гражданской сознательности и препятствовали социальному прогрессу.

Да, после крушения отжившего строя и перед лицом другой гнусной системы, которая разваливается на наших глазах, громадное большинство французов — мужчин и женщин — испытывают гнев и отвращение к виновникам своих страданий. Нация сумеет добиться, чтобы все, я говорю все ее дети, могли отныне достойно жить и трудиться в условиях социальной безопасности. Не уничтожая таких рычагов деловой активности, как инициатива и законная прибыль, нация сумеет потребовать, чтобы естественные богатства, труд и техника — три элемента всеобщего процветания — не эксплуатировались в интересах лиц. Нация сумеет добиться, чтобы все экономические ресурсы ее земли и ее империи были использованы не по усмотрению отдельных лиц, а для общего блага. Если еще существуют Бастилии, пусть они добровольно раскроют свои ворота! Ибо когда начинается борьба между народом и Бастилией, то неправой всегда оказывается Бастилия. Но Французы намерены вести свои дела в обстановке порядка и, выйдя из одной войны, не хотят начинать другую — гражданскую.

Объединенный для войны, объединенный для обновления, французский народ также объединен желанием снова вернуть свое место в мире и свое величие. Увы, мы слишком хорошо знаем, как дорого платит нация за ошибки прошлого, за непоследовательность, проявленную вчера, и за измены, терзающие ее сегодня, как она дорого платит своим врагам и как много она теряет даже в сознании своих друзей. Комитет национального освобождения знает это лучше, чем кто бы то ни было, ибо он осуществляет всю полноту ответственности перед страной за сохранение ее чести и за удовлетворение ее интересов. Он служит Франции и руководит ею, неся тяжелое бремя ошибок, совершенных другими. Но мы знаем нашу историю, мы учитываем действительность настоящего и уверены в будущем.

Нам стоит только взглянуть на карту, представить себе мысленно наши города и деревни, вспомнить, какие сокровища ума и

энергии заключены в нашем народе, стоит только послушать сегодня биение наших сердец, чтобы во всеуслышание сказать следующее, не претендуя на дар пророчества: никогда не совершит ошибки тот, кто хочет верить во Францию, и никогда он не пожалет, что пришел ей на помощь и любил свою страну.

Новая Франция, как никто сознающая священную необходимость укреплять солидарность народов, создать в мире такой строй, который мог бы гарантировать безопасность каждого, рационально использовать богатства вселенной и сблизить между собой всех людей нашей земли, — такая Франция благодаря своему гению, опыту и способностям будет одним из лучших борцов за всеобщий мир. Франция составляет единое целое с Европой, которая после стольких испытаний обретет наконец свое равновесие и свое влияние. Но в то же время наша страна как бы выходит за ее пределы, ибо мы владеем территориями, раскинувшимися по всему миру, и распространяем влияние на умы людей на всех материках. Франция в будущем займет свое место в ряду великих наций, сознающих свои обязательства отстаивать права и свободу всех.

Французы! Вот уже пятнадцать веков мы есть Франция, пятнадцать веков наша родина существует и в своих скорбях и в своей славе. Наши испытания еще не пришли к концу, но уже определяется исход самой тяжелой драмы в нашей истории. Выше головы, по-братски сплотимся друг с другом и пойдем все вместе, борясь и побеждая, к нашим новым судьбам!

ТЕЛЕГРАММА ФИЛИППА БОДЭ КОМИССАРУ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ, В АЛЖИР

Вашингтон, 15 июля 1943

14 июля здесь было отмечено различными празднествами... По настоянию американских властей, сославшихся на отсутствие генерала Жиро, в Нью-Йорке отменена массовая манифестация, в которой должны были принять участие воинские подразделения. Она была заменена частным приемом у генерала Жиро в Уолдорф-Астории...

На приеме генерал Жиро выступил с речью. Он говорил о войне и о необходимости реорганизовать французскую армию в интересах скорейшего освобождения страны. Он не произнес ни

слова об объединении, ни о генерале де Голле, несмотря на старания генерала Бетуара, Оппено и мои доказать ему, что такие ссылки были необходимы для политической перегруппировки французов в Нью-Йорке.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ МАССИГЛИ, КОМИССАРУ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ, В ЛОНДОН

Алжир, 17 июля 1943

Переговоры относительно Сирии, которые Вы начали в Лондоне, вызывают наше беспокойство. Официальное заявление Черчилля о позиции Франции в Леванте не успокаивает нас. Условия, в которых вы ведете переговоры в Лондоне по этому очень важному вопросу, находясь далеко от Комитета освобождения и не имея достаточной информации, не кажутся очень благоприятными. Вам, конечно, будет досадно, что в ходе переговоров Вы не сможете проконсультроваться с исключительным знатоком вопроса генералом Катру, поскольку переговоры ведутся в Лондоне и такая консультация практически невозможна. Наконец, для нас трудно начать важные переговоры с англичанами о государствах Леванта под французским мандатом раньше, чем лондонское правительство признает Комитет освобождения...

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ КОМИССАРУ ИНФОРМАЦИИ, В АЛЖИР

Лондон, 17 июля 1943

В «Уайтхолл леттер» от 16 июля опубликован замечательный анализ кампании, ведущейся Белым домом против де Голля...

Одно важное место этого анализа относится... к меморандуму, составленному премьер-министром в Лондоне. «Для будущих отношений между нациями английского языка и Францией, — говорит «Уайтхолл леттер», — ничто не могло бы быть хуже, чем эта весьма прозрачная и вместе с тем неуклюжая затея выбить из седла генерала де Голля и добиваться того, чтобы он не мог в будущем сыграть своей роли в политике своей страны».

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ КОМИССАРУ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ, В АЛЖИР

Лондон, 22 июля 1943

Депутат-консерватор Бутби обратился сегодня в Палате общин с запросом к премьер-министру о том, рассмотрел ли он меморандум, копия которого была ему передана. Этот документ получен как будто бы из официального источника и имеет целью информировать английских чиновников и прессу относительно мнения премьер-министра о генерале де Голле. Бутби также спросил, какие меры намерен принять премьер-министр, чтобы положить конец распространению неверных сведений, наносящих ущерб отношениям Великобритании с одной из стран Объединенных Наций.

Черчилль ответил... что он принял на себя всю ответственность за меморандум. «Но, — сказал он, — этот документ секретен, и я склонен обсуждать его только на закрытом заседании и при условии, что палата выразит желание созвать такое заседание».

Тогда Бутби заметил, что документ, названный здесь секретным, опубликован в вашингтонских газетах. Он спросил, не думает ли премьер-министр, что подобные выпады против генерала де Голля наносят вред делу союзников...

ТЕЛЕГРАММА ПЬЕРА ВЬЕНО КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Лондон, 28 июля 1943

Сегодня во второй половине дня я посетил Форин офис, чтобы узнать о впечатлении, произведенном заявлениями генерала де Голля по радио, в которых он снова отстаивал право Франции на участие в переговорах о возможном перемирии с Италией.

Я хотел встретиться с Александром Кадоганом, но, когда я просил о встрече, мне еще не было известно о моем официальном назначении, и вышло так, что я снова посетил Стрэнга.

Стрэнг согласился со мной; он заявил, что генерал де Голль «говорил так, как обязан был сказать каждый француз в данном положении». Он добавил: «С точки зрения Америки можно только пожалеть, что с этой речью выступил не генерал Жиро».

Затем я передал Стрэнгу список французских предложений, осуществление которых Комитет национального освобождения может обеспечить только в том случае, если при заключении перемирия (с Италией) в текст соглашения будут включены соответствующие статьи, а именно: об эвакуации территории, о военнопленных и депортированных, о возмещении ущерба и т.д.

Стрэнг был поражен степенью нашей заинтересованности в этих делах; он согласился со мной, что и речи нет о том, что мы можем добиться удовлетворения наших пожеланий лишь через посредство союзников.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО В ОТВЕТ НА БЛАГОДАРНОСТЬ ЖИРО ЗА ТО, ЧТО КОМИТЕТ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ НАЗНАЧИЛ ЕГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ ВСЕМИ ФРАНЦУЗСКИМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

Алжир, 2 августа 1943

Дорогой генерал!

Ваше письмо глубоко меня тронуло. Оно будет так же воспринято французскими свободными силами.

После несчастного исхода битвы за Францию эти силы стали арьергардом наших армий.

Развитие событий привело к тому, что этот никогда не отчаявшийся арьергард стал авангардом. В ныне восстанавливающейся французской военной организации эти части сохраняют свой облик, свои особенности и свой боевой дух.

Комитет национального освобождения вверяет вам верховное командование над всеми силами, которые еще не введены в бой. Они пойдут за вами, я в этом убежден, с доверием и преданностью, которых вы достойны как великий солдат и заслуженный военачальник. Завтра, с божьей помощью, вы поведете их в решающую битву за освобождение родины.

Весьма дружески расположенный к Вам.

НОТА ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ АМЕРИКАНСКОМУ И АНГЛИЙСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ

Алжир, 2 августа 1943

В момент, когда наметилась возможность близкой капитуляции Италии, которая должна иметь далеко идущие последствия для всей оккупированной Европы, и особенно для Франции, Французский комитет национального освобождения считает своим настоятельным долгом обратить внимание американского и английского правительств на существенное значение французского участия сначала в переговорах о перемирии, а затем в обсуждениях и принятии решений внутри соответствующих органов, призванных обеспечить выполнение условий, которые будут предписаны Италии.

Крушение фашизма означает первую и решающую победу демократических сил. Французская нация гордится тем, что этому способствовали и ее военные усилия и ее жертвы; вот почему все французы, как в империи, так и в метрополии, еще находящейся под игом врага, восприняли бы с полным удовлетворением намерение привлечь Комитет освобождения сначала к участию в переговорах, связанных с поражением Италии, а затем и к восстановлению демократического режима, что Комитет считает необходимым в согласии с американским и английским правительствами.

Восстановление демократического режима повлечет за собой полное уничтожение правовой основы фашистского государства. Только при этом условии может быть достигнута одна из основных целей войны и итальянский народ в результате полного восстановления его свобод получит возможность занять подобающее ему место среди европейских наций.

Независимо от этих соображений... ходатайство Комитета национального освобождения неразрывно связано с осуществляемой Комитетом защитой французских интересов.

Выработку условий соглашения о перемирии, которое в надлежащее время должно быть подписано итальянским правительством, несомненно, следует возложить на межсоюзную комиссию с участием представителя французского командования. Необходимо уже сейчас привлечь внимание к некоторым вопросам, в разрешении которых заинтересован Французский комитет национального освобождения.

а) Разумеется, итальянская территория должна сразу же стать базой союзных армий для их дальнейших операций, в частности для операций по освобождению Франции, территорию которой итальянские войска должны эвакуировать.

б) Французские военнопленные, впрочем не очень многочисленные, французские подданные, осужденные по политическим мотивам, должны быть немедленно освобождены...

в) Французское военное имущество, а также торговые суда, инвентарь и оборудование всех видов, поставленные в силу договора о перемирии 1940 или в соответствии с последующими соглашениями либо же просто захваченные силой, должны быть возвращены...

г) Секвестр, наложенный на государственное или личное имущество французов, должен быть снят; значительная собственность французского государства в Риме, конфискованная в июне 1940, должна быть возвращена.

Американское и английское правительства должны учитывать, что если существует стремление в будущем восстановить франко-итальянские отношения на прочной основе, без чего невозможно никакое подлинное сотрудничество, то важно, чтобы с самого начала Франция заняла подобающее ей место в предстоящих переговорах. Французский комитет национального освобождения не ставит под сомнение намерения союзных правительств относительно этой цели...

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЛЕЖАНТИЙОМУ, ВЕРХОВНОМУ КОМИССАРУ В ТАНАНАРИВЕ

Алжир, 4 августа 1943

Вы были назначены заместителем комиссара национальной обороны с одновременным участием в правительстве.

В случае если генерал Жиро будет вынужден покинуть место пребывания правительства, чтобы принять на себя верховное командование, он перестанет принадлежать к составу Комитета. С этого момента на вас было бы возложено руководство департаментом национальной обороны.

Прошу Вас незамедлительно прибыть в Алжир.

С дружеским приветом.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО

Алжир, 23 августа 1943

Дорогой генерал!

Крупные части, которые мне пришлось инспектировать третьего дня и вчера, представляют собой мощную силу, организация которой делает честь вам лично и командирам, которые в ней участвовали.

Неприятель скоро узнает, чего они стоят благодаря боевому духу войск и офицеров, их подготовке, а также превосходному снаряжению, предоставленному нашими американскими союзниками.

На поле битвы под Вашим руководством французская армия вновь обретет свою верную подругу — боевую славу.

Прошу Вас, дорогой генерал, принять уверения в моей искренней преданности.

ДОКЛАД ПОСЛА АНРИ ОППЕНО, ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ДЕЛЕГАТА НА АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ, РЕНЕ ПЛЕВЕНУ, КОМИССАРУ ПО ДЕЛАМ КОЛОНИЙ, В АЛЖИР

Фор-де-Франс, 26 августа 1943

...«Жанна д'Арк» отплывает завтра, увозя большую группу лиц, сопротивлявшихся присоединению. Для большинства из них место назначения уже определено, и они присоединятся к делу объединения империи, как только смогут это сделать, не вызывая недоумения у тех, кто видел их на протяжении последних лет в другой роли. Все остальные, за редкими исключениями, последуют за ними.

Настроения здесь заметно изменились после памятного утра 14 июля, когда дела чуть было не приняли другой оборот. Мы оказались перед сложной и мучительной проблемой, моральными аспектами которой нельзя пренебрегать, и я почувствовал большое облегчение, когда из вашей первой телеграммы узнал, что Комитет приступил к рассмотрению этой проблемы в том же духе реализма и понимания, в котором я старался ее разрешить.

Два дня назад я получил телеграммы от генерала Бетуара и адмирала Фенара с предписанием Жиро рассматривать лиц, сопро-

тивлявшихся присоединению, как дезертиров. Я вежливо ответил им, что получаю предписания только от Комитета. Мы поступили так с этими людьми не только во избежание риска кровопролитного конфликта между французами, последствия которого трудно предугадать; иной подход был бы к тому же тяжелой моральной ошибкой. Среди лиц, оказавших сопротивление присоединению, имеется много молодых людей, которых я уважаю больше, чем некоторых «присоединившихся», которые ныне заполняют мою переднюю. Этим молодым людям мы скоро встретим на почетных постах; они освободятся от ложных идей и будут обеззаражены от последствий настойчивой пропаганды, воздействию которой их подвергали в течение трех лет. Поль Клодель нашел бы нечто дьявольское в этом совращении честных, прямых сердец, которое совершило Виши на службе врагам Франции.

Благодарю Вас за решение вопроса о Берто и Понтон. Лучшего выбора нельзя было сделать. Следовало бы подкрепить их в военной и морской областях людьми того же умонастроения.

...Если я особенно настаиваю на том, чтобы гражданские, а так же военные командные посты были доверены деятелям Сражающейся Франции, то это потому, что только они одни могут проявить нужное влияние на местное общественное мнение, которое выражает им свое доверие. Это влияние способно удерживать от увлечений, сдерживать нетерпение и заставить понять необходимость некоторых неизбежных компромиссов. Смена режима совершилась здесь под покровительством Комитета, под знаком Лотарингского креста, под возгласы «Да здравствует де Голь!», «Да здравствует республика!» Эти чувства, возможно, проявляются здесь в более наивной форме, чем в других местах, и некоторые их проявления вызывают улыбку у «белых». Но от этого чувства не кажутся менее трогательными и глубоко западают в души почти всего населения.

Все эти люди страдали не только физически, но и морально от режима, патернализм которого плохо маскировал его кастовые воззрения и расовые предубеждения. Лучшие из этих людей верят, что республика вернет им достоинство человека и гражданина. Широкие массы населения считают, что республика недостаточно быстро освобождает их от тех лиц, которые занимали первые места на протяжении этих трех лет и в настоящее время продолжают участвовать в управлении страной. Благодаря содействию руководителей местной администрации, среди которых имеются такие замечательные люди, как Сэвэр, нам удалось избе-

жать репрессий и индивидуальной мести. Но существуют и всегда будут существовать требования, сами по себе совершенно законные, которые, однако, нельзя удовлетворить, не восстанавливая при этом некоторых представителей духовенства или делового мира против администрации, что нарушило бы деятельность последней. Только люди, пользующиеся необходимым доверием благодаря своему безупречному прошлому как государственных и политических деятелей, смогут это сделать...

Я хотел бы обсудить с вами некоторые другие вопросы: тяжелое экономическое положение — восстановление экономики сильно затруднено военными обстоятельствами; организация нашей информации, что я поручил Перрелю; еще очень сдержанное отношение духовенства; скрытая враждебность со стороны «белых»... отношения с Соединенными Штатами. Эти отношения хороши, но думаю, что мое появление здесь вызвало у них чувство разочарования. Если бы с самого начала я не проявил непримиримости в некоторых вопросах, то под ложным флагом сотрудничества мы быстро докатились бы, как по намыленной доске, до режима контроля и замаскированного подчинения, чего местное общественное мнение не простило бы нам. К этому нас не должно вынудить даже затруднительное экономическое положение. Мы не должны идти ни на какие уступки, даже временные, когда речь идет о нашем суверенитете...

ПИСЬМО ВИКТОРА СЭВЭРА, ДЕПУТАТА-МЭРА ИЗ ФОР-ДЕ-ФРАНС, РЕНЕ ПЛЕВЕНУ, КОМИССАРУ ПО ДЕЛАМ КОЛОНИЙ, В АЛЖИР

Фор-де-Франс, 26 августа 1943

Господин министр!

Считаю своим долгом, как председатель Мартиникского комитета национального освобождения, который присоединил Антильские острова к Сражающейся Франции, уполномочить казначея Кальви, пережившего вместе с нами эти исторические дни, выразить вам признательность и принести поздравления от имени республиканской Мартиники.

Он подробно расскажет, сколько стараний мы приложили, чтобы наши действия отвечали исключительно французским интересам, и покажет копию письма, которое 3 июля Комитет адре-

совал его превосходительству государственному секретарю Соединенных Штатов Америки.

Это письмо, как и многие телеграммы, которые были посланы вам в Алжир, дошли до Вашингтона, но Вашингтон задержал их, оставив вас в неведении о наших событиях до того дня, когда мы смогли связаться с вами через остров Доминика и через Лондон.

Но было выражено большое недовольство тем, что мы используем это посредничество.

Выводы напрашиваются сами собой.

Нас здесь беспокоят империалистические поползновения, объектом которых может стать наша страна, но мы полностью доверяем Франции и, вручая вам нашу судьбу, надеемся, что будут сохранены вековые связи, объединяющие нас со страной, которую мы признаем нашей единственной родиной.

Обстоятельства удерживают меня здесь. Но я всей душой стремлюсь встретиться с вами, чтобы передать более полную документацию до того, как будет обсуждаться вопрос о судьбе самой старой из французских и самой французской из старых колоний.

В ожидании этого часа прошу вас, господин министр, принять уверения в моем самом высоком уважении и преданности.

ПИСЬМО РЕНЕ МАССИГЛИ, КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ, МАКМИЛЛАНУ И МЭРФИ

Алжир, 7 сентября 1943

Господин министр!

Имею честь направить вам прилагаемый проект соглашения между правительством его величества (или правительством Соединенных Штатов) и Французским комитетом национального освобождения, имеющего целью уточнить формы сотрудничества, которое должно быть установлено с того дня, когда союзные силы высадятся во Франции, между этими силами, с одной стороны и властями и населением — с другой.

Формулируя этот текст, Комитет освобождения исходил главным образом из желания облегчить всеми доступными ему средствами задачу союзного командования и подчиненных ему войск. Назначение делегата при главнокомандующем, имеющего в своем распоряжении миссию административной связи, казалось Комитету лучшим способом выразить стремление к сотрудничеству

английской (или американской) и французской наций. Такое убедительное подтверждение подлинной солидарности предполагает заключение соглашения, имеющего непосредственное отношение к задаче освобождения Франции, что найдет широкий отклик у всех французов.

Я буду рад, если вы незамедлительно передадите эти документы в Форин офис (или в государственный департамент).

Французский комитет национального освобождения считает, что вопросы, затронутые в проекте соглашения, должны быть срочно разрешены...

Примите уверения, господин министр, в моем высоком уважении. (Следует текст проекта соглашения.)

ДОКЛАД РЕНЕ МАССИГЛИ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ

Алжир, 8 сентября 1943

Американский и английский представители посетили меня в 17 час. 30 мин. Они сделали мне устное сообщение, которое можно резюмировать следующим образом.

Несколько дней назад мы вам сообщили, что можно ожидать перемирия с Италией, причем не исключается предположение, что оно будет заключено внезапно. Мы просили вас дать свое разрешение главнокомандующему в случае необходимости подписать соглашение о перемирии и от имени Комитета освобождения, подобно тому, как оно будет подписано от имени других Объединенных Наций. С тех пор положение изменилось; в результате встречи с двумя офицерами, уполномоченными вести переговоры от имени маршала Бадольо, генерал Эйзенхауэр был вынужден подписать соглашение о перемирии чисто военного характера, состоящее из нескольких статей и содержащее только одно политическое условие, которое дает право союзному командующему в соответствующий момент предписать такие общие политические, экономические и другие условия перемирия, которые окажутся необходимыми.

Нам пока не известно, согласится или нет римское правительство, которое находится в состоянии крайней растерянности, на военную капитуляцию; по крайней мере мы хотим попытаться получить от него ответ; в 18 час. 30 мин. генерал Эйзенхауэр выступит со следующим заявлением:

«Итальянское правительство безоговорочно капитулировало. В качестве союзного главнокомандующего я дал согласие на военное перемирие, условия которого были одобрены английским, американским и советским правительствами. Я действовал так в интересах Объединенных Наций. Итальянское правительство обязалось безоговорочно выполнять условия капитуляции. Перемирие было подписано моим представителем и представителем Бадольо. С того же момента оно вошло в силу. Военные действия между вооруженными силами Объединенных Наций и итальянскими войсками немедленно прекращаются. Все итальянцы, которые отныне будут содействовать изгнанию немецкого агрессора с итальянской земли, получают поддержку и помощь Объединенных Наций».

Это заявление будет передано по радио, чтобы вызвать смятение в тот момент, когда начнется большая и рискованная операция высадки войск. Только что заключенный военный акт — это маневр, предпринятый для того, чтобы добиться большого военного успеха.

Я ответил Мэрфи и Макмиллану, что принял к сведению их объяснения... но сожалею, что мы не были поставлены в известность. Прервав меня, Макмиллан сказал, что генерал Жиро был в курсе дела. Это замечание поставило меня в несколько затруднительное положение и, конечно, лишило убедительности мои дальнейшие возражения.

Я задал вопрос: «Когда было подписано соглашение о перемирии?» Не получив точного ответа, я выразил сожаление, что Комитет не был посвящен в эту тайну. Между тем французские войска участвовали в тунисской кампании, захватили пленных и т.д. Я опасаюсь, что это произведет пагубное впечатление и здесь, на Комитет, и на общественное мнение во Франции. Одно лишнее слово в заявлении главнокомандующего могло бы все изменить. Мне оставалось только добавить, что я настаиваю самым серьезным образом на том, чтобы подобный способ действий больше не практиковался и чтобы политические условия перемирия не были доведены до нашего сведения подобным же образом. Нам важно знать эти условия заранее, чтобы иметь возможность обсудить их.

Тогда Макмиллан пустился в длинные и путаные объяснения, указывая на особый характер этого маневра, но выражая в то же время сомнение относительно его исхода. Итальянское правительство находится в руках немцев. Повсюду действует гестапо... Группа итальянских генералов пытается добиться военной капи-

туляции, и союзники используют это стремление для расстройтва итальянского фронта и немецких тылов. Это все, что можно сказать в настоящий момент. О перемирии нельзя ничего добавить до тех пор, пока в Италии не появится такая политическая власть, с которой можно будет вести переговоры.

Я принял к сведению эти дополнительные объяснения и еще раз высказал свои соображения.

ДОКЛАД РЕНЕ МАССИГЛИ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ

Алжир, 9 сентября 1943

Не найдя в заявлении, сделанном мне вчера во второй половине дня Макмилланом и Мэрфи, достаточного обоснования позиции, занятой американским и английским правительствами в вопросе о перемирии, и, с другой стороны, узнав в конце дня по телефону из тунисской резиденции, что в городе приняты меры, которые, кажется, предвещают в скором времени созыв конференции (реквизиция помещений и т.д.), я попросил Макмиллана о встрече вечером 8 сентября.

...В результате беседы с ним я получил новые и важные сведения об обстоятельствах переговоров с Италией.

Еще 20 августа в распоряжение союзников прибыли на самолете два итальянских офицера... Они высадились в Сицилии...

Союзники испытывали большие сомнения относительно действительности полномочий итальянских представителей, поскольку последние проявили полное равнодушие к условиям перемирия, которые они должны были подписать, и заботились лишь о том, чтобы выяснить, что намерены сделать англичане и американцы. Они производили впечатление людей, морально опустошенных, не способных ни на что реагировать.

И только утром 3 сентября в Лиссабоне был представлен документ, подтверждавший их права полномочных представителей. Во второй половине того же дня соглашение было подписано.

Тактика союзников в значительной мере была простым блефом. Все было направлено к тому, чтобы в максимальной степени использовать впечатление, произведенное внезапным сообщением о капитуляции Италии, для проведения успешной высадки союзных войск... В случае если бы была проведена консультация с Комитетом освобождения, то, по словам Макмиллана, было бы

трудно отказаться от консультации с греками, с югославами, в результате чего появилась бы опасность разглашения тайны. Несомненно, русские были посвящены в тайну, но это было сделано в интересах высокой политики...

8 сентября утром все снова оказалось под вопросом: итальянцы заявили, что положение немцев в Италии слишком прочно, что итальянцы не могут от них освободиться собственными силами и т.д. Вот тогда со стороны союзников и был пущен в ход смелый блеф. По инициативе Макмиллана итальянским полномочным представителям ответили, что уже слишком поздно отступать и что в 18 час. 30 мин., как было договорено, заявление генерала Эйзенхауэра будет передано по радио. Вслед за ним будет передано заявление маршала Бадольо, которое он в соответствии с соглашением должен сделать два часа спустя после заявления Эйзенхауэра.

Касаясь дальнейшего, Макмиллан заявил, что не может быть и речи о подписании конвенции о перемирии до тех пор, пока не появится власть, с которой можно будет об этом говорить. Во всяком случае, никакого обсуждения с итальянцами не будет. Соответствующее условие соглашения о перемирии гласит: все статьи политического, экономического и иного характера будут обсуждаться только между союзниками.

Я принял к сведению эти заверения, но снова настаивал, как уже делал это раньше, на том, какое тяжелое впечатление произведет на французское общественное мнение факт, что Францию держали в стороне, тогда как ее участие — как по политическим причинам, так и принимая во внимание ее роль в войне — было необходимо. Я настаивал, чтобы в ближайшие дни это положение было изменено и право Франции участвовать в переговорах было полностью признано.

ЗАЯВЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Алжир, 9 сентября 1943

Французский комитет национального освобождения принял к сведению заявление генерала Эйзенхауэра от 8 сентября о заключении военного перемирия с правительством маршала Бадольо. Комитет принял также к сведению сообщение, содержащееся в

этом заявлении, что условия перемирия были предварительно одобрены правительствами Великобритании, Соединенных Штатов и СССР.

Комитет выражает свою радость по поводу капитуляции правительства Италии, чему способствовали своими мужественными усилиями и своими бесчисленными жертвами французские армии и французское Соппротивление, действующее совместно с доблестными войсками союзников со дня 10 июня 1940. Они не ослабят своих усилий и не остановятся перед новыми жертвами до достижения полной победы над всеми державами оси.

Комитет уже имел случай довести до сведения трех правительств — Лондона, Вашингтона и Москвы — точку зрения Франции относительно положений подготавливаемого договора о перемирии. Комитет решил вновь ознакомить эти правительства, а также правительства других государств, участвующих в войне с Италией, с условиями, которые, по его мнению, необходимы для защиты жизненных интересов метрополии и империи и которые настоятельно требуют участия Франции в выработке соглашений, касающихся Италии.

ДОКЛАД РЕНЕ МАССИГЛИ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ

Алжир, 9 сентября 1943

Сегодня в 15 часов я виделся с Мэрфи и Макмилланом. Я настаивал на следующих пунктах:

1) необходимо немедленно передать нам текст соглашения о военном перемирии.

Мои собеседники ответили, что они считали, будто такое сообщение утром того же дня было направлено штабом генерала Эйзенхауэра начальнику штаба генерала Жиро генералу Девэнку;

2) необходимо информировать нас точно и без промедления о состоянии переговоров между союзниками относительно политических, финансовых и иных условий договора о перемирии. Мы желали бы по возможности скорее получить проект договора, чтобы вовремя представить наши замечания;

3) мы считаем уместным срочное опубликование в Лондоне и Вашингтоне сообщения о том, что Комитет ввиду необходимости соблюдения тайны в условиях военной обстановки не мог быть осведомлен относительно переговоров, начатых с итальянским

командованием, но что американское и английское правительства не имеют намерения держать Комитет в стороне от итальянских дел и, следовательно, Комитет будет участвовать в дальнейших переговорах.

Мэрфи и Макмиллан обещали немедленно отправить соответствующие телеграммы своим правительствам.

В ходе беседы Мэрфи и Макмиллан снова заявили, что они были убеждены в том, что союзное командование информировало французское командование о ходе начатых переговоров.

В тот же день вечером я снова виделся с Мэрфи, а затем с Макмилланом. Я им сообщил, что на заседании Комитета, состоявшемся в 17 часов, генерал Жиро заявил, что вопреки утверждениям английского и американского представителей его никогда не информировали о переговорах и даже сейчас он не имеет представления о военных статьях соглашения о перемирии.

Мэрфи ответил, что по его сведениям генерал Жиро был информирован, но что он сейчас же это проверит...

Приблизительно то же самое сказал и Макмиллан. В доверительной беседе он не скрыл опасения, что наши связи никогда не будут такими близкими, какими они должны быть: генерал Беддел Смит не говорит по-французски, а генерал Девэнк не знает английского языка. Это не способствует контактам...

ДОКЛАД РЕНЕ МАССИГЛИ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ

Алжир, 10 сентября 1943

В 14 час. 45 мин. я встретился с Мэрфи и Макмилланом. И тот и другой сделали мне заявление, которое можно резюмировать следующим образом.

Третьего дня мы вам сказали, что главное французское командование было поставлено в известность относительно переговоров о перемирии. Таково в действительности было наше убеждение...

В результате сделанного вами вчера заявления о том, что генерал Жиро категорически опровергает это, мы произвели расследование. Оказалось, что мы ошиблись и только сегодня условия перемирия были сообщены французскому главнокомандующему.

Мы выражаем сожаление по поводу этого недоразумения и просим передать генералу Жиро наши извинения. В свое оправ-

дание мы сошлемся на тот факт, что в течение десяти дней мы работали исключительно интенсивно и не имели возможности проверить то, что нам казалось само собою разумеющимся.

Я принял к сведению эти объяснения... Однако факт остается фактом. Комитет освобождения был оставлен в стороне, хотя это и объяснено ошибкой. Я выразил надежду, что дальнейшие действия союзников помогут изгладить из памяти это дурное воспоминание.

ИЗ РЕЧИ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ В ОРАНЕ 12 СЕНТЯБРЯ 1943

В огромном энтузиазме города Орана сегодня проявляется стремление страны удвоить свои усилия, чтобы ускорить поражение врага и чтобы скорее увидеть Францию среди тех, кто доведет войну до успешного завершения и будет участвовать в преобразовании мира.

Конечно, Франция хочет, чтобы ее голос был услышан, но наша страна слишком хорошо знает, что на пятом году войны она, увы, не в состоянии выставить много дивизий, много судов и эскадрилий, количеством которых исчисляется военный вклад государств, участвующих в больших битвах. Но Франция знает и то, что война представляет единое, взаимозависимое целое, — что происходит в конце войны, неразрывно связано с тем, что возникло в ее начале. Франция помнит, что в течение целого года именно ее силы (почти единственные) противостояли Гитлеру. Франция знает, что каждое ее усилие и каждая ее жертва, даже самая скромная и безвестная, все же что-то значит на весах истории. Франция знает, что 135 тысяч французов погибли на полях сражений, 55 тысяч были казнены, более 100 тысяч погибли в лагерях и тюрьмах врага или его сообщников, 2 миллиона взяты в плен или насильно угнаны в Германию, около миллиона наших детей погибло из-за недостатка питания; что весь французский народ живет в страшных условиях режима голода, доносов и угнетения.

Свою кровь, свои слезы и свои лишения — вот какой вклад внесла Франция за годы этой войны в дело свободных наций; она внесла этот вклад после того, как на протяжении веков, и особенно двадцать пять лет назад, отдала столько сил и претерпела столько страданий в борьбе за тот же идеал.

Правда, нашему участию в войне в какой-то мере мешал отказ от своей ответственности тех, кого было принято называть нашей элитой, а также измена некоторых отщепенцев, презревших свое про-

шлое и связавших свою судьбу с трагедией военного поражения. Но французский народ, единственно правомочный быть их судьей, скажет свое слово, предъявит все счета и потребует их оплаты.

Но наш упадок сил, не явился ли он одним из результатов тех неисчислимых потерь, которыми мы оплатили наше решающее участие в последней войне, с самого ее начала и до самого ее конца. Мы пошатнулись теперь, это правда! Но не следует ли искать причину всего этого в том, что двадцать два года назад мы не пожалели своей крови, чтобы защитить других, так же как мы защищали самих себя?

Что стало бы с миром и на этот раз, если бы французская нация не осталась верной делу свободы? Вот почему Франция, сознавая, чем она обязана своим друзьям и чем ее друзья обязаны ей, полна решимости не только снова обрести свое величие — и она чувствует, что обладает достаточными силами для этого, — но обрести его в мире справедливости и здравого смысла. Франция претендует, в общих интересах, на подобающую ей роль в общем урегулировании в связи с приближающейся развязкой военной трагедии.

Осуществляя задачу управления, чтобы вести французский народ и Французскую империю к победе в войне, Комитет национального освобождения в то же время сознает и свою священную обязанность добиться, чтобы голос нашей страны был услышан и за ее пределами. В этом Комитет единодушен, как единодушна сама нация, потому что французы всегда согласны между собой, когда они следуют только призыву родины.

СООБЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЧЛЕНАМ КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

25 сентября 1943

Условия, в которых были подготовлены и в настоящее время выполнены почти независимо от Комитета национального освобождения операции по освобождению Корсики, лишней раз показывают, что Комитет в том виде, в каком он учрежден и функционирует, не в состоянии реально выполнять роль правительственного органа.

Это бессилие, с моей точки зрения, объясняется двумя взаимозависимыми причинами. Первая из них заключается в отсутствии общепризнанного и организованного руководства, в результате чего Комитету не удается определить свою политику по основным вопро-

сам, а если он определил ее в отношении того или иного вопроса, то за выполнением решения не устанавливается никакого эффективного контроля. В этом отношении характерно дело Корсики.

Вторая причина — независимость военного командования от правительственного органа. Такое положение противоречит существованию наших вековых институтов и нашим действующим законам, и оно приводит к тому, что сосуществуют и противодействуют друг другу две политики. Известные Комитету многочисленные и серьезные инциденты подтверждают это.

Много раз я настойчиво обращал внимание Комитета на эти серьезные пороки. Но у нас не хватало мужества дойти в наших решениях до самого существа вещей, и мы ничего не решали, довольствуясь тем, что необходимую реформу пытались заменить формулами или фикциями.

Несомненно, обстоятельства, в которых создавался Комитет национального освобождения, а также оказываемое на него иностранное давление не могли не влиять отрицательно на эту несовершенную организацию и не порождать жалких уверток и колебаний. Мы слишком долго топчемся на месте. Страна, самое существование которой поставлено на карту, и которая вверяет себя Комитету национального освобождения, чтобы он направлял ее усилия в войне и указал ей, что делать после достижения победы, никогда не простила бы нам подобной неуверенности. Ответственность должна быть определена и принята. Что же касается меня, я больше не могу в таких условиях осуществлять свою ответственность.

Выход, очевидно, напрашивается следующий:

1) избрание председателя Комитета, который будет выполнять свои функции в течение определенного времени и располагать реальной и определенной властью как в отношении руководства деятельностью Комитета, так и в отношении контроля над его деятельностью, в том числе, конечно, и военной. Это предлагается взамен двойного представления, которое могло быть терпимо в определенный момент и в определенных условиях, но которое теперь стесняет осуществление власти, порождая разногласия, придает Комитету необычный вид. Подобный порядок не практикуется никаким другим правительством в мире;

2) в военной области разграничение власти правительства (комиссариат) и власти командования.

Таковы соображения, лежащие в основе прилагаемых проектов ордонанса и декрета, которые включены в повестку дня Комитета национального освобождения.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ЖИРО ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ

Алжир, 25 сентября 1943

Генерал!

Французский комитет национального освобождения решил сегодня утром, несмотря на мои возражения, отменить действие декретов от 3 июня и 4 августа 1943, определяющих его организацию и его деятельность.

Предназначенная мне как сопредседателю роль в проекте декрета сводилась бы отныне, с одной стороны, к праву подписи, которая, как вы сами понимаете, может лишь означать «с подлинным верно», и с другой — к временному замещению подлинного председателя Комитета, когда последний будет в отсутствии.

Эти предписания идут вразрез с буквой и духом соглашения, к которому мы вместе с вами пришли до вашего прибытия в Северную Африку и на основе которого создан Комитет. Я не могу с ними согласиться!

Благоволите принять уверения в моих лучших чувствах.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО

Алжир, 26 сентября 1943

Генерал!

Начальник секретариата Комитета национального освобождения должен представить вам на подпись ордонанс и декреты, принятые Комитетом 25 сентября. Я позволю себе вновь сказать вам, в какой мере все члены Комитета, подписавшие сообщение, которое я вместе с генералом Катру, Массигли и Тиксье имел честь передать вам вчера, желают, чтобы вы не отдалялись от нас и согласились подписать эти декреты.

Прошу вас, генерал, принять выражение моих лучших чувств.

ОРДОНАНС ОТ 3 ОКТЯБРЯ 1943 ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Ст.1. Французский комитет национального освобождения избирает своего председателя. Председатель Комитета националь-

ного освобождения избирается сроком на один год. Он может быть переизбран.

Ст.2. Председатель руководит работой Комитета, контролирует выполнение его решений и координирует деятельность комиссаров. Решения общеполитического характера принимаются Комитетом в порядке коллективной ответственности всех его членов.

Ст.3. Ордонансы и декреты подписываются председателем. Они скрепляются подписью соответствующего комиссара или комиссаров.

Ст.4. Проекты ордонансов и декретов прежде всего представляются на рассмотрение председателя.

Проекты ордонансов, а также проекты тех декретов, которые непосредственно касаются общей политики, обсуждаются Комитетом в целом.

Другие проекты декретов обсуждаются председателем и соответствующими комиссарами. Каждый комиссар имеет право просить Комитет о внесении в повестку дня любых не внесенных до того вопросов.

Председатель учреждает своим постановлением комиссии для координирования работ нескольких комиссаров.

Ст.5. Председатель определяет повестку заседаний Комитета. Он обеспечивает оповещение членов Комитета и в случае необходимости публикацию решений Комитета. Все данные, необходимые для проверки выполнения решений, предоставляются ему соответствующими комиссарами.

Ст.6. Для связи с комиссарами председатель располагает секретариатом Комитета и приданными ему органами. Состав секретариата и его деятельность определяются распоряжением председателя.

Подписано:

Ш.де Голль
А.Жиро

ДЕКРЕТ ОТ 3 ОКТЯБРЯ 1943 ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Ст.1. Создан комиссариат национальной обороны.

Ст.2. На комиссара национальной обороны возложено управление сухопутными, морскими и воздушными вооруженными

силами и обеспечение их всем необходимым. Под его непосредственным руководством находятся вооруженные силы, которые не переданы Французским комитетом национального освобождения в распоряжение главнокомандующего. Комиссар заботится об организации этих сил в соответствии с общим планом Комитета национальной обороны, состав которого определен в статье 5.

Ст.3. Главнокомандующий назначается декретом Французского комитета национального освобождения. Он осуществляет непосредственное командование вооруженными силами, которые переданы в его распоряжение Комитетом, и обеспечивает необходимую связь с союзным военным командованием.

Он участвует вместе с союзным командованием в составлении оперативных планов и программ вооружения военных сил. Он осуществляет руководство и контроль за формированием и подготовкой частей с целью такого их использования, которое может быть предусмотрено или уже предусмотрено межсоюзными оперативными планами.

В отношении вооруженных сил, которые не находятся под его непосредственным командованием, он выполняет функции генерального инспектора.

Ст.4. Функции комиссара национальной обороны и главнокомандующего, а также взаимоотношения главнокомандующего с правительством определяются законом от 11 июля 1938 «Об организации нации в военное время» и решениями, принятыми относительно применения этого закона.

Ст.5. Комитет национальной обороны состоит из: председателя Французского комитета национального освобождения, на которого возложено руководство деятельностью правительства; главнокомандующего; комиссара национальной обороны.

Комитет может пригласить на определенное заседание всякое лицо, участие которого в дебатах он сочтет необходимым.

Ст.6. В соответствии с директивами Французского комитета национального освобождения Комитет определяет общие планы организации, распределения и использования французских вооруженных сил. Совместно с компетентными союзными органами Комитет обеспечивает необходимые связи.

Подписали:

*Ш. де Голль
А.Жиро*

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ 8 ОКТЯБРЯ 1943 В АЯЧЧО

Охваченные приливом национального энтузиазма, сегодня все мы вправе отдаться волнующему чувству законного удовлетворения. Но мы не можем позволить увлечь себя захватившей нас волне, ибо какой трудный путь еще отделяет нас от нашей цели! И мы знаем, что нам нельзя предаваться радости, что мы должны теперь же, не теряя времени, извлечь достойный урок из той страницы истории, которую только что вписала французская Корсика.

Героизм населения и мужество наших солдат, моряков и летчиков вырвали Корсику у захватчиков в большом сражении, которое ведется в эти дни нашими союзниками. Корсике выпало счастье стать первой освобожденной частицей Франции. Чудесный рассвет ее глубоких чувств и ее непреклонной воли, порожденных борьбой за освобождение, показывает нам, каковы подлинные чувства и какова воля всей нации в целом.

Теперь мы знаем, что Корсика ни одного дня не мирилась с поражением. Теперь доказано, что она с нетерпением ждала случая, чтобы подняться, вступить в бой и победить. Корсика хорошо знала, как это знала и сама родина, что превратности судьбы, испытанные нашими армиями в мае и июне 1940, были лишь жестоким, но преходящим эпизодом войны, войны, большой как мир. То, чего не распознали недостойные или одряхлевшие руководители, устремившиеся навстречу катастрофе, население Корсики поняло сразу же. Отсюда упорное сопротивление, которое народ не переставал оказывать врагу, сначала пассивно, затем, когда наступил благоприятный момент, активно, с оружием в руках.

Видя, что обстановка меняется и захватчик слабеет, корсиканские патриоты могли бы ждать, пока победа союзных армий не определит их судьбу. Но они сами захотели стать победителями. Они рассудили, что освобождение только тогда будет полным и подлинным, когда кровь врага обогривает их собственные руки и они сами примут участие в изгнании захватчика. Они всегда верили в родину и не отделялись от нее, ими всегда владел дух борьбы не на жизнь, а на смерть, и эти чувства как бы отражали чувства всей страны и всегда поддерживали солдат Сражающейся Франции на полях битв, они вдохновляют сегодня нашу доблестную африканскую армию, авангард которой только что получил в Сент-Флоране и Бастии горячий поцелуй славы.

Уже в силу того факта, что Корсика, так же как и наша родина, никогда не мирилась с преступным захватом власти для своей выгоды. Что случилось здесь, спрашиваю я, с режимом Виши? Что же осталось от знаменитой «национальной революции»? Чем же держалось это сооружение лжи, полицейских преследований и доносов? Как случилось, что бесчисленные портреты, значки и знаки, девизы и лозунги в мгновение ока уступили место героическому Лотарингскому кресту, национальному символу благородства и освобождения. Стоило только врагу отступить, как в одно мгновение было снесено все это жалкое сооружение. Стоило народу получить возможность поднять голову, как он воскликнул: «Свобода, мы с тобой!» Достаточно было пронестись первому освободительному дуновению по корсиканской земле, как эта частица Франции повернулась единым движением к Комитету национального освобождения, правительству, созданному для ведения войны, для достижения единства и восстановления республики. То, что происходит в эти дни в каждом корсиканском городе и каждом селении, показало всем стремление французской нации снова стать победоносной и суверенной, а мы увидели в этом проявление всеобщего чудесного прорыва к обновлению. Да, сегодня на Корсике освобожденный народ покончил со своими испытаниями. Завтра так будет по всей Франции! Стоит только смотреть в сияющие глаза людей, собирающихся здесь без разделения на классы, кланы, партии для того, чтобы громко возвестить о своей радости, о своем доверии; стоит только послушать, как согласно, будто одним голосом, поют со слезами на глазах мужчины, женщины, дети нашу жгучую «Марсельезу», стоит только увидеть царящий повсюду здесь достойный порядок, несмотря на перенесенные лишения и неизжитые тревоги, чтобы убедиться, что наш народ, наш великий народ, начал без шума ту работу, которая приведет его к возрождению.

Мы, французы, преисполнены в эти дни уверенности в том, что после стольких испытаний перед нашей страной открывается новая эра величия: кажется, что теперь весь мир сознает это. Во всяком случае, каждый может видеть теперь, до какой степени были абсурдны притязания одного нашего латинского соседа, который, стараясь захватить Корсику, как, впрочем, и другие французские земли, ссылался на упадок и разложение нашей страны. Мы не из тех, кто попирает побежденного, но, пережив памятное для нас крушение, мы должны громко напомнить о

всей тщетности притязаний, которые выдвигались во вред нам и которые толкали родственную нам нацию к чудовищному союзу с германской алчностью.

Значит ли это, что после достижения победы и торжества справедливости освобожденная Франция затаит зло против народа, которого долгое время сбивали с толку, но которого все же не должны отделять от нас никакие серьезные расхождения? Разумеется, нет, и я намеренно говорю об этом именно здесь. Потому что здесь мы находимся в центре латинского моря; того моря, по которому к нам пришла наша цивилизация; того моря, к которому прилегают Франция на севере и Французская африканская империя на юге; того моря, где вековые влияния привели нас к нерушимой дружбе с Левантом; того моря, которое доходит до балканских берегов и связывает с нами мужественные балканские народы, того моря, наконец, которое является одним из путей к столице нашей, дорогой и могущественной России.

Отвлекая наши мысли от сражений, которые мы ведем, от испытываемых нами страданий и порожденного ими гнева и устремляя свой взор в будущее, именно отсюда, из Аяччо, мы хотим сказать о нашей надежде, что латинское море вновь станет связующим звеном, а не ареной боя. Настанет день, когда мир, искренний мир, сблизит народы от Босфора до Геркулесовых столпов, народы, которым тысячи причин, таких же древних, как сама история, повелевают сгруппироваться для того, чтобы взаимно дополнять друг друга.

Но это только мечта о будущем. Настоящее требует другого. Настоящее требует продолжения войны, потому что главный враг еще не разбит. Поэтому именно в Аяччо мы провозглашаем намерения Франции использовать свою возрождающуюся силу, вместе с доблестными силами Англии и Соединенных Штатов, на берегах Средиземного моря, на его морских и воздушных просторах. Именно из Аяччо мы вновь даем клятву сражаться до конца вместе со всеми народами, которые, подобно нам, борются и страдают, чтобы уничтожить тиранию. Победа близится. Она будет победой свободы. Как же не желать, чтобы она стала также победой Франции!

РЕШЕНИЕ КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Алжир, 6 ноября 1943

На заседании 6 ноября 1943 Комитет национального освобождения единогласно просил своего председателя, генерала де Голля, и он дал на это свое согласие, произвести изменения в составе Комитета, которые он сочтет необходимыми для обеспечения:

1) представительства в правительстве и сотрудничества с ним лиц, выделенных организациями Сопротивления во Франции в качестве делегатов Консультационной ассамблеи;

2) единства и сплоченности Комитета в возможно лучших условиях;

3) полного разграничения власти правительства и деятельности военного командования, так же как подчинения последнего первому.

Подписали:

*Ш. де Голль, Жиро, Тиксье, Массигли, Моннэ, Боннэ,
Кув де Мюрвиль, де Мантон, Рене Мейер*

ПОЛИТИКА

ОРДОНАНС ОТ 17 СЕНТЯБРЯ 1943 О СОЗДАНИИ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ АССАМБЛЕИ

Ст. 1. Учреждается временная Консультативная ассамблея, на которую возлагается задача наиболее полно, насколько это позволяют существующие условия, выразить национальное общественное мнение.

Эта Ассамблея подлежит роспуску на законном основании с момента создания Ассамблеи, которой будет поручено назначить Временное правительство.

Ст. 2. <...>

Ст. 3. Консультативная ассамблея состоит:

- 1) из 40 представителей организаций Сопротивления в метрополии;
- 2) из 12 представителей организаций Сопротивления вне метрополии;
- 3) из 20 членов сената и палаты депутатов;

Ст. 4, 5 <...> 22

Ш. де Голль
А. Жиро

СПИСОК ЧЛЕНОВ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ АССАМБЛЕИ*

1. Представители организаций Сопротивления в метрополии
Поль Анксионназ	Рене Ферриер
Марсель Астье	Макс Франк
Раймон Обрак	Анри Френэ
Гиацинт Азэ	(замещен Эмилем Валье)

---

*С ноября 1943 по август 1944

Жан Бордые   Эдуард Фроман
Альбер Босман   Ноэль Генделен
Альбер Бузанке   Альбер Газье
Жорж Бюиссон   Артюр Жиовони
Пьер Клодиус   Фернан Гренье
Амбруаз Круаза   (замещен Жоанни Берлиозом)
Мишель Дюмениль де Граммон   Андре Ориу
Пьер Фэйе   Жан Жак
Жюст Эврар   Шарль Лоран
Андре Ле Трокер   Марсель Пуамбёф
(замещен Жоржем Мистралем)   Робер Прижан
Анри Майо   Анри Пуртале
Жак Матье-Фревиль   Пьер Рибьер
Пьер Моррие   Марк Рюкар
Жан-Жак Майу   Луи Валлон
Жак Медерик   Поль Виар
Андре Мерсье

2. Представители организаций Сопротивления вне метрополии

Анри д'Астье де ла Вижери   Жан Дебесс
Поль Обранж   Роже Жерволино
Энест Биссанье   Жозеф Жиро
Феликс Буалло   Альбер Герен
Ги де Буассуди   Пьер Гиллери
Жан Бургуэн   Рене Мальбран
Рене Капитан   Пьер Паран
(замещен Полем Тюбером)   Франсис Перрен
Ле Р.П. Ансельм Карьер   Анри Сеньон
Рене Кассен   г-жа Март Симар
Жозеф Коста

3. Члены сената и палаты депутатов

Поль Антье   Луи Жакино
Венсан Ориол   Пьер-Оливье Лапи
Франсуа Бийу   Андре Марти
(замещен Этъеном Фажоном)   Жюль Мок
Флоримон Бонт   Жан Пьер-Блок
Пьер Кот   Анри Кэй
Поль Жакоби   Жозеф Серда
Феликс Гуэн

4. Представители генеральных советов
 Мохамед Бенджеллул   Эли Манель Фалл
 Раймон Блан   Паскаль Мюзелли
 Пьер Кюттоли   Огюст Ранкюрель
 Альбер Дерналь   Поль Валентино
 Морис Дезетаж   Микаэль де Виллель
 Марсель Дюкло   Дейва Зивараттинам

Дополнительные делегаты

Алжир	Тунис	Марокко
Лакхдари	Казабьянка	Брэн
Ломбарди	Тахар бен Аммар	Дебар
Рау		Де Перетти
Тамзали		
Веглер		
Генеральный секретарь		
Кац-Бламон		

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПЬЕРУ ВЬЕНО, В ЛОНДОН

Алжир, 28 сентября 1943

Прошу вас от моего имени сделать устное (подчеркиваю, устное) сообщение Фернану Гренье, исходя из нижеследующего.

Возможно, что Комитету национального освобождения в ближайшем будущем придется в известной мере изменить свой характер и состав, расширив свои рамки за счет включения представителей важнейших политических направлений Франции, ведущих в настоящее время совместную борьбу за освобождение страны, за наказание предателей и восстановление демократического режима.

В этом случае Комитет, несомненно, был бы заинтересован, чтобы в нем была представлена коммунистическая партия. Я был бы признателен Фернану Гренье, если бы он срочно сообщил мне: 1) свое мнение по данному вопросу; 2) склонен ли он лично войти в состав Комитета освобождения в случае реорганизации последнего. Мне нет необходимости предупреждать Фернана Гренье о том, что это сообщение должно оставаться в полной тайне, причем было бы совершенно естественным, если бы Фернан Гренье пожелал строго конфиденциально проконсультироваться со своими друзьями, прежде чем дать мне окончательный ответ.

Сообщение должно быть сделано Фернану Гренье именно в таком духе и должно носить характер консультации — ни более, ни менее. Полагаюсь на вас, что вы его так и представите.

С дружеским приветом

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ НА ПЕРВОМ ЗАСЕДАНИИ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ АССАМБЛЕИ В АЛЖИРЕ

3 ноября 1943

Приветствуя временную Консультативную ассамблею по случаю ее первого заседания, Комитет национального освобождения прежде всего выражает чувство глубокого удовлетворения в связи с тем, что, невзирая на исключительные трудности, все же удалось созвать это собрание, инициатором которого явился Комитет и созыв которого соответствует желанию нации, ведущей борьбу за свою жизнь и за свою свободу. Вместе с тем Комитет выражает готовность к самому широкому и, разумеется, самому искреннему сотрудничеству с Ассамблеей, ибо она содействует выполнению его большой и трудной задачи, являясь в той мере, в какой это позволяют обстоятельства, выразителем чувств и стремлений французов. И, наконец, Комитет считает нужным засвидетельствовать свое высокое уважение представителям героического французского Сопротивления, а также тем людям, которые, будучи когда-то облечены доверием народа, оказались достойными этого доверия в страшное для Франции и республики время.

Надо сказать, что в тех беспримерных обстоятельствах, в каких находится сейчас наша страна, тщетно было бы искать какой-либо исторический прецедент для создания Консультативной ассамблеи или какие-либо законодательные положения, которые могли бы послужить для нее совершенной юридической основой. Вторжение и оккупация уничтожили те институты, которые Франция для себя избрала. Воспользовавшись бедственным положением народа, потрясенного военной катастрофой, и нарушив к тому же свой собственный долг, некоторые люди вошли в сговор с врагом и установили в метрополии отвратительный режим личной диктатуры, лжи и террора. Опираясь на захватчиков, кичась своим сотрудничеством с ними, пустив в ход все мыслимые средства давления на государственный аппарат и на граждан, эти люди в буквальном смысле слова заточили суверенную нацию

за решетку. С этих пор забота о спасении родины стала высшим законом. Нам пришлось создать временные органы власти, с тем чтобы направить военные усилия Франции и выступить в защиту ее прав. Нация, бесспорно, должна будет высказать по поводу них свое суждение, а пока что всюду, где эти органы функционируют, они функционируют в соответствии с законами, которые нация для себя избрала, еще будучи свободной, и следят за соблюдением этих законов другими.

Таковы принципы, которые мы для себя установили начиная с 18 июня 1940, принципы, которым мы неизменно оставались верны и которые мы будем осуществлять до того дня, когда освобожденный французский народ сможет естественным путем, то есть путем всеобщего голосования, выразить свою волю. Действуя таким образом, мы стремились лишь к тому, чтобы посреди самых тяжелых испытаний, когда-либо выпадавших на долю нашего народа, сохранить его национальное единство, обеспечив для него тот центр, вокруг которого могли бы сосредоточиться его моральные и материальные силы.

Однако, если всеобщие выборы — это единственный путь, посредством которого в будущем народу предстоит выразить свою суверенную волю, несомненно и то, что, хотя поверженной Франции заткнули рот, она все же находит тысячи возможностей для того, чтобы выразить свои сокровенные чаяния.

Сопrotивление в его самых различных формах стало главным способом противодействия врагу со стороны подавляющей массы французов. Конечно, если учесть, что враг и его сообщники обладают страшными средствами уничтожения, что бойцы внутреннего фронта испытывают острый недостаток оружия и что в немецком плену находятся более двух миллионов наших людей; если учесть систематическое истребление руководителей, многие из которых гибнут в бою или на виселицах; если учесть непрерывные преследования, повсеместный голод, отсутствие возможности собираться, невероятные трудности, с которыми связаны передвижение и переписка; если учесть, наконец, что природные условия нашей страны благоприятствуют быстрой переброске войск, то есть облегчают осуществление карательных мер, — учесть все эти условия, то будет понятно, почему движение Сопrotивления внутри страны не могло выступить в качестве вооруженной силы, ведущей бои по типу регулярной армии.

Тем не менее оно существует повсюду, действуя решительно и эффективно. Оно существует в организации, созданной в самой

Франции и объединяемой нашим Национальным советом Сопротивления, которому мы шлем свой братский привет. Оно существует на заводах и на полях, в учреждениях и учебных заведениях, на улицах и в домах, в сердцах и мыслях. Оно существует в героических группах, которые используют любую возможность, чтобы нанести ущерб врагу и покарать предателей. Оно существует в лице тех мужчин и женщин, которые вот уже в течение трех лет трех месяцев и шестнадцати дней, преодолевая невиданные трудности, переходят на нашу сторону и присоединяются к нашим сражающимся войскам. Если к этому прибавить, что по мере своего освобождения империя предоставила для ведения войны все свои людские и материальные ресурсы и весь свой труд, если вспомнить, что никогда еще наши знамена не дезертировали с поля сражения, что в настоящее время 500 тысяч бойцов ждут — и с каким нетерпением! — когда им будет предоставлена физическая возможность встретиться с врагом за морем, то никому не дано право отрицать, что Франция избрала путь борьбы, что во имя своего идеала она приносит неисчислимые жертвы и что ее стремление к победе, ее вера в свободу, ее надежда на торжество справедливости и грядущее обновление безграничны. Сопротивление — вот в чем прежде всего выражается сегодня воля французской нации.

И хотя демократия может быть восстановлена в своих правах и своих формах лишь в освобожденной Франции, Комитет национального освобождения, едва только обстоятельства ему позволили, счел все же необходимым придать временным органам власти по возможности демократический характер и решил создавать себе в поддержку и в помощь Консультативную ассамблею, в которой наряду с избранниками народа представлены также делегаты движения Сопротивления, в равной мере обладающие авторитетным мандатом.

Чтобы оценить масштабы стоящих перед Ассамблеей задач и те трудности, которые ее ожидают, достаточно представить себе эти этапы, отделяющие нацию от ее цели. Этапы эти можно определить уже теперь.

Прежде всего мы будем вести войну! Изгнать врага из пределов нашей страны, громить его до тех пор, пока он не сдастся на милость победителей, сделать все для того, чтобы вклад Франции в общие усилия союзников оказался настолько значителен, насколько это позволяют имеющиеся в нашем распоряжении средства, — таков для нас категорический императив. Если Франция дрогнула, то это могло случиться раньше, когда и другим недоста-

вало твердости. Но сегодня священный долг Франции, равно как и всех держав, объединившихся против стран оси, состоит в том, чтобы в кратчайший срок максимально развернуть наши возможности. Более того, наше национальное возрождение мыслимо лишь в условиях победы, достигнутой при непосредственном участии Франции.

Однако в той тотальной борьбе военные усилия представляют собою единый комплекс, требующий как моральной сплоченности, так и сосредоточения материальных средств. Франция, ведущая борьбу, приемлет только одну политику, и все то, из чего слагаются силы Франции, должно способствовать осуществлению этой политики. Вместе с нами вы также будете ее выразителями. Сегодня наша возрождающаяся армия, которая из-за негодной подготовки и порочной стратегии еще вчера была обречена на разгром, армия, которую вишистские изменники стремились дезориентировать любой ценой, но которая, несмотря ни на что, хотела сражаться с врагом, — эта армия безусловно является армией нации. Наши боевые знамена, впервые вновь поднятые в боях за Керен, Бир-Хашейм и Феццан, овеянные славой отважных французских эскадрилий, отличившихся в небе Великобритании, Ливии и России, и наших доблестных военных кораблей, совершивших свои греческие подвиги под флагом Лотарингского креста, соединились в упорных и победоносных сражениях за Тунис и за освобождение Корсики. У меня есть все основания утверждать, что на суше, на море и в воздухе наши славные, отлично оснащенные войска готовятся к тому, чтобы снова и снова дать врагу почувствовать всю мощь французского оружия. Настанет час, и усилия наших храбрых воинов сольются с усилиями борцов, которые тайно готовятся на территории самой Франции. И те и другие являются средоточием любви и надежд нашего народа. И те и другие служат только нации. Нет необходимости говорить, что Комитет освобождения, поддержанный Ассамблеей, сумеет, если понадобится, позаботиться о том, чтобы ничто отныне не могло лишить французский народ хотя бы части его солдат.

Отдавая всю свою душу, все оставшиеся силы делу народов, борющихся за свободу, Франция, несмотря на постигшие ее бедствия, не утратила сознания того, что она собою представляет, то есть что она является великой державой. Отсюда ее глубокая убежденность в том, что умаление ее прав и ее достоинства было бы, во-первых, несправедливостью, а во-вторых — и это главное — ошибкой. Мы не отрицаем, что в числе тех просчетов и заблужде-

ний, которые обрекли мир на невиданные несчастья, есть ошибки, допущенные и нашей страной. Однако, предвидя страшные жертвы, которые несет ей эта война, и понимая, с другой стороны, что пролитые слезы и кровь лишь укрепили в ней решимость быть великой державой и ее волю к действию, Франция сознает необходимость вновь обрести все то, из чего в течение столетий слагалось ее величие. Кроме того, нынешние события убеждают ее в том, что в общих интересах ей по-прежнему должна принадлежать выдающаяся роль в международных делах. Франция считает, что ни один европейский вопрос, ни один важный вопрос мирового значения не может быть удовлетворительно разрешен без ее участия. При этом она исходит из соображений, диктуемых географическими условиями, опытом истории и сознанием народов. Она исходит из того, что урегулирование без ее участия неизбежно окажется несостоятельным, когда Франция рано или поздно вновь обретет свою былую мощь и свое влияние, то есть именно то, что необходимо для установления всеобщего равновесия. Вот почему Комитет национального освобождения уже сейчас настаивает на том, чтобы ему была дана возможность представлять среди великих держав позицию Франции, которая должна быть учтена при разрешении вопросов, связанных с нынешней войной и с организацией послевоенного мира. В этом отношении поддержку и помощь, которую Консультативная ассамблея в состоянии оказать Комитету освобождения, можно уподобить живому голосу, прорывающемуся сквозь кляп.

Напрасны были бы попытки точно определить, сколько еще недель или месяцев отделяют страну от того дня, когда она вновь станет свободной, однако военные события приняли такой оборот, что срок этот может оказаться довольно коротким. Но независимо от того, как долго продлится война, окончание ее поставит нашу страну в исключительно сложное положение с точки зрения экономической, международной и моральной. Необходимость наладить жизнь в истерзанной войною стране, начисто лишенной запасов сырья и продовольствия; задача восстановить повсеместно, так же как мы это делаем здесь, власть республики, обратив в развалины позорный режим Виши, причем сделать это в условиях порядка, соблюдая национальное достоинство; обязанность сразу же обеспечить государственное правосудие, являющееся единственно законным и приемлемым; необходимость перестроить центральную и местную администрацию; вернуть на родину наших юношей, попавших в плен или насильно вывезен-

ных за ее пределы, — все это поставит перед Комитетом освобождения множество сложных проблем в тот момент, когда на нашей территории будут находиться безусловно дружественные, но все-таки иностранные войска, чья психология неизбежно в чем-то будет расходиться с нашей психологией. Правда, мы уверены в том, что при выполнении нашей задачи поддержкой нам будет служить доверие всего французского народа, который отлично сознает, что единодушное и организованное сплочение вокруг центральной власти для него жизненно необходимо. Верно и то, что при первой же возможности временный орган народного представительства обеспечит узаконенному им правительству возможность утвердиться и окрепнуть. Однако это вовсе не значит, что уже сейчас не следует готовиться к тому, чем придется заниматься в дальнейшем. В этом отношении помощь и советы вассей Ассамблеи будут иметь для нас неоценимое значение.

Все, что мы делаем сейчас, все, что мы будем готовить для будущего, не имело бы никакого смысла и никакого значения, если бы в нашей деятельности мы непосредственно не вдохновлялись той неодолимой тягой к обновлению, которая втайне воодушевляет французскую нацию. Те люди в нашей стране или за ее пределами, которые полагают, что после освобождения Франция вновь обретет свой прежний политический, социальный и моральный облик, совершают глубочайшую ошибку. Франция так много страдала и столь многому научилась на своем собственном опыте и на опыте других, что она не может не встать на путь глубоких преобразований. Она хочет добиться того, чтобы завтра ее национальный суверенитет мог проявиться в полной мере, чтобы никакие интриги, никакое давление, отражающее частные интересы отдельных групп, не могли ее умалить. Она хочет, чтобы люди, которым она поручит управление страной, обладали возможностью делать это достаточно последовательно и энергично, подчиняя всех граждан внутри страны высшему авторитету государства и проводя за его пределами достойную Франции политику. Она хочет положить конец экономической системе, при которой основные источники национального богатства не принадлежат нации, где важнейшие процессы производства и распределения ускользают из-под ее контроля, где организации трудящихся отстранены от деятельности предприятий, хотя она непосредственно от них зависит. Франция хочет, чтобы ее богатствами пользовались все французы, чтобы на земле ее, имеющей все необходимое для обеспечения каждому из ее сыновей надежного и достойного жизнен-

ного уровня, чтобы на этой земле, которую дополняет верная Франция богатая обширными ресурсами империя, не нашлось больше ни одного мужчины, ни одной женщины, которым не были бы гарантированы достойные их условия жизни и работы, достаточная заработная плата, удовлетворительное питание, одежда, сносные санитарные условия, возможность отдыхать, растить больше детей, учить их, радоваться их счастливому смеху. Франция хочет, чтобы ее заслуги, которым она обязана своим величием и влиянием в мире, были оценены по достоинству. Не подлежит сомнению, что нация сама будет решать вопрос о реформах. Однако изменение различных проектов и возможностей, подготовка умов и сердец к их практическому осуществлению — вот чего народ ждет от вас уже теперь. Он знает, что вы собрались здесь, движимые его стремлениями и мечтами, и что даже те из вас, которые находили себе место в условиях старых систем, первыми покажут, сколь глубоко преобразилось сознание французов.

На тернистом пути, которым идет нация и который шаг за шагом приближает ее к спасению и величию, созыв Консультативной ассамблеи знаменует собою выдающийся этап, значение которого очевидно для всех. Созыв ее фактически означает начало возрождения французских представительных учреждений. Уже одно это позволяет оценить, насколько велика лежащая на Ассамблее ответственность. От результатов ее работы, от ее мудрости, от ее преданного служения своей стране в известной мере будут зависеть как судьбы нашей демократии, так и сохранение национального единства в этот беспрецедентный по своему значению период. Национальный комитет освобождения не сомневается в том, что вы успешно выполните свою задачу, ибо исторический опыт двух тысячелетий подтверждает, что вера гениев Франции не обманывался никогда.

ПИСЬМО ВЕНСАНА ОРИОЛЯ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Алжир, 7 ноября 1943

Дорогой генерал!

Прибыв на эту французскую территорию, освобожденную благодаря инициативе, предпринятой вами 18 июня 1940, не могу не выразить вам моего личного восхищения, а также благодарности

всех моих соотечественников, которых я представляю вот уже около тридцати лет и которые сегодня, несмотря на различие убеждений, тесно сплочены в своем стремлении освободить родину.

Будучи делегатом Консультативной ассамблеи от социалистической партии, членом которой я состою с 1905, я сумею передать ей результаты поучительного опыта, выстраданного в тяжелых муках и разочарованиях. У меня нет никаких притязаний. В отношении своей семьи и себя лично я принял обязательство не занимать никаких официальных постов. Я хочу отдать себя целиком служению родине, чьи интересы вы отстаивали и чье будущее сумели защитить.

За время пребывания в Лондоне я виделся с рядом английских, американских, бельгийских и других деятелей, с которыми связан давнишней дружбой и с которыми сталкивался при выполнении своих министерских обязанностей.

Если бы вы пожелали со мною встретиться, я бы рассказал о моих беседах с ними и был бы счастлив лично заверить вас в чувствах французов, которых я здесь представляю и вместе с которыми я заявляю о глубокой преданности вам.

ДЕКРЕТ ОТ 9 НОЯБРЯ 1943 О СОСТАВЕ ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Ст. 1. Состав Французского комитета национального освобождения определяется следующим образом:

Председатель

Генерал де Голль

Члены

Эмманюэль д'Астье де ла Вижери — комиссар по внутренним делам;

Анри Боннэ — комиссар информации;

Рене Капитан — комиссар народного просвещения;

Генерал Катру — государственный комиссар по делам мусульманского населения;

Анре Дьетельм — комиссар снабжения и производства;

Анри Френэ — комиссар по делам пленных, депортированных и беженцев;

Луи Жакино — комиссар военно-морского флота;

Андре Ле Трокер — комиссар по военным делам и по делам авиации;

Рене Массигли – комиссар по иностранным делам;
Рене Мейер – комиссар путей сообщения и транспорта;
Пьер Мендес-Франс – комиссар финансов;
Франсуа де Мантон – комиссар юстиции;
Жан Моннэ – комиссар без портфеля (выполняет особое поручение);
Андре Филип – комиссар, ведающий сношениями с Консультативной ассамблеей;
Рене Плевен – комиссар по делам колоний;
Анри Кэй – государственный комиссар по делам межминистерских комиссий;
Адриен Тиксье – комиссар труда и социального обеспечения.
Ст. 2, 3. <...>

Ш. де Голль

ИЗ РЕЧИ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ НА ПЛОЩАДИ ДЕ ЛЯ БРЕШ В КОНСТАНТИНЕ 12 ДЕКАБРЯ 1943

...Если после этой войны, поставившей на карту вопрос о самом человеческом существовании, каждой нации придется установить у себя более справедливые отношения между своими детьми, то тем более широкие задачи встают перед странами, которые, подобно нашей стране, начиная с эпохи великих открытий, присоединили к себе другие народы и другие расы. Франция должна с честью выполнить взятые на себя обязательства. Продемонстрировав в течение этих страшных четырех лет свое нерушимое единство, все территории, составляющие французское имперское сообщество, доказали свое доверие Франции, иначе говоря, священным идеалам братства рас, равенства возможностей, неусыпного поддержания порядка, необходимого для того, чтобы всем могла быть обеспечена свобода.

По мере того как приближается развязка трагедии и перед французской нацией-покровительницей открываются двери в будущее, ею все сильнее и сильнее овладевает стремление к обновлению. Северная Африка предоставляет нам случай и обязывает нас к тому, чтобы дать волю этому стремлению. В силу обязательств именно здесь, в Северной Африке, занялась заря французского обновления, именно Северная Африка стала для Франции средоточием ее сил и неиссякаемых надежд. Здесь возрождаются ее сво-

боды. Здесь находится ее правительство, созданное для руководства войной. Здесь родилась Ассамблея, способная авторитетно выражать ее общественное мнение. Здесь комплектуются первые части ее будущих армий. Здесь находятся представители многих иностранных держав, которые, невзирая на некоторые формулировки, вызванные обстоятельствами, направили сюда своих делегатов, доказав тем самым, что они знают, на чьей стороне сердца наших соотечественников. Здесь, в Северной Африке, все население щедро проявило свою преданность Франции, и это проявление его чувств приобретает исключительный характер, если учесть его собственные бедствия, и не только глубоко волнует Францию, но уже теперь ко многому ее обязывает.

Да, именно обязывает, и в частности по отношению к мусульманскому населению Северной Африки. По соглашению с верховными правителями Марокко и Туниса и в соответствии с заключенными с ними договорами Франция обеспечила этим странам такой путь развития, по которому надо следовать, с каждым днем привлекая все больше и больше сторонников из числа лучших представителей местного населения. Выполнение миссии Франции в трех департаментах французского Алжира связано с осуществлением различных требований.

Вряд ли мне представится более подходящий случай сообщить, что после глубокого изучения того, что желательно, и того, что в настоящее время возможно, правительство недавно приняло важные решения, касающиеся Алжира. Комитет национального освобождения решил прежде всего немедленно предоставить десяткам тысяч мусульман все права французских граждан, не допуская при этом каких-либо помех или ограничений в осуществлении этих прав на основе личного статуса. В то же время будет увеличено количество представителей от мусульманского населения в различных выборных органах, ведающих местными вопросами. Наряду с этим большое количество административных постов впредь сможет быть занято мусульманами, способными эти посты занимать. Вместе с тем правительство решило осуществить целый ряд мероприятий, направленных к абсолютному и относительному улучшению жизненных условий алжирского населения. Об этих мероприятиях будет объявлено в самое ближайшее время. Никто не станет оспаривать, что реализация намеченной программы потребует длительного срока, причем состояние войны и то положение, в каком находится сейчас метрополия, не позволяют слишком осложнять эту программу. Ни-

кто, с другой стороны, не может подвергать сомнению и тот факт, что некоторые полезные мероприятия в этом смысле уже проведены. Никто не может, наконец, отрицать, что все это было бы немисливо осуществить, если бы не упорный труд колонистов, благодаря усилиям которых стали доступны природные богатства Алжира. Программа мероприятий, которую мы начнем претворять в жизнь уже сейчас при помощи имеющихся в нашем распоряжении средств, явится свидетельством того, что новая Франция полностью отдает себе отчет в задачах, стоящих перед нею в Алжире.

В это суровое время, самое суровое в суровой истории нашего народа, на каждый день мы можем ставить перед собой выполнение лишь одной определенной задачи. Но мы не можем прожить дня, не выполнив какой-либо задачи. Сомнениям и распрям сегодня нет места среди честных французов. Чтобы достичь поставленной цели, мы, французы, должны полагаться прежде всего и главным образом на самих себя. Не равносильно ли это тому, что нам следует полагаться друг на друга?

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ВСЕМ ЧЛЕНАМ КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Алжир, 22 декабря 1943

Дорогой комиссар!

В связи с моим циркулярным письмом от 3 ноября прошу срочно представить мне проекты, касающиеся мероприятий, которые должны быть осуществлены по вашему ведомству в момент прибытия во Францию...

Вам необходимо, в частности, в самый короткий срок изучить все законодательные акты, касающиеся вашего ведомства, которые были изданы правительством Виши после 10 июля 1940. Для облегчения вашей задачи я поручил председателю юридического комитета совместно с различными комиссариатами тщательно изучить «Журналь оффисьель», издаваемый Виши, с тем чтобы возможно точнее установить, как мы поступим в отношении законодательства Виши после освобождения.

Прошу вас вместе с тем, не ожидая результатов этого изучения, подготовить проекты постановлений и декретов, предназначенных заменить собой те законодательные акты правитель-

ства Виши, необходимость отмены которых не вызывает сомнения, а также и те из них, которые требуют существенной переработки.

Полагаю, что эти проекты вы будете представлять в Комитет по мере их подготовки...

С другой стороны, Комитет принял решение о том, чтобы каждый комиссар уже теперь выбрал сотрудника, который будет его представителем во Франции. Прошу вас со всеми необходимыми предосторожностями сообщить мне фамилию вашего представителя. Генеральному директору специальной службы поручено установить с ним контакт в том случае, если этот представитель находится на территории Франции, в противном случае — содействовать его возвращению туда.

Примите и пр.

СООБЩЕНИЕ КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Алжир, 23 декабря 1943

На своем заседании 3 сентября 1943 Французский комитет национального освобождения решил привлечь к судебной ответственности маршала Петена, а также членов или бывших членов так называемого правительства Французского государства.

Все лица, предусмотренные этим решением, действительно и по их же собственному признанию сотрудничали с Германией, то есть сотрудничали с врагом. Поскольку Франция не подписывала какого-либо мирного договора с Германией и не прекращала войны с ней, то в соответствии с основными принципами международного права Германия по-прежнему является врагом как по отношению к Франции, так и по отношению ко всем Объединенным Нациям, а лица, сотрудничающие с Германией, подпадают под действие статьи 75 и последующих статей уголовного кодекса.

На этом основании возбуждено судебное преследование в отношении бывших членов так называемого правительства Французского государства, которые находятся на французских территориях, освобожденных от оккупации или из-под контроля держав оси. Кроме того, вынесены постановления о приводе высших должностных лиц администрации империи, которые своими действиями препятствовали участию подведомственных им

французских территорий в войне на стороне союзников и тем самым нанесли ущерб внешней безопасности государства.

Дела переданы в суд и будут рассмотрены в соответствующем порядке. Сообразно принципу разделения властей Французский комитет национального освобождения предоставляет судебной власти полную независимость в решении этого вопроса.

Чтобы гарантировать обвиняемым их права, Комитет, прежде чем вынести постановления о приводе, полностью восстановил права защиты, которые были искажены законодательством Виши. Обвиняемые могут по своему усмотрению выбрать себе защитников. Предусмотрено строгое соблюдение положений закона от 8 декабря 1897 о предварительном следствии. Так, перед каждым допросом защитникам будет предоставлена возможность ознакомиться с материалами дела и свободно высказать свою точку зрения по поводу обвинений, предъявляемых обвиняемым.

Учитывая вместе с тем исключительные обстоятельства, в которых производится следствие, Французский комитет национального освобождения принял новое постановление. В том случае, когда против обвиняемого имеются достаточно обоснованные обвинения, но стороны при этом ссылаются на материалы, находящиеся во Франции, и судья считает необходимым привлечь таковые для установления истины, указанным постановлением разрешается откладывать расследование до того момента, когда освобождение французской территории даст возможность дополнить это расследование необходимыми материалами.

На тот случай, если следственные органы, напротив, примут решение о передаче дела в суд, Французский комитет национального освобождения также принял постановление, определяющее состав компетентного военного трибунала. В соответствии с этим постановлением на стадии судебного разбирательства обвиняемым гарантируются те же права, какие им были обеспечены в результате восстановления свободы защиты уже на стадии предварительного следствия.

Следует подчеркнуть, что на основании статьи 555 уголовно-процессуального кодекса преступления и проступки в отношении внешней безопасности государства входят в компетенцию военных трибуналов даже в тех случаях, когда эти преступления и проступки совершены в мирное время гражданскими лицами. Единственная разница заключается в том, что в мирное время трибунал состоит из одного гражданского и нескольких военных судей, тогда как в военное время все судьи являются военными.

Сохраняя в составе суда большинство военных судей в полном соответствии с общим правом, Французский комитет национального освобождения, учитывая характер указанных судебных процессов, принял решение увеличить количество гражданских судей. При рассмотрении дел упомянутых высших должностных лиц в состав военного трибунала, заседающего под председательством первого председателя апелляционного суда, будут включены советник апелляционного суда и три генерала.

Таким образом, Французский комитет национального освобождения, полностью гарантируя право защиты, стремился обеспечить условия для строгого соблюдения норм беспристрастного правосудия на всех стадиях, начиная от предварительного следствия и кончая судебным разбирательством. Французский народ может не сомневаться в том, что будут вынесены приговоры, отличающиеся полной обоснованностью и объективностью.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛ- ЛЯ ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ

24 декабря 1943

Французы и француженки! В час, когда звезда победы уже сверкает на небосводе, я призываю вас к сплочению. Сплотимся же для последних испытаний!

Отступающий враг, от которого французская нация не отделяет и прислуживающую ему кучку предателей, — вот кого мы должны клеймить, преследовать, уничтожать всеми средствами!

Но сегодня, в этот торжественный вечер, пусть каждый из нас вспомнит о своих соотечественниках и соотечественницах, о тех, кто как и он, страдает во имя Франции, сражается за Францию, надеется на Францию. Пусть он вспомнит о них по-дружески! Пусть вспомнит о них по-братски!

Пусть каждый из нас обратит свои думы к нашим солдатам, нашим морякам и летчикам, которые уже ведут борьбу против Германии на итальянской земле, на всех морях земного шара, в небе Средиземноморья, России, Великобритании, и к тем, кто сейчас готовится вступить в бой. Пусть каждый из нас сердцем своим обратится к французским патриотам, героям и героиням, которые под игом врага и его пособников борются против них как

только могут, до тех пор пока позволяют силы. Пусть каждый из нас сердцем своим обратится к нашим юношам, попавшим в плен или насильно угнанным врагом: где бы они ни томились, ненависть к немцам зажигает их сердца! Пусть каждый из нас подумает сегодня о нашей униженной молодежи, о наших несчастных детях, о многострадальных французских матерях.

Ведь эти солдаты, эти патриоты, эта молодежь и эти старики — они-то и составляют наш народ, гордый, доблестный, великий французский народ, частицей которого каждый из нас является. Кому нужны в дни переживаемой нами трагедии все наши внутренние разногласия, наши партийные распри! Так будем же уважать друг друга! Помогать друг другу! Любить друг друга!

Прежде всего мы этого достойны. И к тому же, чтобы преобразить общими усилиями дорогую нашему сердцу, великую и свободную Францию, мы должны — да, мы должны! — идти рука об руку.

И, наконец, пусть каждый из нас мысленно обратится с горячими рождественскими пожеланиями к нашим доблестным союзникам, к миллионам мужчин и женщин во всем мире, которые сражаются с врагом, сопротивляются ему, трудятся, как мы и вместе с нами, во имя общей победы.

Сегодня, в этот рождественский вечер, одни и те же желания переполняют сердца всех французов. Ибо в этот вечер в общем для всех нас испытании, в наших совместных усилиях мы обнаруживаем, что у нас у всех одна гордость, одна надежда, потому что все мы братья и сестры, да, братья и сестры — сыны и дочери Франции!

ОРДОНАНС ОТ 10 ЯНВАРЯ 1944 О СОЗДАНИИ ИНСТИТУТА КОМИССАРОВ РЕСПУБЛИКИ

Раздел I

Разделение территории на региональные комиссариаты республики

Ст. 1. Территория метрополии временно делится на региональные комиссариаты республики, в принципе соответствующие фактически существующим органам, называемым региональными префектурами.

Ст. 2. <...>

Раздел II

Создание региональных комиссариатов республики

Ст. 3. Представителем центральной власти в каждом региональном комиссариате является региональный комиссар республики, назначаемый декретом, который издается по представлению комиссара по внутренним делам.

Региональные комиссары создают временный аппарат управления, члены которого могут быть отозваны со своих постов.

На региональных комиссаров возлагается принятие всех необходимых мер, за исключением функций, входящих в компетенцию военных властей, по обеспечению безопасности французских и союзных армий, по организации управления территорией, восстановлению республиканской законности, а также забота об удовлетворении нужд населения.

Ст. 4. В тех особых случаях, когда нет возможности установить связь с вышестоящими властями, на региональных комиссаров республики до установления этой связи, помимо функций, определяемых так называемыми законами и декретами Французского государства, изданными начиная с 22 июня 1940 г. в отношении чиновников, именуемых «региональные префекты», возлагаются следующие чрезвычайные функции:

1) временно приостанавливать применение действующих законов и инструкций, при первой же возможности ставя об этом в известность комиссара по внутренним делам;

2) отдавать распоряжения и принимать необходимые решения по обеспечению порядка, нормального функционирования административных органов и коммунальных служб, частных предприятий, а также по обеспечению безопасности французских и союзных армий;

3) временно отрешать от должности выборных, а также должностных лиц или представителей административных и выборных местных органов, управлений, коммунальных служб и учреждений общественного назначения, находящихся под контролем государства или субсидируемых им, и назначить на их место лиц для временного исполнения их обязанностей;

4) приостанавливать применение наказаний и судебное преследование;

5) осуществлять и следить за осуществлением мероприятий судебного характера в порядке, предусмотренном статьей 10 уголовно-процессуального кодекса;

б) блокировать любые частные счета;

7) использовать людские и материальные ресурсы и реквизи́ровать необходимые средства и службы в порядке, предусмотренном законом от 11 июля 1938 г. об организации нации в военное время. Ст. 5, 6, 7, 8. <...>

Ш. де Голль

СПИСОК ПЕРВЫХ КОМИССАРОВ РЕСПУБЛИКИ

Лион	Мишель Фарж
Лилль	Франсуа Клозон
Марсель	Раймон Обрак
Ренн	Виктор Ле Горже
Руан	Анри Бурдо де Фонтеней
Дижон	Жан Буэй, замещенный после ранения Жаном Мэрей
Анжер	Мишель Дебре
Тулуза	Вердые, погибший в бою замещенный Жаном Кас-су. Последний после ранения был в свою очередь замещен Пьером Берто
Монпелье	Жак Бунэн
Пуатье	Жан Шюлер
Лаон	Пьер Пен
Бордо	Гастон Кюзен
Лимож	Андре Фуркад, погибший в бою и замещенный Пьером Бурсико
Клермон-Ферран	Анри Ингран
Страсбург	Шарль Блондель
Нанси	Поль Шеллей-Бер
Орлеан	Андре Мар
Шалон-на-Марне	Грегуар

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПО СЛУЧАЮ ОТКРЫТИЯ КОНФЕРЕНЦИИ В БРАЗЗАВИЛЕ 30 ЯНВАРЯ 1944

Того, кто стал бы судить о нашей сегодняшней деятельности с точки зрения прошлых заблуждений, может удивить, что французское правительство решило создавать настоящую африканскую конференцию.

«Подождите! — несомненно, будет подсказывать нам ложное благоразумие былой поры. — Война еще не кончилась. Трудно еще сказать, каким окажется послевоенный мир. Да и разве у Франции нет более неотложных забот, чем забота о будущем ее заморских территорий?»

Однако правительству ничто не казалось более ошибочным, чем отнесение этого вопроса на второй план, ничто не казалось ему более неблагоразумным, чем подобное благоразумие. Ибо нынешняя обстановка, сколь бы сложной и тяжелой она ни была, не только не склоняет нас к пассивности, но, напротив, побуждает к самым решительным и энергичным действиям. Это относится к любой области и, в частности, к вопросам, которыми будет заниматься конференция в Браззавиле. Мы вовсе не собираемся преувеличивать неотложный характер мотивов, вынуждающих нас спешить с изучением комплекса проблем, связанных с французскими территориями в Африке, но мы полагаем, что грандиозные события, происходящие в мире, заставляют нас торопиться. Мы полагаем, что страшное испытание, каким является временная оккупация метрополии врагом, ни в коей мере не умаляет обязанностей и прав воюющей Франции. Мы полагаем, наконец, что теперь, когда все наши владения в Африке освобождены, нам предоставляется прекрасная возможность по инициативе и под руководством комиссара по делам колоний созвать широкое совещание для совместного обсуждения различных точек зрения и опыта, накопленного людьми, на которых возложена почетная задача осуществлять от имени Франции управление ее африканскими территориями. Где же, как не в Браззавиле, такое совещание должно было произойти, где, как не в этом городе, который в страшные годы был прибежищем нашей национальной чести и независимости и который останется символом самых доблестных усилий, на какие только способна Франция?

Полстолетия назад, послушные своему многовековому цивилизаторскому призванию, побуждаемые правительствами республики и руководимые такими людьми, как Галлиени, Бразза, Доддс, Жоффри, Бинже, Маршан, Жанти, Фуру, Лами, Борньи-Деборд, Аршинар, Лиотэ, Гуро, Манжен, Ларжо, французы заняли, умиротворили и открыли миру большую часть той самой Черной Африки, которая благодаря обширности своих территорий, тяжелому климату, обилию естественных препятствий, бедственному положению и пестроте населе-

ния испокон веков представляла собою недоступную и отстающую область мира.

Чтобы увидеть все, что нами сделано для разработки богатств этой страны и для блага ее жителей, достаточно побывать на африканских территориях. Чтобы по достоинству все это оценить, достаточно иметь сердце. Но, подобно тому как камень, брошенный по склону холма, катится вниз с возрастающей скоростью, так и дело, начатое нами в Африке, неизменно налагает на нас все большие обязанности. К началу нынешней мировой войны уже становилась очевидной необходимость изменить основы, на которых строилось использование природных богатств наших владений в Африке, улучшение жизненных условий ее населения и осуществление французского суверенитета.

Война сама по себе ускорила процесс развития. Произошло это, во-первых, потому, что до настоящего времени она в значительной степени была войной африканской и военные действия пролили яркий свет на абсолютную и относительную роль, принадлежащую материальным ресурсам Африки, ее коммуникациям и ее людским контингентам. Но вместе с тем и главным образом это произошло потому, что в нынешней войне на карту поставлено не более и не менее как само человеческое существование, и потому, что под влиянием психических факторов, повсеместно вызванных ею к жизни, каждый человек поднимает голову, пытается заглянуть в будущее и перед ним встает вопрос о его собственной судьбе.

Если есть в мире колониальная держава, которой следует извлечь уроки из происходящих событий и свободно избрать достойный путь, которым она намерена поведи за собою в грядущее 60 миллионов людей, связанных единой судьбой с 42 миллионами ее собственных детей, то такой державой является именно Франция.

Прежде всего потому, что она — Франция, то есть страна, чей бессмертный гений предназначен для начинаний, которые постепенно поднимают людей к тем самым вершинам достоинства и братства, где со временем объединятся все люди. Далее, потому, что в том отчаянном положении, в какое она была поставлена временным поражением, именно ее заморские территории, население которых во всех частях света ни на минуту не отказало ей в своей верности, явились для Франции прибежищем и базой для организации борьбы за свое освобождение,

и потому, что в результате этого между метрополией и империей отныне существуют нерасторжимые узы. И, наконец, потому, что, сумев сделать необходимые выводы из пережитой ею трагедии, Франция воодушевлена сегодня горячим стремлением на деле перестроить как свою собственную жизнь, так и жизнь зависящих от нее народов.

Должно ли все это означать, что, выполняя свою миссию в отношении заморских территорий, Франция стремится отгородить их барьером от остального мира и прежде всего от других территорий Африки? Конечно, нет! Чтобы доказать это, достаточно сослаться на самое тесное сотрудничество в этой войне Экваториальной Африки и Французского Камеруна с соседними территориями: Бельгийским Конго, Британской Нигерией, Англо-Египетским Суданом; достаточно сослаться на то, что вся Французская империя, исключая временно лишь Индокитай, предоставив свои стратегические позиции, свои коммуникации, свою промышленную продукцию, свои авиационные базы, не говоря уже об участии в войне ее войсковых частей, вносит сегодня значительный вклад в объединенные усилия союзников. Мы полагаем, что в жизни послевоенного мира автаркия ни для кого не будет ни желательной, ни возможной. В частности, мы полагаем, что с точки зрения развития ресурсов и важных коммуникаций африканский континент должен представлять собою нечто единое. Но во Французской Африке, так же как и на всех остальных территориях, где люди живут под нашим флагом, прогресс немислим, если он не приносит местному населению моральных и материальных выгод, если население не сможет постепенно подняться до такого уровня, при котором оно было бы в состоянии участвовать в руководстве своими собственными делами. И долг Франции состоит в том, чтобы сделать это возможным.

Такова цель, к которой мы должны стремиться. Мы сознаем, что нам предстоит долгий путь. Однако вы, господа генерал-губернаторы и губернаторы, достаточно искушены в африканских делах, чтобы не ошибиться в том, что действительно осуществимо, а следовательно, имеет практический смысл. К тому же именно французская нация, и только она, вправе принять суверенное решение о проведении реформ, которые она в нужный момент сочтет необходимым осуществить в структуре своей империи. Но в ожидании этого надо жить, а жить — это значит неустанно проникать в будущее.

Вам предстоит изучить и представить на рассмотрение правительства те моральные, социальные, политические и экономические условия, которые, по вашему мнению, могут быть постепенно созданы для каждой из наших территорий, с тем чтобы обеспечить их развитие и прогресс их населения и дать им возможность вступить во французское содружество в условиях сохранения их особенностей, соблюдения их интересов, уважения их стремлений.

Господа, африканскую конференцию в Браззавиле объявляю открытой.

ОРДОНАНС ОТ 7 МАРТА 1944 О СТАТУСЕ ДЛЯ ФРАНЦУЗОВ МУСУЛЬМАН В АЛЖИРЕ

Ст. 1. Французы мусульмане в Алжире пользуются теми же правами и имеют те же обязанности, что и французы немусульмане.

Они могут занимать любые гражданские и военные должности.

Ст. 2. Французы мусульмане и французы немусульмане равны перед законом. Все постановления, распоряжения, касающиеся исключительно французов мусульман, отменяются.

Однако французы мусульмане, специально не заявившие о своем желании полностью подчиниться французскому законодательству, в области личного статуса подчиняются нормам мусульманского права и берберским обычаям. Разрешение споров, возникающих в области личного статуса, подлежит ведению тех же инстанций, которые ведают этим в настоящее время.

Все вопросы, касающиеся недвижимого имущества, регулируются действующими законами.

Ст. 3. Персонально объявляются французскими гражданами, заносятся в избирательные списки и участвуют в выборах наряду с французами-немусульманами французы мусульмане мужского пола, достигшие 21 года и принадлежащие к следующим категориям:

Бывшие офицеры, лица, обладающие одним из перечисленных ниже дипломов...; находящиеся на службе или в отставке чиновники и служащие государственных учреждений, департаментов, коммун, коммунальных и иных учреждений общественного назначения; нынешние и бывшие члены торговой и сельскохо-

зайственной палаты; башага, ага и каиды*, нынешние и бывшие финансовые делегаты, генеральные советники, муниципальные советники или председатели джемаа**; кавалеры ордена Почетного легиона; награжденные орденом Освобождения, медалью Сопrotивления, военной медалью, медалью труда; нынешние и бывшие члены советов рабочих профсоюзов...; нынешние и бывшие члены примирительных комиссий; судебные укилы***, нынешние и бывшие члены административных советов ремесленных и сельскохозяйственных палат, нынешние и бывшие члены секционных советов ремесленных и сельскохозяйственных палат.

Ст. 4. Остальные французы мусульмане призваны получить французское гражданство в условиях и формах, которые будут установлены национальным Учредительным собранием.

С настоящего момента на французов мусульман мужского пола, достигших 21 года, распространяются преимущества, определяемые декретом от 9 февраля 1919, и они зачисляются в избирательные курии, имеющие специальное представительство в муниципальных и генеральных советах и финансовых делегациях, предусмотренных указанным декретом.

Их представительство в генеральных советах и финансовых делегациях составляет две пятых общей численности этих ассамблей. В муниципальных советах оно также составляет две пятых их общей численности, за исключением тех случаев, когда количество французов мусульман, проживающих в коммуне, составляет менее двух пятых общей численности населения коммуны. В этих случаях их представительство будет соответствовать численности мусульманского населения.

Ст. 5. Все без исключения французы пользуются правом быть избранными в алжирские ассамблеи независимо от того, к какой избирательной курии они принадлежат.

Ст. 6. Население области Мзаб, а также население собственно Сахары получает особый статут.

Ст. 7, 8. <...>

Ш. де Голль

---

*Ага, башага, каид — местные «нотабли», представители от населения в совещательных собраниях при колониальных властях. Каинд — судья, одновременно сборщик налогов, вождь племени или рода. — *Прим. ред.*

**Джемаа — в Кабилии совещательное собрание при властях в составе представителей от местного населения под представительством каида. — *Прим. ред.*

*Укил — защитник в суде. — *Прим. ред.*

ОРДОНАНС ОТ 14 МАРТА 1944 ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ И ВОЕННОЙ ВЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Ст. 1. Для каждого театра военных действий, открытие которого может повлечь за собой хотя бы частичное освобождение территории метрополии, назначается делегат Комитета национального освобождения, уполномоченный осуществлять на освобожденной территории всю совокупность распорядительной и административной власти, которой обладают Комитет национального освобождения и комиссары, до тех пор, пока вышеназванный Комитет национального освобождения не будет в состоянии осуществлять эту власть непосредственно.

Ст. 2. На театре военных действий, куда назначен делегат, он полностью представляет Комитет национального освобождения.

Ст. 3. Назначенный таким образом делегат имеет в своем распоряжении:

а) с одной стороны, административную делегацию, состоящую из представителей гражданских комиссариатов, деятельность которых должна осуществляться на территории метрополии...;

б) с другой стороны, высшего офицера — военного делегата, назначаемого по декрету. Военный делегат представляет военные учреждения и командование. Кроме того, он уполномочен обеспечивать связи с верховным союзным командованием, необходимые для подготовки и выполнения данных ему поручений.

Ст. 4. Освобожденные территории делятся на две основные зоны: переднюю и внутреннюю.

В известных случаях, в зависимости от нужд военных операций, во внутренних зонах могут быть созданы милитаризованные зоны.

Границы этих зон устанавливаются и могут изменяться Комитетом национального освобождения.

Ст. 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11. <...>

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ В КОНСУЛЬТАТИВНОЙ АССАМБЛЕЕ В АЛЖИРЕ 18 МАРТА 1944

Положение Франции в нынешней войне, причины, определившие ее положение, перспективы, этим положением обусловленные, — вот те конкретные данные, на которых правительство

основывает свою политику, направленную к тому, чтобы привести страну к спасению, свободе и обновлению.

Сегодня мне хотелось бы изложить вам мотивы и цели этой политики в том виде, в каком они предстают, учитывая интересы ведения войны, борьбы за освобождение страны, наших международных отношений и, наконец, с точки зрения будущего Франции.

Когда в буре военных событий приходится принимать решение о том, что необходимо сделать для обеспечения победы, люди, призванные направлять усилия нации, должны, невзирая на свои горести и свое горение, трезво и объективно подходить к оценке фактов и на основе этого определять свои действия. Нация, жизнь которой поставлена на карту, не может допустить, чтобы ее руководители проявляли слабость или заблуждались. Каковы наши реальные и потенциальные силы? Что мы намерены предпринять, чтобы в составе коалиции, членами которой мы являемся, использовать эти силы наилучшим образом? Вот к чему сводятся вопросы, поставленные этой страшной войной.

Несмотря на тяжелое положение, в котором оказалась Франция в результате вторжения и предательства, она вновь располагает значительными по количеству и по качеству военными средствами. Конечно, на нынешнем этапе войны, когда исход наземных, воздушных и морских сражений могут решать только войска, оснащенные современной техникой, а следовательно, и укомплектованные хорошо обученным командным составом и различными специалистами, правительство не может мечтать о том, чтобы ввести в бой силы, подобные тем, какими Франция располагала раньше и какие она намерена иметь в будущем, в том случае, если демократическим державам, к несчастью, и на этот раз не суждено будет сохранить между собою согласие в условиях мира.

Однако уже сейчас наши мобилизованные усилия, выразившиеся в том, что мы сумели поставить под ружье 14 процентов европейского населения империи, отвага и преданность наших североафриканских и колониальных солдат, вооружение, предоставленное нашей армии, корабли, выделенные для нашего флота правительствами Америки и Англии, самолеты, полученные нашей авиацией от правительств этих держав, а также от правительства Советской России, наконец, воинская способность нашего народа, способность, которая в полной мере проявляется повсюду, где бы ни действовали наши войска, — все это приводит к тому, что в боях на Западе французским вооруженным силам

уже в настоящий момент принадлежит заметная роль, а в решающей битве за Францию роль их может быть значительной.

Я говорю значительной в тем большей степени, что многочисленные боевые подразделения внутри страны, многие из которых уже сейчас проводят местные операции, не преминут — мы в этом убеждены — принять участие в военных действиях крупного масштаба, проводимых французскими армиями и армиями союзников. Они будут также наносить удары по тылам противника, подчиняясь приказам, которые даст им французское командование в соответствии с оперативным планом союзного командования. Невозможно, конечно, сказать заранее, насколько эффективными в военном отношении окажутся действия Французских внутренних сил. Это будет зависеть от их оснащенности, от темпов продвижения союзных армий и от того, как скоро начнется генеральное наступление. Но вместе с тем невозможно оспаривать и тот факт, что их действия, которые в нужный момент будут поддержаны национальным восстанием против захватчиков, во многом определяют стратегическое решение. Если среди Объединенных Наций кое-кто еще выражал неуверенность в том, что Франция сможет внести свой вклад в совместные военные усилия, то у врага на этот счет нет ни малейших сомнений. Именно поэтому немецкое гестапо и пособники врага принимали и до последнего дня будут принимать самые жестокие карательные меры. На самом деле, невзирая на постигшие ее бедствия, боеспособная Франция остается в строю, используя все, что можно ввести в дело. Я уверен, что в подобном положении другие страны поступили бы точно так же. Тем не менее я утверждаю, что все, что сумела сделать Франция, несмотря на ее поражение, и все, что она способна сделать в будущем для достижения общей победы, дает ей право во имя общего блага сказать свое слово при обсуждении политики и стратегии лагеря свободы.

Правительство, безусловно, стремится к тому, чтобы французские вооруженные силы как можно скорее были введены в бой, которого жаждет вся нация: я имею в виду битву за освобождение Франции. Французский народ сознает, какие новые страдания это великое потрясение обрушит на его землю и на него самого. Но он, как и в прошлом, готов перенести все страдания, когда начнется согласованное и решительное наступление коалиции с целью достижения быстрой и полной победы. Я не могу разглашать наших планов, однако должен сообщить Ассамблее — и я хочу, чтобы за пределами этих стен меня слышали все наши солдаты, наши мо-

ряки и летчики, все те, кто сражается против врага в маки, в городах и на заводах, — что в полном соответствии с их желанием и надеждой правительство добивается в союзной коалиции, чтобы все наши силы вступили в борьбу за изгнание ненавистных захватчиков с французской земли при первой же возможности и совместно.

Я сказал совместно. Вы понимаете, конечно, что под этим я подразумеваю не только одновременное введение в дело наших сил, но также единства чувств и помыслов всех наших бойцов. Этот трудный в прошлом вопрос хотя и заслуживает еще внимания, но уже не внушает какой-либо тревоги. Он является предметом неустанной заботы правительства. В результате невероятных моральных испытаний, выпавших на долю наших армий, кое-где неизбежно должны были проявиться некоторые центробежные тенденции. Но после того, как наши войска блестяще проявили себя в итальянской битве; после того, как стало очевидным безграничное воодушевление наших частей, которые готовятся сейчас к решающим сражениям; после того, как мир посмотрел в лицо нашим морякам, после того, как он смог оценить не только благородство, но и отважные подвиги доблестных французских эскадрилий, когда перед ним предстали во всем своем величии наши герои — партизаны, эти почти безоружные люди, которые в священном боевом порыве кусок за куском вырывают из рук врага истерзанную землю своей родины, — после всего этого уже нельзя не признать во всеуслышанье, что у французских армий одна душа, точно так же как у них одно знамя, что и сегодня, как и в любой решающий час нашей истории, бойцы, сражающиеся под этим знаменем, благородно выполняют волю нации и беззаветно отдают себя служению родине.

Независимо от того, когда начнется и каким темпом пойдет освобождение французской территории, правительство сразу же встанет перед необходимостью решить ряд неотложных задач, в сложности и многообразии которых Ассамблея полностью отдает себе отчет.

Если ограничиться главнейшими из них, то задачи эти таковы: продолжение войны на стороне союзников, неперемное участие Франции в выработке и осуществлении соглашений о перемирии в Европе, поддержание общественного порядка, чистка административного аппарата и налаживание его работы, организация судопроизводства, снабжения, денежного обращения, режима труда и заработной платы, налаживание производства, внешней торговли и связи, организация здравоохранения, восстановление основных свобод: свободы личности, свободы профсоюзных объ-

единений, свободы печати; организация системы информации, возвращение на родину пленных и насильно угнанных французских граждан, переселение беженцев и, наконец, подготовка все-народного референдума для созыва национального учредительного собрания, которое определит режим Четвертой республики.

Достаточно иметь в виду эти задачи — а мы знаем, что французская нация не забывает о них и в мрачную годину порабощения, — чтобы уяснить себе их жизненную важность для нашей страны и вместе с тем всю меру ответственности, лежащей на правительстве, которому предстоит эти задачи решать при содействии вашей Ассамблеи и той, что придет ей на смену.

И хотя сейчас невозможно точно предусмотреть материальные и моральные условия, в которых окажется тогда французский народ, потому что они будут зависеть от многочисленных испытаний, через которые ему еще предстоит пройти, прежде чем над ним ярко засияет солнце свободы, мы все-таки считаем, что принципиальное решение подобных вопросов следует тщательно готовить уже теперь, пусть даже и не располагая полностью всеми необходимыми для этого данными.

На рассмотрение Ассамблеи уже предоставлено несколько проектов, разработанных правительством. Ей будут представлены также и другие проекты. Речь идет о разработке очень важных и срочных законодательных актов, а рекомендации и выводы Ассамблеи будут играть здесь существенную роль.

Я не хотел бы предрешать, какие именно мероприятия окажутся необходимым провести в первую очередь, однако должен сообщить условия, которым, по мнению правительства, мероприятия эти должны отвечать сегодня — на стадии их разработки, и завтра — на стадии их осуществления.

Прежде всего необходим общественный порядок. Это непреходящий фактор, без которого вообще немислимо ни одно начинание. Однако до какой степени возрастет его роль для нашей страны в том положении, в каком она окажется в результате сражения на ее территории, отступления врага, в условиях разрухи и искушения ныне существующего режима порабощения! И тут я должен подчеркнуть, что приемлемыми для нас могут быть только те органы общественного порядка, которые подчиняются центральной власти. Любая попытка сохранить вишистскую систему, пусть даже в замаскированном или урезанном виде, любая попытка искусственно создать органы власти помимо правительства не может быть терпима и должна быть заранее осуждена. Сразу же после того, как в тех

или иных районах начнут функционировать органы власти, назначенные Французским комитетом национального освобождения, граждане обязаны будут неукоснительно выполнять их указания; при этом, разумеется, ни в какой мере не должна умаляться роль консультативных органов, которые, несомненно, будут существовать при местных органах власти в лице наших комитетов освобождения до тех пор, пока на местах не будут созданы соответствующие ассамблеи. Горе тому, кто осмелился посягнуть на единство нации!

Далее. Крайне тяжелые экономические условия, в которых неизбежно окажется наша страна на начальном этапе своего восстановления — и из этого не следует делать секрета, — исключают возможность легко и быстро наладить заготовку продовольствия, а следовательно, и его распределение. Тяжко, конечно, перед лицом так много пострадавшей нации признать, что приход французских и союзных армий отнюдь не будет ознаменован наступлением эры полного благоденствия. Однако правительство обязано заявить об этом уже сегодня, точно так же как оно обязано будет принять строгие меры для организации нормированного снабжения, наведения порядка в области цен, денежного обращения и кредита с тем, чтобы каждый, именно каждый, мог получить свою долю необходимых продуктов питания. По мере того, как будет налаживаться производство, по мере того, как во Францию будет поступать продовольствие и сырье из-за границы или из империи согласно планам, которые правительство уже теперь разрабатывает с компетентными международными организациями, а также по мере восстановления коммуникаций внутри страны и за ее пределами продовольственное положение метрополии будет улучшаться. Но надо иметь в виду, что процесс этот будет длительным и постепенным. Я уверен в том, что здравый смысл французского народа, его великодушное доверие к людям, принявшим на себя ответственную задачу вывести его из тупика, справедливые принципы, положенные в основу распределения продовольствия, в которых он сам сможет убедиться, его собственная готовность еще раз засвидетельствовать, что он является поистине великим народом, — все это служит залогом того, что за нынешние лишения наш народ сторицей будет вознагражден в будущем.

Но если, опираясь на эту временную систему распределения, правительство намерено всеми возможными средствами стимулировать развитие сельскохозяйственного производства и восстановление промышленности, то само собою разумеется, что оно не потерпит коалиций частных интересов, монополистических

объединений и трестов, чья активность в начальный период перестройки заведомо нанесла бы вред делу социально-экономических реформ, к которым стремится сегодня подавляющее большинство французов и которые будут осуществляться по решению представительного органа нации. В этой же связи чрезмерные богатства, скопившиеся в одних руках в условиях национального бедствия, а иногда и благодаря этому бедствию, в особенности те из них, которые были накоплены в результате прямого пособничества врагу, безусловно, должны быть ликвидированы. Новая Франция признает пользу справедливой прибыли. Однако страна будет считать недопустимой какую бы то ни было концентрацию производства, если она способна подчинить себе экономическую и социальную политику государства произвольно распоряжаться судьбами людей.

В своей деятельности, направленной на обеспечение жизни страны и на восстановление республиканской законности, правительство не станет, конечно, дожидаться того дня, когда от врага будет освобождена вся территория Франции. Свою деятельность оно будет осуществлять по мере продвижения армий-освободительниц. Отсюда ясно, что в освобожденных районах местные органы власти, учрежденные правительством, при выполнении своих функций должны будут сотрудничать с представителями союзного военного командования. Чтобы сотрудничество это осуществлялось успешно и без затруднений, необходимо наличие предварительной договоренности между Французским комитетом национального освобождения и нашими американскими и английскими союзниками. Французское правительство уже информировало Вашингтон и Лондон о разработанных им проектах соглашений по этим вопросам, со своей стороны оно приняло также решения о том, каким образом оно будет осуществлять свою власть на освобождаемых территориях.

Эти решения, равно как и проекты соглашений, отражают нашу готовность обеспечить сражающимся на нашей территории войскам необходимое содействие и облегчить им ведение операций, от которых зависит судьба мира и в которых французские силы в самой Франции и за ее пределами примут участие всеми своими средствами. Надо ли говорить о том, что они в то же время соответствуют условиям французского суверенитета, который возлагает на нас обязанность обеспечить общественный порядок и жизнь населения.

В связи с этим частным вопросом мы касаемся того, что в нынешних условиях вообще осложняет отношения Франции с внеш-

ним миром. Если, с одной стороны, правительство должно отстаивать на международной арене права и интересы нашей страны, права и интересы, которые простираются на все континенты земного шара и затрагивают далекое будущее, то, с другой стороны, условия, в которые оно поставлено среди других великих держав, не обеспечивают ему того авторитета, который соответствовал бы его священной миссии. В результате Франция как бы отстраняется от участия в решении целого ряда политических и военных проблем, связанных с войной и ее последствиями, о чем глубоко сожалеет сама французская нация и ее многочисленные друзья. Вы прекрасно понимаете, что, по существу, это не столько формальный вопрос, ибо с формальностями можно было и обождать, сколько вопрос чисто практический, а практика ждать не может.

В этом сложном положении политика правительства направлена к тому, чтобы, невзирая на все препятствия, заставить услышать свой голос и прислушаться к нему. Для этого оно стремится внести максимальный вклад в совместные усилия и полностью зарегистрировать позицию Франции по всем вопросам, в которых она заинтересована и от решения которых ее пытались бы отстранить. Вместе с тем, проводя политику бдительного и терпеливого выжидания, правительство хочет добиться того, чтобы эти временные обстоятельства не нарушили глубокого в своей основе и естественного чувства дружбы, которое французский народ питает к своим великим союзникам.

В тридцатилетней войне, которую тирания с 1914 ведет против свободы, Франция уже не однажды спасала мир — и на Марне, и под Верденом, и, наконец, в 1918 благодаря неукротимой энергии людей, как Пуанкаре, Клемансо и Фош. Англия в свою очередь спасала его, когда по призыву премьер-министра Черчилля она приняла героическое решение вступить в единоборство с силами тьмы. Сейчас его спасает Советская Россия благодаря титаническим усилиям ее великолепных армий и ее народа под руководством маршала Сталина. Соединенные Штаты спасут его благодаря тому решающему вкладу, какой они вносят в общее дело, следуя энергичной и реалистической политике президента Рузвельта. Словом, спасение человечества мыслимо лишь в результате объединенных усилий этих четырех держав. Весь мир заинтересован в том, чтобы они были и оставались друзьями. Таковыми они являются сейчас, таковыми они останутся в будущем.

Совершенно очевидно, что отсутствие в лагере свободы большей части европейских государств не дает возможности добиться желаемого равновесия в его нынешней политике. Грубая сила, ко-

торую благодаря слабости и разобщенности демократических государств сумела создать извечная Германия, ради достижения своих целей ставшая в наше время Германией Гитлера, — эта сила сумела задавить своей массой Польшу, Чехословакию, Австрию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Данию, Люксембург, Югославию, Грецию и оттеснить в наши владения то, что осталось от военной мощи Франции. Сочетая угрозу со зловещей привлекательностью своей доктрины, ей удалось дезориентировать руководителей Венгрии, Финляндии, Румынии и Болгарии. Она сумела объединиться с честолюбивыми устремлениями итальянского фашизма. В результате получилось так, что, хотя многие из европейских стран и являются воюющими, а многие другие в условиях оккупации и порабощения остаются сторонниками нашего идеала, страны эти все-таки лишены возможности подкрепить свой голос силой своего влияния, тогда как на войне в расчет принимается только вооруженная и промышленная мощь, которую можно пустить в ход немедленно.

А между тем Европа продолжает существовать. Она существует, сознавая свое значение для всего человечества, уверенная в том, что сумеет устоять в океане выпавших на ее долю бедствий и воспрянуть вновь еще более умудренной опытом тяжких испытаний, способной предпринять для организации мира ту созидательную работу материального, духовного и морального характера, которую никто лучше ее не в состоянии будет проделать после того, как человечество покончит с главной причиной ее несчастий и раздоров — с неистовой мощью прусского героизма. Вот тогда-то по велению исторических и географических факторов, по велению здравого смысла действия Франции, ее влияние, все ее величие приобретут неоценимое значение для Европы, которая будет искать для себя путей стремиться к восстановлению своих связей с миром. Продолжая вести вооруженную борьбу, правительство намерено в результате проводимой им политики обеспечить Франции эту общеевропейскую роль, которую она во имя общего блага призвана играть завтра.

Однако для того, чтобы старый, но обновленный европейский континент мог обрести равновесие, которое отвечало бы реальным условиям нашей эпохи, нам представляется необходимым создание определенных группировок, разумеется, без какого бы то ни было ущемления суверенитета их участников. Что касается Франции, то мы полагаем, что создание преимущественно на экономической основе широкой западной группировки, включая и нашу страну, могло бы дать большие преимущества. Будучи дополнена Африкой, установив тесный контакт с Востоком и, в ча-

тности, с арабскими странами Ближнего Востока, которые законно стремятся к объединению своих интересов, подобная группировка, обладая в качестве основных артерий Ла-Маншем, Рейном и Средиземным морем, могла бы, по-видимому, составить важное ядро в мировой системе производства, обмена и безопасности. Как и все начинания ближайшего будущего, такая система должна быть подготовлена заранее. Французское правительство уже сейчас готово к тому, чтобы совместно с другими заинтересованными государствами начать необходимую подготовительную работу и приступить к переговорам.

Когда национальный суверенитет Франции сможет заявить о себе в полный голос, миссия Временного правительства республики будет исчерпана. С этого момента деятельность республиканских учреждений, прерванная силой вторжения и узурпации, вновь пойдет своим законным порядком и функции фактической власти, которые мы на себя взяли для того, чтобы направить военные усилия нации и обеспечить свободу плененному суверену — я говорю о французском народе, — эти функции потеряют свой смысл.

Сущность и форма французского общества завтрашнего дня уже не подлежат компетенции Временного правительства. Они могут быть определены лишь представительным органом нации, избранным на основе всеобщих, прямых и свободных выборов, проведенных в условиях, обеспечивающих необходимый порядок и национальную безопасность. Но если события вынуждают Францию повременить, чтобы потом иметь возможность свободно решить вопрос о своем устройстве, то мысль ее сынов не прекращает напряженно работать. По ту сторону страданий и горя, по ту сторону сражения, которое они ведут, французы видят свой завтрашний день. Из того, о чем они сегодня заявляют во всеулышание, из того, о чем говорят шепотом, уже возникают вполне различимые контуры нашего грядущего обновления.

Демократия, обновленная в своей структуре и главным образом в своем практическом осуществлении, — вот к чему всей душой стремится наш народ. Чтобы чаяния его оправдались, новый режим должен создать орган национального представительства, избираемый всеми французами и всеми француженками. В своей политической и законодательной деятельности он должен отказаться от той практики, которая парализовала парламент Третьей республики. Что касается правительства, которому национальное представительство доверит функции исполнительной власти, то для их осуществления оно должно обладать силой и устойчивос-

тью, как этого требует авторитет государства и роль Франции в международных делах. Но французская демократия должна быть демократией социальной. Это значит, что она должна органически обеспечить каждому право на свободный труд, а всем гражданам — достоинство и безопасность в условиях экономической системы, осуществляемой с целью использования национальных ресурсов в интересах всей нации, а не в интересах отдельных групп. При такой экономической системе основные источники общественного богатства будут принадлежать нации, а государственное руководство и контроль будут осуществляться при обязательном содействии со стороны рабочих и предпринимателей. И, наконец, те, в чьем лице представлены высшие интеллектуальные и моральные ценности нации, те, от кого зависят энергия страны и ее престиж, должны получить возможность непосредственно сотрудничать с общественными властями.

Такой политический, социальный и экономический строй следует, разумеется, довершить, позаботившись о том, чтобы в рамках французского сообщества устроить жизнь тех народов, чьи судьбы связаны с нашими судьбами. И, наконец, его необходимо сочетать с системой самых различных связей между всеми странами, так чтобы в мире, где взаимозависимость между народами отныне стала законом, каждый из них мог развиваться своим собственным путем, не подвергаясь какому бы то ни было политическому или экономическому давлению.

Я думаю, что словами не выразить тот поистине гигантский труд, который предстоит осуществить Франции, чтобы из бездн подняться к высотам. Если французский народ оказался в трагическом положении, то это случилось потому, что врагу, который был лучше его подготовлен и устремил против нас свои механизированные силы, удалось добиться успеха на первом же этапе борьбы. Однако трагедия французского народа объясняется еще и тем, что люди, слишком уверенные в своих былых заслугах и опьяненные честолюбивыми претензиями, воспользовались всеобщим оцепенением. Захватили в свои руки власть и привели страну к капитуляции, порабощению и сотрудничеству с захватчиком. Все это Франция осуждает! Если бы она смирилась и стала соучастницей того, что заведомо умаляет ее национальное достоинство, ее величие, ее независимость, она бы перестала быть Францией. Но она останется ею! И мы, ни на минуту не переставшие верить в нее, и мы, на чьи плечи доверием нации возложена величайшая ответственность, мы должны повторить сегодня слова,

некогда сказанные Клемансо: «Война! Только война! Правосудие свершится. Страна убедится в том, что у нее есть защита».

Под защитой правосудия, которое вынесет свой приговор горстке тех, кто посмел посягнуть на интересы государства, весь французский народ, спаянный единой волей, единым стремлением, единой дисциплиной, пойдет навстречу своему спасению, навстречу будущему. Заблуждения и иллюзии, жертвой которых оказались очень многие, увы, слишком легко объяснимы, поскольку в большинстве случаев они были порождены тайной надеждой на то, что таким образом якобы можно обеспечить возрождение страны. Но теперь все доказательства получены, ставка ясна, задача очевидна.

Надо ли говорить о том, что для выполнения своего священного долга правительство нуждается в тесном сотрудничестве Ассамблеи и обращается к ней за поддержкой? Оно обращается ко всем, кто хочет сражаться и работать на благо родины. Оно призывает их забыть распри между отдельными группами, партиями, классами, ибо распри эти — ничто в сравнении с угрозой, нависшей над Францией, и тяжкими испытаниями, выпавшими на ее долю. Оно хочет сотрудничать и даже готово включить свой состав представителей всех — я подчеркиваю, всех — социальных слоев и политических направлений, и особенно тех, кто принял на себя значительную долю боевых усилий и жертв, если только они готовы совместно с ним безоговорочно и на равных правах отстаивать общие интересы нации, ибо каждый из нас всего лишь скромный ее слуга. Правительство, которое я имею честь возглавлять, призывает всех французов к сплочению национальных сил.

ПИСЬМО ДЕЛЕГАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ

Алжир, 24 марта 1944

Господин председатель!

В связи с вашей речью от 18 марта, в которой вы выразили желание включить в состав возглавляемого вами правительства представителей всех сил, борющихся за освобождение Франции, мы имеем честь подтвердить вам наше заявление, оглашенное в тот же день в Ассамблее, о том, что наша партия готова участвовать во Французском комитете национального освобождения.

Учитывая эти обстоятельства, нам представляется необходимым, что бы между вами лично и нашей делегацией состоялся обмен мнениями. Поэтому мы просим вас принять наших представителей, поименованных ниже:

Бийу — депутат от Марселя,
Бонт — депутат от Парижа,
Фажон — депутат от департамента Сена,
Гренье — депутат от департамента Сена,
Лозерэ — депутат от Парижа,
Марти — депутат от Парижа.

Примите, господин председатель, выражение нашего глубокого уважения.

По поручению делегации Центрального комитета Французской коммунистической партии в Северной Африке

Франсуа Бийу,
Флоримон Бонт,
Андре Марти.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ФРАНСУА БИЙУ, ФЛОРИМОНУ БОНТУ, АНДРЕ МАРТИ

Алжир, 24 марта 1944

Господа!

Я получил ваше письмо от 24 марта, в котором вы предлагаете провести обмен мнений в связи с состоявшимся 18 марта заседанием Консультативной ассамблеи.

Резервируя за собой оценку некоторых соображений, содержащихся в заявлении, сделанном в тот же день Бийу, я был бы рад встретиться с вами на вилле «Глицини» 28 марта в 10 час. 30 мин. ...

Примите и пр.

ДЕКРЕТ ОТ 4 АПРЕЛЯ 1944 О НАЗНАЧЕНИИ КОМИССАРОВ ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Ст. 1. Франсуа Бийу, депутат, назначается государственным комиссаром.

Ст. 2. Андре Дьетельм, занимавший пост комиссара снабжения и производства, назначается комиссаром по военным делам.

Ст. 3. Фернан Гренье, депутат, назначается комиссаром по делам авиации.

Ст. 4. Поль Жакоби, сенатор, назначается комиссаром снабжения и производства вместо Андре Дьетельма.

Ст. 5. Андре Ле Трокер, депутат, занимавший пост комиссара по военным делам и по делам авиации, назначается комиссаром по делам управления освобожденными территориями метрополии.

Ст. 6. Настоящий декрет подлежит опубликованию в «Журналь оффисьель» Французской республики.

Ш. де Голль

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО

Алжир, 8 апреля 1944

Дорогой генерал!

Я имел честь вручить вам сегодня утром текст декрета, в соответствии с которым вы назначаетесь на высокий пост генерального инспектора вооруженных сил вместо занимаемого вами ранее поста главнокомандующего. Одновременно я изложил вам соображения, которые побудили Комитет национального освобождения, учитывая, с одной стороны, нынешнюю организацию межсоюзного военного командования, а с другой — необходимость в предстоящий период возложить на правительство принятие важнейших решений, касающихся организации и использования наших сил, соответствующим образом видоизменить и уточнить ваши функции.

Делая вас своим главным военным советником, привлекая к разработке всех своих решений, касающихся наших сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, их переброски, комплектования, боевого использования и командования ими, предоставляя вам возможность в качестве генерального инспектора находиться в тесном контакте с войсками как в боевых условиях, так и в тылу, а также поддерживать связь с союзным командованием, правительство тем самым выражает вам свое доверие, свое намерение и в дальнейшем использовать ваши выдающиеся военные достоинства на решающем этапе операций, которые приведут к освобождению французской территории, а вместе с тем и свою признательность за исключительные услуги, оказанные ва-

ми на посту главнокомандующего, особенно во время сражения в Тунисе и при освобождении Корсики.

Прошу вас, дорогой генерал, принять уверения в моей самой сердечной преданности.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛ- ЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖИРО

Алжир, 8 апреля 1944

Генерал!

К письму, которое я направляю вам в официальном порядке, я присоединяю и это письмо совершенно личного характера и прошу отнестись к нему как к посланию одного из ваших бывших подчиненных, который сохранил по отношению к вам чувства глубокого уважения и преданности.

Генерал! В том положении, в каком находится дорогая нашему сердцу многострадальная родина, вы не можете, руководствуясь личными побуждениями, занять отрицательную позицию по отношению к тем, на ком лежит тяжелая задача управления перед лицом врага и в окружении иностранцев. Каковы бы ни были ваши претензии, будучи генералом Жиро, вы должны до конца являть собою пример самоотверженности и — я должен прибавить — дисциплины (в самом высоком смысле этого слова).

С доверием жду вашего ответа и прошу, генерал, принять уверения в моей глубокой и искренней преданности.

ОРДОНАНС ОТ 21 АПРЕЛЯ 1944 ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Ст. 1. Французскому народу принадлежит суверенное право решить вопрос о своих будущих институтах. Поэтому, как только станет возможным проведение нормальных выборов, не позже чем год после полного освобождения территории, будет создано национальное Учредительное собрание. Оно будет избрано путем прямых выборов при тайном голосовании всеми совершеннолетними французами и француженками, исключая тех, которые на основании действующего законодательства признаны неспособными.

Ст.2. В течение переходного периода, предшествующего созыву национального Учредительного собрания, последовательное восстановление республиканских институтов будет осуществляться в порядке, предусмотренном нижеследующими статьями.

Раздел I

Муниципальные советы

Ст. 3. До момента, когда станет возможным проведение в коммунах нормальных выборов, сохраняются и восстанавливаются муниципальные советы, избранные до 1 сентября 1939.

В связи с этим немедленно восстанавливаются в своих правах ранее распущенные муниципальные советы, а также мэры, их заместители и муниципальные советники, смещенные со своих постов или прекратившие исполнение своих обязанностей, за исключением лиц, пораженных в правах за совершение уголовных преступлений, и в случаях, предусмотренных ниже.

Ст. 4. Соответственно на основании закона от 5 апреля 1884 и декрета от 26 сентября 1939 подлежат роспуску коммунальные ассамблеи, назначенные узурпатором, а также муниципальные делегации, созданные после 1 сентября 1939. Мэры, их заместители и муниципальные советники, непосредственно содействовавшие врагу или узурпатору, смещаются со своих постов.

Ст. 5, 6, 7, 8. <...>

Ст. 9. С началом функционирования муниципалитета или специальной делегации администрация коммуны пересматривает или вновь составляет избирательные списки и заносит в них женщин, получающих избирательные права.

Сроки пересмотра избирательных списков будут установлены декретом.

Раздел II

Генеральные советы

Ст. 10. Генеральные советы подлежат восстановлению.

Ст. 11. Действие мандата для лиц, которые являлись генеральными советниками на 1 сентября 1939, продлевается до момента выборов, предусмотренных в статье 16 настоящего постановления.

Ст. 12. Генеральные советники, непосредственно сотрудничавшие с врагом или узурпатором или содействовавшие осуществлению их замыслов, подлежат смещению с занимаемых ими постов и с одобрения департаментского комитета освобождения.

Ст. 13, 14. <...>

Раздел III

Муниципальный совет Парижа и Генеральный совет департамента Сена

Ст. 15. Особым ордонансом, принятым по представлению временной Консультативной ассамблеи, будет урегулирован порядок функционирования муниципальной администрации Парижа и администрации департамента Сена на переходный период, а также определен временный порядок выборов в муниципальный совет Парижа и генеральный совет департамента Сена.

Раздел IV

Выборы

Ст. 16. По окончании составления избирательных списков в департаменте префект приглашает избирателей для выборов муниципалитетов и временного генерального совета.

Ст. 17. Женщины наравне с мужчинами пользуются правом выбирать и быть избранными.

Ст. 18. Не могут быть избраны в состав муниципальных и генеральных советов, а также в состав специальных или департаментских делегаций:

а) члены и бывшие члены так называемых правительств, имевших своей резиденцией территорию метрополии начиная с 17 июня 1940;

б) граждане, которые начиная с 16 июня 1940 непосредственно своими действиями, выступлениями в печати и своим личным поведением либо содействовали намерениям врага, либо причиняли вред делу союзников и французов — участников Сопrotивления, либо нарушали конституционные установления и основные общественные свободы, либо сознательно извлекали или пытались извлечь для себя прямую материальную выгоду, используя административные мероприятия фактической власти, идущие в разрез с законами, действовавшими на 16 июня 1940;

в) члены парламента, которые отреклись от своего мандата и голосовали 10 июля 1940 за передачу учредительной власти Филиппу Петену;

г) лица, согласившиеся исполнять по назначению так называемого правительства Французского государства какую-либо административную должность или принять от него пост национального советника, департаментского советника или муниципального советника Парижа.

Префектам, однако, разрешается после необходимого расследования отменять правовые ограничения в отношении лиц, пере-

численных в пунктах «в» и «г» настоящей статьи, если это их участие удостоверено решением департаментского комитета освобождения.

Раздел V

Департаментские комитеты освобождения

Ст. 19. В каждом департаменте сразу же после его освобождения в помощь префекту учреждается департаментский комитет освобождения. В его состав включаются представители от всех организаций Сопротивления, профсоюзных организаций и политических партий, представленных в Национальном совете Сопротивления и существующих в данном департаменте.

Департаментский комитет освобождения оказывает содействие префекту, являясь выразителем мнения всех слоев движения Сопротивления.

Замена членов муниципальных советов и генерального совета может быть произведена только с согласия департаментского комитета освобождения в каждом случае.

Департаментский комитет освобождения прекращает свое существование с момента образования муниципальных и генеральных советов в соответствии с предусмотренной выше процедурой.

Раздел VI

Временная представительная ассамблея и Временное правительство

Ст. 20.

Временная консультативная ассамблея будет перемещена во Францию одновременно с Французским комитетом национального освобождения и будет созвана в том же городе, где будет находиться правительство.

Она сразу же будет пополнена представителями различных организаций, примыкающих к Национальному совету Сопротивления, выделенными руководящими комитетами этих организаций в соответствии с ныне действующими нормами представительствами и в равном количестве...

Ст. 21, 22, <...> 29.

Ст. 30. По прибытии Ассамблеи во Францию перед нею будет поставлен вопрос об учреждении Верховного суда.

Ст. 31. Ассамблея в полном согласии с правительством определит порядок представительства территорий империи в Учредительном собрании.

Она будет принимать участие в установлении даты и процедуры выборов в Учредительное собрание.

Ст. 32 <...>

Ст. 33. Настоящий ордонанс подлежит опубликованию в «Журналь оффисьель» Французской республики и приобретает силу закона.

Ш. де Голль

ОРДОНАНС ОТ 19 МАЯ 1944 О СОЗДАНИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИНСТИТУТА ГЕНЕРАЛЬНЫХ СЕКРЕТАРЕЙ

Ст. 1. Как только позволят обстоятельства, министерские департаменты фактического органа власти, именуемого «правительством Французского государства», будут переданы в ведение временных генеральных секретарей, назначаемых после консультации с Национальным советом Сопротивления декретом Французского комитета национального освобождения и ответственных перед последним.

Ст. 2. Функции временных генеральных секретарей прекращаются сразу же после того, как соответствующие комиссары возьмут под свое руководство министерские департаменты.

Ст. 3. ...

Ст. 4. ...

Ш. де Голль

ОРДОНАНС ОТ 3 ИЮНЯ 1944 О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ВО ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ст. 1. Французский комитет национального освобождения принимает наименование Временного правительства Французской республики.

Ст. 2. Принятие этого нового наименования ни в чем не меняет действующих законов, касающихся, с одной стороны, учреждения и функционирования власти Французского комитета национального освобождения, а с другой стороны — образования Временного правительства с момента освобождения Франции в

соответствии с положениями статьи 3 ордонанса от 3 июня 1943 и статьи 25 ордонанса от 21 апреля 1944.

Ст. 3. <...>

Ш. де Голль

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ В КОНСУЛЬТАТИВНОЙ АССАМБЛЕЕ 18 ИЮНЯ 1944

Перед лицом столь торжественного собрания я не позволю себе касаться событий в плане чисто личном.

Если призыв, брошенный 18 июня 1944, приобрел такое значение, то это случилось потому, что французская нация сочла необходимым прислушаться к этому призыву откликнуться на него; это случилось потому, что вопреки постигшим нацию бедствиям победа, честь и свобода остались ее глубоким инстинктивным стремлением. Стало быть, требуется только одно — подчиниться этому стремлению.

Но поскольку в результате множества сражений, безвестных и знаменитых — уже было доказано — и поскольку замечательный факт созыва вашей Ассамблеи и безграничная поддержка народа доказывают сегодня, что Франция намерена добиться своего освобождения и обновления, идя по пути, намеченному четыре года тому назад, поскольку все те, кто служит ее интересам, и прежде всего ее правительство, должны сохранять верность этим намерениям.

О, это нелегкая задача! Усилия Франции, направленные к тому, чтобы встать на ноги под угнетающей тяжестью вражеской оккупации, поистине беспримерны. И если верно, что созданная с опозданием, но в конце концов все же созданная коалиция великих сил свободы отныне сулит Франции надежду на спасение, точно так же как ее вчерашние жертвы и ее сегодняшняя помощь дают теперь этим силам возможность вместе с нею одержать победу, то не менее очевидно и то, что решающая фаза борьбы и на этот раз потребует от Франции величайших жертв, не всегда обеспечивая ей со стороны других необходимое понимание.

Однако сплочение национальных сил для борьбы за победу и величие, символом которого и служит нынешняя годовщина, было осуществлено в условиях полного понимания обстановки.

Осуществляя это сплочение, шаг за шагом приближаясь к нему, французы отлично понимали, с какими огромными трудностями столкнется их страна.

Древний народ, формировавшийся в суровых испытаниях на протяжении своей долгой истории, французы отдают себе отчет в том, сколь тяжело взбираться по крутому склону бездны. Нация, научившаяся на своем богатом человеческом опыте проникать в чужую психологию, хорошо знает, что помощь извне иной раз бывает нерешительной, что лучшие ее друзья, как бы велико ни было их число, не всегда окажут ей немедленную и всестороннюю поддержку. Франция может об этом сожалеть, но это не может ни удивить ее, ни привести в замешательство. Если преграды, стоявшие на пути 18 июня 1940, не помешали ей двинуться в путь, то могут ли ее сегодня остановить препятствия, которые ей остается преодолеть?

Ведь французы, никогда не перестававшие верить в победу, уже видят, как занимается ее заря. Они видят, что заря эта приближает и час обновления, которое дает Франции возможность прибавить многое ко всему тому, что она уже сделала для человечества.

РЕШЕНИЕ ОТ 16 ИЮЛЯ 1944 ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ФИНАНСОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

На основании предложений министра финансов, министра по социальным делам, а также министра снабжения и производства, касающихся совокупности экономических, финансовых и социальных мероприятий, подлежащих осуществлению после освобождения Франции, правительство определяет условия, которые сложились в стране сейчас и сложатся в будущем, и постановляет следующее:

I. Условия

Общее истощение внутреннего рынка метрополии

После перемирия во Франции усиливалось истощение внутреннего рынка, промышленное оборудование сильно износилось, состояние производства ухудшилось, транспорт дезорганизован, наблюдается постоянная нехватка продовольствия; в целом потребности в средствах потребления превосходят наличие этих средств. Такое положение потребовало строгого нормирования. Но нормирование потребления, не будучи дополнено нормированием платежных средств, влечет за собой социальную несправедливость.

Недостаточность заработной платы

Наблюдался значительный рост официально установленных цен, в то время как увеличение заработной платы, санкционированное в ряде постановлений режима Виши, намного отставало от этого роста. В целом покупательная способность заработной платы французских трудящихся за период с июля 1940 по октябрь 1943 уменьшилась почти вдвое. В дальнейшем реальная стоимость заработной платы снова значительно сократилась.

Рост бумажного денежного обращения

Количество бумажных денег в стране увеличивалось непрерывно. С 1939 денежное обращение возросло более чем в три раза. За это же время вклады удвоились.

Военные усилия

Освобождение Франции будет отмечено как пребыванием на ее территории большого количества союзных войск, так и ростом усилий Франции, направленных на достижение общей победы. Это потребует от нее значительного напряжения, несмотря на то, что с необходимостью поставок врагу будет покончено.

Экономические органы

Поскольку не представится возможным сразу же создать новые экономические органы, на первых порах следует использовать существующие экономические органы, удалив из них нежелательные элементы, и привлечь к участию в их деятельности представителей рабочих организаций и организаций Сопротивления.

II. Решения

Потребление

Сохранить строжайшее нормирование. Население должно быть предупреждено уже теперь о неизбежности этой меры. В то же время система нормирования будет усовершенствована и поставлена в связь с финансовой политикой таким образом, чтобы покупка необходимых продовольственных продуктов была доступна всем и чтобы постепенное улучшение продовольственного снабжения в равной мере распространялось на всех.

В деле организации снабжения предусматривается коллективное распределение приготовленной пищи.

Заработная плата

После освобождения немедленно следует осуществить значительное увеличение заработной платы в целом.

Первоначальное увеличение заработной платы будет заключаться в установлении заработка, обеспечивающего прожиточ-

ный минимум чернорабочему. Этот заработок будет состоять из двух частей:

1) денежной суммы, необходимой для покупки нормированных продуктов и для оплаты нормированных услуг, с учетом официально установленных норм снабжения и цен;

2) денежной суммы, необходимой для покупки ненормированных продуктов и для оплаты необходимых для существования ненормированных услуг, которые трудящийся может приобрести на свободном рынке.

Заработная плата для других профессиональных категорий будет определяться либо путем прибавления к заработной плате чернорабочего того или иного коэффициента, соответственно различным профессиональным квалификациям, либо особым постановлением, либо на основе коллективных договоров.

Последующий пересмотр заработной платы будет производиться:

- 1) в зависимости от возможного роста цен;
- 2) по мере улучшения снабжения...

Указанный пересмотр будет осуществляться правительством после консультаций с национальной комиссией и окружными и департаментскими комиссиями по вопросам заработной платы, которые состоят из представителей властей, профессиональных рабочих и профессиональных организаций служащих.

Инициатива созыва этих комиссий принадлежит любому из трех названных представителей.

Денежное обращение

Ограничить обращение бумажных денег и произвести изъятие значительного количества излишних расчетных средств, с тем чтобы осуществить немедленное оздоровление всей системы денежного обращения:

1) посредством регламентирования банковских вкладов и обмена денежных знаков. Держателям немедленно будет выдана сумма, соответствующая их насущным потребностям; декларирование излишков будет производиться постепенно по предъявлению документа, удостоверяющего необходимость в получении средств. Изъятие денежных знаков коснется главным образом наиболее обеспеченной части населения;

2) посредством налоговой политики, предусматривающей, в частности, строгое обложение всех крупных состояний и конфискацию тех или иных, которые нажиты незаконным путем.

Производство, в особенности сельскохозяйственное

Закупочные цены будут установлены с таким расчетом, чтобы они стимулировали производство необходимых продуктов и обеспечивали регулярное снабжение ими потребителя.

Специальные субсидии могут быть предоставлены, чтобы цены на некоторые основные продукты потребления в начальный период можно было искусственно поддерживать на низком уровне.

В целом:

Нормировать потребление, устранить излишества в этой области, создать равенство французов в отношении покупательной способности на период продовольственных затруднений.

Эта политика будет проводиться таким образом, чтобы она не сковывала предпринимательской инициативы среднего класса, не нарушала деловых соглашений, а также способствовала бы капиталовложениям, необходимым для возобновления производства.

Будет предусмотрено заключение с союзниками соглашений, упорядочивающих потребление, а также наличные денежные средства войск на французской территории.

Ш. де Голль

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ НА ЗАСЕДАНИИ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ АССАМБЛЕИ 25 ИЮЛЯ 1944

После долгих лет невыразимо тяжких испытаний никто в мире сегодня уже не сомневается в том, что мы уверенным шагом приближаемся к победе. События приняли такой оборот, что как для Франции, так и для других стран Европы, временно оказавшихся жертвами германского вторжения, перспектива освобождения, о которой они так долго мечтали и в которую не переставали верить, представляется сегодня вполне реальной. Освобождение части французской территории уже началось. Следовательно, уже позади то время, когда известные исключительно важные проблемы только еще вставали перед нами. Наступило время, когда эти проблемы, одна за другой, должны быть правильно решены. От того, как и в каком духе нация сумеет их решить, от того, какой порядок она установит, зависит ее дальнейшая судьба. Отсюда ясно, какая огромная ответственность ложится на плечи правительства. И вряд ли, думается мне, в истории Франции можно найти другой пример подобной ответственности.

Я хочу изложить перед Ассамблеей политику, которую правительство намерено проводить, чтобы по мере освобождения стра-

ны выполнить стоящую перед ним задачу. Несмотря на то, что различные аспекты этой политики тесно связаны между собою, логика изложения вынуждает меня остановиться на каждом из них в отдельности. Я это и сделаю, показав тот путь, которым мы следуем и будем следовать в области наших военных усилий, внутренней реорганизации страны и, наконец, ее позиции в международных вопросах.

Правительство более чем когда-либо убеждено в том, что исход войны должен быть решен силою оружия, то есть в результате полной военной победы, и что независимо от того положения, в каком оказалась Франция в результате вторжения врага и предательства, жизненно необходимо, чтобы она всеми своими силами приняла участие в решающем сражении в Европе. Не менее важно и то, чтобы роль наших вооруженных сил была вполне самостоятельной ролью. Необходимо, наконец, чтобы все наши усилия, будь то внутри страны или за ее пределами, составляли нечто цельное, то есть чтобы они носили характер объединенных усилий народа, сражающегося под единым руководством государства.

Географические условия вынуждают западные державы вести операции на двух театрах военных действий: на Севере и в районе Средиземного моря. По мнению правительства, основные усилия наших армий следует сосредоточить на втором театре. Мы исходим не только из практических соображений о том, что в основном наши военные части базировались или формировались в Африке, но также и из соображений национального характера, ибо желательно, чтобы французские вооруженные силы, отнесенные в империю в результате временного поражения в Европе и в метрополии, именно из империи повели бои за освобождение метрополии и Европы.

В этой связи следует заметить, что общее направление французских военных усилий начиная с мрачных дней июня 1940 шло по единой линии. Наше участие в сражениях в Тунисе, а затем в Италии, равно как и освобождение нашей Корсики нашими собственными силами и взятие острова Эльба французскими войсками, явилось лишь дальнейшим продолжением с помощью непрерывно возрастающих сил тех действий, которые мы ранее предприняли в Эритрее, в Леванте, в Ливии и в Феццане. В целом, начиная с так называемого перемирия, заключенного вишистами, французские вооруженные силы, сражающиеся вне метрополии, потеряли в боях 61 тысячу человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Они захватили в плен около 100 тысяч

вражеских солдат. Как для настоящего, так и на будущее уместно, видимо, подчеркнуть, что вопреки невероятным бедствиям намерения Франции как в области военной, так и в других областях всегда отличались неизменной последовательностью.

Итак, в настоящее время свои главные военные усилия мы сосредоточиваем в бассейне Средиземного моря. В результате мы сумели принять широкое и, я полагаю, достойное участие в большом сражении в Италии. Правда, по этой причине участие наших вооруженных сил в битве за Нормандию до сих пор ограничивалось действиями — весьма, впрочем, отважными и успешными — отдельных подразделений авиации и военно-морского флота, а также несколькими подразделениями десантных войск. Однако я могу заверить, не вдаваясь, разумеется, в дальнейшие уточнения, что освобождение метрополии произойдет при участии всех сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил Франции, которые способны сражаться в условиях современного боя. Это и составляет основу нашего боевого взаимодействия с союзниками. Добавлю, что так же, как это имело место в недавних операциях в Италии, военные планы, касающиеся нынешнего сражения в Европе и, в частности, сражения за Францию, своевременно были доведены до сведения французского правительства и нашего верховного командования. Участие французских вооруженных сил было заранее с нами согласовано, и наши штабы принимают участие в разработке планов использования вооруженных сил союзников в тех случаях, когда предполагается поддержка их действий со стороны наших вооруженных сил. Ни в малейшей мере не посягая на принцип единства командования, принятый нами в общих интересах, и учитывая относительную мощь живой силы и техники, которая на нынешнем этапе войны введена в бой соответственно Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Францией, правительство может заявить, что оно действовало и впредь будет действовать таким образом, чтобы наши военные усилия непосредственно служили нашим национальным интересам, что, впрочем, является лучшим способом служить военным интересам союзников.

Ярче всего это иллюстрируют значительные по своим масштабам боевые действия, которые ведутся сейчас Французскими внутренними силами ради победы всей коалиции. Впрочем, мы с удовлетворением отмечаем, что верховное командование союзников высоко оценило значение этих действий после того, как оно убедилось в той роли, какую сыграла наша поддержка для успеха операции в целом. Вместе с тем длительный и весьма острый

недостаток вооружения, который испытывают наши бойцы, постепенно восполняется. Я думаю, что Ассамблея с удовлетворением воспримет сообщение о том, что количество оружия и снаряжения, полученного Французскими внутренними силами в течение каждого из двух месяцев — июня и июля, в среднем в семь раз превосходит то количество, которое они получили в течение наиболее благоприятного с этой точки зрения месяца до начала битвы во Франции. В то же время значительно улучшилась система коммуникаций между различными районами боевых действий. Надо сказать, что и численность французских войск, введенных или пригодных для ввода в дело, за три месяца более чем утроилась и составляет сейчас несколько сот тысяч человек, из которых лишь одна треть в достаточной мере обеспечена подходящим вооружением. Это свидетельствует о том, как много еще нужно сделать для оснащения наших вооруженных сил и какую важную роль способны они сыграть по мере развертывания операций, если судить по тому, что они уже сделали.

Каждому ясно, что для Французских внутренних сил при подвижном и рассредоточенном характере их действий обычные методы командования неприменимы. Очевидно, что в данном случае управление войсками должно быть децентрализовано. Общее руководство нашими вооруженными силами, которое должно осуществлять, разумеется, правительство и соответствующие органы, действующие по его указаниям, состоит в определении основных усилий внутренних сил в зависимости от различных этапов сражения и наличных возможностей, в определении их главных целей, в подготовке подкреплений и средств связи, в развитии инициативы различных частей и их командиров. Так, на первом этапе сражения, в ходе которого союзники осуществили высадку десантов в Нормандии, создали плацдарм на линии Сен-Ло — Кан, нашим внутренним силам через посредство заранее подготовленной системы связи была поставлена задача перерезать коммуникации противника на главных направлениях и в определенных пунктах его продвижения, атаковать отдельные его отряды в местах их расположения или на марше, не завязывая с ними, однако, крупных и продолжительных боев. В то же время в ходе боевых действий Французским внутренним силам приходилось укреплять и пополнять свои ряды по мере включения в их состав новых контингентов, нового вооружения, по мере командных кадров, специалистов и подкреплений, которые посылают им извне.

Достигнутые результаты целиком соответствуют тому, чего ожидало правительство. Начиная с июня нашим силам удалось полностью дезорганизовать железнодорожную сеть Франции. Это значительно задержало подход германских резервов; некоторые из них, как, например, дивизия «Рейх», прибыли более чем с недельным опозданием. С другой стороны, значительные по своей протяженности районы, иногда даже целые департаменты, на некоторое время оказались полностью под контролем французских войск, действовавших совершенно открыто. Так было в департаментах Эн, Дром, Ардеш, Аверон, Коррез, Дордонь, Изер, Верхние Альпы, Нижние Альпы, Воклюз, Верхняя Луара, Лозер, Канталь, Крез, Верхний Вьенн, Ло, Верхние Пиренеи, Верхняя Гаррона; так было во внутренних районах Бретани, в Вогезах, Вьенне, в провинции Франш-Конте. В Веркоре, Эн, Ардеше, в Савойе, Дофине, в Верхнем Провансе врагу приходилось и сейчас приходится предпринимать мощные наступательные действия, чтобы попытаться восстановить положение. Вот и в настоящий момент он ведет наступление на плато Веркор силами всех родов войск и авиации. По неопровержимым данным, в ходе этих непрерывных боев немцы с начала июня уже потеряли не менее 8 тысяч убитыми, более 2 тысяч пленными и очень много боевой техники. Численность войск, которые они вынуждены использовать для борьбы против наших сил на территории Франции, достигает по меньшей мере 7 — 8 дивизий. Добавлю, что, несмотря на жесточайшие репрессии в отношении беззащитного населения, немцам никак не удастся овладеть положением.

У нас есть основания надеяться, что потери, нанесенные врагу нашими внутренними силами, будут возрастать, а также будут возрастать и его затруднения, ибо все настойчивее становятся наши атаки, ибо возрастут число и масштабы разрушений всего того, в чем нуждается враг, все чаще будут отказы от работы на предприятиях, его обслуживающих, наконец, все активнее будут бесчисленные диверсии в наших городах и деревнях, которые подрывают не только силу врага, но и его моральный дух. О, Франция знает, во что ей обойдется такая война, скольких человеческих жертв она от нее потребует и какие руины она ей сулит! Дело правительства — позаботиться о том, чтобы достигнутые результаты по мере возможности соответствовали понесенным жертвам. Но оно должно также позаботиться и о том, чтобы не одно поколение врагов запомнило, чего им стоила попытка захватить земли наших отцов. Вот почему я утверждаю, что наши уси-

лия внутри страны будут возрастать, являясь существенным вкладом в освобождение Франции. Они будут возрастать до тех пор, пока не наступит день всеобщего возмущения, когда вся нация, поднявшись под руководством правительства республики и его представителей, действуя сообща со своими армиями и армиями союзников, добьется того, что на французской земле немцам не останется места, разве только в плену или в могиле.

Однако по мере того, как над отдельными районами нашей территории рассеивается дым сражений и темная ночь оккупации, перед правительством возникает весь комплекс проблем, связанных с задачей национального возрождения. Речь идет о том, чтобы восстановить государство, восстановить условия существования нации, подготовить предпосылки для проведения глубоких преобразований, которые станут основой обновления Франции. Речь идет также и о том, что решать эту гигантскую задачу придется в наитруднейших условиях. Мы не побоимся заранее заявить, что многие мероприятия, которые мы собираемся провести, как и многие из уже проведенных нами мероприятий, вовсе не всем и не во всех случаях покажутся целиком удовлетворительными. Мы сразу же признаем, что не ждем совершенства ни от людей, ни от вещей. Если бы я располагал достаточным досугом, я бы уже теперь взялся составить перечень критических замечаний, которые могут быть нам предъявлены в ходе восстановления, и я убежден, что перечень этот составил бы несколько томов. Однако, невзирая на все препятствия и трудности, с которыми правительство уже встретилось, которые оно встречает сейчас и которые ожидают его в будущем, оно убеждено в том, что сумеет выполнить свой долг перед нацией, потому что оно раз и навсегда определило свои цели и пути их достижения, потому что во всех его начинаниях ему обеспечена горячая и сознательная поддержка подавляющей массы французов.

Я говорил о восстановлении государства. В отношении политического строя мы свой выбор сделали. Мы избрали демократию и республику. Дать высказаться народу, другими словами, в кратчайший срок заложить основы свободы, порядка и уважения прав и тем самым создать условия для проведения всеобщих выборов, в результате которых будет создано Национальное учредительное собрание, — вот та цель, к которой мы стремимся. А пока мы осуществим уже принятое решение: мы созовем более полную по своему составу Консультативную ассамблею, а затем, если понадобится, создадим временную представительную ассамблею,

чтобы правительство могло опираться на орган, по возможности правильно выражающий общественное мнение граждан. Вместе с тем мы проведем реорганизацию, а затем и перевыборы муниципалитетов и генеральных советов, ибо в этот переходный период им будет принадлежать первостепенная роль. Нам предстоит также восстановить органы государственного правосудия и передать на их беспристрастное рассмотрение дела тех, кто изменил родине. И наконец, нам надо будет вновь наладить деятельность как центральной, так и местной французской администрации, без непрестанного труда и самоотверженности которой немислимо избежать хаоса и беспорядка.

В этой связи я должен сказать, что, хотя правительство намерено произвести в метрополии, как оно проводит в других местах, необходимую чистку, хотя оно рассчитывает набрать достойных людей из организаций Сопротивления, хотя, наконец, оно хочет осуществить некоторые реформы в области комплектования и использования многих (а то и всех) должностных категорий, оно отнюдь не собирается разом отстранить большую часть государственных служащих, многие из которых в страшные годы оккупации и узурпации всеми силами стремились честно служить на благо общества. Шельмование тех или иных чиновников, той или иной категории чиновников из состава французской администрации — дело нехитрое, но слишком часто оно оказывается несправедливым и основывается на преувеличениях. К тому же государственные власти имеют обычно таких помощников, каких они заслуживают, и, чтобы получать желаемую помощь, они прежде всего сами должны подавать пример компетентного, беспристрастного и умелого выполнения своих обязанностей.

Установление власти во всех звеньях государства сверху донизу — задача тем более срочная и необходимая, что мы вскоре окажемся перед лицом важных и сложных проблем, непосредственно касающихся жизни нации. Страна, покрытая руинами, потерявшая значительную часть своего дееспособного населения на внутренних и внешних фронтах, в немецком плену или вследствие военной мобилизации, лишенная всех запасов продовольствия, сырья и транспортных средств, страна с подорванным здоровьем своего населения, дополнительно обремененная необходимостью оказать помощь армиям-освободительницам, — вот что на первых порах будет представлять собою победившая Франция. В согласии с Ассамблеей правительство уже определило основные мероприятия для того, чтобы восстановить жизненные условия граждан и в то же

время навести строгий порядок в области производства, потребления и распределения и тем самым обеспечить условия, необходимые для возрождения страны. Путем нормирования потребления, проведения определенной политики цен, сокращения количества денежных знаков в обращении, регулирования ввоза и вывоза, введения контроля над кредитными операциями, установления более справедливого уровня заработной платы правительство рассчитывает избежать инфляции и истощения продовольственных ресурсов и добиться того, чтобы объем производства и возможности внешней торговли позволили создать равновесие между спросом и предложением.

До наступления этого момента мы сможем противостоять имеющимся трудностям благодаря поддержке наших союзников, и в частности американцев. Эта поддержка будет нам предоставлена в соответствии с соглашением на то время, пока жизненные условия во Франции непосредственно отражаются на военных действиях. Нам готовы оказать помощь и заморские территории. Однако я должен еще раз подчеркнуть, что освобождение вовсе не будет означать немедленного наступления всеобщего благоденствия. Впрочем, я убежден в том, что великий французский народ полностью это сознает и что он готов сегодня мужественно переносить лишения ради того, чтобы возможно скорее и на долгие годы обеспечить внутреннее равновесие в стране, ее экономическую мощь и социальное здоровье.

Ибо не об этом ли в конечном счете идет речь? Если бы, поднявшись со дна пропасти, мы бесславно вернулись к былым ошибкам и несправедливостям, которые нас ослабили, лишили единства и деморализовали, или если бы мы оказались в условиях опасных потрясений, то тогда бесцельными были бы те невероятные усилия, которые ведут нас к порогу свободы и величия. Нет! Нет! Французский народ сумел найти путь к своему обновлению и именно этим путем он намерен идти. Конечно, великие преобразования, которые определяют облик новой Франции и ее новых стремлений в области демографии, экономической деятельности и социальной структуры, могут и должны быть осуществлены только самой нацией, то есть свободно избранными ее представителями. Но правительство обязано своевременно принять меры, имеющие в какой-то степени охранительный характер, ибо, если бы мы примирились с практикой совершившихся фактов, укоренившимися злоупотреблениями, с незаконно добытыми состояниями, эта практика могла бы превратиться в силу,

которая обрекла бы на неудачу проведение необходимых преобразований. Впрочем, допуская секвестр и реквизиции, закон предоставляет в наше распоряжение средства, позволяющие обеспечить нации возможность контролировать и использовать источники общественного богатства и покончить с тем непомерным влиянием частных интересов и всяких их комбинаций, которые так тяжело отражались на судьбе государства и его граждан.

Вместе с тем предстоит приложить большие усилия к тому, чтобы поднять рождаемость и улучшить дело здравоохранения, ибо для Франции это вопрос жизни или смерти.

Великие испытания, выпавшие на долю народа, тяжким бременем ложатся на его плечи, если он не умеет извлечь из них великих уроков, если они не пробуждают в нем энергии для великих начинаний. И, напротив, испытания могут вдохнуть в него новые силы, если народ умеет превратить их в источник величия.

С другой стороны, если в нашем все более сужающемся мире уже ни одна страна не чувствует себя изолированной, то Франция была и остается наименее изолированной из всех стран и в географическом, и в духовном, и в моральном плане. Следовательно, от той позиции, какую Франция займет в отношении других стран, и от позиции других стран по отношению к Франции зависит не только ее собственное будущее, но во многом и будущее всего человечества.

Когда мы говорим, что наша внешняя политика имеет целью вернуть Франции ее место в мире и обеспечить условия, при которых она могла бы это место за собой удержать, мы убеждены, что действуем в интересах множества людей и вместе с тем в интересах нашей страны. Я позволю себе добавить, что в этом мнении нас укрепляет констатация тех стратегических и политических последствий для всего лагеря свободы, какие породило вражеское вторжение во Францию. В этом мнении нас укрепляют чувства растерянности и ужаса, какие вызвала тогда во всем мире перспектива потерять Францию, и, наконец, то воодушевление, какое охватывает сегодня миллионы людей в связи с ее возвращением на мировую арену.

Правительство ясно заявляет, что его политика состоит в том, чтобы полностью обеспечить суверенитет Франции повсюду, где она имеет на него право; она состоит в том, чтобы обеспечить нашей стране реальные условия ее безопасности; отсутствие таких условий привело к тому, что в результате трех вторжений на протяжении одной человеческой жизни Франция трижды оказыва-

лась на краю гибели; она состоит в том, чтобы обеспечить Франции ведущую роль, которая по праву принадлежит ей, в деле реорганизации Европы, и, наконец, в том, чтобы обеспечить ее авторитетное участие в международном сотрудничестве.

Моя поездка в Великобританию в прошлом месяце и моя недавняя поездка в Соединенные Штаты были приняты прежде всего для того, чтобы от лица Франции выразить признательность двум нашим великим и доблестным союзникам, чьи блестящие военные усилия имеют столь огромное значение для достижения общей победы и для освобождения нашей собственной страны. Эти поездки были использованы также, как с одной, так и с другой стороны, и для того, чтобы более четко определить наши взаимоотношения и тем самым оказать услугу лагерю свободы в целом.

Я имел возможность вести откровенные переговоры по самому широкому кругу вопросов с английским правительством, а затем с президентом Рузвельтом и правительством США. Между Англией и нами существует очевидная общность интересов в европейских и международных делах, которую не сможет, по-видимому, нарушить былое соперничество в том или ином пункте земного шара. Между Соединенными Штатами и нами существует тождество идеалов, мы связаны с ними прочной дружбой, продиктованной как инстинктом, так и разумом, что, на мой взгляд, должно явиться существенным фактором будущего переустройства мира. Я добавлю, что весьма благоприятная позиция, уже давно занятая по отношению к нам маршалом Сталиным и правительством Советского Союза, которое сегодня играет первостепенную роль в войне, а завтра будет играть такую же роль в условиях мира, позволяет надеяться, что Франция и Россия при первой же возможности сумеют договориться между собою о формах тесного сотрудничества, от которого, я полагаю, зависят безопасность и равновесие в Европе.

Как я могу не упомянуть о своей откровенной беседе с папой Пием XII! Я не могу умолчать также о дружеских встречах, которые я имел в Лондоне с главами государств или правительств Голландии, Бельгии, Люксембурга, Польши, Чехословакии, Норвегии, Югославии, а также об исключительно теплом приеме, который мне оказали правительство и народ Канады. Те государства, которые в большей мере озабочены интересами европейского континента, нежели мировыми интересами, и прежде всего государства Европы, как никогда, видимо, склонны считать Францию своим бескорыстным и искренним другом, на собст-

венном многовековом опыте научившимся определять условия и преимущества равновесия на нашем древнем континенте и во всем мире.

Этот бесспорный прогресс в международном положении Франции в ближайшее время, как мы надеемся, будет отмечен заключением практического соглашения с Лондоном и Вашингтоном относительно сотрудничества между французской администрацией и союзными армиями на освобожденной территории метрополии, о чем давно ведутся переговоры. Это соглашение обеспечит полное уважение суверенитета Франции и власти ее правительства и вместе с тем гарантирует верховному командованию нашу поддержку и наше содействие, нужные ему для того, чтобы вести к победе доблестных солдат наших союзников и наших солдат. Мы желаем, исходя из общих интересов, чтобы это соглашение положило начало сотрудничеству между нами и нашими союзниками прежде всего в вопросах определения условий перемирия, которые раньше или позже будут предложены побежденной Германии, и — в более широком плане — в подготовке послевоенного урегулирования в целом.

Однако, чтобы достигнуть того будущего, о котором Франция мечтает, ей еще предстоит выдержать упорные бои, принести тяжелые жертвы, предпринять героические усилия. Верно, что враг как будто заколебался. Но его еще надо свалить. Какой бы облик Германия ни приняла, мы не можем быть спокойны до тех пор, пока она не будет полностью и окончательно разбита. Идя бок о бок с нашими дорогими и доблестными союзниками, мы должны удвоить силу наших ударов. Обратим же свои мысли, свою любовь, свое доверие к нашим возрождающимся армиям внутри и вне страны, которые встретятся скоро в последней решающей битве. Будем же непреклонны, решительны, едины! В нашем братском сплочении мы будем стремиться к тому, чтобы великие испытания послужили всем нам великим уроком и породили в нас великие замыслы. Сыны Франции, мы должны добиться того, чтобы несчастья, едва не погубившие нашу родину, стали для нее источником нового величия!

ДИПЛОМАТИЯ

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ МАССИГЛИ, КОМАНДИРОВАННОМУ В ТУНИС

Алжир, 14 сентября 1943

Сегодня утром я поставил Совет министров в известность относительно сообщения, сделанного мне Макинсом от имени английского премьера по поводу возможного нашего участия в Комиссии по вопросам Италии. Совет ознакомлен также с телеграммой, которую вы мне направили после вашей беседы с Макмилланом по тому же вопросу. Должен сказать, что Совет, полностью отдавая себе отчет в том, какой интерес может для нас представить перспектива участия в Комиссии по вопросам Италии, продолжает придерживаться своего решения о необходимости уведомить союзников, что мы не удовлетворены ни условиями, в которых было заключено перемирие с Италией, ни формой заявления Эйзенхауэра.

Таким образом, необходимо срочно направить правительствам Лондона, Вашингтона и Москвы французскую ноту по вопросу о перемирии с Италией...

Что касается вашей идеи о посылке телеграммы Черчиллю с выражением признательности за ту роль, какую он, по словам Макинса, сыграл в этом деле, то Совет министров, так же как и я, считает, что это было бы излишним, поскольку мы не знаем точно ни условий нашего участия в Комиссии по вопросам Италии, ни задач данной Комиссии. К тому же на сообщение Макинса я дал устный ответ в тонах, приятных для Черчилля. Пока этого достаточно. Тем более, что Богомолов, который по пути в Москву нанес мне вчера совершенно секретный визит, дал несколько иные сведения относительно условий нашего участия, отличающиеся от сведений, сообщенных Макинсом от имени Черчилля.

В общем нам представляется необходимым придерживаться занятой позиции и открыто заявить о своем разочаровании по по-

воду того, каким образом было заключено перемирие с Италией, и с осторожностью ожидать развития событий.

**НОТА ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО
ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ США
И ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ДОВЕДЕННАЯ ДО СВЕДЕНИЯ
СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

Алжир, 17 сентября 1943

Капитуляция Италии знаменовала собою новый важный этап на пути союзников к окончательной победе. Комитет национального освобождения узнал об этом с тем большей радостью, что на всех этапах боевых операций против Италии французские вооруженные силы вносили свой вклад, идя на жертвы и способствуя общему успеху. Однако Комитет не проявил бы откровенности, которой должны руководствоваться в своих отношениях союзники, если скрыл от правительства Соединенных Штатов и Великобритании свое разочарование в связи с условиями, в каких перемирие с Италией было заключено, и в связи с тем, как было сформулировано заявление верховного главнокомандующего союзными вооруженными силами, извещавшее мир об этом событии.

Вопросы, касающиеся Италии, имеют для Франции первостепенное значение. Фашистская Италия вступила в войну с намерением нанести удар Франции и ограбить ее. Начиная с 10 июня 1940 Франция непрерывно участвовала в вооруженной борьбе против Италии.

Вот почему жизненные интересы Франции требуют, чтобы все вопросы, касающиеся Италии, решались при обязательном участии Франции. Французский комитет национального освобождения считает, что соображения, изложенные в его меморандуме от 2 августа правительствам Соединенных Штатов и Великобритании и доведенном до сведения Советского правительства, дают ему право участвовать в переговорах о перемирии.

Комитет считает необходимым, чтобы его представителям уже сейчас было предоставлено право участия в межсоюзном органе по выработке условий перемирия. Не менее важно для Комитета уже сейчас получить возможность отстаивать французскую точку зрения относительно политических, экономических и финансовых условий, которые должны быть предъявлены Италии. В при-

лагаемом к настоящей ноте меморандуме уточняются соответствующие французские требования, уже изложенные в документе от 2 августа...

Комитет не сомневается, что союзные правительства согласятся с тем, что, участвуя в выработке условий перемирия, он должен участвовать и в проведении в жизнь его условий путем направления французских офицеров или чиновников в органы, которым будет поручено обеспечить выполнение условий перемирия. Им надлежит не только регулировать отношения с итальянской администрацией и населением и обеспечивать защиту интересов союзников. Круг их обязанностей значительно расширится по мере восстановления в Италии нормальной жизни. Важно, чтобы это восстановление осуществлялось в таких условиях, чтобы ни в плане политическом, ни в плане экономическом не оставалось места хотя бы для малейших остатков рухнувшего режима и чтобы не было возврата к системе экономической разобщенности, столь пагубно отражавшейся на европейской жизни в предвоенные годы. Своим участием в этих работах французские представители внесут свой безоговорочный вклад в прямом соответствии с принципами, воодушевляющими Комитет освобождения, который не отделяет французских интересов от общих интересов Объединенных Наций.

МЕМОРАНДУМ ПРАВИТЕЛЬСТВА США ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ОБ УЧАСТИИ ФРАНЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ОСВОБОЖДЕННОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МЕТРОПОЛИИ, СТАВШИЙ ИЗВЕСТНЫМ ФРАНЦУЗСКОМУ КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

(Перевод)

Сентябрь 1943

1. Отношение к освобожденной территории Французской метрополии будет дружественным. Вместе с тем главнокомандующий союзными силами будет обладать всеми правами военной оккупации, вытекающими из состояния войны. В своих действиях он будет руководствоваться тем, что во Франции не существует суверенного правительства. Он не будет вступать в переговоры с правительством Виши ни по каким вопросам, кроме вопроса о передаче власти в его собственные руки.

2. Гражданская администрация под верховной властью главнокомандующего по возможности будет французской как по своему характеру, так и в отношении персонала. Она будет находиться по руководством высших чиновников его штаба гражданской администрации. Главнокомандующий и уполномоченные им представители назначат французских чиновников и судебный персонал или утвердят их исполняющими временные функции. Их выбор будет зависеть исключительно от эффективности и лояльности по отношению к делу союзников.

3. Эти меры имеют целью как можно скорее создать условия, которые позволили бы восстановить представительное французское правительство, соответствующее пожеланиям, свободно выраженным французским народом. Гражданские права будут охраняться; единственные налагаемые на эти права ограничения вызваны преобладающими над всем остальным военными интересами. Нежелательные политические организации будут ликвидированы, а их руководители интернированы главнокомандующим, если интересы дела союзников или поддержания порядка потребуют этого.

4. Французское судоустройство от мая 1940 будет сохранено или восстановлено. Главнокомандующий может налагать ограничения, которые покажутся ему необходимыми для охраны закона и порядка в интересах военных операций.

5. Французскому комитету национального освобождения будет предложено прикрепить к штабу главнокомандующего квалифицированных французских чиновников гражданской администрации, которые составят военную миссию по связи. По мере возможности к этим чиновникам будут обращаться за консультацией по поводу назначения французских граждан на административные или судебные посты. Эти чиновники гражданской администрации смогут быть использованы в качестве посредников между союзными военными властями, с одной стороны, и местными властями и французским гражданским населением — с другой.

6. В случае, если часть территории будет освобождена путем эвакуации или разъединения сил противника, начальники Объединенного штаба решат, будет ли разгром противника лучшим образом осуществлен путем установления контроля в этих районах. В тех районах, которые не полностью контролируются главнокомандующим, последний будет поддерживать необходимые контакты с местными французскими властями, которые временно смогут взять на себя административные функции. Главноко-

мандующий признает их лишь де-факто и будет свободен вмешаться в любой момент и в той мере, в какой это будет необходимо с точки зрения военных нужд.

ДОНЕСЕНИЕ РЕНЕ МАССИГЛИ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ

Алжир, 27 сентября 1943

В отсутствие Макмиллана и Мэрфи Макинс и Ребер сегодня в 17 часов сделали мне устное сообщение следующего содержания.

Ссылаясь на сообщение от 30 августа относительно заключения перемирия с Италией, они довели до моего сведения, что их правительства подготовили текст соглашения о перемирии... Проект, переработанный с учетом новой обстановки, сегодня утром был передан маршалу Бадольо. Представителям обоих правительств поручено передать этот документ Французскому комитету национального освобождения.

Затем Макинс и Ребер вручили мне проект, содержащий 44 статьи. Они добавили, что их правительства уверены в том, что в проекте учтены все моменты, на которые мы обращали внимание, и что он не предусматривает ни одного решения, которое шло бы вразрез с нашим мнением.

В своем ответе я выразил удивление по поводу того, что этот проект передан нам так поздно вопреки ранее данным обещаниям. В ответ было сказано, что в Лондоне и Вашингтоне было много сомнений относительно процедуры и что окончательное решение принято совсем недавно. На это я возразил, что проекты могли бы быть переданы мне в неофициальном порядке в соответствии с данным обещанием. Резервируя за собой замечания, которые могут последовать после изучения столь сложного документа, я выразил опасение, что мы и на этот раз можем быть поставлены перед свершившимся фактом... Наконец я заметил, что, предусматривая возможность внезапного заключения договора о перемирии, союзники выражали готовность разрешить нам хотя бы присутствовать при его подписании. На этот счет я не получил определенного ответа. Но зато мне было повторено, что наше участие в Средиземноморской комиссии по перемирию должно полностью нас компенсировать.

Я не скрыл, что подобные объяснения представляются мне неудовлетворительными. Я отметил, что подписание в настоящий мо-

мент перемирия с маршалом Бадольо является политической ошибкой и что я сожалел бы, если бы в Лондоне и Вашингтоне изменили существующую точку зрения в этом вопросе, которая была мне изложена несколько дней назад... И наконец, я сказал Макинсу и Реберу, что оставляю за собой право уточнить и дополнить свои замечания после ознакомления с переданным мне документом...

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПЬЕРУ ВЬЕНО, В ЛОНДОН

Алжир, 9 октября 1943

Ознакомился с вашим донесением о деле Дюфура и о сообщении, которое вам сделал по этому поводу ответственный чиновник английского министерства иностранных дел.

Прежде всего о самом Дюфуре. Этот человек, вступая в состав французских Свободных сил, незаконно присвоил себе офицерский чин и орден Почетного легиона. Он, разумеется, понес за это наказание и новый документ о своем вступлении в состав вооруженных сил подписал уже в качестве сержанта — таков его подлинный чин. За двукратное дезертирство он был приговорен военным трибуналом к тюремному заключению. Это нормально. В настоящее время Дюфур дезертировал в Великобританию. Английским властям следовало бы безоговорочно передать его в распоряжение французских властей.

На допросах Дюфура в БСРА был установлен факт присвоения им воинского чина и наград. Если с Дюфуром плохо обращались во время допросов, он, как и любой французский военнослужащий, имеет право подать жалобу в более высокую французскую инстанцию, которая и проведет необходимое расследование. Но от него, естественно, не может быть принята жалоба, пока он не сдастся в плен.

Что касается его утверждения о том, что его включение в состав вооруженных сил якобы противоречит французским законам, то об этом компетентны судить те, кто наблюдает за исполнением этих законов. Я отмечаю, что в этом вопросе английское правительство связано соглашением Черчилля с де Голлем, которое предусматривает создание Свободных французских сил, комплектуемых на основе добровольности, то есть как раз в соответствии с той формой, следуя которой Дюфур вступил в их состав наряду с тысячами других людей.

Нет нужды говорить вам о том, что я ни за что не пошел бы на так называемое полюбовное соглашение с Дюфуrom. С лжецом и дезертиром не может быть никаких соглашений!

Другой момент — английская позиция, как она представляется, судя по высказываниям Стрэнга. Я с сожалением отмечаю в его изложении нечто вроде угрозы начать скандальную кампанию в печати. Со стороны некоторых английских и американских элементов такое намерение может иметь целью либо спасти Дюфура, который по его собственному признанию является английским агентом, либо оказать давление на БСРА, либо даже нанести моральный ущерб генералу де Голлю. Нет надобности говорить, что перспектива подобной кампании меня несколько не пугает. Впрочем, мы могли бы в связи с этим делом опубликовать все необходимые материалы, чтобы осведомить общественность о личности Дюфура и о целях кампании, затеянной по этому поводу за границей против меня лично и против Сражающейся Франции.

Прошу с полной ясностью передать английскому министерству иностранных дел мою точку зрения и держать меня в курсе дела.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПЬЕРУ ВЬЕНО, В ЛОНДОН

Алжир, 25 октября 1943

Я получил вашу последнюю телеграмму о деле Дюфура.

Дюфур является агентом Интеллидженс Сервис. В качестве такового он находится в распоряжении англичан. Ясно, что, возбуждая против меня судебное дело, он действует с одобрения своих хозяев и что сам премьер-министр дал на это свое согласие.

Речь идет, как вы правильно говорите, о политическом деле, инсценированном для того, чтобы нанести мне ущерб и в какой-то степени выручить высокопоставленных лиц в Вашингтоне и Лондоне, которые заняли в отношении меня позицию, которую им становится трудно отстаивать.

Подстрекателям этого дела удалось путем клеветы, ложных обещаний и запугивания добиться от совершенно незначительных, безответственных людей таких уступок, которые теперь обращивают против нас. Я ни за что не соглашусь играть на руку нашим противникам, вступив в переговоры с дезертиром Дюфуrom о сделке, которая была бы для меня унижительной и которая в определенный момент в случае неудачи могла бы создать види-

мость, будто я отступил из-за того, что у меня не спокойна совесть.

Все это дело я расцениваю, как оно того и заслуживает, то есть как низость. Поручаю вам сказать в Форин офис и объяснить общественному мнению англосаксонских стран, в чем его истинная сущность и какие цели преследуют те, кто его затеял. Последствия этого дела меня не беспокоят. В проигрыше останусь отнюдь не я.

В заключение я запрещаю какие бы то ни было попытки вступить в сделку с дезертиром Дюфуром. Я заранее объявляю недействительным вмешательство английского судебного ведомства во внутренние дела французской армии, затрагивающие суверенитет Франции. Я запрещаю кому бы то ни было выступать в качестве моего адвоката или адвоката моих подчиненных.

Я спокойно ожидаю развития этой «тайны нью-йоркского двора» или вашингтонского.

ТЕЛЕГРАММА АНРИ ОППЕНО КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Вашингтон, 30 октября 1943

Из весьма надежного источника мне стало известно, что Колделл Хэлл вынес очень благоприятное впечатление из своей недавней беседы с генералом де Голлем.

Государственный секретарь прибавил якобы, что американское правительство до сих пор было, по-видимому, плохо информировано о личности генерала и его идеях...

ДОНЕСЕНИЕ РЕНЕ МАССИГЛИ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Алжир, 10 ноября 1943

На обратном пути из Москвы и из Каира Иден провел вчера вечером несколько часов в Алжире. Я имел продолжительную беседу с ним и с Макмилланом.

1. Московская конференция.

Иден подтвердил ранее высказанное впечатление об успехе конференции и о том духе сотрудничества, который внесли русские. Это уже его четвертая или пятая поездка в Москву, и он был

поражен... поведением русских делегатов, которые проявили гораздо больше откровенности и доверия, чем обычно. Их стремление к сотрудничеству с западными державами было очевидным. Министр иностранных дел объясняет эту перемену тем фактом, что русские сознают огромные задачи, которые встают перед нами в деле восстановления их страны... Сталин и его сотрудники понимают, что помощь западной промышленности будет необходимой.

Русские не скрывали своих территориальных претензий. Прибалтийские государства, польские территории к востоку от линии Керзона, Бессарабия и т.д. ... Но серьезных переговоров по этому вопросу не было возможности вести, так как польское правительство заранее сообщило министру иностранных дел, что оно отклоняет всякие дискуссии о границах до окончания войны.

В целом Иден не считает, что Сталин стремится к осуществлению захватнической программы. Он отмечает, что если говорить о Балканах, то русские просили его проявить инициативу и добиться вступления Турции в войну. А чем активнее выступит Турция на стороне союзников, тем больше у нее будет возможностей отстаивать политику, которая сводится к формуле «Балканы для балканцев».

Иден отмечает наконец, что русские озабочены тем, чтобы возможно скорее наметились основные контуры международной организации по обеспечению послевоенной безопасности.

Сильное впечатление на Идена произвела личность Вышинского.

2. Европейская комиссия и комиссия по итальянским делам...

Я сказал Идену о недовольстве французского общественного мнения и Комитета в связи с решениями, принятыми в Москве относительно создания в Лондоне Европейской комиссии, в которой не будет наших представителей. Он ответил, что первой задачей этой Комиссии будет продолжение дискуссий, начатых между тремя союзниками, и будет естественно, если их продолжат одни и те же партнеры. «Но, — сказал он, — скоро и вы будете принимать в них участие...»

Я не скрыл от Идена, что, если верить свидетельствам американцев и русских, предложение о создании комиссии в составе представителей лишь трех держав, исключая Францию, исходит от английских представителей. Иден ответил, что окончательные предложения действительно были сделаны англичанами. «Однако, — добавил он, — никто не требовал включения французской делегации».

Касаясь Комиссии по итальянским делам, Макмиллан отметил, что он и Мэрфи предлагали своим правительствам официально обратиться к нам совместно с Богомоловым, чтобы пригла-

свить нас к участию в Комиссии и предложить нам назначить своего представителя.

3. Каирские переговоры.

Иден проявил большую сдержанность в отношении переговоров, которые он вел в Каире с министром иностранных дел Турции... Нуман Менеменжоглу... был приятно удивлен настроением, которое обнаружилось в Москве. Что касается вступления Турции в войну, то он проявил гораздо больше осторожности...

4. Реорганизация Французского комитета национального освобождения.

Иден говорил со мною относительно недавней реорганизации Комитета. Лично его этот вопрос не беспокоит. Но он не уверен в том, что вывод генералов Жиро и Жоржа не вызовет недовольства Черчилля и Вашингтона.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ

Алжир, 13 ноября 1943

Дорогой генерал!

В момент, когда вы собираетесь направиться (в Бейрут), посылаю вам донесение, полученное мною от Эллэ.

Прочтите также письмо Бэлена, из которого узнаете о настроениях французов в Леванте перед инцидентом.

Думаю, что, находясь в Каире, вы можете не считаться с паническими настроениями, которые наверняка будут проявлены Кэйзи и другими. Думаю также, что в Бейруте следует остерегаться каких-либо публичных заявлений, по адресу Эллэ. В конечном счете Франция солидарна с ним, хотя его действия и были излишне резки. Думаю, наконец, что вы должны категорически отклонить любое возможное предположение о проведение франко-английского расследования, ибо это означало бы наше согласие на кондоминиум.

Ваша цель состоит в том, чтобы восстановить действие конституции при приемлемом для нас правительстве. Если англичане сделают это невозможным — чего я не думаю, учитывая нашу твердость, — то нам придется уйти.

Примите уверения, дорогой генерал, в моей преданности.

**ВЕРБАЛЬНАЯ НОТА, ПЕРЕДАННАЯ РЕНЕ МАССИГЛИ
ЗАМЕСТИТЕЛЕМ МАКМИЛЛАНА – РОЖЕ МАКИНСОМ**
(Перевод)

Алжир, 13 ноября 1943

В соответствии с инструкциями моего правительства имею честь сделать следующее заявление:

1. Правительство его величества в Соединенном королевстве не может мириться с каким бы то ни было новым осложнением обстановки в Леванте. Поэтому оно решило поставить в известность Французский комитет национального освобождения, что оно не может терпеть в военное время какого-либо серьезного нарушения общественного порядка. В связи с этим английские войска будут предпринимать соответствующие действия совместно с любыми властями, стремящимися не допустить беспорядка. Но, если английские вооруженные силы будут вынуждены предпринять подобные меры и в том случае, если Французский комитет не сможет заверить правительство его величества в Соединенном королевстве, что он готов немедленно обсудить *modus vivendi* на время войны, правительство его величества немедленно возьмет на себя инициативу созыва конференции, на которую будут приглашены французские, ливанские, сирийские и американские представители, с целью определить условия временного урегулирования между государствами Леванта и Францией на время войны. Намерение правительства его величества состоит в том, чтобы эти условия соблюдались обеими сторонами в течение всей войны и чтобы ими предусматривалось восстановление парламентского режима в случае, если бы таковой был нарушен.

2. Учитывая осложнение обстановки в результате событий, имевших место 11 и 12 ноября, мне, кроме того, поручено рекомендовать немедленно же отозвать Эллё с его поста генерального делегата и потребовать расширения состава ливанского правительства. Правительство его величества согласно допустить временную отсрочку созыва парламента до тех пор, пока не будет восстановлено спокойствие, но оно полагает, что созыв парламента будет разрешен при первой же возможности. Тем временем правительство его величества разрешит использовать английские войска для поддержания порядка, если обстановка этого потребует, то есть если французские власти проявят неспособность под-

держивать порядок самостоятельно и не прибегая к чрезвычайным мерам.

Имею честь быть вашим покорным слугой.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛЬНОМУ И ПОЛНОМОЧНОМУ ДЕЛЕГАТУ В БЕЙРУТЕ ЖАНУ ЭЛЛЕ

Алжир, 13 ноября 1943

Отвечаю на вашу вчерашнюю телеграмму. Насильственные меры, которые вы сочли необходимым принять, возможно, были необходимы. Во всяком случае, я должен считать их таковыми, поскольку они были вами приняты. В этом отношении вы имеете поддержку, и мы не собираемся вас дезавуировать.

Реакция лондонского правительства весьма остра. Представитель этого правительства в Алжире передал нам резкую вербальную ноту, которая предвещает большие осложнения со стороны англичан. Тем не менее я убежден, что в этом много блефа, поскольку англичане безусловно заинтересованы в том, чтобы в Ливане и Сирии не произошло беспорядков. Это удерживает их от принятия крайних мер. Они, вероятно, попытаются путем угроз вовлечь нас в конференцию с несколькими участниками, что для нас нежелательно.

Генерал Катру направляется в Бейрут. Он едет не для того, чтобы вас дезавуировать, а чтобы поддержать от имени Комитета освобождения. Примите мой дружеский привет.

КОММЮНИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ О НЕЗАВИСИМОСТИ АВСТРИИ

Алжир, 15 ноября 1943

Ознакомившись с декларацией американского, советского и английского правительств относительно Австрии, опубликованной в итоге Московской конференции, Французский комитет национального освобождения считает необходимым напомнить, что Франция всегда была сторонницей независимости Австрии.

Французский комитет национального освобождения не сомневается в том, что австрийские патриоты будут служить делу независимости Австрии собственной борьбой за освобождение и возрождение своей страны.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КАТРУ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛИО, В АЛЖИР

Бейрут, 19 ноября 1943

18 вечером я встретился с Бехара эль Хури, которого нашел в тяжелом физическом состоянии. Однако он проявил объективность и говорил с достоинством даже тогда, когда намекал на обстоятельства своего ареста. Он представил мне свои оправдания.

В заключение Бехара эль Хури заявил, что он действовал как глава конституционного государства и вынужден был уступить мнению палаты, мнению, которое было почти единодушным при голосовании предложения о пересмотре конституции.

Он протестовал против обвинения его в заговоре, что и послужило основанием для его ареста, и горячо защищался от упреков в неверности по отношению к Франции и в приверженности делу англичан и арабов. Несмотря на арест, он остается сторонником франко-ливанского союза.

Выслушав президента, я сообщил ему об инструкциях, полученных Эллё. Я спросил его, примет ли он программу, которую я намечу для него. Я сказал ему, что в таком случае он мог бы быть восстановлен на своем посту, но что ему пришлось бы сменить свой кабинет.

Бехара эль Хури заявил, что его авторитет был бы подорван, если бы он отстранил Риада Сольха, вместе с которым он подвергался репрессии. Он считает, что в этом случае мы лишились бы моральных преимуществ, которые мог бы нам дать великодушный жест... Я ответил, что можно было бы подсказать Риаду Сольху мысль об отставке... Рассчитываю повидать председателя Совета министров сегодня вечером...

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КАТРУ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ,
В АЛЖИР**

Бейрут, 20 ноября 1943

В связи с меморандумом, переданным мне 19 ноября вечером Кэйзи, ниже воспроизвожу замечания, которые мне пришлось ему сделать.

1. Вызывает удивление то обстоятельство, что, хотя этот документ носит ультимативный характер и несомненно Комитет освобождения ответит на него принятием собственного решения, Макмиллан не ознакомил с ним ни Комитет, ни меня. Я объективно признал себя лицом, некомпетентным дать ответ.

2. Кроме того, я отметил, что отправка текста этого документа в Алжир, его изучение там и сообщения о принятых решениях потребовали бы более длительного срока, чем тот, который был установлен...

3. Я заявил, что дух меморандума напомнил живо мне об эпохе Фашоды...

4. Я заметил, что право объявлять военное положение принадлежит в соответствии с соглашениями Литтлтон — де Голль французскому территориальному командованию, а не английскому.

Я подчеркнул, впрочем, что положение в Ливане ни в какой мере не оправдывало введения подобного режима.

5. Что касается отозвания Эллё, я сказал, что этот вопрос Комитетом в принципе решен, но что практически осуществлен он будет только тогда, когда Комитет сочтет это уместным.

Относительно освобождения интернированных, я заметил... что преисполнен наилучших намерений в этом отношении, но что методы англичан меня парализуют

6. Относительно предложения о созыве трехсторонней конференции я заявил, что мы намерены обсуждать свои дела с ливанцами без посредников.

7. Комитет должен выразить свое мнение по поводу всего этого. Мое мнение таково: мы можем ответить отказом, заявить, что, не имея возможности воспрепятствовать произволу и незаконному вмешательству англичан, мы временно уйдем и эвакуируем наш персонал. Такое решение позволило бы нам сохранить национальное достоинство и теоретически сохранить за собой наши права.

Но такое решение привело бы к окончательной потере Леванта, ибо ливанское общественное мнение, которое, как я уже

вам говорил, сейчас очень чувствительно к вопросам национальной чести, расценило бы наш уход как нежелание ликвидировать последствия насильственного и противозаконного в их глазах акта...

С другой стороны, мы были бы дискредитированы, если бы предоставили Англии возможность самой выпустить на свободу правительственный персонал и восстановить конституционные свободы.

Вот почему, несмотря на одиозность английских требований, я считаю, что мы должны сами сделать великодушный жест, которого ждет от нас Ливан, предав инцидент забвению и ликвидировав его последствия.

Взвесив все обстоятельства и повидав сегодня Рида Сольха, я пришел к выводу, что мое положение здесь позволяет мне это сделать от имени Комитета, не причинив ущерба французскому престижу.

Пусть Комитет решает. Жду срочных инструкций.

ТЕЛЕГРАММА КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ГЕНЕРАЛУ КАТРУ, В БЕЙРУТ

Алжир, 21 ноября 1943

Ваши телеграммы были переданы Комитету сегодня утром. Комитет считает:

- 1) инцидент необходимо срочно урегулировать;
- 2) урегулирован он должен быть исключительно между Францией и Ливаном без всякого вмешательства англичан;
- 3) мандат остается в силе, равно как и наши обязательства в отношении независимости, которая будет закреплена заключением франко-ливанского договора;
- 4) конституционный режим будет восстановлен при первой же возможности, учитывая, однако, что любое решение парламента, идущее вразрез с мандатом, будет аннулировано генеральным делегатом;
- 5) на такой основе комитет принимает ваши рекомендации...
- 6) что касается Эллё, сообщите ваше мнение о том, какое следует принять решение после того, как инцидент будет урегулирован.

КОММЮНИКЕ КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Алжир, 21 ноября 1943

Комитет ознакомился с последними донесениями и предложениями генерала Катру относительно урегулирования ливанского инцидента и констатирует, что в стране царит полный порядок.

Комитет решил принять предложение генерала Катру о восстановлении Бехара эль Хури на посту президента Ливанской республики и предложил специально направленному государственному комиссару обсудить с ним меры, необходимые для скорейшего восстановления конституционного режима в Ливане. Французскому генеральному и полномочному делегату Эллё предложено прибыть в Алжир для консультаций.

Комитет принял также решение освободить из заключения бывших ливанских министров, занимавших свои посты на 8 ноября с. г.

Комитет подтвердил свое прежнее намерение начать переговоры с правительством Сирийской республики, необходимые для согласования существования французского мандата с режимом независимости, обещанным Францией государствам Леванта в заявлениях, сделанных в 1941. Сразу же после восстановления конституционной жизни в Ливане аналогичные переговоры будут начаты с бейрутским правительством.

ТЕЛЕГРАММА ПЬЕРА ВЬЕНО КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Лондон, 24 ноября 1943

Во время моей вчерашней беседы с сэром Орми Сарджентом я самым решительным образом обратил внимание моего собеседника на всю опасность действий, предпринимаемых английским правительством в ливанском вопросе, и прежде всего сослался на ультиматум, предъявленный Кэйзи генералу Катру спустя 48 часов после прибытия последнего в Бейрут.

Нет необходимости повторять здесь доводы, которые я привел и которые разумеются сами собой. Однако я развивал их с убедительностью, которую в этой ситуации придает им всеми призна-

ваемый здесь факт моей личной приверженности делу франко-английского согласия.

Мой собеседник довольно слабо отстаивал позицию, занятую английским правительством, и у меня сложилось впечатление, что принятие столь грубых мер в отношении нас инспирировано Черчиллем, а не английским министерством иностранных дел.

Вот причины, которыми, на мой взгляд, продиктована английская позиция.

1. Тревога, внушаемая Англии реакцией арабского мира. Тут английская политика играет с огнем... Английское правительство... могло бы просто отмежеваться от нас... Однако вместо того, чтобы ограничиться заботами о сохранении своего престижа, оно полагало, что представился случай приумножить его за наш счет.

2. Английское правительство сомневалось в том, что Эллё действовал без инструкций. Оно считало, что безрассудный сигнал был подан Комитетом и, в особенности, де Голлем...

Та настойчивость, с которой сэр Орми Сарджент излагал мне это обстоятельство... со всей очевидностью означает, что английское правительство ошибалось относительно происхождения кризиса и что сэр Орми Сарджент сожалеет о том, что эта ошибка повлекла за собой столь грубые и поспешные меры...

3. Личное предубеждение Черчилля и широких слоев английского общественного мнения против генерала де Голля сыграло значительную роль. Многие из английских руководящих деятелей пришли к выводу, что генерал де Голль «не является другом Англии». Полагая, что он лично причастен к инцидентам в Ливане, они не видели необходимости проявить к нему снисхождение.

4. Английское правительство и, в особенности, Черчилль еще не признали изменений, произведенных недавно генералом де Голлем в составе Комитета освобождения...

В общем англичане проявили грубость, поспешность и недальновидность.

Сэр Орми Сарджент и сэр Уильям Стрэнг, которым я это объяснил без обиняков, отдают себе в этом отчет.

Как тот, так и другой проявили горячее желание, чтобы инцидент и его последствия были ликвидированы и чтобы франко-английские отношения вновь приняли свой обычный характер союза, на который не может оказать серьезного влияния соперничество в Леванте и который остается одним из основных стремлений Англии.

Я надеюсь, что те крайности, на которые пошло английское общественное мнение в момент острого кризиса, в конце концов

повлекут за собой благоприятную для нас реакцию. Я уже наблюдаю первый признак такого изменения. Многие признают, что англичане «зашли слишком далеко». Уже сейчас проявляется какое-то замешательство. Можно надеяться, что завтра оно примет форму и сожаления, может быть даже раскаяния.

Постараюсь извлечь из всего этого известную пользу для нашей политики...

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С ВЫШИНСКИМ 23 НОЯБРЯ 1943

(Записка составлена канцелярией генерала де Голля)

I. Вышинский указывает, что он будет представлять свое правительство в Средиземноморской комиссии. Последняя будет именоваться «Консультативным советом по вопросам Италии».

«Важно, — говорит Вышинский, — чтобы Комиссия возможно скорее направилась в Италию. Перед нею стоят две цели. Ближайшая цель: проведение в жизнь условий перемирия. Но в широком плане она должна подготовить создание в Италии демократического режима, способного включить Италию в войну против Германии и повести страну к мирной жизни. Поэтому надо изучить различные политические течения, разделяющие итальянский народ, выявить возможности создания итальянского правительства, достойного называться правительством».

В ответ генерал де Голль излагает нашу политику в итальянском вопросе.

Невзирая на трудности и несчастья, постигшие Францию, между обоими народами, по его мнению, не существует какой бы то ни было глубокой вражды. Однако в Италии уже давно имеется антифранцузское направление, породившее серьезные разногласия. Это направление, возглавляемое Криспи, в свое время одержало верх, но в дальнейшем ослабло в связи с германской угрозой. Оно снова стало проявляться со времени Первой мировой войны и перед появлением фашизма и усилилось при Муссолини, который видел в ненависти к Франции трамплин для того, чтобы толкнуть итальянский народ на путь воинственной и захватнической политики. Обстоятельства, при которых началась война между Италией и Францией, общеизвестны. Все же этот антагонизм объясняется не столько глубокой враждой, сколько неправильной политикой Италии, которая и привела ее к катастрофе.

Что касается будущего, то генерал де Голль не считает, что Италия должна быть сокрушена. Наоборот, нужно и наказывать и исправлять, чтобы заложить основы доброго согласия. Поэтому для нас необходимо, чтобы в Италии было создано демократическое правительство. С итальянским народным правительством мы сможем поладить. Но правительство маршала Бадольо не является правительством Италии. Мы можем его терпеть, исходя из временной необходимости, но, по нашему мнению, это не то правительство, которое должно оставаться в Италии.

Вышинский выражает свое согласие.

II. Генерал де Голль объясняет нынешнее положение Комитета национального освобождения. Оно продолжает оставаться трудным. Французы ни в какой мере не оспаривают его значения. Трудности проистекают из-за вмешательства некоторых иностранных держав. Откуда идет разлад? Комитет считает обязательным условием установления национальной власти ее полную независимость, в то время как некоторые державы с этим не соглашаются. Обстановка в Северной Африке, где мы перемешаны с иностранными силами, создает, конечно, дополнительную трудность для достижения полной независимости. Но Комитет не считает, что в этих условиях независимость становится менее необходимой для осуществления национальной власти. Все обвинения, высказанные в адрес Комитета, проистекают именно отсюда. Они преследуют цель оправдать иностранное вмешательство, с которым мы не можем согласиться.

Вышинский выражает надежду, что Россия не фигурирует в числе тех иностранных держав, которые имел в виду генерал. И действительно, разве своим признанием Комитета Россия не доказала желаниа уважать его независимость?

Генерал де Голль соглашается с этим и добавляет: «Мы не живем с Россией «впережку», а ведь это-то и порождает трения и вмешательство».

III. Генерал де Голль переходит к теме отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Он напоминает, что во время пребывания Корделла Хэлла в Алжире он говорил ему, что ни одна держава не желает установления хороших отношений между СССР и США так, как мы. Ведь Франция одновременно является европейской и мировой державой. В качестве европейской державы она стремится к согласию с Россией. В той мере, в какой она является мировой державой, она должна иметь хорошие отношения с Соединенными Штатами. Поэтому мы считали

бы нетерпимой враждебность в отношениях между этими двумя странами.

Вышинский заявляет, что такая позиция Франции весьма удовлетворяет Советскую Россию. Отношения между США и СССР должны быть хорошими, и в этом направлении необходимо добиться прогресса. Он добавляет, что ни один европейский вопрос не сможет быть решен без участия Франции. Именно это заявил маршал Сталин. Богомолов вступает в разговор и подчеркивает важность этого заявления маршала Сталина.

Вышинский добавляет, что именно России принадлежит инициатива включения Франции в состав Комиссии по вопросам Италии.

IV. Что касается Германии, Вышинский заявляет, что она должна быть лишена силы для подготовки новой агрессии. «В этом и заключается наша политика», — говорит он.

Генерал де Голль отвечает, что Франция также стремится сделать все, чтобы Германия не могла больше на нее напасть. Он надеется, что с американской стороны не будет создано каких-либо затруднений для принятия необходимых мер в этом отношении.

Вышинский говорит, что он также на это надеется.

V. Генерал де Голль спрашивает Вышинского, интересуется ли его ливанский вопрос. Вышинский отвечает, что он его очень интересуется.

Генерал де Голль разъясняет, что ливанский вопрос сам по себе большого значения не имеет. Значение его связано с франко-английским соперничеством на Востоке, которое портит все.

Ливан и Сирия должны быть независимыми, как все арабские государства. Но Англия, исходя из своих интересов на Востоке, старается обратить против нас ту неприязнь, которую питают к ней арабы. У Эллё конфликт возник не с Ливаном, а с Англией.

Вышинский отвечает: «Многие думают именно так, и это меня не удивляет. Но как получилось, что Эллё предпринял действия, не проконсультировавшись со своим правительством?»

Генерал де Голль объясняет, что это произошло потому, что англичане своим маневром вынудили представителя Франции к немедленным действиям. Генерал де Голль обращает внимание Вышинского на целый поток лживых сообщений, систематически распространяемых из английских источников по поводу событий в Ливане.

VI. Вышинский указывает, что он имел беседу с Массигли относительно назначения французского представителя в Консуль-

тативную комиссию. Он выражает пожелание, чтобы СССР и Франция в этой комиссии действовали согласованно.

ТЕЛЕГРАММА АНРИ ОППЕНО КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Вашингтон, 2 декабря 1943

Во время беседы, которую я имел позавчера с Данном, он изложил мне свои взгляды на проблемы, связанные с высадкой... Сказанное им можно резюмировать следующим образом.

Переговоры по этому вопросу между американцами и англичанами еще не привели к окончательному соглашению. Текст соглашения, когда он будет принят, несомненно будет сообщен Комитету, который сможет представить свои замечания, но переговоры в собственном смысле этого понятия по данному вопросу с нами вестись не будут. В частности, с нами не будет обсуждаться план урегулирования, который 27 сентября был передан Комитетом освобождения Макмиллану и Мэрфи...

Относительно денежных знаков, которые будут использованы союзниками во Франции, Дани был не менее категоричен. Он заявил, что этот вопрос имеет чисто военный характер и что решение об обеспечении войск вторжения денежными знаками союзного командования недавно подтверждено Стимсоном и является окончательным.

На мое замечание, что для войск, которые будут находиться в Бельгии и Голландии, принят другой режим, Дани ответил: «Обе эти страны имеют правительства, у вас же его нет»...

Когда я попытался продолжить разговор на эту тему, Дани прервал меня, заявив: «Бесполезно говорить об этом. Государственный департамент компетентен определить политические последствия этой проблемы». «Мой долг, — добавил я, — предупредить вас о том, какова будет реакция французского народа, когда он увидит, что союзные армии пользуются не французскими денежными знаками, выпущенными и гарантированными французскими властями, а иностранной валютой. У него создается впечатление, что с его страной обращаются как со страной оккупированной, и в его сознании эти денежные знаки невольно будут ассоциироваться с военными марками, ввезенными германской армией».

Данн с горячностью воскликнул, что он надеется, что французы сумеют все-таки усмотреть различие между американскими и германскими армиями. Я ответил ему, что это так, но что в том состоянии морального напряжения, в каком находится французский народ, нервы которого буквально обнажены в результате нескольких лет страданий и сопротивления врагу, малейшая психологическая ошибка сопряжена с риском породить самые серьезные последствия и посеять между французами и союзниками семена недоразумений на долгое время. Валюта является, быть может, наиболее очевидным и распространенным признаком национальной независимости и суверенитета. Создав у французов впечатление, что в этом отношении с ними обращаются как с итальянцами и немцами, союзники вряд ли могли бы совершить более грубую ошибку, которую как нельзя легче можно использовать против них же самих.

Ни одно из этих соображений, видимо, не поколебало Данна; его позиция была окончательно определена...

ТЕЛЕГРАММА АНРИ ОППЕНО КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Вашингтон, 3 декабря 1943

Во время вчерашнего визита к Корделлу Хэллу последний в доброжелательном тоне упомянул о своих беседах с генералом де Голлем и с комиссаром по иностранным делам. Затем он мне сказал, что американское правительство и американский народ горячо желают, чтобы освобожденная Франция вновь заняла свое место в мире, чтобы доверие стало господствующим чувством во взаимоотношениях между союзниками и чтобы это чувство было настолько прочным, чтобы легко преодолевались трудности и разногласия второстепенного значения. Затем он долго распространялся по поводу нападков, которым подвергалась его политика в отношении Виши, хотя он и проводил ее всегда в полном согласии с Черчиллем и хотя, по его мнению, события в Африке в дальнейшем ее оправдали. Этот вопрос его беспокоит, и он упоминает о нем при каждой нашей встрече. Вместе с тем во всех его высказываниях сквозит злопамятность в отношении французов, нападавших на эту политику, и желание рассеять недоразумение, давно уже существующее между ним и нами...

ТЕЛЕГРАММА ПЬЕРА ВЬЕНО КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Лондон, 7 декабря 1943

Я воспользовался вчерашней беседой с сэром Орми Сарджентом, чтобы проверить информацию, полученную Оппено от Данна.

Я полагаю, сказал я ему, что переговоры между английским и американским правительствами по вопросу о заключении с нами соглашений в связи с высадкой наталкиваются на ряд трудностей, и прошу информировать меня по этому вопросу.

Он подтвердил, что эти переговоры затягиваются и что точка зрения Комитета встречает возражения. Но, поскольку проблема сложна, он, Сарджент, ставит вопрос... Так как было очевидно, что мой собеседник затрудняется в подыскании нужных слов, я сам сказал: «Вопрос о правдоподобности Комитета осуществлять администрацию на освобожденных территориях». — «Совершенно верно», — ответил он.

Тогда я с полной откровенностью коснулся существа проблемы. «В общем, — сказал я, — вы возвращаетесь к проекту АМГОТ* для Франции». И так как мой собеседник пытался возражать, я ответил: «Я вполне понимаю, что вы бы не хотели употреблять этого слова... Но фактически с того момента, как Комитету будет отказано в праве осуществлять власть во Франции, на сцену выступит управление, осуществляемое военными властями, то есть режим АМГОТ. Не говоря уже о том, что такой режим вызвал бы определенные отклики во Франции, Комитет, являющийся Комитетом освобождения, о чем говорит само его название, был лишен права на существование. В этом случае я бы первый... посоветовал Комитету отказаться от того, чтобы служить ширмой, прикрывающей ваши затеи. Если вы должны установить во Франции режим АМГОТ, вы будете это делать одни, без участия нашей миссии по связи, без какого бы то ни было содействия со стороны Комитета. Именно вам придется противостоять волне-

---

*АМГОТ — Allied Military Government of Occupied Territory («Союзное военное правительство на оккупированных территориях») — англо-американский военно-административный орган, созданный для управления итальянскими территориями, освобожденными от немецко-фашистских войск в 1943–1945. Юрисдикция итальянского правительства не распространялась на территорию, где действовал АМГОТ. — *Прим. ред.*

ниям, избежать которых можно только при наличии власти Комитета, почти единодушно признанного страной в качестве правительства. Кроме того, вы серьезно подорвете сотрудничество Франции с союзниками в будущем».

Такая перспектива явно встревожила моего собеседника. Он заверил меня, что этого никогда не случится. Он пытался успокоить меня относительно англо-американских намерений... Я твердо оставался на своих позициях, хотя тон беседы был вежливым и дружеским.

Обойтись без нас невозможно, и они это знают. Под ногами у нас твердая почва.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ОБ ИНДОКИТАЕ

8 декабря 1943

Ведя политику захватнических войн с целью утвердить господство над свободными территориями Дальнего Востока и бассейна Тихого океана, Япония в 1940 г. напала на Индокитай. Лишенный поддержки извне, не имея возможности получить помощь от великих демократических держав, которым в то время не хватало единства и организованности, Индокитай после героического, но безуспешного сопротивления оказался вынужденным уступить требованиям врага. Передача союзнику Японии, Сиаму, провинций Баттамбанг, Сиен-Реап и Сисофон и лаосского правого берега реки Меконг, установление японского контроля над Тонкином, последующее постепенное проникновение японских войск на всю территорию Индокитая — таковы этапы японского вторжения.

«Свободная Франция» никогда не мирилась с этими насильственными, захватническими действиями. 8 декабря 1941, на следующий день после нападения Японии на Пёрл-Харбор, Французский национальный комитет объявил, что он находится в состоянии войны с Японией. Франция торжественно отвергает всякие акции и уступки, которые могли быть осуществлены вопреки ее правам и интересам. В союзе с Объединенными Нациями она будет продолжать борьбу до окончательного разгрома агрессора и полного освобождения всех территорий Индокитайского Союза.

Франция всегда будет помнить о благородстве и прямотушии правящих монархов Индокитая, она никогда не забудет о до-

стойной и лояльной позиции индокитайских народов, о сопротивлении, которое они вместе с нами оказали Японии и Сиаму, об их верности и приверженности французскому содружеству. Этим народам, сумевшим таким путем утвердить и свое национальное чувство и чувство политической ответственности, Франция намерена дать в составе Французского содружества новый политический статут, по которому в рамках федеральной организации будут расширены и законодательным путем закреплены свободы, предоставляемые различным частям Союза; по которому предусматривается усиление либерального характера органов управления при сохранении всех проявлений индокитайской цивилизации и индокитайских традиций; по которому, наконец, индокитайцам будет предоставлен доступ ко всем видам государственной службы.

Наряду с реформой политического статута Союза, который сможет на основе таможенной и налоговой автономии обеспечить свое собственное процветание и будет содействовать процветанию соседних с ним стран.

Дружеские и добрососедские отношения с Китаем и развитие наших культурных и экономических связей с великой державой явятся дополнительным фактором, обеспечивающим Индокитаю при той роли, которую ему вскоре предстоит играть, спокойное и счастливое будущее.

В свободном и тесном союзе с народами Индокитая Франция выполнит свою миссию в бассейне Тихого океана.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ НОРВЕГИИ ХАУГЕНОМ 17 ДЕКАБРЯ 1943

(Записана канцелярией генерала де Голля)

Хауген заявляет генералу де Голлю, что его правительство весьма озабочено двумя вопросами, а именно: 1) условиями безопасности Норвегии в будущем; 2) вопросом о высадке.

1) Условия безопасности Норвегии в будущем.

Норвежское правительство полагало, что соглашения между северными державами было бы достаточно для обеспечения ее безопасности. Это согласие, помимо Норвегии, могло бы включить Швецию, Данию и, возможно, Великобританию.

Однако норвежскому правительству приходится констатировать, что такое соглашение, безусловно, не было бы достаточно

широким. Швеция, по-видимому, не готова присоединиться к такому соглашению, ибо это могло бы вызвать неблагоприятную реакцию со стороны России. Норвегии, таким образом, приходится иметь в виду более широкое соглашение, например в форме Атлантического договора.

Генерал де Голль заявляет, что, по его мнению, основным критерием для оценки проблем стратегической безопасности в будущем является воздушная безопасность.

Соглашение немногих не гарантирует такой безопасности. Воздушная безопасность любого европейского государства может быть обеспечена лишь в порядке создания системы безопасности в общеевропейском масштабе.

Безопасность морских путей может быть обеспечена путем создания системы безопасности в самых широких масштабах. Безопасность от нападения подводных лодок, например, также должна быть организована в европейском масштабе.

При отсутствии европейской системы безопасности, включающей как Россию, так и западные державы, приходится иметь в виду систему атлантическую, но тогда она должна быть широкой атлантической системой, включающей, разумеется, Францию.

Хауген говорит, что его правительство согласилось бы включить Францию в число участников соглашения, заключенного на такой основе, однако имеется сомнение относительно позиции США. Если они не согласятся участвовать в подобном соглашении, они захотят сохранить ипотеку на Исландию и тем самым могут нарушить всю структуру данной системы.

Генерал де Голль говорит представителю Норвегии, что он разделяет такую точку зрения.

По его мнению, это лишний раз подтверждает обоснованность тревоги норвежского правительства и правильность концепции системы европейской безопасности.

2) Вопрос о высадке.

Норвежское правительство считает, что оно достигло удовлетворительной договоренности с правительством Великобритании и с США по вопросу о высадке.

Хауген спрашивает, может ли он узнать, в каком состоянии находятся переговоры, предпринятые нами по этому же вопросу.

Генерал де Голль отвечает, что Французский комитет национального освобождения продолжает переговоры, но еще не достиг положительного результата. Это нас огорчает, поскольку здесь кроется не только источник возможных беспорядков внут-

ри Франции, но также и источник серьезных трудностей для самих же союзников в момент их высадки.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С ПОСЛОМ ПОЛЬШИ МОРАВСКИМ 20 ДЕКАБРЯ 1943

(Записана канцелярией генерала де Голля)

В начале беседы Моравский говорит генералу де Голлю, что он захотел встретиться с ним потому, что Франция является другом Польши и ее традиционной союзницей, и что хочет его информировать о дипломатической позиции своей страны.

В этом отношении в мире публикуется множество неверных сведений. Моравский ссылается, в частности, на некоторые статьи алжирской печати.

Говорят, что Польша якобы не предполагает иметь в будущем договора с Россией, что она, в частности, не хочет вступать в союз с Чехословакией и Россией. Моравский утверждает, что, напротив, Польша стремится к такому союзу.

Он напоминает, что в 1941, когда Сикорский и Бенеш начали проводить политику, направленную на создание союза восточно-европейских государств, который должен был включить Польшу, Чехословакию и, возможно, другие государства, например Венгрию, некоторые комментаторы стали поговаривать о возвращении к формуле «санитарного кордона». Такая интерпретация неточна: Польша преследовала цель найти в рамках ассоциации более легкий способ решения ряда проблем, возникающих между странами Восточной Европы, таких, как вопрос о Тешине. Но польское правительство не понимает, почему такая ассоциация не смогла бы установить тесные связи с Россией. Моравский добавляет, что такой союз давал бы известное преимущество и западным державам, которые имели бы дело с единой группой государств, что облегчило бы западным державам ведение с ними тех или иных переговоров.

Затем польский посол описывает трудное положение своего правительства. Он еще не знает ни того, что мог сказать Иден польскому правительству после возвращения из Тегерана, ни того, какой будет реакция польского правительства. Тем не менее он снова утверждает, что Польша не исключает возможности заключения договора с Россией и что, напротив, она этого желает, поскольку недавно заключительный русско-чешский договор предусматрива-

ет восстановление чехословацких границ 1938 и взаимную гарантию невмешательства во внутренние дела друг друга.

Он отвергает также критику, часто направляемую в адрес польского правительства, которое упрекают в том, что оно якобы не является подлинным представителем польского общественного мнения. Между тем, говорит он, нынешнее польское правительство представляет четыре крупнейшие политические партии Польши, являющиеся левыми партиями. «Мы знаем, — сказал он, — что действуем в согласии со своей страной».

В заключение польский посол говорит генералу де Голлю, что его демарш преследует двоякую цель: узнать наше мнение относительно перспективы развития тех вопросов, в которых заинтересована Польша, и побудить генерала де Голля при случае выступить в пользу Польши.

Генерал де Голль заверяет посла в том, что Франция желает видеть Польшу великой и сильной. Это желание продиктовано не только чувством, но и необходимостью. Он, конечно, не уверен, что французская общественность выскажется за обеспечение Польше восточной границы, более или менее продвинутой к востоку. Но в своей массе французы остаются сторонниками восстания сильной Польши.

Наше нынешнее дипломатическое положение не позволяет нам выступить официально по этому вопросу. Сейчас мы можем оказать лишь моральное влияние.

Однако, говорит генерал де Голль Моравскому, с его точки зрения, настоящий момент является для Польши крайне неблагоприятным, чтобы ставить вопрос о ее границах с Россией и с другими своими соседями. Для этого есть несколько причин: прежде всего, Польша слаба; русские же, наоборот, переживают огромный подъем в связи со своими победами и отнюдь не склонны идти на уступки; англичане и американцы, возможно, и хотели бы помочь Польше — чего, впрочем, нельзя утверждать наверняка, — но в настоящий момент этого не сделают, чтобы не вступать в конфликт с русскими; что касается Франции, то в будущем она, быть может, сумеет оказать помощь европейским государствам, но сейчас не располагает такими возможностями.

И, напротив, в дальнейшем польское правительство сможет доказать, что оно пользуется поддержкой общественного мнения своей страны. С другой стороны, русские после победы столкнутся с огромными трудностями восстановления, возможно даже, у

них будут трудности в отношениях с союзниками. Тогда их требования к Польше, возможно, будут менее категоричны. И, наконец, сама Франция к тому времени, вероятно, уже частично восстановит свою мощь.

Польский посол присоединяется к высказанному мнению: сейчас для Польши не время ставить вопрос о границах, и он полагает, что его правительство разделяет это мнение.

Возвращаясь к просьбе, высказанной Моравским, генерал де Голль заявляет, что он рассчитывает иметь возможность высказаться в пользу Польши по случаю вступления в дело польских войск, которым вскоре вновь предстоит сражаться бок о бок с французскими войсками в Италии, как они уже совместно сражались в 1940 во Франции.

ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА РЕНЕ МАССИГЛИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Алжир, 31 декабря 1943

Принципиальное соглашение с англичанами и американцами об участии французской армии в битве за Францию завершилось состоявшимся недавно обменом письмами между мною, Вильсоном и Макмилланом. Эти письма будут направлены вам дипломатической почтой.

Как тот, так и другой высказали мне свое глубокое удовлетворение этим фактом, в котором они усматривают счастливое введение к последующим переговорам.

Генерал Эйзенхауэр перед поездкой в Вашингтон высказался в том же духе во время беседы с генералом де Голлем и не скрыл своего намерения сообщить президенту Рузвельту и Черчиллю, которого он должен увидеть проездом, о весьма благоприятном впечатлении, вынесенном им из его последних контактов... Вильсон в свою очередь тоже направится вскоре в Вашингтон для подготовки дальнейших переговоров. И наконец, Макмиллан, который испытывает, вероятно, личное удовлетворение в связи с таким улучшением ситуации до прихода своего преемника, намерен упорно работать, с тем чтобы в кратчайший срок рассеять тучи, омрачившие франко-английские отношения.

БЕСЕДЫ ПРЕЗИДЕНТА БЕНЕША С ГЕНЕРАЛОМ ДЕ ГОЛЛЕМ И РЕНЕ МАССИГЛИ В АЛЖИРЕ 2 И 3 ЯНВАРЯ 1944 (Записаны канцелярией генерала де Голля и комиссаром по иностранным делам)

1. Впечатления о Советском Союзе.

Бенеш удовлетворен своей поездкой в Москву. Он был там хорошо принят. Благодаря знанию русского языка и знакомству с политическими деятелями он имел возможность вести многочисленные и откровенные беседы с ответственными руководителями. Он неоднократно видел Сталина, беседовал с ним и во время официальных заседаний и при личных встречах.

Русские руководители прежде всего производят впечатление людей, осознавших свою победу и исполненных решимости довести дело до конца. СССР в значительно большей степени, чем западные державы, уверен в том, что именно он сокрушил Германию. Он осознает свою огромную экономическую и военную мощь. Создается впечатление, что победившая революция гораздо больше озабочена закреплением своих завоеваний, нежели тем, чтобы продолжать революционное развитие. Наблюдается большое националистическое течение (в частности, на Украине и в Белоруссии).

Население живет в трудных условиях; роскошь изгнана; солдаты питаются хорошо; самое необходимое есть повсюду; транспорт получил огромное развитие; что касается армии, то поражает ее обеспеченность большим количеством вооружения и прекрасными кадрами.

Бенеш обращает внимание на сближение между Советами и православной церковью. Отделение церкви от государства, конечно, остается в силе, но вместе с тем есть стремление использовать в национальных интересах большую притягательную силу и влияние церкви. Бенеш убежден, что Советы будут стремиться договориться с Ватиканом в отношении католического населения, которое перейдет под их власть. Он полагает, что при наличии желания со стороны Ватикана легко может быть достигнут компромисс.

2. Русско-чехословацкий договор.

Президент напомнил об этапах выработки русско-чехословацкого договора. Переговоры начались с Богомоловым в марте 1943 г. Именно Бенеш обратил внимание Советского правительства на целесообразность официального выступления против «Драп паш

Osten». После того как в принципе это предложение было принято, он сам по просьбе русских сформулировал соответствующую статью договора. Что касается статьи о Польше, то включить ее предложил Бенеш, но он хотел, чтобы сформулировали ее русские. Чтобы предотвратить возражения со стороны Идена против заключения договора, Бенеш просил Молотова, чтобы он во время Московской конференции ознакомил Корделла Хэлла и Идена с проектом договора. Корделл Хэлл сразу же выразил свое согласие. Иден не мог возражать.

Бенеш подчеркивает, что независимость и целостность Чехословакии полностью гарантированы. С Москвой достигнута всесторонняя договоренность по вопросу о границах (приняты дюмюнхенские границы, урегулирован также словацкий вопрос, вопрос о Закарпатской Руси и о Судетах).

3. Польский вопрос.

Россия считает, что вопрос о польских границах урегулирован. Она намерена вернуть себе Белоруссию и Восточную Галицию и иметь границу с Закарпатской Русью. Это не значит, что по некоторым пунктам русские не готовы пойти на уступки и отказаться от того направления линии Керзона, которое определяется германо-русским договором. Они не собираются ни уничтожить Польшу, ни включить ее в состав Советского Союза. Но для них приемлема лишь такая Польша, которая не будет враждебна по отношению к ним. Они получают удовлетворение, поскольку англичане и американцы в общем предоставили им полную возможность обсудить вопрос с поляками с глазу на глаз.

Это не значит, что Москва категорически высказывается против всех членов польского правительства в Лондоне. Напротив, Бенеш советовал русским договориться с премьер-министром Миколайчиком, и Бенешу недвусмысленно, хотя и конфиденциально, было заявлено, что не исключена возможность формирования правительства, которое включало бы в свой состав наряду с деятелями, находящимися в самой Польше, также и некоторых членов эмигрантского правительства. Во всяком случае, русские согласны с тем, чтобы Польша была широко компенсирована на Западе. Восточная Пруссия не будет немецкой — впрочем, в этом заинтересована Россия, — а Силезия станет польской.

4. Югославия и Балканы.

Что касается Югославии, Бенеш с удовлетворением отмечает, что русские согласны, чтобы Югославия продолжала существовать. Если сербы и хорваты будут враждовать, то они будут делать

это внутри единого государства. Это вовсе не предопределяет окончательную позицию Советского правительства в вопросе о внутренней организации югославского государства.

На вопрос, отстаивает ли Москва союз всех южных славян, в том числе и болгар, Бенеш отвечает, что выяснить это ему не удалось. Вообще говоря, он не верит в подобное намерение русских, по крайней мере в настоящий момент.

То же самое и в отношении Турции. Хотя президент и отмечает, что русские раздражены происками турок, они отнюдь не намерены предъявлять каких-либо претензий в отношении Проливов.

5. Венгеро-румынские отношения.

Судьба Венгрии, видимо, решена. По мнению Бенеша, сама Венгрия не в состоянии развиваться в должном направлении. Ей недостает способных политиков, и она неизбежно сталкивается с величайшими трудностями, ибо в период между двумя войнами в Венгрии не была проведена аграрная реформа. Какими бы ни были превратности ее внутренней политики, Венгрия не сохранит за собой ни тех территорий, которые отошли к ней от Чехословакии, ни тех, которые к ней отошли от Югославии.

Относительно Румынии Бенеш может совершенно конфиденциально сообщить, что Манну просил его быть посредником между ним и Сталиным и что он получил от Сталина заверения, что в случае венгеро-румынского спора из-за Трансильвании Россия примет сторону Румынии.

6. Германский вопрос.

Остановившись на перечисленных вопросах, президент Чехословакии подчеркивает, что не следует все же думать, будто Советы намерены урегулировать европейские дела по своему усмотрению, а англосаксонским союзникам останется лишь согласиться с их решениями. В частности, Бенеш уточняет следующее: хотя в Москве преисполнены решимости разбить германскую военную машину и лишить Германию возможности предпринять новую войну в течение жизни нескольких поколений, хотя русские решили дойти до Берлина, они ни в коей мере не намерены предвосхищать методов, посредством которых Германия будет обезврежена. Напротив, они заверили Черчилля и президента Рузвельта в том, что в Германии ими не будет самостоятельно проявлено никакой инициативы. Политика в Германии явится результатом совместно принятых решений. Относительно возможного территориального расчленения Гер-

мании у Москвы также нет какого-либо заранее обдуманного намерения.

7. Позиция в отношении Комитета освобождения.

Бенеш не скрывает, что сейчас в Москве имеется тенденция занять по отношению к Комитету освобождения сдержанную позицию. Такая позиция, возможно, вызвана сдержанным отношением англосаксонских союзников, но дело, конечно, не только в этом. Имеются некоторые сомнения в отношении условий дальнейшего развития Франции. Пойдет ли Франция по пути своего обновления до конца или же там опять разгорится борьба между двумя равными по своим силам лагерями, которые будут нейтрализовать друг друга и парализовать политику страны? Бенеш отметил эту сдержанность Москвы. Он указывает, что такая же неуверенность влияет и на политику, которую Чехословакии приходится наметить на будущее и которая побудила его лично совершить поездку в Москву. Для него не было иного выхода, поскольку нет твердой уверенности в том, что возрождение Франции окажется устойчивым и длительным.

ТЕЛЕГРАММА КОМИССАРА ПО ВНУТРЕННИМ ДЕЛАМ ЭММАНЮЭЛЯ Д'АСТЬЕ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Лондон, 22 января 1944

Передаю краткий отчет о переговорах с Черчиллем и Марракеше 14 января после вашего отъезда. Почтой направляю более подробный доклад.

Премьер-министр выразил удовлетворение своими беседами с вами. Он с большой похвалой отзывается лично о вас и о деле, которое вы представляете.

Для него вы бесспорно «человек, воплощающий Францию» и т.п.

Он, конечно, вкрапчивал в свои высказывания едкие замечания о вашей «ксенофобии» и вашем «агрессивном отношении» к нему со времени сирийской кампании.

Он быстро перешел к наиболее важному для него вопросу о чистке. На принципиальной почве ему было трудно отстаивать свое предложение, и он дал мне понять, что если он ожидает с нашей стороны проявления снисходительности к Буассону, Пейрутону и Фландену (в порядке их предпочтительности), то

именно для того, чтобы мы выполнили по отношению к этим трем лицам обязательства, взятые на себя Рузвельтом и им самим.

Я ответил, что французский народ не может связывать себя последствиями, вытекающими из обещаний, данных иностранными государственными деятелями лицам, подлежащим французской юрисдикции.

Говорил с Черчиллем о поставках оружия участникам Сопровитвления, напомнив об обещаниях, которые до сих пор не выполнены.

Он ответил, что вы получите обещанное и что он по достоинству оценил заседание Ассамблеи, посвященное этому вопросу, внесенные интерpellации, ваш и мой ответы. Он добавил, что маршалу авиации Гаррису будут даны необходимые распоряжения.

Он рассчитывает снова встретиться со мной в Англии и там продолжить обсуждение.

В заключение я должен подчеркнуть, что мое впечатление совпадает с тем впечатлением, которое вынесли вы из встреч с премьер-министром.

По-видимому, единственным серьезным препятствием, мешающим полному согласию, является, как это ни странно, судьба Буассона, Пейрутона и Фландена...

Отмечаю заметное улучшение в наших отношениях с английскими службами. Последние теперь больше помогают нам.

ТЕЛЕГРАММА РЕНЕ МАССИГЛИ АНРИ ОППЕНО, В ВАШИНГТОН

Алжир, 23 февраля 1944

Отвечаю на вашу телеграмму относительно выраженного Эдвином Вильсоном и другими американскими деятелями мнения о своевременности поездки генерала де Голля в Соединенные Штаты.

Как известно, в прошлом поездка генерала де Голля намечалась американской стороной по меньшей мере дважды; каждый раз она отменялась в самый последний момент, а за предложением Сэмнера Уэллеса весной прошлого года приглашения не последовало. Учитывая эти прецеденты, а также еще не вполне

определившееся отношение американских официальных кругов к председателю Комитета, инициатива поездки не может исходить от нас. Если бы президент Рузвельт пригласил генерала де Голля нанести ему визит, такое приглашение, разумеется, было бы охотно принято...

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ МАССИГЛИ, В АЛЖИР

Алжир, 24 февраля 1944

...Развитие обстановки, и в частности открыто занятая в последнее время Советским Союзом позиция, предполагающая расчленение Германии, приводят меня к мысли о том, что правительство должно теперь определить свое отношение к проблеме урегулирования германского вопроса. Желательно, чтобы вы в кратчайший срок информировали Комитет о наиболее существенных аспектах проблемы, в частности относительно будущего Рейнской области, если после краха рейха встанет вопрос о ее дальнейшей судьбе.

Ваш доклад об условиях перемирия с Германией было бы целесообразно дополнить запиской, в которой следует осветить следующие вопросы:

1) стратегические и экономические условия, в которых оказались бы Франция, Бельгия, Голландия и Англия с «отделением» Рейнской области от Германии;

2) стратегические и экономические условия, которые возникли бы для Рейнской области в результате ее отделения от Германии и объединения с Западом.

Разумеется, понятие «Рейнская область» включает не только левый берег Рейна, но также и правобережные территории, которые дополняют его в стратегическом и экономическом отношении.

При анализе вопроса о том, как эта перспектива может отразиться на западных странах, следовало бы иметь в виду, что присоединение Рейнской области к западному блоку было бы связано с точки зрения стратегической и экономической с созданием стратегического и экономического союза между Францией, Бельгией, Люксембургом и Голландией, к которому могла бы примкнуть Великобритания...

ПОСЛАНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ШУКРИ КУАТЛИ, ПРЕЗИДЕНТУ СИРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

(Идентичное послание адресовано его превосходительству Бехара эль Хури, президенту Ливанской республики)

Алжир, 6 марта 1944

Господин президент!

Генерал Бейне, назначенный Французским комитетом национального освобождения на пост генерального и полномочного делегата Франции в Леванте, передаст вашему превосходительству дружеский привет Франции и пожелания счастья и процветания сирийскому (ливанскому) народу от лица Комитета.

Выполняя свою миссию, генерал Бейне продолжит и — я уверен — успешно завершит переговоры с правительством вашего превосходительства, начатые генералом Катру и продолженные Шатеньо в целях выполнения обещаний, которые были даны сирийскому (ливанскому) народу и верность которым Комитет твердо намерен сохранить. Дружба, с давних пор соединяющая Сирию (Ливан) с Францией, служит гарантией того, что достигнутое широкое понимание необходимости справедливого равновесия между национальными чаяниями и требованиями момента приведет к благополучному завершению происходящих переговоров.

Прошу принять, ваше превосходительство, вместе с заверениями в моей искренней преданности нации, судьбы которой вы направляете, также и выражение моей верной дружбы.

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ЛИВАНЕ КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Бейрут, 10 марта 1944

Генерал Бейне прибыл вчера во второй половине дня. Ливанское правительство направило для встречи своего представителя...

На церемонии присутствовали английские гражданские и военные представители, папский нунций, военный атташе Соединенных Штатов, члены польской, чехословацкой, турецкой и

швейцарской миссий. В этих условиях не имел никакого значения факт отсутствия представителей Египта и Ирака. Этот факт заслуживает быть отмеченным лишь в порядке информации.

На основании текста личных посланий генерала де Голля президентам Сирийской и Ливанской республик в сообщении, подготовленном для печати, было указано, что генерал Бейне назначен на пост генерального и полномочного делегата Франции в Сирии и Ливане. Было достигнуто взаимопонимание с обоими государствами и кризис ликвидирован.

Сегодня генерал посетит президента республики Бехара эль Хури, который нанесет ему ответный визит во второй половине дня.

Сегодня же он примет монсеньера Таппуни и бейрутского архиепископа монсеньера Мобарака. Маронитский патриарх направил двух своих епископов приветствовать представителя Франции в связи с его прибытием...

Сирийское правительство, получив соответствующую информацию, сообщило нашему делегату в Дамаске, что оно готовит генералу Бейне горячий прием.

ТЕЛЕГРАММА АНРИ ОППЕНО КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Вашингтон, 20 марта 1944

Из весьма надежного источника я узнал, что генерал Эйзенхауэр якобы намерен отказаться от обязанности, которую собирался возложить на него президент. Генерал считает, что не он, а союзные правительства должны назначить французскую гражданскую власть, с которой придется иметь дело при высадке...

ТЕЛЕГРАММА ПЬЕРА ВЬЕНО КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Лондон, 21 марта 1944

Сегодня во второй половине дня имел беседу с Оливером Гарвей относительно характера инструкций, которые предлагается дать генералу Эйзенхауэру.

Выяснилось, что эти инструкции предоставляют главнокомандующему право вступать в сношения с любой властью, претендующей на управление Францией.

Я сказал моему собеседнику, что не думаю, чтобы Комитет освобождения мог согласиться с инструкциями, полученными генералом Эйзенхауэром, если они дают право обращаться к каким-либо иным французским властям, кроме тех, которые будут созданы самим Комитетом.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ В КОНСУЛЬТАТИВНОЙ АССАМБЛЕЕ 27 МАРТА 1944

В ходе обсуждения неоднократно говорилось о том, какое значение перед лицом внешнего мира имела бы позиция, занятая Ассамблеей и правительством в вопросе об организации власти во Франции в период освобождения.

Правительство обращается к вам с просьбой — оно, впрочем, не сомневается, что эта просьба соответствует и вашим собственным намерениям, — в этом отношении не считаться абсолютно ни с чем, кроме воли нации. Только это, и ничего больше!

Франция принесла свободу всему миру, Франция была и остается ее неизменным поборником — эта Франция не нуждается в советах, идущих из-за ее границ, чтобы решить вопрос о том, как восстановить свободу в своем доме. Что касается Временного правительства республики, которое с июня 1940 твердо стоит на почве демократии и в то же время обеспечивает участие Франции в войне, то, смею вас заверить, оно будет считаться только с тем, что исходит от французской нации, которой к тому же только оно и вправе руководить.

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Вашингтон, 28 марта 1944

Вчерашняя речь генерала де Голля в Консультативной ассамблее опубликована во всех газетах под следующими заголовками: «Де Голль заявляет, что он намерен считаться только с волей Фран-

ции», «Франция не нуждается в советах, идущих из-за границ», — заявляет де Голль», «Де Голль критикует программу союзников».

Каллендер в начале своей статьи проводит слова генерала де Голля о том, что французское правительство не нуждается ни в чьих советах, кроме советов французской нации.

«Впервые, по крайней мере за последние месяцы, — пишет Каллендер, — генерал де Голль назвал Комитет Временным правительством Франции. Еще недавно многие его министры говорили, что Комитет не требует, чтобы его признали в качестве правительства, да и сам генерал де Голль в речи, произнесенной им 18 марта, выразил ту же мысль, заявив, что формальная сторона не имеет никакого значения».

«Его торжественное заявление относительно власти Комитета и столь же торжественное предложение Ассамблее не прислушиваться к мнению заграницы приобретают особый смысл в связи с сообщениями о том, что Вашингтон не предполагает признать Комитет в качестве единственной власти во Франции».

Соня Тамара в «Нью-Йорк геральд трибюн» пишет: «Генерал де Голль сегодня впервые публично заявил, что его мало беспокоит, что думают о нем за границей, и что он считается только с волей французского народа».

Она отмечает восторженную реакцию Ассамблеи на эти слова генерала де Голля и пишет: «Генерал де Голль по обыкновению доминировал в Ассамблее...»

ТЕЛЕГРАММА РОЖЕ ГАРРО КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Москва, 31 марта 1944

Моя вчерашняя беседа с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР касалась вопроса, который был поднят председателем Комитета национального освобождения в речи, произнесенной им 18 марта в Консультативной ассамблее, и по поводу которого Богомолов просил у вас разъяснений. Вопрос таков: что имел в виду генерал де Голль, когда говорил о плане создания группировки западноевропейских государств, которая могла бы в случае необходимости включать также и ближневосточные арабские государства и артериями которой служили бы наряду с Ла-Маншем Рейн и Средиземное море.

Я повторил заместителю народного комиссара те разъяснения, которые вы сами дали Богомолу. Я сказал, что в вашей речи были лишь упомянуты проблемы, связанные с восстановлением Европы, которыми сейчас занимаются всюду и которые составляют предмет изучения в заинтересованных странах, но что результаты этого изучения еще не сопоставлены. Мною было указано, что ни один из многочисленных проектов, предложенных в различных местах, еще не принял конкретной формы и что Комитет освобождения не приступил к каким-либо переговорам в этой области, так что не о чем было информировать правительство СССР.

В состоявшейся затем беседе в более широком плане я счел нужным заметить заместителю народного комиссара иностранных дел, что если в Москве иногда и могли сожалеть о недостаточности информации, предоставляемой в порядке дружбы Комитетом освобождения о ведущихся переговорах, то в Алжире полагают, что у Комитета не было для этого достаточных стимулов в связи с крайней сдержанностью правительства СССР, которое со своей стороны зачастую не сообщало нам о своих намерениях или своих начинаниях, имеющих отношение к вопросам, непосредственно интересующим Францию.

Я сослался на самый последний пример недостаточности взаимной информации: восстановление прямых отношений и обмен представителями между СССР и правительством Бадольо.

Заместитель народного комиссара перешел затем к общей проблеме отношений между Комитетом освобождения и своим правительством, заявив следующее:

«Комитет освобождения не должен упускать из виду, что основная позиция СССР в отношении Сражающейся Франции заключается в оказании ей любой возможной помощи. Советский Союз испытывает к французскому народу чувства глубокой и неизменной симпатии. Еще в 1941 Советский Союз признал генерала де Голля подлинным представителем национального Сопrotивления, а затем он признал Французский национальный комитет правительственным органом, способным представлять интересы Франции на мировой арене. Достаточно сравнить формулу признания Комитета освобождения Советским Союзом с соответствующими декларациями Англии и США, чтобы оценить все ее значение. Именно Советский Союз потребовал и добился участия Франции в Консультативном Совете по делам Италии. Именно он предложил на Московской конференции, чтобы

Франция участвовала в работах лондонской консультативной комиссии. Это предложение не было принято только потому, что его отвергали два других партнера».

Заместитель народного комиссара решительно отвел всякие упреки, которые могли быть высказаны, правильно или неправильно, обеими сторонами о недостаточности взаимной информации и о недостаточной сердечности в отношениях Комитета с Советским правительством. Он явно хотел подчеркнуть, что при существующих условиях эта достойная сожаления сторона наших взаимоотношений имеет второстепенное значение. Важной для обеих союзных стран является их обоюдная решимость использовать все возможности как в плане внутреннем, так и внешнем, чтобы ускорить освобождение Европы, уничтожить Германию и восстановить мощь Франции, необходимую для равновесия в мире.

СССР принял в отношении нашей страны на другой же день после нападения Германии совершенно четкую политическую линию, которая никогда не изменялась. Если порою ему приходилось считаться с некоторыми обстоятельствами, стараться не задевать чувств двух своих великих союзников и воздерживаться, таким образом, от оказания нам той поддержки, которую мы хотели бы получить и которую он был рад нам предоставить, то все это объясняется стремлением приспособить к требованиям момента такую политику, которая в своей основе никогда не шла вразрез с нашими ожиданиями.

ТЕЛЕГРАММА ПЬЕРА ВЬЕНО КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Лондон, 4 апреля 1944

Сегодня во второй половине дня я имел продолжительную беседу с премьер-министром. Подобный отчет о ней направляю вам дипломатической почтой.

Для Черчилля политический вопрос, возникающий в связи с высадкой, не представляется срочным, поскольку первый этап операций будет иметь сугубо военный характер. Но он добавил, что президент Рузвельт упорно придерживается своего предложения (very much addicted to his proposal), которое он к тому же несколько раз уточнял. Черчилль, по-видимому, считает, что будет трудно убедить его отказаться от избранной им формулы.

Хотя этого или нет, заметил я Черчиллю, вопрос теперь поставлен открыто и должен быть решен. Отмахнуться от него невозможно. Я вновь привел премьер-министру аргументы, которые уже высказывал Идену.

В заключение беседы премьер-министр обещал подумать над тем, что я ему сказал.

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Вашингтон, 4 апреля 1944

Периодическое издание «Ньюс» пишет: «Рузвельт относится неодобрительно к мысли о том, что Франция должна получить обратно свою империю, для защиты которой она ничего не сделала. Именно это обстоятельство, более чем какое-либо иное, влияет на отношение президента к правительству генерала де Голля, которое в случае его признания могло бы потребовать свои доверенные владения. Французские владения в Африке и на Тихом океане имеют большое стратегическое значение для Соединенных Штатов. Рузвельт не может забыть о том, что французский Индокитай очень быстро был сдан японцам, что имело для нас пагубные последствия...»

БЕСЕДЫ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С ДАФФ КУПЕРОМ 14 И 17 АПРЕЛЯ 1944

(Записка составлена генералом де Голлем для членов Комитета национального освобождения)

I. Дафф Купер посетил меня 14 апреля. Посол по секрету сообщил мне о том, что он получил от Уинстона Черчилля совершенно конфиденциальную телеграмму с просьбой сказать мне следующее.

Наступил момент, когда отношения между Комитетом освобождения и правительством Соединенных Штатов и, в частности, отношения между президентом Рузвельтом и генералом де Голлем могут и должны строиться на новой основе, на основе доверия. Премьер-министр готов активно содействовать этому. Он полага-

ет, что для этого нужно, чтобы генерал де Голль направился в Вашингтон для встречи с президентом, Корделлом Хэллом и другими деятелями. Он рассчитывает добиться того, чтобы президент предложил генералу де Голлю прибыть для свидания с ним, если генерал на это согласен.

Я ответил послу, что я признателен премьер-министру за его намерения. Мне тоже кажется необходимым, чтобы до вступления наших армий на европейский континент Франция могла договориться с Соединенными Штатами и Великобританией, но не о формуле признания Комитета освобождения — она теперь нас уже не интересует, — а относительно военного и политического сотрудничества, что, конечно, требует нормальных отношений между французским правительством и правительствами Лондона и Вашингтона. Будучи уверенным в том, что выражаю чувства Комитета освобождения, я со своей стороны изъявил готовность направиться в Соединенные Штаты для переговоров с президентом и его правительством по всем вопросам, касающимся наших общих дел.

Вместе с тем я напомнил о двух случаях, когда президент Рузвельт выражал желание, чтобы я прибыл в Соединенные Штаты, и когда я со своей стороны незамедлительно давал совершить такую поездку, а все связанные с ней вопросы были уже урегулированы и согласованы с американским правительством, — но в последний момент меня просили от поездки воздержаться. Я указал на то, что в третий раз подобная «отсрочка» могла бы повлечь серьезные осложнения как для настоящего, так и для будущего. Ибо как бы сильно ни было желание французской стороны прийти к практическим соглашениям, лишь бы эти соглашения ни в чем не ущемляли нашего суверенитета, как бы сильно ни было наше желание не осложнять формальностями и без того очень сложную международную обстановку, мы будем настаивать на уважении достоинства французского правительства.

Дафф Купер, по-видимому, был удовлетворен моим ответом и сказал, что он немедленно телеграфирует премьер-министру.

II. 17 апреля английский посол снова нанес мне визит. Он сообщил, что Уинстон Черчилль прислал ему новую телеграмму в ответ на полученный им отчет о нашей беседе, состоявшейся 14 апреля. Премьер-министр по-прежнему хочет, чтобы встреча между президентом Рузвельтом и генералом де Голлем состоялась возможно скорее. Но во изменение того, что он просил передать

мне раньше, он предлагает теперь, чтобы поездка в Вашингтон состоялась по моей инициативе. Если такая процедура для меня приемлема, он сам готов предварительно добиться личного согласия президента. После этого Комитет освобождения, будучи предупрежден Черчиллем о том, что моя просьба — если таковая последует — встретит положительный ответ, передаст эту просьбу правительству Соединенных Штатов через своего представителя в Вашингтоне.

Дафф Купер дал мне некоторые разъяснения относительно такой необычной процедуры, предупредив, что эти разъяснения исходят лично от него: «Президент Рузвельт в своей политике по отношению к Франции зашел в тупик. Все обернулось против той линии, которую он избрал и которой упорно придерживался. Теперь его линия не встречает поддержки. Весь мир заметил противоречие между его заявлениями представителям печати относительно Франции и речью Корделла Хэлла, произнесенной два дня спустя. Президент должен будет отказаться от своей шаткой позиции. Но, с другой стороны, он вынужден делать это осмотрительно, ибо избирательная кампания уже в разгаре и он ни за что не хочет портить себе репутацию, особенно из-за генерала де Голля и Французского комитета национального освобождения, к которым общественное мнение Соединенных Штатов проявляет исключительный интерес. Факт приглашения в настоящее время генерала де Голля президентом Рузвельтом, возможно, был бы расценен как некое признание допущенной ошибки, из которого противники президента могли бы извлечь для себя большую выгоду. Генералу де Голлю следует принять в расчет это соображение».

Я ответил послу Великобритании, что новое предложение Черчилля значительно отличается от предыдущего. Со своей стороны я, так же как и премьер-министр, убежден в необходимости коренной перемены во взаимоотношениях Соединенных Штатов и Англии с Францией. Французское правительство готово этому содействовать, не придавая чрезмерного значения формальной стороне дела, несмотря на то, что по отношению к нему с давних пор применялись крайне грубые методы. Предполагаемая на этот раз процедура организации встречи между президентом Рузвельтом и мною не представляется мне удовлетворительной. Тем не менее я не склонен преуменьшать исключительное значение для союзников практического и гласного соглашения, если оно окажется возможным.

На следующий день после консультаций с Массигли я направил послу приводимое ниже письмо, которое является, конечно, только способом оставить дверь открытой, не переступая, однако, при этом порога.

«Господин посол!

Относительно дела, о котором я вчера имел честь разговаривать с вами, могу сказать, что я согласен с тем, чтобы изложенный вами проект следовал своим путем.

Прошу принять уверения, господин посол, и пр. ...»

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕЛЕГАТА В ЕГИПТЕ БАРОНА ДЕ ВО КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Каир, 20 апреля 1944

Один из моих сотрудников был вызван вчера генеральным секретарем министерства иностранных дел. Ему было вручено для передачи генералу де Голлю письмо председателя Совета министров, министра иностранных дел (Нахас-паша), в котором поднимается вопрос о правах всех арабских народов и в заключение предъявляется категорическое требование, чтобы Комитет национального освобождения признал независимость Марокко, Алжира и Туниса...

Генеральный секретарь добавил, что письмо, датированное 16 апреля, уже передано правительствам США, Англии и Бельгии, а также советскому послу в Каире.

И речи быть не могло о том, чтобы не принять этот странный документ, так как из-за свойственной Нахас-паше некорректности с документом уже успели ознакомиться союзные правительства...

Я разговаривал по поводу этого инцидента с послом Великобритании лордом Киллерном. Сознавая серьезные промахи, допущенные Нахас-пашой, и вместе с тем поставленный им в затруднительное положение, посол сказал мне, что он сделает ему представление по поводу необычного характера требования — не более, не менее, как лишить Францию трех департаментов, и к тому же адресованного тому самому Комитету освобождения, который, по заявлению египетского правительства, не может быть им признан.

По моему мнению, этот документ следует оставить без ответа.

ОТКРЫТАЯ ТЕЛЕГРАММА РЕНЕ МАССИГЛИ ПЬЕРУ ВТЕНО, В ЛОНДОН

Алжир, 20 апреля 1944

Прошу информировать меня открытой телеграммой относительно демаршей, которые вы, конечно, не могли не предпринять, чтобы обратить внимание английских властей на то необычное положение, в какое ставят нас предписанные ими меры. (Запрещенные французским миссиям в Великобритании пользоваться шифром для переписки с французским правительством в Алжире.)

Эти меры, не совместимые ни с принципами международного права, ни с нашими очевидными потребностями, обусловленными участием в войне, к тому же ставят нас в положение, которое не может быть оправдано и с моральной точки зрения, поскольку они нас уподобляют смежным с Германией, а также наименее надежным нейтральным странам. Поскольку указанные меры касаются всех наших служб, деятельность Комитета национального освобождения практически парализована.

Со своей стороны я уже указал Дафф Куперу, насколько меня беспокоит создавшееся положение, и выразил надежду, что английские власти в самом ближайшем времени положат этому конец.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ В АЛЖИРЕ 21 АПРЕЛЯ 1944

Я пригласил вас потому, что, как мне кажется, сложившаяся военная ситуация, и в частности нынешнее положение воюющей Франции, может иметь некоторые существенные аспекты, которые заслуживают того, чтобы они были разъяснены общественному мнению во Франции и за ее пределами.

Возможно — я считаю, что даже весьма вероятно, — мы находимся накануне важных и, быть может, решающих военных событий. Мне казалось также, что в разгар этих событий, когда разом загрохочут все орудия, будет невозможно услышать друг друга. Вот почему лучше говорить заранее.

От исхода этой битвы, которая, мне кажется, уже не за горами, зависит судьба Франции, ее жизнь. Эта битва жизненно важна

для Франции, потому что дело идет о том, что составляет самую сущность французской нации. Не проходит дня, не проходит недели или месяца, чтобы ее сущность не искажалась. Битва эта жизненно важна также и потому, что от той роли, которую будет играть в ней Франция, зависит как ее ближайшее, так и отдаленное будущее, как ее отношение к себе самой, так и отношение к ней со стороны других. И тут я могу сказать, не опасаясь впасть в ошибку, что не было другого сражения в нашей суровой истории, когда французские армии, от которых я, разумеется, не отделяю наши внутренние силы, шли бы в бой с большей решимостью и с большим воодушевлением.

Французское правительство относится с полным доверием к выдающимся военачальникам, которые с общего согласия союзников, в том числе и Франции, назначены руководить военными операциями и поставлены во главе объединенных союзных армий. Я говорю о генерале Эйзенхауэре, командующем западным театром военных действий, и генерале Вильсоне, командующем средиземноморским театром. Мы знаем их как выдающихся военачальников, уважаем их военные таланты, и, повторяю, французское правительство целиком доверяет им как руководителям военных операций.

Памятуя о том, что вы информируете общественное мнение, я был бы рад теперь выслушать ваши вопросы, на которые я постараюсь ответить.

Вопрос: Будьте любезны высказать свое мнение о речи американского государственного секретаря от 9 апреля и особенно остановиться на том, имеется ли, по вашему мнению, возможность устранить противоречия между содержанием его речи и ордонансом Французского комитета национального освобождения от 14 марта?

Ответ: Мы весьма положительно оценили эту речь, особенно ее конструктивные положения. Нам показалось важным, что Соединенные Штаты устами своего государственного секретаря заявляют, что после победы они будут продолжать сотрудничать с другими миролюбивыми странами в деле установления и сохранения мира и что они хотят, чтобы это сотрудничество было устойчивым и длительным. Мне думается, что такое заявление Корделла Хэлла обрадовало всех, кто считал и считает, что в современных условиях невозможно добиться прочного и эффективного мира без созданной для поддержания мира международной организации и что участие в такой организации, содействие

ей в соблюдении взятых на себя обязательств является для любого государства неременным долгом, диктуемым принципами гуманности.

В этом пункте, как и в ряде других, Корделл Хэлл был совершенно прав, говоря, что Атлантическая хартия не дает ответа на все возникающие вопросы и что сама по себе она не является решением проблемы. Вместе с ним мы считаем, что в будущем мир между народами не может быть основан на одной или даже нескольких декларациях: для его поддержания нужна особая организация, которая имела бы свой трибунал, свою процедуру и которая располагала бы необходимой силой.

Мы считаем также великолепным утверждение Корделла Хэлла о необходимости согласия и тесного сотрудничества между Соединенными Штатами, Великобританией, СССР и Китаем. Однако нам представляется столь же необходимым, чтобы такое же согласие и такое же сотрудничество было установлено каждой из этих стран с другими странами, такими, как, например, Франция...

В Европе живет более трехсот миллионов человек, и они не являются все англичанами, русскими, китайцами или гражданами Соединенных Штатов. Еще в большей мере это верно в отношении Америки, Африки, Азии. Подлинно эффективной организацией может быть только широкая по составу организация. Нужно ли говорить о том, что Франция готова всячески содействовать созданию такой организации? Нам кажется, что с точки зрения географических, исторических и моральных факторов Франция составляет весьма важный элемент в такой системе международного сотрудничества.

Речь Корделла Хэлла от 9 апреля показалось нам конструктивной и с точки зрения тех возможностей, какие она, как мне кажется, открывает для достижения практической договоренности между нами и нашими американскими и английскими союзниками по вопросам, которые возникнут в связи с пребыванием их войск на французской территории во время проведения совместных боевых действий. Вы знаете, что в сентябре французское правительство направило в Вашингтон и Лондон свои конкретные предложения по этому вопросу. Всем известно, что всякое урегулирование такого рода должно отвечать двум условиям: обеспечить союзному командованию максимум возможностей для ведения совместных операций и гарантировать полное уважение французского суверенитета на французской территории.

Второй вопрос, поставленный вами в связи с выступлением Корделла Хэлла, касается ордонанса Французского комитета национального освобождения от 14 марта. Признаться, я не вижу связи между этими двумя фактами. Французское правительство организует деятельность гражданской администрации на французской территории по мере ее освобождения. Это одно. Практические соглашения о сотрудничестве администрации и французского населения с союзными армиями на французской территории — это совсем другое.

Вопрос: Что вы имели в виду, когда только что заявили о том, что нужно предоставить международной организации необходимую силу? Не имели ли вы в виду организацию международной вооруженной силы, как это предлагал Леон Буржуа, а позже — Аристид Бриан?

Ответ: Не знаю, достаточно ли уже определились в настоящее время взгляды государственных деятелей и правительств и можно ли говорить о том, как должна быть организована международная безопасность, а ведь именно об этом и идет речь. Я выделяю — и делаю это, испытывая большой интерес и большое удовлетворение, — заявление государственного секретаря Соединенных Штатов, который констатирует необходимость создания организации, а также говорит об определенных средствах, которые могли бы обеспечить ее реальное существование. Но со времени Леона Буржуа мир претерпел некоторые изменения, и уже по одному этому я думаю, что эти средства будут значительно отличаться от тех, какие могли наметить инициаторы создания Лиги Наций. Впрочем, какими бы ни были эти средства, необходимо, чтобы международная организация по обеспечению мира действительно обеспечивала международную безопасность.

Вопрос: Что вы думаете об обстановке в районе Средиземного моря и об эффективности межсоюзной контрольной комиссии для Италии?

Ответ: Мы особенно заинтересованы в итальянских делах, поскольку мы граничим с северной и южной Италией, а также потому, что между нашими романскими народами существует множество кровных и исторических связей. Франция и Италия в прошлом много сделали друг для друга. Если отношения между нашими странами оказались испорченными, если Италию постигли всем вам известные великие несчастья, то в этом повинна не Франция: в них повинны люди, захватившие в Италии власть, если говорить напрямик — фашистский режим. В будущем для

Франции удовлетворительные отношения мыслимы лишь с новой Италией, то есть с Италией демократической, в которой не останется никаких следов фашизма. Вот почему мы надеемся, что Италия будет развиваться по демократическому пути и настанет время, когда с такой Италией Франция сможет урегулировать свои дела. А пока что мы ведем войну на итальянской территории.

Вопрос: В речи, произнесенной вами 18 марта, вы касались вопроса о так называемой группировке западных стран. Не можете ли вы уточнить, что именно вы имели в виду?

Ответ: Я выражаю мнение французского правительства, когда говорю, что мы рассчитываем на возрождение Европы, которая сегодня угнетена и вынуждена молчать, но которая рано или поздно возродится вновь. Я сказал, что, по нашему мнению, было бы желательно, в частности с экономической точки зрения, создать в возрожденной Европе и внутри международной организации по обеспечению мира, о которой здесь только что шла речь, некую группировку западноевропейских стран, основными артериями которой могли бы стать Ла-Манш, Средиземное море и Рейн. Мне представляется, что такая европейская организация внутри международной организации создавала бы очевидные преимущества для всех стран и особенно для стран-участниц. Я полагаю, что мы живем в век концентрации.

Вопрос: Считаете ли вы, что после речи Корделла Хэлла создавалась ситуация, при которой французские власти могли бы организовать управление Францией?

Ответ: Французскую администрацию во Франции могут создать, естественно, только французы. Французы не согласятся ни на какую иную администрацию во Франции, кроме французской, будьте в этом уверены. Следовательно, этот вопрос уже решен. Существует только единственный нерешенный вопрос — о сотрудничестве между французской администрацией и союзным командованием в интересах ведения военных действий.

Вопрос: Можете ли вы сообщить, каково состояние движения Сопrotивления и, в частности, как обстоит дело с вооружением его участников?

Ответ: Могу сказать с удовлетворением, что за последние три месяца наши английские союзники многое сделали, чтобы вооружить французское Сопrotивление, и их усилия увенчались успехом. Существует большая разница между тем, как были вооружены боевые элементы Сопrotивления три месяца назад и как они вооружены сегодня. В этом случае, как и во многих других, боль-

шую роль сыграла Консультативная ассамблея, высказавшаяся, как вы, вероятно, помните, свое мнение на этот счет.

Вопрос: Удовлетворены ли вы отношениями между Францией и союзниками?

Ответ: Я думаю, что, пока не будет достигнуто необходимое урегулирование, эти отношения вряд ли могут кого-нибудь удовлетворять. Но если урегулирование будет достигнуто, оно доставит удовлетворение всем, кроме Гитлера.

Вопрос: Сдержанность и осторожность союзников в отношении Французского комитета национального освобождения и его председателя объясняют опасениями, что после освобождения вы установите во Франции свою диктатуру. Что вы на это скажете?

Ответ: Старая история! Вы знаете, что пока я вот уже на протяжении четырех лет веду эту тяжелую борьбу, много упреков было высказано сперва в адрес Французского национального комитета, а затем в адрес Французского комитета национального освобождения и его председателя. Кое-кто говорил, что генерал де Голль хочет восстановить Третью республику во главе с деятелями прошлого. Другие утверждают, что де Голль отдает Францию коммунистам. Некоторые говорят, что генерал де Голль — ставленник американцев, англичан или Сталина. Быть может, придет время, когда все эти противоречивые утверждения как-то согласуются между собой. В ожидании этого я не стану утруждать себя ответом на подобные утверждения. Французы ни за что не допустят установления французской диктатуры; тем более, смею вас уверить, они ни за что не согласились бы на диктатуру иностранную. Однако французы хотят, чтобы их правительство управляло ими. Именно это оно и стремится делать.

Вы не задали мне вопроса, которого я ожидал, из чего я заключаю, что вы проявили в отношении меня деликатность, за которую я вам признателен. Однако я сам поставлю этот вопрос и дам на него ответ. Речь идет об уходе генерала Жиро со своего поста. Я хочу сказать, чтобы всем было понятно, что при нынешней организации союзного командования нет возможности сохранить французское верховное командование. Правительство могло бы это сделать только в том случае, если бы передало ему свои собственные функции, связанные с общим руководством французскими вооруженными силами, их организацией и боевым использованием. Но, разумеется, это было невозможно сделать. Правительство хотело бы, чтобы генерал Жиро продолжал

оказывать ему содействие своими советами и своим опытом. Однако он предпочел пребывание в запасе, и правительство не без сожаления пошло навстречу его желанию. Но как бы то ни было, блестящая военная карьера генерала Жиро оказывает величайшую честь французской армии. Его легендарный побег из немецкой крепости Конегштейн, его непреклонная решимость сражаться с врагом, его выдающаяся роль в тунисском сражении и в боях за освобождение Корсики снискали ему и в этой войне неувядаемую славу. Когда наши части, чья победа в известной мере будет результатом также и его усилий, вступят в дорогой его сердцу Мец, я уверен, он встанет во главе их и первым услышит приветствия жителей освобожденной Лотарингии.

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В АЛЖИР

Вашингтон, 22 апреля 1944

Все газеты воспроизвели заявления генерала де Голля журналистам. Сообщения даются под следующими крупными заголовками: «Де Голль заявляет о своем доверии к союзному командованию и говорит, что французы пойдут в бой с небывалым воодушевлением»; «Генерал де Голль удовлетворен союзными командующими. Он настаивает, чтобы гражданская администрация во Франции была француженкой»; «Францией должны управлять французы», — заявляет генерал де Голль»; «Генерал де Голль требует, чтобы французы управляли сами собой»; «Генерал де Голль обещает французскую помощь на Дальнем Востоке».

Корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Хилл дает превосходный отчет об этой пресс-конференции. Он выделяет заявление генерала де Голля о командующих союзными войсками и генерале Жиро.

Каллер приводит эти заявления, связывая их с заявлением Корделла Хэлла об американской политике, сделанным 9 апреля. «На своей пресс-конференции, — пишет он, — генерал де Голль со всей определенностью вновь подтвердил суверенные права Франции и решимость Комитета управлять Францией после ее освобождения... Генерал де Голль предложил журналистам задать ему вопросы. Ни один вопрос, даже самый деликатный, не поставил

его в затруднительное положение. На большинство их он дал обстоятельные ответы».

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С БОГОМОЛОВЫМ 28 АПРЕЛЯ 1944

(Записана канцелярией генерала де Голля)

I. В начале беседы Богомолов делится своими впечатлениями об Италии. По его мнению, дела там идут неплохо, Бадольо, по-видимому, упрочил свое положение. Вопрос о монархии улаживается. Впрочем, Советское правительство не возражает против установления монархического режима. Важным с его точки зрения является единство всех антифашистских сил в освободительной войне против государств оси.

«А какова ваша позиция?» — спрашивает Богомолов у генерала де Голля.

«Мы находимся в ином положении, — говорит генерал де Голь. — Мы подверглись прямому нападению со стороны Италии. Итальянцы в течение длительного времени настойчиво претендовали на некоторые наши колониальные владения и на часть территории метрополии. В будущем мы надеемся прийти к согласию с Италией. Но пока нам незачем приступать к переговорам с правительством Бадольо, поскольку мы даже не знаем, кого собственно оно представляет в Италии.

Фактически многие вопросы уже решены самим ходом событий. Притязания Италии на Корсику, Ниццу, Савойю, на Тунис и Джибути сегодня уже не могут восприниматься всерьез. Вопрос об итальянской империи уже решен».

II. Затем, оставив в стороне итальянские дела, Богомолов меняет тон и переходит к некоторым публикациям североафриканской печати. Он отмечает, что недавно в «Эко д'Альже» была напечатана карта военных действий, на которой Польша указана в границах 1939 г., из чего можно заключить, что таковы соответственно и границы Советского государства. Между тем вопрос о советских границах разрешен конституцией и не может быть решен иначе.

«Мое правительство поручило мне, — говорит Богомолов, — заявить протест против опубликования этой карты, которая находится в противоречии с советской конституцией».

Генерал де Голь прежде всего указывает, что правительство не считает себя ответственным за карты, публикуемые в «Эко д'Аль-

же». Но поскольку Богомолов ставит вопрос о границах именно таким образом, ему должно быть известно, что советско-польская граница 1939 является единственной, о которой в настоящее время мы располагаем официальными сведениями. Правительство Советского Союза никогда не информировало нас о каком-либо международном соглашении относительно изменения этой границы. Мы даже точно не знаем, как решился для него вопрос и определило ли оно окончательно свои намерения на этот счет.

Если бы вместо границы 1939 мы опубликовали какую-нибудь другую границу, польский посол на другой же день явился бы с протестом. А ведь мы союзники Польши, точно так же как и союзники Советского Союза.

Я не раз говорил вам, заявляет генерал де Голль, что мы хотели бы, чтобы Советский Союз и Польша пришли к соглашению. У нас нет ни желания, ни возможности вмешиваться в это дело, но мы очень хотим, чтобы оно было урегулировано.

Богомолов говорит, что СССР считает вопрос урегулированным. СССР не требует никаких гарантий, ибо он ни в ком не нуждается, чтобы гарантировать свои границы: он располагает силой советских армий, которые победоносно освобождают его территорию.

Генерал де Голль подчеркивает, что он рад тому, что войска Красной Армии успешно освобождают территорию Советского Союза.

Богомолов выражает сожаление по поводу того, что мы недостаточно признательны Советскому правительству и недооцениваем его доброе отношение к нам. Между тем формула признания Комитета освобождения Советским Союзом значительно шире той, которая была принята другими державами.

III. Генерал де Голль признает достоинство формулы признания Комитета освобождения правительством Советского Союза. Однако он обращает внимание советского посла на то, что подобно тому, как гарантия советских границ, как сказал Богомолов, определяется мощью советских армий, точно так же признание французского правительства зависит прежде всего от французского народа. Дипломатические формулы играют здесь второстепенную роль.

К тому же формула признания — это одна сторона вопроса. Гораздо больше нас интересует, как признание выглядит на практике.

Генерал де Голль напоминает, что СССР признал Французский комитет национального освобождения как «представителя

государственных интересов Французской республики». В настоящее время ведутся переговоры с участием СССР по вопросу о мирном урегулировании в Европе. Мы знаем, что в Лондоне работает Европейская комиссия. Нам известно, что Стеттиниус имел беседы с советским послом в Лондоне. Мы слышали о том, что в Тегеране состоялась конференция. Однако Советское правительство, подобно вашингтонскому и лондонскому правительствам, не информировало нас ни о цели, ни о ходе переговоров. Неужели же «государственные интересы Французской республики» не связаны с мирным урегулированием в Европе и в первую очередь с будущей судьбой Германии?

Богомолов ссылается на то, что существует сомнение относительно цели бесед, которые вел Стеттиниус, и относительно значения работ Европейской комиссии, после чего он прощается с генералом де Голлем.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АНРИ ОППЕНО, В ВАШИНГТОН

Алжир, 9 мая 1944

Прошу передать от моего имени Эдвину Вильсону следующее послание:

«С большим сожалением узнал о причинах, которые не позволяют вам возвратиться. Я сохраню самые приятные воспоминания о столь искренних и дружеских отношениях с вами, которые существовали у Комитета освобождения и у меня лично.

Надеюсь, что скоро все ваши заботы получат благополучное разрешение. Шлю вам самые искренние пожелания успеха на новом посту».

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛЬНОМУ И ПОЛНОМОЧНОМУ ДЕЛЕГАТУ ФРАНЦИИ В ЛЕ- ВАНТЕ ГЕНЕРАЛУ БЕЙНЕ

Алжир, 11 мая 1944

Внимательно слежу за вашими действиями и хотел бы выразить вам свое удовлетворение. Я знаю о ваших трудностях, кото-

рые сводятся, впрочем, к одной основной, а именно к трудности, созданной для вас определенной политикой иностранных держав, использующих во зло сложившиеся условия. Задача состоит в том, чтобы твердо держаться и маневрировать в ожидании изменения обстановки... Вам нужно избегать ловушек, которые, одна за другой, расставляются при помощи интриг и в результате иностранного давления. В этой связи очень важно, чтобы среди французского административного и военного персонала в Леванте были установлены строгий порядок и дисциплина. Я готов оказать вам в этом смысле самую решительную поддержку и не буду считаться с заслугами, приписываемыми себе некоторыми лицами, которые ссылаются на преданность нашему делу и кичатся ею, чтобы уклониться от повиновения. Любой гражданский или военный чиновник, который, по вашему мнению, будет заслуживать наказания и которого вы пожелаете сместить, не встретит с моей стороны никакой поддержки, совсем напротив.

В то же время я сделаю все необходимое, чтобы по возможности направить к вам именно тех людей, которые вам нужны.

Дружеский привет.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПЬЕРУ ВЬЕНО, В ЛОНДОН

Алжир, 25 мая 1944

Вчера получил вашу телеграмму относительно сообщения, сделанного вам Иденом по поводу моей поездки в Лондон. 23 мая по настойчивой просьбе Дафф Купера я согласился его принять. С тех пор как наша связь с вами оказалась прерванной, мне пришлось закрыть перед ним свои двери. Английский посол сказал мне то же самое, что вам говорил Иден. Относительно моей поездки в Лондон я ответил утвердительно, ибо не вижу оснований уклоняться от возможности ведения переговоров, которая представляется нам накануне решающей битвы, тем более что в Лондоне мы сможем беспрепятственно пользоваться шифром в любой нашей переписке, что было мне гарантировано. Однако посол не мог уточнить даты поездки... Относительно будущих переговоров я сказал Дафф Куперу следующее.

Ни в одном вопросе мы не выступаем в качестве просителей. Формула признания французского правительства вашингтон-

ским и лондонским правительствами сейчас нас мало интересует. Прошло время, когда любезные формулы могли представлять для нас ценность. В этом смысле мы не предъявляем никаких требований. Для нас важно получить признание французского народа, а это теперь свершившийся факт.

Мы решили удовлетворить в удобный по нашему мнению момент единодушное желание Консультативной ассамблеи и Национального совета Сопротивления об изменении нашего наименования. Вопрос этот касается только нас самих, и здесь будем считаться исключительно с желаниями и интересами французского народа. Если у президента Рузвельта и господина Черчилля имеются сомнения относительно признания нас в качестве правительства, то мы считаем, что это их дело, и ничего от них не требуем. Французская действительность от этого никак не изменится. Быть может, в результате позиции, занятой двумя другими великими державами Запада, она предстанет даже с большей очевидностью.

Что касается того, кому должны принадлежать функции управления на освобожденной территории метрополии, то это уже не составляет проблемы. Мы являемся французской администрацией. Сомнительные инструкции, которые могут быть даны генералу Эйзенхауэру, прямое вмешательство с его стороны в эту область вне пределов поля боя, помехи, систематически чинимые нам в наших сношениях с Францией, — все это может лишь стеснить нас в осуществлении управления. Но еще больше все это будет стеснять союзных командующих в осуществлении ими командования. В освобожденной Франции не может возникнуть какая-либо иная эффективная администрация, кроме нашей; другая администрация не могла бы функционировать независимо от нашей власти. Мы ничего не требуем. Либо мы, либо хаос. Если западные союзники вызовут во Франции хаос, они будут нести за это ответственность и в конечном счете останутся в проигрыше, мы в этом уверены.

Военное командование несомненно нуждается в помощи французской администрации в интересах ведения боевых действий на французской земле. Оно обращается за такой помощью. Мы готовы ее оказать. Мы заблаговременно приняли нужные меры и давно уже сделали соответствующие предложения. Но мы, безусловно, не согласимся на какой бы то ни было контроль или на какое-либо вмешательство в вопросах осуществления нашей власти. В частности, требование Вашингтона о том, чтобы иност-

ранное командование могло чеканить во Франции монету, нами не будет принято. Мы предпочтем вовсе не заключать соглашения, чем согласиться на это. Я сказал Дафф Куперу, что мы готовы заключить соглашение только непосредственно и одновременно с Англией и с Соединенными Штатами, но что мы воздержались бы от этого, если бы акт, которым мы завершим переговоры, подлежал бы затем апробации Рузвельта.

Возможно, что приглашение, адресованное мне английским правительством, отчасти вызвано, как вы полагаете, его желанием добиться действительного сближения с Францией. Однако я на этот счет настроен более скептически. Мне часто приходилось убеждаться в том, что внешне щедрые проявления доброй воли со стороны Англии имели своим результатом, а может быть и целью, либо какую-нибудь конкретную выгоду, получаемую ею за наш счет, либо желание содействовать маневрам Рузвельта, облегчающим ему воздействие на общественное мнение, причем отнюдь не в нашу пользу. Кстати, Дафф Купер упомянул о том, что президент Соединенных Штатов, возможно, тоже прибудет в Лондон. Мои сомнения подтверждает также речь премьер-министра в палате общин, многие положения которой, на мой взгляд, ничего хорошего не предвещают, и в частности упоминание о контроле генерала Эйзенхауэра над деятельностью правительства во Франции.

На своем заседании 26 мая правительство тщательно изучит этот вопрос во всей его совокупности и определит позицию, которую мы займем в лондонских переговорах...

С дружеским приветом.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ ПАПЕ ПИУ XII

Алжир, 29 мая 1944

Святой отец!

Поставленный во главе Временного правительства Французской республики, я хотел бы выразить вашему святейшеству заверения в сыновнем почтении со стороны нашего народа и засвидетельствовать его сыновнюю преданность папскому престолу.

Тяжкие невзгоды, в течение долгих лет переживаемые Францией, страдания каждого из ее сыновей были облегчены проявле-

ниями вашего отеческого участия. Сегодня мы уже чувствуем приближение конца конфликта.

Но несчастья наши продолжатся и после того, как закончатся сражения, если среди моральных, экономических и социальных потрясений, порожденных этой войной, мы не найдем возможности избежать беспорядка и трудиться в условиях мира, воспитанного между народами и между различными социальными категориями. Следуя данным нам направлениям, мы считаем, что наиболее обездоленные заслуживают наибольшей заботы.

При проведении военных операций мы проявляем и впредь будем проявлять уважение к самым дорогим для нас памятникам нашей христианской веры, так же как и к воплощенным в них религиозным, интеллектуальным и моральным ценностям. Мы надеемся, что с божьего соизволения операции эти вскоре приведут нас к победе.

В силу обстоятельств, ниспосланных проведением, единодушная воля к победе и к переустройству Франции сплотила вокруг нас не только Французскую империю, но также и широкие слои тех, кто, борясь против захватчика в метрополии, отстаивает наше национальное единство и суверенитет.

В настоящее время на территории Франции нет французского правительства. Но, располагая материальной помощью наших союзников и моральной поддержкой народов, мы спокойнозираем на настоящее и с уверенностью смотрим в будущее.

Вместе с освобождением духовные интересы французского народа вновь обретут свой примат, которому угрожал вражеский гнет. Мы преисполнены решимости отстоять их, и мы горячо желаем быть в состоянии сделать это, пользуясь особым благоволением вашего святейшества, которое вы даруете Франции.

Да удостоит ваше святейшество своим благословением наши намерения и надежду французского народа, от имени которого я приношу это свидетельство к вашим стопам.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ДАФФ КУПЕРУ, В АЛЖИР

Алжир, 29 мая 1944

Дорогой посол!

Получил ваше письмо от 27 мая.

Я принял к сведению приглашение, которое вы соблаговолили мне передать от имени английского правительства, за что я прошу вас его поблагодарить.

Вместе с тем я был вам признателен, если бы вы могли дать мне заверения в том, что в случае моего пребывания в Великобритании я буду пользоваться там неограниченной свободой передвижения и связи.

Искренне ваш.

ТЕЛЕГРАММА АНРИ ОПЕНО КОМИТЕТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, В АЛЖИР

Вашингтон, 1 июня 1944

Вчера вечером я попросил у Корделла Хэлла аудиенцию, которая была мне предоставлена сегодня во второй половине дня.

Я сказал государственному секретарю, что при наличии столь различных и противоречивых сообщений печати, причем некоторые из них идут вразрез с его заявлениями, сделанными в мае, я счет целесообразным выяснить лично у него позицию американского правительства, чтобы иметь возможность информировать вас... Сослался, в частности, на информацию относительно участия американцев в предстоящих лондонских переговорах и на сообщение агентства Рейтер о том, что генерал Эйзенхауэр якобы возьмет на себя ответственность за создание гражданского управления во Франции...

Корделл Хэлл ответил мне, что он только что получил телеграмму от Чейпина по поводу его вчерашней беседы с вами и с комиссаром по иностранным делам, в ходе которой последний выразил ему подобные же опасения. Корделл Хэлл сказал, что он передаст эту телеграмму в Белый дом, ибо только президент (это он подчеркнул несколько раз) может ответить на поставленные вопросы. Он добавил, что не знает, последует ли от президента ответ, ответит ли он коротко или исчерпывающе, и также как вы не поставлен в известность о его ответах. Все французские дела находятся исключительно в компетенции президента. Лично Корделл Хэлл абсолютно ничего не мог мне сказать.

**ПОСЛАНИЕ УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ-
ЛЮ, ПЕРЕДАННОЕ ДАФФ КУПЕРОМ 2 ИЮНЯ 1944**
(Перевод)

Прошу вас приехать вместе с вашими коллегами как можно скорее и с соблюдением самой строгой тайны. Уверяю вас, что это в интересах Франции. Я посылаю вам мой собственный «Йорк», а также еще один «Йорк» лично для вас.

**ПИСЬМО УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ-
ЛЮ, ВРУЧЕННОЕ ЕМУ ПО ПРИЕЗДЕ В АНГЛИЮ**
(Перевод)

В поезде, 4 июня 1944

Дорогой генерал де Голль!

Добро пожаловать на эти берега! Мы находимся накануне величайших военных событий. Я был бы рад, если бы вы могли прибыть сюда для встречи со мною, в мой поезд, который находится поблизости от ставки генерала Эйзенхауэра, и взять с собою одного-двух человек из вашей группы. Генерал Эйзенхауэр надеется увидеть вас, чтобы ознакомить со складывающейся военной обстановкой. Если бы вы могли быть здесь к 13 час. 30 мин., я с удовольствием позавтракал бы с вами, а затем мы направились бы в ставку генерала Эйзенхауэра. Поручите позвонить мне рано утром по телефону, чтобы я знал, подходит ли это вам или нет.

Искренне ваш.

**ТЕЛЕГРАММА РЕНЕ МАССИГЛИ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ-
ЛЮ, В ЛОНДОН**

Алжир, 8 июня 1944

Правительство единодушно выражает свое полное согласие с позицией, которую вы заняли, отстаивая независимость и интересы Франции.

Особой телеграммой мы направляем вам принятый правительством сегодня утром текст протеста по поводу выпуска де-

нежных знаков без нашего согласия. Этот документ вручен сегодня же американскому и английскому представителям. Копия передана советскому послу. В конце дня я сделаю находящимся в Алжире представителям оккупированных европейских стран устное и конфиденциальное сообщение об обстановке.

НОТА ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ДОВЕДЕННАЯ ДО СВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Алжир, 8 июня 1944

Временному правительству Французской республики стало известно о выпуске в обращение союзным командованием в первых освобожденных районах французской территории денежных знаков во франках.

Правительство удивлено тем, что командование предприняло такой шаг, который в прошлом никогда не имел места со стороны дружественной армии. Временное правительство вполне понимает практическую необходимость для военного командования располагать валютой в ходе военных операций. На всех территориях заморских владений Франции военные власти всегда получали в любое время и без ограничений суммы, которые они запрашивали. Та же система может и должна быть введена на территориях французской метрополии в момент, когда они обретут свой полный суверенитет. Правительство готово в рамках соглашения, которое оно уже в течение ряда месяцев стремится заключить с другими союзными правительствами, издать по этому вопросу необходимое постановление, поскольку право выпуска денег всегда принадлежало во Франции национальной власти, и только ей одной. Временное правительство не может признать действительными денежные знаки, которые были пущены в обращение без его согласия. Поэтому оно снимает с себя всякую ответственность за те финансовые, моральные и политические последствия, которые могут проистечь из доведенного до его сведения факта. Исходя из этого, оно обращает самым настоятельным образом внимание правительства Соединенных Штатов Америки (правительства Великобритании) на те тяжелые последствия, которые в нынешних условиях

проистекли бы для Франции в связи с неизбежным в данном случае признанием наличия разногласий между союзными правительствами и французскими властями, о приверженности к которым заявляют и от которых зависят французские силы внутреннего фронта.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АНРИ КЭЮ И РЕНЕ МАССИГЛИ, В АЛЖИР

Лондон, 9 июня 1944

Вчера вечером в моей резиденции я имел продолжительную беседу с Антони Иденом в присутствии Дафф Купера и Вьено. Иден пришел после заседания английского кабинета, на котором было принято решение предложить нам переговоры, касающиеся вопросов французской администрации. Иден сообщил, что он обратится к нам по этому поводу с письмом.

Идея Идена заключается, по-видимому, в том, что если англичанам и французам удастся выработать проект соглашения, то я направлюсь в Вашингтон, чтобы представить этот проект Рузвельту. Сам Иден мог бы тоже приехать в Вашингтон, чтобы в ходе Вашингтонских переговоров высказать английскую точку зрения.

В беседе с Иденом я со всей решимостью заявил, что обращение Эйзенхауэра к французскому народу, по существу вводящее во Франции режим АМГОТ, а также выпуск в обращение фальшивых денег создают положение, которое может затруднить соглашение о сотрудничестве французской администрации с союзными армиями. Я добавил, что упорное стремление Лондона и Вашингтона отстранить Францию от участия в столь жизненно важных для нее международных актах, как перемирие с Италией и возможное перемирие с Германией, исключило бы на известное время всякую возможность создания системы международных отношений, основанной на сотрудничестве Франции с Англией и Соединенными Штатами.

Иден заверял меня в том, что его правительство стремится прийти к соглашению с Францией и Соединенными Штатами. Иден не скрывал, что он встречает с американской стороны трудности не только в том, что касается управления освобожденными французскими территориями и ориентации на более

тесное франко-английское сотрудничество в будущем, но и в отношении многих других вопросов, в частности вопросов, касающихся Дальнего Востока. Должен сказать, что при существующем в Англии состоянии общественного мнения такой дальновидный политик, как Иден, вряд ли может занять по отношению к нам неблагоприятную позицию. Пока что только Черчилль противостоит давлению общественности.

Письмо Идена Вьено было передано последнему сегодня утром. Текст этого письма сообщен вам особой телеграммой. Это верно, что французское правительство приняло 3 июня решение о том, что при отсутствии в Лондоне полномочного американского представителя моя поездка может иметь чисто военное и к тому же символическое значение и что нецелесообразно вести переговоры без участия американцев. Но это не означает, конечно, что нам следует отказаться от переговоров с англичанами, раз они нам теперь настойчиво это предлагают.

Поэтому до принятия правительством нового решения нашему послу в Лондоне надо вступить в переговоры с английским министерством иностранных дел на основе нашего сентябрьского меморандума, чтобы по возможности выработать с англичанами согласованный проект.

Затем этот проект будет рассмотрен нашим правительством. Если он нас удовлетворит, то мы посмотрим, какие шаги следует предпринять в отношении Вашингтона. Если американцы в конце концов решат направить в Лондон члена своего правительства для участия в переговорах, на что Иден, по его словам, очень рассчитывает, мы, разумеется, сразу же сообщим об этом в Алжир. Но в любом случае и до нового рассмотрения правительством этого вопроса в моем присутствии моя поездка должна сохранять строго определенный характер и никто из членов правительства не должен выезжать сюда для ведения переговоров. Ответ Вьено будет выдержан в таком духе.

Бои развертываются медленно, как и предполагалось, но успешно. Я рассчитываю в самом ближайшем времени побывать в Нормандии и возвратиться в Алжир на следующей неделе. Сюда прибыл адмирал Фенар, чтобы передать мне новое послание президента Рузвельта, выдержанное в том же духе, что и первое, но с некоторыми уточнениями относительно приемлемых сроков... В общем я убежден, что, сохраняя единство и твердость, мы сумеем успешно преодолеть нынешние трудности. Прошу Кэя ознакомить правительство с этой телеграммой.

ТЕКСТ ИНТЕРВЬЮ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ЛОНДОНСКОМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ АГЕНТСТВА АФИ 10 ИЮНЯ 1944

Вопрос: Удовлетворены ли вы ходом военных операций в Нормандии?

Ответ: Первый этап сражения состоял в высадке на нормандском побережье значительного количества войск и боевой техники. Я считаю, что эта труднейшая операция вполне удалась, несмотря на неблагоприятную погоду и состояние моря, а также несмотря на сопротивление противника. Что касается дальнейшего, то об этом мы поговорим позднее. В настоящее время следует сохранять спокойствие, быть готовым ко всему и верить в успех.

Вопрос: В каком состоянии находятся сейчас переговоры между союзниками и Францией относительно французской администрации на освобожденной территории?

Ответ: В настоящее время не существует никакого соглашения между французским правительством и союзными правительствами о сотрудничестве французской администрации и союзных армий на освобожденной территории французской метрополии. Более того, создалось впечатление, что в обращении генерала Эйзенхауэра речь идет об установлении во Франции власти союзного военного командования. Разумеется, такое положение для нас неприемлемо, а в самой Франции оно может породить инциденты, которых, по нашему мнению, следует избежать.

Вместе с тем выпуск во Франции так называемых французских денег без всякого согласия и без всякой гарантии со стороны французского правительства может привести к серьезным осложнениям.

В момент, когда на земле Франции разворачивается сражение, французское правительство ожидает, что в общих интересах будет покончено с этим неясным положением и положен конец нарушениям наших прав.

Франция ведет войну, как ее союзники и вместе с союзниками. Успеху великой освободительной битвы народов она содействует всеми имеющимися у нее силами — как в самой Франции, так и за ее пределами. Во имя общей победы она претерпевает неисчислимые лишения. В будущем она внесет свой вклад в дело послевоенного урегулирования. Но, разумеется, только в условиях полного суверенитета Франция может вести войну сегодня и укреплять мир завтра.

Вопрос: Известно ли генералу де Голлю только что сделанное президентом Рузвельтом сообщение относительно поездки генерала в США?

Ответ: Да. Конечно, я читал это сообщение. Нет нужды говорить о том, что я был весьма польщен возможностью совершить поездку в Соединенные Штаты для встречи с президентом Рузвельтом. Президент соблаговолил поручить отправлявшемуся в Алжир адмиралу Фенару сообщить мне 31 мая, что он был бы рад видеть меня в Вашингтоне, если я пожелаю туда прибыть. Я ответил, что я также был бы рад обсудить с президентом проблемы, представляющие общий интерес Соединенных Штатов и Франции. Тогда Рузвельт предложил мне в качестве приемлемых сроков именно те, о которых было недавно сообщено.

СООБЩЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О ПОСЕЩЕНИИ ГЕНЕРАЛОМ ДЕ ГОЛЛЕМ РАЙОНА БАЙЕ

15 июня 1944

Председатель Временного правительства Французской республики генерал де Голль 14 июня посетил освобожденный район Нормандии. Его сопровождали французский посол Вьено, начальник генерального штаба национальной обороны генерал Бетуар, военный делегат на северном театре генерал Кениг, командующий французскими военно-морскими силами в Великобритании контр-адмирал д'Аржанльё, сотрудники его канцелярии Гастон Палевский и Жофруа де Курсель, полковники Бийотт и Буаламбер и капитан Тейсо.

Глава правительства пересек Ла-Манш на борту французского эскадренного миноносца «Ла комбатант», особо отличившегося во время операций по высадке десанта. При постановке миноносца на якорь у французского берега генерал де Голль в присутствии всего экипажа вручил боевому судну орден Военного креста.

По прибытии на французскую землю генерал де Голль прежде всего посетил ставку генерала Монтгомери, с которым имел продолжительную беседу и который ознакомил его с ходом сражения. Затем глава правительства прибыл в Байе, где был принят комиссаром республики в Нормандии Франсуа Куле, комендантом освобожденных районов 3-го военного округа полковником Шевинье, а также супрефектом, мэром и членами муниципалитета Байе.

Генерал де Голль пешком прошел по городу, где его неожиданное появление вызвало неописуемый восторг населения.

Приняв в суперфектуре епископа Байе и Лизье монсеньера Пико, представителей местных властей и руководителей Сопrotивления, председатель направился на площадь Шато, где выступил с речью, которая была восторженно встречена собравшимися. Глава правительства говорил об участии французского народа, его империи и его армий в решительном сражении, о героических действиях Сопrotивления и от имени страны приветствовал союзников Франции.

Затем генерал де Голль посетил Изиньи, особенно пострадавший населенный пункт. Жители Изиньи необычайно трогательно засвидетельствовали ему свою преданность и свое мужество. Столь же горячая встреча была оказана председателю правительства республики в Гранкане и в других населенных пунктах.

Повсюду глава правительства давал указания по вопросам налаживания управления, организации снабжения и оказания помощи населению

ПИСЬМО ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ПАПЫ ПИЯ XII ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Ватикан, 15 июня 1944

С большим удовольствием, дорогой сын наш, мы ознакомились с вашим торжественным посланием от 29 мая, которое вы направили нам из Алжира и которое на этих днях было передано нам от вашего имени майором де Панафье.

Нам было приятно видеть, в каких исполненных сыновней признательности словах вы оцениваете милосердие, которое мы с божьей помощью творим для блага всех наших сынов, пострадавших в результате войны. В их числе вы справедливо называете и особенно дорогих нам французов, которые дольше, чем другие, претерпевают всевозможные лишения и муки.

Наше отеческое сердце, опечаленное причиненными войной разрушениями выдающихся памятников старины, представляющих большую религиозную, художественную и историческую ценность, не могло остаться безучастным к высказанным вами похвальным намерениям оградить в ходе военных действий от уничтожения драгоценные памятники христианской цивилиза-

ции, рассеянные вдоль фронтовых дорог, подобно ярким маякам веры, культуры и истинного прогресса.

Мы каждодневно молим милосердного бога о том, чтобы скорее наступил конец страшной трагедии, которая уже принесла неисчислимые жертвы, и с особым усердием взываем к нему о том, чтобы столь дорогая нам Франция вышла из этого горестного испытания духовно обновленной и продолжила свое шествие через Историю, следуя славным путем христианских традиций, которые некогда обеспечили ей силу, величие и достойное место среди других народов.

Как вы справедливо указываете, одного лишь прекращения военных действий еще недостаточно для того, чтобы во Франции вновь воцарились порядок и мирное спокойствие, к которым она так горячо стремится, если в самой Франции сохранятся опасные семена, порождающие гражданские раздоры и социальные конфликты, которые помешали бы ей воспользоваться плодами страшных жертв, понесенных в самой суровой из всех войн. Вот почему мы молим бога избавить вашу страну от этих роковых смут, просветить тех, кому придется руководить ею, и помочь тому, чтобы в людских сердцах возобладала не злоба и ненависть, а чувство милосердия и братского примирения.

С этой молитвой и этими пожеланиями в сердце мы шлем вам, дорогой сын наш, наше апостольское благословение в ответ на ваше сыновнее послание и в знак того, что мы взываем к богу, дабы ниспослал он вам и вашему отечеству свои избранные милости.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ УИНСТОНУ ЧЕРЧИЛЮ, В ЛОНДОН

Лондон, 16 июня 1944

Господин премьер-министр!

Покидая территорию Великобритании, которую по вашему любезному приглашению я посетил в решающий для победоносного окончания этой войны момент, я хочу выразить вам свою искреннюю благодарность за прием, оказанный мне правительством его величества.

Спустя год после моего последнего посещения вашей благородной мужественной страны я имел возможность увидеть и почувствовать, что доблесть и сила английского народа достигли ве-

личайшей степени и что его дружеские чувства к Франции сильны как никогда. Со своей стороны я могу заверить вас в глубоком доверии и безграничной преданности Франции по отношению к Великобритании.

Мой визит дал мне также возможность оценить великолепные усилия, прилагаемые английской армией, авиацией и флотом в ходе битвы, которую ведут сегодня союзники и сама Франция на французской земле и которая, я не сомневаюсь, увенчается нашей общей победой. Ваша страна, ставшая в этой беспримерной войне неприступным бастионом Европы, а ныне являющаяся одним из главных ее освободителей, стяжала себе неувядаемую славу, так же как и вы, руководитель и вдохновитель этих усилий.

Прошу вас, господин премьер-министр, принять заверения в чувствах глубочайшего уважения и самой искренней преданности.

ПИСЬМО УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ (Перевод)

Лондон, 16 июня 1944

Дорогой генерал де Голль!

Благодарю вас за письмо от 16 июня и за лестные выражения, которые оно содержит. Когда вы прибыли в Англию, я горячо надеялся, что мы сумеем создать основу для сотрудничества и что мне удастся помочь Французскому комитету национального освобождения установить наилучшие отношения с правительством Соединенных Штатов. Я глубоко сожалею, что эти надежды не осуществились. Впрочем, не исключено, что переговоры на уровне экспертов приведут к выходу из создавшегося тупика.

Начиная с 1907 я всегда был, и в хорошее и в трудное время, искренним другом Франции, о чем свидетельствуют мои слова и мои дела. Меня огорчает, что воздвигались раньше и продолжают воздвигаться помехи осуществлению союза, который всегда был мне дорог. Я надеялся, что здесь благодаря вашему визиту, который я организовал, представится возможность прийти к соглашению. Теперь мне остается надеяться только на то, что эта возможность не была последней.

Если тем не менее я мог бы позволить себе дать вам совет, то я рекомендовал бы вам предпринять намеченную поездку к президенту Рузвельту и попытаться установить те добрые отношения Франции с Соединенными Штатами, которые составляют весьма ценную часть ее достояния. Вы можете рассчитывать на мою полную поддержку в этом важном для будущего Франции деле.

Верьте мне.

Ваш...

ТЕЛЕГРАММА АНРИ ОППЕНО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ, В АЛЖИР

Вашингтон, 16 июня 1944

Как вы уже могли заметить по нашим обзорам печати за последние дни, американская пресса снова начала кампанию против генерала де Голля.

Эта кампания основывается на тех же самых положениях, какие были выдвинуты после высадки в Северной Африке в ноябре 1942, а именно: французские силы не принимают участия в операциях; американцы проливают кровь, в то время как французы занимаются политиканством; генерал де Голль по-прежнему мешает союзникам и т.п.

Некоторые обозреватели заходят в этом направлении так далеко, что игнорируют даже восторженную встречу, которую устроили генералу де Голлю французы в освобожденной Нормандии. По их словам, эта встреча вовсе не означает, что французы поддерживают генерала; они просто-напросто расчувствовались при виде французского кепи, и больше ничего...

...Эту кампанию начал государственный департамент после того, как генерал де Голль отказался передать в распоряжение союзного командования французских офицеров связи...

Таким образом, мы являемся свидетелями всяческих манипуляций с прессой со стороны официальных правительственных органов во главе с Белым домом. Дважды во время своей пресс-конференции — один раз в связи с вопросом о деньгах, а другой раз в связи с вопросом об офицерах связи — президент сделал заявления, в резкой форме осуждая позицию генерала де Голля. Эти заявления опубликованы всеми газетами на первых полосах.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АНРИ ОППЕНО,
В ВАШИНГТОН**

Алжир, 24 июня 1944

По зрелом размышлении и прежде чем дать президенту Рузвельту окончательный ответ относительно поездки в Вашингтон и о ее сроке, сообщаю вам, как я к этому отношусь, для того чтобы вы были в курсе дела и со своей стороны могли информировать меня. По-моему, необходимо, чтобы вы представили государственному департаменту в той форме, какая вам кажется приемлемой, приводимые ниже положения, что позволит своевременно все уточнить и послужит хорошей мерой предосторожности.

1) Как я уже имел честь сообщить президенту через адмирала Фенара, я был бы рад встретиться с президентом в Вашингтоне, чтобы обсудить с ним проблемы, представляющие интерес как для Соединенных Штатов, так и для Франции. При всех условиях я рассматривал бы эту поездку как выражение признательности со стороны сражающейся Франции лично президенту, а также и американскому народу и американским вооруженным силам, которые прилагали и прилагают огромные усилия и несут огромные жертвы, чтобы эффективно содействовать освобождению Европы и Азии.

2) Учитывая нынешнее состояние официальных франко-американских отношений, а также и то, в какой неясной и напряженной атмосфере в настоящий момент складываются эти отношения, мне представляется весьма важным, чтобы моя поездка была тщательно подготовлена и чтобы все существенные детали моего пребывания были заранее и совместно урегулированы. Я прошу вас запросить и срочно сообщить мне исчерпывающие данные относительно всего того, что предусматривается американской стороной, в особенности относительно моей встречи или моих встреч с президентом.

3) Мне, конечно, неизвестно, о чем собственно президент намерен беседовать со мною. Что касается меня, то, ничего не исключая а priori из наших бесед и ни в какой мере не отрицая неопределенного значения того содействия, которое оказали и могут оказать Соединенные Штаты делу освобождения и восстановления Франции, а также делу будущей организации мира, я не имею намерения чего-либо просить или чего-либо особо требовать. В

частности, формальное признание Соединенными Штатами Временного правительства меня мало интересует, и этого вопроса я не поднимаю. Практическая сторона франко-американских отношений представляется мне куда более важной и неотложной.

4) Период между 6 и 14 июля не является для меня наиболее приемлемым, с одной стороны, из-за неотложных обязанностей, связанных с деятельностью правительства и командования, а с другой стороны, потому, что в день национального праздника я непременно должен находиться в Алжире. Из уважения к президенту, предложившему эти даты, я тем не менее мог бы прибыть в Вашингтон 6 июля и остаться в Соединенных Штатах до 9 июля, то есть целиком три дня. Но прежде чем дать окончательный ответ, я должен знать точную программу пребывания.

ТЕЛЕГРАММА АНРИ ОППЕНО ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ- ЛЮ, В АЛЖИР

Вашингтон, 26 июня 1944

Сегодня во второй половине дня я сделал государственному департаменту демарш в соответствии с вашей телеграммой и вручил Данну памятную записку, в которой предельно ясно и подробно изложена ваша позиция.

Дани, видимо, остался ею удовлетворен. Он обещал немедленно информировать Белый дом и быстро дать ответ.

Теперь все зависит от существа и формы ответа президента. Окончательное мнение о вашей поездке я сумею сообщить вам только после того, как ответ будет получен. Государственный департамент, конечно, не будет возражать против того, чтобы этот ответ был благоприятным и чтобы президент занял такую позицию, которая позволила бы вам, в случае вашего приезда, достичь желаемых результатов.

Предложенная вами процедура безусловно является наилучшей. Сегодня утром один из наших наиболее авторитетных американских друзей предупредил меня, чтобы я не предпринимал никаких демаршей в отношении Белого дома, где адмирал Леги, по его словам, «постарается сыграть с вами злую шутку».

Я бы хотел возможно скорее узнать о ваших намерениях относительно контактов, которые вы хотели бы иметь с французской колонией и различными американскими кругами.

Предполагаете ли вы побывать в Нью-Йорке?

Президент, несомненно, был бы вам признателен, если бы, учитывая избирательную кампанию, вы свели до минимума ваше участие в публичных манифестациях, которые наши американские друзья, но не друзья президента, собираются организовать в вашу честь в Нью-Йорке.

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕЛЕГАТА В КАНАДЕ ГАБРИЭЛЯ БОННО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ, В АЛЖИР

Оттава, 29 июня 1944

...Министр иностранных дел сказал мне вчера вечером, что в случае поездки генерала де Голля в Соединенные Штаты канадское правительство, несомненно, пригласит его посетить также и Канаду.

Вопрос этот уже ставился позавчера в палате общин...

Если бы генерал принял это приглашение, то канадский народ безусловно оказал бы ему горячую встречу, невзирая на сдержанное отношение к нам канадского правительства, которое не хотело бы опережать американцев.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ РЕНЕ МАССИГЛИ, В АЛЖИР

Рим, 30 июня 1944

1) Я намерен совершить поездку в Вашингтон, ограничив ее характер личной встречей с президентом Рузвельтом, выражением признательности Франции американскому народу и его армиям и информационными целями.

Я твердо решил не предпринимать и не соглашаться на какие бы то ни было переговоры в собственном смысле слова.

Меня будут сопровождать: генерал Бетуар, Палевский, один дипломат, возможно Парис, полковник де Ранкур, Тейсо и Бобэ.

2) Я хочу прибыть в Вашингтон вечером 6 июля и принимаю программу пребывания в Вашингтоне 6, 7 и 8 июля, составлен-

ную Оппено совместно с государственным департаментом, а также его предложение о посещении Нью-Йорка 9 июля.

В Нью-Йорке я хотел бы принять всю французскую колонию, за исключением лишь тех лиц, которые настроены открыто и резко враждебно. Оппено должен организовать эту встречу самым либеральным образом, подчеркиваю — самым либеральным. Это не помешает мне, впрочем, особо посетить «France for ever».

3) В Канаду я хочу отправиться сразу же после посещения Нью-Йорка. Вам следовало бы немедленно договориться об этом с генералом Ванье и предупредить Бонно.

4) В Алжир я должен вернуться не позднее чем утром 14 июля.

ПИСЬМО ПЬЕРА ВЬЕНО ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Лондон, 30 июня 1944

Генерал!

Это письмо будет передано вам Парисом одновременно с проектом соглашения, к которому мы пришли вместе с Иденом, и запиской профессора Гро по данному вопросу.

Здесь я хотел бы дать вам лишь общее представление об этих переговорах.

Можно, по-моему, сказать, что мы добились того «успеха на 90 процентов», на который я надеялся: соглашение. Практически означающее действительное признание Временного правительства; безусловное подтверждение французского суверенитета; устранение малейшего намека на «контроль» со стороны главнокомандующего, в том числе и в передней зоне; подтверждение принципа полного равенства Временного правительства с союзными правительствами, из чего мы сможем в будущем извлечь важные последствия в международном плане (например, в вопросе о перемирии с Германией).

Сейчас речь идет о том, можем ли мы обеспечить себе дополнительные преимущества и внести улучшения в представленный вам проект.

Что касается политических статей, я не думаю, чтобы это было возможно.

Я уверен, что соглашение с союзниками укрепит наш авторитет во Франции.

Мы не должны заблуждаться в этом деле. Идя за вами, Франция идет в то же время и вместе с союзниками. Это естественно, поскольку в ее глазах вы сами символизируете верность Франции ее союзам. Огромное большинство французов было бы глубоко потрясено, если бы оказалось, что даже в самые дни освобождения нельзя прийти к согласию.

И если даже придет время, когда французы убедятся в том, что ответственность за такое положение ложится на союзников, все равно это нас не усилит. (Из этого извлекут пользу лишь одни коммунисты и к тому же еще самым опасным образом.)

Итак, существо вопроса не вызывает у меня сомнений. Без всякого, уверяю вас, авторского самолюбия я считаю своим долгом рекомендовать вам пойти на предложенное нам соглашение.

Прошу вас, генерал, принять уверения в моем уважении и преданности.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АНРИ ОППЕНО, В ВАШИНГТОН

Алжир, 2 июля 1944

Подтверждаю, что прибуду в Вашингтон 6 июля, во второй половине дня.

Я согласен с программой, предложенной на этот день американцами, а именно; чай у президента и обед у Корделла Хелла.

Я согласен также с программой на 7 июля: беседа и завтрак в Белом доме. С другой стороны, я не намерен вести переговоров (я подчеркиваю переговоры) по вопросу о выпуске денежных знаков.

Наша делегация должна устроить большой официальный прием. Разошлите приглашения в той форме, какая покажется вам наилучшей.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПО ПРИБЫТИИ НА ВАШИНГТОНСКИЙ АЭРОДРОМ 6 ИЮЛЯ 1944

Я счастлив вступить на американскую землю, чтобы встретиться с президентом Рузвельтом. Я приветствую всех американцев, мужчин и женщин, которые не покладая рук трудятся для войны, а также смелых американских парней — пехотинцев, мо-

ряков и летчиков, — которые за морем сражаются с нашими общими врагами.

Американцы, наши друзья! Французский народ думает о вас и приветствует вас.

Война идет успешно. После того как немцы и японцы будут разбиты, нам предстоит организовать мир на принципах свободы и мира. Мы горячо желаем, чтобы Соединенные Штаты и Франция продолжали всесторонне сотрудничать друг с другом, подобно тому как сегодня наши бойцы плечом к плечу шагают к общей победе.

ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИТАЛИИ БОНОМИ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Салерно, 6 июля 1944

Генерал!

Министр Прунас подробно информировал меня о беседах, состоявшихся между вами несколько дней назад в Неаполе, и передал любезные слова, которые были вами сказаны по моему адресу и которые я высоко ценю.

Сразу же хочу вам сказать, что ваше предложение о том, чтобы иметь в Риме до дворце Фарнезе в лице Кув де Мюрвиля представителя французского Временного правительства, с которым можно будет без постороннего посредничества и без помощи третьих лиц начать переговоры об итало-французских отношениях в настоящем и будущем, со всех точек зрения представляется мне превосходным предложением и встречает с моей стороны полное одобрение. В соответствующий момент при благоприятных обстоятельствах, несомненно, можно будет иметь и итальянского представителя при вашем правительстве.

Хочу также подтвердить то, что уже было сказано вам министром Прунасом, а именно, что внесение ясности в отношения между Италией и Францией и постепенное упрочение дружбы между ними составляет одну из главных задач моего правительства. Я счастлив, что вы разделяете мою глубокую уверенность на этот счет.

Латиняне Европы должны опираться друг на друга, чтобы противостоять тому шквалу, который угрожает их поглотить. Они преодолеют эти испытания, если найдут — в чем я глубоко убежден — силы и мужество для своего возрождения и обновления.

В свою очередь передаю вам, генерал, те же пожелания, которые вы сообразовали выразить по моему адресу и по адресу моего правительства. Особенно хочу выразить чувство глубокой солидарности с вами в отношении успеха военных операций, которые несомненно приведут к освобождению Франции, столь достойно представляемой вами.

Примите уверения в моих самых лучших чувствах.

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕЛЕГАТА В ИТАЛИИ МОРИСА КУВ ДЕ МЮРВИЛЯ МИНИСТРУ ИНОСТРАН- НЫХ ДЕЛ, В АЛЖИР

Неаполь, 8 июля 1944

Вчера я имел беседу с генеральным секретарем по иностранным делам. Она касалась главным образом откликов на недавнюю поездку генерала де Голля в Италию.

1) Заявление генерала журналистам в Риме произвело большое впечатление как содержащимся в нем намеком на франко-итальянское сближение, так и выраженными в нем чувствами по отношению к «вечному городу» как к очагу латинской культуры и центру католицизма. Это впечатление широко отражено в столичных газетах. Его разделяют и в Ватикане.

2) Председатель Совета министров был исключительно тронут словами, сказанными генералом де Голлем в беседе с Прунасом. Он прежде всего благодарен за то, что генерал ни единым словом не коснулся прошлого, которое теперь подвергается всеобщему обсуждению. Он расценивает все это как дружественный жест в отношении своего правительства и Италии. Он целиком поддерживает программу достижения соглашения между латинскими странами и считает, что его страна заинтересована в том, чтобы Франция возможно скорее заняла свое место в качестве великой державы.

По мнению Бономи, ничто не разделяет Францию и Италию; остается только урегулировать тунисский вопрос. Он готов разговаривать об этом, и Прунас спросил меня, сможем ли мы начать переговоры по этому вопросу, когда его правительство переедет в Рим. Я ответил, что, по-моему, возражений не будет, учитывая, что исходной точкой переговоров будет ликвидация всех итальянских привилегий в Тунисе.

Впрочем, сам Прунас идет еще дальше и думает, что может быть найден общий модус для взаимопонимания и взаимопомощи в послевоенный период. Я воздержался от каких-либо замечаний относительно этого предположения.

Во всяком случае, ясно, что итальянцы очень рады возможности подбросить новую карту в дипломатическую игру, ставшую более сложной с тех пор, как Советы решили установить прямые отношения между Москвой и Салерно.

В духе всего изложенного выше Бономи счел нужным обратиться с письмом к генералу де Голлю, чтобы поблагодарить его за слова, сказанные Прунасу, выразить согласие с предложением об установлении при моем посредстве прямых франко-итальянских контактов и подтвердить свою надежду на налаживание в будущем хороших отношений между Францией и Италией.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ АНРИ КЭЮ И РЕНЕ МАССИГЛИ, В АЛЖИР

Вашингтон, 9 июля 1944

Мои встречи с президентом Рузвельтом закончились вчера продолжительной и очень сердечной беседой. Я полагаю, что вопросы, касающиеся сотрудничества во Франции, ленд-лиза и выпуска денежных знаков, можно будет теперь быстро урегулировать дипломатическим путем по моем возвращении в Алжир. Что касается главных проблем будущего, то, как я полагаю, мы можем рассчитывать на то, что впредь уже никто не станет пытаться решать их без участия Франции. Вместе с тем высказанные взгляды дают возможность предполагать, что по ряду пунктов, в частности по вопросу о базах, в недалеком будущем представляет довольно тяжелые дискуссии. Завтра я буду в Нью-Йорке, послезавтра — в Канаде.

С дружеским приветом.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ НА ПРЕСС-КОН- ФЕРЕНЦИИ В ВАШИНГТОНЕ 10 ИЮЛЯ 1944

Прежде чем покинуть Вашингтон, я хочу выразить свои чувства, сказав, что уношу наилучшие впечатления от пребывания в федеральной столице Соединенных Штатов Америки. Я имел возмож-

ность вести с президентом Рузвельтом самые откровенные и самые разносторонние беседы. Кроме того, я имел возможность встретиться со многими государственными деятелями, в частности с Корделлом Хэллом, его заместителями и помощниками, видными членами Конгресса, в том числе с сенатором Коннелли и членом палаты представителей Сол Бломом, с генералом Маршаллом, адмиралом Кингом, генералом Арнольдом, со многими должностными лицами, ответственными представителями штабов и с другими высокопоставленными деятелями. Поэтому я считаю, что мы достигли главной цели, которую президент Рузвельт и я ставили перед этой поездкой, а именно возможности провести откровенные и объективные беседы по серьезным вопросам, интересующим Соединенные Штаты и Францию как в этой великой войне, так и после ее окончания. Я уверен, что урегулирование всех проблем, которые возникают и будут возникать перед американским и французским правительствами по мере продвижения союзных армий и в дальнейшем по мере переустройства мира, станет делом значительно более легким, потому что теперь мы еще лучше понимаем друг друга.

Мы должны вынудить Германию и Японию к полной капитуляции, затем построить лучший мир, в котором международная солидарность будет существовать не на словах, а на деле и в котором она будет организована с учетом интересов всех народов и с соблюдением их прав. Роль Соединенных Штатов в войне и в будущем строительстве мира поистине огромна, и это налагает на американский народ очень большую ответственность. Президент Рузвельт говорил мне обо всем этом, проявляя исключительную широту взглядов, глубокое знание дела и поразивший меня идеализм. Со своей стороны я ему возможно полно изложил, каким образом Франция, постепенно приходящая в себя после постигших ее несчастий, собирается участвовать вместе со своими союзниками и в соответствии со своей ролью сперва в войне, а затем в мирной жизни народов.

Существует извечный и традиционный фактор, который окажется в высшей степени полезным во всем, что нам еще предстоит сделать совместно. Фактор этот — добрая старая франко-американская дружба. Я убедился здесь в существовании этой дружбы. Поверьте, что для нас, французов, нет ничего дороже этого. Я думаю, что, ведя беседы о настоящем и будущем, оба мы — президент Рузвельт и я — пребывали в точно таком же психологическом состоянии, как и ваши доблестные американские бойцы и наши храбрые французские солдаты, которые плечом к плечу сражаются в общем бою за одно и то же благородное дело.

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ 11 ИЮЛЯ 1944 В ОТТАВЕ ПЕРЕД ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И ПАРЛАМЕНТОМ КАНАДЫ

Волнующий прием, который вы мне оказали, на мой взгляд, вдохновлен двумя факторами. Прежде всего вы, конечно, стремились проявить по отношению к нам ободряющее чувство солидарности, которое через границы, океаны и материки объединяет людей, совместно борющихся за свободу. Вместе с тем вы стремились также доказать, что Францию здесь не забыли, не забывают и никогда не забудут.

Должен сказать вам, что никогда Франция в такой степени не дорожила дружбой Канады, как сегодня.

Разумеется, прошлое играет важную роль в наших взаимных симпатиях. С одной стороны, ваш народ, который ни разу в истории не выступал против французского народа; ваш народ, ум и сердце которого всегда открыты для идей и чувств, рожденных французской душой; ваш народ, в жилах многих представителей которого течет кровь, принесенная из Франции; а с другой стороны, моя страна, которая первой принесла на эти обширные земли христианскую и европейскую цивилизацию; моя страна, с неизменным восхищением следившая за тем, как ваши отцы и вы сами прилагаете огромные усилия, чтобы вырвать у природы условия человеческого благополучия, способствовать интеллектуальному, духовному и моральному развитию умов и, наконец, чтобы создать государство, объединенное сознанием своего собственного значения и своею верностью содружеству, часть которого оно составляет, — ваш народ и моя страна — какими прочными узами связали их столетия!

Старой Франции казалось естественным, что в прошлую мировую войну на ее территории сражались за общее дело солдаты Канады; в ее земле с благоговением погребены те из них, чьи героические подвиги символизирует памятник в Вими. И позвольте заверить вас в том, что человек, имеющий честь выступать перед вами, был особенно тронут, когда недавно в Италии, на берегах Лири он увидел войска канадского корпуса, сражающиеся плечом к плечу с французскими войсками, или когда вступив на нормандское побережье в начале великой битвы, он встретил там славных и мужественных солдат канадского полка.

Но если прошлое дает так много оснований для взаимопонимания между Францией и Канадой, то настоящее правило к ним принадлежит. Дружья познаются в беде. За эти тяжелые годы на

долю Франции выпало много бедствий. Захваченная врагом, потрясенная разгромом, преданная или обманутая теми, кто захватил власть в государстве и кто воспользовался своею властью и своею репутацией только для того, чтобы безвозвратно ввергать ее в пучину позорного унижения, Франция в течение некоторого времени могла произвести на неблагоприятного или поверхностного наблюдателя впечатление страны, которая, примирившись со своим падением, уже никогда не сумеет от него оправиться. Однако люди более дальновидные и доброжелательные скоро увидели, что в своих глубочайших недрах моя страна не желает покориться. Эти люди вскоре поняли, что воля, надежда, душа французского народа твердо остаются на стороне тех, кто отказывается опустить знамя и любую ценою стремится удержать свою родину в лагере свободы.

Я не буду говорить здесь о том, каких усилий, жертв, а порою и разочарований стоило все это французам, которые вели ожесточенную борьбу за независимость и национальное единство в самой Франции и за ее пределами.

Но я считаю своим долгом отметить то участие и ту поддержку, которые они встретили со стороны Канады, ее правительства и ее народа. Французские летчики, которых вы здесь обучали, французские войска, вооружению которых вы содействовали, французские военнопленные, которых вы помогли кормить и одевать, а кроме того, быть может, огромное количество французов, которые в боях и лишениях ощущали тепло ваших сердец, — все они могут это засвидетельствовать. Теперь Франция воспрянула и сплотилась. Если эта животворная дружба непосредственно поддерживала мою страну в ее испытаниях и тем самым содействовала материальному и моральному упрочению коалиции свободных народов в их борьбе против лютых врагов, то теперь она приобретает очень важную роль в деле организации мира вслед за этой ужасной войной.

Теперь, когда лучи победы уже начинают озарять горизонт, народы, объединившиеся во имя торжества права и свободы, ощущают глубокое и неудержимое стремление к лучшему будущему. Ибо, если столько мужчин и женщин свободного мира с готовностью страдали, сражались и трудились, если столько храбрых и доблестных воинов безропотно отдали свою жизнь, если столько городов и деревень принесли себя в жертву во имя общего спасения, то было бы нетерпимо, было бы просто невысказанно, если бы эти бесчисленные потери, жертвы и разрушения не привели к великому и всестороннему прогрессу человечества.

Но в наше время, когда все способствует постоянному упрощению взаимозависимости наций, а вместе с тем и отдельных индивидуумов друг от друга, можно ли представить себе подобный прогресс иначе, чем в условиях вполне реальной системы международного сотрудничества? По тем же причинам, в силу которых одна и та же война охватывает все пространство нашей планеты, ставшей такой маленькой, — по этим же самым причинам и мир, который нам предстоит организовать, должен быть единым миром. По тем же причинам, в силу которых то, о чем думают, что делают, что производят сегодня в любой точке земного шара, неизбежно отражается на судьбе самого скромного бойца, — по этим же причинам в мире будущего жизнь каждого человека независимо от его расы, национальной принадлежности, рода его занятий в какой-то степени будет зависеть от того, что будет сделано в той или иной точке нашей планеты в сфере политической, экономической, социальной, духовной или моральной. Это значит, что отныне уже нельзя себе представить ни безопасности, ни прочного и длительного прогресса того или иного народа, населяющего нашу планету, либо того или иного человека на земле, если все нации, а внутри каждой из них все ее граждане, не поймут необходимости братского сотрудничества друг с другом.

Франция, мало-помалу возрождающаяся к жизни после перенесенных ею бедствий, Франция, умудренная опытом своих тяжелых страданий, Франция, которая отныне намерена не противопоставлять присущую ей жажду прогресса своей исконной мудрости, а, напротив, сочетать их, эта Франция заявляет о своей готовности взять на себя ту часть всеобъемлющей задачи, которую она способна осуществить. Она убеждена в том, что рядом с нею и вместе с нею будут все народы, верящие в нее. Она убеждена, что среди них в первую очередь будет Канада.

ТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ, В АЛЖИР

Вашингтон, 15 июля 1944

Американская печать очень широко комментировала поездку генерала де Голля в Вашингтон. Все газеты публиковали на пер-

вых полосах информацию и фото о его приезде, программе пребывания, о его пресс-конференции и поездке в Нью-Йорк.

Решения, о которых сообщил президент Рузвельт на своей пресс-конференции и которые касаются роли Временного правительства в освобожденной Франции, также публикуются на видных местах и встречают всеобщее одобрение.

«Нью-Йорк таймс», 12 июля: «Рузвельт отводит Алжиру первостепенную роль».

«Чикаго дейли ньюс», 10 июля: «Здесь, в Вашингтоне, генерал де Голль вновь возродил старую дружбу между Францией и Соединенными Штатами».

«Чикаго дейли ньюс», 11 июля: «Президент рассеял тучи, омрачавшие наши отношения с армиями генерала де Голля, и устранил тягостное положение, которое сложилось со времени высадки наших войск в Северной Африке».

«Нэйшн», 15 июля: «Рузвельт в конце концов оставил безнадежную позицию, пытаясь прикрыть свой отход дипломатическими оговорками. Будем же признательны ему за это. Однако остается фактом то печальное обстоятельство, что наша страна еще раз оказалась вынужденной лишь под давлением событий принять политику, которую ей следовало проводить с самого начала».

Более едко и подчас более коварно выглядят комментарии «Ньюс-уик», которая вынуждена делать хорошую мину при плохой игре: «Усмиренный де Голль готов сделать половину пути навстречу Рузвельту».

Приводимая ниже статья Энн Маккормик, напечатанная в «Нью-Йорк таймс» от 12 июля, прекрасно отражает мнение руководящих кругов: «В жизни генерал де Голль нисколько не похож на то, как он выглядит на фотографиях. Он более человечен, менее суров, менее «грандиозен» во французском значении этого слова. В его поведении, как и во внешнем облике, нет ничего, что напоминает обычный тип француза».

Компромисс в Вашингтоне по своей сущности свидетельствует о правильной политике, поскольку каждая из сторон добилась того, к чему она стремилась. На пресс-конференциях, которые последовали за их встречами, генерал де Голль и Рузвельт признали, что это явилось результатом «лучшего понимания», но если они лучше поняли друг друга, то именно потому, что находились в ином настроении и в ином положении, чем это имело место в дни Касабланки. Конференция в Анфе состоялась в очень напряженный и тревожный для американского правительства момент,

когда началось одно из самых рискованных предприятий, какое когда-либо затевалось. Рузвельт был слишком поглощен военными проблемами, чтобы внимательно прислушаться к требованиям генерала де Голля...

Что касается генерала де Голля, то он вынужден был кричать, ибо в то время Франции заткнули рот и ее голос был почти не слышен.

С тех пор он не перестает проявлять настойчивость, становится подчас невыносимым, когда добивается того, чтобы союзники не забывали, что Франция является державой, с которой следует считаться. Его действия заменяют собою живой голос его страны, между тем как другие хранят глубокое молчание, эмигрантские правительства имеют всего лишь символическое значение, и судьбы миллионов людей решают несколько человек на своих тайных совещаниях.

Сегодня генералу де Голлю уже нет необходимости говорить так громко, поскольку он знает, что скоро Франция сама заставит прислушаться к своему голосу. Никто, кроме соотечественников генерала, не встречал его так восторженно, как американцы, и уже одно это должно убедить генерала де Голля в горячих чувствах Соединенных Штатов по отношению к Франции. Человек, который в дни глубокого национального унижения так много сделал для поддержания достоинства своей страны, не может остаться равнодушным к таким овациям...

С другой стороны, и у президента стало больше оснований рассчитывать на Францию. Главный результат вашингтонской встречи состоит в том, что удалось рассеять недоразумения, порожденные неумеренной шовинистической болтовней об американских притязаниях на французские территории... Разумеется, американское правительство рассчитывало на обеспечение безопасности путем использования таких важных баз, как, например, Дакар, однако при неременном условии сотрудничества с французами, с соблюдением тех же принципов, какие положены в основу нашего сотрудничества с англичанами в Карибском море. Вот почему на своей пресс-конференции генерал де Голль заявил, что он получил заверения в отношении колониального вопроса, но что обеспечение международной безопасности в будущем может потребовать использования французских территорий и тем самым породить дискуссии.

Это предполагает признание того факта, что безопасность Франции, как и наша собственная безопасность, зависит от новой концепции и что французский государственный деятель отныне полу-

чает уверенность в том, что Франция будет участвовать в организации новой системы. Иными словами, это означает, что, находясь в зависимом положении, Франция должна была утверждать свою независимость; но по мере того, как она вновь обретет свободу действия и к ней станут относиться как к равной, она постепенно будет склоняться к признанию неизбежности взаимозависимости».

ТЕЛЕГРАММА АНРИ ОППЕНО РЕНЕ МАССИГЛИ, В АЛЖИР

Вашингтон, 12 июля 1944

Сегодня утром вместе с Альфаном я впервые встретился с Маккелоем и его сотрудниками.

Нам был вручен проект соглашения об отношениях между французской гражданской администрацией и союзным командованием, почти целиком основывающийся на тексте, выработанном в Лондоне. Нам были даны разъяснения о причинах и характере некоторых предложенных изменений. Завтра нам предстоит собраться для их предварительного изучения. Англичане, конечно, будут участвовать в этой второй встрече... Их участие приведет к тому, что улучшения, которых мы добьемся, будут иметь для Лондона такое же значение, как и для Вашингтона. В этих условиях вы, несомненно, сочтете желательным, чтобы отныне переговоры... целиком сосредоточились в Вашингтоне...

ТЕЛЕГРАММА КОМИССАРА ФИНАНСОВ ПЬЕРА МЕНДЕС-ФРАНСА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Вашингтон, 13 июля 1944

12 июля я виделся с Моргентау, который оказал мне превосходный прием. Между прочим, он выразил глубокое сожаление по поводу того, что недоразумения, возникшие недавно в связи с введением военных денежных знаков, свели к минимуму результаты, достигнутые во время моего прошлого визита, и отрицательно сказались на атмосфере, которая тогда была создана.

В соответствии с инструкциями генерала де Голля я воспрепятствовал тому, чтобы наша беседа пошла по пути конкретных

переговоров. Тем не менее Моргентау сообщил мне, что он добился от президента определенного решения о благоприятном урегулировании валютной проблемы и о признании нас в качестве властей, выпускающих деньги. Он отметил, что некоторые детали еще следует уточнить, как, например, вопрос о порядке получения денежных знаков военным командованием. Он сказал, впрочем, что ни один из вопросов, подлежащих урегулированию, не вызовет затруднений. Я не добивался уточнений. У меня осталось благоприятное впечатление от беседы в целом.

**ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТА РУЗВЕЛЬТА ЧЛЕНУ ПАЛАТЫ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДЖОЗЕФУ КЛАРКУ БОЛДУИНУ**

(Ставшее известным генералу де Голлю)

(Перевод)

Вашингтон, 19 июля 1944

Дорогой Джо!

Очень сожалею, что не имел возможности повидать вас в продолжение последних двух очень напряженных недель, проведенных мною в Вашингтоне; но это было невозможно в связи с пребыванием де Голля и т.п. ...Вместе с ним мы в общих чертах изучили совместные проблемы. Однако более подробно мы коснулись будущего Франции, ее колоний, обеспечения мира и т.п. ...Когда речь идет о проблемах будущего, он производит впечатление человека вполне сговорчивого, пока Франция рассматривается в качестве великой державы. Он очень чувствителен ко всему, что касается престижа Франции, но я думаю, что он просто эгоистичен.

Я хотел бы, чтобы по получении этого письма вы повидались с Джерри Лэндом по вопросам «Фрэнч лайн». Я не сомневаюсь в лояльности директора этой компании. Но де Голль не остановился бы перед тем, чтобы выставить его за дверь, если бы этот директор служил для него препятствием. Кроме того, было бы неплохо, если бы не выяснили у Джерри, кто в государственном департаменте занимается этим вопросом, и через посредство Хэлла или Эд. Стеттиниуса держали это лицо в курсе дела.

Надеюсь увидеть вас по возвращении.

Неизменно ваш.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ВОЕННОМУ ДЕЛЕГАТУ НА СЕВЕРНОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ГЕНЕРАЛУ КЕНИГУ, В ЛОНДОН

Алжир, 16 августа 1944

Как вам известно, в Лондоне и Вашингтоне были проведены переговоры и заключены соглашения, определяющие взаимоотношения между союзным верховным командованием и гражданскими властями в континентальной Франции.

Эти тексты должны быть подписаны с одной стороны комиссаром по иностранным делам и английским министром иностранных дел, а с другой стороны лично вами и верховным командующим союзными войсками.

Настоящим письмом я от имени правительства республики уполномочиваю вас, поскольку такая необходимость представится, подписать с генералом Эйзенхауэром указанные соглашения, равно как и все специальные протоколы об их применении, которые были обсуждены и парафированы либо в Лондоне, либо в Вашингтоне.

СРАЖЕНИЕ

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛОВ ДЕ ГОЛЛЯ И ЖИРО ПРЕЗИДЕНТУ РУЗВЕЛЬТУ И УИНСТОНУ ЧЕРЧИЛЛЮ

(Передано в тот же день маршалу Сталину)

Алжир, 18 сентября 1943

Господин президент!

(Господин премьер-министр!)

Чтобы направлять французские военные усилия в рамках межсоюзнического сотрудничества, нам представляется необходимым просить вас дать некоторые уточнения, которые непосредственно относятся к организации французских сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил.

Эти уточнения касаются: перевооружения этих сил, а также времени и места их использования на различных театрах военных действий.

В прилагаемом меморандуме, направляемом нами правительством Великобритании (Соединенных Штатов) и Союза Советских Социалистических Республик, изложено наше мнение по данному вопросу.

Вместе с тем мы были бы рады узнать вашу точку зрения относительно участия французского командования в союзных военных советах, по крайней мере в случае использования французских вооруженных сил или в случаях, которые будут затрагивать французские интересы вообще.

О всех мероприятиях военного характера, которые вы пожелаете нам сообщить, будут информированы лишь те органы военного командования, которым надлежит знать о них.

Просим вас, господин президент (господин премьер-министр), принять уверения в нашем высоком уважении.

МЕМОРАНДУМ, НАПРАВЛЕННЫЙ ГЕНЕРАЛАМИ ДЕ ГОЛЛЕМ И ЖИРО ПРЕЗИДЕНТУ РУЗВЕЛЬТУ И УИНСТОНУ ЧЕРЧИЛЛЮ И СООБЩЕННЫЙ МАРШАЛУ СТАЛИНУ

Алжир, 18 сентября 1943

I. Французский комитет национального освобождения в состоянии набрать в Северной Африке личный состав, необходимый для укомплектования:

- 7 пехотных дивизий,
- 4 легких бронетанковых дивизий,
- различных подразделений общего резерва,
- 30 авиагрупп:
  - 16 истребительных,
  - 9 бомбардировочный,
  - 1 разведывательной,
  - 4 охранения,
  - 1 батальона парашютистов.

В соответствии с заключенными соглашениями поставка материальной части, необходимой для вооружения указанных сухопутных и военно-воздушных сил, должна быть обеспечена в первую очередь американским правительством и частично английским правительством: до 1 января 1944 для основной части сухопутных сил, к концу лета 1944 для военно-воздушных сил.

II. До сих пор, однако, не принято какого-либо совместного решения относительно места и времени использования этих сил на различных театрах военных действий. Между тем от того или иного решения зависит:

- сосредоточение личного состава,
- указание точного места назначения для поставок материальной части,
- плана перевозок,
- обучение войск.

Французская точка зрения по этому вопросу определяется стремлением ввести в действие большую часть французских сил на территории французской метрополии, а также обеспечить их эффективное участие в освобождении Французского Индокитая.

а) Что касается военных действий, которые будут вестись из Северной Африки в направлении Южной Франции, то здесь, по-видимому, трудностей возникнуть не может. В связи с этим следу-

ет предусмотреть участие крупных французских сил в освобождении Корсики.

б) Но возникает неотложный вопрос в отношении операций, которые будут вестись с территории Великобритании и в направлении Северной Франции и которые логически должны завершиться освобождением Парижа.

В настоящий момент численность французских войск в Великобритании не превышает 2 тысяч человек и далеко не соответствует как операции столь большой моральной значимости, так и общему количеству войск, предоставленных Французской империей. Между тем для всех очевидно, какой большой психологический интерес представляет освобождение Парижа силами достаточно многочисленных и хорошо оснащенных французских войск, особенно после трех мучительных лет, которые пережила эта столица.

Французская точка зрения заключается в том, что с нашей стороны в военных действиях на севере Франции должны участвовать:

- 2 бронетанковые дивизии,
- по возможности 1 пехотная дивизия,
- 7 авиагрупп:
- 4 истребительных,
- 3 бомбардировочных,
- 2 батальона парашютистов.

Осуществление этого проекта, естественно, выдвигает проблемы, связанные с транспортировкой, организацией и обучением войск. Вопросы, по которым решение следовало бы принять уже теперь, сводятся к следующему:

оснащение в Англии перечисленных выше сил американской материальной частью, которая частично будет доставлена в Англию из Соединенных Штатов, либо английской материальной частью,

переброска необходимого французского личного состава из Северной Африки в Англию,

обучение этого личного состава в Великобритании.

На последнем этапе операции, а также учитывая желание английского правительства не иметь на территории Великобритании туземных войск, можно было бы, по-видимому, предусмотреть переброску французской пехотной дивизии из Северной Африки непосредственно во Францию сразу же после создания первых передовых укреплений на побережье Ла-Манша или

Северного моря. В этом случае Англии пришлось бы вооружить только 2 французские бронетанковые дивизии и 7 авиагрупп.

Необходимо срочно принять решение по этим вопросам.

III. С другой стороны, внимание союзных правительств и союзного командования должно быть обращено на положение французских военно-воздушных сил.

Из 30 предусмотренных авиагрупп с 1 апреля 1944 в действие смогут быть введены только 19.

Нет сомнения в том, что авиационная мощь союзников будет вполне достаточной. Но достойно сожаления то обстоятельство, что 30 тысяч человек из состава французских военно-воздушных сил, располагающих превосходными подразделениями, не будут использованы наилучшим образом.

Французский комитет национального освобождения настаивает на том, чтобы перевооружение этих воздушных сил было ускорено. Американское и английское производство достигло такого уровня, что эта просьба, по-видимому, может быть удовлетворена.

IV. Точно так же и план перевооружения французских военно-морских сил должен учитывать те возможности, которые может предоставить личный состав французского флота, насчитывающий 45 тысяч моряков.

Однако значительная часть личного состава флота может оказаться неиспользованной, если не будут удовлетворены основные заявки, предъявленные союзникам в ноябре 1942, либо свободными французскими военно-морскими силами, либо военно-морскими силами Северной Африки. Эти заявки главным образом касаются: поставки новых судов различного типа, а также самолетов военно-морской авиации; модернизации пригодных для использования кораблей большого тоннажа.

Что касается использования военно-морских сил, то Французский комитет национального освобождения хотел бы, чтобы эти силы участвовали:

в операциях по освобождению метрополии. При этом французские военно-морские силы должны действовать по возможности самостоятельно и опираясь на французские базы. Такое намерение, основанное на соображениях как технического, так и морального порядка, предполагает использование основной массы французского флота на Средиземном море. Его участие в операциях, базирующихся на Великобританию, должно быть ограничено действиями легких частей,

в дальневосточных операциях, для ведения которых Франция готова выделить максимум своих военно-морских сил.

ПЛАН СНАРЯЖЕНИЯ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, ПРИНЯТЫЙ ГЕНЕРАЛОМ ДЕ ГОЛЛЕМ В КОМИТЕТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ 14 ОКТЯБРЯ 1943

План снаряжения военно-морского флота на период с 1 октября 1943 по 1 мая 1944 включает следующие силы:

Военно-морские силы

- 1) Все корабли, находящиеся в настоящее время в строю.
- 2) Новые корабли, которые в соответствии с официальным заявлением союзников должны быть преданы с октября по мой месяц.

США должны передать:

- 6 эскортных миноносцев,
- 6 конвойных кораблей,
- 6 истребителей подводных лодок,
- 4 буксира.

Великобритания должна передать:

- 4 фрегата.

- 3) Эскадронный миноносец «Тигр» и миноносец «Тромб», обнаруженные в Таранто.

4) Это составляет:

104 боевых корабля общим водоизмещением 271 тысяча тонн;

104 вспомогательных судна общим водоизмещением 47 тысяч тонн

Итого: 318 тысяч тонн.

5) Войска, которые будут выделены военно-морским флотом для Французского экспедиционного корпуса:

- 1-й полк морской пехоты,
- бронетанковый полк морской пехоты,
- 1-й дивизион морской артиллерии.

Морская авиация

6 флотилий (групп) морской авиации,
1 разведывательная флотилия, передаваемая американским военно-морским флотом.

Итого 7 флотилий (групп) морской авиации.

Береговая оборона

7) Береговая артиллерия:

10 тяжелых батарей (100-мм и больше),

12 легких батарей,

7 батарей зенитной артиллерии.

8) Минная оборона следующих портов (уже сейчас обеспечивается французским флотом): Касабланка, Сафи, Филипвиль, Бужи, Бон, Тунис, Ла-Гулет, Сфакс.

Минная оборона портов, где нам придется заменить союзные военно-морские силы: Оран, Сус.

Минная оборона Аяччо и Бастии (следует создать).

Личный состав

9) Численность личного состава, соответствующая вышеизложенному плану:

офицеров 3088

старшин и матросов 46 000

ПЛАН СНАРЯЖЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ, ПРИНЯТЫЙ ГЕНЕРАЛОМ ДЕ ГОЛЛЕМ В КОМИТЕТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ 22 ОКТЯБРЯ 1943

а) Боевые единицы:

17 истребительных групп, в том числе:

7 вооруженных англичанами,

9 вооруженных американцами,

1 вооруженная русскими

(«Нормандия»),

9 бомбардировочных групп, в том числе:

1 легкая, вооруженная англичанами,

6 средних, вооруженных американцами,

2 тяжелых, вооруженных англичанами,

1 разведывательная группа, вооруженная американцами,

2 транспортные группы, вооруженные американцами,

3 группы «общей разведки», личный состав которых будет выделен морской авиацией и которые будут оснащены английской материальной частью,

4 эскадрильи поддержания порядка и безопасности, оснащаемые старой материальной частью,

1 полк парашютистов двухбатальонного состава;

б) Вспомогательные подразделения:

штабы и органы управления,
органы ПВО,
зенитная артиллерия,
ремонтные подразделения,
подразделения связи.

Примечание. Указанные боевые и вспомогательные части фигурируют в программе снаряжения французских военно-воздушных сил, которая была выработана по соглашению с союзниками. (Объединенная комиссия по вопросам авиации.)

**БЕСЕДЫ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С ВИЛЬСОНОМ
16-17 ДЕКАБРЯ 1943 И С МАКМИЛЛАНОМ 17 ДЕКАБРЯ 1943**
(Записаны канцелярией генерала де Голля)
16 декабря 1943

В этот день генерал де Голль пригласил к себе посла Вильсона для беседы.

В начале беседы генерал де Голль, сославшись на письмо генерала Эйзенхауэра генералу Жиро по поводу инцидента, связанного с отправкой в Италию 1-й дивизии, говорит, что это дело следует рассматривать в различных аспектах.

Во-первых, следует иметь в виду чисто технический аспект: использование в Италии именно этой дивизии, располагающей определенным вооружением.

Генерал Эйзенхауэр, как главнокомандующий, конечно, имеет право, говорит генерал де Голль, требовать или возражать. И все же достойно сожаления, что связи генерала Эйзенхауэра с французским штабом налажены так плохо. Генерал де Голль, например, не был поставлен в известность о том, что генерал Эйзенхауэр рекомендовал оснастить 1-ю дивизию американской, а не английской материальной частью.

Во-вторых, в этом деле следует различать аспект более общего характера. Речь идет не более не менее, как о французском суверенитете.

В своем письме генерал Эйзенхауэр требует, чтобы Комитет освобождения дал ему «определенные заверения». Несмотря на высокое уважение, которое мы питаем к генералу Эйзенхауэру как к верховному главнокомандующему союзными войсками, Комитет не мог бы дать ему каких-либо заверений. Он может их дать правительству Соединенных Штатов, но не верховному

главнокомандующему, которому французское правительство лишь поручило использовать часть французских вооруженных сил совместно с вооруженными силами союзников.

С другой стороны, генерал Эйзенхауэр говорит о том, что вооружение передано французским войскам в силу «личной договоренности». Комитет не может согласиться с такой интерпретацией соглашения о вооружении французских войск. Вооружение передано Франции, то есть ее правительству. К тому же правительство Соединенных Штатов подписало с Комитетом освобождения соглашение о ленд-лизе, которое регулирует обмен их оружия на различные наши услуги.

Наконец, генерал Эйзенхауэр пишет, что в Анфе была достигнута договоренность между союзниками и генералом Жиро о том, что по мере получения французскими войсками американского вооружения главнокомандующий союзными войсками сможет распоряжаться ими по своему усмотрению.

Генерал де Голль говорит, что это во всех случаях неприемлемо. Французское правительство в полной мере согласно с тем, что только союзному командованию принадлежит право руководить боевыми действиям вверенных ему вооруженных сил. Но что касается французских сил, то речь идет лишь о тех из них, которые французское правительство передало в его распоряжение. Мы считаем к тому же, что с нами должны консультироваться относительно их боевого использования. Но мы категорически отвергаем концепцию, исходя из которой французская армия переходит как бы в полную собственность американского командования только потому, что она получает американское оружие. Французская армия принадлежит французскому правительству, и только ему. Если мы, руководствуясь стратегическими соображениями, предоставляем часть наших вооруженных сил в распоряжение союзного командования, то это делается на известных условиях, которые сами же мы устанавливаем.

Так, например, если бы в плане развертывания военных действий на севере и на юге Франции было предусмотрено такое участие наших армий, которое, по нашему мнению, не отвечало бы национальным интересам, мы отозвали бы французские армии в свое распоряжение и сохранили за собой свободу действия.

В заключение генерал де Голль заявляет, что Комитет не собирается отвечать на письмо генерала Эйзенхауэра или поручать кому-либо давать на него ответ.

Вильсон спрашивает: что же в этих условиях следует предпринять?

Генерал де Голль указывает Вильсону, что этот вопрос следует обсудить между правительствами, с тем чтобы определить условия, на которых межсоюзное командование может использовать вооруженные силы союзников, в частности французские вооруженные силы. Комитет освобождения готов обсудить этот вопрос с послами заинтересованных правительств.

Вильсон просит у генерала де Голля разрешения изучить данный аспект указанного вопроса. «Я рассчитываю, — говорит он, — завтра снова поговорить с вами об этом».

17 декабря 1943

Вильсон сообщает генералу де Голлю, что он консультировался по указанному вопросу, в частности, с генералом Эйзенхауэром. Последний должен был сегодня утром отбыть из Алжира. 23 декабря он, безусловно, вернется, и по его возвращении можно было бы созвать совещание, на котором Вильсон представлял бы правительство Соединенных Штатов, генерал Эйзенхауэр — верховное командование и в котором Макмиллан хочет принять участие в качестве представителя английского правительства.

Пока же достигнута следующая договоренность:

передача вооружения французским войскам будет продолжена; принятие решения о том, посылать или не посылать в Италию дивизию Броссе или какую-либо другую дивизию, откладывается до созыва указанного совещания.

Вскоре к генералу де Голлю обратился Макмиллан с просьбой принять его.

От имени английского правительства он заявил о желании участвовать в намеченном совещании.

Он добавил, что, поскольку до сих пор ему удавалось добиваться заключения соглашений по спорным вопросам, существовавшим между его правительством и Комитетом освобождения (соглашение о валюте, соглашение о ленд-лизе), он лично был бы рад представлять Великобританию на предстоящих переговорах.

Генерал де Голль говорит, что он согласен на трехсторонние переговоры и что будет рад участию в них Макмиллана. Условились о том, что переговоры будут иметь целью заключение соглашения между тремя правительствами.

СОВЕЩАНИЕ 27 ДЕКАБРЯ 1943 ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПО ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК В ОПЕРАЦИЯХ СОЮЗНИКОВ

(Запись составлена канцелярией генерала де Голля)

Присутствовали:

с французской стороны: генерал де Голль,

Рене Массигли,

генерал Жиро,

генерал Девэнк,

со стороны союзников: Эдвин Вильсон,

Гарольд Макмиллан,

генерал-майор У. Беделл Смит

(начальник штаба генерала Эйзенхауэра),

генерал-майор Эверетт С. Хьюгес,

генерал-майор Джон Ф.М. Уитли.

Открывая совещание, генерал де Голль напоминает, что цель его — заключение соглашения об условиях участия французских вооруженных сил в боевых операциях союзников. Существуют разногласия. Нужно их преодолеть.

Французской стороной был предложен проект соглашения. Генерал де Голль просит представителей союзных правительств высказать свое мнение о проекте.

Вильсон говорит, что французский проект изучен союзниками. Они согласны со многими его пунктами, по некоторым другим пунктам они должны выяснить мнение своих правительств, что неизбежно потребует времени.

Однако один вопрос возникает уже сейчас — это вопрос об использовании французских сил на средиземноморском театре.

Вильсон просит генерала Б. Смита изложить существо проблемы.

Генерал Б. Смит говорит, что у союзного командования нет принципиальных возражений против предложенного французами проекта в целом, но он может быть принят только в результате переговоров между правительствами. А пока будут вестись переговоры, генерал Эйзенхауэр просит незамедлительно договориться по вопросу о средиземноморском театре. Предполагается развернуть крупные операции на юге Франции, а для этого союзному командованию потребуются все французские дивизии, в том числе и те, которые действуют

или будут действовать в Италии. Этот вопрос нужно решить срочно, поскольку военные действия на юге и на северо-западе взаимосвязаны.

Поэтому командование хотело бы, чтобы послы Соединенных Штатов и Великобритании просили Французский комитет национального освобождения заверить союзные правительства в том, что при планировании указанных операций может быть предусмотрено использование французских дивизий.

В противном случае союзному командованию пришлось бы уже сейчас позаботиться о переброске дополнительных дивизий из Соединенных Штатов, что, конечно, было бы крайне затруднительно. В общем для разработки плана операций союзному командованию необходимо знать, на какие французские силы оно может рассчитывать.

Генерал де Голль отмечает, что именно так командование должно ставить вопрос и что так оно ставит его впервые. Вопрос о предоставлении французских вооруженных сил в распоряжение союзного командования должен решаться французским правительством; отсюда следует, что ему нужно точно знать, для участия в каких именно операциях эти силы предназначаются.

Вильсон в свою очередь подчеркивает, что просьба союзного командования, по-видимому, отвечает условиям, которые генерал де Голль выдвинул в своих недавних беседах с ним; эти условия таковы:

- 1) должно быть гарантировано, что французские вооруженные силы будут целиком использованы во Франции, главным образом на юге;
- 2) должны быть проведены предварительные консультации между командованием союзников и французским командованием относительно использования французских войск;
- 3) в случае возникновения разногласий между командованиями должны проводиться консультации между правительствами союзников и Французским комитетом национального освобождения.

Генерал де Голль подтверждает, что его условия именно таковы.

«Для нас, — говорит он, — главное в том, чтобы французские войска вступили во Францию. Мы хотим, чтобы основная масса наших сил вступила во Францию с юга и только часть их — с севера».

Касаясь организационного вопроса, генерал Б. Смит говорит, что главнокомандующий хорошо понимает стремление французского правительства объединить под руководством французского командования французские вооруженные силы, которые будут участвовать в операциях на юге Франции. Того же добивались и американцы для себя во время Первой мировой войны. Именно для того, чтобы обеспечить выполнение этого условия, генерал Эйзенхауэр в свое время предусматривал посылку французского экспедиционного корпуса в Италию, а теперь предусматривает участие французской армии в операциях в Провансе.

Генерал де Голль с удовлетворением заявляет, что это намерение вполне отвечает желаниям французского правительства.

Генерал Жиро указывает, что очень важно объединить французские войска, которые будут использованы на юге Франции, под французским командованием. Это не должно помешать включению известной части французских войск в состав тех вооруженных сил союзников, которые будут действовать с территории Англии.

Генерал Б. Смит говорит, что Объединенный комитет начальников штабов исключает возможность переброски французской бронетанковой дивизии на северо-западный фронт из-за недостатка транспортных средств. Следовательно, все французские дивизии должны быть использованы на южном фронте.

Генерал де Голль тут же высказывается против такого решения вопроса. Вопрос об участии французских войск в операциях на севере Франции как раз и является одной из тех проблем, где стратегические соображения союзников приходят в противоречие со здравым смыслом, диктуемым французскими национальными интересами. Если союзные войска вступят в Париж без французов, это может повлечь за собой серьезные последствия.

Генерал де Голль напоминает, что три месяца назад союзникам был передан соответствующий меморандум, чтобы обратить их внимание на эту сторону проблемы, однако никакого ответа не последовало.

Генерал Б. Смит утверждает, что генерал Эйзенхауэр намерен обратить внимание Объединенного комитета начальников штабов на этот вопрос. Генерал Эйзенхауэр считает, что в операциях на северо-западном фронте должны участвовать французские

войска, по возможности дивизия, но, конечно, не бронетанковая дивизия.

Генерал де Голль просит Макмиллана высказать свое мнение. Тот отвечает, что три месяца назад, когда французский меморандум был вручен союзникам, обсуждаемый вопрос имел еще теоретический характер, однако сейчас он перешел уже в практическую стадию, и союзное командование должно дать ответ французам.

Генерал де Голль заявляет: «Если французское правительство получит от союзных правительств заверение в том, что, с одной стороны, французская армия, включающая большую часть наших дивизий, будет участвовать в боях на юге Франции, а с другой стороны, в том, что французская бронетанковая дивизия примет участие в операциях на северо-западном фронте, то тогда мы дадим наше согласие. В противном случае мы не сможем дать ни нашего согласия, ни наших войск».

Генерал Б. Смит повторяет, что генерал Эйзенхауэр хочет, чтобы в операциях на северо-западном фронте приняли участие французские войска, по возможности одна дивизия.

Затем генерал де Голль спрашивает у генерала Б. Смита, как союзное командование намерено провести операции на севере и на юге Франции.

Генерал Б. Смит излагает общий план операций. Он подчеркивает, что союзное командование придает большое значение участию в операциях французских войск, и объясняет причины, которые заставляют его — впрочем, в соответствии с желанием генерала де Голля — планировать их действия главным образом на южном фронте. Он говорит, что межсоюзное командование желает, чтобы французское командование организовало полноценное тыловое обеспечение, чтобы тем самым оправдать создание самостоятельной французской армии.

Генерал Б. Смит настаивает на быстром решении поставленных вопросов, для того чтобы можно было наметить план операций, в частности тех из них, в которых будут участвовать французские вооруженные силы.

«Генерал Эйзенхауэр, — говорит генерал Б. Смит, — сожалеет, что не переговорил по этому поводу с генералом де Голлем несколько недель назад. Он сам упрекает себя в том, что не попросил генерала де Голля о встрече».

Генерал де Голль полагает, что чаще всего трудности возникают из-за отсутствия ясной договоренности. Именно потому он и созвал настоящее совещание.

В заключение генерал де Голль и Массигли говорят, что Французский комитет национального освобождения письменно обратится к Макмиллану и Вильсону с просьбой, чтобы они подтвердили свои заверения, сделанные на этом совещании. Если в ответе Макмиллана и Вильсона будут повторены необходимые заверения, то передача в распоряжение союзного командования французских вооруженных сил для ведения операций во Франции будет гарантирована *ipso facto*.

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С ГЕНЕРАЛОМ ЭЙЗЕНХАУЭРОМ 30 ДЕКАБРЯ 1943 НА ВИЛЛЕ «ГЛИЦИНИИ»
(Записана канцелярией генерала де Голля)

Генерал де Голль: Рад вас видеть, генерал.

Генерал Эйзенхауэр: Я предполагал еще некоторое время задержаться в Северной Африке. В этом случае у меня была бы возможность на досуге встретиться с вами. Но я вынужден немедленно направиться в Соединенные Штаты. А так как я боюсь, что по возвращении мне труднее будет выбрать время для встречи — может случиться, что я пробуду здесь всего несколько часов, — я и решил нанести вам сегодня этот «внезапный» визит.

Генерал де Голль: Я хотел бы выразить удовлетворение, которое мы, французы, испытываем по поводу того, что вы принимаете командование. Операции, которыми вы будете руководить во Франции, имеют для моей страны жизненно важное значение.

Что касается французских войск, то мои усилия направлены к тому, чтобы все они вовремя были в боевой готовности.

1 апреля мы сможем выставить:

5 или 6 пехотных дивизий,

3 бронетанковые дивизии

и 3 корпусных штаба.

Мое правительство и я лично, мы исходим из этой реальной возможности, какой бы скромной она ни казалась.

Генерал Эйзенхауэр: Поскольку вы говорите об организации ваших вооруженных сил, я позволю себе откровенно высказать, что я думаю по этому поводу.

Позавчера у меня был генерал Делаттр. Он рассказал мне о том, что собирается сделать. Я не помню сейчас всех подробностей и не знаком с прежней деятельностью генерала Делаттра.

Но он так излагал свои планы, что я проникся к нему большим доверием. У меня создалось впечатление, что он, в частности, понимает трудности, с которыми связана организация тылового обеспечения войск.

Генерал де Голль: Генералу Делаттру действительно поручено взяться за это дело и сформировать дивизии и различные службы. Я считаю его человеком вполне компетентным.

Генерал Эйзенхауэр: Стало быть, я отправлюсь в Соединенный Штаты, испытывая чувство уверенности. Что касается организации французских дивизий, то мне кажется, что не следует увлекаться их количеством. Я считаю, что лучше иметь одну крепкую дивизию, чем несколько слабых.

Генерал де Голль: Я разделяю ваше мнение. Если вы помните, то как раз это я и говорил вам, когда мы встретились здесь в первых числах июня.

Генерал Эйзенхауэр: Совершенно верно.

Генерал де Голль: Генерал Делаттр займется организацией дела со всей тщательностью и основательностью.

Генерал Эйзенхауэр: Скажите, пожалуйста, какова численность ваших сухопутных войск, находящихся в настоящее время в Великобритании?

Генерал де Голль: Можно сказать, ничтожная. Примерно 2 тысячи человек.

Генерал Эйзенхауэр: И все-таки для операций на севере мне нужно иметь в своем распоряжении французские войска. Но я не считаю возможным снимать дивизии со средиземноморского театра, который является главной зоной действий французских вооруженных сил. Я уж не говорю о том, как было бы трудно перебросить их в Англию. Особенно бронетанковую дивизию.

Генерал де Голль: Но для нас необходимо, чтобы в Англии находилась по крайней мере одна французская дивизия. В состав наших пехотных дивизий входит много туземцев, и англичане возражали бы против их пребывания в Англии. Наши бронетанковые дивизии, напротив, состоят в основном из французов.

Генерал Эйзенхауэр: Может быть, удастся решить эту проблему. Я еще не знаю, что найду в Англии. Но не исключено, что там найдется свободная материальная часть. В этом случае достаточно будет перебросить отсюда личный состав, это значительно упростит дело.

Генерал де Голль: Это вы увидите на месте. Но я повторяю: не вступайте в Париж без французских войск.

Генерал Эйзенхауэр: Уверяю вас, что я не мыслю себе вступления в Париж без ваших войск.

Теперь позвольте мне объясниться с вами в личном плане.

За мной утвердилась репутация человека резкого, и я думаю, генерал, что, прибыв в Алжир, вы в своих отношениях со мной в какой-то мере основывались на этой репутации. В то время у меня было такое впечатление, что вы в ваших суждениях не вполне учитывали трудности, с которыми я сталкиваюсь при выполнении возложенной на меня задачи и в отношениях с моим правительством. У меня одна цель: успешно вести войну. Тогда мне казалось, что вы не хотите помочь мне. Я хорошо понимал, что и вы сами и Французский комитет национального освобождения как правительство поглощены своими заботами, но свои обязанности главнокомандующего союзными вооруженными силами на этом фронте я ставил превыше всего.

Сегодня я признаю, что допустил по отношению к вам несправедливость, и считаю нужным сказать вам об этом.

Генерал де Голь: You are a man*. Все это уже не имеет значения. Посмотрим, как обстоят дела сейчас. Говоря откровенно, лично я, французское правительство, французская армия довольны тем, что вам поручено руководить решающей операцией. Мы сделаем все, чтобы оказать вам помощь. Если возникнет какая-либо трудность, я прошу вас полагаться на меня и связаться со мной. Например, я уже сейчас предвижу — вероятно, и вы тоже, — что такая необходимость возникнет, когда встанет вопрос о Париже.

Генерал Эйзенхауэр: Конечно, мы сами должны устранять возникающие между нами трения.

Я сомневаюсь, чтобы в Соединенных Штатах мне удалось обойти молчанием вопрос о наших взаимоотношениях. Подобно тому как Комитет несет ответственность перед общественным мнением французов, точно так же и мы должны считаться с общественным мнением в Соединенных Штатах. Это очень важно. Войну выигрывает общественное мнение.

Если представится такой случай, я готов публично выразить вам чувство доверия, которое у меня сложилось в результате наших встреч, признать допущенную в отношении вас несправедливость и сообщить о том, что вы заявили о своей готовности в той мере, в какой это от вас зависит, оказать мне помощь в вы-

---

*Вы — человек... (англ.). — *Прим. ред.*

полнении моей задачи. Я буду нуждаться в вашей помощи, в содействии ваших должностных лиц, в поддержке французского общественного мнения для ведения операций на территории Франции. Я еще не знаю, какие директивы будут мне даны моим правительством относительно позиции, которую я должен занимать по отношению к вам. Но, помимо теоретических установок, есть еще практическая сторона. Должен вам сказать, что практически я не буду признавать во Франции никакой другой власти, кроме вашей.

Генерал де Голль: Если наши отношения не всегда были гладкими, то в этом не повинны ни вы, ни я. Это результат не зависящих от нас условий, которые порождены очень сложными взаимоотношениями наших стран с того момента, как Франция перестала обладать своей мощью. Но это преходящее явление. Когда мы одержим победу, от этого не останется и следа, разве только в истории.

ДЕКРЕТ ОТ 7 ЯНВАРЯ 1944 О ФОРМИРОВАНИИ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК

Ст. 1. Экспедиционные сухопутные войска, формирование которых должно быть закончено до 1 июля 1944, включает в свой состав:

командование армейской группы А,
командование армейской группы Б,
командование трех армейских корпусов,
шесть пехотных дивизий, в том числе одну горнострелковую,
четыре бронетанковые дивизии,
части прикрытия, принадлежащие к различным родам войск и служб.

Ст. 2. Помимо войск, уже введенных в дело к 1 января 1944, первый эшелон сухопутных войск, включающий по меньшей мере:

две пехотные дивизии,
две бронетанковые дивизии,
командование армейского корпуса,
должен быть приведен в боевую готовность в кратчайший срок.

Второй эшелон сухопутных войск, включающий остальные части, перечисленные в статье 1 настоящего декрета, за исклю-

чением одной бронетанковой дивизии и некоторых частей прикрытия, должен быть сформирован к 1 апреля 1944.

В целом формирование экспедиционных сухопутных войск должно быть завершено к 1 июля 1944.

Ст. 3. Выполнение настоящего декрета возлагается на комиссара по военным делам и по делам авиации. Настоящий декрет не подлежит опубликованию в «Журналь оффисьель» Французской республики.

Ш. де Голль.

РЕШЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ О ФОРМИРОВАНИИ СУХОПУТНЫХ СИЛ

Алжир, 7 января 1944

В декрете, принятом сегодня Комитетом национальной обороны, перечислены сухопутные войска, которые должны быть сформированы к 1 июля 1944, а также определена последовательность их формирования по срокам.

Осуществление этой программы подразумевает:

расформирование 10-й колониальной пехотной дивизии и 8-й алжирской пехотной дивизии,

выделение дополнительного американского вооружения сверх предусмотренного действующей программой и его транспортировку;

принятие дополнительных мер по увеличению численности личного состава наших войск и проведение, в частности:

мобилизации лиц в возрасте от 19 до 25 в Северной Африке, на Корсике и в империи,

призыва 3 тысяч мужчин, имевших отсрочку,

мобилизации 2400 женщин,

временного откомандирования инженеров-механиков из военно-морского флота;

новые переговоры с союзниками об условиях использования наших вооруженных сил в Италии и на территории Франции.

Комиссару по военным делам и по делам авиации и главнокомандующему, каждому в пределах его компетенции, поручается осуществление указанных мероприятий, о которых они должны мне докладывать по мере их осуществления.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛ ЖЮЭНА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Из Италии, 8 января 1944

Дорогой де Голль!

По возвращении из Алжира Бернед предал мне твою записку. Я был тронут получением этого ободряющего послания главы.

Ты можешь рассчитывать на безграничную преданность всех моих подчиненных. Это славные ребята, думающие не только о боевых делах, но хорошо разбирающиеся в людях и исполненные доверия к достойнейшему.

Жиро и Ле Трокер, должно быть, делились с тобой своими итальянскими впечатлениями. Зимняя кампания оказалась здесь тяжелой, даже очень тяжелой. Нам, французам, приходится в морозную, снежную погоду вести бои с немцем — упорным, неизменно ловким и искусным противником. И все-таки мы его довольно сильно потрепали и надеемся, что нам удастся сделать еще больше.

Наша стратегия в Италии грешит нехваткой нужных сил. На таком театре надо бы иметь еще десяток дивизий, что позволило бы проводить операции действительно армейского и фронтового масштаба, которые только и целесообразны в Европе. А это возможно лишь при сочетании фронтального удара с мощными десантными операциями.

Во всяком случае, ты можешь быть уверен в том, что французы прославят свои знамена, хотя это потребует от них еще большего напряжения, еще больших лишений и жертв.

Мой блиндаж распложен сейчас на фланге Абруццо. Тем самым я непосредственно отвечаю за небольшое сражение, которое самостоятельно ведут французские войска. Как видишь, я нахожусь в привилегированном положении.

По-прежнему рассчитываю на дивизию Броссе, оснащенную американским вооружением. Она прибудет, конечно, не раньше конца февраля или в начале марта. До этого времени дивизию невозможно будет использовать из-за ее негров. В марте я смогу ввести ее в бой, приняв известные меры предосторожности.

Мы надеемся, что ты приедешь. Предупреди меня заблаговременно... Генерал Кларк тоже будет рад тебя видеть.

Лучшие пожелания тебе лично и всем твоим, а также желаю успеха тому делу, которое ты предпринял. Мы идем за тобой, сознавая огромные трудности, стоящие на твоём пути, но исполненные доверия.

Преданный тебе

Жюэн

РЕШЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ОБ УСИЛЕНИИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК В ИТАЛИИ

Алжир, 5 февраля 1944

I. Вопрос о посылке подкреплений французским войскам в Италии в принципе предрешен.

Однако при этом должны быть соблюдены следующие условия, относительно которых генералу Жиро необходимо срочно договориться с генералом Вильсоном:

1) Не следует, как этого требует генерал Вильсон, усиливать 3-ю марокканскую и 3-ю североафриканскую дивизии, каждую одним пехотным полком, за счет изъятия их из состава дивизий, находящихся в настоящее время в Северной Африке. Это шло бы вразрез с планом формирования наших соединений.

2) Вместе с тем мы готовы усилить армейскую группу в Италии, передав ей в полном составе 4-ю марокканскую дивизию, в том случае если союзники возьмут на себя обязательство перебросить ее при первой же возможности целиком, чтобы избежать ее дробления.

3) Следует напомнить союзному командованию, что как это, так и другие соединения предназначены в основном для участия в операциях по освобождению Франции. А потому, если не возникнет временных обстоятельств совершенно исключительного характера, о которых необходимо будет поставить меня в известность, 4-я марокканская дивизия, равно как и остальные части итальянской армейской группы, к началу операций во Франции должна быть своевременно освобождена от выполнения своей задачи.

II. Посылка в Великобританию пехотной дивизии, укомплектованной в соответствии с пожеланием генерала Эйзенхауэра исключительно европейцами, не может быть предусмотрена,

ибо формирование такой дивизии нарушило бы план организации наших соединений.

Мы готовы послать в Англию североафриканскую бронетанковую дивизию. При всех условиях туда должна быть послана именно бронетанковая дивизия.

Генералу Матене следует довести настоящее решение до сведения генерала Эйзенхауэра.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ В ИНДОКИТАЕ ГЕНЕРАЛУ МОРДАНУ

Алжир, 29 февраля 1944

Генерал!

В годину тяжких испытаний, выпавших на долю Франции, вы, я знаю, никогда не колебались, когда речь шла о защите ее чести и ее интересов. Сегодня именно вы в состоянии предпринять действия, которые могут иметь решающее значение для освобождения Индокитая. Вы нуждаетесь в информации и инструкциях. В качестве председателя французского комитета национального освобождения я направляю их вам.

I. Комитет является французским правительством. Распоряжения, которые он дает вам сегодня, завтра будут подтверждены правительством республики.

Вы знаете, как был создан Комитет. Он был сформирован по соглашению между Лондонским национальным комитетом и лицами, которые с ноября 1942 фактически осуществляли власть в Северной Африке. Нация в своем подавляющем большинстве признает Комитет, ожидая момента, когда она будет поставлена под его власть. Функции, присвоенные министерским департаментам внутри правительства, соответствуют традиционным функциям. В частности, комиссар по делам колоний — это пост занимает Рене Плевен — осуществляет власть над всеми французскими колониальными территориями, единственное и временное исключение среди которых составляет Индокитай.

II. Что касается нашего дипломатического и военного представительства на Дальнем Востоке, то оно организовано следующим образом:

III. Вы знаете, что Франция сталкивается на Дальнем Востоке с трудностями внешнеполитического характера. Они могут быть объяснены — но не оправданы — поражением и капитуляцией Виши. Нашему материальному преимуществу, которое мы приобрели в результате борьбы Индокитая против сиамцев и японцев, нанесен значительный ущерб фактом заключения режимом Виши соглашений с Японией. Только эффективное участие в боях за освобождение Индокитая может обеспечить нам полное восстановление наших прав.

IV. Что касается будущего статута Индокитая, то намерение Франции дать такой статут было торжественно провозглашено в декларации Комитета освобождения от 8 декабря 1943. Текст декларации прилагается.

V. В настоящее время можно считать, что Германия уже проиграла войну; не ясно пока, сколько времени потребуется союзникам, чтобы довершить ее поражение.

Но так или иначе наступит время, когда освободившиеся в Европе крупные силы союзников смогут быть переброшены на Дальний Восток, чтобы ускорить разгром Японии. Если оставить в стороне французские вооруженные силы, то это главным образом относится к вооруженным силам Великобритании и США. Пока я не могу принимать в расчет советские вооруженные силы, поскольку сейчас трудно сказать, какую позицию займет Советский Союз в отношении Японии по истечении срока действия пакта о ненападении, которым сегодня связаны обе эти державы.

VI. Германия, вероятно, будет разгромлена раньше, чем Япония. Следовательно, правительство Виши прекратит свое существование, тогда как Индокитай еще будет оккупирован. Японцы могут объявить свои соглашения с Виши утратившими силу и попытаться упразднить, или, во всяком случае, подчинить себе, французскую администрацию в Индокитае. Не исключено, что они попытаются овладеть Индокитаем, захватить в свои руки управление и оборону. Может случиться, что они захотят разоружить французские войска, чего следует опасаться, по-видимому, уже сейчас. Возможно, что личный состав этих войск будет направлен в концентрационные лагеря, а японцы освободят индокитайских военнослужащих, будут захватывать склады продовольствия, боеприпасов и т.п. Все это, очевидно, должно стать предметом ваших неустанных и нелегких забот.

VII. Какие же меры в этих условиях мы можем предпринять, чтобы, с одной стороны, обеспечить свое участие в освобождении Индокитая, а с другой — сохранить свои права в этой части нашей империи?

Мы должны предпринять ряд мер дипломатического и военного характера.

VIII. Что касается мер дипломатического порядка, то мы постоянно напоминаем союзникам о правах Франции и стремимся опровергнуть распространяемые тенденциозные представления относительно обстоятельств, которые явились причиной нашей преходящей слабости на Дальнем Востоке и относительно ее последствий. Мы неустанно напоминаем о том, что мы, французы, как никто, обладаем нужными качествами, чтобы претендовать на ведущую роль в освобождении Индокитая. Мы не упускаем ни единой возможности, чтобы показать, какие силы мы можем ввести в дело. Мы стремимся оказывать влияние на любые действия союзников в отношении Индокитая, идет ли речь о пропаганде или о бомбардировках. Наконец, мы боремся за то, чтобы предостеречь союзников от каких-либо разобщенных или преждевременных действий, таких, например, как вторжение китайцев в Тонкин или операции десантных групп, составленных исключительно из американцев или англичан.

IX. Что касается мер военного характера, то Комитет освобождения решил предпринять в первую очередь следующие действия, о которых союзники уже поставлены в известность:

1) Формируется экспедиционный корпус под командованием генерала Блезю для участия в освобождении Индокитая вместе с вооруженными силами союзников. В настоящее время его численность составляет около 15 тысяч человек, не считая войск, предназначенных для действий в Европе. В составе этих сил:

легкий корпус вторжения, предназначенный для переброски в нужный момент (самолетами или подводными лодками) в различные районы Индокитая, чтобы поддержать действия внутренних сил Сопротивления;

две пехотные бригады, из которых одна дислоцируется на Мадагаскаре, а другая в Северной Африке.

Командный состав передового отряда экспедиционного корпуса уже проходит в Индии обучение и тренировку под руководством английских инструкторов, специалистов по ведению боевых действий в джунглях.

2) Первый эшелон будет подготовлен к осени этого года; после освобождения Франции он будет усилен за счет новых боевых единиц, выделенных:

из состава соединений колониальных войск, находящихся в Европе или остающихся в Африке;

из состава войск метрополии.

В целом это составит около 50 тысяч человек, которые будут подготовлены в первой половине 1945, если освобождения Франции произойдет в этом году.

В дальнейшем будет сформирован третий эшелон.

3) Когда военная обстановка позволит предпринять на внешних театрах значительные операции силами нашего военноморского флота, мы намерены использовать оставшиеся у нас и получаемые нами теперь морские силы для операций на Дальнем Востоке. К тому времени мы будем располагать примерно пятнадцатью новыми и модернизированными боевыми кораблями, в том числе линкорами, авианосцами, крейсерами и подводными лодками.

4) Помимо перечисленных выше сил, в нашем распоряжении будут значительные авиационные, сухопутные и морские соединения.

Х. Ко второй категории мероприятий военного характера относится сопротивление, которое может быть оказано японцам в самом Индокитае. Эти мероприятия могут быть осуществлены пока лишь в ответ на действия противника против французских войск. Какие ответные меры со стороны французских войск должны последовать?

Здесь, по-видимому, следует делать различие между войсками, находящимися в Тонкине, с одной стороны, и войсками, находящимися в центральной и южной части федерации, — с другой.

Что касается первых, то вы должны определить: смогут ли они отойти в безопасные зоны, которые вы должны указать Комитету освобождения, где они могли бы снабжаться оружием, боеприпасами и продовольствием с воздуха, или же они отойдут на китайскую территорию; здесь снабжение было бы облегчено, но зато мы оказались бы вынужденными примириться с участием китайцев в дальнейших наступательных операциях со всеми последствиями, вытекающими из факта проникновения китайских войск в Индокитай. При этом следует учесть тайные замыслы китайцев в отношении Тонкина.

Что касается войск в Аннаме, Кохинхине и Камбодже, то они, вероятно, будут в состоянии вести лишь партизанские действия, базируясь на безопасные зоны, которые вам следует наметить.

В связи с этим напрашивается решение об использовании обширного района в области МОИ, поскольку здесь обеспечено лояльное отношение местного населения, имеются стратегически удобные коммуникации с севера на юг и труднопроходимая местность, с которой хорошо знаком командный состав легкого корпуса вторжения, как раз и предназначенного для использования в этом районе.

XI. В деле освобождения Индокитая мы рассчитываем не только на действия войск. Существенная роль, по нашему мнению, должна принадлежать гражданской администрации, а также французскому и индокитайскому населению. Вы, вероятно, уже продумали, как следует организовать и осуществить их участие в освобождении Индокитая.

XII. Пришло время, когда Индокитай, подобно всей империи, должен быть подчинен власти Французского комитета национального освобождения, конечно, с учетом условий японской оккупации. Это позволило бы разработать конкретную программу действий, в которой заранее были бы предусмотрены все неожиданности и определены необходимые решения для всех случаев. Помимо вопросов общего характера, нужно решить много частных вопросов, связанных с посылкой материальной части и боеприпасов индокитайскому Сопротивлению, с направлением пропаганды, назначением командиров и т.д. Вам лично следует наметить и предложить меры, касающиеся организации внутреннего индокитайского Сопротивления и руководства им, а также возможности оказания ему помощи извне, чтобы поддержать его до вступления в бой главных сил союзников. Я уже сообщал вам, как Комитет освобождения представляет свою роль. Вы должны направлять ему свои предложения, поддерживать с ним связь и в каждом особом случае запрашивать его указаний.

В заключение я хотел бы сказать, что от эффективности внутреннего Сопротивления в Индокитае в значительной мере будет зависеть не только освобождение территории Индокитая, но и его окончательное возвращение в состав Французской империи. Конечно, бесполезно было удерживать позицию, что до сих пор и делалось. Но теперь требуется нечто большее. Надо,

чтобы Индокитайский Союз, который уже сражался против Сиама и Японии в 1940, принял участие и в борьбе за победу. Все в Индокитае должны проникнуться сознанием огромной важности и величия лежащей на них национальной задачи.

Они должны быть готовы принести любые жертвы, которые родина вправе от них потребовать, а если нужно, то и пожертвовать собою. Если враг попытается разоружить наши войска, они должны оказать ему самое решительное сопротивление даже в том случае, если оно не будет предвещать надежду на непосредственный успех.

Генерал! Правительство полагается на вас и на ваши войска. Прошу принять уверения в моей сердечной преданности.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ГЕНЕРАЛА ЖЮЭНА ГЕНЕРАЛУ ЖИРО (Сообщено генералу де Голлю)

9 марта 1944

Генерал де Голль только что посетил фронт. Его приезд произвел самое благоприятное впечатление, и он сказал всем именно то, что следовало сказать.

Он беседовал с генералами Александером и Кларком об использовании французских войск. Генерал де Голль, разумеется, принял во внимание мое предупреждение о том, что взоры союзников, стремящихся увеличить свои силы в Италии для решающих действий, прикованы сейчас к французским резервам в Северной Африке.

Это обстоятельство его встревожило, потому что не может быть и речи о высадке десанта на южном побережье Франции, пока на полуострове не будет достигнут рубеж тосканских или лигурийских Апеннин, а относительно вторжения крупными силами с севера все еще не принято твердого решения.

Между тем генерал де Голль считает совершенно необходимым, чтобы в случае высадки союзников во Франции вместе с ними действовали и наши войска. В этом отношении, он, бесспорно, выражает чаяния всех французов.

Но что нам делать теперь, когда у нас нет уверенности относительно намерений наших союзников? Если мы им откажем в дополнительных силах для операций в Италии, они будут негодовать; с другой же стороны, нужно считаться и с тем, что без-

действующие в Северной Африке французские бойцы неизбежно все больше будут чувствовать себя как бы в осаде или в плену.

В такой ситуации, на мой взгляд, лучше всего было бы пойти на известный компромисс: предоставить четвертую французскую дивизию для операции в Италии (дивизию Броссе или 1-ю бронетанковую), а четыре остальных оставить на тот случай, если представится возможность использовать их непосредственно во Франции. Вместе с тем нужно добиться гарантии, что наши силы, действующие в Италии, будут также использованы и во Франции. Такое компромиссное решение может примирить различные точки зрения, до тех пор пока не прояснится обстановка.

Что касается меня, то, желая обеспечить наиболее эффективное участие наших сил в итальянской кампании, я хотел бы иметь в своем распоряжении четыре дивизии, и этим можно было бы ограничиться в этой кампании. Я не думаю, чтобы союзники потребовали большего.

РЕШЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ

Алжир, 28 марта 1944

1. Во исполнение постановления от 14 марта 1944 об осуществлении гражданской и военной власти на территории метрополии в период ее освобождения правительство приняло решение о реорганизации командования в Великобритании.

Помощник начальника штаба сухопутных сил дивизионный генерал Кениг назначен командующим французскими вооруженными силами в Великобритании и военным делегатом на северном театре военных действий. Он приступит к исполнению своих обязанностей немедленно.

2. Дивизионный генерал авиации Коше назначается военным делегатом на южном театре военных действий.

ОРДОНАНС ОТ 4 АПРЕЛЯ 1944 ОБ ОРГАНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

Ст. 1. Французский комитет национального освобождения обеспечивает общее руководство ведением войны. Он распоря-

жается всеми сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами.

Ст. 2. Председатель Французского комитета национального освобождения является главою вооруженных сил. Полномочия председателя Совета министров в отношении руководства национальной обороной и координации ее усилий, определенные законом от 11 июля 1938 об организации нации в военное время, осуществляются председателем Французского комитета национального освобождения.

Ст. 3. Председатель Французского комитета национального освобождения, глава вооруженных сил:

а) имеет право окончательного решения вопросов, касающихся состава, организации и использования вооруженных сил;

б) направляет и координирует деятельность военных департаментов и регулирует мероприятия, касающиеся деятельности военных и других департаментов;

в) руководит деятельностью военных миссий за границей.

Ст. 4. Председатель Французского комитета национального освобождения, глава вооруженных сил, имеет при себе Комитет национальной обороны (предусмотренный декретом от 16 декабря 1943 об организации верховного командования).

В его распоряжении находится штаб национальной обороны, состав которого определяется им. Начальник штаба национальной обороны назначается декретом; он выполняет обязанности секретаря Комитета национальной обороны.

Ст. 5, 6. <...>

Ш. де Голль

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Касабланка, 9 апреля 1944

Генерал!

Прежде чем покинуть Африку для нового этапа на пути к конечной цели, к которой мы стремимся уже в течение трех лет, я не могу не выразить вам своей самой глубокой благодарности.

Если завтра мы возвратимся во Францию с высоко поднятой головой и сможем прямо смотреть в глаза нашим родителям и

нашим детям, то этим мы обязаны именно вам. Решение, принятое вами в 1940, было спасительным для нашей национальной чести; завтра оно будет спасительно для единства и целостности нации. Мы никогда не будем в состоянии до конца выразить вам свою признательность.

Будьте уверены, генерал, в безграничной преданности моей лично и всех подлинных французов, тех, которые ставят интересы родины выше своих частных интересов. Ваше недавнее посещение оставило в дивизии глубокий след.

В заключение я хочу выразить единственное пожелание: быть в состоянии встретить и приветствовать вас в великом городе Франции, освобожденном от врага, как я встречал вас в Дуале в 1940.

С глубоким уважением.

РЕШЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ О КОМПЕТЕНЦИИ ГЕНЕРАЛА ДЕЛАТТРА

Алжир, 15 апреля 1944

1. Генералу армии Делаттру де Тассиньи, командующему армией Б, поручается в предписанное время принять на себя командование всеми французскими сухопутными силами, предназначенными для участия в операции «Энвил»*.

В качестве такового он уже теперь в контакте с союзным командованием должен обеспечить подготовку к вводу этих сил в бой.

2. Та часть этих сил, которая не входит в состав итальянской армейской группы и которая в соответствии с планом от 23 января 1944 предназначена для указанной операции, поступает в непосредственное распоряжение генерала Делаттра де Тассиньи в отношении их оснащения и обучения.

3. Французские сухопутные силы, дислоцированные на Корсике, предаются в распоряжение командующего армией Б.

---

* «Энвил» — наковальня (англ.) — условное обозначение операции по высадке союзных войск на южном побережье Франции. — *Прим. ред.*

МЕМОРАНДУМ ФРАНЦУЗСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВОЗДУШНЫХ БОМБАРДИРОВКАХ ФРАНЦУЗСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Алжир, 5 мая 1944

В момент, когда наступление военно-воздушных сил союзников вступило в фазу высокой активности и когда проводятся широкие операции по бомбардировке французской территории, Французский комитет национального освобождения считает своим долгом привлечь самое серьезное внимание американского и английского правительств на условия, в которых проводятся эти операции, и на психологическую реакцию, которую они вызывают у французского населения и среди французских солдат.

Население метрополии возлагает свои надежды на развитие и успех битвы за Францию. Войска Сопротивления уже принимают в ней участие, в то время как французские соединения вне метрополии принимают участие в военных операциях союзников. Еще более значительные контингенты этих войск готовятся принять участие в предстоящих битвах. Населению известно, что воздушные бомбардировки являются прелюдией к этим битвам и необходимым их условием. Так же как оно поддерживает на земле боевые элементы Сопротивления, оно с твердостью соглашается на риск, который влечет за собой наступление, проводимое союзниками с воздуха. Оно воздает горячую хвалу боеспособности как тех, так и других. Оно никоим образом не думает критиковать мероприятия, как бы ни были тяжелы их последствия, лишь бы полезность этих мероприятий была для него очевидна.

Однако в отношении союзников это чувство могло бы быть серьезным образом поколеблено, если бы выяснилось, что разрушения и человеческие жертвы, вызываемые воздушными налетами, не соответствуют достигнутым техническим результатам.

Французский комитет национального освобождения не сомневается в том, что американское и английское командования и военно-воздушные силы, полностью осознав необходимость этого, будут выбирать с особой тщательностью и вниманием объекты нападений и необходимые технические средства. Тем

не менее на основании многочисленных сообщений, полученных им из Франции, он вынужден констатировать, что с известного момента и во многих случаях создается впечатление, что потери и ущерб, которые влекут за собой воздушные бомбардировки для населения, не соответствуют достигнутым результатам военного характера. Это относится, в частности, к бомбардировке вокзалов или заводов, находящихся в центре населенных пунктов, то есть объектов, которые не могут быть достигнуты без серьезного риска для окрестных домов и проживающего в них населения.

Что же касается железных дорог, в большинстве случаев есть возможность выводить их из строя путем разрушения сооружений, находящихся в других пунктах. Если речь идет о заводах, то разрушение центров двигательной энергии парализует их так же эффективно и подчас на более долгий срок, чем непосредственный налет. Операции этого характера часто успешно проводились французскими внутренними войсками с максимальным эффектом и минимальным ущербом для населения.

Убежденный в том, что накануне высадки во Франции среди французского населения следует поддерживать самое благоприятное отношение к появлению во Франции союзных войск, Французский комитет национального освобождения считает своим долгом предупредить американское и английское правительства в отношении последствий воздушных операций в том виде, как они проводятся в настоящее время. Он считает нужным отметить, что во всех случаях, когда есть необходимость в воздушных бомбардировках, следует с особой тщательностью выбирать объекты, а также осуществлять различные задания, так чтобы по возможности избегать разрушений, не представляющих военного интереса, а также человеческих жертв.

Французский комитет национального освобождения имеет честь предложить американскому и английскому правительствам немедленно организовать сотрудничество американского и английского военного командования с французским командованием в области определения военных объектов, подлежащих разрушению на французской территории на данном этапе военных действий, а также выбора средств осуществления этих разрушений. Комитет национального освобождения готов осуществить при помощи войск

Французских внутренних сил те из операций, выполнить которые силами этих войск будет сочтено возможным после совместного изучения этого вопроса союзным и французским командованиями. Необходимые консультации могут быть проведены в ближайшее время либо в Алжире, либо в Лондоне, разумеется, при условии, что Французский комитет национального освобождения будет располагать средствами связи между этими двумя пунктами, которых в настоящее время он лишен.

ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ЖЮЭНА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ-ЛЮ, В АЛЖИР

К.П., 13 мая 1944

1. Сегодня в 3 часа утра возобновились атаки французского экспедиционного корпуса.

Противник принял бой и оказал ожесточенное сопротивление. Он был оттеснен на всем фронте французского экспедиционного корпуса и вынужден отступать.

Он терпит полное поражение.

2. Обстановка на 17 часов:

2-я марокканская пехотная дивизия. После ожесточенных боев овладела Мон-Майо, ключом к немецкой позиции, и продвинулась на 1500 м к западу от этого пункта.

1-я марокканская горнострелковая дивизия. Соединившись на левом фланге со 2-й марокканской пехотной дивизией, обошла с востока Сан-Андреа и окружила Сан-Амброджио с севера и с запада.

4-я марокканская горнострелковая дивизия. Используя продвижение 2-й марокканской пехотной дивизии, атаковала в направлении с севера на юг и овладела южным гребнем Феучи-Ческито.

3-я алжирская пехотная дивизия. Ее бронетанковая группа завершила очистку от противника Кастельфорте и подвинулась дальше на один километр в направлении Корено.

3. До настоящего времени насчитывается по меньшей мере 500 военнопленных, захвачено большое количество военного имущества.

4. Продвижение продолжается по всему фронту. Наши части преследуют отступающего противника. Операция развивается по намеченному плану.

Все войска действуют исключительно энергично и смело...

ДИРЕКТИВА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ОТНОСИТЕЛЬНО БОЕВЫХ ОПЕРАЦИЙ ВНУТРЕННИХ СИЛ (План «Кайман»)

Алжир, 16 мая 1944

I. Цель операций

Различными планами уже предусмотрены диверсионные акты, которые должны быть произведены на всей французской территории в ходе битвы за Францию.

Независимо от этого с момента высадки союзников внутренние силы должны будут во взаимодействии с их вооруженными силами непосредственно участвовать в сражении, предпринимая боевые действия в целях освобождения целых районов французской территории.

II. Основные районы действий

1. Юго-запад – Центр (четыреугольник: Ла-Рошель – Клермон-Ферран – Фуа – Байонна).

Сковывая и при возможности уничтожая противника всюду, где он находится в пределах этой зоны, внутренние силы будут иметь задачи:

а) прокладывать союзным войскам, высадившимся на средиземноморском побережье, путь по оси Алес – Клермон-Ферран, обеспечивая возможность охвата долины Роны с запада;

прокладывая путь по оси Каркассони – Тулуза, обеспечивая возможность охвата Центрального массива с запада;

б) освобождать аэродромы и порты в целях обеспечения наступательных действий союзников из этой зоны в северо-восточном направлении;

в) перерезать железнодорожные пути по линии Лимож – Клермон-Ферран – Ле-Пюи – Альби – Фуа либо с целью изоляции юго-западной зоны, либо с целью создания заслона для операции по высадке десантов, которые могут иметь место в Лангедоке или Руссильоне.

2. Юго-восток (Юра – Савойя – Дофине – Прованс).

В этой зоне ставятся задачи:

а) прокладывать союзным войскам, высадившимся в Провансе, путь по оси Систерон — Гренобль — Бельгард в направлении Безансона, обеспечивая возможность охвата долины Роны с востока;

б) вести беспокоящие действия на железнодорожных путях в долине Роны;

в) перерезать коммуникации между Францией и Италией;

г) в дальнейшем прокладывать проходы в Альпах для движения союзных войск, наступающих из Италии.

3. Бретань.

Задача: освобождение портов для союзных войск (Сен-Мало — Брест — Лориан).

4. Парижский район.

По вполне очевидным причинам вооруженное вторжение сил Сопротивления в Парижский район может быть начато лишь в случае явной деморализации противника либо в случае поспешного отступления противника под натиском высадившихся войск союзников.

В указанных случаях это вторжение будет иметь задачей овладение уязвимыми и важными объектами: мостами, электростанциями, учреждениями коммунального обслуживания, министерствами — и их охрану.

СООБЩЕНИЕ КОМИССАРИАТА ИНФОРМАЦИИ

Алжир, 19 мая 1944

Генерал де Голль в сопровождении комиссара по военным делам Андре Дьетельма, генерала армии Делаттра де Тассиньи и начальника штаба национальной обороны генерала Бетуара 17 мая направился в район боевых действий в Италии.

Председатель Французского комитета национального освобождения вместе с генералом Жюэном объехал фронт французского экспедиционного корпуса. Они присутствовали, в частности, во время боев на подступах к Эспериа и Сан-Олива, посетили части, ведущие бой, а также все командные инстанции. Кроме того, генерал де Голль инспектировал участвующие в сражении французские авиационные подразделения. В присутствии генерала Жюэна он совещался с верховным командую-

щим вооруженными силами союзников на средиземноморском театре военных действий генералом Вильсоном, командующим войсками союзников в Италии генералом Александером и командующим 5-й армией генералом Кларком.

Сегодня генерал де Голль вернулся в Алжир... По прибытии на аэродром глава правительства сказал:

«Я не собираюсь делать никакого заявления. Территория, захваченная нашими войсками и войсками союзников, количество военнопленных и трофеев, энтузиазм бойцов — все это достаточно красноречиво говорит само за себя. К тому же сражение еще только началось».

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ЭЙЗЕНХАУЭРА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Лондон, 23 мая 1944

Хотя я никогда не сомневался в том, что новая французская армия покажет себя с лучшей стороны, как только она будет введена в бой, и именно по этой причине я всегда настаивал на вооружении французских дивизий, мне, вероятно так же как и вам, доставляет исключительное удовольствие быть свидетелем столь наглядного и убедительного подтверждения нашей общей уверенности.

Я хочу, чтобы вы лично знали, до какой степени меня радуют мужественные действия французского экспедиционного корпуса в Италии. Я направляю также послание генералу Жюэну, чтобы поздравить его с великолепными качествами руководимых им войск.

Вам и всем тем, кто принимал участие в подготовке этих превосходных дивизий для борьбы против общего врага, я посылаю свои наилучшие пожелания и искренние поздравления.

ИЗ НОТЫ КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Алжир, 24 мая 1944

...22 ноября 1943 Вьено сообщил Комитету освобождения о том, что военное министерство и министерство иностранных

дел Великобритании дали свое принципиальное согласие на посылку в нужный момент французского экспедиционного корпуса в район Индийского океана, но что принятие окончательного решения по этому вопросу зависит от премьер-министра.

В марте текущего года делегат Комитета освобождения в Китае генерал Пешков, который, находясь проездом в Дели, говорил по данному вопросу с лордом Луисом Маунтбэттенем, сообщил комиссариату по иностранным делам, что английский главнокомандующий в районе Индийского океана в случае одобрения со стороны своего правительства выражает согласие по следующим трем пунктам:

1) немедленное направление французской военной миссии, которая была бы аккредитована при главнокомандующем, для обсуждения вопросов, связанных с Индокитаем и использованием французского легкого корпуса вторжения;

2) посылка в Индию легкого корпуса вторжения...

3) посылка в нужное время французского экспедиционного корпуса.

Английскому правительству самым серьезным образом предложено обратить внимание на важность получения быстрого ответа на эти предложения, чему Французский комитет национального освобождения придает большое значение. Все имеющиеся данные свидетельствуют о том, что внутренне Спротивление в Индокитае, носящее в основном военный характер, будет готово в нужный момент начать боевые действия, если уже теперь оно будет укрепляться и снабжаться всем необходимым извне. Если это не будет сделано своевременно, то крушение режима Виши в результате освобождения Франции союзными армиями, несомненно, побудит японцев при помощи силы избавиться от французской администрации и французских вооруженных сил в Индокитае; это позволит им задушить всякое последующее сопротивление. Союзное командование не должно допустить, чтобы вдохновители этого сопротивления оказались жертвами бессмысленной резни.

Поддержка со стороны индокитайского Спротивления будет иметь важнейшее значение для успеха операций по освобождению Индокитая, но союзники только в том случае смогут извлечь из этого сопротивления максимальную пользу, если оно будет организовано и руководимо французскими офицерами.

С этой целью было бы желательно немедленно учредить миссию генерала Блезо при главнокомандующем вооруженными силами союзников в Юго-Восточной Азии, под командованием которого уже действуют значительные силы французского военно-морского флота.

В том случае, если согласие английского правительства на немедленный отъезд в Индию всего штаба французского экспедиционного корпуса не может быть дано немедленно, было бы желательно как можно скорее поручить генералу Блезо направиться к лорду Луис Маунтбэттену для установления предварительного контакта.

**ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ШТАБА НАЦИОНАЛЬНОЙ
ОБОРОНЫ ГЕНЕРАЛА БЕТУАРА КОМАНДУЮЩЕМУ ВО-
ОРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ СОЮЗНИКОВ НА СРЕДИЗЕМ-
НОМ МОРЕ ГЕНЕРАЛУ ГЕНРИ МАЙТЛЕНДУ ВИЛЬСОНУ**

Алжир, 24 мая 1944

Имею честь довести до вашего сведения, что в результате переговоров генерала де Голля с вами, генералом Александром и генералом Жюэном в Италии по поводу посылки подкреплений французской армейской группе, им принято следующее решение:

армейская группа генерала Жюэна при первой же возможности получит следующие подкрепления:

2-й полк алжирских стрелков (отправляется в самое ближайшее время);

один колониальный батальон...

бронетанковые средства для пополнения разведывательного полка и полка танков-истребителей (готовы к отправке);

один полк средних танков (этот полк будет отправлен, как только соответствующие службы союзников передадут необходимую материальную часть).

**ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ЖЮЭНА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ,
В АЛЖИР**

К.П., 26 мая 1944

Мой дорогой де Голль!

Первый тур мы выиграли. Мы соединились с американцами, удачно выступившими в районе Анцио, а англичане, которым мы оказали значительную поддержку, начинают выравнивать линию.

Немцы повсеместно отступают, и я начинаю сомневаться в том, что они еще будут в состоянии дать последнее сражение перед Римом. Свои соображения на этот счет я излагаю в моем сегодняшнем официальном донесении.

Войска держатся отлично, несмотря на утомление. Монсабер и Броссе едва дышат. Севез и Доди продолжают действовать.

Победа великолепна и отмечена французским отпечатком. Последовавшие за прорывом маневренные действия, в которых мы не бываем разинями, доставили огромное удовлетворение всем тем, кто мечтал об участии именно в таких операциях.

Верный и преданный тебе Жюэн.

P.S. Я принял здесь Бенувиля из Сопротивления. У меня создается впечатление, что Броссе хочет использовать его только для себя. Было бы полезно, чтобы он побывал также и в других дивизиях. Впрочем, он и сам этого хочет.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА БЕТУАРА ГЕНЕРАЛУ ВИЛЬСОНУ

Алжир, 27 мая 1944

Дорогой генерал Вильсон!

В письме от 25 мая 1944 вы сооблаговостили изложить мне предложения относительно организации командования французскими вооруженными силами, которые должны принять участие в операции «Энвил», и запросили согласия на этот счет французского верховного командования.

Имею честь сообщить вам, что генерал де Голль, председатель Французского комитета национального освобождения, глава вооруженных сил, выразил свое согласие с этими предложениями.

Искренне ваш.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СОЮЗНЫМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ В ИТАЛИИ ГЕНЕРАЛУ АЛЕКСАНДЕРУ

Лондон, 5 июня 1944

От себя лично и от лица французских вооруженных сил посылаю вам горячие и сердечные поздравления в связи с вашей великой победой в Риме. Прошу вас передать наши поздравления генералам Кларку и Лиизу.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЖЮЭНУ, В РИМ

Лондон, 5 июня 1944

Французская армия внесла значительный вклад в дело великой победы, одержанной в Риме. Так оно и должно было случиться! Это ваша заслуга, генерал Жюэн! Вы и подчиненные вам войска достойны своей родины.

ОРДОНАНС ОТ 9 ИЮНЯ 1944 О СТАТУТЕ ФРАНЦУЗСКИХ ВНУТРЕННИХ СИЛ

Ст. 1. Французские внутренние силы представляют собою совокупность боевых частей и их служб, участвующих в борьбе с врагом на территории метрополии, организация которых признана правительством и которые подчиняются командирам, чьи полномочия признаны им.

Эти силы являются составной частью французской армии. Лица, принадлежащие к Французским внутренним силам, пользуются всеми правами и преимуществами, признаваемыми за военнослужащими на основе действующего законодательства. На них распространяются общие условия, установленные правилами, приложенными к Гагской конвенции от 18 октября 1907 о законах и обычаях сухопутной войны.

Ст. 2. По мере освобождения территорий принадлежность к французским внутренним силам устанавливается специально уполномоченными на это инстанциями.

Ст. 3, 4. <...>

А. Кэй, государственный министр.

(Подписал по полномочию и поручению генерала де Голля, находящегося в Лондоне).

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ЖЮЭНА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ

К.П., 14 июня 1944.

Мой дорогой де Голль!

Надеюсь, что это письмо застанет тебя в Алжире по возвращении из Лондона. Прежде всего я хочу тебя поблагодарить за твою поздравительную телеграмму, которая глубоко тронула всех французских бойцов в Италии.

Захват Рима явился для них источником исключительного энтузиазма, но их наступательный порыв несколько не уменьшился. В настоящее время мы продвинулись еще километров на сто к северу и по-прежнему занимаем удобную позицию между англичанами и американцами. Я ввел в бой группу преследования в составе двух пехотных дивизий под командованием Лармина, и он, право же, отлично справляется со своей задачей. К сожалению, я испытываю недостаток в танках. Если бы у меня их было столько, сколько я просил, то я был бы уже на Арно. Однако дело тормозится... Тормозится дело и у союзников в результате каких-то непонятных обязательств. Это возмущает самих союзников и грозит сорвать успех итальянской кампании, несмотря на блестящую победу, одержанную Риме. В результате этой победы представилась и, может быть, еще не утрачена возможность преследовать отступающего противника и переправиться через Апеннины, чтобы спуститься на равнину По и оттуда достичь Франции на колесах и пешком.

Вместо этого ходят слухи о каком-то другом плане, осуществление которого свяжет занятые здесь войска.

Александр и Кларк оскорблены. Что касается меня, то ты представляешь себе мое душевное состояние... К горечи, которую я испытываю, видя, как ускользают плоды завоеванной победы, прибавляется еще и горечь расставания с превосходными дивизиями, которые я создавал и которые верят в меня.

Поступай, как считаешь нужным. Лично я очень мало значу в сравнении с теми священными интересами, во имя которых ты действуешь. Тебе не следует беспокоиться обо мне. Навязываемая нам стратегия, по моему скромному мнению, внушает куда большую тревогу, и именно об этом — и только об этом — я прошу тебя подумать.

Верный и всецело преданный тебе

Жюэн

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ КЕНИГУ

Лондон, 15 июня 1944

Вы сообщили мне о положении некоторых лиц французской принадлежности, которые, решив сражаться с врагом, но не имея необходимой связи с французскими властями, были вынуждены получать и выполнять инструкции, противозаконно данные им иностранными службами.

По этому поводу я напоминаю вам, что 9 июня 1944 правительство приняло ордонанс, определяющий статут Французских внутренних сил. Этот законный статут касается всех французов метрополии, которые борются с врагом и тем самым включаются в состав французской армии. Поскольку все внутренние силы объединены под французским командованием, постольку все, кто принадлежит к этим силам, имеют одинаковые обязанности и пользуются одинаковыми правами или преимуществами. Эти положения применимы также и к лицам, которые могут оказаться в особом положении в связи с тем, что раньше они подчинялись иностранным властям.

Само собой разумеется, что француз, включенный на основании ордонанса от 9 июня 1944 во Французские внутренние силы, но продолжающий считать себя зависящим от каких-либо нефранцузских властей и выполняющий их приказы и инструкции, подпадает под действие законов, запрещающих французским военным служащим какое бы то ни было подчинение в отношении иностранных государств.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕЛАТТРА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ-
ЛЮ, В АЛЖИР**

Остров Эльба, 19 июня 1944

Имею честь доложить, что овладение островом Эльба полностью завершено.

Наши части при содействии английских и французских морских сил, а также американской и французской авиации сумели преодолеть сильно укрепленную оборону острова, который защищался многочисленным гарнизоном. Гарнизон уничтожен.

Число пленных доходит в настоящее время до 1800 человек, среди них 35 офицеров. На поле боя противник оставил более 500 трупов. Мы захватили большое количество военной техники, в том числе несколько артиллерийских батарей.

Я особенно счастлив, что эта победа совпала с исторической годовщиной 18 июня.

**РЕШЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ О СОЗДАНИИ
1-Й АРМИИ**

Алжир, 3 июля 1944

1) Части, штабы, подразделения и службы армейской группы А по мере их вывода из боя и перегруппировки в тылу итальянского театра военных действий передать в распоряжение командующего армией Б.

Части, приданные армейской группе А, но находящиеся еще в Северной Африке, с сего числа поступают в распоряжение генерала Делаттра де Тассиньи.

2) Командующему армией Б с получением настоящей инструкции связаться с командующим армейской группой А и верховным союзным командованием с целью проведения этой перегруппировки, а также определения последующих действий французских вооруженных сил.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА КЕНИГА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ-
ЛЮ, В АЛЖИР**

Лондон, 4 августа 1944

2-я бронетанковая дивизия направляется во Францию...

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ
КЕНИГУ, В ЛОНДОН**

Алжир, 12 августа 1944

Ваши последние донесения показывают, что дивизия Лек-
лерка уже ведет бой. Прошу вас систематически информировать
меня лично о ее действиях. Полагаю, что вы обратились к союз-
ному командованию и сделали все необходимое, чтобы без
задержки получать донесения от Леклерка, а также информацию
о нем.

ПАРИЖ

ТЕЛЕГРАММА ДЕЛЕГАЦИИ В ПАРИЖЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУ, В АЛЖИР

Париж, 15 июля 1944

14 июля во многих кварталах Парижа имели место шествия. Манифестанты шли со знаменами, пели «Марсельезу» и «Походную»* и кричали: «Долой Гитлера!», «Де Голля к власти!», «Лавалья на виселицу!»

Демонстранты были украшены трехцветными кокардами; в общем они соблюдали полный порядок.

В ряде мест полицейские, пытавшиеся помешать прохождению колонн, были подвергнуты линчеванию. В Аркей пожарные сняли было трехцветные флаги с Лотарингским крестом, а также знамена союзников, вывешенные манифестантами на некоторых зданиях, однако потом уступили требованиям толпы и вернули знамена.

Заключенные тюрьмы Сантэ подняли восстание. Полиция пустила в ход оружие. Имеются многочисленные жертвы.

ТЕЛЕГРАММА ДЕЛЕГАЦИИ В ПАРИЖЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУ, В АЛЖИР

Париж, 11 августа 1944

1) Вопрос об освобождении Парижа одновременно касается правительственных органов, военного командования, полицейских властей и парижского комитета освобождения. Значитель-

---

* «Походная» («Chant du depart») — патриотический гимн, созданный во время Французской революции 1789. — *Прим. ред.*

ные трудности возникают из-за того, что в инструкциях, касающихся комитетов освобождения, отсутствуют специальные указания о Париже. Делегация прилагает все усилия, чтобы урегулировать этот вопрос.

2) Вопрос о власти в Париже был урегулирован с парижским комитетом освобождения 6 августа в результате переговоров, которые вел Ролан-Прэ. Освобожденный правительственный сектор будет находиться в непосредственном распоряжении правительства. Неправительственный сектор будет освобожден Французскими внутренними силами и поступит в ведение парижского комитета освобождения.

3) Освобождение столицы будет поручено силам, которые составляются следующим образом:

республиканская гвардия и жандармерия – три четверти общей численности;

патриотическая милиция и Французские внутренние силы – одна четверть.

4) Предусмотрено создание смешанных отрядов для занятия зданий, имеющих символическое значение. На жилые, служебные и иные помещения, занимаемые немцами, в день освобождения будет наложен секвестр. Эту меру будут осуществлять судебные исполнители совместно с квартальными комитетами освобождения.

5) Префектура полиции будет занята силами самой полиции и подразделениями сил Сопротивления. Она будет немедленно передана в распоряжение нового префекта и его сотрудников. Аналогичные меры предусматриваются для полицейских комиссариатов. Список новых полицейских комиссаров утверждается делегацией с согласия парижского комитета освобождения.

ДЕКРЕТ ОТ 14 АВГУСТА 1944 О НАЗНАЧЕНИИ АЛЕКСАНДРА ПАРОДИ ЧЛЕНОМ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ

Ст. 1. Александр Пароди (Картюс) назначается членом Временного правительства Французской республики.

Ст. 2. Настоящий декрет подлежит оглашению повсюду, где в этом будет надобность.

Ш. де Голль

ДЕКРЕТ ОТ 14 АВГУСТА 1944 О НАЗНАЧЕНИИ АЛЕКСАНДРА ПАРОДИ КОМИССАРОМ ПО ДЕЛАМ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Ст. 1. Александр Пароди (Картюс) назначается комиссаром по делам оккупированных территорий.

Ст. 2. Он осуществляет правительственную власть на оккупированных территориях до момента их освобождения.

При осуществлении своих функций он консультируется с Национальным советом Сопротивления.

Ст. 3. Он выполняет через государственных служащих, а также при посредстве организации Сопротивления общие предписания, исходящие от правительства.

Он вводит в должность государственных служащих, назначенных правительством, и руководит их деятельностью.

Ст. 4. В случае, если комиссар по делам оккупированных территорий окажется отрезанным от правительства, он уполномочен издавать приказы о временном назначении чиновников на те или иные должности.

Ш. де Голль

ТЕЛЕГРАММА ДЕЛЕГАЦИИ В ЮЖНОЙ ЗОНЕ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

14 августа 1944

I. 14 августа комиссар республики в Клермон-Ферране Ингран принял представителя маршала Петена – капитана Олиоля. Капитан Олиоль сообщил следующее:

1) Якобы имели место переговоры между маршалом Петеном и штабом Эйзенхауэра с одной стороны, и с другой – с окружением генерала де Голля при посредстве одного деятеля Сопротивления.

2) Маршал Петен опасается, что немцы или милиция могут предпринять какую-либо акцию против него, но отказывается покинуть Виши. Он написал папскому нунцию, что если немцы его увезут, то это будет сделано вопреки его желанию.

3) Он хочет отдать себя под защиту Французских внутренних сил и опубликовать заявление о своем уходе, посоветовав фран-

цузам следовать за генералом де Голлем. Такое заявление, с его точки зрения, обеспечило бы преемственность законной власти и позволило бы предотвратить такое положение, когда Временное правительство республики оказалось бы водворенным американцами.

4) Он просит дать ему возможность продолжить упомянутые выше переговоры.

II. В присутствии членов местного штаба внутренних сил Ингран предложил следующее:

1) Маршал Петен сдается Французским внутренним силам.

2) Внутренние силы обеспечат маршалу Петену безопасность и приемлемые условия существования. Он будет находиться под их вооруженной охраной.

3) Он не будет общаться с внешним миром и обязуется не делать какого-либо предварительного заявления.

4) Маршалу Петену будет разрешено оставить при себе три или четыре человека из его свиты.

5) С того момента, как маршал Петен окажется под нашим контролем, он может письменно обратиться к правительству, которое примет решение, каким образом следует использовать представленный им текст.

III. Со стороны комиссара республики никаких заявлений сделано не было...

ТЕЛЕГРАММА НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИССАРА АНДРЕ ЛЕ ТРОКЕРА, НАПРАВЛЕННОГО НА ОСВОБОЖДЕННУЮ ТЕРРИТОРИЮ, ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В АЛЖИР

Байё, 18 августа 1944

Прибыв 12 августа в Байё, я немедленно установил контакт с местным населением и с союзными властями.

Посетил города Кан, Пор-ан-Бессен, Изиньи, Шербур, Кутанс, Авранш, Ренн и Ванн.

Отношения населения и местных властей с представителями правительства и с союзниками превосходные. Повсюду царит отличное настроение... Избранные ранее муниципалитеты были быстро восстановлены...

Местные ресурсы освобожденных районов и помощь союзников позволят на первых порах обеспечить снабжение в рай-

оне Парижа (в числе прочего сразу же после освобождения можно будет выделить по одному килограмму картофеля на человека).

Я распорядился, чтобы были приняты все меры и заключены необходимые соглашения, с тем чтобы своевременно обеспечить подвоз продовольствия к Парижу на грузовых автомашинах (которые сейчас прибывают в порт), а также по железной дороге, которая ремонтируется.

Распределением продовольствия в самом Париже будут заниматься мэрии...

Я возложил на полковника Ларока координацию деятельности органов, занимающихся снабжением и распределением продовольствия в районе Парижа.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПО ПРИБЫТИИ В ШЕРБУР

20 августа 1944

За всю нашу историю мы никогда еще не подвергались столь тяжким испытаниям. Но мы знаем, в какую бездну мы были погружены и к каким вершинам мы идем.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЭЙЗЕН-ХАУЭРУ

Ренн, 21 августа 1944

Дорогой генерал!

Сведения, поступающие из Парижа, приводят меня к мысли, что в столице могут возникнуть серьезные беспорядки, особенно учитывая почти полное отсутствие в городе полицейских сил и немецких войск, а также царящий там продовольственный голод.

Я считаю, что насущно необходимо как можно скорее занять Париж французскими и союзными войсками, даже если это будет связано с боями и некоторыми разрушениями в самом городе.

Если в Париже возникнут беспорядки, то будет трудно ликвидировать их без серьезных осложнений, а это могло бы затруднить проведение последующих военных операций.

Направляю к вам генерала Кенига, назначенного военным губернатором Парижа и командующим войсками Парижского района, чтобы он мог совместно с вами обсудить вопрос о занятии Парижа в том случае, если вы решите, как я об этом прошу, немедленно таковое осуществить.

Искренне ваш.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУ, В АЛЖИР

Ренн, 21 августа 1944, 23 часа

После вчерашнего посещения Шербур, Кутанса и Авранша я провел сегодняшний день в Ренне.

На освобожденных территориях повсеместно восстановлена и нормально функционирует префектурная и муниципальная администрация, несмотря на затруднения с транспортом.

Население настроено поистине великолепно.

Сегодня насущный вопрос — это Париж.

Немцы оставили там ничтожные силы.

Французская полиция отсутствует.

Вишистская администрация бессильна.

Некоторые группы населения начали грабить продовольственные склады и лавки.

Если в ближайшее время союзные силы не займут Париж, там могут произойти серьезные беспорядки.

Вчера я говорил об этом генералу Эйзенхауэру.

Сегодня я обратился к нему с письмом и просил поторопиться с принятием решения.

Я назначил генерала Кенига военным губернатором Парижа, о чем заблаговременно информировал правительство, чтобы создать условия для установления в Париже правительственной власти тотчас же после вступления союзных войск и чтобы совместно с военными органами союзников как можно скорее обеспечить снабжение столицы.

Прошу Дьетельма подготовить и немедленно опубликовать соответствующий декрет...

С другой стороны, чтобы служащие наших продовольственных органов, находящиеся в ведении административной делегации, были подчинены генералу Кенигу по всем вопросам,

связанным с предстоящим снабжением Парижа. Я их и подчиняю ему.

Неопределенное положение не позволяло им должным образом договориться с соответствующими военными органами союзников.

С момента вступления в Париж я прошу правительство немедленно переехать в столицу.

С дружеским приветом.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ

К. П., 21 августа 1944

Генерал!

Вчера я узнал, что вы высадились в Шербуре. Высылаю офицера, которому поручено вас разыскать. Хочу, чтобы Треву отправился скорее, а потому наспех сообщаю вам обстановку: после довольно-таки головокружительного марша от Авранша до Ле-Мана мы атаковали в северном направлении и через четыре дня вышли к Ори между Экуше и Аржантаном.

Наше наступление во фланг последовательно несколькими германским дивизиям привело к превосходным результатам. У меня такое впечатление, словно вновь происходит то, что было в 1940, но только роли поменялись: полнейшая растерянность немцев, захваченные врасплох колонны противника и т. п. Наши соседи-американцы, особенно слева, конечно, немного отставали.

Общая картина этого наступления могла бы стать поистине блистательной, если бы было решено зажать немцев в районе Аржантан — Фалез. Но верховное командование категорически возражало против этого. История рассудит.

Наши потери: 100 убитых, около 550 раненых. Это немного, если учесть многочисленные бои. Пополнение уже произведено.

Противник потерял не менее 60 танков; количество автомашин, пленных и убитых немцев очень трудно подсчитать.

Моральное состояние моих людей исключительно высокое, вели они себя прекрасно. Бийотт и Ланглад имеют право на производство в генералы. Я не возражаю против того, чтобы вы их произвели.

Вот уже неделю командование вынуждает нас «обозначать шаг на месте». Принимаются продуманные и разумные решения, но обычно с опозданием на четыре-пять дней. Меня заверяли в том, что объектом для моей дивизии будет Париж. Однако, столкнувшись с подобным бездействием, я принял следующее решение: выслать Гийебона с легким отрядом (танки, бронемшины, пехота) в направлении Версаля с задачей установить соприкосновение с противником, информировать меня об обстановке и войти в Париж, если противник отступает. Он отправляется в полдень и будет в Версале сегодня вечером или завтра утром. К сожалению, я не имею возможности сделать то же самое в отношении главных сил моей дивизии, поскольку это упирается в вопрос снабжения горючим, а также и потому, что не хочу открыто нарушать требования воинской субординации.

Так обстоят дела, генерал! Надеюсь, что через несколько дней вы уже будете в Париже.

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЛЕКЛЕРКУ

Лаваль, 22 августа 1944, 12 час.

Генералу Леклерку.

Виделся с Треву и прочел ваше письмо.

Одобрю ваше намерение. Необходимо в самое ближайшее время направить к Парижу хотя бы один отряд.

Видел генерала Эйзенхауэра 20 августа.

Он обещал мне, что вашим направлением будет Париж.

Генерал Кениг в настоящее время находится при Эйзенхауэре, так же как и генерал Жюэн. Они в курсе дела.

Сегодня буду ночевать в Ле-Мане и постараюсь завтра встретиться с вами.

ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛА КЕНИГА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, В ЛЕ-МАН

Лондон, 22 августа 1944, 23 часа

В каблограмме Пароди от 22 августа (8 час. утра) сообщаются весьма благоприятные сведения о положении в Париже. Вну-

тренные силы к тому времени удерживали за собой здания ратуши и министерства внутренних дел. Однако немцы атаковали здание префектуры полиции.

В течение ночи плотность оккупационных войск заметно уменьшилась. Отмечен вывод многих воинских частей. Но по-прежнему опасаются, что дивизия «Рейх» находится где-то поблизости от Парижа.

В 9 часов утра 22 августа штаб внутренних сил считал, и его мнение разделяли также Пароди и Шабан-Дельмас, что перспектива ожесточенного сражения в Париже неизбежна, и срочно потребовал:

1) атаковать с воздуха все немецкие части,двигающиеся к Парижу;

2) направить возможно ближе к Парижу парашютные войска, оснащенные противотанковыми средствами, для оказания помощи внутренним силам;

3) сбросить в город на парашютах небольшие контейнеры с оружием, главным образом противотанковым...

Надо полагать, что в настоящий момент в Париже имеется ядро, насчитывающее 30 тысяч вооруженных людей, которые, используя подручные средства, сражаются в частях Сопrotивления. Но многие другие с нетерпением ждут оружия, чтобы принять участие в бою.

В каблограмме Пароди, отправленной вечером 22 августа, сообщается, что в результате трехдневных боев все общественные здания Парижа находятся в руках сил Сопrotивления.

Парижское население безоговорочно признает власть Временного правительства. Представители режима Виши либо арестованы, либо бежали. Бои продолжаютcя, но, несмотря на успехи сил Сопrotивления, нехватка вооружения делает необходимым быстрый подход союзных войск...

Пароди информирует также об изменениях, которые произошли в положении заключенных парижских тюрем, и в частности Фрэн. Германское командование согласилось подписать соглашение со шведским консулом о том, что все заключенные остаются во Франции под надзором шведского консульства. Часть арестованных в Париже была выпущена на свободу. Однако до заключения указанного соглашения некоторое число арестованных было казнено.

**ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУ,
В АЛЖИР**

Шартр, 23 августа 1944, 13 час.

Телеграфирую из Шартра, куда я только что прибыл. Вот какова обстановка, требующая немедленного осуществления некоторых мероприятий.

1) Со стратегической точки зрения операции проводятся несогласованно. В то время как американские бронетанковые дивизии форсируют Сену севернее и южнее Парижа, главные силы союзников теряют время в районе Фалез – Аржантан, где остатки нормандской группировки немцев уже окончательно развалились, и для их полного уничтожения не было предпринято достаточно решительных атак.

Отсюда и известный разнбой в действиях союзных армий. Этот разнбой не позволяет командованию быстро решить вопрос о Париже.

2) В Париже положение очень напряженное. Немцы по-прежнему удерживают важные для них пункты. Французские внутренние силы постепенно овладевают остальными пунктами столицы. Снабжение населения парализовано. Учреждения коммунального обслуживания бастуют.

3) Пока правительство в целом еще не прибыло в Париж, нужно немедленно образовать при мне делегацию для решения неотложных вопросов.

В делегацию должны войти: комиссар по внутренним делам, комиссар по делам снабжения и производства, комиссар по социальным вопросам. Поэтому я прошу д'Астье, Жакоби и Тиксье срочно прибыть ко мне вместе с несколькими должностными лицами для решения срочных дел.

4) Самую большую трудность сегодня и на ближайшее будущее создает полное отсутствие угля, что парализует электростанции. Это становится трагедией Парижа. Нужно срочно поставить об этом в известность правительства Вашингтона и Лондона.

5) Соглашение с союзниками до сих пор не подписано. Мне непонятны причины этой задержки.

6) Население повсюду проявляет исключительный энтузиазм. Однако остается еще много нерешенных вопросов.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ- ЛЮ, В ШАРТР

23 августа 1944, 13 час. 30 мин.

Генерал!

Треву только что вернулся и сообщил, что вы находитесь в Шартре. Направляю к вам для связи капитана Жаннея. Я только что прибыл в Рамбуе с небольшим головным отрядом в составе нескольких автомашин. К сожалению, войска моей дивизии не могут прибыть сюда до вечера.

Гийебон, которого я на всякий случай выслал вперед, вошел в соприкосновение с довольно большим отрядом немцев и потерял один танк около Траппа.

Французские внутренние силы теперь, возможно, уже освободили центр Парижа, но окраины еще удерживаются немцами с их танками, противотанковыми средствами, минными полями и т. д.

Начну действовать завтра на рассвете.

С уважением.

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ГЕНЕРАЛУ ЛЕКЛЕР- КУ, В РАМБУЙЕ

Шартр, 23 августа 1944, 14 час. 55 мин.

Генералу Леклерку:

Видел капитана Жаннея и получил вашу записку.

Хотел бы сегодня повидать вас.

Рассчитываю быть в Рамбуе сегодня вечером и там встретиться с вами.

Обнимаю.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПРЕФЕКТУ ПАРИЖ- СКОЙ ПОЛИЦИИ ШАРЛЮ ЛЮИЗЕ

Рамбуе, 23 августа 1944, 20 час.

Господин префект и дорогой друг!

Сегодня встретился с вашими представителями и получил ваше письмо.

Завтрашний день будет решающим в желаемом для нас смысле.

По прибытии я сразу же направлюсь в «центр». Остальное мы немедленно организуем вместе с Картюсом* и с вами. Я полагаю, что со мною будет генерал Кениг, а также Ле Трокер.

Организация снабжения налаживается, если не считать снабжения углем; нехватку его мы будем испытывать в течение нескольких дней.

Обнимаю вас. Передайте от меня привет Картюсу и остальным.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУ, В АЛЖИР

Рамбуйе, 24 августа 1944, 8 час.

Дивизия Леклерка вступает в Париж сегодня.

Сам я рассчитываю быть там сегодня вечером.

Пароди держит власть в своих руках.

Вопреки распространявшимся слухам столица находится в хорошем состоянии.

Немцы еще удерживают некоторые пункты, однако положение их безнадежно.

Прошу всех членов правительства без замедления прибыть ко мне в Париж.

Аэродром в Ле-Мане в полном порядке.

С дружеским приветом.

ТЕЛЕГРАММА КОРОЛЯ ГЕОРГА VI ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ

Лондон, 24 августа 1944

С глубоким волнением узнал я, что жители Парижа изгнали захватчиков из города и, объединив свои усилия с усилиями армий освобождения, отбросили врага за пределы своих границ.

---

*Псевдоним Пароди. — Прим. ред.

Я разделяю радость вашего превосходительства в этот час их торжества, точно так же как я был с ними в течение долгих лет их страданий.

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПОЛКОВНИКУ ШЕВИНЬЕ

Рамбуе, 25 августа 1944, 13 час. 45 мин.

Полковнику Шевинье:

Я выеду из Рамбуе в 15 часов.

Ближайшее место назначения — вокзал Монпарнас, где рассчитываю застать вас.

Мой маршрут: Орлеанские ворота — авеню д'Орлеан — авеню Дю-Мэн — улица Дю-Депар — вестибюль вокзала Монпарнас.

Прошу предупредить генерала Леклерка.

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ В ПАРИЖСКОЙ РАТУШЕ 25 АВГУСТА 1944

К чему нам скрывать чувства, охватившие всех нас, мужчин и женщин, всех тех, кто находится здесь, у себя дома, в своем Париже, который поднялся на борьбу за свое освобождение и сумел добиться его собственной рукой. Нет, мы не собираемся скрывать этих глубоких и священных чувств! Эти минуты никогда не изгладятся из нашей памяти.

Париж! Поруганный, израненный, многострадальный, но свободный Париж! Париж, сам завоевавший свою свободу, Париж, освобожденный своим собственным народом при поддержке французских армий, при поддержке всей Франции, которая борется, Франции единственной, подлинной и вечной.

И коль скоро враг, занимавший Париж, капитулировал перед нами, Франция возвращается в Париж, в свой родной дом. Она возвращается сюда обгаренная кровью, но полная решимости. Она возвращается сюда умудренная тяжелым уроком, но более чем когда-либо сознающая свои обязанности и права.

Я говорю прежде всего о ее обязанностях. Сегодня это обязанность воевать. Враг заколебался, но он еще не разбит. Он еще остается на нашей земле. После всего того, что произошло,

мы не можем удовлетвориться изгнанием его с помощью наших дорогих и доблестных союзников из пределов нашей страны. Мы хотим победителями вступить на его территорию. Именно для этого французские авангарды под грохот пушек вошли в Париж. Именно для этого сильная итальянская группировка французской армии высадилась на юге и стремительно движется по долине Роны. Именно для этого наши славные внутренние силы получают вскоре современное вооружение. Именно во имя реванша, во имя мести и во имя справедливости мы готовы продолжать борьбу до последнего дня, до дня полной и окончательной победы. Наш воинский долг требует единства нации, и это знают все присутствующие здесь и все, кто слушает нас во Франции.

Нация не может допустить, чтобы это единство было нарушено. Нация понимает, что для ее окончательной победы, для ее восстановления, для ее величия ей необходимо, чтобы вместе с нею были все ее дети. Нация понимает, что ее сыны и дочери, все ее сыны и все ее дочери, за исключением нескольких жалких предателей, которые пошли на сделку с врагом и которых уже постигла или вскоре постигнет суровая кара, — да, все сыны и все дочери Франции должны идти вперед в братском единении, крепко взявшись за руки, к стоящим перед Францией целям.

Да здравствует Франция!

**ЗАПИСКА КОМАНДУЮЩЕГО 5-М АМЕРИКАНСКИМ
КОРПУСОМ ГЕНЕРАЛА ДЖЕРОУ ГЕНЕРАЛУ ЛЕКЛЕРКУ**
(Сообщена последним генералу де Голлю)
(Перевод)

25 августа 1944

Приказ генералу Леклерку.

Действуя под моим непосредственным командованием, вы не должны принимать никаких распоряжений, исходящих из других источников. Мне известно, что вы получили от генерала де Голля указания об участии наших частей в параде, который назначен на сегодня в 14 часов. Вам не следует считаться с этим приказом, и вы продолжите выполнение поставленной вам задачи по ликвидации всех очагов сопротивления в Пари-

же и его окрестностях, в пределах указанного вам района действий.

Находящиеся под вашим командованием части не будут участвовать в параде ни сегодня, ни в какое-либо другое время, если приказ об этом не будет подписан лично мною...

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ЛЕКЛЕРКА ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛ- ЛЮ, В ПАРИЖ

Передовой К.П., 27 августа 1944

Генерал!

1) Обстановка сегодня вечером: аэродром Бурже занят Дио после серьезного боя; Стен, Пьеррфит и Монманьи заняты Лангладом. Мы потеряли еще несколько наших надежных и опытных офицеров. (Майор Корлю тяжело ранен, капитан Саммарчелли...) Один из моих двоюродных братьев, лейтенант полка Чад, убит. Я думал, что наши люди совершенно измотались за последние дни. Но они и на этот раз вышли на рубежи, назначенные им союзным командованием, в то время как американцы справа и слева... отстают.

2) Общее впечатление о населении и Французских внутренних силах за последние дни.

Огромное большинство населения, в частности в Париже, настроено в высшей степени патриотично и исполнено национального духа. Оно перестроит Францию, получив нужное руководство. (Население хочет, чтобы была установлена власть.)

Французские внутренние силы. Общая оценка: совпадает с оценкой, данной партизанами в войне в Марокко. 10 процентов — отличные, храбрые, настоящие бойцы; 25—30 процентов стараются следовать их примеру; остальные либо ничего не стоят, либо заслуживают отрицательной оценки.

Командиры Французских сил. Сегодня у меня были интересные встречи с офицерами Французских внутренних сил, которые действительно сражаются. Они мне сказали, что «Фрон националь» всячески пытался использовать энтузиазм французов в интересах «партии». Это дело не удалось...

3) Впечатление о властях при моем вступлении в Париж.

Руководители, даже те, что назначены вашим правительством, проявляют большую... робость. Вот в чем, я полагаю, са-

мое существо вопроса. Дело меня совершенно не касается. Я всего лишь солдат. Но поскольку я был свидетелем некоторых сцен, я обязан доложить вам о них. Это не облегчит вашу задачу, генерал.

Прошу прощения за эти несколько строк, написанных мною наспех вблизи от немцев и на расстоянии нескольких километров от самого сердца Франции.

Примите, генерал, уверение в моем безграничном уважении и преданности, которая непрестанно возрастает со времени событий 1940 в Камеруне.

РЕШЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ

Париж, 28 августа 1944

1) Бои за Париж успешно завершены. Но победа еще не завоевана. Предстоящие военные операции потребуют от французской армии новых усилий.

2) В связи с этим боевые формирования внутри страны, созданные для ведения подпольной борьбы и способные принять участие в предстоящих операциях, должны планомерно включаться в состав вооруженных сил по мере освобождения тех районов, в которых они действовали, и придаваться либо полевым соединениям, либо тыловым частям.

3) Имеющиеся в Париже высшие командные инстанции и штабы внутренних сил распускаются с 29 августа 1944. Их функции будут выполняться военным губернатором Парижа. То же самое относится к командным инстанциям и штабам внутренних сил, имеющимся в освобожденных департаментах, чьи функции будут выполнять командующие соответствующими военными округами.

4) Немедленно будет произведена регистрация всех офицеров, унтер-офицеров и рядовых внутренних сил на освобожденной территории, а также перепись материальной части и вооружения. Материальная часть и вооружение будут собраны в порядке, устанавливаемом командующими военными округами, а в Париже – военным губернатором Парижа.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПО ПАРИЖСКОМУ РАДИО 29 АВГУСТА 1944

Четыре дня назад немцы, державшие в своих руках Париж, капитулировали перед французами. Четыре дня назад Париж стал свободным.

Безграничное ликование, беспредельная гордость овладели нацией. Более того! Весь мир восторженно встретил весть о том, что Париж поднялся из бездны и вновь засиял его яркий светоч.

Франция воздает должное всем, кто своим участием содействовал парижской победе. И в первую очередь народу Парижа, который в глубине души никогда, ни на один миг не мирился с поражением и гнетом; отважным людям, мужчинам и женщинам, которые здесь долгое время оказывали упорное сопротивление поработителю, а потом помогли разгромить его, солдатам Франции, которые его разбили и уничтожили, воинам, которые явились сюда из Африки после множества тяжелых боев, и отважным бойцам, по собственному почину объединившимся в частях внутреннего Сопротивления. Однако превыше всего Франция чтит тех, кто отдал свои жизни за родину на полях сражений или на виселицах.

Но Франция также воздает должное славным и доблестным союзным армиям и их военачальникам, чье неотразимое наступление позволило освободить Париж и служит залогом освобождения всей нашей территории, когда наши союзники вместе с нами окончательно уничтожат германскую силу.

По мере того как откатываются мутные волны отвратительного нашествия, нация с наслаждением вдыхает свежий воздух победы и освобождения. Изумительное единство проявляется в самых ее глубинах. Нация чувствует, что отныне будущее сулит ей не только надежду, но и уверенность в победе, перспективы обновления, возможность вновь занять то место в мире, которое принадлежало ей всегда, — место в ряду великих.

Но вместе с тем нация понимает, как еще велико расстояние между той точкой, в которой она находится сейчас, и той, которой она хочет и может достигнуть. Она знает, что надо добиться того, чтобы враг был разгромлен целиком и полностью и чтобы вклад Франции в дело окончательной победы был как можно более полным. Она видит, какие страшные опустошения произведены на ее земле, какие глубокие раны нанесены ее телу. Она сознает встающие перед ней огромные трудности в области

снабжения, транспорта, вооружения, оснащения, трудности, которые сдерживают ее военные и производственные усилия в освобожденных районах.

Уверенность в победе нашего дела, а вместе с тем и дела всего человечества дает нам основание гордиться и ликовать, но она отнюдь не вселяет в нас блаженной безмятежности. Как раз напротив: мы понимаем, какой тяжкий труд, какие суровые испытания ожидают нас на пути к цели.

Этот труд французы готовы принять на себя, эти испытания они согласны перенести, ибо в совокупности со многими другими лишениями такова цена, которую они должны заплатить за свое спасение, за свою свободу, за свое величие.

Французский народ, так много испытавший на протяжении двух тысячелетий своей истории, инстинктом и разумом постигает два условия, без которых невозможно создать что-либо достойное его страны. Условия эти — порядок и воля. Республиканский порядок при наличии единственно законной власти, власти государства; концентрированная воля, позволяющая в условиях законности, в братском единении воздвигать здание новой Франции. Вот о чем говорят исполненные мужества приветственные возгласы, идущие из недр наших городов и сел, очищенных наконец от врага. Вот о чем возвещает мощный голос освобожденного Парижа.

ПИСЬМО АДОЛЬФА ГИТЛЕРА К МАРШАЛУ ПЕТЕНУ (Об оккупации Южной Франции. 11 ноября 1942)

Маршал!

С тех пор, как государство призвало меня повелевать судьбами моего народа, я непрерывно боролся за улучшение наших отношений с Францией, даже ценой тяжелых жертв для Германии. Все мои усилия оказались бесполезными. Это не моя вина.

Декларации войны, которые Великобритания и Франция вручили Германии 3 сентября 1939 года, глубоко подействовали на меня и, вместе со мной, на германский народ. Ни у Британии, ни у Франции не было никакого повода для таких деклараций.

Невзирая на тяготы и лишения, как следствия этой кампании, я решил, что необходимо снова сделать искреннюю попытку укрепления солидарности в Европе.

В духе этого я не вставил в условия перемирия ни одного пункта, который бы противоречил идее, заявленной в преамбуле.

Германская империя ни на секунду не воспользовалась слабостью Франции, чтобы заняться вымогательством, и удовлетворилась лишь тем, что необходимо победителю, чтобы при таких обстоятельствах гарантировать безопасность перемирия и эффективное завершение войны.

Наконец, империя потребовала, чтобы бывшими союзниками Франции в условия перемирия не вносились никакие изменения, которые могли бы привести к неудобствам в военном отношении для Германии и, в конечном итоге, к продолжению войны.

В то время Германия не предъявляла никаких требований в отношении французского флота.

Она никоим образом не нарушала суверенитет Франции как колониальной империи.

С тех пор, в надежде перенести войну в Европу, Англия и Америка начали занимать французские территории на западе и севере Африки.

Франция, с ее стороны, не сопротивлялась этой агрессии. Посему Германия и Италия ни в коем случае не допустят окончания перемирия, что безусловно повлекло бы за собой нанесение ущерба Италии и Германии.

Таким образом, получив необходимую информацию, Германия и Италия не имеют сомнений в том, что следующим шагом со стороны Британии и Америки будет продвижение на Корсику и в Южную Францию. Вследствие этого основа перемирия уничто-

жена, поскольку Франция более не состоятельна в отношениях с Германией и Италией.

Правительства Германии и Италии пришли к соглашению предпринять срочные меры, направленные на отражение продолжающейся англо-американской агрессии — настолько быстро, насколько это возможно.

Сложившиеся обстоятельства вынудили меня сообщить Вам — с честью и сожалением одновременно, — что для избежания грозящей нам опасности, я был обязан обсудить ситуацию с итальянским правительством и отдать приказ моим войскам пересечь Францию по самому прямому маршруту и занять средиземноморское побережье, чтобы защитить его от неизбежной агрессии англо-американских вооруженных сил.

Не что иное, как поведение французского генерала, склонило меня к этому решению. Этот генерал после своего пленения симулировал болезнь, и из-за некоторых предоставленных ему поблажек смог совершить побег, вопреки гарантии, которую я получил на основании его слова чести, данного Вам, Маршал.

Сейчас он решил сражаться не только с Германией, на службе англосаксонских наций, но и против собственной страны.

В дополнение я могу сообщить Вам, Маршал, что действия германских войск не направлены ни против Вас, главы государства и почтенного командующего храбрыми французскими солдатами в последнюю войну, ни против французов, которые жаждут мира и которые более всего боятся, чтобы их страна не стала снова театром войны.

Одновременно с этим я хочу уверить Вас, что ввод союзных сил во Францию не направлен против французских войск и что я сохраняю надежду на то, что мы будем плечом к плечу защищать Европу, равно как и африканские владения Франции против коалиции англосаксонских сил.

Наконец, ввод союзных сил не направлен против французских властей, которые, я надеюсь, продолжат свою работу, как и прежде.

Единая цель наших действий состоит в том, чтобы события, развивающиеся сейчас в Северной Африке, не повторились на побережье Франции.

Эти предосторожности я предпринимаю из чувства ответственности не только перед моим народом, но и перед всей Европой, поскольку вхождение этого континента в новую войну означает разрушение всех европейских наций и особенно европейской культуры.

Помимо этого, разрешите мне уверить Вас, Маршал, что как только ситуация в Средиземноморье улучшится, то есть, исчезнет угроза интересам Германской империи в прибрежной Франции, я немедленно верну войска за демаркационную линию.

Наконец, я также хотел бы уверить Вас, Маршал, что вы и ваше правительство можете передвигаться по всей Франции безо всяких ограничений.

Фактически, я заявил, что против переезда французского правительства в Версаль только из опасения, что вражеская пропаганда пустит утку, что Вы, Маршал, и ваше правительство лишены свободы и, следовательно, не можете исполнять свои функции в этих обстоятельствах.

Исходя из того, что вследствие вышеизложенных обстоятельств Империя и Италия ради безопасности своих интересов, оговоренных в условиях перемирия, вынуждены противостоять угрозе, исходящей от англосаксонских наций, и вследствие отмены границы между Империей и Францией, причины для дальнейшего местонахождения правительства в Виши больше не существует.

Поэтому я взял на себя смелость воспользоваться моментом и связаться с Вами по поводу отмены статьи, которая была в силе со времени подписания перемирия.

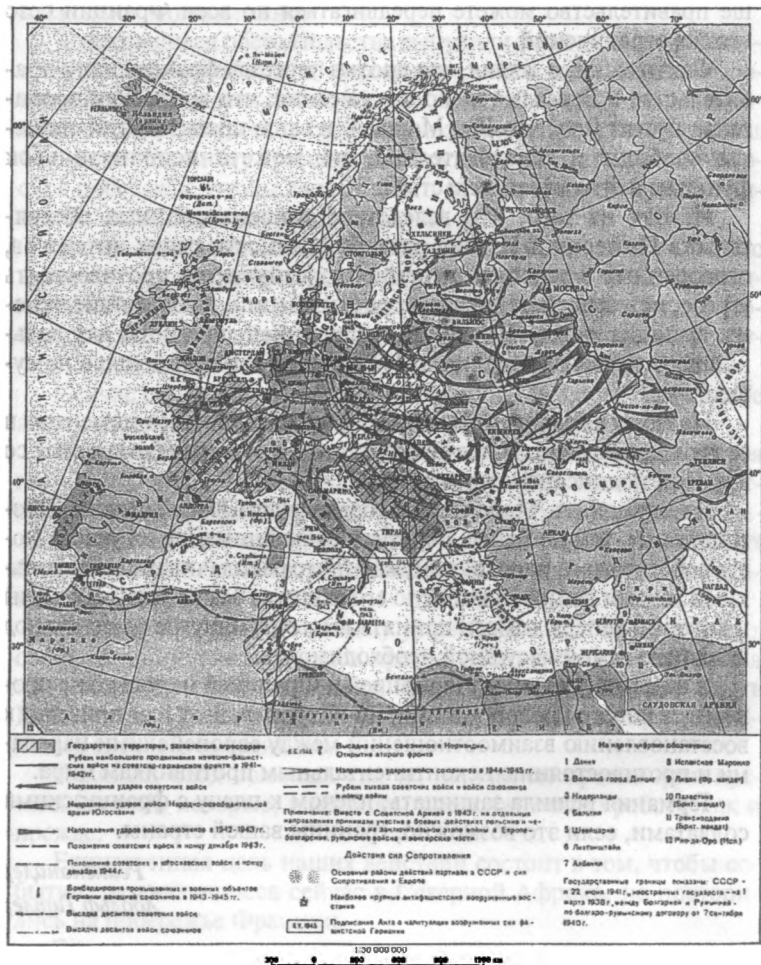
Я могу понять, Маршал, как горька участь вашей страны. Позвольте мне, тем не менее, обратить Ваше внимание на участь моего собственного народа, вынужденного расплачиваться несколькими годами войны, в которую его втянули безо всякой его вины и который теперь должен принять вышеупомянутое решение под влиянием самой насущной необходимости.

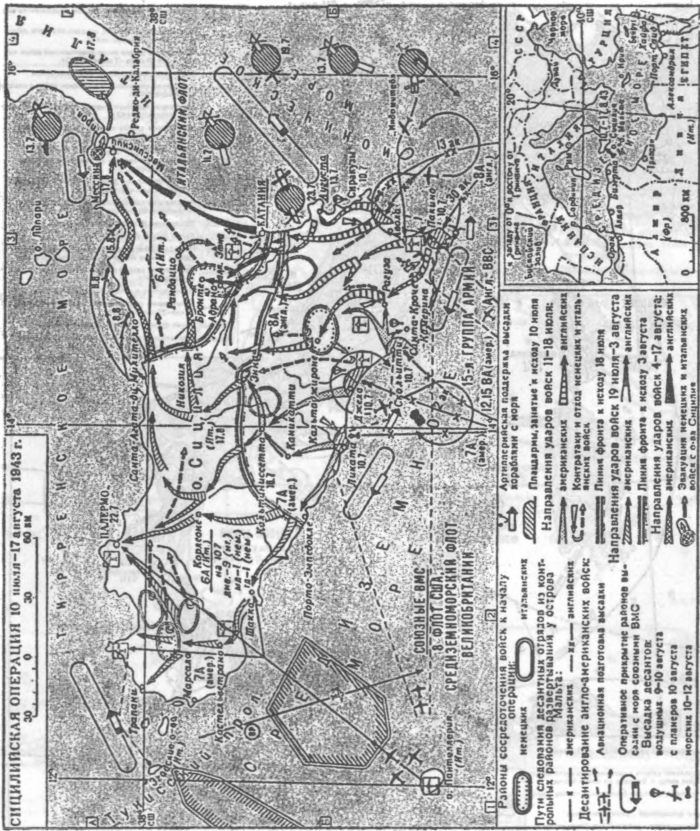
Я надеюсь, что между Германией и Францией не только не произойдет нового кровопролития, но напротив, этот шаг приведет к восстановлению взаимоотношений между европейскими народами и противостоянию неконтинентальным противникам мира.

Германия решила защищать, плечом к плечу с французскими солдатами, если это возможно, границы вашей страны.

*Рейхсканцлер
Адольф Гитлер*

Военные действия сил антигитлеровской коалиции в Европе и Северной Африке 1942—1945

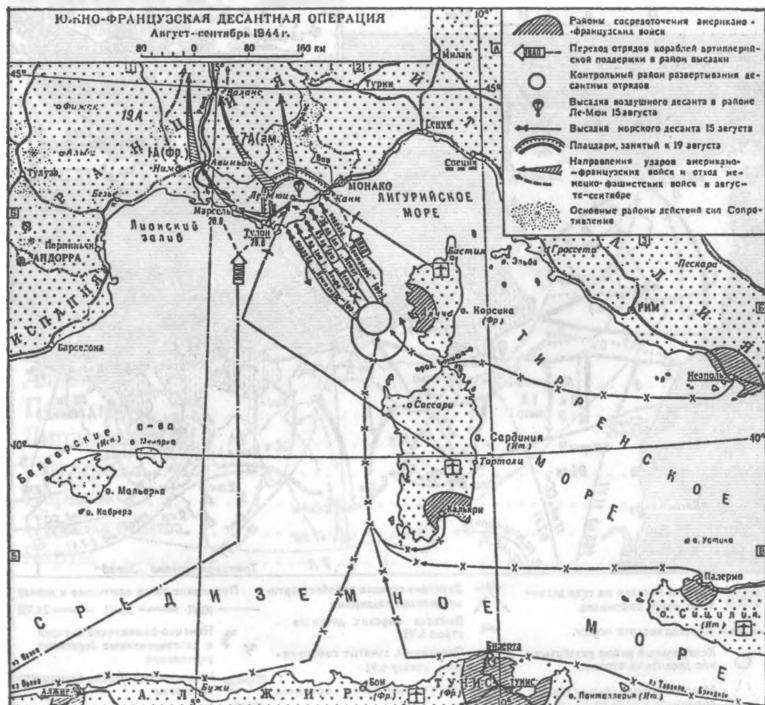

Сицилийская операция 10 июля — 17 августа 1943

Южно-Французская десантная операция август – сентябрь 1944 г.

Содержание

От издательства	3
Интермедия	5
Трагедия	49
Комедия	80
Алжир	115
Политика	165
Дипломатия	208
Сражение	270
Париж	317
Документы	353
Интермедия	354
Трагедия	427
Комедия	473
Алжир	533
Политика	600
Дипломатия	659
Сражение	746
Париж	789
Приложения	807
Карты	810

ISBN 5-17-016113-1

Научно-популярное издание

Шарль де Голль

Военные мемуары

Единство

1942–1944

Заведующий редакцией *О. В. Сухарева*
Ответственный редактор *Е. Р. Секачева*
Технический редактор *И. С. Круглова*
Корректоры *И. Н. Мокина* и *Л. В. Савельева*
Компьютерная верстка *М. А. Варганова*

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, д. 81

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский р-н,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

ЕДИНСТВО 1942-1944

Во втором томе мемуаров де Голля значительное место уделяется взаимоотношениям Французского комитета национального освобождения с союзниками по антигитлеровской коалиции — СССР, США и Англией. В книге представлен обширный фактический и документальный материал, представляющий большой интерес для интересующихся политической историей Франции в период Второй мировой войны.

Благодаря усилиям де Голля поверженная Франция вошла в число стран-победительниц во Второй мировой войне и стала одной из пяти великих держав в послевоенном мире. Де Голль много писал о необходимости военного и дипломатического взаимодействия СССР и Франции и приложил немало усилий для укрепления советско-французских связей. Руководствуясь опытом исторического развития Европы, он заявлял, что для обеих стран безопасность всегда была связана с объединением их военно-политических интересов.